КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

Колич. предыд. выдач

Зак. 1351

Дорогой памяти наставниковъ

ТИМОФЕЯ НИКОЛАЕВИЧА ГРАНОВСКАГО

и

СЕРГѢЯ МИХАЙЛОВИЧА СОЛОВЬЕВА

сію часть своего труда посвящаетъ

Признательный авторъ.

ИСТОРІЯ РОССІИ.

Соч. Д. ИЛОВАЙСКАГО.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВЛАДИМІРСКІЙ ПЕРІОДЪ.

МОСКВА.
Типографія П. Лебедева, Газетный пер., д. Корзинкина.
1880.

XI.

КІЕВЪ. ПОРОСЬЕ И ПОЛѢСЬЕ.

Характеръ области Полянъ.—Положеніе и части Кіева. Верхній городъ.— Св. Софія. — Ея стиль, мозаики и фрески. — Золотыя ворота. — Десятинная церковь. Михайловскій монастырь и другіе храмы Верхняго города. Окрестные монастыри. Берестово и другіе княжіе дворы.—Подолъ.— Населеніе Кіева.—Города Кіевской земли.—Поросье и Черные Клобуки.— Населеніе и города Полѣсья.

Почти четыре первые вѣка нашей исторіи Кіевъ съ его областью служилъ средоточіемъ политической жизни Русскаго народа. Эта область собственно и называлась *Русскою землею;* ибо населявшее ее Полянское племя считалось Русью по преимуществу.

Кіевская или Полянская область занимала выгодное положеніе въ торговомъ и политическомъ отношеніи. Она лежала въ странѣ довольно плодородной, обильной текучими водами и лѣсомъ. Многоводный Днѣпръ представлялъ Русскому племени широкую дорогу на сѣверъ и на югъ; а судоходные притоки его, Припеть и Десна, открывали удобные пути на востокъ и на западъ какъ для торговыхъ сношеній, такъ и для военныхъ потребностей. Ни естественные, ни политическіе предѣлы Кіевской земли никогда не были строго опредѣлены. Если взять ихъ въ обширномъ объемѣ, то на сѣверѣ эти предѣлы терялись въ болотахъ и пущахъ Припятскаго Полѣсья, а на югѣ въ степныхъ пространствахъ, почти достигавшихъ до порожистой части Днѣпра; на западѣ они приблизительно простирались до рѣкъ Горыни и Случи, и такимъ образомъ захватывали часть собственно Волынской земли. Только на востокѣ Днѣпръ служилъ опредѣленною естественною гранью Кіевской области, если не считать небольшую лѣвобережную полосу, принадлежавшую Кіевскимъ князьямъ, и обширную Переяславскую область, которая въ поли-

тическомъ отношеніи составляла такую же удѣльную часть Кіевскаго княженія какъ и все Припятское Полѣсье.

Полянская Русь или Кіевская земля въ тѣсномъ смыслѣ обнимала западное Поднѣпровье, ограниченное притоками Днѣпра, Тетеревомъ на сѣверѣ и Росью на югѣ. Небольшая, но историческая рѣка Стугна, текущая въ довольно глубокой ложбинѣ, дѣлитъ означенную полосу на двѣ части, нѣсколько отличныя по характеру своей природы. Сѣверная или собственно Кіевская половина имѣетъ поверхность слегка взволнованную, орошенную множествомъ рѣчекъ и ручьевъ, направляющихся къ Днѣпру. Съ одной стороны ее наполняютъ холмы, отдѣляющіеся отъ высокаго Днѣпровскаго берега; съ другой сюда достигаютъ невысокія вѣтви Карпатскихъ отроговъ. Нѣкоторыя рѣки, особенно Тетеревъ, въ своемъ среднемъ и верхнемъ теченіи, прорывая эти отроги, обнажаютъ гранитныя породы и нерѣдко имѣютъ скалистые берега. Вообще черноземная почва, мѣстами перемѣшанная съ пескомъ, представляла прекрасныя пажити и обиловала дубовыми, липовыми и березовыми рощами. Только въ сѣверномъ углу этой области за Ирпенью на нижнемъ теченіи Тетерева и его притока Здвижи залегаетъ низменная полоса съ болотистою песчаноглинистою почвою и сосновымъ лѣсомъ; это уже начало Полѣсья. Пространство къ югу отъ Стугны, извѣстное въ тѣ времена подъ именемъ *Поросья*, образуетъ довольно возвышенную черноземную равнину, кое гдѣ пересѣченную оврагами и рытвинами. Эта полоса имѣетъ полустепной характеръ и обилуетъ тучными пастбищами. Только приближаясь къ берегамъ Роси, поверхность получаетъ неровное, холмистое очертаніе. Сюда достигаетъ одинъ изъ Карпатскихъ отроговъ, который служитъ водораздѣломъ между притоками Днѣпра и Буга; возвышенныя плоскости, пересѣченныя долинами и оврагами, наполняютъ этотъ водораздѣлъ. Рось, особенно въ среднемъ своемъ теченіи, довольно глубоко прорѣзываетъ залегающій подъ почвою гранитный кряжъ, и потому обилуетъ порогами и скалами. Ея холмистыя прибрежья имѣютъ цвѣтущій видъ, благодаря зеленымъ лугамъ и дубровамъ, преимущественно грабовымъ. Безспорно, это одна изъ красивѣйшихъ рѣкъ южной Россіи. Очевидно, она была любимою рѣкою Русскаго племени, которое не даромъ носило съ нею одно и тоже имя.

Почти насупротивъ устья Десны, между ложбинами двухъ рѣчекъ, Лыбеди и Почайны, высокій правый берегъ Днѣпра круто упирается въ его русло. Глубокіе яруги и удолья, когда-то прорытые водными потоками, изрѣзали этотъ песчано-глинистый берегъ въ различныхъ направленіяхъ, и образовали тѣ знаменитыя горы, на которыхъ раскинулся древній Кіевъ съ его предмѣстьями и монастырями. Онъ состоялъ изъ двухъ главныхъ частей: Верхняго или собственно Кіева и Нижняго или Подола. Послѣдній расположился у подошвы Кіевскихъ горъ на низменной береговой полосѣ вдоль устья Почайны, которое въ тѣ времена представляло заливъ Днѣпра, отдѣленный отъ него длинною узкою косою и въ лѣтописи называется иногда просто Ручай. Подолъ былъ собственно Кіевская пристань, населенная торговымъ промышленнымъ людомъ. Онъ пересѣкается рѣчкою Глубочицею, стекающею съ береговыхъ высотъ въ Ручай. Далѣе за Подоломъ лежало низменное, болотистое, поросшее кустарникомъ пространство, носившее названіе Оболонья; по немъ протекалъ другой притокъ Почайны, рѣчка Сѣтомль. Крутой подъемъ, извѣстный подъ именемъ Боричева взвоза, велъ съ Подола въ Верхній городъ, построенный на самой значительной изъ береговыхъ горъ. Средоточіе и древнѣйшую часть его составляла та передовая возвышенность, на которой стояли храмы Десятинный и св. Василія съ находившимся тутъ же княжимъ каменнымъ теремомъ. Эта часть, обведенная особою стѣною, именуется *Старый Кіевъ;* ее можно назвать Кіевскимъ акрополемъ. Ярославъ распространилъ Верхній городъ, присоединивъ къ нему плоскую заднюю возвышенность, отдѣленную небольшимъ оврагомъ. Онъ воздвигъ здѣсь, на мѣстѣ славной битвы съ Печенѣгами, знаменитый соборъ св. Софіи; почему и вся эта наиболѣе просторная часть города называлась *Софійскою.* Въ составъ Верхняго города потомъ вошелъ и южный отрогъ передовой или Старокіевской возвышенности, на которомъ красовался златоверхій Михайловскій монастырь; такъ что часть эта можетъ быть названа *Михайловскою.* Небольшое удолье, отдѣляющее ее отъ стараго Кіева, составляло верхній конецъ Боричева увоза. Итакъ Верхній городъ образовался постепенно изъ трехъ частей, Старокіевской, Софійской и Михайловской, обведенныхъ од-

ною общею стѣною, или собственно валомъ, который состоялъ изъ городней, т. е. деревянныхъ срубовъ, засыпанныхъ землею. Съ трехъ сторонъ положеніе города было довольно крѣпкое: съ южной его ограничивало взгорье Крещатицкой долины; здѣсь въ городской стѣнѣ находились такъ наз. Лядскія ворота; съ сѣверной прилегала мѣстность весьма пересѣченная оврагами и отдѣльными холмами, между которыми текла рѣчка Глубочица съ своимъ притокомъ Кіянкою. Одна изъ возвышенностей въ той сторонѣ носила названіе горы Щековицы; а примыкающій къ ней холмъ извѣстенъ въ древности подъ именемъ Олеговой могилы. Между крутобережьями Кіянки защемлено было сѣверное предмѣстье Кожемяки, получившее свое имя конечно отъ кожевниковъ. На той же сторонѣ, выше Кожемякъ, находился и такъ наз. «Копыревъ конецъ». Изъ этого конца вели въ городъ Жидовскія ворота; такое названіе заставляетъ предполагать, что прилегавшая къ нимъ часть города или вѣроятнѣе предмѣстья была заселена Евреями. Съ восточной стороны Верхній городъ круто спускался къ Подолу. Только съ противной ему, четвертой, стороны онъ имѣлъ отлогіе песчаные спуски къ сосѣдней равнинѣ; тутъ въ городскомъ валу находились знаменитыя Золотыя ворота.

Къ югу отъ города за Крещатицкой долиной шелъ густой боръ («перевѣсище» лѣтописи). Днѣпровскій берегъ на этой южной сторонѣ города круто и обрывисто упирается въ рѣку. Самая возвышенная часть берега носила названіе Угорья или Угорскаго; небольшой холмъ, уступомъ спускающійся отъ него къ рѣкѣ и увѣнчанный храмомъ св. Николая, извѣстенъ подъ именемъ Аскольдовой могилы; а на верхней плоскости этого Угорья лежало загородное княжее село Берестово. Далѣе за Берестовымъ на томъ же лѣсистомъ берегу красовались храмы и зданія Печерскаго монастыря. Еще далѣе берегъ прерывается живописнымъ удольемъ Неводницкимъ, за которымъ на береговомъ уступѣ, надъ крутымъ обрывомъ, въ тѣни зеленыхъ рощъ пріютился монастырь Выдубецкій.

Владиміръ Великій и его преемники украсили Кіевъ многими каменными храмами съ помощью византійскихъ художниковъ. Первое мѣсто между ними какъ по своей славѣ, такъ по изяществу и богатству украшеній безспорно занимала св.

Софія. Общимъ видомъ и взаимными отношеніями частей этотъ храмъ мало напоминаетъ соименную ему великую Софію Цареградскую. Онъ принадлежитъ уже другой эпохѣ византійскаго храмоваго зодчества, той эпохѣ, когда продолговатая римская базилика укоротилась на столько, что приблизилась къ квадрату, имѣющему въ основаніи своемъ равносторонній греческій крестъ; восточная стѣна вмѣсто одного абсида представляла большею частію три алтарныя полукружія; шаровидный куполъ, вѣнчавшій зданіе и покоившійся на низкихъ просвѣтахъ, сдѣлался болѣе выпуклымъ, съузился въ своемъ основаніи и сталъ возводиться на высокомъ цилиндрѣ; а вокругъ него начала располагаться цѣлая система другихъ такихъ же куполовъ только меньшаго размѣра. Самымъ обычнымъ числомъ ихъ сдѣлалось пять, то есть главный по срединѣ и четыре на концахъ основнаго равносторонняго креста.

Кіевская Софія въ основаніи своемъ представляла именно квадратъ, нѣсколько удлиненный съ восточной стороны пятью алтарными полукружіями, между которыми главное помѣщается конечно въ срединѣ. Но притворы или портики, окружившіе храмъ съ трехъ другихъ сторонъ, измѣнили его основной видъ, давая преобладаніе ширинѣ всего сооруженія надъ его длиною. Съ западной стороны оно имѣло одинъ притворъ или паперть (нартексъ); а съ сѣверной и южной кромѣ таковой же наружной паперти, были тройные внутренніе портики. На колоннахъ и аркахъ наружныхъ портиковъ утверждена была открытая галлерея, которая съ трехъ сторонъ окружала верхнюю часть зданія. Храмъ былъ увѣнчанъ тринадцатью сферическими верхами или куполами: надъ срединой зданія, на четырехъ основныхъ аркахъ возвышался главный, обширный куполъ; а по сторонамъ его располагались двѣнадцать малыхъ куполовъ; они были обиты свинцомъ. Эта свинцовая кровля плотно облегала куполы, арки и своды зданія или такъ наз. комары, и потому представляла не прямолинейные скаты, а игривыя волнообразныя линіи, уступами понижавшіяся отъ срединнаго или большаго купола. Кромѣ того на западной сторонѣ храма по бокамъ главной двери, но не въ равномъ отъ нея разстояніи, возвышались двѣ круглыя башни или вежи, и внутри каждой изъ нихъ вокругъ каменнаго столба извивалась спиральная лѣстница, ведущая на хоры или полати храма, а также на упомянутую выше открытую галлерею.

Храмъ заключалъ въ себѣ средній нефъ и по бокамъ его по три внутреннихъ портика, полусвѣтлыхъ, обставленныхъ массивными арками. На этихъ аркахъ покоились хоры или верхняя внутренняя галлерея, обнимающая три стороны, сѣверную, западную и южную. Эти хоры или полати имѣли тоже назначеніе какъ и въ греческихъ храмахъ, то есть служили гинекеемъ или женскимъ отдѣленіемъ—черта, заимствованная отъ Грековъ съ принятіемъ христіанской религіи и храмоваго зодчества. Кромѣ того на хорахъ помѣщались особыя камеры или кладовыя для храненія церковнаго и отчасти княжаго имущества, а также соборной библіотеки и архива, т. е. рукописныхъ книгъ и грамотъ, договорныхъ, дарственныхъ, духовныхъ и пр.

Вся передняя половина главнаго нефа или его алтарная и предъалтарная части были изукрашены роскошною мозаикой. Греческіе храмы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и русскіе, въ то время еще не имѣли иконостасовъ, совершенно закрывающихъ алтарь отъ взоровъ молящихся. Алтарная преграда состояла изъ ряда мраморныхъ колонокъ съ перекладиной или архитравомъ на верху и мраморными плитами между колонками внизу. Эта невысокая преграда не препятствовала народу созерцать изображенія алтарнаго свода; а когда бывала отдернута облегавшая ее завѣса, то весь алтарь былъ видимъ молящимся. Отсюда понятно усердіе къ нему храмоздателя, не щадившаго издержекъ на такое дорогое украшеніе, какимъ была на Руси греческая мозаика или по древнему нашему выраженію *мусія;* такъ назывались священныя стѣнныя изображенія, составленныя изъ мелкихъ камешковъ, которые получались преимущественно изъ стеклянной разноцвѣтной массы, разбитой на кусочки. Надъ горнимъ мѣстомъ, на самомъ полусводѣ алтаря, на золотомъ мозаичномъ же полѣ, возвышается величественное изображеніе Божіей Матери, которой былъ посвященъ этотъ алтарь и которая здѣсь олицетворяла собственно св. Софію или премудрость Божію. Святая Дѣва представлена стоящею съ воздѣтыми къ верху руками, то есть въ молитвенномъ положеніи; на ней голубой хитонъ, охваченный узкимъ червленымъ поясомъ, изъ-за котораго спущенъ бѣлый убрусъ. Широкій золотистый покровъ осѣняетъ ея голову, рамена и спускается на обѣ стороны до колѣнъ.

Это художественное изображеніе, составляющее главное украшеніе Софійскаго храма, сохранилось въ теченіе вѣковъ, посреди всѣхъ опустошеній, постигшихъ храмъ, и получило въ народѣ названіе *Нерушимой стѣны*. Подъ нею во всю ширину алтарнаго полукружія идетъ мозаичное изображеніе Тайной Вечери. Посрединѣ надъ горнимъ мѣстомъ представлена священная трапеза съ утвержденной на ней шатровой сѣнью. Съ каждой ея стороны Христосъ: обращенный ликомъ въ правую (отъ зрителя) сторону, Онъ преподаетъ чашу шести другъ за другомъ стоящимъ апостоламъ; а обращенный въ лѣвую преподаетъ хлѣбъ остальнымъ шести апостоламъ. Далѣе внизу, подъ этимъ рядомъ апостоловъ слѣдуетъ такой же мозаичный рядъ святителей первыхъ вѣковъ христіанства, каковы: Николай, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Климентъ папа Римскій и др. Ихъ имена, какъ и всѣ надписи кіевософійскихъ мозаикъ, начертаны темными мозаичными буквами на греческомъ языкѣ. На уступѣ, который отдѣляетъ Нерушимую стѣну отъ верхней части алтарнаго полусвода, помѣщено въ трехъ кругахъ поясное изображеніе Деисуса, т. е. Спасителя, имѣющаго по правую сторону отъ себя Божію Матерь, а по лѣвую Предтечу. Предъалтарная мозаика представляетъ, во первыхъ, Благовѣщеніе, раздѣленное на двѣ части: на правой сторонѣ алтарной арки Св. Дѣва съ веретеномъ и клубкомъ нитокъ въ рукахъ; а на лѣвой архангелъ Гавріилъ. Далѣе на четырехъ аркахъ главнаго купола изображены сорокъ мучениковъ, по десяти на каждой; въ четырехъ треугольникахъ (парусахъ), заключенныхъ между дугами этихъ арокъ, четыре евангелиста; а въ самомъ куполѣ помѣщено колоссальное изображеніе Спасителя, окруженное ангелами и апостолами, послѣдніе въ простѣнкахъ оконъ.

Вся остальная внутренность храма была въ изобиліи расписана фресковою живописью: боковыя алтарныя полукружія, стѣны, арки, столбы и своды покрыты какъ изображеніями разныхъ событій изъ Священной исторіи, такъ и отдѣльными фигурами Христа, Богородицы, отцовъ церкви и мучениковъ. По своему рисунку эти фрески не отличались отъ упомянутыхъ мозаическихъ изображеній, и представляли строгія, сухія фигуры чистаго византійскаго стиля. Фресковое расписаніе Кіевской Софіи не ограничивалось самимъ храмомъ, а

распространялось и на внутренность двухъ упомянутыхъ башень или вежъ. Но здѣсь оно уже не имѣло церковнаго или священнаго характера; а усвоило себѣ стиль и содержаніе живописи свѣтской. Стѣны башень и массивные столбы, около которыхъ идутъ витыя лѣстницы, покрыты изображеніями разнообразныхъ сценъ изъ быта византійско-царскаго и русско-княжескаго. Охота за дикими животными, фантастическіе звѣри и птицы, ипподромъ, скоморохи, музыканты, акробаты, а также судъ и расправа—вотъ содержаніе этихъ довольно загадочныхъ изображеній. Византійскіе художники вѣроятно слѣдовали здѣсь обычному въ ихъ отечествѣ расписанію царственныхъ чертоговъ. А еще вѣроятнѣе, что всѣ эти лѣстничныя картины разныхъ забавъ и времяпровожденія свѣтскихъ владыкъ имѣли аллегорическую задачу: напоминать скоропреходящее значеніе земныхъ благъ, земной власти и всю суету сего міра въ сравненіи съ вѣчною жизнію и съ незыблемымъ значеніемъ церкви; такъ какъ мимо этихъ картинъ всходили на хоры, откуда тотчасъ открывалась Нерушимая стѣна и вся внутренняя красота храма.

По обычаю того времени каждый значительный князь желалъ по смерти своей покоиться въ храмѣ собственнаго сооруженія или въ «отнемъ», т. е. сооруженія отцовскаго. Въ лѣвомъ внутреннемъ притворѣ Софійскаго собора поставлена гробница великаго князя Ярослава, сдѣланная въ большомъ размѣрѣ изъ бѣлаго мрамора на подобіе царскихъ саркофаговъ Византіи. Стѣны и двускатная крыша гробницы украшены изваяніями крестовъ, деревьевъ, птицъ и рыбъ. Кромѣ Ярослава у св. Софіи въ такихъ же мраморныхъ гробахъ покоился прахъ его любимаго сына Всеволода и двухъ сыновей послѣдняго, т. е. Ростислава и Владиміра Мономаха. Мраморъ для нихъ, равно для колоннъ и другихъ украшеній привозился издалека, преимущественно изъ окрестностей Константинополя, съ острововъ Мраморнаго моря. А самый храмъ св. Софіи, какъ и прочія каменныя сооруженія древняго Кіева, построенъ изъ кирпича, имѣющаго видъ почти квадратной плиты. Но что придавало особую крѣпость такимъ сооруженіямъ, это слой отличнаго цемента, своей толщиной и прочностью превосходящій самые кирпичи. Карнизы, охватывающіе червлеными лентами верхнія части зданія, дѣлались изъ краснаго

шифера. Вмѣстѣ съ другими цвѣтными камнями онъ употреблялся и для мозаичнаго церковнаго помоста.

Вблизи св. Софіи расположены были два монастыря, построенные тѣмъ же Ярославомъ-Георгіемъ: одинъ посвященъ его ангелу, т. е. Георгію, а другой св. Иринѣ; полагаютъ, что послѣдній названъ такъ въ честь супруги великаго князя. Около этихъ двухъ монастырей находились Золотыя ворота, устроенныя тѣмъ же Ярославомъ. Онѣ представляли глубокую арку съ желѣзными, украшенными позолотою, воротами; надъ аркой возвышалась башня съ устроеннымъ внутри ея храмомъ Благовѣщенія. Оврагъ и валъ, служившіе прежде защитою Стараго Кіева съ западной стороны, все еще отдѣляли его отъ Софійской части Верхняго города. Большой мостъ, перекинутый черезъ этотъ оврагъ, служилъ главнымъ соединеніемъ обѣихъ частей—тотъ самый мостъ, который въ 1147 году задержалъ Владиміра Мстиславича, поскакавшаго къ Ѳедорову монастырю на помощь несчастному Игорю Ольговичу. Ѳедоровъ монастырь, заключавшій въ себѣ прахъ своего основателя Мстислава—Ѳеодора Владиміровича и двухъ его знаменитыхъ сыновей, Изяслава и Ростислава, помѣщался тутъ же около моста по правую сторону; а по лѣвую находилась площадь, называвшаяся Бабинъ Торжокъ, за которою далѣе красовался Десятинный храмъ Богородицы. Послѣдній изяществомъ и богатствомъ украшеній соперничалъ съ св. Софіей, а размѣрами даже превосходилъ ее. Онъ былъ нѣсколько уже, но гораздо продолговатѣе Софійской церкви. Съ восточной стороны онъ имѣлъ три полукружія съ сильно выступающимъ впередъ среднимъ или главнымъ абсидомъ, который заключалъ въ себѣ алтарь; а два боковыя назначались для жертвенника и дьяконика. Съ трехъ другихъ сторонъ храмъ окружали портики или паперти. Внутри онъ также былъ изукрашенъ фресками и отчасти мозаикой. Кромѣ богатыхъ мраморныхъ саркофаговъ самого храмоздателя Владиміра Великаго и его супруги Анны, стоявшихъ посреди храма, въ притворѣ его находились еще гробницы Изяслава Ярославича и нѣкоторыхъ другихъ князей. Площадь, лежавшая по одной сторонѣ Десятинной церкви въ сѣверномъ углу Стараго города, была украшена тѣми двумя мѣдными статуями и четырьмя конями, которые Владиміръ привезъ изъ Кор-

суня. Въ противуположномъ, т. е. южномъ, углу Стараго Кіева надъ самымъ Борпчевымъ увозомъ возвышалось другое сооруженіе Владиміра Великаго, храмъ св. Василія, посвященный его ангелу. Этотъ храмъ основанъ на томъ холмѣ, на которомъ стоялъ прежде идолъ Перуна, подлѣ великокняжескаго терема, и очевидно имѣлъ значеніе дворцовой церкви. Ярославъ и его преемники распространили теремъ новыми постройками; онъ вѣроятно и былъ то, что въ лѣтописи называется «Великимъ дворомъ Ярославовымъ». Относительно обширности этого двора можно судить потому, что на немъ собиралось иногда цѣлое войско, задавались пиры народу и устроивалась конская потѣха, какъ это мы видѣли въ исторіи Изяслава II. (Впрочемъ тутъ, можетъ быть, подразумѣвалась и наружная площадь передъ теремомъ). Кромѣ Θеодорова монастыря, въ Старомъ городѣ помѣщался мужской монастырь Андреевскій, основанный Всеволодомъ Ярославичемъ. Онъ назывался также Янчинъ, потому что дочь Всеволода, извѣстная Янка, устроила при немъ и женскую обитель, въ которой сама была настоятельницею. Въ Старомъ городѣ, какъ надобно полагать, находилась и каменная церковь, основанная сыномъ Мономаха Мстиславомъ въ честь Богородицы Пирогощей; икона ея, если вѣрить преданію, написанная евангелистомъ Лукою, была привезена изъ Царяграда какимъ-то купцомъ Пирогостомъ. Она почиталась чудотворною. «Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святѣй Богородицѣ Пирогощей»—говоритъ Слово; слѣдовательно по пріѣздѣ въ Кіевъ онъ прежде всего приносилъ передъ этою иконою благодарственныя молитвы за свое освобожденіе, и вѣроятно исполнялъ обѣтъ, данный въ тяжкую годину своего плѣна или бѣгства.

Третья или Михайловская часть Верхняго города, отдѣленная отъ Стараго Кіева небольшимъ удольемъ Боричева увоза, заключала въ себѣ монастырь, основанный Святополкомъ Михаиломъ въ честь своего ангела. Главы Михайловскаго храма были покрыты золочеными бляхами; почему онъ и назывался *Златоверхимъ*. По своему архитектурному плану и тремъ алтарнымъ полукружіямъ онъ подходилъ къ Десятинному храму; а мозаичными украшеніями алтаря, особенно изображеніемъ Тайной Вечери, напоминалъ св. Софію.

Заключая въ себѣ самые великолѣпные кіевскіе храмы,

Верхній городъ былъ застроенъ преимущественно домами князей, бояръ и дружинниковъ. Кромѣ главнаго велико-княжескаго терема или Великаго двора Ярославова было много другихъ теремовъ, гдѣ проживали младшіе князья или княжія вдовы. Лѣтопись называетъ по именамъ нѣкоторые дворы, каковы бояръ: Коснячка, Чудина, Воротислава, Борислава, Путяты, Гордяты; князей: Глѣба, Мстислава, Василька и др. Между тѣмъ Нижній городъ или Подолъ по преимуществу былъ наполненъ промышленнымъ населеніемъ. Тамъ находилось самое большое Торговище или главный рынокъ. Подолье было укрѣплено деревянными стѣнами и тыномъ *(столпіемъ)*. У западныхъ его воротъ, такъ наз. Подольскихъ, лежало предмѣстье извѣстное подъ именемъ Копырева конца, лѣпившееся по взгорьямъ ручья Глубочицы. По удолью ручья Кіянки изъ Подолья поднимался къ Верхнему Кіеву (чрезъ Кожемяки) увозъ, болѣе длинный и менѣе крутой чѣмъ Боричевъ. Въ Копыревѣ концѣ находился монастырь св. Симеона, принадлежавшій роду Черниговскихъ Ольговичей; такъ какъ онъ былъ основанъ ихъ родоначальникомъ, Святославомъ Ярославичемъ, когда послѣдній занималъ великокняжескій столъ. Другой монастырь, принадлежавшій тому же роду, Кирилловскій, помѣщался далѣе за Подоломъ по дорогѣ въ Вышгородъ на лѣсистомъ взгорьѣ, которое называлось Дорогожичи. Монастырь этотъ былъ основанъ Всеволодомъ Ольговичемъ, также во время его Кіевскаго княженія. Неподалеку отъ Кириллова монастыря находился и загородный теремъ Ольговичей, извѣстный въ лѣтописи подъ именемъ Новаго двора. Мы видѣли, что Святославъ Всеволодовичъ въ 1194 году скончался на этомъ Новомъ дворѣ и былъ погребенъ въ «отней» Кирилловой обители. Судя по этимъ сооруженіямъ, Ольговичи тяготѣли болѣе къ Нижнему городу, чѣмъ къ Верхнему.

Древнерусскіе князья любили строиться, и воздвигали не одни храмы, но и терема какъ городскіе, такъ и загородные. Вокругъ Кіева было нѣсколько дворовъ, гдѣ князья проживали преимущественно въ лѣтнее время. Тутъ имъ было привольнѣе посреди разныхъ хозяйственныхъ занятій; а лѣсистыя окрестности представляли имъ всѣ удобства предаваться своей любимой забавѣ, т. е. охотѣ. Главный загородный дворъ ве-

ликокняжескій находился подлѣ сельца Берестова, посреди густаго бора, на Угорской возвышенности; почему и носилъ также названіе двора Угорскаго или Подъугорскаго. Онъ былъ любимымъ мѣстопребываніемъ еще Владиміра Великаго и его сына Ярослава. Извѣстно, что любимецъ послѣдняго, священникъ Берестовской церкви свв. Апостолъ, Иларіонъ, первый изъ русскихъ людей былъ возведенъ въ санъ Кіевскаго митрополита. Нѣсколько позднѣе встрѣчаемъ здѣсь подлѣ княжаго терема небольшой каменный храмъ Спаса Преображенія. Владиміръ Мономахъ также любилъ проживать на Берестовѣ; сюда собралъ онъ для совѣта своихъ тысяцкихъ, когда дополнилъ Русскую Правду уставомъ о рѣзахъ или процентахъ. Тутъ же въ Спасо-Преображенскомъ храмѣ погребены Юрій Долгорукій и сынъ его Глѣбъ, оба княжившіе въ Кіевѣ. Въ тѣсномъ сосѣдствѣ съ Берестовымъ устроилась знаменитая Печерская обитель съ ея изящнымъ Успенскимъ храмомъ и съ ближнимъ женскимъ монастыремъ св. Николая, въ которомъ, по преданію, постриглась мать св. Ѳеодосія. Въ то время какъ у Ольговичей былъ свой собственный загородный дворъ за Подоломъ подлѣ Кириллова монастыря, у Мономаховичей былъ свой особый родовой теремъ съ монастыремъ на холму Выдубецкомъ, то есть совершенно въ противоположной сторонѣ отъ города. Этотъ теремъ, носившій названіе Краснаго двора, принадлежалъ родоначальнику Мономаховичей, Всеволоду Ярославичу, которымъ былъ основанъ и смежный Выдубецкій монастырь св. Михаила. Извѣстно, что при Мономахѣ здѣсь былъ игуменомъ Сильвестръ, сочинитель первой русской лѣтописи или такъ наз. Повѣсти временныхъ лѣтъ. Изъ Мономаховыхъ потомковъ въ особенности благодѣтельствовалъ Выдубецкому монастырю Рюрикъ Ростиславичъ. Михайловская церковь этого монастыря сооружена надъ самымъ береговымъ обрывомъ. Днѣпровскія волны постоянно подмывали берегъ, и алтарная часть церкви грозила обрушиться вмѣстѣ съ нетвердою почвою. Рюрикъ, будучи великимъ княземъ Кіевскимъ, не пожалѣлъ издержекъ, чтобы укрѣпить каменною стѣною обрывъ, на которомъ стоялъ храмъ, и поручилъ это дѣло славному въ его время русскому зодчему Петру Милонѣгу. Сооруженіе начато въ іюнѣ 1199 года, а окончено въ сентябрѣ слѣдующаго года. Оно

было отпраздновано какъ важное событіе. Рюрикъ, съ женой, сыновьями Ростиславомъ и Владиміромъ, снохою Верхуславой и дочерью Предславой, прибылъ въ монастырь, и послѣ благодарственнаго молебна задалъ пиръ игумну Моисею со всей братіей; при чемъ щедро одѣлилъ всѣхъ подарками. Лѣтописецъ—одинъ изъ продолжателей Сильвестра — до небесъ превозноситъ Рюрика по этому случаю.

Красный дворъ служилъ любимымъ пребываніемъ Юрія Долгорукаго. Но у него былъ еще другой загородный дворъ, за Днѣпромъ, прозванный Раемъ. Надобно полагать, что послѣдній находился тамъ же, гдѣ лежалъ заднѣпрскій городокъ Юрія, иначе называвшійся Песочнымъ. Днѣпръ въ среднемъ своемъ теченіи сопровождается множествомъ отдѣляющихся отъ него рукавовъ и озеръ; по этому обилуетъ островами и заливными лугами. Особенно таковъ онъ подъ Кіевомъ. Здѣсь лѣвый берегъ представляетъ широкую низменную полосу, которая покрыта цѣлою сѣтью рукавовъ, озеръ и протоковъ. Главный рукавъ носитъ названіе Черторыя. Вешняя вода покрывала острова и сосѣднія низменности; а послѣ себя оставляла заливы и озера (напримѣръ Долобское). Эта водная Днѣпровская сѣть, умноженная еще рукавами Десны, дѣлала неудобною переправу черезъ Днѣпръ подъ самымъ городомъ; главная переправа совершалась или подъ Вышгородомъ, т. е. выше устья Десны, или ниже устья Черторыя насупротивъ Неводницкой пристани, т. е. подъ Выдубецкимъ монастыремъ. Здѣсь-то около послѣдняго устья вѣроятно и лежалъ Песочный городокъ съ княжимъ теремомъ или Раемъ, на отлогомъ песчаномъ возвышеніи, на краю обширнаго соснового бора.

Главная Кіевская пристань находилась на устьѣ Почайны, на Подолѣ. Здѣсь конечно была самая оживленная часть города, особенно весною въ полую воду, когда сверху приплывали суда, нагруженныя товарами варяжскими, а также сырыми произведеніями сѣверной и средней Россіи, преимущественно мѣхами; а снизу приспѣвали «гречники», то есть, русскіе караваны съ дорогими тканями, изящными металлическими издѣліями, южными плодами, винами и другими греческими товарами. Надобно полагать, что кромѣ разнаго рода греческихъ мастеровъ въ Кіевѣ проживали и византійскіе

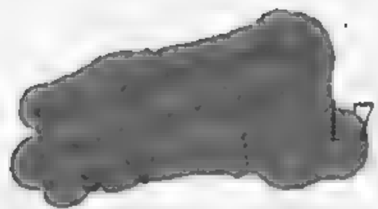
торговцы. Латинскіе гости, т. е. купцы изъ Варяговъ и Нѣмцевъ (а также западныхъ Славянъ), имѣли здѣсь не только свои особые дворы и лавки, но и собственные каменные храмы. Были тутъ и восточные торговцы, именно мусульмане изъ Камской Болгаріи и Евреи изъ Хазаріи. Можетъ быть, отъ послѣднихъ торговцевъ или отъ хазарскихъ плѣнниковъ, здѣсь поселенныхъ, одинъ уголъ Подола носитъ названіе «Козаре». Вмѣстѣ съ гречниками въ Кіевъ проникали и купцы итальянскіе, именно Генуэзцы (Фрягове) и Венеціане (Венедици), которые во время Крестовыхъ походовъ захватили въ свои руки значительную часть восточной торговли. На Подолѣ всегда можно было найти и русскихъ гостей изъ Чернигова, Смоленска, Суздаля, Галича, и пр.; но первое мѣсто между ними конечно занимали дѣятельные, предпріимчивые Новгородцы. Купцы иноземные и иногородные вели торговлю по преимуществу оптовую, т. е. имѣли дѣла съ мѣстными кіевскими торговцами.

О многочисленности населенія древнерусской столицы можно судить по слѣдующимъ извѣстіямъ. Еще въ началѣ XI вѣка Дитмаръ, епископъ Мерзебургскій замѣтилъ въ своей хроникѣ, что въ Кіевѣ болѣе четырехсотъ церквей и восемь торжищъ, а жителей несмѣтное множество. Положимъ, онъ сильно преувеличилъ число церквей (можетъ быть, тутъ ошибка: вмѣсто 400 слѣдуетъ читать 40); однако во время огромнаго пожара 1124 года, испепелившаго Подолъ и часть Верхняго города, по словамъ нашей лѣтописи, сгорѣло до 600 церквей. Впрочемъ и это число не совсѣмъ вѣроятно, хотя бы сюда и были включены всѣ малыя церкви (божницы) и часовни. Замѣчательно еще извѣстіе лѣтописца о морѣ, бывшемъ въ 1092 году. Въ короткое время, говоритъ онъ, гробовщики продали до 7,000 гробовъ. Во всякомъ случаѣ мы едвали будемъ далеки отъ истины, если предположимъ, что Кіевъ въ эпоху наибольшаго процвѣтанія, т. е. въ XII вѣкѣ, съ своими предмѣстьями вмѣщалъ въ себѣ болѣе 100,000 жителей. Какъ истые представители Поляно-Русскаго племени, Кіевляне отличались подвижнымъ, предпріимчивымъ и вмѣстѣ промышленнымъ духомъ. Но слава, пріобрѣтенная ихъ городомъ, какъ средоточіемъ великой страны, богатства, накопленныя въ немъ обширной торговлей и данями съ подвластныхъ рус-

скихъ земель, а также постоянныя распри князей за обладаніе Кіевомъ и происходившее отсюда заискиваніе народнаго расположенія—не могли не внести въ характеръ его жителей нѣкоторыхъ разслабляющихъ сторонъ и привычекъ. Своею наклонностію къ веселой и роскошной жизни, своими вспышками своеволія или неуваженія къ власти и замѣтнымъ ослабленіемъ воинственнаго духа, Кіевляне стали отчасти напоминать Византійцевъ, которымъ они во многомъ подражали, особенно въ страсти къ дорогимъ нарядамъ и украшеніямъ. Конечно, такою страстью отличалась преимущественно женская половина населенія, которая красивыми нарядами старалась еще болѣе возвысить свою природную славянскую миловидность. По словамъ одного польскаго хрониста, ничто такъ не плѣняло иноземцевъ въ Кіевѣ какъ его русоголовыя, темнобровыя женщины, блиставшія «дивною красотою лица и стана» (1).

Послѣ столицы важнѣйшими кіевскими городами или пригородами Кіева были Вышгородъ, Бѣлгородъ и Васильевъ. Къ сѣверу отъ Кіева возвышенный лѣвый берегъ отступаетъ отъ Днѣпровскаго русла и оставляетъ значительную низменную долину, отчасти поросшую лѣсомъ и кустарникомъ, отчасти образующую заливные луга. Верстахъ въ десяти отъ столицы цѣпь холмовъ снова подходитъ къ самому Днѣпру, и здѣсь-то на высокомъ берегу стоялъ крѣпкій Вышгородъ, защищавшій подступъ къ Кіеву съ сѣверной стороны. Вышгородъ составлялъ иногда особый удѣлъ; но кіевскіе князья отдавали его обыкновенно сыну или другому близкому родственнику. Онъ имѣлъ для древней Россіи и важное религіозное значеніе; такъ какъ здѣсь стоялъ богатый каменный храмъ съ мощами князей-мучениковъ Бориса и Глѣба, куда приходили богомольцы изъ разныхъ краевъ Россіи. Бѣлгородъ представлялъ твердыню, воздвигнутую на правомъ берегу Ирпени на значительной крутизнѣ, верстахъ въ двадцати съ небольшимъ отъ Кіева. Онъ былъ охраною Кіева съ западной стороны, т. е. со стороны Волыни. А Васильевъ былъ расположенъ на лѣвомъ берегу Стугны, отъ Кіева около сорока верстъ. Берегъ покрытъ невысокими холмами; но городъ, судя по остаткамъ насыпей, былъ укрѣпленъ двойными или тройными валами, и служилъ для Кіева надежною защитою съ южной стороны. Пространство, заключенное между

этими главными пригородами и самымъ Кіевомъ, кипѣло густымъ зажиточнымъ населеніемъ. Здѣсь было разсѣяно много селъ и менѣе значительныхъ городовъ, каковы: Звенигородъ (памятный ослѣпленіемъ Василька Ростиславича), Здвиженъ, Пересѣченъ и др. За Стугной вдоль ея теченія тянулся валъ, издавна насыпанный для обороны собственно Кіевской области отъ внезапныхъ набѣговъ степныхъ варваровъ. Здѣсь начиналось такъ наз. Поросье или южная половина Кіевской области. За этимъ валомъ насупротивъ города Васильева лежало поле Перепетово, названное такъ по своимъ двумъ великимъ могильнымъ курганамъ, изъ которыхъ одинъ носилъ имя Перепетова, а другой Перепетовки. У конца вала за устьемъ Стугны стоялъ на берегу Днѣпра городъ Треполь. Ниже Треполя на высокомъ береговомъ холму расположенъ былъ древній Витичевъ, съ пристанью внизу; эта пристань служила первою стоянкой торговыхъ каравановъ, отправлявшихся изъ Кіева въ Грецію. Въ XI вѣкѣ городъ запустѣлъ, вѣроятно разоренный варварами; но въ 1095 году онъ возобновленъ подъ именемъ Святополча; великій князь Святополкъ Михаилъ перевелъ сюда жителей Юрьева, сожженнаго Половцами. Подъ Витичевымъ находилась и переправа или, какъ тогда говорилось, «бродъ» черезъ Днѣпръ на Переяславскую сторону. Но главная переправа на пути изъ Кіева въ Переяславль производилась нѣсколько ниже, около городка Заруба, расположеннаго напротивъ устья Трубежа и извѣстнаго своимъ пещернымъ монастыремъ, изъ котораго вышелъ митрополитъ Климентъ Смолятичъ. Подлѣ него находился такъ наз. Варяжскій островъ. Еще ниже на Днѣпрѣ около устья Роси стоялъ городъ Каневъ среди весьма холмистой мѣстности. Это была послѣдняя кіевская крѣпость на правой сторонѣ Днѣпра. Каневъ возникъ повидимому на томъ же мѣстѣ, гдѣ упоминается городъ Родня, подъ которымъ рѣшилась борьба Ярополка съ Владиміромъ въ 980 году. Отсюда шли рядъ городовъ и насыпные валы вверхъ по Роси: она послѣ Стугны представляла вторую укрѣпленную кіевскую линію. Замѣчателенъ въ особенности такъ называемый «Змѣевъ валъ», который, начинаясь немного выше устья Роси, идетъ на западъ то по лѣвой, то по правой сторонѣ этой рѣки и около верхняго ея теченія заворачиваетъ на сѣ-

веро-западъ. Изъ городовъ второй укрѣпленной линіи наиболѣе замѣчателенъ Корсунь, находящійся тамъ, гдѣ Рось дѣлаетъ самый южный изгибъ. Подъ Корсунемъ эта рѣка встрѣчаетъ скалистые холмы, разбивается между ними на нѣсколько рукавовъ и протоковъ, и образуетъ пѣнистые, живописные пороги. Далѣе на Роси лежали Богуславъ и упомянутый выше Юрьевъ, хотя и сожженный Половцами, но спустя нѣсколько лѣтъ возобновленный тѣмъ же Святополкомъ Михаиломъ. Гдѣ-то около Роси на одномъ изъ ея притоковъ лежалъ и Торческъ, бывшій средоточіемъ кіевскихъ Торковъ или Черныхъ Клобуковъ ([2]).

Довольно возвышенная плоскость, простирающаяся между Стугною и Росью, а также и къ югу отъ послѣдней, приблизительно до рѣки Тясмина, своимъ полустепнымъ характеромъ и тучными пастбищами вполнѣ соотвѣтствовала потребностямъ Черныхъ Клобуковъ, которые сохраняли еще многія привычки кочевыхъ народовъ и главное богатство свое почитали въ большихъ стадахъ коней, овецъ и рогатаго скота. Они продолжали отчасти жить въ открытомъ полѣ подвижными вежами или селеніями изъ войлочныхъ кибитокъ; но имѣли и становища, огороженныя валами, куда собирали свои семьи и стада въ военное время; въ опасныхъ же случаяхъ укрывались подъ защиту русскихъ городовъ Поросья. Кромѣ Поросья кочевыя полчища Черныхъ Клобуковъ тянулись и на восточной сторонѣ Днѣпра, т. е. въ украйнахъ Переяславской и Черниговo-Сѣверской. Черные Клобуки очевидно сохраняли и обычное кочевникамъ дѣленіе по родамъ, находившимся подъ управленіемъ своихъ родовыхъ старшинъ и князьковъ. Разнообразіе именъ, подъ которыми встрѣчаются иногда эти служилые инородцы древней Руси, объясняется именно ихъ родовымъ дѣленіемъ. Кромѣ общаго имени «Черныхъ Клобуковъ» и племенныхъ названій «Печенѣги» и «Торки», встрѣчаются еще въ лѣтописяхъ названія «Берендичи», «Турпѣи», «Ковуи», «Каепичи», «Бастѣева чадь»: это собственныя имена разныхъ родовъ, большею частію дававшіяся по именамъ ихъ хановъ; впрочемъ подъ словомъ Берендичи или Берендѣи разумѣлись и вообще Торки или Черные Клобуки. Послѣднее названіе получили они отъ своего любимаго головнаго убора, высокихъ бараньихъ шапокъ чернаго цвѣта. Верхи этихъ ша-

покъ дѣлались иногда изъ какой либо цвѣтной ткани и свѣшивались на бокъ (какъ теперь у казаковъ). Ихъ смуглыя лица осѣнялись черными усами и бородою. Наиболѣе знатные носили широкіе, шелковые кафтаны персидскаго покроя.

Поселенные на южныхъ предѣлахъ Руси съ обязанностію быть ея передовыми конными стражами отъ соплеменныхъ съ ними Половцевъ, Черные Клобуки естественно подвергались неотразимому вліянію Русской народности и постепенному съ ней сліянію. Особенно это вліяніе замѣтно въ собственной Кіевской украйнѣ или на лѣвомъ Поросьѣ. Здѣсь постепенно возникаютъ городки со смѣшаннымъ населеніемъ изъ Черныхъ Клобуковъ и Руси. Ихъ родовые старшины или ханы за военныя заслуги получали иногда такіе городки въ свое державство, т. е. пользовались извѣстными съ нихъ поборами. Черные Клобуки въ большинствѣ еще сохраняли свое язычество; но при смѣшеніи съ Русью между ними стало водворяться и христіанство. Скрещеніе Руси съ этими инородцами положило начало той русско-украинской народности, которая позднѣе является въ исторіи подъ именемъ Казаковъ или Черкасъ. Послѣднее имя указываетъ еще на примѣсь Прикавказскихъ и Таврическихъ Казаръ или Черкесовъ, въ разное время селившихся на русскихъ украйнахъ, особенно во время угнетенія ихъ родины Половцами и во время паденія древнерусскаго Тмутраканскаго княжества ([3]).

Къ Кіевскому княженію причислялось обширное Припетское Полѣсье съ своими неизмѣримыми пущами и водными пространствами, которыя представляютъ остатки существовавшаго здѣсь когда-то внутренняго моря. Дремучіе влажные лѣса, безчисленныя рѣчки, озера и болота, песчаноглинистая почва—вотъ господствующія черты полѣсской природы. Клочки сухой, удобной для воздѣлыванія, земли разсѣяны здѣсь въ видѣ оазисовъ или острововъ, на которыхъ конечно и сосредоточилось рѣдкое населеніе Полѣсья. Полѣсяне, какъ показываетъ ихъ нарѣчіе, составляли вѣтвь южнорусскаго племени; въ лѣтописи они являются подъ именемъ Древлянъ. Но та часть ихъ, которая занимала область сѣверныхъ притоковъ Припети, судя по лѣтописи, носила названіе Дреговичей, и по языку своему представляла уже переходъ къ сѣверному или Кривскому племени.

Природа вполнѣ наложила свою печать на характеръ этого населенія и его исторію. Угнетенное вѣчными заботами о добываніи насущнаго пропитанія изъ своей скудной почвы, изъ своихъ озеръ и рѣкъ, затерянное посреди непроходимыхъ болотъ и пущъ, оно не могло ни достаточно развить свою гражданственность, ни выработать средоточіе для собственной государственной жизни. Поэтому Полѣсье, не смотря на свою обширность, никогда не пользовалось въ исторіи большимъ политическимъ значеніемъ. Всѣ его текучія воды собираются въ Припеть, и вмѣстѣ съ нею вливаются въ Днѣпръ, не далеко отъ Кіева. По своимъ сплавнымъ и судоходнымъ рѣкамъ, единственнымъ въ тоже время путямъ сообщенія, Полѣсяне отправляли на продажу въ Кіевское Поднѣпровье произведенія собственной лѣсной промышленности, каковы: лодки, ободья, мочало, лыко, деготь и пр., а также медъ и звѣриныя шкуры. Отсюда естественнымъ является и политическое тяготѣніе Полѣсья къ Кіеву. Мы видимъ, что до самаго паденія послѣдняго полѣсскіе города обыкновенно достаются въ удѣлъ младшимъ родичамъ великаго князя Кіевскаго. Только Черниговскіе Ольговичи менѣе другихъ стремятся въ эту лѣсную сторону и охотно уступаютъ ее Мономаховичамъ. Во второй половинѣ XII вѣка восточною частью Полѣсья, ближайшею къ Кіеву, владѣлъ извѣстный Рюрикъ Ростиславичъ; до перехода въ Кіевъ его стольнымъ городомъ былъ Вручій или О в р у ч ъ, расположенный на одномъ изъ притоковъ рѣки Ужа, на довольно возвышенной мѣстности, окруженной глубокими и крутыми оврагами. Здѣсь былъ соборный храмъ св. Василія, котораго основаніе приписывается Владиміру Великому; но можетъ быть, онъ построенъ или возобновленъ Рюрикомъ Ростиславичемъ, также носившимъ христіанское имя Василія. По развалинамъ этого изящнаго храма видно, что онъ имѣлъ пять куполовъ на десятигранныхъ шеяхъ; что своды его ради ихъ легкости и усиленія звуковъ выведены были изъ горшковъ (такъ наз. голосники), а стѣны сложены изъ тонкихъ кирпичей и мѣстнаго яркокраснаго камня, переложенныхъ толстыми слоями цемента, и что подъ троечастнымъ алтаремъ былъ ходъ въ погребальные склепы. На сохранившейся мѣстами штукатуркѣ видны прекрасныя фрески, изображающія лики святыхъ. (Находящійся подлѣ города кур-

ганъ прозванъ „Могилою Олега", того древлянскаго князя, который погибъ въ битвѣ съ своимъ братомъ Ярополкомъ подъ самымъ Овручемъ). На верхнемъ теченіи Ужа лежали города Ушескъ и разоренный Ольгою Искоростенъ. Подъ этимъ городомъ Ужъ встрѣчаетъ гряду гранитныхъ утесовъ, и съ шумомъ пробиваетъ себѣ путь между порогами. Здѣсь посреди стремнины выдаются два большіе камня съ углубленіями, вымытыми водою; преданіе дало имъ названіе „Ольгиныхъ бань". А при впаденіи Ужа въ Припеть лежитъ городъ Чернобыль. Зимой 1193 года въ окрестностяхъ Чернобыля сынъ Рюрика Ростиславича занимался ловами, когда къ нему прибыли гонцы отъ Черныхъ Клобуковъ звать въ походъ на Половцевъ. Конечно, ни одна русская область не представляла такого раздолья для княжеской охоты какъ полѣсскія трущобы, изобильныя лѣснымъ звѣремъ и всякими дикими животными, каковы въ особенности: медвѣди, вепри, зубры, лоси, рысь, волки, лисицы, куницы, бобры и пр. Раздолье для охоты, разумѣется, представлялось только въ зимнее время, когда болота и топи покрывались надежнымъ слоемъ льду. Къ Овручскому удѣлу принадлежалъ и городъ Брягинъ, подаренный Рюрикомъ Ростиславичемъ своей снохѣ Верхуславѣ Всеволодовнѣ; онъ лежалъ посреди болотъ на лѣвой сторонѣ нижней Припети.

Поднимаясь вверхъ по теченію Припети, на правомъ ея берегу находимъ важнѣйшія ея пристани, Мозырь и Туровъ. Послѣдній лежалъ въ самомъ средоточіи Полѣсья, и былъ стольнымъ городомъ древняго и довольно обширнаго Туровскаго княженія. Нѣкоторое время этотъ удѣлъ считался старшимъ послѣ Кіева; онъ переходилъ изъ рукъ въ руки, пока не утвердился за потомствомъ Святополка II Михаила. Древній Туровъ памятенъ еще своимъ епископомъ Кирилломъ, знаменитымъ церковнымъ витіей второй половины XII вѣка. Епископы туровскіе обыкновенно имѣли свое пребываніе въ загородномъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ. Къ Туровскому княжеству кромѣ Мозыря причислялись Пинскъ на Пинѣ, притокѣ Припети, и Городно, между Горынью и Стыремъ. Городенскій удѣлъ въ XII вѣкѣ выдѣлился изъ туровскихъ земель, т. е. получилъ своихъ особыхъ князей. Въ сѣверной части Туровскаго Полѣсья, или въ землѣ Дрегови-

чей, наиболѣе извѣстные удѣльные города были Клеческъ и Случескъ. Послѣдній лежалъ на Случи, важнѣйшемъ лѣвомъ притокѣ Припети, и также имѣлъ иногда особыхъ удѣльныхъ князей. Находясь на порубежьѣ съ Кривскимъ краемъ, онъ нерѣдко подвергался нападеніямъ сосѣднихъ полоцкихъ владѣтелей. А западная часть Дреговичей и Пинянъ принадлежала собственно къ Волынскому Полѣсью.

XII.

ВОЛЫНЬ И ГАЛИЧЪ.

Предѣлы Волынской земли.—Владиміръ, Луцкъ и другіе города.—Романъ Волынскій.—Галицкая земля.—Стольный городъ.—Города Подгорья и Понивья.—Ярославъ Осмомыслъ.—Боярство.—Семейные раздоры.—Владиміръ Ярославичъ и начало галицкихъ смутъ.—Вмѣшательство Угровъ.—Княженіе Романа въ Галичѣ.—Посольство папы.—Гибель Романа.—Его дѣти.—Вмѣшательство Ляховъ, Угровъ и южнорусскихъ князей въ борьбу за Галицкое наслѣдство.—Боярскія крамолы и казнь двухъ князей.—Господство Угровъ въ Галичѣ.—Изгнаніе ихъ Мстиславомъ Удалымъ.

Волынская земля занимала область верхней Припети и важнѣйшихъ правыхъ ея притоковъ, каковы Турія, Стоходъ, Стырь и Горынь. Ни характеръ природы, ни политическая исторія Волыни не даютъ ей опредѣленныхъ границъ отъ земли собственно Кіевской; лежавшіе между ними удѣлы причислялись то къ Волынскому, то къ Кіевскому княженію, смотря по теченію событій. Приблизительною границею могутъ быть назначены рѣка Горынь и ея правый притокъ Случъ; такъ какъ *Погорина* (т. е. мѣстность по Горыни) была по преимуществу спорною полосою. На западѣ Волынь граничила непосредственно съ Польскою землею, отъ которой ее отдѣляло среднее теченіе Западнаго Буга и верховья Вепря—правыхъ притоковъ Вислы. (Полоса земли между Бугомъ и Вепремъ называлась *Украйною*). На сѣверѣ Волынская земля сливалась съ Пинско-Туровскимъ Полѣсьемъ, отъ котораго ея сѣверная бо́льшая половина почти не отличалась своею природою, то-есть заключала подобныя же низменныя, болотистыя и лѣсныя пространства. Только южная полоса Волыни образуетъ довольно холмистую страну, мѣстами напоминающую близость Карпатъ, богатую текучими водами, цвѣтущими нивами и рощами лиственныхъ породъ. Въ сѣверной

низменной части лежали важнѣйшіе города Волынской земли, составлявшіе ея политическое средоточіе, именно Владиміръ и Луцкъ.

Владиміръ, стольный городъ всей Волыни, расположенъ на правомъ берегу рѣки Луга, впадающей въ Бугъ. Сохранившійся доселѣ небольшой каменный храмъ во имя св. Василія считается построеніемъ Владиміра Великаго какъ и самый городъ. Ему же приписывалось и основаніе соборнаго храма во имя Успенія Богородицы. Когда этотъ храмъ пришелъ въ ветхость, князь Мстиславъ Изяславичъ (во второй половинѣ XII в.) построилъ великолѣпный новый соборъ Успенскій, въ которомъ былъ потомъ погребенъ. Развалины этого собора и остатки стѣннаго расписанія свидѣтельствуютъ о его красотѣ и его византійскомъ стилѣ. Изъ многихъ церквей и монастырей Владимірскихъ по лѣтописи извѣстна еще церковь св. Димитрія и монастырь св. Михаила. Обширностію и красотою этотъ городъ слылъ изъ первѣйшихъ въ древней Руси. Онъ былъ хорошо укрѣпленъ, и имѣлъ двойные валы, глубокіе рвы и толстыя стѣны, хотя и деревянныя. Изъ воротъ городскихъ извѣстны по лѣтописи двое: «Гридшины» и «Кіевскіе»; послѣдніе конечно обращены были на дорогу въ Кіевъ. Внутренній городъ или кремль съ княжимъ теремомъ былъ обнесенъ особымъ валомъ и стѣною; его обтекала кругомъ рѣчка Смочъ, впадающая въ Лугъ. Одно изъ окрестныхъ селеній, называемое Зимно, вѣроятно заключало въ себѣ загородный княжій дворъ, судя по древней каменной церкви также во имя Успенія, стоящей на нѣсколько возвышенномъ, живописномъ берегу Луга. Луцкъ или Луческъ, служившій стольнымъ городомъ весьма значительнаго волынскаго удѣла, лежалъ на лѣвомъ берегу Стыря, на большомъ торговомъ пути изъ Владиміра въ Кіевъ; почему подъ городомъ черезъ Стырь былъ перекинутъ мостъ. Луцкъ является также однимъ изъ большихъ и хорошо укрѣпленныхъ городовъ древней Руси. Загородный дворъ удѣльныхъ луцкихъ князей находился въ живописномъ селеніи, называвшемся «Гай», вѣроятно отъ своихъ гаевъ или зеленыхъ рощъ; здѣсь были построены «разноличные хоромы» и церковь «красотою сіяюща», какъ выражается лѣтопись. Изъ древнѣйшихъ храмовыхъ сооруженій въ Луцкѣ можемъ ука-

зать только на Пречистенскій монастырь, основанный въ XII вѣкѣ и возвышавшійся на береговомъ обрывѣ рѣчки Глушца, тутъ же впадающей въ Стырь.

Послѣ Владиміра и Луцка между многочисленными волынскими городами наиболѣе значительные: Дорогобужъ на Горыни; Чеменинъ, Пересопница, Дубенъ и Шуменъ между Горынью и Стыремъ, т. е. въ самой срединѣ Волыни; Кременецъ, Бельзъ и Червенъ на югозападѣ или на пограничьѣ съ Галицкой землей. (Два послѣдніе принадлежали къ такъ наз. Червенскимъ городамъ и входили въ составъ то Галицкаго, то Волынскаго княженія). Берестье, Мѣльникъ и Дрогичинъ лежали на правомъ болѣе возвышенномъ берегу Западнаго Буга или на границѣ съ Поляками; Дрогичинъ въ тоже время служилъ оплотомъ отъ сосѣдняго дикаго народа Ятвяговъ. Каменецъ на Смотричѣ, притокѣ Днѣстра, Межибожье и Колодяженъ на верхнемъ теченіи Южнаго Буга—защищали Волынскій край съ юга или со стороны Половецкой степи. Въ той же сторонѣ, на верховьяхъ Случи и Буга, между Волынскимъ и Кіевскимъ краями находилась область Болоховская, съ городами Болоховъ и Деревичъ. Любопытно, что въ XII вѣкѣ мы встрѣчаемъ въ этой области особыхъ удѣльныхъ князей; повидимому они не принадлежали къ потомству Игоря Стараго или Владиміра Великаго, и были послѣдними представителями одного изъ тѣхъ туземныхъ княжескихъ родовъ, которыхъ Игорево потомство лишило власти.

Обитатели Волыни составляли южнорусскую вѣтвь, извѣстную въ лѣтописи подъ именами Бужанъ, Дулебовъ и Волынянъ. Только сѣверный уголъ ея, т. е. Пинское Полѣсье и область Ясольды, лѣваго притока Припети, заселяли Дреговичи. Въ этомъ Полѣсьѣ, хотя и скудно населенномъ, встрѣчаемъ довольное число городовъ; потребность въ укрѣпленныхъ мѣстахъ на сѣверной волынской украйнѣ вызывалась сосѣдствомъ хищныхъ Ятвяговъ и другихъ литовскихъ племенъ. Болѣе извѣстны изъ такихъ городовъ Кобринъ на Мухавцѣ, притокѣ Западнаго Буга, Бѣльскъ на одномъ изъ притоковъ Нарева и Слонимъ на Шарѣ, притокѣ Нѣмана (1).

Владиміръ Волынскій какъ удѣльное княжество впервые

встрѣчается при раздачѣ русскихъ городовъ Владиміромъ Великимъ его сыновьямъ. Этой областью владѣли обыкновенно сыновья и другіе близкіе родственники великаго князя Кіевскаго. Но почти никогда одинъ князь не обладалъ ею безраздѣльно; а долженъ былъ дѣлиться съ другими членами своего рода, что порождало безчисленныя распри и междоусобія за волости. Извѣстны жестокія усобицы, возникшія послѣ ослѣпленія Василька. Мономахъ, будучи великимъ княземъ Кіевскимъ, присвоилъ себѣ Волынь; съ тѣхъ поръ она постоянно оставалась за его родомъ; а со времени его внука Изяслава Мстиславича, извѣстнаго своей борьбой съ Юріемъ Долгорукимъ, она удвердилась именно за старшей линіей Мономаховичей, т. е. за Мстиславичами. Самымъ знаменитымъ княземъ Волынскимъ является внукъ Изяслава Романъ Мстиславичъ, въ юности своей княжившій въ Новгородѣ Великомъ и тамъ прославившійся побѣдою надъ ратью Андрея Боголюбскаго въ 1169 г. Въ это время Волынская область уже значительно обособилась отъ Кіевскаго княженія; но въ свою очередь дробилась на удѣлы между членами старшей линіи, съ неизбѣжными распрями за волости и старшинство. Такъ отецъ Романа Мстиславъ долженъ былъ раздѣлить ее съ своимъ братомъ Ярославомъ Луцкимъ, а также съ своими двумя дядями (Владиміромъ Андреевичемъ и Владиміромъ Мстиславичемъ). Самому Роману въ свою очередь пришлось дѣлиться съ роднымъ братомъ Всеволодомъ Бельзскимъ, кромѣ того съ нѣсколькими двоюродными братьями и племянниками. Но это былъ такой князь, который умѣлъ держать въ подчиненіи младшихъ родичей и наводить страхъ на своихъ сосѣдей, особенно на Половцевъ и Ятвяговъ. Волынскій лѣтописецъ очерчиваетъ Романа слѣдующими поэтическими сравненіями: «онъ устремлялся на поганыхъ какъ левъ и губилъ ихъ подобно крокодилу, землю ихъ облеталъ подобно орлу; сердитъ былъ какъ рысь, а храбръ какъ туръ». По словамъ того же лѣтописца, Половцы такъ боялись Романа, что именемъ его стращали своихъ дѣтей. А по сказанію позднѣйшаго польскаго писателя (Стрыйковскаго) Романъ плѣнныхъ Ятвяговъ запрягалъ въ плугъ и заставлялъ распахивать подъ пашню поля, заросшія древесными корнями; откуда будто бы произошла поговорка: «Романе худымъ живе-

ши, Литвою орещи». Пѣвецъ о Полку Игоревѣ обращается къ Роману и двоюродному брату его Мстиславу Ярославичу (прозванному *Нѣмымъ*) съ такими словами: «А ты буй Романе и Мстиславе! Храбрая мысль возноситъ васъ на подвиги. Высоко стремитесь вы, какъ соколъ парящій на вѣтрахъ, когда хочетъ одолѣть какую птицу. У васъ стальные папорзи (нагрудники) подъ латинскими шлемами. Отъ васъ потряслись многія земли ханскія, Литва, Ятвяги, Деремела, и Половцы повергли свои сулицы, а головы свои преклонили подъ вашими мечами булатными». Въ другомъ мѣстѣ пѣвецъ такъ выражается о трехъ двоюродныхъ братьяхъ Романа, сыновьяхъ Ярослава Луцкаго, называя ихъ вообще Мстиславичами: «Ингварь, Всеволодъ и всѣ три Мстиславича, не простаго гнѣзда шестокрылые птенцы! Вы не побѣднымъ жребіемъ разобрали себѣ волости. Къ чему у васъ золотые шлемы, ляцкія сулицы и щиты? Загородите своими острыми стрѣлами ворота отъ поля (Половецкаго) въ землю Русскую». Впослѣдствіи одного изъ этихъ двоюродныхъ братьевъ, Ингваря Луцкаго, Романъ посадилъ однажды на великій Кіевскій столъ. Главныя и долгія стремленія Романа были обращены на богатое Галицкое наслѣдство, которымъ ему и удалось наконецъ завладѣть.

Карпаты искони составляли прочную грань между Среднею и Восточною Европою. Волны народныхъ движеній, имѣвшихъ такой широкій просторъ на Восточноевропейской равнинѣ, обыкновенно останавливались у подошвы этой каменной грани, но не всегда. Самыя высокія и широкія части подковообразнаго Карпатскаго хребта залегаютъ на сѣверозападномъ и югозападномъ заворотахъ этой подковы, т. е. въ Татрахъ и Седмиградьѣ. Средняя часть, обращенная на сѣверовостокъ, менѣе высока, имѣетъ незначительную ширину, прорѣзана многими поперечными долинами горныхъ рѣчекъ и ручьевъ, и, круто, обрывисто спускаясь на западной сторонѣ, имѣетъ болѣе отлогіе и далеко развѣтвляющіеся склоны на сѣверовостокѣ. Это обстоятельство облегчало передвиженія изъ Восточноевропейской равнины въ Среднедунайскую или Паннонскую, особенно по тѣмъ горнымъ проходамъ, гдѣ сближались верхнія долины какихъ-либо двухъ рѣчекъ, текущихъ въ двухъ противуположныхъ направленіяхъ. Такими путями про-

никла въ Паннонію и та Мадьярская орда, которая въ союзѣ съ Нѣмцами разрушила Великоморавскую державу, и тѣ переселенцы изъ Галиціи и Волыни, которые образовали такъ наз. Русь Угорскую. Галицкая земля раскинулась на сѣверовосточныхъ склонахъ и отрогахъ Карпатскаго хребта, орошаемыхъ многочисленными притоками Вислы, Днѣстра и Прута. Она начиналась недалеко отъ впаденія Сана въ Вислу и простиралась до самыхъ устьевъ Дуная. Эта возвышенная, холмистая страна, обильная лѣсомъ, текучими водами, тучными нивами и лугами, богатая всякаго рода произведеніями минеральнаго, растительнаго и животнаго царства, особенно обильная соляными копями, является едва ли не самымъ благодатнымъ краемъ древней Руси. Будучи довольно густо населена, она занимала выгодное политическое и торговое положеніе между Кіевомъ и Волынью съ одной стороны, и Византіей, Венгріей и Польшей съ другой. Населеніе ея составляла вѣтвь все того же южнорусскаго племени. Судя по нашей лѣтописи, Карпатскіе Славяне или Червоноруссы въ древности носили еще названіе «Бѣлыхъ Хорватовъ».

Отъ Венгерскаго королевства Галицію отдѣлялъ Карпатскій хребетъ съ своими лѣсистыми скалами и ущельями. Важнѣйшіе проходы этого хребта съ Русской стороны замыкались крѣпкими городами, каковы, напримѣръ, Коломыя на верхнемъ Прутѣ, извѣстная своею солью, и Санокъ на верховьяхъ Сана. Горныя ущелья хребта служили надежнымъ убѣжищемъ людямъ, спасавшимся отъ непріятелей или ищущимъ благочестиваго уединенія; поэтому здѣсь расположены были нѣкоторые галицкіе монастыри; изъ нихъ въ XIII вѣкѣ извѣстны намъ Лелесовъ и Синеводскій Богородичный; послѣдній въ долинѣ рѣки Стрыя, притокѣ Днѣстра. На вершинѣ Серета залегалъ также одинъ изъ болѣе значительныхъ карпатскихъ проходовъ, называемый въ лѣтописи «Барсуковъ дѣлъ»; на Угорской сторонѣ онъ велъ въ городокъ Родну, населенный Нѣмцами и извѣстный своими серебряными рудниками.

Въ сѣверной части Галицкой земли на рѣкѣ Санѣ находились Перемышль и Ярославль. Перемышль, расположенный на крутомъ каменистомъ берегу Сана при впаденіи въ него Вагра, былъ одинъ изъ старѣйшихъ и самыхъ крѣп-

кихъ городовъ галицкихъ. Отнятый у Поляковъ Владиміромъ Великимъ, онъ служилъ потомъ надежнымъ оплотомъ Руси съ этой стороны. Перемышль съ своею областью носилъ еще названіе «Горной страны» или «Подгорья» (т. е. подгорья Карпатъ). Пограничьемъ Руси съ Польшею приблизительно была рѣка Вислокъ, впадающая слѣва въ Санъ немного ниже города Ярославля. Но здѣсь еще не кончалось русское, православное населеніе: оно жило и далѣе на сѣверъ между Вислой и Вепремъ, въ области Судомірско-Люблинской. А остатки принятаго когда-то Поляками греко-восточнаго обряда были еще такъ распространены въ этой части Польши, что встрѣчаемъ славянское богослуженіе и православные храмы даже на лѣвой сторонѣ Вислы, именно въ самомъ Судомірѣ и на Лысой горѣ, гдѣ впослѣдствіи утвердился бенедиктинскій монастырь Святаго Креста. Другой изъ старѣйшихъ городовъ Галицкой или Червонной Руси былъ Теребовль на Серетѣ, лѣвомъ притокѣ Днѣстра, на пограничьѣ съ собственно Волынской землей. На томъ же пограничьѣ лежалъ Звенигородъ, одинъ изъ нѣсколькихъ Звенигородовъ Югозападной Руси.

Съ того времени какъ Червонная Русь объединилась и составила сильное самостоятельное государство, то-есть со времени Владимірка, средоточіемъ ея и стольнымъ городомъ сдѣлался Галичъ. Онъ расположился на правомъ возвышенномъ берегу Днѣстра, пересѣченномъ оврагами и ложбинами впадающихъ въ него рѣчекъ. Долина, образуемая устьемъ одной изъ нихъ, именно Луквы, послужила мѣстомъ для нижняго города; а господствующій надъ ней крутой холмъ—одинъ изъ береговыхъ холмовъ, составляющихъ отроги Карпатъ—былъ занятъ верхнимъ городомъ, иначе Галицкимъ кремлемъ или дѣтинцемъ, въ которомъ помѣщался и княжій теремъ. При теремѣ находилась придворно-княжеская церковь во имя св. Спаса, соединенная съ нимъ переходами или открытой галереей. Извѣстно, что съ этихъ переходовъ Владимірко, идя къ вечернѣ, увидалъ уѣзжавшаго ни съ чѣмъ кіевскаго посла, боярина Петра Бориславича, и посмѣялся надъ нимъ. Дѣйствительно, съ означеннаго холма весь нижній Галичъ былъ видѣнъ какъ на ладони, а вмѣстѣ съ нимъ болотистое болонье, простиравшееся къ Днѣстру, и дорога черезъ Днѣстръ въ Кіевъ. Но главная святыня Галича, соборный храмъ Богоро-

дицы, помѣщался не въ верхнемъ, а въ нижнемъ городѣ. Онъ воздвигнутъ самимъ Владимíркомъ, или сыномъ его Ярославомъ Осмомысломъ, который и былъ погребенъ въ притворѣ этого храма. По своему стилю онъ не отличался отъ древнекіевскихъ храмовъ, будучи безъ сомнѣнія построенъ и украшенъ также греческими мастерами или подъ ихъ руководствомъ; тѣмъ болѣе, что Галицкій край лежалъ ближе къ Византійской имперіи чѣмъ другія русскія земли, и находился съ нею въ дѣятельныхъ сношеніяхъ, торговыхъ, политическихъ и особенно церковныхъ. (Соборъ Богородицы, отличавшійся большими размѣрами и прочностью своей постройки, устоялъ до нашего времени, при всѣхъ постигшихъ его переворотахъ и передѣлкахъ). Въ стольномъ Галичѣ были конечно и многіе другіе храмы; но по лѣтописямъ намъ извѣстенъ только монастырь св. Іоанна. Точно также изъ нѣсколькихъ воротъ города лѣтопись упоминаетъ только о «Нѣмецкихъ воротахъ»; вѣроятно вблизи ихъ жили торговцы или поселенцы изъ Германіи. Въ числѣ многихъ могильныхъ кургановъ, разсѣянныхъ въ окрестностяхъ Галича былъ одинъ, носившій прозваніе «Галичина Могила» и связанный съ народнымъ преданіемъ о какомъ-то миѳическомъ основателѣ города. Кромѣ того лѣтопись называетъ еще Быково болото около Днѣстра и какой-то «Кровавый бродъ».

Рѣка Днѣстръ служила главною артеріей Галицкой земли. При всемъ обиліи скалистыхъ береговъ, пороговъ и мелей, она въ тѣ времена была многоводнѣе и представляла значительное судовое движеніе въ Черное море; особенно много сплавлялось по ней судовъ, нагруженныхъ солью, важнѣйшимъ произведеніемъ нагорной Галиціи, которымъ она снабжала между прочимъ и Кіевскую землю. Ниже Галича по Днѣстру разсѣяны были многіе города, каковы Онутъ, Бакота, Ушица, Каліусъ, и др., большею частію лежавшіе на лѣвой низменной сторонѣ рѣки. Эта лѣвая сторона средняго теченія Днѣстра такъ и называлась «Понизье» (впослѣдствіи Подолье) въ противуположность горной странѣ Перемышльской. Оно лежало на пограничьѣ съ Половецкою степью. Средоточіемъ Понизья повидимому былъ городъ Бакота. На югѣ галицкія поселенія или зависимыя отъ Галича встрѣчались по притокамъ Дуная, Пруту и Серету, до самыхъ Дунайскихъ

устьевъ, и такимъ образомъ сходились съ землями Влаховъ и Болгаръ. Залегавшая здѣсь полустепная полоса нерѣдко служила для кочевниковъ воротами во время ихъ набѣговъ изъ южнорусскихъ степей въ Подунайскія страны, и конечно была мало населена. Изъ городовъ ея наиболѣе извѣстенъ Берладъ, находившійся между Прутомъ и Серетомъ; а на самомъ Дунаѣ лежалъ торговый городъ Малый Галичъ (нынѣ Галацъ), складочное мѣсто товаровъ, шедшихъ изъ Руси, Венгріи, Болгаріи и Византіи. Эта южная полоса составляла иногда особый галицкій удѣлъ, котораго Берладъ былъ стольнымъ городомъ; такъ нѣкоторое время здѣсь княжилъ племянникъ Владимірка Иванъ Ростиславичъ, прозванный поэтому Берладникомъ. Сохранилась грамота, данная имъ въ 1134 году купцамъ месеврійскимъ (Месеврія болгарская гавань на Черномъ морѣ), слѣдовательно одна изъ немногихъ дошедшихъ до насъ княжихъ грамотъ той эпохи. Въ этой грамотѣ «Иванъ Ростиславичъ, князь Берладскій», освобождаетъ названныхъ купцовъ отъ мыта при складкѣ привезенныхъ ими товаровъ въ Маломъ Галичѣ; но при вывозѣ изъ сего города за разные, купленные въ его землѣ, товары, русскіе, угорскіе и чешскіе, они должны платить мытъ (5).

Начало особаго Галицкаго княжества, какъ извѣстно, было положено двумя братьями Ростиславичами, Володаремъ Перемышльскимъ и Василькомъ Теребовльскимъ. Настоящимъ же основателемъ Галицкой силы и самостоятельности былъ Владиміръ или Владимірко Володаревичъ. Онъ объединилъ подъ своею властію всю Червонную Русь, увеличилъ ее пріобрѣтеніемъ нѣкоторыхъ волынскихъ городовъ, и оставилъ своему единственному сыну Ярославу могущественное по тому времени княжество. Только помянутый Иванъ Ростиславичъ Берладникъ смущалъ послѣдняго своими притязаніями на галицкія волости, и Ярославъ не успокоился до тѣхъ поръ, пока его двоюродный братъ не умеръ на чужбинѣ. Послѣ того Ярославъ до самой смерти своей владѣлъ Галицкой землей спокойно, безъ соперниковъ. При жизни своего тестя Юрія Долгорукаго онъ держалъ сторону Суздальцевъ противъ Волынцевъ, то есть младшей линіи Мономаховичей противъ старшей; но по смерти Юрія, будучи не въ ладу съ женой, перешелъ на сторону старшей линіи, и помогалъ ей войскомъ

противъ Андрея Боголюбскаго. Дружины его участвовали также въ общихъ южно-русскихъ ополченіяхъ противъ Половцевъ, при великихъ князьяхъ кіевскихъ Ростиславѣ Мстиславичѣ и Святославѣ Всеволодовичѣ. Самъ Ярославъ однако не ознаменовалъ себя воинственною дѣятельностію; по крайней мѣрѣ послѣ Теребовльской битвы (когда бояре не пустили его въ поле на томъ основаніи, что онъ у нихъ одинъ), мы не видимъ его на челѣ галицкихъ полковъ. Онъ посылаетъ съ ними своихъ воеводъ, изъ которыхъ извѣстны Тудоръ Елчичъ и особенно Коснятинъ Сѣрославичъ. Какимъ значеніемъ пользовалась хорошо вооруженная и устроенная галицкая рать и какъ почиталось современниками могущество Галицкаго князя, можно судить изъ слѣдующихъ словъ пѣвца о Полку Игоревѣ: «Галицкій Осмомысле Ярославе! Ты высоко сидишь на своемъ златокованномъ столѣ; подперъ горы Угорскія своими желѣзными полками, заступивъ путь королю; затворилъ ворота Дунаю, метая бремены (стѣнобитныя камни) за облака, творя суды до самаго Дуная. Гроза твоего имени облетаетъ земли; ты отворяешь ворота Кіеву, и стрѣляешь съ отцовскаго золотаго стола въ дальнихъ салтановъ (половецкихъ). Стрѣляй, господине, Кончака поганаго кащея за землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святославича». Такими словами поэтъ ясно свидѣтельствуетъ, что Ярославъ съ одной стороны оберегалъ карпатскіе проходы отъ Угровъ, а съ другой имѣлъ рѣшительное вліяніе въ спорахъ князей за великій Кіевскій столъ; что, владѣя такими городами какъ Малый Галичъ, онъ держалъ въ своихъ рукахъ ключъ Дунайской торговли, и что грозу его полковъ испытали на себѣ половецкіе ханы. Эти полки, стоя на склонахъ Карпатскаго хребта, дѣйствительно представлялись какъ бы подпирающими самые Карпаты; а слова о высокомъ сидѣньѣ на златокованномъ столѣ соотвѣтствовали возвышенному положенію Галицкаго кремля надъ Днѣстромъ.

Прозваніе Осмомысла конечно говоритъ о томъ уваженіи, которое Ярославъ пріобрѣлъ между современниками своимъ умнымъ правленіемъ, своими заботами о благосостояніи Червонной Руси. Продолжительный внутренній миръ, который онъ ей доставилъ, способствовалъ процвѣтанію ея торговли, промышленности и земледѣлія; Галицкая земля въ ту эпоху, по

всѣмъ признакамъ, является самою богатою русскою областью. Нижнедунайскія владѣнія связывали ее съ Болгаріей, а чрезъ нее и съ Византійской имперіей; такъ какъ Болгарія въ то время входила въ составъ имперіи. Кромѣ торговыхъ и церковныхъ сношеній съ Византіей, Галицкій княжій домъ имѣлъ также родственныя, дружескія связи съ императорской семьей Комненовъ. Между прочимъ въ 1164 году въ Галичѣ нашелъ убѣжище византійскій принцъ Андроникъ, гонимый императоромъ Мануиломъ, который былъ его двоюроднымъ братомъ по отцу; а со стороны матери Андроникъ, кажется, приходился двоюроднымъ братомъ Ярославу. Послѣдній ласково принялъ блестящаго принца, извѣстнаго многочисленными странствованіями и романическими приключеніями, и отдѣлилъ на его содержаніе доходы съ нѣсколькихъ своихъ городовъ. Веселый собесѣдникъ, искусный во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, Андроникъ принималъ дѣятельное участіе въ княжей охотѣ, преимущественно на дикихъ зубровъ, пировалъ вмѣстѣ съ княземъ и даже участвовалъ въ его совѣтахъ съ боярами. Но онъ пробылъ здѣсь не долго: безъ сомнѣнія при посредствѣ Ярослава, Мануилъ помирился съ Андроникомъ, и прислалъ въ Галичъ посольство съ двумя митрополитами во главѣ. Ярославъ, по словамъ нашей лѣтописи, отпустилъ его «съ великою честію», т. е. съ богатыми подарками, отправивъ вмѣстѣ съ нимъ галицкаго епископа Козьму и нѣкоторыхъ бояръ. Вѣроятно этими торжественными обоюдными посольствами вновь былъ подтвержденъ союзъ съ Византіей, на время поколебленный пріемомъ Андроника. Мануилъ нуждался въ союзѣ съ Галицкимъ княземъ, особенно противъ Угровъ, которые часто безпокоили сѣверные предѣлы имперіи. Впослѣдствіи Андроникъ, уже семидесятилѣтнимъ старикомъ достигшій престола, былъ сверженъ возмутившимся народомъ, и снова думалъ бѣжать къ Ярославу Галицкому, но дорогою схваченъ и затѣмъ умерщвленъ въ Константинополѣ ([6]).

Миръ и внутренняя тишина, наставшія въ Червонной Руси при Ярославѣ, были нарушены только его семейными раздорами. При этомъ впервые обнаружилась та сила и то значеніе, которыя успѣло пріобрѣсти галицкое боярство по отношенію къ своему князю и къ землѣ. Ранняя обособленность Галицкаго княженія отъ остальной Руси, а также единовла-

стіе и преемство стола отъ отца къ сыну, утвердившіяся здѣсь прежде другихъ русскихъ областей, много способствовали усиленію галицкаго боярства. Вмѣстѣ съ княжимъ родомъ и бояре его пріобрѣли прочную осѣдлость, и сдѣлались богатыми землевладѣльцами. Въ каждой другой области глава княжаго рода держалъ землю посредствомъ своихъ многочисленныхъ родственниковъ, которымъ раздавалъ города и волости въ кормленіе, что означало вмѣстѣ управленіе, судъ и сборъ доходовъ. Въ Галицкой землѣ со времени Владимірка, при изгнаніи или устраненіи его братьевъ и племянниковъ, княжій родъ сосредоточился въ одномъ лицѣ, и вмѣсто младшихъ родичей князь долженъ былъ всю свою землю держать посредствомъ бояръ, такъ что они исключительно являются и воеводами его рати, и намѣстниками его городовъ. Притомъ самое водвореніе единовластія совершилось и поддерживалось съ помощью старшей дружины или бояръ, и князь необходимо долженъ былъ ласкать дружину, награждать ее, вообще дорожить ея расположеніемъ. Такимъ образомъ боярство галицкое получило всѣ способы образовать изъ себя не только военную, но и земскую аристократію и выдѣлить нѣкоторые роды, наиболѣе богатые и вліятельные. Ихъ сословнымъ притязаніямъ не мало способствовали близкіе примѣры западныхъ сосѣдей, т. е. Польши и Венгріи, гдѣ аристократическое сословіе пользовалось особымъ значеніемъ, владѣло большою поземельною собственностію и ограничивало королевскую власть.

Ярославъ дурно жилъ съ своею супругою Ольгою, дочерью Юрія Долгорукаго, и любилъ другую женщину, именно Анастасію, принадлежавшую къ роду какого-то Чагра. Родственники ея получили при княжемъ дворѣ большую силу; чѣмъ возбудили неудовольствіе въ другихъ болѣе знатныхъ боярахъ. Къ тому же Ярославъ своему незаконному сыну отъ Анастасіи, Олегу, оказывалъ явное предпочтеніе передъ Владиміромъ, законнымъ сыномъ отъ Ольги Юрьевны. Семейный раздоръ дошелъ до того, что въ 1172 году Ольга съ своимъ сыномъ убѣжала въ Польшу. За нею послѣдовали и нѣкоторые недовольные бояре, съ воеводою Коснятиномъ Сѣрославичемъ во главѣ. Въ Польшѣ они пробыли около осьми мѣсяцевъ, и отсюда завели сношенія съ партіей галицкихъ

единомышленниковъ. Чтобы быть ближе къ нимъ, Владиміръ выпросилъ у одного изъ волынскихъ князей городъ Червень. Между тѣмъ недовольнымъ боярамъ удалось произвести въ Галичѣ переворотъ. Они возмутили жителей, избили Чагрову родню; схватили Настасью и живую сожгли на кострѣ; сына ея заточили; а князя заставили присягнуть на томъ, что онъ будетъ хорошо жить съ своей законной женой. Хотя и совершенная подъ знаменемъ семейной законности, эта варварская самовольная расправа послужила пагубнымъ примѣромъ для дальнѣйшихъ отношеній боярства къ княжеской власти.

Ольга и Владиміръ воротились въ Галичъ; но домашнее согласіе не было возстановлено. Уже въ слѣдующемъ году княгиня и сынъ ея принуждены были снова бѣжать изъ Галича. Послѣ нѣкоторыхъ скитаній она удалилась въ родной Владиміръ на Клязьмѣ, гдѣ нашла пріютъ у брата своего великаго князя Всеволода III, и, лѣтъ шесть спустя, скончалась тамъ, постригшись въ монахини подъ именемъ Евфросиніи. Между тѣмъ Владиміръ искалъ убѣжища у разныхъ князей, у Романа Волынскаго, у князя Туровскаго, у Давыда Смоленскаго, у дяди Всеволода III. Не желая ссориться съ сильнымъ Галицкимъ владѣтелемъ, князья отсылали отъ себя изгнанника. Только знаменитый Игорь Сѣверскій, женатый на родной сестрѣ Владиміра, пріютилъ его въ Путивлѣ, пока тотъ снова не помирился съ отцомъ и не воротился въ Галичъ. Однако полнаго примиренія не было. Выросшій посреди семейныхъ раздоровъ и скитаній, Владиміръ обнаруживалъ порочныя наклонности и непокорство, а потому не съумѣлъ пріобрѣсти отцовское расположеніе. Ярославъ продолжалъ отдавать предпочтеніе Олегу, котораго освободилъ изъ заточенія и держалъ при себѣ. Очевидно, ему удалось на время смирить партію недовольныхъ бояръ и возстановить свою власть. Когда же онъ тяжко заболѣлъ и почувствовалъ приближеніе кончины, тогда, по словамъ лѣтописи, этотъ мудрый, велерѣчивый, богобоязненный и нищелюбивый князь созвалъ дружину, граждановъ, духовенство, и сказалъ имъ: „Отцы, и братья, и сыновья! Вотъ я уже отхожу свѣта сего суетнаго; а согрѣшилъ паче всѣхъ людей. Отцы и братья! простите и отдайте". Три дня продолжалось собраніе; въ эти дни слуги княжіе раздавали его имѣніе монастырямъ и нищимъ, и будто бы не могли раз-

дать: такъ велики были богатства, накопленныя княземъ. Впрочемъ настоящею цѣлью созваннаго Ярославомъ земскаго вѣча, какъ оказывается, было не умилительное раскаяніе въ своихъ грѣхахъ, а задуманная перемѣна престолонаслѣдія. Онъ объявилъ, что главный столъ, т. е. отній Галичъ, оставляетъ меньшему сыну Олегу, а старшему Владиміру приказываетъ дѣдній Перемышль. Отсюда ясно, какъ еще слабо развиты были въ тѣ времена понятія о государствѣ. Ярославъ не дорожилъ единствомъ своей земли, въ жертву которому онъ и отецъ его принесли всѣхъ братьевъ и племянниковъ. Чтобы доставить престолъ незаконному, но любимому сыну, онъ возобновлялъ удѣльный порядокъ въ Галиціи. Соборъ или земское вѣче не посмѣлъ ослушаться еще живаго князя, и присягнулъ на основаніи его завѣщанія; присягнулъ на томъ же и самъ Владиміръ. Но присяга эта не послужила ни къ чему. 1 октября 1187 года Ярославъ скончался, и на другой день его погребли въ соборной церкви Богородицы. Тотчасъ поднялась сильная боярская партія противъ сына Анастасіи, изгнала Олега, и посадила на Галицкій столъ Владиміра. Такимъ образомъ, при всемъ умѣ и правительственномъ искусствѣ, Ярославъ Осмомыслъ своими семейными отношеніями самъ положилъ начало послѣдующимъ галицкимъ неурядицамъ.

Владиміръ Ярославичъ имѣлъ совсѣмъ не такія свойства, чтобы поддержать миръ и тишину въ Галицкой землѣ. Онъ былъ преданъ пьянству, разврату и обнаруживалъ большую наклонность къ самовластію. Еще при жизни отца онъ далеко превзошелъ его семейной распущенностію: взялъ жену у одного попа и прижилъ съ нею двухъ сыновей. Теперь же, не довольствуясь такимъ соблазномъ, если нравилась ему чья жена или дочь, бралъ ее насильно. Съ боярами своими не любилъ совѣтоваться о дѣлахъ. Естественно, бояре начали проявлять сильное неудовольствіе. Этимъ обстоятельствомъ спѣшилъ воспользоваться предпріимчивый, честолюбивый сосѣдъ, т. е. Романъ Волынскій. Видя неустройства, начавшіяся въ Червонной Руси, онъ возъимѣлъ намѣреніе овладѣть богатою землею. Подговоренные Романомъ, нѣкоторые галицкіе бояре уже въ слѣдующемъ 1188 году произвели въ столицѣ вооруженное возстаніе. Не смѣя напасть на князя, у котораго было много пріятелей, мятежники послали сказать ему, что они

возстали собственно противъ попадьи, которой не хотятъ кланяться, и требовали ея выдачи. Они хорошо знали, что князь скорѣе убѣжитъ, чѣмъ согласится на это требованіе. Такъ и случилось. Владиміръ, вспомнивъ участь Анастасіи, испугался за свою любезную; захвативъ съ собой сколько было возможно золота и серебра, онъ съ попадьей, двумя ея сыновьями и вѣрною частью дружины бѣжалъ къ угорскому королю Белѣ III. Мятежники послали за Романомъ Волынскимъ, и тотъ поспѣшилъ прибыть въ Галичъ. Однако онъ оставался здѣсь очень не долго. Король угорскій не только пріютилъ Владиміра, но и присягнулъ воротить ему Галичъ, и дѣйствительно выступилъ въ походъ съ многочисленнымъ войскомъ. Когда Романъ услыхалъ о приближеніи Угровъ, онъ и жена его поспѣшили удалиться, забравъ съ собой то, что осталось отъ княжей казны, а также бывшихъ на ихъ сторонѣ галицкихъ бояръ и боярынь. Но оказалось, что Угорскій король хлопоталъ совсѣмъ не для Владиміра. Онъ также хотѣлъ воспользоваться неустройствами богатаго сосѣдняго края, чтобы завладѣть имъ. Нарушивъ присягу, Бела посадилъ здѣсь своего сына Андрея; а Владиміра схватилъ, отнялъ у него всю казну, и плѣнникомъ отослалъ обратно въ Венгрію, гдѣ его вмѣстѣ съ попадьей заключили въ башню. Такъ начались продолжительное вмѣшательство Угровъ и ихъ притязанія на господство въ этой коренной Русской землѣ.

Галичане однако не думали помириться съ иноземнымъ владычествомъ. Они вспомнили, что на Руси есть еще отрасль ихъ княжаго рода, именно Ростиславъ, сынъ несчастнаго Ивана Берладника. Онъ въ то время проживалъ у Давида Ростиславича въ Смоленскѣ. По призыву нѣкоторыхъ бояръ Ростиславъ съ небольшою дружиною поспѣшилъ въ Галицію, взялъ два пограничные города, и пошелъ на Галичъ. Но тутъ обстоятельства оказались для него неблагопріятны. Бела не задолго прислалъ Андрею сильное подкрѣпленіе. Сыновья и братья многихъ мужей галицкихъ находились заложниками у короля, и мужи эти боялись открыто выступить за Ростислава. Андрей потребовалъ отъ Галичанъ новой присяги на вѣрность, и никто не посмѣлъ ослушаться. Ростиславъ явился подъ самою столицею, полагаясь на бояръ, которые клятвенно обѣщали, что при первой встрѣчѣ съ Уграми Галичане перейдутъ на его

сторону. Окружавшіе князя чуяли измѣну, и совѣтовали ему уйти назадъ. «Братья, отвѣчалъ князь, вы знаете на чемъ они цѣловали мнѣ крестъ; если ищутъ моей головы, то Богъ имъ судья; а я не хочу болѣе скитаться по чужимъ землямъ; лучше голову сложу на своей отчинѣ». Онъ храбро ударилъ на Угро-Галицкую рать; но былъ окруженъ, сбитъ съ коня, и тяжело раненный взятъ въ плѣнъ. Когда его принесли въ городъ, Галичане устыдились своей измѣны, и хотѣли добыть его изъ рукъ Угровъ; но тѣ поспѣшили приложить къ ранамъ какое-то зелье, отъ чего онъ и умеръ. Надменные легкимъ успѣхомъ, Угры—христіане по имени, но все еще полудикій народъ—предались разнымъ неистовствамъ: отнимали у гражданъ женъ и дочерей, ставили своихъ коней въ православныхъ храмахъ, производили грабежи. Тогда угнетенные Галичане вступились по своемъ прирожденномъ князѣ Владимірѣ, и стали раскаяваться въ его изгнаніи.

Случилось такъ, что въ это именно время Владиміръ спасся изъ своего заключенія. На каменной башнѣ, въ которой онъ содержался, былъ поставленъ для него полотняный шатеръ. Князь изрѣзалъ его, свилъ изъ полотна веревки, и по нимъ спустился на землю. Двое подкупленныхъ сторожей помогли его бѣгству и проводили въ Нѣмецкую землю, гдѣ онъ явился къ императору Фридриху Барбаруссѣ. Послѣдній находился въ дружескихъ сношеніяхъ съ Всеволодомъ III Большое Гнѣздо, и, узнавъ, что Владиміръ былъ племянникомъ Суздальскому князю, принялъ его съ почетомъ, и даже помогъ ему воротить княженіе. Впрочемъ какъ истый Нѣмецъ онъ сдѣлалъ это не даромъ, а обязалъ Владиміра платить императору по 2000 гривенъ серебра въ годъ, слѣдовательно признать себя какъ бы вассаломъ Германской имперіи. Но такое обязательство повидимому не было исполнено за скорою кончиною Барбаруссы. Занятый приготовленіями къ Крестовому походу, императоръ далъ Владиміру нѣсколько рыцарей, и отправилъ его къ Казиміру Краковскому, которому поручилъ изгнать Угровъ изъ Галича. Надобно замѣтить, что раздробленіе Польши и междоусобія сыновей Болеслава Кривоустаго подали Фридриху поводъ вмѣшаться въ дѣла польскихъ князей и привести ихъ въ ленную отъ себя зависимость. Казиміръ далъ Владиміру войско съ лучшимъ своимъ воеводою Николаемъ.

Едва князь вступилъ въ родную землю, какъ Галичане возстали противъ Угровъ, прогнали королевича Андрея, и съ радостію встрѣтили своего законнаго государя. Это происходило въ 1190 году. Чтобы обезопасить себя отъ сосѣдей, Владиміръ прибѣгъ подъ покровительство дяди своего Всеволода Суздальскаго; а тотъ отправилъ посольства къ Уграмъ, Ляхамъ и южнорусскимъ князьямъ, и взялъ съ нихъ обѣщаніе не искать Галича подъ его племянникомъ. Претерпѣнныя въ изгнаніи страданія повидимому исправили нѣсколько князя; такъ что остальное время его правленія протекло въ мірѣ, и Галицкая земля немного отдохнула отъ прошлыхъ тревогъ; но, только для того, чтобы вслѣдъ затѣмъ испытать еще горшія смуты. Поводомъ къ нимъ послужилъ все тотъ же вопросъ о престолонаслѣдіи. Владимірко и Ярославъ Осмомыслъ слишкомъ усердно позаботились объ истребленіи своихъ родственниковъ, хотя бы съ благою цѣлью доставить единство и спокойствіе Червонной Руси. Когда около 1200 года Владиміръ скончался, родъ Галицкихъ Ростиславичей пресѣкся (за исключеніемъ двухъ незаконныхъ сыновей отъ попадьи). Открылось широкое поле для разныхъ соискателей, а вмѣстѣ съ тѣмъ для всякихъ смутъ и мятежей.

Романъ Волынскій давно ожидалъ этой кончины, и хорошо зналъ положеніе дѣлъ въ Галичѣ. Едва онъ получилъ извѣстіе о смерти Владиміра, какъ двинулъ свои полки. Но, чтобы вѣрнѣе обезпечить за собой Галицію со стороны Угровъ, онъ предварительно поѣхалъ въ Польшу, гдѣ у него были родственныя и дружескія связи. По матери своей Романъ былъ внукомъ короля Болеслава Кривоустаго, и въ юности живалъ при Краковскомъ дворѣ. Въ послѣдней четверти XII вѣка на старшемъ польскомъ столѣ сидѣлъ младшій сынъ Кривоустаго, постоянный союзникъ Романа, Казиміръ Справедливый. Онъ приходился Роману роднымъ дядею и былъ его крестнымъ отцомъ; къ тому же и самъ женился на волынской княжнѣ, Еленѣ Всеволодовнѣ, племянницѣ Романа. Сей послѣдній по смерти Казиміра (1194) защищалъ его малолѣтнаго сына Лешка Бѣлаго противъ дяди Мечислава Стараго, потерпѣлъ пораженіе, и самъ былъ тяжело раненъ. Затѣмъ извѣстно, какъ Романъ разсорился съ своимъ тестемъ Рюрикомъ, великимъ княземъ Кіевскимъ, изъ-за Поросья.

Отославъ свою супругу къ ея отцу, онъ вступилъ во второй бракъ съ польскою княжною, племянницею Лешка Бѣлаго; чѣмъ еще болѣе породнился съ Пястовичами. Сюда-то, въ Краковъ, обратился онъ теперь за помощью для своего водворенія въ Галичѣ. И дѣйствительно, польскіе полки подъ начальствомъ того же воеводы Николая и самого юнаго Лешка соединились съ полками волынскими, и явились подъ Галичемъ. Въ то время король Угорскій также шелъ къ Галичу; вѣроятно часть бояръ, зная характеръ Волынскаго князя, предпочитала Угровъ и призывала ихъ въ свою землю. Видя, что Романъ предупредилъ его, король воротился назадъ. Галичане отворили Роману ворота, и посадили его на свой столъ.

Наступило непродолжительное, но достопамятное княженіе Романа въ Галичѣ. Со всею неукротимою энергіей своего пылкаго нрава, онъ обрушился на противную себѣ партію галицкихъ бояръ, уже привыкшихъ къ крамоламъ и самоволію, неуважавшихъ княжеской власти. Нѣкоторые изъ нихъ поплатились жизнію; другіе спаслись бѣгствомъ. «Не раздавивъ пчелъ, меду не ѣсть»—было любимою поговоркою князя. Современный ему польскій лѣтописецъ (Кадлубекъ) разсказываетъ, будто онъ зарывалъ живыхъ людей въ землю или разсѣкалъ ихъ на части; но несомнѣнно, что онъ обнаруживалъ чрезвычайную свирѣпость противъ бояръ, озлобленный ихъ попытками помѣшать его водворенію въ Галичѣ. Смиривъ внутреннихъ враговъ, Романъ тѣмъ съ большимъ успѣхомъ обратился къ внѣшнимъ предпріятіямъ, располагая теперь силами земель Волынской и Галицкой. Около того времени Дунайскіе Болгары, свергніе съ себя византійское владычество, призвали на помощь Половцевъ, вмѣстѣ съ ними начали опустошать Ѳракію и забирать жителей въ неволю; кочевые наѣздники простерли свои набѣги до самаго Царьграда. На императорскомъ престолѣ сидѣлъ тогда робкій Алексѣй III, изъ фамиліи Ангеловъ. При посредствѣ митрополита Кіевскаго онъ просилъ помощи у Романа. Русскіе—«христіаннѣйшій народъ», по выраженію византійскаго повѣствователя — вступились за Ромеевъ (Византійцевъ). Зимою 1202 года Романъ пошелъ въ степь на половецкія вежи, разгромилъ ихъ, и освободилъ множество христіанскихъ плѣнниковъ; чѣмъ при-

нудилъ Половцевъ покинуть Өракію и спѣшить для защиты собственныхъ жилищъ. Послѣ того, какъ извѣстно, онъ дважды изгонялъ изъ Кіева своего бывшаго тестя Рюрика Ростиславича и распоряжался великимъ Кіевскимъ столомъ. Могущество Романа достигло своей высшей степени, такъ что лѣтописецъ волынскій величаетъ его *самодержцемъ всей Русской земли*.

Къ тому же времени вѣроятно относится посольство папы Иннокентія III. Римская курія не пропускала ни одного удобнаго случая, чтобы осуществить свою завѣтную мысль: подчинить себѣ Русскую церковь. Въ этомъ отношеніи она находила всегда дѣятельную помощь со стороны польскаго католическаго духовенства. Но послѣднее въ тѣ времена имѣло много хлопотъ и въ собственной землѣ, именно въ областяхъ Краковской, Судомірской и Люблинской, гдѣ не только жило русское православное населеніе, но и между самими Поляками сохранялись значительные остатки грекославянскаго обряда. Подобные же остатки сохранялись еще и въ сосѣдней Чехо-Моравской землѣ. Любопытно, что около половины XII вѣка, для окончательнаго искорененія этого обряда у Западныхъ Славянъ, а преимущественно для борьбы съ Русскою церковью, епископъ краковскій Матвѣй призывалъ самаго знаменитаго католическаго проповѣдника своего времени, аббата клервосскаго Бернарда. «Россія это какъ бы особый міръ»— писалъ Матвѣй. «Русскій народъ, безчисленный какъ звѣзды небесныя», будто бы «только именемъ исповѣдуетъ Христа, а дѣлами отвергаетъ Его»; только одинъ клервосскій аббатъ можетъ своею проповѣдью какъ «обоюдуострымъ мечемъ» сокрушить заблужденіе этого народа и привлечь его въ католичество, ибо «внѣ католической церкви нѣтъ истиннаго святаго таинства». Неизвѣстно, что помѣшало краснорѣчивому аббату исполнить просьбу и отправиться къ славянскимъ народамъ. Тѣмъ не менѣе, попытки папства противъ Руси продолжались, и особенно усилились въ началѣ XIII вѣка, когда съ одной стороны нѣмецкіе крестоносцы начали успѣшное покореніе Балтійскаго края; а съ другой французскіе крестоносцы завоевали самую Византію, средоточіе православія, и водворили тамъ Латинскую имперію въ 1204 г. Сидѣвшій въ то время на папскомъ престолѣ, столь знаменитый Иннокентій III

отправилъ посольство къ Роману Галицкому съ предложеніемъ королевскаго вѣнца, если тотъ приметъ латинскую вѣру, и съ обѣщаніемъ помочь ему мечемъ апостола Петра пріобрѣсти новыя земли. Въ отвѣтъ на это Романъ, какъ разсказываютъ, обнажилъ свой мечъ, и гордо спросилъ: «Таковъ ли у папы? Доколѣ онъ при бедрѣ моемъ, не имѣю нужды покупать себѣ города иначе какъ кровью, по примѣру нашихъ отцовъ и дѣдовъ, умножавшихъ землю Русскую». Можетъ быть, раздраженное тѣмъ латинское духовенство не мало способствовало послѣдующей вскорѣ гибели Романа, возбудивъ сильную вражду между нимъ и Поляками.

По смерти Мечислава Стараго сынъ его Владиславъ Тонконогій оспаривалъ старшій польскій столъ, т. е. Краковъ, у своего двоюроднаго брата Лешка Бѣлаго. Романъ вмѣшался въ эту распрю, принявъ сторону Лешка. Кажется, онъ имѣлъ намѣреніе воспользоваться польскими неустройствами, чтобы присоединить къ своимъ владѣніямъ Люблинскую область или Русь Надвислянскую. Но когда онъ выступилъ съ большимъ войскомъ на помощь Лешку и началъ опустошать пограничную польскую землю, двоюродные братья примирились, и послали ему сказать, чтобъ онъ удалился во свояси. Романъ потребовалъ денежнаго вознагражденія за свой походъ или уступки Люблинской волости. Польскіе князья вступили съ нимъ въ мирные переговоры; а между тѣмъ собрали большія силы. Романъ стоялъ таборомъ на лѣвомъ берегу Вислы подъ Завихостомъ, и, обманутый этими переговорами, не соблюдалъ должной воинской осторожности. Однажды съ небольшой дружиной онъ отъѣхалъ отъ своего табора для охоты, и тутъ неожиданно напалъ на него сильный непріятельскій отрядъ. Князь не смутился и началъ мужественно обороняться. Услыхавъ о нападеніи на князя, войско поспѣшило къ нему на помощь; но кто-то изъ враговъ уже успѣлъ копьемъ нанести ему смертельную рану. Галичане могли только выручить трупъ Романа, который отвезли въ Галичъ, и похоронили въ соборномъ храмѣ Богородицы (1205). Гибель такого опаснаго сосѣда какъ Романъ произвела большую радость между Ляхами. Лешко съ младшимъ братомъ своимъ Конрадомъ воздвигли въ Краковскомъ соборѣ особый алтарь свв. мученикамъ Гервасію и Протасію, ибо въ день ихъ памяти былъ убитъ Романъ.

Объ этомъ днѣ сложились потомъ у Поляковъ цѣлыя легенды, которыя небольшую стычку превратили въ огромное сраженіе. Историкъ польскій (Длугошъ) между прочимъ разсказываетъ, будто въ ночь передъ битвою Романъ видѣлъ странный сонъ: со стороны Судоміра прилетѣла малая стая щеглятъ и пожрала большую стаю воробьевъ; будто молодые бояре князя толковали сонъ въ хорошую для него сторону, а старые наоборотъ. Такъ погибъ этотъ знаменитый князь, можетъ быть слишкомъ увлеченный своею неукротимою энергіей, пылкимъ нравомъ и властолюбіемъ. Самая наружность его и свойства были замѣчательны: средняго роста, широкоплечій, черноволосый, съ красноватымъ цвѣтомъ лица, черными глазами и крупнымъ горбатымъ носомъ, онъ отличался большою физическою силою и личною храбростію; былъ косноязыченъ, и въ припадкахъ гнѣва долго не могъ выговорить слова; любилъ веселиться съ дружиною, но пилъ умѣренно; любилъ женщинъ, но ни одной не подчинялся (7).

Ранняя смерть Романа имѣла великія послѣдствія для Червонной Руси. Онъ слишкомъ недолго владѣлъ Галицкимъ столомъ, чтобы утвердить его за своимъ родомъ, и слишкомъ былъ жестокъ съ боярами, чтобы привлечь ихъ на сторону своихъ дѣтей. Вторая супруга Романа осталась послѣ него съ двумя сыновьями: четырехлѣтнимъ Даніиломъ и двухлѣтнимъ Василькомъ. Ихъ малолѣтство давало полный просторъ стремленіямъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ. Отсюда мы видимъ продолжительный рядъ безпрерывныхъ смутъ, сопровождавшихся постояннымъ вмѣшательствомъ сосѣднихъ государей, Угорскаго и Польскаго. Если Галицкая земля уже въ то время не сдѣлалась добычею кого либо изъ нихъ, то этому помѣшали съ одной стороны существованіе еще довольно сильныхъ князей Кіевскихъ и Черниговскихъ, а съ другой раздробленіе Польши и неустройства въ самой Венгріи.

Сдѣлаемъ краткій обзоръ дальнѣйшихъ, отличающихся немалою запутанностію, галицкихъ событій и переворотовъ до появленія Татаръ.

Рюрикъ Ростиславичъ, сбросивъ съ себя монашескую одежду и занявъ опять Кіевскій столъ, соединился съ черниговскими Ольговичами, и пошелъ съ ними на Галичъ, чтобы отнять его у дѣтей своего врага. Очевидно, они разсчитывали на

предательство бояръ, которые питали нелюбовь къ семейству своего грознаго гонителя. Въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ вдова Романа обратилась съ просьбою о помощи къ угорскому королю Андрею II, тому самому, который нѣкоторое время сидѣлъ на Галицкомъ столѣ. По смерти своего отца Белы III, онъ вступилъ въ борьбу съ старшимъ братомъ Эммерихомъ за королевскій тронъ, и тогда сблизился съ Романомъ Галицкимъ: они заключили союзъ съ условіемъ взаимно поддерживать другъ друга. По смерти Эммериха Андрей добился цѣли своихъ усилій, и овладѣлъ короною. Онъ остался вѣренъ своему союзу съ покойнымъ княземъ: пріѣхалъ на свиданіе съ княгинею въ городъ Санокъ, обласкалъ маленькаго Даніила, и помогъ войскомъ. Угры успѣли на время ввести свою залогу (гарнизонъ) въ Галичъ, и не допустили крамольныхъ бояръ передаться Рюрику. Послѣдній и его союзники ушли назадъ; но въ слѣдующемъ году они явились снова, захвативъ съ собой и Черныхъ Клобуковъ. Лешко Бѣлый, великій князь Краковскій, также двинулся на Галичъ. Вдова Романова опять обратилась къ Угорскому королю; но прежде нежели онъ подоспѣлъ, народный мятежъ заставилъ ее уѣхать изъ Галича съ дѣтьми въ ихъ наслѣдственную волость, Владиміръ Волынскій. Прибытіе Угорскаго короля съ сильными полками остановило движеніе Лешка и Рюрика; однако, связанный смутами въ собственномъ королевствѣ, Андрей ушелъ назадъ, не устроивъ дѣлъ Галицкихъ.

Въ это время изъ среды туземныхъ бояръ выдвигается какой-то Владиславъ съ своимъ братомъ. Лѣтопись называетъ его „кормиличичъ" (можетъ быть сынъ княжей кормилицы, а еще вѣроятнѣе княжаго *кормильца*, т. е. боярина-дядьки). Онъ былъ изгнанъ Романомъ за свою невѣрность; а теперь, пользуясь обстоятельствами, воротился и сталъ играть видную роль въ Галичѣ. Владиславъ началъ выхвалять достоинства Игоревичей, т. е. сыновей знаменитаго Игоря Сѣверскаго, которые по матери своей приходились внуками Ярославу Осмомыслу и слѣдовательно имѣли нѣкоторыя права на его наслѣдіе, за прекращеніемъ мужеской линіи. Они участвовали въ походѣ Рюрика, и находились на обратномъ пути, когда къ нимъ пригнали гонцы отъ бояръ, единомышленниковъ Владислава, съ предложеніемъ Галицкаго княженія. Игоревичи поспѣшили на

ихъ призывъ. Старшій изъ сѣверскихъ князей Владиміръ (когда-то половецкій плѣнникъ, женившійся на дочери Кончака) сѣлъ въ Галичѣ, а братъ его Романъ въ Звенигородѣ. Но одного Галицкаго княженія имъ показалось мало: они послали во Владиміръ Волынскій уговорить гражданъ, чтобы тѣ выдали имъ малолѣтнихъ Романовичей и приняли къ себѣ на столъ третьяго или младшаго Игоревича, Святослава; въ противномъ случаѣ грозили жестоко наказать ихъ городъ. Владимірцы, отличавшіеся приверженностію къ своему княжему роду, такъ были возмущены этимъ требованіемъ, что едва не убили священника, правившаго посольство отъ Галичанъ; однако и здѣсь нашлись бояре, которые не только заступились за посла, но и начали склонять гражданъ на сторону его предложенія. Видя со всѣхъ сторонъ грозившую измѣну, княгиня въ туже ночь бѣжала изъ Владиміра съ дѣтьми; бѣглецы пролезли сквозь какое-то отверстіе въ городской стѣнѣ; Даніила несъ на рукахъ его дядька Мірославъ, а Василька священникъ Юрій съ кормилицею. Во Владимірѣ дѣйствительно сѣлъ младшій Игоревичъ, Святославъ. Но судьба жестоко посмѣялась надъ честолюбіемъ этихъ братьевъ: они дорого заплатили за свое кратковременное обладаніе Галицко-Волынскою землею.

Не зная, куда преклонить голову, вдовая княгиня рѣшилась искать убѣжища въ Польской землѣ у своего родственника Лешка Бѣлаго. Хотя Ляхи погубили Романа и все еще находились во враждѣ съ его родомъ; однако добродушный Лешко принялъ княгиню ласково, и сжалился надъ участью сыновей князя, когда-то бывшаго его вѣрнымъ союзникомъ и покровителемъ. Оставивъ у себя княгиню и Василька, онъ отправилъ Даніила къ Угорскому королю, и предложилъ ему сообща воротить Романовичамъ отцовское наслѣдіе. Игоревичи поспѣшили богатыми дарами смягчить обоихъ сосѣдей, Андрея и Лешка, и на нѣкоторое время отклонить отъ себя грозу. Но они сами вскорѣ разссорились между собою. Второй изъ нихъ, Романъ, съ помощью Угорскаго короля отнялъ Галичъ у старшаго брата Владиміра, и принудилъ его бѣжать въ свой Путивль. Вслѣдъ за тѣмъ и Святославъ былъ изгнанъ изъ Владиміра Волынскаго Лешкомъ Бѣлымъ, который отдалъ этотъ городъ своему шурину Александру Всеволодовичу Бельз-

скому. Такимъ образомъ иноплеменное вмѣшательство раздѣлилось: между тѣмъ какъ Угорскій король держалъ у себя маленькаго Даніила и подчинилъ своему вліянію Галицкую землю; Лешко Польскій далъ удѣлъ на Волыни младшему Романовичу Васильку, и вообще сталъ распоряжаться судьбою Волынской земли.

Галицкіе бояре, измѣнивъ старшему Игоревичу, Владиміру, не долго ладили съ Романомъ, и обратились за помощью противъ него къ Уграмъ. Андрей прислалъ войско подъ начальствомъ своего воеводы Бенедикта Бора. Романъ до того былъ безпеченъ, что Угры, конечно благодаря измѣнѣ, захватили его моющимся въ банѣ. Бенедиктъ началъ управлять страною отъ имени своего короля; при чемъ какъ истый Мадьяръ предался разнымъ неистовствамъ. Онъ мучилъ и бояръ, и простыхъ гражданъ, отнималъ у нихъ женъ, не щадилъ и самыхъ черницъ. Лѣтопись называетъ его «томителемъ» и «антихристомъ». Выведенные изъ терпѣнія его насиліями, Галичане уже сожалѣли о сѣверскихъ Игоревичахъ, и снова звали ихъ къ себѣ на княженіе. Тѣ явились съ сильною ратью, и Бенедиктъ бѣжалъ въ Угрію. Владиміръ сѣлъ опять въ Галичѣ, Романъ въ Звенигородѣ, а Святославъ въ Перемышлѣ. Совсѣмъ не обладая умомъ и энергіей Романа Волынскаго, братья на этотъ разъ вздумали слѣдовать его примѣру, чтобы обезпечить за собою Галицкую землю, т. е. принялись гнать и истреблять крамольную боярскую партію. Они казнили нѣсколько знатныхъ людей и до пятисотъ ихъ сторонниковъ изъ туземнаго дружиннаго сословія. Но тѣмъ, разумѣется, навлекли на себя ожесточенную ненависть этого сословія. Галичане вспомнили о сыновьяхъ своего покойнаго князя Романа. Нѣкоторые убѣжавшіе въ Венгрію бояре, въ томъ числѣ Владиславъ Кормиличичъ, просили Андрея, чтобы онъ отпустилъ къ нимъ на княженіе малолѣтняго Даніила Романовича. Андрей послушалъ ихъ, и послалъ съ ними Даніила, давъ ему вспомогательное войско; на пути присоединились еще отряды польскіе и волынскіе. Жители крѣпкаго Перемышля склонились на коварныя рѣчи Владислава Кормиличича и выдали Уграмъ Святослава Игоревича. Звенигородцы начали было оборонять своего князя Романа; но онъ самъ покинулъ городъ, и на дорогѣ былъ захваченъ въ плѣнъ.

Послѣ того Владиміръ не сталъ ожидать непріятельской рати, и бѣжалъ изъ Галича. Такимъ образомъ Даніилъ безпрепятственно вступилъ въ этотъ городъ, и торжественно посаженъ на отцовскій столъ въ соборномъ храмѣ Богородицы. Но его побѣда была запятнана неслыханнымъ на Руси событіемъ. Бояре галицкіе, озлобленные противъ Игоревичей за истребленіе многихъ своихъ родственниковъ и подручниковъ, воспользовались случаемъ для мести. Великими дарами они склонили угорскихъ воеводъ выдать имъ двухъ плѣнныхъ князей, Романа и Святослава, и предали ихъ самой позорной казни, т. е. повѣсили. Это черное дѣло совершилось въ сентябрѣ 1211 года.

Десятилѣтній Даніилъ конечно не могъ воспрепятствовать такому злодѣйству. Онъ не имѣлъ силы защищать и собственную мать. Княгиня пріѣхала въ Галичъ, чтобы помочь сыну въ управленіи; но бояре этого не желали, и принудили ее удалиться. Когда она собралась въ путь, Даніилъ плакалъ и не хотѣлъ съ нею разстаться. Одинъ изъ бояръ, Александръ тивунъ Шумавинскій, схватилъ за поводъ его коня, чтобы отвести отъ матери. Маленькій князь обнажилъ свой мечъ, и хотѣлъ ударить боярина, но не попалъ, и ранилъ его коня. Мать поспѣшила взять мечъ изъ рукъ сына; уговорила его остаться въ Галичѣ, и сама уѣхала, сначала въ Бельзъ къ Васильку, а потомъ къ Угорскому королю. Она вооружила Андрея противъ боярина Владислава, его братьевъ и пріятелей, которые забрали теперь въ свои руки все управленіе Галицкою землею. Андрей велѣлъ схватить Владислава и подвергъ его заключенію. Мать Даніила воротилась было въ Галичъ; но скоро опять, вслѣдствіе новаго мятежа, принуждена была вмѣстѣ съ сыномъ искать убѣжища въ Венгріи, а потомъ въ Краковѣ. Между тѣмъ хитрый бояринъ Владиславъ не только успѣлъ помириться съ королемъ; но и вошелъ съ нимъ въ согласіе о присоединеніи Галича къ Угорскому королевству. Андрей отпустилъ Владислава съ товарищами напередъ, конечно для того, чтобы приготовить все къ новому перевороту; а самъ съ главнымъ войскомъ слѣдовалъ за ними. Онъ уже дошелъ до Лелесова монастыря, какъ вдругъ получилъ извѣстіе о страшныхъ событіяхъ въ его собственной землѣ.

Вельможи угорскіе, всегда отличавшіеся непокорнымъ мятежнымъ духомъ, забрали особую силу во времена расточительнаго, непослѣдовательнаго Андрея II. Супруга его Гертруда, родомъ нѣмецкая принцесса, женщина рѣшительнаго характера, возбуждала своего мужа къ строгимъ мѣрамъ противъ своевольныхъ. Подъ ея покровительствомъ, въ Венгріи появились многочисленные нѣмецкіе выходцы, которые получили мѣста въ войскѣ и при дворѣ королевскомъ. По совѣту Гертруды и съ помощью нѣмецкихъ отрядовъ, король разрушилъ нѣкоторые замки мятежныхъ вельможъ. Все это навлекло на королеву сильную ненависть со стороны угорскихъ магнатовъ. Особенно озлобляло ихъ дерзкое поведеніе ея любимаго брата Бертольда, котораго король не только не укрощалъ, но и осыпалъ милостями. Нѣсколько знатнѣйшихъ магнатовъ составили заговоръ противъ королевы и Нѣмцевъ, и, пользуясь походомъ Андрея въ Галицію, привели въ исполненіе свой умыселъ. Они подняли возстаніе, умертвили многихъ Нѣмцевъ, въ томъ числѣ и самоё королеву. Бертольдъ однако успѣлъ бѣжать. Король воротился съ похода, и въ крови мятежниковъ потушилъ возстаніе (1214) ([8]).

Между тѣмъ въ Галичѣ произошло второе неслыханное на Руси событіе: бояринъ сѣлъ на княжемъ столѣ. Владиславъ Кормиличичъ воспользовался затрудненіями Андрея, и самъ вокняжился въ Галичѣ. Онъ держался здѣсь съ помощью наемныхъ Угровъ и Чеховъ, и конечно признавалъ себя вассаломъ Угорскаго короля. Но такой соблазнъ не могъ долго продолжаться. Въ галицкія дѣла снова вмѣшался Лешко Бѣлый. Онъ послалъ сказать Андрею Угорскому: «не лѣпо боярину сидѣть на княжемъ столѣ; лучше возьми дочь мою за твоего сына Коломана, и посади ихъ въ Галичѣ». Предложеніе было принято. Пятилѣтній Коломанъ обрученъ съ трехлѣтнею княжною Саломеей, и сталъ княжить въ Галичѣ, подъ опекою отцовскихъ вельможъ и подъ защитою угорской залоги. Владиславъ былъ снова схваченъ, и заточенъ въ Угрію, гдѣ и умеръ. Лѣтопись прибавляетъ, что впослѣдствіи никто изъ русскихъ князей не хотѣлъ призрѣть дѣтей этого боярина за его дерзкую попытку присвоить себѣ княжеское достоинство. По просьбѣ Андрея папа Иннокентій III поручилъ одному архіепископу вѣнчать Коломана королевскою короною

въ Галичѣ; разумѣется, при этомъ папа взялъ обѣщаніе подчинить Галицкую церковь Римскому престолу. Однако не вся Галицкая земля досталась Коломану; надобно было подѣлиться и съ польскими союзниками: Лешко взялъ себѣ область Перемышльскую; а воевода судомірскій Пакославъ, служившій главнымъ посредникомъ въ переговорахъ, получилъ Любачевскій округъ. Пакославъ почему-то благопріятствовалъ сыновьямъ Романа Волынскаго; по его совѣту Лешко Бѣлый отнялъ у Александра Бельзскаго Владиміръ Волынскій, и отдалъ его Романовичамъ, которые такимъ образомъ снова водворились въ старой отцовской волости.

Повидимому, все было улажено, и Галицкая земля, подѣленная между иноплеменниками, уже навсегда отторгнута отъ остальной Руси. Однако ея превратности еще не кончились. Коломанъ и Саломея спокойно княжили въ Галичѣ четыре года. Но сами союзники, наконецъ, перессорились изъ-за добычи. Андрею не нравился раздѣлъ Галицкой земли; онъ желалъ, чтобы сынъ его владѣлъ ею сполна. Въ 1218 году король воротился изъ своего крестоваго похода на востокъ; вскорѣ потомъ онъ изгналъ Ляховъ изъ Перемышля и Любачева; что въ свою очередь дало толчекъ къ новымъ переворотамъ. Оскорбленный Лешко, будучи не въ силахъ бороться съ Уграми, обратился къ самому предпріимчивому изъ русскихъ князей, къ Мстиславу Мстиславичу Удалому, тогда князю Новгородскому, и звалъ его на Галицкій столъ.

Мстиславъ принялъ приглашеніе, и дѣйствительно съ помощью Поляковъ легко изгналъ Угровъ изъ Галича; конечно ему помогли и сами Галичане, наскучившіе владычествомъ иноплеменниковъ, особенно духовенство, видѣвшее происки папистовъ. Часть Галичанъ въ это время уже возлагала надежды на молодаго Даніила Романовича какъ на своего законнаго государя; чтобы обезопасить себя съ этой стороны, Мстиславъ заключилъ союзъ съ Даніиломъ, и выдалъ за него свою дочь Марію. Приходя въ возрастъ, Даніилъ сталъ обнаруживать мужественныя, воинственныя наклонности; онъ началъ съ того, что отнялъ у Лешка захваченные имъ нѣкоторые волынскіе города. Тогда Лешко рассорился съ тестемъ Даніила Мстиславомъ, и снова пригласилъ Андрея Угорскаго посадить въ Галичѣ Коломана и Саломею. Король поспѣшилъ

воспользоваться ихъ раздоромъ, и двинулъ многочисленное войско. Послѣ кратковременной борьбы Мстиславъ покинулъ Галичъ, и тамъ опять водворились Угры съ Коломаномъ.

Въ этой борьбѣ Даніилъ явился на помощь Мстиславу, и отличился ратными подвигами. Тесть похвалилъ его мужество, подарилъ ему своего любимаго сиваго коня, и отпустилъ его во Владиміръ; а самъ отправился къ Половцамъ. Въ слѣдующемъ 1221 году онъ пришелъ съ наемными отрядами, чтобы вновь добывать Галичъ. Уграми начальствовалъ воевода Фильній, человѣкъ гордый, съ презрѣніемъ относившійся къ Русскимъ. «И одинъ камень много перебьетъ горшковъ», говаривалъ онъ объ нихъ въ насмѣшку. Или похвалялся такимъ словомъ: «острый мечъ, борзый конь — много Руси!» Однако когда дѣло опять дошло до битвы съ Мстиславомъ подъ самымъ Галичемъ, Угры, въ соединеніи съ Ляхами, были разбиты на голову, и самъ Фильній попался въ плѣнъ вмѣстѣ съ галицкими боярами, державшими ихъ сторону. Мстиславъ вломился въ Нижній городъ; затѣмъ овладѣлъ и Верхнимъ или княжимъ замкомъ, гдѣ находилась угорская залога съ королевичемъ Коломаномъ, его супругою и женами угорскихъ начальниковъ. Отсюда Коломанъ съ остаткомъ Угровъ спасся было въ соборный храмъ Богородицы, который Фильніемъ былъ заранѣе соединенъ съ княжимъ замкомъ и приспособленъ къ оборонѣ. Осажденные бросали стрѣлы и камни съ верховъ храма, и держались еще нѣсколько дней; наконецъ жажда и голодъ принудили ихъ сдаться. Коломанъ отправленъ въ Торческъ, гдѣ и содержался, пока отецъ не выкупилъ его изъ плѣна (9).

Съ утвержденіемъ Мстислава Удалаго въ Галичѣ, казалось бы, Червонная Русь могла наконецъ отдохнуть отъ своихъ переворотовъ. Но не таковъ былъ этотъ знаменитый князь, чтобы силою характера и дальновидною политикой водворить спокойствіе на столь нетвердой почвѣ.

XIII.

ЧЕРНИГОВЪ И ПЕРЕЯСЛАВЛЬ. ПОЛОВЕЦКАЯ СТЕПЬ.

Земля Чернигово-Сѣверская.—Мѣстная княжеская вѣтвь.—Ядро земли.—Стольный Черниговъ.—Соборъ Спаса и другіе храмы.—Окрестности Чернигова.—Прочіе города по Деснѣ.—Посемье.—Любечъ.—Область Радимичей.—Вятичи.—Переяславская украйна.—Посулье.—Стольный Переяславль и другіе города.—Природа южныхъ степей.—Бытъ и свойство Половцевъ.—Обратное движеніе Руси на степь.—Каменныя бабы.—Южные торговые пути.—Судьба Тмутраканскаго края.

Чернигово-Сѣверская земля представляетъ равнину, которая чѣмъ ближе къ Днѣпру, тѣмъ низменнѣе, а на сѣверо-востокѣ она постепенно поднимается и незамѣтно переходитъ въ Алаунскую возвышенность. Послѣдняя начинается собственно на верховьяхъ главныхъ днѣпровскихъ притоковъ, именно: Сожи, Десны съ Семью, Сулы, Псёла и Ворсклы. По всѣмъ этимъ верховьямъ проходитъ водораздѣльная возвышенность, отдѣляющая ихъ отъ притоковъ верхней Оки и верхняго Дона. Низменную, ровную поверхность Приднѣпровской полосы нарушаютъ только рѣчныя ложбины и множество примыкающихъ къ нимъ извилистыхъ овраговъ, которые легко образуются вешнею водою въ рыхлой черноземноглинистой почвѣ. Между тѣмъ какъ южная часть этой полосы напоминаетъ близость степи, сѣверная имѣетъ довольно много болотъ, озеръ и лѣсу; а на нижнемъ теченіи Сожи характеръ природы почти не отличается отъ влажнаго Припятскаго Полѣсья. Прилегающая къ водораздѣлу часть Алаунскаго пространства имѣетъ характеръ сухой возвышенной плоскости, взволнованной пригорками и долинами, обильно орошенной текучими водами и богатой густымъ лѣсомъ.

Всю эту широкую полосу отъ средняго Днѣпра до верхняго Дона и средней Оки занимали сплошныя славянскія племена,

а именно: Сѣверяне, жившіе по рѣкамъ Деснѣ, Семи и Сулѣ, Радимичи по Сожи и Вятичи по Окѣ. Нашъ первый лѣтописецъ говоритъ, что племена эти еще въ IX вѣкѣ отличались дикостію своихъ нравовъ, что они жили въ лѣсахъ на подобіе звѣрей, ѣли все нечистое, имѣли по нѣскольку женъ; послѣднихъ похищали, впрочемъ по взаимному согласію, во время игрищъ, происходившихъ между селеніями. Мертвыхъ сожигали на большомъ кострѣ, потомъ собирали кости въ сосудъ и насыпали надъ нимъ курганъ, при чемъ совершали тризну или поминальное пиршество. По словамъ лѣтописца, Радимичи и Вятичи пришли съ своими родоначальниками изъ земли Ляховъ; отсюда можно заключить, что эти два племени имѣли свои отличія въ говорѣ; вѣроятно, они болѣе приближались къ сѣверной группѣ русскихъ Славянъ, тогда какъ Сѣверяне примыкали къ южнорусскому говору.

Въ Сѣверской землѣ разсѣяно множество языческихъ могильныхъ кургановъ, которые, кромѣ сожженныхъ труповъ, заключаютъ въ себѣ принадлежавшіе покойникамъ разнообразные предметы домашней утвари, вооруженія и убора. Эти предметы убѣждаютъ насъ, что, вопреки словамъ лѣтописца, въ томъ краю еще за долго до принятія христіанства находились уже значительные начатки гражданственности; что здѣсь господствовало предпріимчивое, воинственное населеніе. Остатки тризны, каковы кости рыбъ, барана, теленка, гуся, утки и другихъ домашнихъ животныхъ, а также зерна ржи, овса, ячменя, не только свидѣтельствуютъ о земледѣліи, но и указываютъ на нѣкоторую степень зажиточности. Все это противорѣчитъ приведенному выше извѣстію о дикости Сѣверянъ, обитавшихъ въ лѣсу и пожиравшихъ все нечистое. Многочисленныя городища, т. е. земляные остатки укрѣпленныхъ мѣстъ, ясно говорятъ о томъ, что населеніе умѣло оградить себя отъ безпокойныхъ сосѣдей и упрочить за собою обладаніе страною открытою, мало защищенною естественными преградами.

Два главныя средоточія Сѣверянской земли, Черниговъ и Переяславль, упоминаются въ договорѣ Олега на ряду съ Кіевомъ. Слѣдовательно, къ началу X вѣка это были уже значительные торговые города, происхожденіе которыхъ восходитъ къ вѣкамъ еще болѣе отдаленнымъ. По раздѣлу Яро-

слава I, подтвержденному на Любецкомъ съѣздѣ, княженіе Черниговское досталось роду Святослава Ярославича, а Переяславское сдѣлалось отчиною въ потомствѣ Всеволода Ярославича или его сына Мономаха.

Владѣнія Черниговскихъ князей въ концѣ XII и началѣ XIII вѣка — въ эпоху наибольшаго обособленія — приблизительно имѣли слѣдующіе предѣлы. На востокѣ, т. е. на пограничьѣ съ Рязанью, они шли по верхнему теченію Дона, откуда направлялись къ устью Смядвы, праваго притока Оки, и оканчивались на Лопаснѣ, ея лѣвомъ притокѣ. На сѣверѣ они сходились съ землями Суздальскою и Смоленскою, пересѣкая теченіе Протвы, Угры, Сожи и упираясь въ Днѣпръ. Эта рѣка служила гранью Черниговскаго княженія отъ Кіевскаго почти до самаго устья Десны. Лѣвый притокъ послѣдней, Остеръ, отдѣлялъ его на югѣ отъ Переяславскаго удѣла; а далѣе на юговостокѣ Черниговo-Сѣверская земля сливалась съ Половецкою степью.

Въ Черниговскомъ княжествѣ существовалъ такой же удѣльный порядокъ, какъ и въ другихъ русскихъ областяхъ, т. е. наблюдалось обычное право старшинства при занятіи столовъ, и нарушеніе этого права вызывало иногда междоусобія. Впрочемъ, послѣднія встрѣчаются здѣсь рѣже, чѣмъ въ иныхъ земляхъ Руси. По старшинству столовъ за Черниговымъ слѣдовалъ Новгородъ-Сѣверскій, и въ теченіе XII вѣка мы не разъ видимъ слѣдующее явленіе. Новгородъ въ соединеніи съ другими удѣлами, лежавшими между Десною и Семью, каковы особенно Путивль, Рыльскъ, Курскъ и Трубчевскъ, обнаруживаетъ наклонность выдѣлиться изъ общаго состава Черниговскихъ владѣній и образовать особое, собственно Сѣверское княженіе, подъ властію младшей линіи княжескаго рода; подобно тому, какъ въ первой половинѣ этого вѣка отъ Чернигова отдѣлилась область Рязанская. Однако, разныя обстоятельства, особенно географическое положеніе и энергія нѣкоторыхъ сѣверскихъ князей, успѣвшихъ не только завладѣть Черниговскимъ столомъ, но и перейти отсюда на великій Кіевскій, воспрепятствовали такому выдѣленію и обособленію.

Обладаніе Черниговымъ нѣкоторое время колеблется между двумя отраслями Святослава Ярославича: Давидовичами и Ольговичами. Послѣдніе въ качествѣ младшей линіи наслѣдуютъ собственно

удѣлъ Новгородъ-Сѣверскій; но это честолюбивое племя не довольствуется второстепенною ролью. Извѣстно, что Всеволодъ Ольговичъ не только изгналъ изъ Чернигова своего дядю Ярослава (Рязанскаго), но потомъ занялъ и самый Кіевъ, предоставивъ Черниговскую область Владиміру и Изяславу Давидовичамъ, а Сѣверскую своимъ младшимъ братьямъ Игорю и Святославу. Младшіе, въ свою очередь, стремятся по слѣдамъ старшаго брата. Игорь, добиваясь великаго стола, погибъ жертвою кіевской черни; а Святославъ, послѣ сраженія на Рутѣ, только потому не занялъ Чернигова, что Изяславъ Давидовичъ успѣлъ ранѣе его прискакать туда съ поля битвы. Однако, онъ достигъ своей цѣли съ удаленіемъ Изяслава Давидовича въ Кіевъ. Вскорѣ затѣмъ и самый родъ Давидовичей пресѣкся. Ольговичи остались владѣтелями всей Черниговo-Сѣверской земли. Тогда не замедлило повториться прежнее явленіе: родъ Ольговичей двоится на старшую или Черниговскую линію и младшую или Сѣверскую. Послѣдняя снова не успѣваетъ обособиться, благодаря преимущественно тому, что старшіе родичи стремятся постоянно за Днѣпръ въ Кіевъ, и иногда очищаютъ Черниговъ для младшей линіи. Такимъ образомъ, Новгородъ-Сѣверскій довольно долгое время служитъ какъ бы переходнымъ столомъ, т. е. переходною ступенью въ Черниговъ.

15 февраля 1164 г. скончался въ Черниговѣ послѣдній изъ сыновей Олега Гориславича, Святославъ. Старшинство въ родѣ Ольговичей принадлежало теперь его племяннику Святославу Всеволодовичу, князю Новгородъ-Сѣверскому. Но бояре черниговскіе желали доставить свой столъ старшему сыну умершаго князя Олегу Стародубскому (извѣстному намъ по московскому свиданію 1147 г.). Вдовая княгиня, сговорясь съ боярами и епископомъ Антоніемъ, три дня таила отъ народа смерть своего мужа; а между тѣмъ отправила гонца за своимъ пасынкомъ Олегомъ въ его удѣлъ. Всѣ соучастники присягнули на томъ, чтобы до его пріѣзда въ Черниговъ никто не извѣщалъ Святослава Всеволодовича. Но между присягнувшими нашелся клятвопреступникъ, и это былъ самъ епископъ. Тысяцкій Юрій даже не совѣтовалъ брать съ него клятву, какъ съ святителя и притомъ извѣстнаго своею преданностію покойному князю. Антоній самъ захотѣлъ поцѣловать крестъ.

А вслѣдъ затѣмъ онъ послалъ тайкомъ грамоту въ Новгородъ-Сѣверскій къ Святославу Всеволодовичу съ извѣстіемъ, что дядя его умеръ, дружина разсѣяна по городамъ, а княгиня находится въ смущеніи съ своими дѣтьми и оставшимся отъ мужа великимъ имуществомъ; епископъ приглашалъ князя поспѣшить въ Черниговъ. Лѣтописецъ объясняетъ такое поведеніе епископа только тѣмъ, что онъ былъ Грекъ, т. е. подтверждаетъ распространенное въ то время мнѣніе о нравственной испорченности византійскихъ Грековъ. Слѣдовательно, повторялось тоже явленіе, которое произошло послѣ битвы на Рутѣ: Черниговъ долженъ былъ достаться тому изъ двоюродныхъ братьевъ, кто ранѣе въ него прискачетъ. Получивъ грамоту Антонія, Святославъ Всеволодовичъ немедленно отправилъ одного изъ сыновей захватить Гомій на Сожи, и разослалъ своихъ посадниковъ въ нѣкоторые черниговскіе города. Но самъ онъ не поспѣлъ во-время въ Черниговъ; Олегъ предупредилъ его. Тогда князья вступили въ переговоры и начали «ладиться о волостяхъ». Олегъ призналъ старшинство Святослава, и уступилъ ему Черниговъ, а самъ получилъ Новгородъ-Сѣверскій. Споръ о волостяхъ, однако, скоро возобновился, потому что старшій князь, вопреки условію, не надѣлилъ какъ должно братьевъ Олега, будущихъ героевъ «Слова о Полку Игоревѣ», и дѣло доходило до междоусобія сѣверскихъ князей съ черниговскими. Епископъ Антоній, преступившій клятву изъ усердія къ Святославу Всеволодовичу, не долго ладилъ съ этимъ княземъ. Четыре года спустя, онъ, какъ извѣстно, былъ лишенъ епископіи за то, что воспрещалъ Черниговскому князю вкушать мясо въ Господскіе праздники, которые приходились на середу или пятницу.

Когда Святославъ Всеволодовичъ послѣ долгихъ стараній добился, наконецъ, великаго Кіевскаго стола и подѣлилъ Кіевскую область съ своимъ соперникомъ Рюрикомъ Ростиславичемъ, онъ передалъ Черниговъ родному брату Ярославу. Около того же времени (въ 1180 г.) скончался Олегъ Святославичъ, и главою младшей линіи Ольговичей остался родной его братъ Игорь, который и получилъ въ удѣлъ Новгородъ-Сѣверскій. Извѣстны его подвиги въ борьбѣ съ Половцами, и особенно походъ 1185 г., предпринятый совокупно съ братомъ удалымъ Всеволодомъ Трубчевскимъ, сыномъ Владиміромъ Путивль-

скимъ и племянникомъ Святославомъ Ольговичемъ Рыльскимъ— походъ, столь прославленный неизвѣстнымъ намъ сѣверскимъ поэтомъ.

Нельзя сказать, чтобы Ярославъ Всеволодовичъ съ большою честью занималъ старшій Черниговскій столъ; такъ, въ оживленной тогда борьбѣ южнорусскихъ князей съ Половцами, онъ не обнаружилъ ни энергіи, ни охоты. Лѣтопись, вопреки обычаю, даже не нашла ничего сказать въ похвалу этого князя, упоминая о его смерти подъ 1198 годомъ. Представитель младшей вѣтви, Игорь Сѣверскій, получилъ теперь старшинство въ цѣломъ родѣ Ольговичей, и безпрепятственно занялъ Черниговскій столъ, но не надолго: въ 1202 году онъ скончался, не достигши еще преклонныхъ лѣтъ. Тогда Черниговъ снова переходитъ къ старшей вѣтви, именно къ сыну Святослава Всеволодича, Всеволоду Чермному. Этотъ безпокойный, честолюбивый князь, вѣрный стремленіямъ старшей линіи, какъ извѣстно, послѣ упорной борьбы добился Кіевскаго стола; но потомъ былъ изгнанъ оттуда союзомъ князей волынскихъ и смоленскихъ. При появленіи Татаръ мы находимъ въ Черниговѣ его младшаго брата Мстислава; а въ Сѣверскомъ удѣлѣ княжили потомки знаменитаго Игоря Святославича и супруги его Евфросиніи Ярославны Галицкой. Мы видѣли, какой трагическій конецъ имѣла ихъ попытка наслѣдовать землю Галицкую, когда тамъ пресѣклось мужеское колѣно Владимірка. Только старшій Игоревичъ, Владиміръ, успѣлъ во-время бѣжать изъ Галича.

Такимъ образомъ, не смотря на родовые счеты, возводившіе иногда младшую линію Ольговичей на Черниговскій столъ, исторія однако вела къ нѣкоторому обособленію Новгородъ-Сѣверскаго удѣла, пока татарскій погромъ не нарушилъ естественнаго хода въ развитіи Черниговo-Сѣверскаго края. Впрочемъ, этому обособленію мѣшало и самое положеніе Сѣверской области; вся юго-восточная половина ея лежала на пограничьѣ съ Половецкою степью и должна была постоянно бороться съ хищными кочевниками. Въ борьбѣ съ ними удалые сѣверскіе князья совершили много подвиговъ; но при этомъ они нуждались въ дѣятельной поддержкѣ своихъ старшихъ родичей. Мы видѣли, какъ послѣ пораженія сѣверскаго ополченія на берегахъ Каялы, только энергичныя мѣры главы Ольговичей,

Святослава Всеволодовича Кіевскаго, спасли Посемье отъ грозившаго ему погрома.

Ядро Черниговo-Сѣверской земли составлялъ уголъ, заключающійся между Десною съ одной стороны и ея притоками Остромъ и Семью съ другой, а также примыкающая къ нему полоса праваго Подесенья. Если будемъ подниматься вверхъ по Деснѣ отъ ея низовьевъ, то первые черниговскіе города, которые здѣсь встрѣчаемъ, назывались Лутава и Моравійскъ. Они были расположены на правомъ берегу рѣки какъ и другіе подесненскіе города, потому что правый ея берегъ обыкновенно господствуетъ надъ лѣвымъ. Лутава находилась почти насупротивъ Остерскаго устья, а Моравійскъ нѣсколько выше его. Послѣдній извѣстенъ намъ по миру, заключенному здѣсь въ 1139 году послѣ жестокой войны между Мономаховичами и Ольговичами. Вообще оба названные города упоминаются обыкновенно по поводу междоусобій этихъ двухъ княжескихъ поколѣній изъ-за Кіевскаго стола. Находясь на прямомъ судоходномъ пути между Кіевомъ и Черниговомъ, они, вѣроятно, принимали дѣятельное участіе въ торговомъ движеніи того времени. Это географическое положеніе ихъ объясняетъ, почему они нерѣдко служили мѣстомъ княжескихъ съѣздовъ при заключеніи мира, а также оборонительнаго или наступательнаго союза. Но тоже положеніе подвергало ихъ частымъ непріятельскимъ осадамъ и разореніямъ, во время междоусобій черниговскихъ и кіевскихъ князей. Однажды (въ 1159 г.) Изяславъ Давидовичъ, временно владѣвшій Кіевомъ, разгнѣвался на своего двоюроднаго брата Святослава Ольговича, которому уступилъ Черниговъ. Онъ велѣлъ сказать Святославу, что заставитъ его уйти обратно въ Новгородъ-Сѣверскій. Услыхавъ такую угрозу, Ольговичъ сказалъ: «Господи! видишь смиреніе мое. Не желая проливать кровь христіанскую и погубить отчину, я согласился взять Черниговъ съ семью пустыми городами, въ которыхъ сидятъ псари и Половцы; а онъ съ своимъ племянникомъ держитъ за собою всю волость Черниговскую, и того ему мало». Первымъ изъ этихъ пустыхъ городовъ Святославъ назвалъ Моравійскъ; но въ его презрительномъ отзывѣ о нихъ видно несомнѣнное преувеличеніе.

Поднимаясь далѣе вверхъ по Деснѣ, мы пристанемъ къ стольному Чернигову, который красуется на ея правомъ берегу, при впаденіи въ нее рѣчки Стрижня. Отъ устья этой рѣчки направо внизъ по Деснѣ, на разстояніи нѣсколькихъ верстъ, идутъ довольно значительные береговые холмы, оставляя небольшую луговую полосу, заливаемую вешнею водою. Это такъ называемыя Болдины горы, по гребню которыхъ и раскинулся самый городъ съ своими двумя древнѣйшими монастырями. Внутренній городъ или «дѣтинецъ», огороженный валомъ и деревянными стѣнами, былъ расположенъ на довольно плоскомъ возвышеніи, ограниченномъ съ одной стороны долиною Десны, съ другой Стрижня, а съ остальныхъ сторонъ лощинами и оврагами. Лицомъ онъ былъ обращенъ къ Деснѣ или къ своей судовой пристани. Съ противоположной стороны къ нему примыкалъ городъ «внѣшній» или «окольный», иначе называемый «острогъ»; послѣдній былъ опоясанъ землянымъ валомъ, который однимъ концомъ упирался въ Стрижень, а другимъ въ Десну. Ворота этого окольнаго города, обращенныя къ Стрижню, судя по лѣтописи, назывались «Восточными». Остатки еще третьяго окружнаго вала, отстоящаго на значительное разстояніе отъ города, подтверждаютъ, что насыпка валовъ долго служила въ южной Руси обычнымъ способомъ защиты отъ сосѣднихъ народовъ, особенно отъ хищныхъ кочевниковъ, которыхъ набѣги въ тѣ времена простирались не только до Чернигова, но и далѣе его къ сѣверу. Внутри этого послѣдняго вала, вѣроятно, находились загородные дворы, княжескіе и боярскіе, а также подгородные хутора, огороды и пастбища. Въ случаѣ нашествія степной конницы, за этими валами укрывались, конечно, окрестные сельскіе жители съ своими стадами и хлѣбными запасами.

Главную святыню Чернигова и главное его украшеніе составлялъ изящный соборный храмъ Спаса Преображенія, построенный, если вѣрить преданію, на мѣстѣ древняго языческаго капища. Храмъ этотъ есть современникъ Кіевской Софіи и даже нѣсколькими годами старше ея. Основаніе ему положено Мстиславомъ Тмутраканскимъ. При кончинѣ сего князя стѣны собора, по словамъ лѣтописца, были сложены уже на такую вышину, что человѣкъ, стоя на конѣ, едва могъ достать рукою верхъ, слѣдовательно, сажени на двѣ. Вѣроятно,

онъ былъ заложенъ года за два, вскорѣ послѣ удачнаго похода Мстислава съ братомъ Ярославомъ на Ляховъ: походъ этотъ (предпринятый въ 1031 году) окончился завоеваніемъ Червонной Руси. Можетъ быть, и самый храмъ задуманъ въ память сего славнаго событія, подобно Кіевской Софіи, которая, спустя лѣтъ пять, заложена въ память великой побѣды Ярослава надъ Печенѣгами. Построеніе Спасскаго собора, по всей вѣроятности, докончено племянникомъ Мстислава и его преемникомъ Святославомъ Ярославичемъ. Мы знаемъ обычное желаніе русскихъ князей быть погребенными въ храмахъ, ими самими построенныхъ. А въ Спасскомъ соборѣ погребены не только Мстиславъ Владиміровичъ, но и Святославъ Ярославичъ, хотя послѣдній скончался, занимая великій столъ Кіевскій.

Архитектурный стиль, кладка стѣнъ и украшенія Черниговскаго собора совершенно тѣже, что и главныхъ кіевскихъ храмовъ; безспорно, его строили также византійскіе зодчіе. По своему основному плану и тремъ алтарнымъ полукружіямъ, онъ болѣе подходитъ къ кіевской Десятинной церкви, нежели къ Софійской; но много уступаетъ въ размѣрахъ и той, и другой. Число верховъ или куполовъ, повидимому, не превышало обычныхъ пяти. Кіевскую Софію онъ напоминаетъ своею вежею, или круглою башнею, которая примыкаетъ къ сѣверозападному углу зданія, т. е. по лѣвую сторону главнаго входа. Эта вежа заключаетъ въ себѣ каменную витую лѣстницу, ведущую на полати храма или на хоры, назначавшіяся для женскаго пола и особенно для княжескаго семейства. Какъ и въ Кіевскомъ соборѣ, хоры огибаютъ три внутреннія стѣны, т. е. за исключеніемъ восточной или алтарной. Восемь стройныхъ колоннъ изъ красноватаго мрамора, по четыре на сѣверной и южной сторонахъ, поддерживаютъ эти полати; восемь другихъ колоннъ меньшаго размѣра составляютъ верхній ярусъ, т. е. обрамляютъ хоры и, въ свою очередь, поддерживаютъ верхи храма. Стѣнное расписаніе, повидимому, исключительно составляла фресковая иконопись. Незамѣтно, чтобы стѣны алтаря и предалтарія когда-либо украшались мозаичными изображеніями. Мозаика въ тѣ времена была на Руси весьма дорогимъ украшеніемъ, доступнымъ только главнѣйшимъ храмамъ первопрестольнаго города.

Въ Спасскомъ каѳедральномъ соборѣ, кромѣ его строителей Мстислава и Святослава, погребены: сынъ послѣдняго Олегъ, внукъ Владиміръ Давыдовичъ и правнукъ Ярославъ Всеволодовичъ, а также кіевскій митрополитъ Константинъ, соперникъ извѣстнаго Климента Смолятича. Любопытно слѣдующее извѣстіе. Въ 1150 году, когда Юрій Долгорукій временно занималъ Кіевскій столъ, союзникъ его Святославъ Ольговичъ взялъ изъ кіевскаго Симеонова монастыря тѣло своего брата Игоря, убитаго Кіевлянами, и перенесъ его въ родной Черниговъ, гдѣ оно было погребено, по словамъ лѣтописи, «у святаго Спаса въ теремѣ», слѣдовательно, не въ самомъ соборѣ, а въ его пристройкѣ. И дѣйствительно, на южной сторонѣ храма видно основаніе какого-то зданія съ абсидомъ или алтарнымъ полукружіемъ. Можетъ быть, это и былъ упомянутый теремъ, т. е. небольшой придѣльный храмъ съ покоемъ, предназначеннымъ удовлетворять какимъ-либо нуждамъ каѳедральнаго собора или епископіи.

Главный княжескій дворецъ стоялъ тутъ же не подалеку отъ св. Спаса. На восточной сторонѣ послѣдняго находилась каменная церковь во имя архангела Михаила, основанная Святославомъ Всеволодичемъ, когда онъ сидѣлъ на Черниговскомъ столѣ. Тотъ же князь, очевидно усердный храмоздатель, построилъ и другую церковь на княжемъ дворѣ, въ честь Благовѣщенія Пресвятой Богородицы; она отстояла отъ св. Спаса нѣсколько далѣе, чѣмъ св. Михаилъ и ближе къ берегу Стрижня. Въ этой Благовѣщенской церкви, въ 1196 году, былъ погребенъ двоюродный братъ ея основателя Всеволодъ Святославичъ Трубчевскій, извѣстный Буй-туръ «Слова о Полку Игоревѣ». Лѣтопись замѣчаетъ по сему поводу, что онъ всѣхъ Ольговичей превосходилъ добротою своего сердца, мужественнымъ характеромъ и величественною наружностію. Погребеніе Всеволода совершили съ великою честію епископъ и всѣ черниговскіе игумны, въ присутствіи «всей его братьи Ольговичей». Владиміръ Мономахъ въ «Поученіи дѣтямъ» вспоминаетъ, что однажды, въ бытность свою княземъ Черниговскимъ, онъ угощалъ у себя на «Красномъ дворѣ» отца своего Всеволода и двоюроднаго брата Олега Святославича, при чемъ поднесъ отцу въ даръ 300 гривенъ золота. Не знаемъ, гдѣ находился этотъ Красный дворъ: былъ

ли онъ тоже, что главный княжій теремъ въ дѣтинцѣ, или, что вѣроятнѣе, особый загородный дворецъ.

Почитаніе и прославленіе двухъ князей-мучениковъ началось въ Черниговѣ также рано, какъ и въ Кіевѣ. Между тѣмъ какъ Олегъ Святославичъ докончилъ каменный Борисоглѣбскій храмъ, начатый его отцомъ въ Вышгородѣ, а Владиміръ Мономахъ сооружалъ такой же подъ Переяславлемъ, Черниговскій храмъ во имя этихъ мучениковъ, по всѣмъ признакамъ, былъ построенъ старшимъ братомъ Олега, Давидомъ. Онъ былъ соименникомъ св. Глѣбу, въ крещеніи Давиду, и любопытно, что Черниговскій храмъ назывался не Борисоглѣбскимъ какъ вездѣ, а Глѣбоборисовскимъ. При немъ былъ устроенъ и монастырь. Давидъ Святославичъ, извѣстный своимъ кроткимъ, незлобивымъ характеромъ и благочестіемъ, погребенъ здѣсь, конечно, какъ его основатель. Тутъ же нашелъ успокоеніе и сынъ его Изяславъ Давидовичъ, неудачный князь Кіевскій, своимъ безпокойнымъ нравомъ и честолюбіемъ составлявшій противуположность отцу. Былъ въ самомъ городѣ и женскій монастырь, во имя Параскевы Пятницы, можетъ быть, основанный княжною Предиславою, сестрою того же Давида Святославича; по крайней мѣрѣ извѣстно, что она скончалась монахиней. Храмъ св. Параскевы своими высокими арками, столбами и куполомъ и теперь еще напоминаетъ характеръ византійско-русской архитектуры Домонгольской эпохи. Но главное мѣсто между черниговскими монастырями всегда занимали обители Ильинская и Елецкая. Обѣ онѣ расположены на Болдиныхъ горахъ: Елецкая возлѣ самаго города, посреди садовъ и огородовъ, а Ильинская, въ разстояніи отъ него около двухъ верстъ, на крутомъ лѣсистомъ обрывѣ въ долину Десны. Происхожденіе Ильинской обители преданіе приписываетъ св. Антонію Печерскому, и относитъ его именно къ тому времени, когда Антоній, вслѣдствіе клеветы, подвергся гнѣву великаго князя Изяслава Ярославича и нашелъ покровительство у его брата Святослава въ Черниговѣ. Здѣсь онъ поселился также въ пещерѣ, которую самъ ископалъ въ Болдиныхъ горахъ, и около него не замедлила собраться пещерная братія. Послѣ его возвращенія въ Кіевъ, Черниговскій князь построилъ надъ этими пещерами монастырскій храмъ во имя св. Иліи. Слѣдовательно, происхожде-

ніе черниговскаго Ильинскаго монастыря было одинаковое съ Кіево-Печерскимъ. Тому же князю Святославу преданіе приписываетъ и основаніе Елецкой обители съ главнымъ храмомъ въ честь Успенія Богородицы, можетъ быть, также по примѣру Печерской въ Кіевѣ. Елецкій Успенскій храмъ и доселѣ сохраняетъ общія архитектурныя черты съ Кіево-Печерскимъ. Какъ Спасскій каѳедральный соборъ, такъ и упомянутые монастыри были щедро надѣлены землями, разными угодьями и доходами отъ своихъ благочестивыхъ основателей и ихъ преемниковъ.

Вершины Болдиныхъ горъ усѣяны могильными курганами языческихъ временъ. Изъ нихъ, по своимъ размѣрамъ, въ наше время выдавались особенно два кургана: одинъ подлѣ Елецкаго монастыря, носившій названіе «Черной могилы», а другой подлѣ Ильинскаго—«Гульбище». Преданіе народное связывало ихъ съ памятью о своихъ древнѣйшихъ князьяхъ. Недавно произведенныя раскопки извлекли изъ нихъ предметы вооруженія, охоты, домашняго быта и разныя украшенія, сильно испорченныя огнемъ, но въ нѣкоторыхъ образцахъ сохранившіе слѣды изящной работы, отчасти греческой, отчасти восточной. По всѣмъ признакамъ, эти курганы, дѣйствительно, скрывали въ себѣ останки русскихъ князей или вельможъ, сожженныхъ на кострѣ вмѣстѣ съ ихъ оружіемъ и утварью, согласно съ обычаями языческой Руси. Что же касается до окрестностей Чернигова, то въ эпоху Домонгольскую онѣ, повидимому, изобиловали поселками и хуторами. Изъ ближнихъ селъ, судя по лѣтописи, самымъ значительнымъ было Боловесъ или Бѣлоусъ; оно лежало на западъ отъ Чернигова за такъ называемымъ «Ольговымъ полемъ», на рѣчкѣ Бѣлоусъ, правомъ притокѣ Десны. На этомъ Ольговомъ полѣ обыкновенно располагалась станомъ та непріятельская рать, которая, во время княжескихъ междоусобій, подступала къ Чернигову съ Кіевской стороны.

Отъ Чернигова идя вверхъ по Деснѣ, мы встрѣчаемъ, во первыхъ, городъ Сновскъ, на правомъ ея притокѣ Сновѣ, прославленный первою побѣдою надъ Половцами, въ 1068 г., а во вторыхъ Сосницу, на рѣчкѣ Убеди, также правомъ притокѣ Десны, недалеко отъ сліянія послѣдней съ Семью. Затѣмъ слѣдуетъ второй по значенію городъ Черниговской

земли и вторая послѣ Чернигова судовая пристань на Деснѣ, Новгородъ Сѣверскій, расположенный на высотахъ ея праваго берега, на плоскости, пересѣченной оврагами и лощинами. Онъ былъ хорошо укрѣпленъ. На крайнемъ къ берегу возвышеніи находился дѣтинецъ, огороженный деревянною стѣною и заключавшій внутри соборный Успенскій храмъ, который, по словамъ преданія, основанъ на томъ мѣстѣ, гдѣ въ языческія времена стоялъ идолъ главнаго бога и приносились жертвы. За исключеніемъ береговой стороны, дѣтинецъ опоясывался внѣшнимъ городомъ или острогомъ; послѣдній, кромѣ вала, былъ укрѣпленъ тыномъ или частоколомъ, и захватывалъ часть Заручья, которое отдѣлялось отъ города глубокимъ оврагомъ съ текущимъ на его днѣ ручьемъ. Въ городъ вели съ одной стороны ворота «Черниговскія», съ другой «Курскія»; а у соборнаго храма надъ спускомъ къ Деснѣ были ворота «Водяныя». Предмѣстья или ближайшія окрестности съ загородными селами, по обычаю главныхъ городовъ Южной Руси въ тѣ времена, были также обведены валомъ (*переспа* лѣтописи). Вѣроятно въ чертѣ этого вала находилась и вторая послѣ Успенія святыня Новгорода Сѣверскаго, монастырь Спасопреображенскій, основанный сыновьями Давида Святославича. Этотъ монастырь возвышался около самаго города на живописномъ взгорьѣ Десны посреди садовъ и липовыхъ рощъ. Здѣсь въ придѣлѣ св. Михаила былъ погребенъ въ 1180 г. сѣверскій князь Олегъ Святославичъ, старшій братъ знаменитаго Игоря и Буй-тура Всеволода. Около Новгорода Сѣверскаго лежали загородныя княжія села и дворы, изобильныя челядью, скотомъ, погребами съ медомъ и виномъ, складами желѣза и мѣди, гумнами со стогами всякаго жита и пр. На рѣчкѣ Рахнѣ паслись княжіе табуны въ нѣсколько тысячъ коней и матокъ. Лѣтопись особенно указываетъ на село Мелтеково и какое-то сельцо Игорево, т. е. Игоря Ольговича, гдѣ былъ богатый княжій дворъ и храмъ во имя св. Георгія (христіанское имя Игоря Ольговича).

Еще выше по Деснѣ, опять на высокомъ правомъ берегу, находимъ Трубецкъ или Трубчевскъ, въ лѣсистой мѣстности, огороженный высокимъ валомъ и также имѣющій значительную пристань. Онъ сдѣлался извѣстенъ въ концѣ

XII вѣка, благодаря своему удѣльному князю Буй-туру Всеволоду. Накопецъ на верхнемъ теченіи Десны находились Брянскъ, Вщижъ, и Карачевъ; послѣдній на лѣвомъ ея притокѣ Снѣжати. Эти три города лежали тамъ, гдѣ поселенія Сѣверянъ сходились съ землею Вятичей, посреди лѣсовъ и дебрей, на которыя указываетъ и самое имя Брянска или Дебрянска. Отсюда собственно и начиналось судоходство по Деснѣ.

Другую водную артерію Сѣверской земли составляла Семь, главный притокъ Десны съ лѣвой стороны. Посемье принадлежало къ Новгородъ-Сѣверскому удѣлу, т. е. составляло владѣнія младшей линіи Ольговичей. Здѣсь первый значительный городъ, восходя вверхъ по теченію Семи, былъ Путивль, на крутомъ правобережномъ ея возвышеніи, при впаденіи рѣчки Путивльки. Также какъ на Деснѣ, правый берегъ Семи выше лѣваго; поэтому на немъ и воздвигались города. А низменный лѣвый берегъ окаймлялъ степную сторону, откуда постоянно грозили набѣги кочевниковъ. Дѣтинецъ Путивля отдѣлялся отъ внѣшняго города рвомъ и валомъ съ деревянною стѣною, и, по обычаю русскихъ кремлей, возвышался прямо надъ Семью, которая свѣтлою лентою извивается у подошвы правобережныхъ холмовъ, поросшихъ лѣсомъ и кустарникомъ. Съ южной стѣны города открывался широкій видъ на раскинувшееся за рѣкою степное пространство; отсюда понятенъ намъ плачъ Евфросиніи Ярославны на этой стѣнѣ или заборалѣ. Удѣлъ ея сына Владиміра Игоревича, Путивль служилъ сборнымъ мѣстомъ для дружинъ, которыя ея супругъ Игорь повелъ въ Половецкую степь. Княгиня проводила его до этого города, и въ Путивльскомъ княжемъ теремѣ стала ожидать возвращенія своихъ близкихъ изъ похода. Съ городскаго заборала безъ сомнѣнія она часто смотрѣла вдаль, прежде съ надеждою увидать ихъ побѣдоносные стяги, а потомъ съ отчаяніемъ объ участи супруга. Въ Путивльскомъ «городкѣ» (бывшемъ дѣтинцѣ) показываютъ надгробную плиту съ именемъ княжича Василія, погребеннаго въ Спасскомъ монастырѣ. Здѣсь былъ еще храмъ во имя Вознесенія, по извѣстію лѣтописи, щедро снабженный отъ сѣверскихъ князей серебряными сосудами, шитыми золотомъ покровами, богослужебными книгами и колоколами. Объ изобиліи разнаго

рода припасовъ въ княжемъ дворѣ свидѣтельствуетъ большое количество меду, вина и челяди, которое въ 1146 г. захватили здѣсь Изяславъ Кіевскій и его союзники Давидовичи Черниговскіе. То обстоятельство, что они не могли взять Путивль осадою, а взяли его только по договору, указываетъ на крѣпость города.

Далѣе по Семи лежали удѣльные города Рыльскъ и Ольговъ, а на верхнемъ ея теченіи Курскъ. Послѣдній расположенъ не на самой Семи, а въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нея, на продолговатомъ возвышеніи между притокомъ Семи Тускарью и рѣчкою Куромъ, тутъ же впадающимъ въ Тускарь. Курскій удѣлъ былъ спорнымъ между Черниговскимъ и Переяславскимъ княженіемъ; по своему положенію на рѣчномъ пути онъ болѣе тянулъ къ первому княженію, за которымъ и былъ окончательно утвержденъ. Населеніе Курской области, лежавшей на украйнѣ съ хищными кочевниками, преимущественно передъ другими Сѣверянами отличалось бодрымъ, воинственнымъ духомъ и своей удалой конницей. Въ Словѣ о Полку Игоревѣ Всеволодъ Трубчевскій конечно не даромъ говоритъ своему брату: «А мои Куряне извѣстные наѣздники; подъ (воинскими) трубами они повиты, подъ шеломами взлелѣяны, концомъ копья вскормлены, (степные) пути имъ вѣдомы, овраги знакомы, луки у нихъ натянуты, колчаны отворены, сабли наточены; они только и знаютъ что рыскаютъ въ полѣ, какъ сѣрые волки, ища себѣ чести, а князю славы». Однако Курское населеніе не пренебрегало и хозяйственною дѣятельностію; по всѣмъ признакамъ оно было зажиточнымъ, благодаря особенно тучной, черноземной почвѣ и умѣренному климату. Изъ житія св. Ѳеодосія видно, что граждане Курска имѣли загородные хутора и занимались сельскимъ хозяйствомъ и что отсюда ходили въ Кіевъ цѣлые обозы съ припасами; а весною они конечно сплавлялись по Семи въ Десну. Послѣдняя несла въ Кіевъ произведенія почти всей Черниговской земли и области Вятичей, каковы: лѣсъ, хлѣбъ, садовые и огородные плоды, медъ, воскъ, сало, кожи, пеньковыя издѣлія, конопляное сѣмя или масло, и пр. Къ Посемью принадлежалъ еще городъ Глуховъ, на рѣчкѣ Есмани (которая впадаетъ въ Клевань, правый притокъ Семи), а къ Подесенью крѣпкій Стародубъ, на болоти-

стыхъ берегахъ Бабица (который съ Воблею впадаетъ въ Судость, правый притокъ Десны). Съ южной или Переяславской стороны ядро Черниговской земли было защищено цѣлымъ рядомъ городовъ, каковы въ особенности: Бѣлавежа, Всеволожъ и Унепѣжъ (Нѣжинъ), расположенные по Остру, лѣвому притоку Десны.

Черниговская земля хотя своею западной стороной упиралась въ Днѣпръ, но имѣла на немъ мало городовъ; чему не благопріятствовалъ низменный болотистый характеръ его лѣвобережья. Только на нѣкоторыхъ болѣе возвышенныхъ мѣстахъ находились значительныя поселенія; между ними первое мѣсто занималъ весьма древній Любечъ, раскинувшійся на живописныхъ холмахъ, пересѣченныхъ глубокими оврагами, родина св. Антонія Печерскаго и мѣсто знаменитаго княжескаго съѣзда въ 1097 г. Онъ служилъ одною изъ главныхъ пристаней для судовыхъ каравановъ на великомъ водномъ пути въ Кіевъ и Византію, и Константинъ Багрянородный упоминаетъ его какъ одинъ изъ важнѣйшихъ русскихъ городовъ. Но въ XII вѣкѣ онъ находился уже въ нѣкоторомъ упадкѣ, судя по выше приведенной жалобѣ Изяслава Давидовича; князь называетъ Любечъ въ числѣ тѣхъ семи бѣдныхъ, пустыхъ городовъ, въ которыхъ сидѣли псари и плѣнные Половцы. Но безъ сомнѣнія Изяславъ только ради краснаго слова причислилъ его къ такимъ городамъ. Весьма вѣроятно, что здѣсь дѣйствительно содержалась большая псовая охота; такъ какъ въ окольной лѣсистой области водилось множество всякаго рода дичи, гусей, лебедей, туровъ, лосей и т. д. Словамъ Изяслава Давидовича противорѣчитъ и слѣдующее обстоятельство. Около тогоже времени Изяславъ Мстиславичъ Кіевскій, воюя окрестности Чернигова и тщетно вызывая своихъ противниковъ изъ города въ поле, сказалъ: «пойдемъ на Любечъ; тамъ у нихъ (Черниговскихъ князей) вся жизнь», т. е. все богатство. Ясно, что подъ Любечемъ были княжія села и дворы, изобилующіе челядью, скотомъ, хлѣбными и другими припасами. Слѣдовательно онъ все еще былъ однимъ изъ зажиточныхъ черниговскихъ городовъ и лежалъ въ мѣстности по тому времени довольно населенной. Близъ Любеча на той же цѣпи лѣсистыхъ холмовъ возникъ Антоніевъ монастырь, которому преданіе приписывало такое же пещерное

происхожденіе какъ въ Кіевѣ и Черниговѣ: св. Антоній, еще будучи міряниномъ Антипою, ископалъ здѣсь пещеру ради молитвеннаго уединенія.

Къ сѣверу отъ Любеча вступаемъ въ область рѣки Сожи, населенную племенемъ Радимичей, область ровную, песчано-глинистую, обильную сосновымъ лѣсомъ и болотами, которыя узкими полосами тянутся иногда на десятки верстъ. Главная ея водная жила, т. е. рѣка Сожъ, не смотря на свои мели, была судоходна; она извилисто течетъ по долинѣ, покрытой влажнымъ лѣсомъ и кустарникомъ, озерами и заливными лугами. Правый берегъ какъ болѣе сухой и возвышенный представлялъ и болѣе удобныя мѣста для поселенія. На немъ располагались значительнѣйшіе города и пристани Радимичей, каковы Гомій на нижнемъ теченіи Сожи и Чичерскъ на среднемъ. Другой водной жилой этого края служила сплавная рѣка Ипуть, лѣвый притокъ Сожи; однако въ исторической извѣстности она уступаетъ небольшой рѣчкѣ Пищани, которая впадаетъ въ Сожъ съ правой стороны (близъ Пропойска) и ознаменована побѣдою воеводы Волчьяго Хвоста надъ Радимичами во времена Владиміра Великаго. Подобныя битвы съ Кіевскою Русью должны были происходить около береговъ Сожи, ибо она представляла кратчайшій судовой путь между Кіевомъ и Смоленскомъ. Слѣдовательно покореніе этой области было очень важно для кіевскихъ великихъ князей; оно совершилось повидимому неранѣе конца X вѣка. Еще позднѣе подчинились имъ Вятичи, восточные сосѣди Радимичей и говорившіе съ ними однимъ нарѣчіемъ.

Даже въ началѣ XII вѣка мы видимъ у Вятичей господство туземныхъ князей и языческой религіи. Русскому завоеванію не легко было проникнуть въ эту глухую лѣсную сторону; такъ какъ чрезъ нее не пролегалъ ни одинъ торный судовой путь. Здѣсь сходились только верховья рѣкъ, текущихъ въ разныя стороны; а Русь распространяла свое господство преимущественно по теченію судоходныхъ рѣкъ. Походы ея въ эту сторону конечно предпринимались болѣе въ зимнее время. Расположенные между владѣніями русскихъ князей, Сѣверской землею съ одной стороны, Ростовскою и Рязанскою съ другой, Вятичи должны были постепенно уступать силѣ ихъ оружія и также войти въ составъ ихъ владѣній. Раздроб-

ленные на мелкія княженія и общины, они не могли отстоять себя отъ могучаго Русскаго племени. Лѣтопись не даетъ намъ извѣстій объ этой борьбѣ; только Поученіе Мономаха бросаетъ мимоходомъ на нее нѣкоторый свѣтъ. Такъ, когда отецъ его Всеволодъ княжилъ въ Русскомъ Переяславлѣ, то посылалъ юнаго Владиміра въ свой дальній Ростовскій удѣлъ «сквозѣ Вятичи». Слѣдовательно этотъ путь шелъ сквозь еще непокоренное, враждебное племя. Далѣе, когда Всеволодъ сидѣлъ на Кіевскомъ столѣ, а Владиміръ на Черниговскомъ, то послѣдній двѣ зимы сряду предпринималъ походы въ землю Вятичей на туземныхъ князей Кордна и Ходоту съ сыномъ. Вѣроятно съ этого времени и началось болѣе прочное завоеваніе Вятичей, занятіе крѣпкихъ пунктовъ сѣверскими дружинами и замѣна туземныхъ князей черниговскими намѣстниками. Лѣтописное извѣстіе о походѣ Изяслава II въ 1146 г. противъ Святослава Ольговича Сѣверскаго, и отступленіе послѣдняго въ землю Вятичей впервые обнаруживаетъ ихъ принадлежность Черниговскому княженію. Вмѣстѣ съ русскимъ владычествомъ начала утверждаться здѣсь и христіанская церковь. Извѣстны подвиги кіевопечерскаго инока Кукши, который вмѣстѣ съ своимъ ученикомъ Никономъ проповѣдывалъ здѣсь слово Божіе, крестилъ много язычниковъ, и смертью мученика запечатлѣлъ торжество новой религіи (въ первой трети XII вѣка). Но язычество еще долго сохранялось въ этой глухой сторонѣ, особенно между сельскимъ населеніемъ, и долго еще Вятичи приносили жертвы старымъ богамъ въ чащѣ своихъ лѣсовъ, сожигали на большихъ кострахъ знатныхъ покойниковъ, и насыпали надъ ними высокіе курганы.

Хотя изобилующая густыми лѣсами, земля Вятичей однако имѣла другой характеръ сравнительно съ низменнымъ, болотистымъ полѣсьемъ Припяти и Сожи. Какъ часть Алаунской возвышенности, она представляла болѣе сухую и нѣсколько холмистую равнину съ хлѣбородною почвою: юговосточная ея половина принадлежитъ уже къ черноземной полосѣ. Населеніе ея занималось преимущественно земледѣліемъ и пчеловодствомъ; промышленность и торговля долго не могли здѣсь развиваться по недостатку большихъ, торныхъ путей. Главная водная жила, Ока принадлежала Вятичамъ однимъ верхнимъ своимъ теченіемъ, только отчасти судоходнымъ. Вятскіе города

располагались конечно по этой рѣкѣ и ея важнѣйшимъ притокамъ, каковы Жиздра, Угра и Протва съ лѣвой стороны, Зуша и Упа съ правой. Изъ городовъ упомянемъ: Мценскъ и Новосиль на Зушѣ, Дѣдославль на притокѣ Упы и Козельскъ на крутомъ берегу Жиздры, посреди овраговъ и хвойныхъ лѣсовъ. Изъ всѣхъ вятскихъ городовъ только въ одномъ Козельскѣ находимъ особаго удѣльнаго князя, въ эпоху Татарскаго нашествія; откуда заключаемъ о его значительности въ сравненіи съ другими. (10).

Къ югу отъ Черниговскихъ владѣній лежала другая часть земли Сѣверянъ—княжество Переяславское. Расположенная на пограничьѣ съ Половецкою степью, Переяславская земля въ тѣ времена называлась украйною. Извѣстно, что по раздѣлу Ярослава эта земля вмѣстѣ съ отдаленною Ростовско-Суздальскою областью досталась третьему его сыну Всеволоду, за потомствомъ котораго и утверждена на Любецкомъ съѣздѣ. Съ вокняженіемъ Мономахова дома на Кіевскомъ столѣ судьба Переяславля еще тѣснѣе связалась съ судьбою Кіева, и, подобно Туровскому Полѣсью, Переяславская украйна нѣкоторое время составляла только удѣльную область кіевскихъ князей. Переяславль былъ какъ бы вторымъ послѣ Кіева столомъ въ родѣ Мономаховомъ, и отсюда князья нерѣдко перемѣщались на великій Кіевскій столъ. Подобныя перемѣщенія и переходы изъ рукъ въ руки помѣшали Переяславской землѣ обособиться и получить свою отдѣльную династію. Эта область еще менѣе чѣмъ Туровская могла обособиться и по своему географическому положенію, то есть по причинѣ близкаго сосѣдства съ половецкими ордами: одними собственными силами она не могла себя отстоять, и защита этой украйны составляла постоянную заботу великихъ князей Кіевскихъ. Они старались держать на Переяславскомъ столѣ наиболѣе храбрыхъ между своими близкими родственниками. Около половины XII вѣка, между тѣмъ какъ старшая линія Мономаховичей вокняжилась на Волыни и въ Смоленскѣ, въ Переяславскомъ удѣлѣ утвердилась младшая линія, то есть Юрій Долгорукій съ своимъ потомствомъ. Такимъ образомъ этотъ удѣлъ снова очутился въ однѣхъ рукахъ съ отдаленнымъ Ростовско-Суздальскимъ столомъ, но уже при явномъ преоб-

ладанiи послѣдняго. Юрiй отдалъ Переяславль своему сыну Глѣбу; а когда Суздальцы взяли Кiевъ, то Андрей Боголюбскiй, какъ извѣстно, перевелъ своего младшаго брата Глѣба на Кiевскiй столъ. Переяславль перешелъ къ сыну Глѣба, юному Владимiру. Возмужавъ, Владимiръ явился однимъ изъ самыхъ удалыхъ князей своего времени, и отличился ратными подвигами въ борьбѣ съ Половцами. Это тотъ самый Владимiръ Глѣбовичъ, который послѣ пораженiя сѣверскихъ князей на берегахъ Каялы своею мужественною обороною спасъ Переяславль, осажденный Кончакомъ и другими ханами, въ 1186 г. Въ отчаянной вылазкѣ онъ получилъ много ранъ; но уже въ слѣдующемъ году мы встрѣчаемъ его въ соединенномъ ополченiи, ходившемъ на Половцевъ. Владимiръ, по обыкновенiю своему, отпросился у старшихъ князей, Святослава и Рюрика, «ѣздити напереди съ Чернымъ Клобукомъ», то есть предводительствовать передовою торкскою конницей. На обратномъ пути онъ заболѣлъ и скончался. Его принесли въ Переяславль и похоронили въ соборномъ храмѣ св. Михаила. За свою щедрость и храбрость онъ былъ любимъ дружиною и народомъ; по замѣчанiю лѣтописца, «украйна» много о немъ плакала. Переяславскiй столъ въ это время находился въ зависимости отъ сильнаго суздальскаго князя Всеволода III, который былъ роднымъ дядею Владимiру Глѣбовичу. Нѣкоторое время Всеволодъ держалъ Переяславскую область однимъ изъ своихъ сыновей (Ярославомъ). Но съ 1207 года она опять начала переходить изъ рукъ въ руки, особенно по смерти Всеволода III, когда на югѣ возобновилась борьба за Кiевъ между Мономаховичами и Ольговичами.

Переяславская земля была ограничена на сѣверѣ Семью и Остромъ, на западѣ нижнимъ теченiемъ Десны и лѣвымъ берегомъ Днѣпра приблизительно до устья Сулы; а отсюда ея предѣлы шли по Хоролю, притоку Псела, пересѣкали Пселъ и Ворсклу, и приблизительно простирались до верхняго Донца. Съ этой стороны, т. е. на югѣ и востокѣ, они сливались со степью, отъ которой слегка отдѣляли ихъ линiи земляныхъ валовъ, издавна насыпанныхъ Русью для защиты отъ кочевниковъ. Лѣтописное извѣстiе о подобномъ валу, названномъ *шоломя* и шедшемъ по рѣкѣ Хоролу, встрѣчается при описанiи Кончакова нашествiя въ 1184 г. Поверхность

Переяславской земли представляетъ ровную и даже низменную полосу, только въ своей восточной части слегка возвышенную и волнистую. Почти всѣ рѣки этой полосы вмѣстѣ съ своими притоками направляются въ Днѣпръ и большею частію имѣютъ тихое теченіе съ берегами поросшими камышомъ, луговыми травами и лиственными рощами (Трубежъ, Супой, Сула, Пселъ и Ворскла). Между рѣчными долинами залегаютъ пласты тучнаго чернозема, который при весьма умѣренномъ климатѣ дѣлаетъ этотъ край очень плодороднымъ. Земледѣліе, садоводство и скотоводство могли бы процвѣтать здѣсь въ высокой степени, если бы не украйное положеніе области. Постоянная опасность отъ хищныхъ кочевниковъ не благопріятствовала развитію сельскаго хозяйства, и заставляла жителей искать убѣжища внутри валовъ и стѣнъ. Отсюда мы видимъ въ Переяславской землѣ весьма значительное количество городовъ сравнительно съ ея довольно рѣдкимъ населеніемъ. Уже Владиміръ Великій для защиты отъ Печенѣговъ строилъ новые города по Деснѣ, Трубежу и Сулѣ. Построеніе укрѣпленныхъ мѣстъ продолжалось и при его преемникахъ, особенно съ появленіемъ Половецкихъ ордъ. Сначала Половцы сильно потѣснили и разорили южно-русскую украйну; но съ теченіемъ времени Русь въ свою очередь снова стала брать верхъ надъ кочевниками и постепенно выдвигать на югъ свои укрѣпленныя линіи, т. е. городки, связанные между собою валами, частоколомъ, засѣками, сторожевыми заставами; для чего пользовались крутыми берегами рѣкъ, оврагами, могильными курганами, лѣсными дебрями и другими мѣстными условіями.

Князья старались отвсюду набирать ратныхъ людей въ украйные города; переводили сюда жителей изъ другихъ русскихъ областей, особенно плѣнниковъ, взятыхъ въ междоусобныхъ войнахъ; селили тамъ и плѣнныхъ Ляховъ. Слѣдовательно населеніе этой полосы было довольно сборное. Кромѣ сторожевыхъ русскихъ дружинъ для обороны отъ кочевниковъ служили, какъ извѣстно, конные Торки или Берендѣи. Они были поселены не только на Кіевской сторонѣ Днѣпра, на Поросьѣ, но также и на Переяславской. Часть ихъ встрѣчалась даже въ Черниговской области подъ именемъ Коуевъ. Ярославъ Всеволодовичъ Черниговскій, какъ мы знаемъ, далъ нѣ-

сколько тысячъ этой конницы Игорю Святославичу для его знаменитаго похода на Половцевъ. Гдѣ были помѣщены Черниговскіе Торки въ точности неизвѣстно, вѣроятно въ полосѣ, заключающейся между Семью и Остромъ, т. е. позади Остерской укрѣпленной линіи. Точно также не можемъ указать и мѣста поселеній Торковъ Переяславскихъ съ такою же опредѣленностью, съ какою говорили о Торкахъ Кіевскихъ или Черныхъ Клобукахъ. По нѣкоторымъ признакамъ полагаемъ только, что переяславскіе Торки, однажды названные въ лѣтописи *Турпѣями*, были поселены на Посульѣ, т. е. по ту и по другую сторону рѣки Сулы, преимущественно въ углу, который образуется Днѣпромъ и Сулою, слѣдовательно вблизи главной укрѣпленной линіи Переяславскаго княжества. Въ военное время семьи и стада этихъ полукочевыхъ народцевъ укрывались за валами русскихъ городковъ Посулья, каковы: Баручъ, Бронькняжъ, Серебряный, Полкостѣнъ, Попашь, Вьяхань, Лукомль, Роменъ (онъ же Ромовъ), Лубно, Желны и др. Послѣдніе три какъ и большая часть посульскихъ городовъ лежали на правомъ болѣе возвышенномъ берегу Сулы: Роменъ на верхнемъ ея теченіи, Лубно на среднемъ, а Желны недалеко отъ устья. Сынъ Мономаха Ярополкъ, когда былъ переяславскимъ княземъ, построилъ или вновь укрѣпилъ городъ Желны, и населилъ его плѣнными Дручанами, слѣдовательно Кривичами изъ Полоцкой земли. Между городами, которые выдвигались далѣе въ степи за рѣки Хоролъ и Пселъ до береговъ Ворсклы, извѣстенъ по лѣтописи Лтава, въ которой видятъ позднѣйшую Полтаву.

Внутри Посульской линіи, т. е. въ сѣверозападной части Переяславской земли извѣстны: Прилукъ и Переволока, оба на верхнемъ Удаѣ, притокѣ Сулы съ лѣвой стороны, Нѣжатинъ гдѣ-то на Сулѣ или Трубежѣ, Саковъ на лѣвомъ берегу Днѣпра и наконецъ самъ стольный городъ Переяславль Русскій. Онъ расположился на ровной низменной мѣстности въ углу, который образуется сліяніемъ Трубежа съ небольшимъ, но историческимъ притокомъ Альтою, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ впаденія Трубежа въ Днѣпръ. Наравнѣ съ Кіевомъ и Черниговымъ Переяславль былъ важнѣйшимъ торговымъ городомъ древней Руси; его купцы Днѣпромъ и Чернымъ моремъ ѣздили въ Царьградъ; о чемъ

ясно свидѣтельствуютъ торговые договоры съ Греками. Самъ Трубежъ, теперь незначительная рѣчка, поросшая камышемъ, когда-то былъ судоходною рѣкою. Кремль или внутренній городъ Переяславля занималъ вершину помянутаго угла; къ его основанію примыкалъ внѣшній городъ. А за стѣнами послѣдняго и на зарѣчьи разбросаны были предмѣстья съ садами и огородами; они также защищались нѣсколькими линіями валовъ. Вмѣстѣ съ многочисленными курганами эти валы, упирающіеся въ Днѣпръ, напоминаютъ о минувшемъ значеніи города. Процвѣтаніе Переяславля обнаружилось и въ ту эпоху, когда здѣсь княжилъ Владиміръ Мономахъ. Строительною дѣятельностію особенно прославился тогда извѣстный постриженникъ Кіевопечерскаго монастыря Ефремъ-скопецъ, поставленный переяславскимъ епископомъ, и въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи названный митрополитомъ. Онъ докончилъ соборный храмъ св. Михаила; заложилъ каменную городскую стѣну и надъ ея воротами воздвигъ церковь св. Ѳеодора; вѣроятно это тѣ ворота, которыя въ лѣтописи называются «Епископскими». Онъ воздвигъ еще нѣсколько каменныхъ храмовъ и то *банное строеніе*, котораго «прежде не было на Руси» (термы или общественныя бани?) Постройки эти однако не всегда отличались своею прочностію, вѣроятно по малой опытности туземныхъ работниковъ, привыкшихъ все строить изъ дерева. Такъ Михайловскій соборъ лѣтъ тридцать спустя послѣ своего окончанія обрушился; но потомъ онъ былъ возобновленъ. Самъ Владиміръ Мономахъ также совершилъ нѣсколько замѣчательныхъ построекъ въ Переяславлѣ. Въ 1098 г. онъ заложилъ каменный храмъ во имя Успенія Богородицы; то была придворная церковь, помѣщавшаяся на дворѣ княжаго терема. Вѣроятно вблизи его находились и тѣ городскія ворота, которыя назывались «Княжими»; а ворота, обращенныя къ полю, носили названіе «Кузнечихъ». Когда Владиміръ Мономахъ сѣлъ на великій Кіевскій столъ, онъ не забывалъ роднаго Переяславля, и, какъ извѣстно, соорудилъ каменный храмъ во имя Бориса и Глѣба на берегу Альты, верстахъ въ трехъ отъ города, на самомъ мѣстѣ убіенія Бориса или неподалеку отъ него. Тутъ же вѣроятно находился и его «Красный дворъ». Кромѣ того по лѣтописи извѣстны переяславскіе монастыри: во первыхъ,

св. Іоанна, въ самомъ городѣ; въ порубѣ этого монастыря былъ заключенъ несчастный Игорь Ольговичъ; а за городомъ находились обители Рождественская и св. Савы; Борисоглѣбскій храмъ повидимому также имѣлъ при себѣ обитель. Хотя загородные монастыри и заключались внутри пространства, защищеннаго линіями валовъ отъ набѣговъ кочевниковъ; но эти валы не всегда оказывались надежною защитою, особенно во время княжескихъ междоусобій, когда Половцы являлись въ русскихъ предѣлахъ въ качествѣ союзниковъ какой либо стороны. Такъ именно и случилось въ 1154 году во время борьбы за Кіевъ Ростислава Мстиславича съ Изяславомъ Давидовичемъ: Половцы, союзники Давида, пожгли села и монастыри вокругъ Переяславля; при чемъ сгорѣлъ и прекрасный Борисоглѣбскій храмъ, сооруженіе Владиміра Мономаха.

Изъ переяславскихъ городовъ упомянемъ еще объ Остерскомъ Городкѣ, судьба котораго довольно любопытна. Онъ находился на лѣвомъ берегу Остра, близъ его впаденія въ Десну, и пріобрѣлъ особую извѣстность во время борьбы Изяслава II съ Юріемъ Долгорукимъ; такъ какъ служилъ главнымъ опорнымъ пунктомъ Юрія въ его предпріятіяхъ противъ Кіева. Сюда онъ укрывался въ случаѣ неудачъ на правой сторонѣ Днѣпра; здѣсь былъ близокъ къ своимъ союзникамъ князьямъ Черниговo-Сѣверскимъ; а въ случаѣ нужды отсюда могъ легко уйти въ свою Суздальскую волость. Послѣ извѣстнаго пораженія на Рутѣ Юрій былъ осажденъ въ Городкѣ своимъ счастливымъ соперникомъ, съ которымъ на этотъ разъ соединились и черниговo-сѣверскія дружины. Изяславъ потребовалъ, чтобы Юрій довольствовался Суздалемъ и отказался отъ Переяславской области. Не получая ни откуда помощи, Юрій смирился, и присягнулъ на исполненіи требуемыхъ условій. Однако, уѣзжая, онъ оставилъ въ Городкѣ сына Глѣба съ очевиднымъ намѣреніемъ воротиться въ Южную Русь, какъ только соберется съ новыми силами. Тогда Изяславъ II въ слѣдующемъ 1152 году вмѣстѣ съ Черниговскимъ княземъ опять пришелъ къ Городку, и предалъ его пламени. При этомъ сгорѣлъ и соборный Михайловскій храмъ; онъ былъ построенъ изъ камня, а верхъ его «нарубленъ» изъ дерева. Болѣе сорока лѣтъ Городокъ находился въ запустѣніи. Наконецъ сынъ Юрія Всеволодъ Большое Гнѣздо въ

1195 г. послалъ своего тіуна Гюрю съ потребнымъ числомъ людей, которые возобновили стѣны и храмы Остерскаго Городка ([11]).

На югъ и востокъ отъ Переяславской земли широко раскинулись кочевья варваровъ, обнимавшія всю степную полосу Восточной Европы отъ нижняго Днѣстра до Яика. По характеру своей природы южнорусскія степи раздѣляются приблизительно нижнимъ Дономъ на двѣ части: западную и восточную. Восточная или Прикаспійская степь, за немногими исключеніями, отличается весьма низменнымъ уровнемъ своей поверхности, скуднымъ орошеніемъ и тощею растительностію; чему причина обиліе солончаковъ и сыпучаго песку. Это степь по преимуществу песчаная и соленая; она еще отзывается бывшимъ морскимъ дномъ. Хотя и на такихъ безпріютныхъ пространствахъ встрѣчались кочевья варваровъ; но главнымъ образомъ они располагались въ другой, болѣе благодатной, т. е. западной, части. Послѣдняя представляетъ равнину, постепенно понижающуюся къ берегамъ Чернаго и Азовскаго морей. Ея гладкая поверхность однако нарушается крутобережными рѣчными долинами и глубокими балками, по которымъ бѣгутъ водные потоки въ весеннее время. Такія балки, впадая въ рѣчныя долины, часто разрываютъ ихъ берега на отдѣльныя холмистыя возвышенія. Эта степь далеко не страдаетъ безводіемъ. Ее прорѣзываютъ величественныя рѣки, сопровождаемыя многочисленными притоками. Почва ея состоитъ по преимуществу изъ пластовъ чернозема, а подпочва изъ твердыхъ каменныхъ породъ. Въ средней полосѣ степи идутъ гранитные кряжи, которые нерѣдко обнажаются въ рѣчныхъ долинахъ. Распространяясь постепенно на юго-востокъ, вмѣстѣ съ отрогами Карпатъ, эти кряжи заставляютъ нѣкоторыя рѣки дѣлать колѣно, обращенное въ туже сторону; при чемъ иногда загромождаютъ ихъ теченіе каменными глыбами или порогами (Днѣстръ, Бугъ, Ингулъ, Ингулецъ, Днѣпръ). Въ сѣверной части степной полосы встрѣчаются по преимуществу извѣстковыя породы, которыя по берегамъ рѣкъ и болотъ обнаруживаютъ себя мѣловыми холмами, бѣлѣющими посреди зеленыхъ степей. А въ области Донца и Міуса залегаютъ богатые пласты каменнаго угля. Черноземная степ-

ная почва нерѣдко прерывается наносами изъ песку, ила и глины, которые сопровождаютъ теченіе рѣкъ. Въ особенности эти наносы обильны у береговъ Чернаго и Азовскаго морей, гдѣ они заволакиваютъ устья рѣкъ, заграждаютъ имъ свободный выходъ въ море, и способствуютъ образованію длинныхъ косъ и многочисленныхъ лимановъ. Мѣстами почва пропитана солью, напримѣръ въ низменностяхъ Таврическихъ, гдѣ она образуетъ цѣлыя соляныя озера.

Сухость черноземной почвы, незначительное количество дождя и открытая поверхность, подверженная вліянію вѣтровъ, обусловливали травяной характеръ растительности нашихъ южныхъ степей. Они оживаютъ въ весеннее время, когда покрываются свѣжею зеленью и пушистымъ серебристымъ ковылемъ. Но къ срединѣ лѣта подъ вліяніемъ знойнаго солнца степные злаки засыхаютъ и заглушаются дикимъ неприглядным бурьяномъ. Лѣса, по преимуществу лиственные, каковы дубъ, берестъ, вязъ, кленъ, тополь, ясень и т. п., произрастаютъ только тамъ, гдѣ имъ представляется нѣкоторое закрытіе отъ буйныхъ вѣтровъ, отъ зимней вьюги и снѣжныхъ булановъ, т. е. въ рѣчныхъ долинахъ и балкахъ, и вообще въ низинахъ. Берега степныхъ рѣкъ кромѣ того обилуютъ камышомъ, тростникомъ и разными кустарниками. Пространства, обитаемыя половецкими ордами, захватывали въ сѣверныхъ своихъ частяхъ области, въ тѣ времена еще обильныя лѣсами, именно на верхнемъ теченіи Донца, Дона, Воронежа, Хопра и пр. Довольно значительные лѣса существовали тогда и гораздо южнѣе. Въ войнахъ Русскихъ съ Половцами упоминаются, напримѣръ, Голубой лѣсъ и Черный лѣсъ гдѣ-то около рѣки Самары. Далѣе къ югу находится холмистая и каменистая область, которая въ древности извѣстна была своими лѣсными зарослями; это область притоковъ Азовскаго моря: Молочной, Берды, Калміуса и Міуса. Но какъ сами Половцы, такъ и кочевые ихъ предшественники и преемники постояннымъ истребленіемъ лѣсныхъ зарослей много способствовали расширенію любезной имъ степной полосы въ южной Россіи. ([12]).

Наши южныя степи представляли полное раздолье для половецкихъ ордъ. Эти орды не имѣли никакого политическаго единства; онѣ дѣлились на роды, во главѣ которыхъ стояли

наслѣдственные князья или ханы. Такъ по лѣтописи извѣстны роды: Токсобичи, Колобичи, Тарголове, Улашевичи, Бурчевичи и пр. Только для общихъ предпріятій, т. е. для набѣговъ на сосѣднія земли или для защиты собственной, соединялось по нѣскольку родовъ вмѣстѣ. Для совѣщанія о подобныхъ дѣлахъ или для заключенія мира съ сосѣдями ханы собирались на съѣздъ; при чемъ главы болѣе многочисленныхъ и сильныхъ родовъ конечно имѣли первенствующее значеніе; они же руководили и военными предпріятіями. Тѣ Половцы, которые кочевали ближе къ Азовскому морю, повидимому назывались *Лукоморскими*; ибо Азовское море извѣстно было у насъ также подъ именемъ «Лукоморья». Съ теченіемъ времени каждый родъ вѣроятно присвоилъ себѣ опредѣленныя мѣста для кочевья; весною и лѣтомъ Половцы съ своими стадами обыкновенно подвигались на сѣверъ по мѣрѣ истребленія подножнаго корма; а къ зимѣ опять постепенно уходили на югъ въ приморскую полосу. Какъ и всѣ средне-азіатскіе кочевники Половцы жили съ своими семьями въ круглыхъ войлочныхъ кибиткахъ или шатрахъ, которые легко разбирались и перевозились на другія мѣста по мѣрѣ надобности. Становища ихъ лѣтописи обыкновенно называютъ «вежами»; упоминаютъ и о нѣкоторыхъ половецкихъ городахъ, напримѣръ Шаруканъ, Сугровъ, Балинъ, Чешюевъ; но это по всей вѣроятности были зимовники, названные именами хановъ. Главное богатство Половцевъ состояло въ стадахъ рогатаго скота, верблюдовъ, овецъ и особенно въ конскихъ табунахъ. Кромѣ домашнихъ табуновъ степи представляли кочевникамъ еще многочисленныхъ дикихъ коней, которые въ тѣ времена служили однимъ изъ главныхъ предметовъ охоты. Почти сырое мясо было ихъ любимою пищею, а кобылье молоко любимымъ напиткомъ; пили также теплую кровь убитаго животнаго. Вообще въ выборѣ пищи Половцы какъ истые дикари не затруднялись; при случаѣ пожирали и мясо нечистыхъ животныхъ, каковы волки и лисицы, а также мясо хомяковъ, сусликовъ и другихъ землеройныхъ обитателей степи.

Кромѣ многочисленныхъ стадъ половецкія вежи обиловали иногда всякаго рода добромъ, награбленнымъ у сосѣдей во время удалыхъ набѣговъ, дорогими одеждами, золотыми и серебряными украшеніями и пр. Но главную статью ихъ военной

добычи составляли плѣнники, которыхъ они старались захватить какъ можно болѣе. Печальную для русскаго сердца картину представляли половецкіе полоны. Послѣ удачнаго набѣга варвары дѣлили между собою плѣнныхъ, и уводили ихъ въ степи. Вежи ихъ, по словамъ лѣтописца, наполнялись тогда исхудалыми, истерзанными христіанами, босыми и почти нагими, съ оковами на ногахъ и рукахъ; особенно терпѣли они много мученія и погибали въ зимнее время, не имѣя чѣмъ прикрыть свою наготу и утолить свой голодъ. Со слезами на глазахъ они сообщали другъ другу: «я изъ такого-то города», «а я изъ такой-то веси» или «такого-то рода». Простыхъ плѣнниковъ Половцы обращали въ рабство и продавали корсунскимъ и таманскимъ жидамъ; откуда они шли преимущественно въ восточныя мусульманскія страны; такъ что не малое количество русскихъ людей можно было встрѣтить въ торговыхъ городахъ Средней Азіи. А тѣ, кто познатнѣе, обыкновенно содержались подъ стражею въ ожиданіи выкупа. Впрочемъ на Руси и въ тѣ времена были уже христолюбцы, которые употребляли свое имѣніе на выкупъ бѣдныхъ плѣнниковъ изъ половецкой неволи. Русскіе князья во время удачныхъ походовъ въ степи старались какъ можно болѣе отполонить, т. е. освободить соотечественниковъ, и въ свою очередь также брали въ плѣнъ многихъ Половцевъ, которыхъ обращали въ рабство или отпускали за выкупъ. Но подобные походы были довольно рѣдки, тогда какъ Половцы дѣлали почти ежегодные набѣги и всегда захватывали большее или меньшее количество полону.

Предоставляя домашнія работы своимъ женамъ и рабамъ, сами Половцы, какъ хищное разбойничье племя, занимались преимущественно военнымъ дѣломъ или наѣздничествомъ. Очевидно они дорожили хорошимъ вооруженіемъ и не жалѣли имѣнія на пріобрѣтеніе доспѣховъ и конской сбруи у сосѣднихъ промышленныхъ народовъ. Главное оружіе ихъ какъ коннаго народа составляли конечно лукъ и стрѣлы; упоминаются также копья, сабли, шлемы (аварскіе), щиты и даже брони. Мы видѣли, что Кончакъ при нашествіи на Русь въ 1184 г. имѣлъ въ своемъ войскѣ огромные тугіе луки или метательныя орудія и даже огнестрѣльный снарядъ подъ руководствомъ какого-то «бесерменина», т. е. мусульманина изъ

Средней Азіи. Обычную одежду Половцевъ составляли кожухи или бараньи полушубки, кафтаны изъ овечьей и верблюжьей шерсти, а у богатыхъ изъ болѣе дорогихъ тканей и даже изъ шелка. Въ одеждѣ и обычаяхъ главное вліяніе имѣла на нихъ и на другіе турецко-татарскіе народы преимущественно гражданственность персидско-мусульманская, при посредствѣ Ховарезма, т. е. Хивы и Бухары. Наружность этихъ кочевниковъ на русскій взглядъ повидимому не была особенно непріятна; по крайней мѣрѣ Русь охотно брала въ плѣнъ половецкихъ женщинъ («красныя дѣвкы половецкія», какъ называетъ ихъ Слово о Полку Игоревѣ); а князья наши заключали многочисленные браки съ дочерьми половецкихъ хановъ. Впрочемъ ихъ широколицый, узкоглазый татарскій типъ безъ сомнѣнія успѣлъ значительно измѣниться къ лучшему, благодаря множеству плѣнницъ, выводимыхъ отъ сосѣднихъ арійскихъ народовъ; особенно это можно сказать о знатныхъ родахъ.

Языческая религія собственно Половцевъ намъ весьма мало извѣстна. По всей вѣроятности, подобно другимъ тюркскимъ народамъ, они были преимущественно огнепоклонники; кромѣ того поклонялись вѣтрамъ и водѣ; приносили коней, быковъ и овецъ въ жертву своему верховному божеству, творцу вселенной; имѣли и своихъ жрецовъ-гадателей или шамановъ. Но повидимому это былъ народъ не особенно ревностный къ своей религіи, а потому довольно вѣротерпимый. Ханы охотно выдавали своихъ дочерей за русскихъ князей; при чемъ онѣ принимали крещеніе. Судя по именамъ нѣкоторыхъ хановъ, можно допустить, что они также были крещены, и получили имена отъ своихъ русскихъ воспріемниковъ; напримѣръ: Глѣбъ Тиріевичъ, Юрій Кончаковичъ, Романъ Кзичъ, Данило Кобяковичъ. Были и знатные половецкіе выходцы, которые вступали въ службу нашихъ князей, крестились и сдѣлались родоначальниками нѣкоторыхъ извѣстныхъ русскихъ фамилій. Безъ сомнѣнія существовали попытки проповѣдниковъ, съ одной стороны христіанскихъ, съ другой мусульманскихъ распространить свою религію въ самой Половецкой степи. Но успѣхи тѣхъ и другихъ оставались незначительны, разбиваясь о дикость нравовъ и религіозное равнодушіе этого народа.

Продолжительная борьба Руси съ Половецкою ордою не приводила къ рѣшительному успѣху только вслѣдствіе раздробленія русскихъ силъ. Половцы пользовались этимъ раздробленіемъ, а также постояннымъ соперничествомъ и враждою разныхъ вѣтвей княжескаго рода; потомки Владиміра Великаго, ради личныхъ побужденій, не стыдились призывать полчища варваровъ и отдавать имъ на разграбленіе русскіе города и села. Но когда старшимъ князьямъ удавалось собрать удѣльныхъ родичей для общаго похода въ степи, тотчасъ обнаруживалось превосходство Руси: варвары почти никогда не могли устоять противъ соединенныхъ силъ даже одной какой-либо части Русской земли. Своимъ хищнымъ разбойничьимъ характеромъ и постоянными нападеніями степные сосѣди возбуждали къ себѣ сильную ненависть со стороны Руси; всѣ русскія извѣстія о нихъ пропитаны ненавистью къ «поганымъ»; такъ по преимуществу называютъ они Половцевъ. Наиболѣе любимыми князьями являются тѣ, которые были ихъ грозою; таковы: Владиміръ Мономахъ, сынъ его Мстиславъ, Святославъ Всеволодовичъ, Игорь Сѣверскій, Владиміръ Глѣбовичъ, Романъ Волынскій, Всеволодъ Большое Гнѣздо. Постоянная борьба со степью не мало поддерживала отвагу и предпріимчивость русскихъ князей и ихъ дружины. Особенно налагала она суровый, воинственный отпечатокъ на жителей южныхъ и юговосточныхъ украйнъ, гдѣ близкое сосѣдство съ варварами вносило не мало грубости въ русскіе нравы; но вмѣстѣ съ тѣмъ развивало русскую удаль и молодечество.

Въ свою очередь Половецкая орда, не смотря на многочисленность, не могла достигнуть большаго успѣха въ своемъ движеніи на Русь, потому что также не имѣла общаго главы, единства, и была разбросана на великомъ пространствѣ. Только страсть къ грабежу или необходимость защищать собственныя вежи соединяла иногда нѣкоторые сосѣдніе роды на короткое время; но и тутъ ханы не всегда дѣйствовали согласно. Между ними также шло соперничество за старшинство; также нерѣдки были мелкія междоусобія, возникавшія изъ за пастбищъ и добычи. Внося нѣкоторыя черты грубости въ сопредѣльное русское населеніе, Половцы въ свою очередь несомнѣнно подвергались еще большему вліянію со стороны сво-

ихъ русскихъ сосѣдей. Родственныя связи хановъ съ нашими князьями, многіе плѣнники и отважные русскіе торговцы прокладывали путь вліянію русской гражданственности, которое медленно, но неотразимо вело къ смягченію варварства и къ начаткамъ осѣдлаго состоянія. Въ началѣ XIII вѣка замѣтно уже явное ослабленіе той дикой энергіи, съ которою кочевники стремились на Русь въ предшествовавшую эпоху. Послѣ тяжкихъ ударовъ, перенесенныхъ при появленіи Половцевъ, Русь наконецъ освоилась съ этимъ врагомъ и вновь начала свое наступательное движеніе на степь. Это движеніе обѣщало прочный успѣхъ особенно съ того времени, какъ на Руси образовались два сильныхъ средоточія: на юговостокѣ въ землѣ Волынско-Галицкой, на сѣверовостокѣ въ странѣ Суздальской. Таковы были ихъ взаимныя отношенія, когда изъ Азіи надвинула черная туча въ лицѣ новой кочевой орды, еще болѣе свирѣпой, а главное сильной своимъ единствомъ, своимъ безъусловнымъ подчиненіемъ одной волѣ, одному стремленію. Эта новая орда на долгое время измѣнила отношенія между Русью и степью. ([18]).

Поверхность нашихъ степей, какъ извѣстно, усѣяна безчисленными курганами, которые въ теченіе вѣковъ были насыпаны надъ могилами знатныхъ людей со временъ Скиѳскаго міра. Еще въ недавнее время на вершинѣ многихъ кургановъ стояли истуканы, грубо вытесанные большею частію изъ сѣраго извѣстняка или песчаника и извѣстные въ народѣ подъ именемъ *каменныхъ бабъ*. Они встрѣчаются не только въ южной Россіи до самаго Кавказа, но и распространяются по западной Сибири до Алтая и въ степяхъ Киргизовъ. Происхожденіе этихъ истукановъ весьма загадочное. По всей вѣроятности они принадлежали народамъ Турецкаго племени. По крайней мѣрѣ первое историческое извѣстіе о нихъ относится къ Куманамъ или Половцамъ. А именно, французскій монахъ Рубруквисъ, проѣзжавшій землю Кумановъ въ половинѣ XIII вѣка, говоритъ въ описаніи своего путешествія: «у нихъ есть обычай дѣлать изъ земли насыпь надъ могилою покойника и воздвигать ему статую, обращенную лицомъ на востокъ и держащую въ рукахъ чашу на своемъ лонѣ». Истуканы эти представляютъ людей обоего пола и большое разнообразіе по своей величинѣ, отдѣлкѣ и подробностямъ. Одни изображены

въ прямомъ положеніи, другіе въ сидячемъ; одни представляютъ почти полныя человѣческія фигуры, покрытыя одеждою,— другіе только верхнюю половину, а нижнюю оставляютъ простымъ обрубкомъ, съ нѣкоторыми чертами ногъ или одежды.

Полные истуканы даютъ наглядное понятіе объ одеждѣ самаго народа и отчасти объ его наружности. Голова мужчины большею частію покрыта круглою, остроконечною и невысокою шапкою или шлемомъ, изъ подъ котораго спускаются на спину волосы, заплетенные въ три косы и концами связанные на крестъ. Передняя половина головы и виски повидимому бритые, подбородокъ также безъ волосъ. Тѣло облечено въ узкій кафтанъ или кожухъ, длиною ниже колѣнъ, перетянутый поясомъ, съ котораго спускаются разныя привѣски; между послѣдними иногда замѣтны очертанія оружія, именно колчанъ со стрѣлами, лукъ и сабля. На верхнихъ частяхъ груди и спины видны какія-то бляхи, соединенныя наплечными полосами, можетъ быть указаніе на броню. Ноги одѣты въ узкіе порты, иногда обуты въ сапоги съ довольно высокими, остроконечными напереди голенищами. Женскіе истуканы значительно многочисленнѣе мужскихъ; откуда и произошло общее ихъ названіе «каменными бабами». Изображеніе полной груди всегда отличаетъ женскія статуи, хотя бы покрытыя одеждой. У нихъ находимъ такіе же узкіе кафтаны, какъ и у мужчинъ; края кафтана оторочены; поясъ также съ привѣсками или кистями; на шеѣ почти всегда ожерелье изъ бусъ въ одинъ или болѣе рядовъ, иногда съ привѣсками, спускающимися на грудь; а на головѣ шапочки, то низкія, то высокія съ полями. Подъ шапочкой на лбу нерѣдко видна узорчатая бахрома, а на затылокъ и шею спускается кусокъ чего-то раздвоеннаго на два конца. Мужчины и женщины большею частію имѣютъ серьги въ ушахъ. Руки почти у всѣхъ сложены на поясѣ и держатъ какой-то сосудъ. Послѣдній вѣроятно употреблялся для возліяній богамъ, т. е. имѣлъ жертвенное значеніе. Что касается физіогноміи, то при всей грубости работы и при всемъ разнообразіи въ чертахъ передъ нами являются плоскія, татарскія лица, почти круглыя или съ узкимъ подбородкомъ (14).

Широкая Половецкая степь отдѣляла древнюю Русь отъ Чернаго и Азовскаго морей, а слѣдовательно и отъ сосѣдства съ

главнымъ источникомъ русской гражданственности, т. е. съ Греческимъ міромъ. Уже Печенѣжская орда сильно затруднила судоходныя сношенія съ этимъ міромъ; а послѣ прибытія Половцевъ онѣ сократились еще болѣе. За исключеніемъ Галицкаго княжества, южные предѣлы котораго сходились съ Дунайской Болгаріей, почти единственнымъ путемъ для сношеній Руси съ Византіей и Таврическимъ Херсонесомъ оставался Днѣпръ. По этому пути еще продолжали ходить судовые караваны въ Грецію и обратно. Суда, приходившія изъ Чернаго моря, поднимались вверхъ по Днѣпру до того мѣста, гдѣ дальнѣйшее плаваніе затруднялось близостію пороговъ. Здѣсь товары выгружались и отправлялись далѣе сухопутьемъ мимо пороговъ; потомъ они нагружались на новыя суда и слѣдовали до Кіева.

На томъ мѣстѣ, гдѣ суда, шедшія съ юга, приставали не доходя пороговъ, находился торговый городъ Олешье, который и служилъ складочнымъ пунктомъ для гречниковъ и залозниковъ. Первые привозили товары изъ Греціи, а вторые изъ Тавриды и Приазовья; послѣднее называлось тогда «Залозьемъ»; отсюда между прочимъ доставлялась морская рыба и соль, добываемая въ таврическихъ озерахъ. (Съ другой стороны соль приходила въ Приднѣпровье изъ галицкихъ копей). Товары эти отчасти сухопутьемъ шли на Олешье, гдѣ переправлялись на правую сторону Днѣпра; здѣсь такимъ образомъ скрещивалось движеніе водное и сухопутное. Въ Олешьѣ кромѣ купцовъ русскихъ и греческихъ проживали также итальянскіе, которые принимали тогда дѣятельное участіе въ Черноморской торговлѣ и начали распространять свои факторіи на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей. Этотъ городъ очевидно находился подъ непосредственнымъ покровительствомъ великихъ кіевскихъ князей, и вѣроятно они содержали тамъ сторожевую дружину для обороны отъ хищныхъ кочевниковъ. Нѣкоторыя лѣтописныя извѣстія (выше приведенныя) свидѣтельствуютъ о заботливости великихъ князей обезопасить отъ Половцевъ важный для Россіи Греческій путь. Обыкновенно они высылали военные отряды къ Олешью, чтобы провожать торговцевъ, пословъ и приходившее изъ Греціи духовенство до безопаснаго мѣста, конечно до ихъ пересадки на новыя суда. Когда же въ степи было очень безпокойно и вар-

вары угрожали нападеніемъ въ большихъ силахъ, то великіе князья выводили въ поле соединенное русское ополченіе. Главная его часть останавливалась у Канева, т. е. на рубежѣ Кіевской земли; отсюда князья вѣроятно высылали конные отряды въ степь для прикрытія каравановъ; а сами угрожали двинуться на половецкія вежи и разгромить ихъ въ случаѣ нападенія на купцовъ.

Не одни кочевники мѣшали торговлѣ своими грабежами; тоже дѣлала иногда русская вольница, и даже подъ начальствомъ князей, особенно безъудѣльныхъ. Такъ извѣстный Давидъ Игоревичъ напалъ на Олешье и ограбилъ тамъ гречниковъ въ 1084 г., т. е. въ эпоху неурядицъ при Всеволодѣ I. Этотъ великій князь не нашелъ другаго средства отвратить Давида отъ подобныхъ подвиговъ какъ дать ему въ удѣлъ Дорогобужъ Волынскій. А въ княженіе Ростислава Мстиславича Олешье подверглось нападенію южнорусской вольницы, извѣстной подъ именемъ Берладниковъ, которые приходили на судахъ, и по всей вѣроятности ворвались въ городъ со стороны пристани. Дружина, отправленная великимъ княземъ въ насадахъ, какъ извѣстно, догнала Берладниковъ, побила ихъ, и отняла все награбленное. Схватка съ ними произошла гдѣ-то у Децина, вѣроятно на низовьяхъ Днѣпра. На этихъ низовьяхъ существовали еще остатки греческихъ торговыхъ поселеній, которыя въ тѣ времена оживились, благодаря возникшей черноморской торговлѣ Венеціанъ и Генуэзцевъ.

При всей своей хищности, Половцы не прерывали окончательно торговыхъ сношеній не только великимъ воднымъ путемъ, но и сухопутьемъ черезъ степи. Извѣстно, какъ въ 1184 г. русскіе князья, шедшіе противъ Кончака, встрѣтили гостей и узнали отъ нихъ, что Половцы стоятъ на берегахъ Хорола у пограничнаго вала. Эти гости или купцы безъ сомнѣнія прошли степь съ своимъ караваномъ и везли восточные товары въ Кіевъ и Черниговъ, можетъ быть, съ устьевъ Дона изъ города Таны, которая находилась по близости отъ того мѣста, гдѣ когда-то процвѣтала древняя греческая колонія Танаисъ. Въ концѣ XII вѣка Тана сдѣлалась важнымъ складочнымъ пунктомъ міровой торговли: она лежала на великомъ торговомъ пути, который шелъ изъ Средней Азіи чрезъ Каспійское море и нижнюю Волгу въ Донъ, Азовское и Чер-

ное моря. Купеческіе караваны проходили тогда степь Половецкую конечно также, какъ въ наше время они странствовали по степямъ Туркменъ и Киргизовъ, т. е. нанимали проводниковъ и охранные отряды изъ самихъ Половцевъ; кромѣ того подарками пріобрѣтали покровительство ближнихъ хановъ; что въ свою очередь не избавляло ихъ отъ опасности быть разграбленными при первомъ удобномъ случаѣ. Тѣже Половцы доставляли купцамъ коней и вьючныхъ верблюдовъ, и сами пользовались этою торговлею для обмѣна своего скота, кожъ и плѣнниковъ на товары русскіе, греческіе и среднеазійскіе. Предпріимчивые русскіе гости не только проходили съ своими товарами сквозь Половецкую степь и преодолѣвали опасности отъ сосѣднихъ хищниковъ; они умѣли проникать и въ гораздо болѣе отдаленныя страны, азіатскія и африканскія. Такъ мы имѣемъ извѣстія, что русскіе купцы встрѣчались на югѣ не въ одномъ Константинополѣ, но и въ египетской Александріи, а на востокѣ въ городѣ Орначѣ, который лежалъ въ землѣ сарацинъ—*бисерменовъ*, т. е. мусульманъ-Хивинцевъ. ([15]).

Половецкая орда распространялась и на степную или сѣверо-западную часть Тавриды, гдѣ она заняла кочевья своихъ предшественниковъ Печенѣговъ. Здѣсь Половцы вошли въ столкновеніе съ византійскими владѣніями юговосточной или гористой части полуострова, и нерѣдко заставляли ихъ платить дань, т. е. деньгами и товарами откупаться отъ своихъ грабежей. Наиболѣе извѣстные византійскіе города и замки въ той сторонѣ были: Херсонъ, Сугдія, Ѳеодосія, Символонъ (Балаклава), Инкерманъ, Мангупъ, Алустонъ, Горсувитъ. Тамъ мѣшались весьма разнообразныя племена, обрывки разныхъ народностей, а именно: Греки, остатки Готовъ, Болгаръ, Хазаръ или Черкесовъ, кромѣ того Евреи и Армяне. Послѣдніе явились счастливыми соперниками Грековъ въ торговлѣ; но въ свою очередь должны были уступить первенство Итальянцамъ, которые въ теченіе XII вѣка постепенно забирали въ свои руки Черноморскую торговлю и начали основывать свои поселенія или факторіи на восточномъ берегу полуострова; между прочимъ Ѳеодосія или Кафа подпала въ особенности вліянію Генуэзцевъ. А съ начала XIII вѣка, т. е. со времени основанія Латинской имперіи, на Черномъ и

Азовскомъ морѣ стали преобладать соперники Генуэзцевъ, Венеціане, которые особенно утвердились въ упомянутой выше Танѣ.

Любопытны за это время, но къ сожалѣнію темны для насъ, судьбы Корчева и Тмутракани, которыя въ теченіе X и XI вѣковъ составляли самое южное владѣніе русскихъ князей. Окружающее море и близкое сосѣдство съ греческими городами сообщили этому краю важное значеніе, и князья Черниговскіе дорожили своимъ Тмутраканскимъ удѣломъ. Но съ появленіемъ Половцевъ ихъ связи съ отдаленнымъ владѣніемъ постепенно ослабѣваютъ. Послѣ 1094 г., когда Олегъ Святославичъ перешелъ отсюда въ Черниговъ, лѣтописи не упоминаютъ болѣе о Тмутракани. Только 90 лѣтъ спустя, удалые внуки Олега, Игорь Сѣверскій и Всеволодъ Трубчевскій, пытаются мечемъ проложить дорогу сквозь Половецкую орду въ свой родовой удѣлъ; но попадаютъ въ плѣнъ на берегахъ Каялы. Преградою, которую воздвигли Половцы между Черниговскою землею и Тмутраканскимъ краемъ, воспользовалась ловкая византійская политика Комненовъ: она поспѣшила возстановить свое владычество надъ этимъ краемъ, когда-то составлявшимъ владѣніе Византійской имперіи. По крайней мѣрѣ императоръ Мануилъ Комненъ въ 1170 году заключилъ договоръ съ Генуезцами, по которому открылъ имъ доступъ во всѣ свои черноморскіе порты, за исключеніемъ Русіи и Матархи; слѣдовательно онъ не допускалъ ихъ въ Азовское море. Матарха или Таматарха есть тоже что Тмутракань; а подъ именемъ Русіи разумѣется Корчево (Керчь). Уже одно это имя свидѣтельствуетъ о томъ, что на берегахъ Боспора Киммерійскаго долгое время господствовала Русь и существовали значительныя русскія поселенія.

Завоеваніе Константинополя Латинами повлекло за собою образованіе нѣсколькихъ феодальныхъ и самостоятельныхъ владѣній на мѣстѣ Византійской имперіи, основанныхъ отчасти крестоносцами, отчасти Греками. Кромѣ собственно Латинской имперіи, крестоносцы основали королевство въ Ѳессалоникѣ, герцогства въ Аѳинахъ, Ѳивахъ, Мореѣ и на островахъ; Греки удержали за собою деспотство Эпирское въ Европѣ, а въ Малой Азіи основали двѣ имперіи, Никейскую и Трапезунтскую. Во главѣ послѣдней явился Алексѣй Комненъ,

внукъ помянутаго выше императора Андроника I, умерщвленнаго константинопольскою чернію въ 1185 г. При этомъ распаденіи Византійской имперіи ея Таврическія владѣнія (такъ наз. Заморье) достались трапезунтскимъ Комненамъ.

Въ то время, когда Корсунь, Готія и Сугдія посылали свои дани и торговыя пошлины въ Трапезунтъ, Тмутраканскій край подпалъ иному, не греческому владычеству. По нѣкоторымъ признакамъ, здѣсь снова водворились сосѣдніе съ Таманью князья Зихіи, т. е. тѣже Черкесы-Хазары (Касоги нашихъ лѣтописей), которые владѣли этимъ краемъ до основанія русскаго Тмутраканскаго княжества и которые даже при русскихъ князьяхъ составляли часть мѣстной аристократіи. По крайней мѣрѣ у насъ есть свидѣтельство одного католическаго миссіонера изъ Венгріи, посѣтившаго эти страны передъ нашествіемъ Батыя на Восточную Европу. Онъ говоритъ, что «пустившись въ море изъ Константинополя, черезъ 33 дня прибылъ въ Зихію, въ городъ Матрику (Тмутракань), гдѣ князь и народъ называютъ себя христіанами, имѣютъ книги и священниковъ греческихъ. У этого князя цѣлая сотня женъ. Мущины брѣютъ всю голову, а бороды отращиваютъ съ нѣкоторымъ щегольствомъ; только знатные люди въ знакъ своего благородства оставляютъ немного волосъ надъ лѣвымъ ухомъ». Слѣдовательно Греческая церковь хотя господствовала въ томъ краю, но съ значительною примѣсью мѣстныхъ языческихъ обычаевъ, судя по многоженству владѣтелей. Аланія, лежавшая далѣе на востокъ отъ Зихіи, по словамъ того же миссіонера, представляла еще болѣе смѣси христіанства съ язычествомъ; она была раздѣлена на многія мелкія княжества, которыя находились въ безпрерывныхъ войнахъ другъ съ другомъ. Тамъ господствовалъ обычай кровомщенія; а драки и нападенія до того были часты, что жители всякаго села отправлялись на полевыя работы или на рубку дровъ не иначе какъ всѣ вмѣстѣ и вооруженные. Только воскресенье пользуется такимъ почетомъ, что каждый въ этотъ день можетъ ходить безопасно посреди своихъ враговъ даже безъ оружія. Также велико было здѣсь почитаніе креста: человѣкъ, неимѣвшій при себѣ большой вооруженной свиты, могъ безпрепятственно совершать путешествіе, неся крестъ на концѣ щита.

Эти Прикавказскіе народы, входившіе прежде въ составъ Турко-Хазарской державы, послѣ ея распаденія сдѣлались независимы. Могущество ея, сильно потрясенное въ X вѣкѣ Печенѣгами и Русью, въ XI вѣкѣ было разрушено напоромъ Половецкой орды. Къ XIII вѣку на нижней Волгѣ существовалъ только небольшой остатокъ этой державы, въ которомъ еще властвовали итильскіе каганы; по всей вѣроятности они уже платили дань хищнымъ обитателямъ степи ([16]).

XIV.

СМОЛЕНСКЪ И ПОЛОЦКЪ. ЛИТВА.

Обособленіе Смоленскихъ Кривичей.—Ростиславъ-Михаилъ.—Романъ и Давидъ.—Торговый договоръ Мстислава Давидовича.—Стольный городъ и другіе города Смоленской земли.—Полоцкіе Кривичи.—Рогволодъ Полоцкій и Ростиславъ Минскій.—Строптивость Полочанъ.—Двинскіе камни.—Вмѣшательство Смольнянъ и Черниговцевъ въ полоцкія смуты.—Стольный Полоцкъ.—Св. Евфросинія.—Города и предѣлы Полоцкой земли.—Литовское племя и его подраздѣленіе.—Его характеръ и бытъ.—Религія литовская.—Жрецы. — Миссіонеры-мученики. — Погребальные обычаи. — Пробужденіе воинственнаго духа.—Родовые союзы.

Сѣверо-западный уголъ Алаунскаго пространства представляетъ Валдайское плоскогорье, пересѣченное живописными холмами и глубокими оврагами. Это плоскогорье можно назвать по преимуществу областью источниковъ. Здѣсь между холмами залегаютъ многочисленныя озера, изъ которыхъ берутъ свое начало три великія русскія рѣки: Волга, Днѣпръ и Западная Двина. Отъ этого плоскогорья область Двины и ея притоковъ постепенно понижается къ Балтійскому морю. Ея равнинный характеръ нарушаетъ только гряда холмовъ, которые отдѣляются отъ плоскогорья, пересѣкаютъ теченіе Двины, верхней Березины, Виліи и теряются въ низменностяхъ рѣки Нѣмана. Все это пространство съ его скудною, песчаноглинистою почвою, обиліемъ стоячихъ и текучихъ водъ, съ его дремучими лѣсами, преимущественно еловыми, сосновыми и березовыми, издревле было обитаемо многочисленнымъ славянскимъ племенемъ, извѣстнымъ подъ именемъ Кривичей. Уже съ самаго начала Русской исторіи мы находимъ въ Кривской землѣ два средоточія, около которыхъ развивалась мѣстная, областная жизнь этого племени. То были Смоленскъ и Полоцкъ. Послѣд-

ній, какъ извѣстно, ранѣе другихъ областей выдѣлился изъ общаго состава собранной кіевскими князьями Руси, получивъ особую династію въ лицѣ потомковъ урожденной полоцкой княжны Рогнѣды и ея сына Изяслава Владиміровича. Смоленская же область получила свою особую вѣтвь русскаго княжескаго рода съ половины XII вѣка. Вмѣстѣ съ Волынью она сдѣлалась наслѣдственнымъ владѣніемъ старшей линіи Мономаховичей, т. е. потомковъ Мстислава I: Волынь досталась въ удѣлъ его сыну Изяславу II, а Смоленскъ другому сыну, Ростиславу. Извѣстна неизмѣнная дружба, которая связывала этихъ двухъ братьевъ, ихъ борьба за Кіевъ съ дядею Юрьемъ и черниговскими князьями.

Ростиславъ-Михаилъ ознаменовалъ себя внутреннимъ устроеніемъ Смоленской земли, въ особенности попеченіями о дѣлахъ церковныхъ и постройкою храмовъ. До него хотя упоминаются нѣкоторые епископы въ Смоленскѣ; но особой архіерейской каѳедры здѣсь еще не было. Въ церковномъ отношеніи Смоленскъ причислялся къ епископіи южнаго Переяславля. Ростиславъ еще при жизни своего отца Мстислава испросилъ позволеніе устроить особую епископію для Смоленской области, а въ исполненіе привелъ уже послѣ его смерти. Въ 1137 году, съ благословенія кіевскаго митрополита Михаила II, смоленскимъ епископомъ былъ поставленъ грекъ Мануилъ скопецъ, обратившій на себя общее вниманіе своимъ прекраснымъ голосомъ («пѣвецъ гораздый», по выраженію лѣтописи). Спустя десять лѣтъ, при поставленіи Климента Смолятича на Кіевскую митрополію соборомъ епископовъ, этотъ Мануилъ, какъ извѣстно, явился противникомъ его и сторонникомъ греческой партіи, которая отрицала право русскихъ епископовъ ставить себѣ митрополита безъ разрѣшенія константинопольскаго патріархата. Великій князь Изяславъ II и митрополитъ Климентъ сильно гнѣвались за то на Мануила; но Ростиславъ повидимому оборонялъ его отъ преслѣдованія. Къ той же эпохѣ относится данная этимъ княземъ уставная грамота 1150 года. Въ ней, съ клятвою для своихъ преемниковъ, князь подтверждаетъ отдѣленіе Смоленской епархіи отъ Переяславской, и опредѣляетъ доходы епископа и соборнаго Успенскаго храма. Для нихъ главнымъ образомъ назначается десятина съ тѣхъ даней Смоленской земли, которыя собирались на князя и кня-

гиню. Изъ грамоты видно, что десятая часть однихъ денежныхъ сборовъ простиралась до 300 гривенъ; кромѣ того въ пользу Успенскаго храма назначены села, разныя угодья и наконецъ доходъ съ церковныхъ судовъ.

Съ перемѣщеніемъ Ростислава—Михаила на великій Кіевскій столъ, Смоленскъ перешелъ къ его старшему сыну Роману; прочіе сыновья (Рюрикъ, Давидъ, Мстиславъ) получили свои удѣлы также въ Смоленской области. Но ихъ честолюбіе простиралось за ея предѣлы. Извѣстно дѣятельное участіе смоленскихъ Ростиславичей въ послѣдующихъ событіяхъ Южной Руси и въ кіевскихъ переворотахъ. Сначала они помогли своему двоюродному брату Мстиславу Изяславичу овладѣть Кіевомъ; потомъ двоюродному дядѣ Андрею Боголюбскому помогли изгнать Мстислава изъ Кіева; но вскорѣ за тѣмъ возстали противъ Боголюбскаго и прогнали суздальскія войска изъ Кіевской земли. Нѣкоторые изъ братьевъ въ это время получили въ ней удѣлы; именно, Давидъ сѣлъ въ Вышгородѣ, а младшій, Мстиславъ Храбрый, въ Бѣлгородѣ; послѣдній вскорѣ былъ призванъ въ Новгородъ Великій, и уступилъ Бѣлгородъ Рюрику. Старшій братъ Романъ занялъ было и самый Кіевскій столъ; но послѣ разныхъ превратностей уступилъ его Святославу Всеволодовичу Черниговскому; а самъ воротился въ Смоленскъ, гдѣ скончался въ 1180 г., и его каменная гробница поставлена въ соборномъ храмѣ Богородицы. По словамъ лѣтописца, этотъ князь былъ высокъ ростомъ, плечистъ и «красенъ лицомъ» (красивъ), нравъ имѣлъ незлобивый, и Смольняне оплакивали его въ особенности за доброту. Вдовая же княгиня его (дочь Святослава Ольговича Черниговскаго), стоя у гроба, причитала такими словами: «Царю мой благій, кроткій, смиренный и правдивый! Во истину тебѣ наречено имя Романъ (христіанское имя св. Бориса), коему ты уподобился всею добродѣтелью. Многія досады принялъ ты отъ Смольнянъ; однако не видѣли тебя, господина, никогда воздающаго имъ зломъ, а все возлагающаго на Божью волю». По нѣкоторымъ признакамъ, дѣйствительно характеръ Смольнянъ въ это время носилъ черты общія съ безпокойными Новогородцами и Кіевлянами.

Послѣ помянутаго выше вѣроломнаго нападенія великаго князя кіевскаго Святослава Всеволодовича на Давида Ростисла-

вича во время охоты, Рюрикъ Ростиславичъ послалъ Давида въ Смоленскъ къ старшему брату просить помощи противъ Ольговичей. Случилось такъ, что Давидъ не засталъ въ живыхъ Романа, а пріѣхалъ туда тотчасъ послѣ его кончины. Епископъ Константинъ, игумны, священники и граждане встрѣтили Давида съ крестами, и проводили его въ соборный храмъ, гдѣ съ обычными обрядами посадили его на столъ отній и дѣдній. Подобные знаки народной преданности не помѣшали однако Смольнянамъ потомъ войти съ нимъ въ нѣкоторыя распри. Извѣстно, какъ въ 1185 году во время общаго похода на Половцевъ смоленская рать у Треполя составила вѣче противъ своего князя и отказалась идти далѣе. Давидъ однако не былъ такъ кротокъ и мягокъ, какъ его отецъ Ростиславъ или братъ Романъ. По крайней мѣрѣ, когда въ слѣдующемъ 1186 году произошли новыя смуты и мятежи въ Смоленскѣ, онъ казнилъ многихъ «лучшихъ» или именитыхъ гражданъ.

Понятно, что при такихъ распряхъ съ княземъ, населеніе не всегда усердно поддерживало его во внѣшнихъ столкновеніяхъ. Въ 1195 году Давиду пришлось оборонять свою землю съ двухъ сторонъ: отъ князей черниговскихъ и полоцкихъ. Ольговичи вели борьбу съ родомъ Мономаха изъ за Кіева; а полоцкіе князья враждовали съ смоленскими изъ за Витебскаго удѣла, которымъ смоленскіе стремились завладѣть. Ярославъ Всеволодовичъ Черниговскій послалъ своего племянника Олега Святославича къ Витебску на помощь Полочанамъ противъ Смольнянъ; Черниговцы на пути начали воевать Смоленскую землю. Давидъ отправилъ на нихъ своего племянника Мстислава Романовича. Была вторая недѣля великаго поста, лежалъ глубокій снѣгъ. Черниговцы расположились около лѣсу, притоптали вокругъ себя снѣгъ и приготовились встрѣтить непріятеля; съ ними успѣлъ соединиться полоцкій отрядъ подъ начальствомъ друтскаго князя Бориса. Мстиславъ Романовичъ ударилъ на Черниговцевъ и обратилъ ихъ въ бѣгство. Но въ то время, какъ онъ съ конною дружиною гнался за разбитыми Черниговцами, смоленскій полкъ, съ своимъ тысяцкимъ отряженный на Полочанъ, при встрѣчѣ съ ними бѣжалъ почти безъ битвы. Полочане не стали преслѣдовать Смольнянъ; а ударили въ тылъ пѣшему полку Мстислава Романовича, и смяли его. Молодой князь воротился изъ

погони, и, считая себя уже побѣдителемъ, неосторожно въѣхалъ въ средину Полочанъ и былъ захваченъ ими въ плѣнъ. Тогда и Олегъ Святославичъ воротился на поле битвы съ Черниговцами. Онъ выпросилъ себѣ у Бориса Друтскаго его плѣнника, и послалъ въ Черниговъ къ дядѣ Ярославу такую вѣсть: «Мстислава я взялъ и полкъ его побѣдилъ, а также и Давидовъ Смоленскій полкъ. Плѣнные Смольняне сказываютъ, что ихъ братья не ладно живутъ съ Давидомъ. Такого удобнаго времени какъ нынѣ намъ уже не будетъ, отче; совокупляй свою братью и приходи не медля, чтобы намъ взять свою честь». Ярославъ и всѣ Ольговичи обрадовались этой вѣсти, и поспѣшили выступить въ походъ, чтобы напасть на самый Смоленскъ. Но великій князь Рюрикъ Ростиславичъ, находившійся тогда въ Овручѣ, послалъ на перерѣзъ Ярославу своихъ бояръ съ крестными грамотами, и велѣлъ сказать ему: «ты хочешь брата моего погубить, уже отступился отъ ряду и крестнаго цѣлованья, то вотъ тебѣ назадъ твои крестныя грамоты; ступай къ Смоленску, а я пойду къ Чернигову; пусть насъ разсудитъ Богъ и крестъ честный». Угроза подѣйствовала, и Ярославъ воротился съ похода.

Давидъ Ростиславичъ скончался въ 1197 году, послѣ семнадцатилѣтняго княженія въ Смоленскѣ. Передъ смертью онъ велѣлъ отнести себя въ монастырь на Смядынѣ, и постричь въ монашескій чинъ. Тамъ онъ и былъ погребенъ въ построенной его отцомъ церкви Бориса и Глѣба. По словамъ лѣтописца Давидъ былъ средняго роста, красивъ лицомъ, любилъ монашескій чинъ и надѣлялъ монастыри; имѣлъ ратный духъ, золота и серебра не собиралъ, а раздавалъ своей дружинѣ; злыхъ людей казнилъ.

Смоленскій столъ перешелъ къ старшему племяннику Давида, Мстиславу Романовичу, бывшему черниговскому плѣннику. Этотъ князь занималъ его также лѣтъ семнадцать; а потомъ перешелъ на великій столъ Кіевскій, гдѣ посадилъ его двоюродный братъ Мстиславъ Мстиславичъ Торопецкій, по прозванію Удалой, изгнавшій изъ Кіева Всеволода Чермнаго. Смоленскій столъ послѣ того занимали по порядку старшинства другіе двоюродные братья, сначала Владиміръ Рюриковичъ, а потомъ Мстиславъ-Θеодоръ Давидовичъ. Послѣдній особенно извѣстенъ по своему торговому договору 1229 года

съ Ригою, Готландомъ и нѣмецкими городами. Договоръ этотъ подтверждаетъ свободное плаванiе гостей по рѣкѣ Двинѣ отъ верховья до устья. Товары нѣмецкiе обыкновенно подымались на ладьяхъ вверхъ по Двинѣ (и вѣроятно по ея лѣвому притоку Каспле) до той пристани, гдѣ они перегружались на телѣги, и уже волокомъ или сухопутьемъ доставлялись въ Смоленскъ. Для такой доставки существовала туземная артель вощиковъ или «волочанъ», которыми завѣдывалъ особый староста или тiунъ. Въ случаѣ какой утраты товара при перевозкѣ черезъ волокъ убытокъ платила вся артель. Когда весною на пристани скоплялось много судовъ съ товаромъ, то смоленскiе и нѣмецкiе купцы метали жребiй, чей товаръ долженъ быть перевезенъ напередъ. А иногородные русскiе купцы въ такомъ случаѣ безъ всякаго жребiя перевозили свой товаръ послѣ туземныхъ и нѣмецкихъ. Любопытно, что договоръ ставитъ нѣмецкимъ гостямъ въ обязанность: по прибытiи въ Смоленскъ подносить княгинѣ въ подарокъ поставъ или кусокъ полотна, а тiуну волочанскому дарить готскiя «перстатыя» рукавицы, т. е. перчатки. На печати, приложенной къ этому договору, Мстиславъ-Ѳеодоръ называетъ себя «великимъ княземъ». По примѣру Кiева и Владимiра на Клязьмѣ этотъ титулъ начали присвоивать себѣ старшiе князья и другихъ русскихъ областей.

Смоленская земля занимала весьма выгодное географическое положенiе. Она лежала въ срединѣ древней Руси, на западной окраинѣ Алаунской возвышенности, и владѣла верховьями трехъ большихъ рѣкъ, Днѣпра, Двины и Волги, которыя открывали ей судоходное сообщенiе почти со всѣми краями Россiи; что дѣлало ее посредницею въ торговлѣ между Новгородомъ и Кiевомъ, между Суздальскимъ и Прибалтiйскимъ краями. Скудость почвы возмѣщалась промышленнымъ, торговымъ духомъ населенiя. Окруженная со всѣхъ сторонъ русскими областями, эта земля мало подвергалась нападенiямъ иноплеменныхъ народовъ; менѣе другихъ страдала и отъ княжескихъ междоусобiй. Необширная по своимъ размѣрамъ, она изобиловала городами и селами, въ которыхъ обитало зажиточное населенiе.

Средоточiе этой вѣтви Кривичей, городъ Смоленскъ расположенъ на холмистомъ лѣвомъ берегу Днѣпра, пересѣчен-

номъ глубокими оврагами и лощинами. На самомъ возвышенномъ изъ городскихъ холмовъ стояла главная смоленская святыня, соборный каменный храмъ въ честь Успенія Богородицы, построенный Владиміромъ Мономахомъ, конечно въ томъ же греческомъ архитектурномъ стилѣ какъ храмы кіевскіе и черниговскіе. Въ этомъ соборѣ находилась весьма чтимая икона Богородицы Одигитріи (путеводительницы), по словамъ преданія написанная евангелистомъ Лукою; она была принесена въ Россію греческою царевною, матерью Владиміра Мономаха. Внукъ его и главный устроитель Смоленскаго княжества, Ростиславъ, также украсилъ свой стольный городъ построеніемъ храмовъ и монастырей. Особенно замѣчательна изъ нихъ Борисоглѣбская церковь въ Смядынскомъ монастырѣ, который находился за городомъ посреди лѣсовъ, при впаденіи рѣчки Смядыни въ Днѣпръ, подлѣ того мѣста, гдѣ по преданію былъ убитъ св. Глѣбъ Муромскій. Тому же князю приписываютъ основаніе храма Петра и Павла, въ Заднѣпровскомъ предмѣстьѣ, т. е. на правомъ берегу рѣки. Сыновья его подражали отцу въ строительной дѣятельности. Такъ памятью Романа служитъ каменный храмъ во имя Іоанна Богослова; а Давидъ Ростиславичъ соорудилъ при княжемъ теремѣ храмъ Михаила, и богато украсилъ его иконами, на которыхъ блистало золото, жемчугъ и дорогіе каменья. Если вѣрить лѣтописцу, подобной церкви тогда не было въ «полунощной странѣ», и всѣ приходящіе дивились ея красотѣ; а самъ князь-строитель имѣлъ обычай ежедневно ходить въ эту церковь.

Если Черниговъ, столь близкій къ Кіеву, старался раздѣлить съ нимъ славу его святынь и основаніе своихъ главныхъ монастырей приписывалъ Антонію Печерскому, то другія, болѣе отдаленныя области русскія не замедлили соревновать Кіеву въ прославленіи своихъ собственныхъ подвижниковъ. Такимъ образомъ мало по малу почти въ каждой изъ древне-русскихъ земель, особенно въ стольныхъ городахъ, прославляются свои мѣстночтимые угодники рядомъ съ подвижниками греческой церкви или съ такими общерусскими святыми какъ Борисъ и Глѣбъ. Старѣйшимъ смоленскимъ угодникомъ является преподобный Авраамій. Житіе его нѣкоторыми чертами напоминаетъ Ѳеодосія Печерскаго. Видимъ

тоже неодолимое влеченіе къ иноческимъ подвигамъ съ самой ранней юности, тоже прилежаніе къ книжному ученію и такое же настоятельство монастыря, основаннаго въ честь Богородицы подлѣ самаго города. Монастырь этотъ сдѣлался извѣстенъ болѣе подъ именемъ Спасо-Авраамiевскаго. Жизнь и подвиги святаго относятся къ княженію Мстислава Владиміровича и сына его Ростислава, т. е. обнимаютъ большую часть XII вѣка. А въ первой половинѣ XIII-го жилъ другой мѣстночтимый подвижникъ, Меркурій, который былъ пришлецомъ съ запада и принадлежалъ сначала Латинской церкви. Онъ находился въ службѣ Смоленскаго князя; по словамъ преданія, отразилъ отъ столицы татарское полчище; но при этомъ палъ, и былъ погребенъ въ соборномъ Успенскомъ храмѣ.

Кромѣ монастырей, храмовъ и княжихъ теремовъ, Смоленскъ обиловалъ гостиными дворами и лавками какъ туземныхъ купцовъ, такъ иногородныхъ и иноземныхъ. Между послѣдними преобладали гости варяжскіе и нѣмецкіе, которые имѣли не только свои дворы, но и собственные латинскіе храмы или божницы. Договоръ 1229 года упоминаетъ о храмѣ «Нѣмецкой Богородицы», въ которомъ, также какъ въ Успенскомъ соборѣ, хранились для провѣрки образцы вѣсовыхъ мѣръ, употреблявшихся въ торговлѣ. О томъ, какъ былъ великъ и многолюденъ древній Смоленскъ, можно судить по слѣдующему извѣстію лѣтописи. Въ 1230 году свирѣпствовала въ томъ краю моровая язва. Въ городѣ по этому случаю устроено было четыре скудельницы или общія могилы, и въ нихъ похоронено болѣе тридцати тысячъ человѣкъ! Въ томъ же году скончался и самъ князь Мстиславъ Давидовичъ. По торговлѣ и богатству жителей Смоленскъ уступалъ только Кіеву и соперничалъ съ Великимъ Новгородомъ. Изяславъ II, приглашая брата Ростислава къ совокупному дѣйствію противъ Юрія Долгорукаго, говорилъ: «Тамъ у тебя Новгородъ сильный и Смоленскъ».

Изъ другихъ приднѣпровскихъ городовъ этой земли заслуживаютъ вниманія: Дорогобужъ выше и Красный ниже Смоленска, еще ниже Орша и Копысъ. Тутъ Днѣпръ угломъ поворачиваетъ на югъ, и далѣе своимъ теченіемъ отдѣляетъ Смоленскую землю отъ Полоцкой. Граница смолен-

ская, шедшая на сѣверъ отъ угла, перерѣзывала теченіе Двины около устья рѣкъ Каспли съ одной стороны и Усвята съ другой, и продолжалась на Ловать, откуда по рубежу новгородскому заворачивала на востокъ къ верховьямъ Волги; потомъ слѣдовала ея теченію, и оканчивалась гдѣ-то между Ржевой и Зубцовымъ, изъ которыхъ первый городъ принадлежалъ смоленскимъ князьямъ, а второй суздальскимъ. Сѣверный край Смоленской земли составлялъ Торопецкій удѣлъ, принадлежавшій знаменитому Мстиславу Удалому. Городъ Торопецъ, на Торопѣ, правомъ притокѣ Двины, былъ однимъ изъ наиболѣе торговыхъ и промышленныхъ Смоленскихъ городовъ. Кромѣ волжской Ржевы, къ этому удѣлу, кажется, относился тогда и городъ Холмъ, стоявшій на самой новогородской границѣ, при впаденіи рѣчки Куньи въ Ловать.

Восточный край Смоленской земли заключалъ верховья трехъ лѣвыхъ притоковъ Оки, именно: Угры, Протвы и Москвы. Здѣсь помѣщались удѣлы Вяземскій и Можайскій. Городъ Можайскъ, лежавшій на берегахъ Москвы, находился на порубежьѣ съ Суздальской землей. А на Протвѣ жилъ въ тѣ времена остатокъ литовскаго народца Голяди, который вслѣдствіе какого-то движенія племенъ очутился посреди Славянъ, и былъ покоренъ Русью въ XI вѣкѣ. Вязьма расположена на лѣвомъ притокѣ Днѣпра, рѣчкѣ Вязьмѣ, которая уже самымъ своимъ названіемъ указываетъ на вязкую, т. е. глинистую и болотистую, почву своихъ береговъ. Южные удѣлы Смоленской земли обнимали верховья Десны и Сожи. Здѣсь, на черниговскомъ пограничьѣ, находились города Ростиславль и Мстиславль, оба на притокахъ Сожи, Осетрѣ и Вехрѣ. Упомянутая выше уставная грамота Ростислава называетъ многія смоленскія села; нѣкоторыя изъ нихъ являются впослѣдствіи городами, напримѣръ Ельня—на верховьяхъ Десны и Прупой (Пропойскъ)—при впаденіи Проны въ Сожъ. Послѣдній вѣроятно по своему населенію принадлежалъ уже не столько Кривичамъ, сколько Радимичамъ: ибо тутъ же недалеко протекала извѣстная ихъ рѣчка Пищана ([17]).

История Полоцкой земли послѣ возвращенія князей изъ греческаго заточенія крайне темна и сбивчива. Видимъ только, что смуты южной Руси, борьба Мономаховичей съ Ольгови-

чами и дядей съ племянниками помогли Полоцкой землѣ окончательно освободиться отъ кіевской зависимости. Соперничество разныхъ поколѣній въ потомствѣ Ярослава I давало Полоцкимъ Всеславичамъ возможность всегда находить себѣ союзниковъ. Такъ какъ съ востока ихъ тѣснили Мономаховичи смоленскіе, а съ юга кіевскіе и волынскіе, то Всеславичи сдѣлались естественными союзниками черниговскихъ Ольговичей и съ ихъ помощью отстаивали свою самостоятельность.

Однако Полоцкое княженіе не достигло значительной силы и крѣпости. Оно оказало слишкомъ слабое сопротивленіе, когда пришлось обороняться отъ иноплеменныхъ враговъ, надвигавшихъ съ запада, именно отъ Литвы и Ливонскаго ордена. Главныя причины его слабости заключались какъ въ недостаткѣ внутренняго единенія между Всеславичами, такъ равно и въ безпокойномъ строптивомъ отношеніи населенія къ своимъ князьямъ. Перевороты, произведенные въ Полоцкой землѣ Мономахомъ и сыномъ его Мстиславомъ I, неоднократное плѣненіе, перемѣщеніе и потомъ изгнаніе полоцкихъ князей, конечно, перепутали родовые счеты между потомками многочисленныхъ сыновей Всеслава. Мы не находимъ здѣсь того довольно строгаго порядка, который наблюдался по отношенію къ старшинству, напримѣръ, въ родѣ князей черниговосѣверскихъ или смоленскихъ. Главный Полоцкій столъ становится предметомъ распрей между внуками Всеслава; но тотъ, кому удавалось имъ завладѣть, обыкновенно не пользуется большимъ значеніемъ между другими своими родичами, удѣльными князьями полоцкими. Послѣдніе нерѣдко стремятся къ самостоятельности и слѣдуютъ своей собственной политикѣ въ отношеніи къ сосѣднимъ землямъ. Особенно это можно сказать о князьяхъ минскихъ. Въ теченіе всего столѣтія, протекшаго отъ возвращенія Всеславичей въ Полоцкъ до времени Татарскаго и Литовскаго завоеванія, мы не встрѣчаемъ на Полоцкомъ столѣ ни одной личности, отмѣченной печатью энергіи или ловкой политики.

Распри Всеславичей въ свою очередь не мало способствовали ослабленію княжеской власти и нѣкоторымъ успѣхамъ народоправленія или вѣчевому началу. Такое начало, замѣченное нами у Смоленскихъ Кривичей, еще въ большей степени проявилось у Полоцкихъ, которые въ этомъ отношеніи еще

ближе подходятъ къ своимъ единоплеменникамъ Кривичамъ Новгородскимъ. Особенно сильно сказывается оно въ жителяхъ стольнаго города, который подобно другимъ старѣйшимъ городамъ стремится не только рѣшать междукняжескія распри, но и подчинить своимъ рѣшеніямъ населеніе младшихъ городовъ или пригородовъ. Недаромъ лѣтописецъ замѣтилъ, что «Новгородцы, Смольняне, Кіевляне и Полочане какъ на думу на вѣче сходятся, и на чемъ старшіе положатъ, на томъ и пригороды станутъ».

Характеръ полоцкой исторіи въ эту эпоху ярко отразился въ борьбѣ двухъ внуковъ Всеслава, двоюродныхъ братьевъ: Рогволода Борисовича Полоцкаго и Ростислава Глѣбовича Минскаго.

Женатый на дочери Изяслава II Кіевскаго, Рогволодъ находился въ нѣкоторомъ подчиненіи у Мономаховичей. Можетъ быть, это обстоятельство и послужило источникомъ неудовольствія противъ него со стороны Полочанъ и Глѣбовичей Минскихъ, т. е. Ростислава съ братьями. Въ 1151 году граждане Полоцка, тайно сговорясь съ Ростиславомъ Глѣбовичемъ, схватили Рогволода, и отправили его въ Минскъ, гдѣ онъ былъ посаженъ подъ стражу. Ростиславъ занялъ Полоцкій столъ, хотя собственно и не имѣлъ на то права; такъ какъ его отецъ Глѣбъ никогда не занималъ этого стола. Опасаясь вмѣшательства Мономаховичей, Глѣбовичи отдались подъ покровительство Святослава Ольговича Новгородъ-Сѣверскаго, и присягнули «имѣть его отцомъ себѣ и ходить въ послушаніи у него». Рогволодъ потомъ освободился изъ плѣна, но не получилъ обратно своихъ волостей, и въ 1159 году прибѣгъ съ просьбою о помощи къ тому же Святославу Ольговичу, теперь князю Черниговскому. Глѣбовичи повидимому успѣли уже не только съ нимъ разсориться, но и возбудить противъ себя само полоцкое населеніе. По крайней мѣрѣ мы видимъ, что едва Рогволодъ получилъ войско отъ Святослава Ольговича и явился въ Полоцкой землѣ, какъ болѣе 300 мужей Дручанъ и Полочанъ вышли къ нему на встрѣчу и ввели его въ городъ Друтскъ, откуда изгнали Ростиславова сына Глѣба; при чемъ пограбили его собственный дворъ и дворы его дружинниковъ. Когда Глѣбъ Ростиславичъ прискакалъ въ Полоцкъ, здѣсь также поднялось смятеніе; народъ раздѣлился на двѣ стороны, Рогволо-

дову и Ростиславову. Послѣднему многими подарками удалось успокоить противную сторону; при чемъ онъ вновь привелъ гражданъ къ присягѣ. Граждане поцѣловали крестъ на томъ, что Ростиславъ «имъ князь» и что дай Богъ «пожить съ нимъ безъ извѣта». Онъ отправился съ братьями Всеволодомъ и Володаремъ на Рогволода къ Друтску; но послѣ безъуспѣшной его осады противники помирились; при чемъ Рогволодъ получилъ еще нѣкоторыя волости. Однако смятенія въ Полоцкѣ не замедлили возобновиться. Строптивые Полочане, забывъ недавнюю присягу, начали тайно сноситься съ Рогволодомъ. Посланцы ихъ говорили такія рѣчи:

«Княже нашъ! согрѣшили мы передъ Богомъ и передъ тобою въ томъ, что встали на тебя безъ вины, имѣнье твое и твоей дружины разграбили, а самого тебя выдали Глѣбовичамъ на великую муку. Но если нынѣ не помянешь того, что мы сотворили по своему безумію, цѣлуй намъ крестъ на томъ, что ты нашъ князь, а мы твои люди. Ростислава же отдадимъ въ твои руки, и дѣлай съ нимъ что хочешь».

Рогволодъ поцѣловалъ крестъ на забвеніе прошлой измѣны, и отпустилъ пословъ. Тогда полоцкіе вѣчники задумали вѣроломнымъ образомъ схватить своего князя, который очевидно окружалъ себя предосторожностями и не жилъ въ самомъ городѣ, а пребывалъ въ загородномъ княжемъ дворѣ за Двиной на рѣкѣ Бѣльчицѣ. Полочане позвали князя въ Петровъ день къ «св. Богородицѣ Старой», на братчину, которая устроивалась или цѣлымъ городомъ, или какимъ либо приходомъ въ храмовой праздникъ. Но у Ростислава были пріятели, которые извѣстили его о зломъ умыслѣ. Онъ пріѣхалъ на пиръ, имѣя, подъ плащемъ броню и съ приличнымъ количествомъ дружины, такъ что граждане въ этотъ день ничего не посмѣли предпринять противъ него. На слѣдующее утро они опять прислали звать его въ городъ подъ предлогомъ какихъ-то важныхъ рѣчей. «Вчера я былъ у васъ; что же вы не молвили мнѣ, въ чемъ ваша нужда?»—сказалъ князь посланцамъ; однако сѣлъ на коня и поѣхалъ въ городъ. Но дорогою его встрѣтилъ «дѣтскій» или одинъ изъ младшихъ дружинниковъ, который тайкомъ ушелъ изъ города, чтобы донести князю объ измѣнѣ Полочанъ. Въ эту минуту они творили бурное вѣче противъ князя; а между тѣмъ хищная чернь уже бросилась на дворы

главныхъ дружинниковъ, начала ихъ грабить и избивать попадавшихъ въ ея руки княжихъ чиновниковъ, т. е. тіуновъ, мытниковъ и т. п. Ростиславъ, въ виду открытаго мятежа, поспѣшилъ воротиться въ Бѣльчицу, собралъ свою дружину, и отправился въ Минскъ къ брату Володарю, воюя по дорогѣ полоцкія волости, забирая скотъ и челядь. Между тѣмъ Рогволодъ изъ Друтска пріѣхалъ въ Полоцкъ, и снова сѣлъ на столъ дѣда своего и отца. Но вмѣстѣ съ тѣмъ возобновилась его война съ Глѣбовичами Минскими. Рогволодъ получилъ помощь отъ роднаго дяди своей супруги Ростислава Смоленскаго, но не даромъ: онъ уступилъ за нее Витебскъ и нѣкоторыя другія пограничныя волости. Ростиславъ Смоленскій вскорѣ перешелъ на великій столъ Кіевскій, и продолжалъ отсюда помогать Рогволоду противъ Глѣбовичей. Однако война съ послѣдними не была удачна для Полоцкаго князя. Нѣсколько разъ ходилъ онъ на Минскъ и не могъ взять этого города. Въ 1162 году Рогволодъ осадилъ Городецъ, въ которомъ оборонялся Володарь Глѣбовичъ съ войскомъ, набраннымъ изъ сосѣдней Литвы. Здѣсь Володарь нечаяннымъ ночнымъ нападеніемъ нанесъ такое пораженіе Рогволоду, послѣ котораго тотъ не осмѣлился показаться въ стольномъ городѣ; такъ какъ потерялъ множество Полочанъ убитыми и плѣнными. Онъ ушелъ въ свой бывшій удѣльный городъ Друтскъ.

Съ того времени лѣтописи не упоминаютъ болѣе о Рогволодѣ Борисовичѣ. Но есть другаго рода памятникъ, который повидимому говоритъ о томъ же князѣ, спустя девять лѣтъ послѣ его пораженія подъ Городцемъ. Верстахъ въ двадцати отъ города Орши по дорогѣ въ Минскъ въ полѣ лежитъ красноватый валунъ, на плоской поверхности котораго высѣченъ шестиконечный крестъ съ подставкою; а вокругъ креста изсѣчена слѣдующая надпись: «въ лѣто 6679 (1171) мая въ 7 день доспѣнъ крестъ сей. Господи! помози рабу своему Василію въ крещеніи, именемъ Рогволоду, сыну Борисову». Очень вѣроятно, что этотъ Рогволодъ-Василій и есть бывшій полоцкій князь Рогволодъ Борисовичъ, который подъ конецъ своей жизни долженъ былъ довольствоваться Друтскимъ удѣломъ; а помянутый камень находится на землѣ, очевидно принадлежавшей къ этому удѣлу. Любопытно, что, кромѣ Рогволодова, сохранилось еще нѣсколько подобныхъ камней въ руслѣ Западной Двины. А именно,

немного ниже города Дисны въ самой порожистой части этой рѣки возвышается посреди нея гранитный сѣрый валунъ съ изображеніемъ креста и надписью: «Господи, помози рабу твоему Борису». Еще ниже лежитъ другой валунъ съ такою же надписью и крестомъ. Тамъ же на Двинѣ существуетъ еще нѣсколько камней съ надписями, которыя невозможно разобрать. По всей вѣроятности Борисовъ камень принадлежитъ отцу Рогволода, великому князю Полоцкому. А благочестивое обращеніе къ Богу съ просьбою о помощи было конечно молитвою о благополучномъ окончаніи какого либо предпріятія; вѣроятнѣе всего она относилась къ построенію храмовъ ([18]).

Вскорѣ послѣ указанныхъ выше событій Полочане посадили у себя на столѣ Всеслава Васильковича, одного изъ правнуковъ знаменитаго Всеслава. Этотъ Василько находился въ свойствѣ съ смоленскими князьями, и только съ ихъ помощью держался на своемъ столѣ. Но однажды онъ потерпѣлъ пораженіе отъ своего соперника Володаря Глѣбовича, князя Городецкаго, и его союзниковъ Литовцевъ, и принужденъ былъ искать убѣжища въ Витебскѣ у Давида Ростиславича, тогда еще одного изъ удѣльныхъ смоленскихъ князей. Володарь захватилъ Полоцкъ, привелъ жителей къ присягѣ и затѣмъ двинулся на Витебскъ. Давидъ Ростиславичъ оборонялъ переправу черезъ Двину; но не давалъ рѣшительной битвы, потому что поджидалъ на помощь брата своего Романа Смоленскаго. Вдругъ въ полночь въ лагерѣ Володаря услыхали какой-то шумъ, какъ будто цѣлая рать переправлялась черезъ рѣку. Дружинѣ Володаря почудилось, что это идетъ на нее Романъ, а Давидъ хочетъ ударить съ другой стороны. Она бросилась бѣжать и увлекла за собою князя. Утромъ Давидъ, узнавъ о бѣгствѣ непріятелей, поспѣшилъ въ погоню и захватилъ многихъ, заблудившихся въ лѣсу. А свояка Всеслава онъ вновь посадилъ въ Полоцкѣ (1167 г.), который такимъ образомъ очутился въ зависимости отъ Смоленска, и послѣдній оказывалъ ему покровительство въ отношеніи другихъ сосѣдей. Напримѣръ, въ 1178 г. Мстиславъ Храбрый пошелъ съ Новгородцами на Полочанъ, чтобы отнять у нихъ новогородскій погостъ, захваченный когда-то Всеславомъ Брячиславичемъ. Но Романъ Смоленскій отправилъ сына на помощь Всеславу Васильковичу, а къ Мстиславу послалъ отговаривать отъ похода. Храбрый по-

слушалъ старшаго брата, и отъ Великихъ Лукъ повернулъ назадъ. Но зависимость Смоленская была очень непріятна для Полочанъ; равно чувствительна для нихъ была уступка Витебска. Поэтому князья полоцкіе снова начали искать союзовъ съ Литвою и съ Черниговымъ. Имъ удалось наконецъ воротить Витебскій удѣлъ, когда Давидъ Ростиславичъ получилъ волость въ Кіевской Руси (Вышгородъ). Витебскъ перешелъ къ Брячиславу Васильковичу, брату Всеслава Полоцкаго.

Въ 1180 г. произошла замѣчательная встрѣча смоленскихъ князей съ черниговскими въ Полоцкой землѣ. Давидъ Ростиславичъ только что вокняжился въ Смоленскѣ по смерти старшаго брата; а въ Друтскомъ удѣлѣ сидѣлъ его подручникъ Глѣбъ Рогволодовичъ, конечно сынъ помянутаго выше Рогволода Борисовича. Въ то время борьба Мономаховичей и Ольговичей изъ за Кіева находилась въ полномъ разгарѣ. Великій князь кіевскій Святославъ Всеволодовичъ, возвращаясь изъ своего похода на Всеволода Суздальскаго (о чемъ послѣ) заѣхалъ въ Новгородъ Великій, гдѣ тогда княжилъ его сынъ. Отсюда онъ пошелъ въ Полоцкую землю; въ тоже время родной его братъ Ярославъ Черниговскій и двоюродный Игорь Сѣверскій пришли съ другой стороны, имѣя у себя наемныхъ Половцевъ, и направились на Друтскъ, чтобы отнять его у смоленскаго подручника. Давидъ Ростиславичъ поспѣшилъ на помощь Глѣбу Рогволодовичу и старался напасть на Ярослава и Игоря («дать имъ полкъ»), прежде нежели подоспѣетъ Святославъ Кіевскій, съ которымъ соединилась большая часть полоцкихъ князей, въ томъ числѣ оба брата Васильковича, Всеславъ Полоцкій и Брячиславъ Витебскій, съ литовскими и ливонскими наемными отрядами. Но черниговo-сѣверскіе князья уклонились отъ рѣшительной битвы, а заняли крѣпкое положеніе на противномъ берегу Друти, и обѣ рати простояли тутъ цѣлую недѣлю, ограничиваясь перестрѣлкою. Когда же пришелъ великій князь Святославъ Всеволодовичъ съ Новгородцами и братья начали наводить гать черезъ рѣку, Давидъ Смоленскій ушелъ домой. Великій князь сжегъ острогъ или внѣшнюю крѣпость Друтска, но самаго города не взялъ, и, распустивъ союзниковъ, воротился въ Кіевъ. Полоцкая земля такимъ образомъ очутилась въ зависимости отъ черниговскихъ Ольговичей, но до первой перемѣны обстоятельствъ. Въ 1186

году Давидъ Ростиславичъ воспользовался половецкимъ погромомъ Ольговичей, чтобы смирить Полочанъ. Онъ предпринялъ на нихъ зимній походъ изъ Смоленска; а сынъ его Мстиславъ, княжившій тогда въ Новгородѣ, пошелъ ему на помощь съ Новогородцами; на его сторонѣ были еще два удѣльныхъ полоцкихъ князя, Всеславъ Друтскій и Василько Логожскій. Полочане смутились, и положили на вѣчѣ такое рѣшеніе: «мы не можемъ стать противу Новогородцевъ и Смольнянъ; если впустимъ ихъ въ свою землю, много они успѣютъ сотворить ей зла прежде, чѣмъ заключимъ миръ; лучше выдемъ къ нимъ на *сумежье*». Такъ и сдѣлали: встрѣтили Давида на границѣ съ поклономъ и честью; поднесли ему многіе дары и уладились мирнымъ образомъ, т. е. согласились конечно на его требованія.

По желанію Давида, Витебскъ былъ отданъ его зятю, одному изъ внуковъ Глѣба Минскаго. Но Ярославъ Всеволодовичъ воспротивился этому распоряженію, и отсюда произошло новое столкновеніе Черниговцевъ съ Смольнянами, въ 1195 г. Выше мы видѣли, чѣмъ окончилась встрѣча противниковъ въ Смоленскихъ предѣлахъ и какъ друтскій князь Борисъ помогъ Черниговцамъ выиграть битву. Витебскъ былъ отнятъ у Давидова зятя. Казалось, что смоленское вліяніе на полоцкія дѣла окончательно должно было уступить черниговскому. Но съ одной стороны усилившіяся въ Южной Руси смуты отвлекли вниманіе Черниговцевъ; съ другой враждебные иноплеменники все болѣе и болѣе тѣснили Полоцкую землю съ запада. Поэтому здѣсь снова возобладало смоленское верховенство. Доказательствомъ тому служитъ извѣстная договорная грамота Мстислава Давидовича съ Ригою и Готландомъ. Главную артерію земли Полоцкой, Западную Двину, Смоленскій князь признаетъ свободною для торговыхъ судовъ на всемъ ея теченіи, и въ концѣ грамоты объявляетъ договоръ обязательнымъ не только для Смоленской «волости», но также для Полоцкой и Витебской. Слѣдовательно послѣднія находились тогда въ зависимости отъ Смоленска. ([19]).

Важнѣйшія поселенія въ землѣ Полоцкихъ Кривичей были расположены по берегамъ ея главной рѣки, т. е. Западной Двины. На верхней ея части, на пограничьѣ съ Смоленской

землею, находился удѣлъ Витебскій. Городъ Витебскъ построенъ при впаденіи рѣчки Витьбы въ Двину на довольно возвышенномъ лѣвомъ берегу послѣдней, и, будучи хорошо укрѣпленъ, имѣлъ также судовую пристань, одну изъ важнѣйшихъ на Двинѣ. На среднемъ ея теченіи, на правомъ берегу, при впаденіи рѣки Полоты, красовался стольный городъ Кривской земли Полоцкъ. Главная его часть или кремль («верхній замокъ») находился на береговомъ холму, который возвышается при сліяніи Полоты съ Двиною. Къ этому кремлю съ востока примыкалъ внѣшній городъ («нижній замокъ»), отдѣленный отъ него рвомъ и укрѣпленный земляннымъ валомъ съ деревянными стѣнами. Подгородныя селенія, расположенныя на противуположныхъ берегахъ обѣихъ рѣкъ, составляли Заполотье и Задвинье. Въ Полоцкомъ кремлѣ, кромѣ теремовъ княжескихъ и епископскаго, по обычаю заключалась главная святыня города, каѳедральный каменный соборъ св. Софіи, о семи верхахъ или главахъ. Самое именованіе его показываетъ, что онъ былъ сооруженъ и украшенъ по подобію храмовъ кіевскихъ, служившихъ образцами для всей Руси. Кромѣ Софійскаго собора въ Полоцкѣ, какъ и въ другихъ стольныхъ городахъ русскихъ, былъ еще соборный храмъ во имя Богородицы, которая во второй половинѣ XII вѣка называлась уже «Богородицей Старой», судя по исторіи Ростислава Глѣбовича.

Подобно другимъ столицамъ, и здѣсь кромѣ храмовъ благочестивые князья рано сооружаютъ монашескія обители, какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ его окрестностяхъ. Изъ мужскихъ монастырей наиболѣе извѣстенъ Борисоглѣбскій: имена братьевъ—мучениковъ особенно часто встрѣчаются въ родѣ полоцкихъ князей. Этотъ монастырь находился на Задвиньѣ, посреди рощъ и кустарниковъ, на склонѣ глубокой лощины, по дну которой струится рѣчка Бѣльчица, впадающая въ Двину. Онъ былъ основанъ Борисомъ Всеславичемъ, говорятъ, тѣмъ самымъ, который строилъ Полоцкую Софію. Около того же монастыря находился и загородный княжій дворъ. Извѣстно, что русскіе князья по большей части любили пребывать не въ городскомъ своемъ теремѣ, а въ загородномъ, при которомъ устроивались разныя хозяйственныя заведенія, особенно любимая ихъ забава, т. е. охота. Загородное житье привлекало ихъ конечно не одинмъ чистымъ воздухомъ, про-

форомъ и хозяйственными удобствами, но также нѣкоторымъ отдаленіемъ отъ шумнаго вѣча и строптивой городской черни. По крайней мѣрѣ подобное заключеніе можно вывести изъ приведенной выше исторіи Ростислава Глѣбовича.

Между женскими обителями здѣсь наиболѣе прославилась Спасо-Евфросиніевская. Въ Полоцкѣ по преимуществу передъ другими столицами было много княгинь и княженъ, посвятившихъ себя монашеской жизни. Между ними первое мѣсто занимаетъ св. Евфросинія, носившая свѣтское имя Предиславы. Житіе ея украшено легендами; но историческая его основа не подлежитъ сомнѣнію. Начало иноческихъ подвиговъ ея относится ко времени помянутаго полоцкаго князя Бориса Всеславича, которому она приходилась племянницей, будучи дочерью его младшаго брата Георгія и слѣдовательно внукою знаменитаго Всеслава.

Еще въ отроческихъ лѣтахъ, когда ей готовилось замужество, Предислава тайно ушла изъ родительскаго дома къ теткѣ своей вдовѣ князя Романа Всеславича, которая была настоятельницею женской обители, находившейся повидимому подлѣ соборнаго Софійскаго храма. Здѣсь Предислава постриглась подъ именемъ Евфросиніи, къ великому огорченію своихъ родителей. По ея просьбѣ епископъ полоцкій Илія позволилъ ей нѣкоторое время жить въ кельѣ, пристроенной къ собору или въ такъ наз. «голубцѣ». Тутъ она занималась списываніемъ церковныхъ книгъ, и деньги, полученныя отъ этого труда, раздавала нищимъ. Вскорѣ помыслы ея обратились къ обычному стремленію благочестивыхъ русскихъ княгинь, къ устроенію собственной женской обители. Для этой цѣли епископъ уступилъ ей свое ближнее сельцо, гдѣ былъ у него загородный домъ съ небольшою деревянною церковью во имя Спаса-Преображенія. Мѣсто это лежитъ верстахъ въ двухъ отъ города на правомъ берегу Полоты. Здѣсь Евфросинія устроила новую обитель, въ которой была поставлена игуменьей. Въ число своихъ инокинь она, къ новому огорченію отца, привлекла родную сестру Гориславу-Евдокію и двоюродную Звениславу-Ефразію Борисовну. Съ помощью родственниковъ, на мѣстѣ деревяннаго она соорудила и украсила каменный Спасо-Преображенскій храмъ, который былъ освященъ преемникомъ Иліи епископомъ Діонисіемъ, въ присутствіи всего княжаго дома, при многочисленномъ стеченіи народа. Евфросинія тѣмъ не ограничилась, и, чтобы имѣть соб-

ственныхъ священнослужителей, основала по близости мужской монастырь во имя Богородицы. Въ своей обители она мирно пережила грозу, разразившуюся надъ ея родомъ во время Мстислава Мономаховича Кіевскаго, который изгналъ полоцкихъ князей въ Грецію. Миновало время этого изгнанія; князья воротились. Миновало и время междоусобія двоюродныхъ братьевъ ея, Рогволода Борисовича и Ростислава Глѣбовича. Евфросинія успѣла постричь въ монахини еще двухъ княженъ, своихъ племянницъ. Достигнувъ старости, она пожелала посѣтить Святую землю, согласно съ благочестивымъ настроеніемъ своего вѣка. Это повидимому было въ то время, когда на Полоцкомъ столѣ сидѣлъ ея племянникъ Всеславъ Васильковичъ, а византійскимъ императоромъ былъ Мануилъ Комненъ. Свой монастырь святая игуменья оставила на попеченіе сестры Евдокіи; а сама, въ сопровожденіи двоюродной сестры и одного изъ родныхъ братьевъ, отправилась въ Константинополь. Поклонясь святынямъ Цареградскимъ, она отплыла въ Іерусалимъ, гдѣ и пріютилась въ русскомъ странопріимномъ домѣ при Ѳеодосіевскомъ монастырѣ Богородицы. Тамъ она скончалась, и была погребена въ притворѣ монастырскаго храма.

Лицо Евфросиніи сдѣлалось предметомъ особаго почитанія въ Полоцкой землѣ. А прекраснымъ памятникомъ ея благочестія служитъ воздвигнутый ею храмъ Спаса-Преображенія (доселѣ сохранившійся въ основныхъ своихъ частяхъ), небольшой по размѣрамъ, но изящной архитекуры, какъ и всѣ образцы византійско-русскаго стиля той эпохи. Въ храмѣ этомъ хранится крестъ Евфросиніи, сооруженный въ 1161 году; онъ шестиконечный, деревянный, окованный серебромъ и украшенный драгоцѣнными камнями, заключающій въ себѣ частицы мощей. Одною изъ преемницъ Евфросиніи на игуменствѣ была ея племянница преподобная Параскевія, дочь Рогволода-Василія Борисовича, которая подарила Спасской обители все свое имѣніе, и привела ее въ весьма цвѣтущій видъ ([20]).

Полоса, лежащая къ сѣверу отъ Двины, представляетъ нѣсколько холмистую озерную область, которая повидимому не имѣла густаго населенія. Полоцкіе предѣлы здѣсь сходились съ Новогородскими около верховьевъ Ловати и Великой. Единственный значительный городъ, извѣстный по лѣтописи въ этой сторонѣ, былъ Усвятъ, лежащій на озерѣ того же

имени, на пограничьѣ съ Смоленскою и Новогородскою землею. Наибольшая и лучше населенная часть Полоцкой земли простиралась къ югу отъ Двины; она обнимала область правыхъ днѣпровскихъ притоковъ, Друти и Березины. Эта область представляетъ лѣсистую песчаноглинистую равнину, въ сѣверозападной своей полосѣ часто возвышенную и холмистую, а въ юговосточной низменную и болотистую; послѣдняя незамѣтно сливается съ Туровскимъ Полѣсьемъ. Самымъ зажиточнымъ краемъ въ этой области былъ Минскій удѣлъ, имѣвшій болѣе сухую и плодородную почву, съ примѣсью чернозема, съ лиственными породами лѣсу и богатыми пастбищами. Стольный городъ удѣла Минскъ возвышался на береговыхъ холмахъ рѣки Свислочи (праваго притока Березины). Это одинъ изъ древнѣйшихъ кривскихъ городовъ, наравнѣ съ Полоцкомъ и Смоленскомъ. Подъ самымъ городомъ впадала въ Свислочь небольшая, но историческая рѣчка Немиза. На ея берегахъ происходила извѣстная битва Всеслава съ Ярославичами въ 1067 году. Пѣвецъ Слова о Полку Игоревѣ воспѣлъ эту битву въ такихъ образахъ: «на Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ цѣпами булатными, на току животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла; не добромъ посѣяны кровавые берега Немизы, посѣяны костьми русскихъ людей». Неподалеку отъ Минска къ сѣверозападу, на одномъ изъ притоковъ Свислочи, лежалъ Изяславль, построенный Владиміромъ Великимъ для Рогнѣды и ея сына Изяслава. Еще немного далѣе на сѣверъ на рѣкѣ Гойнѣ, притокѣ Березины, находился Логожскъ, а на самой Березинѣ Борисовъ, основанный Борисомъ Всеславичемъ. Подвигаясь отъ него къ востоку, встрѣчаемъ одинъ изъ наиболѣе значительныхъ полоцкихъ городовъ Друтскъ, въ мѣстности весьма лѣсистой и болотистой. На юговостокѣ крайними полоцкими городами были Рогачевъ, при впаденіи Друти въ Днѣпръ, и Стрѣжевъ, нѣсколько ниже на Днѣпрѣ; эти города лежали на Черниговo-Кіевскомъ пограничьѣ.

На западѣ предѣлы Полоцкой земли терялись въ лѣсахъ Литовскихъ, куда постепенно проникали поселенія Кривичей. Такія поселенія заводились отчасти путемъ торговыхъ сношеній, отчасти силою оружія. Князья русскіе налагали дани на сосѣдніе литовскіе народцы, и на удобныхъ береговыхъ хол-

махъ рубили русскіе городки, откуда ихъ дружинники ходили собирать дани, и гдѣ туземцы могли мѣнять добычу отъ своихъ звѣриныхъ промысловъ на хозяйственныя орудія, ткани, женскія украшенія и другіе русскіе товары. Литва довольно легко подчинялась вліянію болѣе развитой русской гражданственности и на украйнѣ своей подвергалась постепенному обрусѣнію; въ XII вѣкѣ мы не разъ въ полоцкихъ войскахъ встрѣчаемъ вспомогательные литовскіе отряды. Но неустройства и недостатокъ единенія въ самой Полоцкой землѣ мѣшали прочности русскаго господства въ этихъ глухихъ краяхъ.

По нѣкоторымъ признакамъ полоцкіе князья владѣли теченіемъ Двины почти до самаго Балтійскаго моря, т. е. собирали дани съ туземныхъ Латышей. Но они не позаботились упрочить за собой устье этой рѣки построеніемъ крѣпкихъ русскихъ городовъ, и повидимому не занимали своими дружинами укрѣпленныхъ мѣстъ на ней далѣе двухъ замковъ, носившихъ латышскія названія: Герсике (нынѣ Крейцбургъ, пониже Динабурга) и Кукейносъ (Кокенгузенъ). Со стороны Нѣмана полоцкія границы пересѣкали Вилію и направлялись къ его среднему теченію. На рѣкѣ Святой, притокѣ Виліи, имѣемъ городъ съ русскимъ названіемъ Вилькомиръ, потомъ Новгородокъ, на одномъ изъ лѣвыхъ нѣманскихъ притоковъ, и Городно, на высокомъ правомъ берегу Нѣмана при впаденіи рѣчки Городничанки. О процвѣтаніи сего послѣдняго города наглядно свидѣтельствуютъ остатки красиваго Борисоглѣбскаго храма (извѣстнаго болѣе подъ именемъ «Коложанскаго»), основаніе котораго восходитъ къ XII вѣку и который только въ наше время разрушенъ дѣйствіемъ воды, подмывшей песчаный рыхлый берегъ Нѣмана. Храмъ этотъ особенно замѣчателенъ множествомъ своихъ голосниковъ, т. е. глиняныхъ продолговатыхъ горшковъ, вдѣланныхъ въ стѣны, какъ надо полагать, съ цѣлью придать болѣе пріятности звукамъ церковнаго пѣнія. Городно и Новгородокъ служили оплотомъ Кривской земли со стороны дикаго занѣманскаго племени Ятвяговъ ([21]).

Со второй половины XII вѣка отношенія Кривской Руси къ своимъ западнымъ сосѣдямъ начинаютъ измѣняться. Среди Литвы подготовляется политическое объединеніе, которое потомъ дастъ ей перевѣсъ надъ сосѣднею Русью. Въ тоже вре-

мя на устьяхъ Двины возникаетъ, враждебный и Руси, и Литвѣ, нѣмецкій орденъ Меченосцевъ.

Вдоль восточныхъ береговъ Балтійскаго моря отъ устьевъ Вислы до нижняго теченія Западной Двины простирается песчаноглинистая равнина, обильная рѣками, озерами и болотами, сосновыми и дубовыми пущами. Отчасти эта равнина взволнована холмами и пригорками, и усѣяна валунами или обломками гранитныхъ скалъ, которыя дѣйствіемъ воды были оторваны отъ горныхъ кряжей Скандинавіи и на льдинахъ перенесены далеко на востокъ еще въ тѣ времена, когда часть Восточноевропейскаго материка находилась подъ водою (т. е. во времена такъ наз. Ледянаго періода). Такова стародавняя родина небольшаго, но замѣчательнаго Литовскаго племени, которому суждено было занять немаловажное мѣсто въ Русской исторіи.

Это племя состояло изъ многихъ разноименныхъ народцевъ. Главнымъ средоточіемъ ихъ была область нижняго и средняго теченія Нѣмана съ его правыми притоками, Дубиссой, Невяжей и Виліей. Принѣманская Литва въ географическомъ отношеніи дѣлилась на Верхнюю, *Аукстоте*, или собственную Литву, жившую на среднемъ Нѣманѣ и Виліи, и на Нижнюю, *Жомойтъ* или *Жмудь* (въ латинской формѣ «Самогитія»); послѣдняя обитала въ приморскомъ краѣ между низовьями Нѣмана и Виндавой. По языку Верхняя Литва и Жмудь составляли одну и туже вѣтвь Литовской семьи. Народцы, жившіе далѣе къ сѣверу, составляли другую вѣтвь этой семьи, именно *Латышскую* или *Летскую*, хотя названіе ея есть видоизмѣненіе того же имени Литва. Къ этой вѣтви принадлежали: *Корсь* или *Куроны*, занимавшіе уголъ между Балтійскимъ моремъ и Рижскимъ заливомъ; *Зимгола* (въ латинской формѣ «Семгалія») къ востоку отъ Корси на лѣвой сторонѣ Двины; *Летгола* или собственно *Латыши* на правой ея сторонѣ до рѣки Аа и далѣе, на пограничьѣ съ финскими народцами. На западъ отъ Принѣманской Литвы жила третья вѣтвь Литовской семьи, *Прусская*, которая занимала низменную полосу отъ нижняго Нѣмана и верхняго Прегеля до нижней Вислы. Названіе Пруссовъ по всей вѣроятности связано съ именемъ Русь или Рось, которое носили нѣсколько рѣкъ Восточной

Европы. Къ числу этихъ рѣкъ принадлежитъ и Нѣманъ, въ нижнемъ своемъ теченіи также называвшійся Русью. Между тѣмъ какъ собственно Литовская и Латышская вѣтви были сопредѣльны Славяно-Русскому міру, Прусская вѣтвь сосѣдила съ народами Славяно-Ляшскаго корня. Она въ свою очередь дробилась на мелкіе народцы, каковы: *Скаловиты*, *Самбы*, *Натанги*, *Вармы*, *Галинды*, *Судавы* и пр. Съ юга къ Нѣманской Литвѣ и Пруссамъ примыкалъ народъ, который по всѣмъ признакамъ можно считать четвертою вѣтвію Литовскаго семейства: это *Ятвяги*. Они занимали область глухихъ непроходимыхъ пущъ, орошаемыхъ правыми притоками Западнаго Буга и лѣвыми Нѣмана; слѣдовательно по своему положенію Ятвяги врѣзывались клиномъ между Русскими и Польскими Славянами. Былъ еще литовскій народецъ, брошенный, какъ мы видѣли, въ самый восточный уголъ Смоленской земли, на берега верхней Протвы, именно *Голядь*, названіе которой напоминаетъ прусскихъ Галиндовъ.

Языкъ Литовской семьи показываетъ, что изъ всѣхъ арійскихъ народовъ она находилась въ ближайшемъ родствѣ съ Славянами. Во время великихъ народныхъ движеній Литвины были занесены въ Прибалтійскія страны, и тутъ въ глуши своихъ лѣсовъ долгое время жили въ сторонѣ отъ историческихъ переворотовъ и иноземныхъ вліяній; такъ что Русская исторія застаетъ ихъ на первобытныхъ степеняхъ гражданственности, и самая рѣчь Литвы болѣе другихъ арійскихъ языковъ сохранила родство съ старѣйшимъ своимъ братомъ, языкомъ священныхъ индійскихъ книгъ, или съ Санскритомъ.

Свидѣтельства средневѣковыхъ и новѣйшихъ историковъ изображаютъ коренныхъ Литвиновъ людьми крѣпкаго мускулистаго сложенія, съ бѣлою кожею, румянымъ овальнымъ лицомъ, голубыми глазами и свѣтлыми волосами, которые впрочемъ съ лѣтами темнѣютъ. Въ домашнемъ быту нравъ ихъ добродушный, обходительный и гостепріимный. Незамѣтно, чтобъ они усердно злоупотребляли береговымъ правомъ, т. е. грабили и захватывали въ плѣнъ потерпѣвшихъ кораблекрушеніе. Только племя Куроновъ было извѣстно морскими разбоями. Но, выходя изъ мирнаго состоянія, въ войнахъ съ сосѣдями Литва являлась народомъ суровымъ, хищнымъ и способнымъ къ сильному возбужденію. Въ IX и X вѣкахъ она

была народомъ бѣднымъ и по преимуществу звѣроловнымъ. Ея дремучія пущи обиловали множествомъ пушнаго, рогатаго и всякаго звѣря, каковы: медвѣди, волки, лисицы, рысь, зубры, олени, лоси, вепри и т. д. Впрочемъ мѣстами она уже занималась земледѣліемъ, употребляя соху, запряженную парою воловъ, и взрывая землю дубовымъ обожженнымъ сошникомъ. Богатыя рыбою озера и рѣки доставляли также средства для ея пропитанія. Ей извѣстно было и пчеловодство, но въ самомъ первобытномъ его видѣ: изъ борти или древеснаго дупла собирали медъ дикихъ пчелъ. Замѣтны и начала скотоводства, особенно любовь къ коню; эту любовь Литва конечно принесла съ собою изъ болѣе южныхъ, степныхъ странъ, гдѣ она когда-то обитала. Кони литовскіе были малорослы, но отличались крѣпостію и выносливостію. Литва продолжала употреблять въ пищу конское мясо, пила теплую конскую кровь; а кобылье молоко составляло ея обычный напитокъ. Она была разсѣяна небольшими посёлками по своимъ лѣсамъ, и жила или въ земляныхъ, или въ бревенчатыхъ дымныхъ хижинахъ, освѣщаемыхъ лучинами, и съ отверстіями, затянутыми звѣриною кожею вмѣсто оконъ. Намъ неизвѣстны литовскіе города этой эпохи. Самая природа страны, т. е. непроходимые лѣса и болота, служила лучшею защитою отъ непріятельскихъ вторженій. Но многіе остатки валовъ и городищъ, въ особенности на берегу озеръ или посреди ихъ на островахъ, указываютъ на существованіе укрѣпленныхъ мѣстъ, въ которыхъ обитали мелкіе державцы Литовской земли. Начала торговыхъ сношеній были положены промышленными людьми, которые приходили съ одной стороны изъ Славянобалтійскаго поморья, гдѣ въ тѣ времена были уже многіе торговые города (Любекъ, Винета, Волынъ, Щетинъ и др.), а съ другой изъ земли Кривичей. Они мѣняли свои товары, преимущественно металлическія издѣлія и оружіе, на звѣриныя шкуры, мѣха, воскъ и пр. Въ особенности привлекало сюда иноземныхъ торговцевъ богатство янтаря, которымъ берега Пруссіи славились издревле.

У Литвы мы находимъ такіе же начатки сословій, какъ и у другихъ народовъ, стоявшихъ на той же степени гражданственности. Изъ среды свободнаго населенія выдвигались нѣкоторые роды, владѣвшіе бо́льшимъ количествомъ земель и челяди. Изъ такихъ знатныхъ родовъ вышли мѣстные князья

или «кунигасы», которыхъ значеніе, небольшое въ мирномъ быту, подымалось въ военное время, когда они являлись предводителями мѣстнаго ополченія. Несвободное состояніе, рабы или челядь, питалось преимущественно войною; такъ какъ плѣнники по общему обычаю обращались въ рабство. Но число ихъ не могло быть велико до тѣхъ поръ, пока Литва ограничивалась легкими схватками между собою и съ сосѣдями. Въ политическомъ отношеніи Литовскій народъ представлялъ дробленіе на мелкія владѣнія и общины, во главѣ которыхъ стояли или кунигасы, или вѣча старѣйшинъ. Единство племени, кромѣ языка, поддерживалось жреческимъ сословіемъ.

Религія литовская имѣла много общаго съ славянскою. Здѣсь мы находимъ тоже поклоненіе верховному богу громовнику Перуну, который по-литовски произносился *Перкунасъ*. Такое грозное божество олицетворяло по преимуществу стихію огня, вмѣстѣ разрушительную и благодѣтельную. Огнепоклоненіе Литвиновъ выражалось неугасимыми кострами, которые горѣли въ ихъ святилищахъ передъ идолами Перкуна. Этотъ священный огонь назывался *Зничъ* и находился подъ вѣдѣніемъ особой богини *Праургимы*. Солнце какъ источникъ свѣта и тепла чтилось подъ разными именами (*Сотваросъ* и др.). Богиня мѣсяца называлась *Лайма;* дождь олицетворялся подъ видомъ бога *Летуванисъ*. Въ числѣ литовскихъ божествъ встрѣчаются славянскіе *Лель* и *Ладо*, означавшіе также солнечнаго или свѣтлаго бога. Былъ особый богъ веселья, *Рагутисъ*; а свободная, счастливая жизнь находилась подъ покровительствомъ богини *Летувы*. Нѣкоторыя божества въ разныхъ мѣстностяхъ носили различныя названія; поэтому до насъ дошло большое ихъ количество. Волынскій лѣтописецъ, напримѣръ, приводитъ имена литовскихъ боговъ: *Андая*, *Диверикса*, *Мѣдѣина*, *Надѣева* и *Телявеля*. Миѳологія литовская успѣла получить большее развитіе нежели славянская, благодаря долѣе сохранявшемуся язычеству и болѣе вліятельному жреческому сословію. Основою этой миѳологіи какъ и вездѣ было почитаніе стихій. Воображеніе народное, по общему обыкновенію, всю видимую природу населяло особыми божествами и геніями; а вліяніе дремучихъ лѣсовъ ярко отразилось на множествѣ всякаго рода суевѣрій. Вся жизнь

человѣка, всѣ его дѣйствія находились подъ непосредственнымъ вліяніемъ сверхъ-естественныхъ существъ, добрыхъ и недобрыхъ, которыхъ надобно располагать въ свою пользу поклоненіемъ и жертвами. Нѣкоторыя животныя, птицы и даже гады, особенно ужи, пользовались почитаніемъ у Литвиновъ. Рядомъ съ этимъ грубымъ идолопоклонствомъ встрѣчаются признаки довольно развитой ступени язычества. Мы находимъ здѣсь нѣчто похожее на индійскую тримурти или трехъ высшихъ божествъ греческаго Олимпа. Подобно Зевесу и его двумъ братьямъ, Перкунасъ повелѣваетъ небомъ; а водная стихія подчинена богу *Атримпосу*, котораго представляли себѣ подъ видомъ водянаго ужа, свившагося въ кольцо, съ головою мужчины среднихъ лѣтъ; земное или собственно подземное царство принадлежало *Поклусу* (славянскій Пекло), котораго народное воображеніе рисовало блѣднолицымъ старцемъ съ сѣдой бородой и съ головой, небрежно повязанной кускомъ полотна. Самъ Перкунъ изображался крѣпкимъ мужемъ съ каменнымъ молотомъ или съ кремневою стрѣлою въ рукѣ. Богамъ посвящались особые лѣса и озера, которые были такимъ образомъ заповѣдными, неприкосновенными для народа; дубъ считался по преимуществу деревомъ Перкуна, и святилища его обыкновенно располагались посреди дубовой рощи. Главнѣйшее изъ нихъ называлось Ромово, которое находилось гдѣ-то въ Пруссіи. Здѣсь подъ вѣтвями священнаго дуба стояли изображенія трехъ помянутыхъ боговъ, а передъ ними горѣлъ неугасимый костеръ. Обыкновенно особые жрецы и жрицы, долженствовавшіе сохранять чистую, непорочную жизнь, смотрѣли за этимъ костромъ, и, если онъ угасалъ, то виновные въ томъ сожигались живыми; а огонь добывался снова изъ кремня, который былъ въ рукѣ Перкуна. Здѣсь же въ Ромовѣ подлѣ главнаго святилища жилъ верховный жрецъ, называвшійся *Криве-Кривейто*.

Жреческое сословіе у Литвы не составляло особой касты, потому что доступъ къ нему былъ свободенъ; но оно было многочисленно и сильно своимъ значеніемъ въ народѣ. Оно отличалось одеждою отъ другихъ людей, особенно бѣлымъ поясомъ; носило общее названіе *вайделотовъ*, но дѣлилось на разныя степени и различныя занятія. Конечно главнымъ его назначеніемъ было совершать жертвоприношенія богамъ и охра-

нять святилища; далѣе, оно занималось наставленіемъ народа въ правилахъ вѣры, лѣченіемъ, гаданіями, заклинаніями отъ недобрыхъ духовъ и т. п. Высшую жреческую ступень составляли *кревы*, которые надзирали за святилищами и вайделотами извѣстнаго округа, и кромѣ того имѣли значеніе народныхъ судей. Отличительнымъ знакомъ ихъ достоинства былъ жезлъ особаго вида. Они вели жизнь безбрачную; тогда какъ простые вайделоты могли быть люди семейные. Нѣкоторые кревы достигали особаго почета и уваженія, и получали названіе «криве-кривейта». Изъ послѣднихъ наибольшею духовною властію пользовался тотъ, который жилъ въ прусскомъ Ромовѣ. Его власть, говорятъ, простиралась не только на Пруссовъ, но и на другія литовскія племена. Приказанія свои онъ разсылалъ посредствомъ вайделотовъ, снабженныхъ его жезломъ или другимъ его знакомъ, передъ которымъ преклонялись и простые, и знатные люди. (Средневѣковые католическіе хронисты сравнивали его съ Римскимъ папою). Ему принадлежала третья часть военной добычи. Бывали примѣры, что Криве-Кривейто, достигши глубокой старости, самъ приносилъ себя въ жертву богамъ за грѣхи своего народа, и для этого торжественно сожигался живой на кострѣ. Такія добровольныя самосожиганія конечно поддерживали въ народѣ чрезвычайное уваженіе къ своему духовному главѣ.

Первыми апостолами-мучениками у Литовскаго народа почитаются св. Войтехъ и св. Брунъ. Въ концѣ X вѣка архіепископъ чешской Праги Войтехъ (или Адальбертъ) отправился проповѣдывать Евангеліе языческимъ народамъ на берега Балтійскаго моря, подъ покровительствомъ польскаго короля Болеслава Храбраго. Онъ и два его спутника однажды углубились въ лѣсную чащу, и, остановясь посреди ея на полянѣ, прилегли отдохнуть. Скоро ихъ разбудили дикіе крики. Миссіонеры, не зная того, очутились въ заповѣдномъ лѣсу, куда доступъ чужеземцамъ былъ возбраненъ подъ страхомъ смерти. Старшій жрецъ первый ударилъ святаго мужа въ перси; а остальные его докончили. Болеславъ отправилъ посольство съ просьбою выдать ему останки Войтеха и освободить изъ оковъ его спутниковъ. Пруссы потребовали и получили столько серебра, сколько вѣсило тѣло мученика. Оно съ великимъ торжествомъ было положено въ Гнѣзненскомъ соборѣ. Спустя лѣтъ

десять или одиннадцать, (въ 1109 г.) такая же мученическая кончина отъ языческой Литвы постигла и другаго христіанскаго апостола, Бруна, того самаго который ходилъ въ Южную Русь и гостилъ въ Кіевѣ у Владиміра Великаго. Болеславъ Храбрый опять выкупилъ тѣло святаго мужа и замученныхъ вмѣстѣ съ нимъ его спутниковъ. Подобная судьба проповѣдниковъ возбудила сильное негодованіе въ католическомъ мірѣ, особенно при папскомъ дворѣ. Тотъ же Болеславъ съ большимъ войскомъ двинулся въ глубь Пруссіи. Походъ былъ предпринятъ зимою, когда болота и озера, служившія самою надежною оборонoю, покрылись льдомъ, который представлялъ прочный мостъ для войска. По неимѣнію крѣпостей Пруссы не могли оказать сильнаго сопротивленія. Поляки разграбили и сожгли много деревень; проникли въ самое Ромово, и разрушили святилище; идолы боговъ были сокрушены, а жрецы преданы мечу. Наложивъ дань на Пруссовъ, король съ торжествомъ воротился домой. Послѣ того упало значеніе прусскаго Ромова и самаго Криве-Кривейто. Столица его вмѣстѣ съ главнымъ святилищемъ перешла въ среду Принѣманской Литвы на устье Дубиссы; откуда въ послѣдствіи передъ напоромъ новой религіи священный Зничъ перенесенъ еще далѣе на устье Невяжи, потомъ на берега Виліи въ Керновъ, и наконецъ въ Вильну.

Кромѣ жрецовъ у Литвиновъ были и жрицы или вайделотки, которыя поддерживали огонь въ святилищахъ женскихъ божествъ, и подъ страхомъ смерти обязаны были сохранять цѣломудріе. Были также вайделотки, занимавшіяся разнаго рода знахарствомъ или вѣдовствомъ, т. е. гаданіями, прорицаніями, лѣченіемъ и т. п. Религіозное усердіе Литвиновъ особенно выражалось обильными жертвоприношеніями животныхъ, каковы конь, быкъ, козелъ и пр. Часть жертвеннаго животнаго вайделоты сожигали въ честь божества; остальное служило для пиршества. Въ торжественныхъ случаяхъ были въ обычаѣ и жертвы человѣческія; напр. за побѣду благодарили боговъ сожженіемъ живыхъ плѣнниковъ; чтобы умилостивить нѣкоторыя божества, приносили въ жертву дѣтей.

Погребальные обычаи Литвы были почти тѣже что у Русскихъ Славянъ. Здѣсь также господствовало сожженіе знатныхъ покойниковъ съ его любимыми вещами, конемъ, оружіемъ, ра-

бами и рабынями, охотничьими собаками и соколами. Литвинъ тоже вѣрилъ, что загробное существованіе похоже на настоящее и что тамъ будутъ тѣже отношенія между господами и слугами. Погребеніе также сопровождалось пиршествомъ въ родѣ славянской тризны; при чемъ выпивалось большое количество хмѣльнаго меду и пива (alus). Остатки сожженныхъ труповъ собирались въ глиняные сосуды и зарывались въ поляхъ и лѣсахъ; иногда надъ могилами насыпали курганы и обкладывали ихъ камнями. Вѣра въ очистительное дѣйствіе огня была такъ сильна у этого народа, что были нерѣдкіе случаи, когда старцы, больные и увѣчные заживо всходили на костеръ и сожигались, считая такую смерть самою пріятною богамъ. Тѣни покойниковъ часто представлялись воображенію Литвиновъ въ полномъ вооруженіи на крылатыхъ коняхъ. Любопытно, что подобныя представленія существовали также у ближайшаго къ Литвѣ славянорусскаго племени, Кривичей, и сохранялись даже въ первые вѣка христіанства. При этомъ благочестивые люди смѣшивали представленіе о покойникахъ съ понятіемъ о бѣсахъ или злыхъ духахъ. Такъ кіевскій лѣтописецъ подъ 1092 годомъ передаетъ слѣдующее баснословное извѣстіе. Въ Друтскѣ и Полоцкѣ бѣсы рыскали по улицамъ на коняхъ и на смерть поражали людей; народу были видимы только конскія копыта, и тогда шелъ говоръ, что «навье (мертвецы) бьютъ Полочанъ».

Политическое дробленіе Литовскаго народа и уединенное неподвижное состояніе его, нарушаемое мѣстными незначительными войнами, могли продолжаться только до тѣхъ поръ, пока ни откуда не грозила опасность его независимости. Бѣдность и дикость Литвы побуждала ее иногда предпринимать мелкіе набѣги на болѣе зажиточныхъ сосѣдей, т. е. Русь и Польшу; но князья этихъ странъ въ свою очередь начали тѣснить Литву. Такимъ образомъ съ юга стали напирать на нее Польскіе Славяне, а съ востока Русскіе; тѣ и другіе успѣли ранѣе ея развить свой государственный бытъ и свою гражданственность. Вмѣстѣ съ тѣмъ христіанство начало съ разныхъ сторонъ вторгаться въ литовскіе предѣлы. Тогда и Литовское племя мало по малу выступаетъ на историческое поприще. Лѣса и болота оказывались не всегда надежною защитою отъ внѣшнихъ

непріятелей. Явилась потребность собирать и объединять свои силы. Въ это время у Литвиновъ пробудилась воинственная энергія и усилилась власть военныхъ вождей, то есть власть княжеская, которая постепенно беретъ верхъ надъ вліяніемъ духовенства или жреческаго сословія. По свидѣтельству нашей лѣтописи, уже Владиміръ Великій и его сынъ Ярославъ ходили на Ятвяговъ и на Литву. Съ тѣхъ поръ извѣстія о враждебныхъ столкновеніяхъ Руси съ Литвою повторяются чаще и чаще. Долгое время перевѣсъ оставался за русскими дружинами, которыя проникали въ глубь литовскихъ земель и брали съ нихъ дань скотомъ, челядью, звѣриными шкурами; а съ бѣднѣйшихъ жителей, по сомнительному свидѣтельству польскаго лѣтописца, будто бы собирали дань лыками и вѣниками. Борьбу съ Литвою вели преимущественно князья Волынскіе и Полоцкіе. Изъ волынскихъ, какъ извѣстно, прославились въ этой борьбѣ особенно Романъ Мстиславичъ и потомъ сынъ его Даніилъ Галицкій. Не такъ успѣшно велась она со стороны полоцкихъ князей. Хотя кривскіе торговцы и переселенцы продолжали проникать въ литовскія земли; но сама Полоцкая земля во второй половинѣ XII вѣка уже много терпѣла отъ литовскихъ набѣговъ и разореній. Первоначально вооруженная дубинами, каменными топорами, пращами и стрѣлами, Литва совершала набѣги большею частію на своихъ лѣсныхъ коняхъ и старалась напасть внезапно, оглашая воздухъ своими длинными трубами. Черезъ рѣки она переправлялась въ легкихъ лодкахъ изъ зубровой шкуры, которыя возила за собою; а за недостаткомъ лодокъ просто переплывала рѣки, держась за хвосты коней. Сношенія съ сосѣдями и награбленная добыча потомъ дали Литвинамъ возможность пріобрѣтать желѣзное вооруженіе, такъ что у нихъ появились мечи, шлемы, брони и т. д. Воинственный духъ все болѣе и болѣе воспламенялся. Въ эту эпоху не только встрѣчаемъ у полоцкихъ князей наемные литовскіе отряды; но и нѣкоторые литовскіе князья уже на столько богаты, что нанимаютъ въ свою службу отряды изъ русской вольницы. Они уже не ограничиваются одними набѣгами; но облагаютъ данью пограничныя земли Кривичей и Дреговичей, и даже завоевываютъ цѣлыя области.

Пѣвецъ Слова о Полку Игоревѣ, изображая печальное состояніе южной Руси, терзаемой Половцами, въ такомъ видѣ

рисуетъ положеніе Руси Полоцкой, угнетаемой Литвою, и прославляетъ геройскую смерть одного изъ удѣльныхъ князей, Изяслава Васильковича: «Уже Сула не течетъ свѣтлыми струями къ городу Переяславлю. А Двина мутно течетъ у Полочанъ подъ грознымъ кликомъ поганой Литвы. Одинъ только Изяславъ сынъ Васильковъ позвонилъ острыми мечами о шеломы литовскіе, соревнуя славѣ дѣда своего Всеслава; но и самъ онъ лежитъ на кровавой муравѣ подъ червлеными щитами, изрубленный мечами литовскими. Не было съ нимъ брата Брячислава и другаго брата Всеволода; одинъ онъ изронилъ жемчужную душу изъ храбраго тѣла чрезъ золотое ожерелье». Поэтъ объясняетъ далѣе, что полоцкіе Всеславичи собственными крамолами наводили поганую Литву на свою землю, подобно тѣмъ князьямъ, которые такими же крамолами навели на землю Русскую поганыхъ Половцевъ.

Во время борьбы съ Русью мелкіе литовскіе князья начали соединяться и составлять союзы для общаго дѣйствія. Особенно подобные союзы выступаютъ противъ сильныхъ князей Волынскихъ. По смерти своей грозы, Романа Мстиславича, князья Литовскіе вошли въ переговоры съ его женою и сыновьями, и прислали посольство для заключенія мира. По этому поводу Волынскій лѣтописецъ сообщаетъ цѣлый рядъ ихъ именъ. Старѣйшаго между ними онъ называетъ Живинбудомъ; потомъ слѣдуютъ: Давьятъ и его братъ Виликаилъ, Довспрунгъ съ братомъ Миндогомъ, жмудскіе владѣтели Ердивилъ и Выкинтъ, нѣкоторые члены родовъ Рушковичей (Клитибутъ, Воинбутъ и т. д.) и Булевичей (Вишимутъ и др.) и нѣкоторые князья изъ области Дяволтвы, лежавшей около Вилькоміра (Юдьки, Пукѣикъ и пр.). Подобные союзы, съ старѣйшимъ княземъ во главѣ, естественно пролагали путь къ собиранію литовскихъ родовъ и племенъ въ одну политическую силу, то есть пролагали путь единодержавію. Послѣднее явленіе было ускорено новою опасностію, которая начала угрожать литовской религіи и независимости съ другой стороны: отъ двухъ нѣмецкихъ рыцарскихъ орденовъ. ([22]).

XV.

ЛИВОНСКІЙ ОРДЕНЪ.

Природа и населеніе края. — Нѣмецкіе торговцы и миссіонеры. — Мейнгардъ и Бертольдъ. — Альбертъ Буксгевденъ и основаніе Ливонскаго Ордена. — Порабощеніе Ливовъ и Латышей. — Полоцкій князь Владиміръ. — Порабощеніе Эстовъ. — Датчане въ Эстоніи. — Столкновеніе съ Новгородцами. — Взятіе Юрьева. — Подчиненіе Зимголы и Куроновъ. — Соединеніе Ливонскаго Ордена съ Тевтонскимъ.—Упроченіе нѣмецкаго владычества и закрѣпощеніе туземцевъ.—Городъ Рига.

Край, извѣстный подъ именемъ Прибалтійскаго или Ливонскаго, имѣетъ естественные предѣлы съ трехъ сторонъ: Балтійское море на западѣ, Финскій заливъ на сѣверѣ и Псковско-Чудское озеро съ рѣкою Наровою на востокѣ. Только на югѣ и юговостокѣ предѣлы его были очерчены мечемъ нѣмецкихъ завоевателей съ одной стороны, русскихъ и литовскихъ защитниковъ родины съ другой. Этотъ край, съ принадлежащими къ нему островами, представляетъ низменную полосу въ сѣверной своей половинѣ и холмистую въ южной. Холмистая, пересѣченная мѣстность особенно находится въ юговосточной части, между озерами Вирцъерве, Чудскимъ и Западною Двиною; здѣсь посреди живописныхъ долинъ и возвышеній извивается верхнее теченіе Ливонской Аа и залегаютъ красивыя озера. Довольно скудная песчаноглинистая почва, мѣстами усѣянная занесенными съ сѣвера валунами и цѣлыми скалами, множество рѣчекъ и небольшихъ озеръ, сосновые и еловые лѣса, влажный довольно суровый климатъ, морскіе берега, покрытые большею частію зыбучимъ пескомъ и отмелями, а потому не представляющіе удобныхъ гаваней—вотъ отличительныя черты Ливонскаго края. Неудивительно поэтому, что онъ

долгое время оставался внѣ исторической жизни, служа пребываніемъ полудикихъ племенъ и представляя мало привлекательнаго для болѣе развитыхъ народовъ сосѣдней Европы. Въ числѣ рѣкъ, текущихъ въ Балтійское море, встрѣчаются довольно значительныя по своей величинѣ: каковы: Пернава, Салисъ, двѣ Аа (Ливонская и Куронская) и особенно Виндава; но онѣ отличаются или мелководіемъ, или порожистымъ теченіемъ и потому несудоходны. Единственная судоходная жила это Двина; но и она нерѣдко усѣяна порогами, такъ что плаваніе по ней всегда было сопряжено съ трудностями, и торговыя суда могли ходить только въ короткую весеннюю пору, или въ половодье. Отсюда понятно отчасти, почему древняя Русь не показывала особаго стремленія распространять свою колонизацію въ эту сторону. Ея сообщеніе съ моремъ по Двинѣ восходитъ ко временамъ очень отдаленнымъ; но она предпочитала ей другой хотя и болѣе длинный, но за то болѣе удобный путь въ Балтійское море по Волхову и по Невѣ. Впрочемъ вообще нельзя не замѣтить, что Русское племя, постепенно распространяясь съ юга на сѣверъ по теченію главныхъ рѣкъ Восточной Европы, въ продолженіе вѣковъ усвоило себѣ всѣ привычки рѣчнаго (а не морскаго) судоходства, и выработало значительную сноровку, чтобы справляться съ рѣчными мелями и порогами. Но, приблизясь къ Балтійскому морю, оно остановилось съ одной стороны на Ладожскомъ озерѣ, а съ другой на нижнемъ теченіи Двины, и не обнаруживало охоты или стремленія закрѣпить за собой концы этихъ двухъ путей и утвердиться на самыхъ берегахъ Балтійскаго моря. Чѣмъ конечно и воспользовались народы Нѣмецкаго корня.

Прибалтійскій край былъ обитаемъ двумя различными племенами, Финскимъ и Литовскимъ. Всю сѣверную и среднюю полосу его занимали народцы Финскаго семейства, извѣстные у древней Руси вообще подъ именемъ Чуди, а у писателей иноземныхъ подъ именемъ Эстіевъ (восточныхъ) или Эстовъ. Русскія лѣтописи отличаютъ особыми названіями нѣкоторыхъ изъ народцевъ; такъ онѣ упоминаютъ: Чудь *Нерому* или *Нарову*, около рѣки того же имени, далѣе за ней Чудь *Очелу*, потомъ *Ерсву* на верхней Пернавѣ и *Торму* на западной сторонѣ Чудскаго озера. Чудскіе или эстонскіе народцы, обитав-

ніе въ сѣверной полосѣ Балтійскаго края, ничѣмъ особеннымъ не заявили въ исторіи о своемъ существованіи, и наши лѣтописи упоминаютъ о нихъ только по поводу походовъ, которые русскіе князья иногда предпринимали въ эту сторону для того, чтобы наказать какое нибудь племя за пограничные грабежи или наложить на него дань. Еще при Владимірѣ Великомъ Русь уже собирала дани въ той сторонѣ; но первая извѣстная попытка утвердиться здѣсь принадлежала его сыну Ярославу-Юрію. Въ Унганіи (область Чуди Тормы), на возвышеніяхъ лѣваго берега Эмбаха, онъ построилъ русскій городъ, которому далъ названіе Юрьева въ честь своего христіанскаго имени. До сего мѣста Эмбахъ отъ своего устья вполнѣ судоходенъ; вѣроятно тутъ и прежде находилось финское поселеніе, носившее туземное названіе Дерпта. Чудское племя однако дорожило своею независимостью, и Русь не одинъ разъ должна была вновь завоевывать потерянный Юрьевъ. Когда стало упадать значеніе великаго князя Кіевскаго и вниманіе его было отвлечено на югъ борьбою съ Половцами, покореніе Эстонской Чуди остановилось. Сосѣди ея Новогородцы и Псковичи совершали иногда удачные походы въ ея землю, захватывали въ добычу челядь и скотъ и брали нѣкоторыя укрѣпленныя мѣста туземцевъ. Между послѣдними болѣе другихъ получилъ извѣстность городъ Оденпе, по русски Медвѣжья голова, лежавшій къ югу отъ Юрьева въ одномъ изъ самыхъ возвышенныхъ, холмистыхъ уголковъ Ливонскаго края. Но съ одной стороны упорная оборона туземцевъ, съ другой явный недостатокъ настойчиваго движенія Новгородской Руси въ эту сторону задерживали распространеніе русскаго господства.

Южную полосу Прибалтійскаго края занимали народы Литовскаго семейства, а именно: *Латыгола* и *Зимгола*. Чудскіе народцы при столкновеніи съ литовскими очевидно отступали передъ ними какъ болѣе одареннымъ арійскимъ племенемъ; ибо въ древности Чудь безъ сомнѣнія простиралась южнѣе Двины; но Латыши постепенно оттѣснили ее далѣе къ сѣверу и заняли ея земли. При этомъ столкновеніи въ теченіе вѣковъ образовались новые племенные виды, смѣшанные изъ обоихъ семействъ. Къ такому смѣшенію принадлежалъ народъ *Ливовъ*, который занималъ нижнее теченіе Двины и морское прибрежье

почти отъ Пернавы до Муса или Куронской Аа и далѣе. А еще далѣе на западъ въ приморьѣ жили *Куроны*, также смѣшанные изъ Литовской и Финской народности повидимому съ преобладаніемъ первой; тогда какъ у Ливовъ преобладала вторая. На берегахъ Виндавы жилъ еще какой-то народецъ Венды, неизвѣстно Славянскаго или другаго какого семейства; такъ какъ онъ затерялся безслѣдно. Съ Двинскими Ливами сосѣдила ливонская область Торейда, расположенная по рѣкѣ того же имени, болѣе извѣстной подъ именемъ Аа. Къ сѣверу отъ Торейды лежали другія области Ливовъ, Идумея и Метеполе, послѣдняя по рѣкѣ Салисъ. Имѣя значительную латышскую примѣсь, Ливы немного крупнѣе ростомъ и крѣпче сложены чѣмъ Эсты, но ближе къ нимъ чѣмъ къ Латышамъ по языку, характеру и обычаямъ. Въ одеждѣ ихъ тоже преобладаетъ темный цвѣтъ; они также вспыльчивы и упрямы какъ Эсты, и отличались такимъ же расположеніемъ къ морскому хищничеству. Эзельскіе, ливонскіе и куронскіе пираты не упускали случая пограбить торговыя суда или воспользоваться ихъ кораблекрушеніемъ, и вообще наносили не малый вредъ торговому судоходству на Балтикѣ. Около половины XII вѣка эти пираты завладѣли даже частью острова Оланда, и здѣсь, у самыхъ береговъ Скандинавіи, устроили свое разбойничье гнѣздо. Король датскій Вальдемаръ I принужденъ былъ отправить противъ нихъ сильный флотъ, которому только послѣ отчаянной битвы удалось уничтожить это гнѣздо (1171). Однако дерзость чудскихъ пиратовъ и послѣ того была такъ велика, что спустя семнадцать лѣтъ они сдѣлали набѣгъ на берега озера Мелара, и разграбили торговый городъ Сигтуну.

Русское вліяніе простиралось на страну Ливи болѣе чѣмъ на Эстонію, благодаря водному пути по Западной Двинѣ. Но и здѣсь полоцкіе князья не обнаружили большей настойчивости нежели Новгородцы, и не стремились закрѣпить за собою устье этой рѣки или выходъ въ море. Полоцкія укрѣпленія остановились на Кокенгузенскихъ высотахъ ея праваго берега, и князья ограничивались тѣмъ, что взимали небольшую дань съ поселеній, расположенныхъ далѣе внизъ по рѣкѣ. Хотя русское господство и восточное православіе распространялись очень медленно въ этомъ краю, но за то безъ большихъ потрясеній и переворотовъ, безъ истребленія и обнищанія ту-

земныхъ племенъ. Ливы и Латыши сохраняли свой патріархальный бытъ, подъ управленіемъ родовыхъ старшинъ, и безпрепятственно приносили жертвы своимъ богамъ. Населеніе пользовалось нѣкоторою зажиточностію, и мирное его состояніе нарушалось только мелкими порубежными драками и грабежами; при чемъ литовскіе народцы большею частію обижали Эстонскую Чудь.

Такое прозябаніе Прибалтійскаго края продолжалось до тѣхъ поръ, пока не пришли нѣмецкіе завоеватели, которымъ путь въ эту сторону проложили нѣмецкіе торговцы.

Почти на самой срединѣ Балтійскаго моря, между Швеціей и Куроніей, протянулся довольно значительный гористый островъ Готландъ; его возвышенные берега изрѣзаны удобными для мореходовъ бухтами. Около одной изъ такихъ бухтъ на сѣверозападной сторонѣ острова процвѣталъ торговый городъ Висби, который служилъ главнымъ посредникомъ въ торговлѣ сѣверной Руси съ Варягами или Скандинавами. Варяжскіе купцы съѣзжались здѣсь съ новгородскими, смоленскими и полоцкими, и вымѣнивали у нихъ русскія произведенія, особенно дорогіе мѣха, воскъ и кожи. Эта прибыльная мѣна не замедлила привлечь и нѣмецкихъ торговцевъ изъ сѣверной Германіи. Въ XII вѣкѣ совершался важный переворотъ на южномъ Балтійскомъ поморьѣ. Обитавшіе тамъ славянскіе народы, Бодричи, Лютичи и частію Поморяне, теряли свою самобытность, тѣснимые Нѣмцами и Датчанами. Славянское поморье подверглось постепенному онѣмеченію, которое началось съ наиболѣе значительныхъ торговыхъ городовъ, каковы Щетинъ, Волынъ, Ростокъ и Любекъ. Ихъ морская торговля упала на то время, пока совершалась борьба съ нѣмецкими завоевателями, миссіонерами и колонистами. Тогда-то появились на Балтійскомъ морѣ торговцы изъ саксонскихъ или нижненѣмецкихъ городовъ, лежавшихъ за Эльбой. Впереди другихъ выступили города Бременъ и Гамбургъ; за ними Минстеръ, Дортмундъ, Сестъ и др. Ихъ торговцы также основали свои склады и конторы въ Висби, и начали производить мѣну съ русскими гостями. Предпріимчивые Нѣмцы однако не ограничились посредничествомъ Готланда; а постарались въ тоже время войти въ прямыя торговыя сношенія съ народами, обитавшими на восточномъ берегу Балтики.

Около половины XII вѣка бременскіе купцы начали посѣщать нижнее теченіе Западной Двины и торговать съ прибрежными Ливами. Весною ихъ суда приплывали съ нѣмецкими товарами, а осенью уходили, нагруженныя мѣстными произведеніями. То была эпоха сильнаго религіознаго одушевленія въ западной Европѣ. Крестовые походы противъ невѣрныхъ находились въ самомъ разгарѣ. Насильственное крещеніе Славянъ на Балтійскомъ поморьѣ въ особенности усилило миссіонерское движеніе среди Нѣмцевъ. Разсказы купцовъ о ливонскихъ язычникахъ не замедлили направить часть этого движенія въ ту сторону.

Между нѣмецкими проповѣдниками здѣсь первое мѣсто, если не по времени, то по успѣху принадлежитъ Мейнгарду, монаху Августинскаго ордена изъ Бременской епархіи. Весною 1186 года онъ приплылъ на купеческомъ суднѣ въ Двину, и высадился верстахъ въ 35 отъ ея устья на правомъ берегу въ ливонскомъ селеніи Икескола (Икскуль), гдѣ нѣмецкіе купцы уже успѣли построить свой дворъ для склада товаровъ. Жители той мѣстности платили дань полоцкому князю, по имени Владиміру. Умный монахъ, чтобы обезпечить свое дѣло съ этой стороны, предварительно испросилъ у князя позволеніе крестить язычниковъ, и даже съумѣлъ такъ ему понравиться, что получилъ отъ него подарки. Затѣмъ ему удалось обратить нѣсколько почтенныхъ людей изъ туземцевъ, а съ ихъ помощью и другихъ; такъ что въ туже зиму онъ построилъ въ Икскулѣ христіанскую церковь. Слѣдующей зимой случился набѣгъ Латышей на эту мѣстность. Мейнгардъ воспользовался своимъ знаніемъ военнаго дѣла; вооружилъ жителей Икскуля и поставилъ ихъ въ засадѣ, въ лѣсу, черезъ который проходили непріятели, обремененные плѣнными и добычею. Латыши не выдержали нечаяннаго нападенія, и, побросавъ добычу, обратились въ бѣгство. Эта побѣда много помогла дѣлу проповѣди, и крещеніе икскульскихъ туземцевъ пошло еще успѣшнѣе. Подъ предлогомъ оградить жителей отъ будущихъ нападеній, Мейнгардъ съ ихъ согласія слѣдующей весной призвалъ мастеровъ и каменьщиковъ изъ Готланда, и воздвигъ крѣпкій замокъ рядомъ съ туземнымъ селеніемъ. Точно также съ согласія жителей онъ построилъ потомъ нѣсколько ниже Икскуля замокъ на од-

номъ двинскомъ островѣ, Гольмѣ, гдѣ еще прежде соорудилъ церковь (откуда получилось названіе Кирхгольма). Это были первыя нѣмецкія крѣпости въ Ливонской землѣ. Въ виду такихъ успѣховъ архіепископъ бременскій Гартвигъ возвелъ Мейнгарда въ достоинство Ливонскаго епископа, впрочемъ съ подчиненіемъ его своей каѳедрѣ; на что получилъ папскую буллу отъ 25 сентября 1188 года. Одинъ изъ спутниковъ Мейнгарда, монахъ Дитрихъ подвизался въ сосѣдней области Торейдѣ на берегахъ Аа. Однажды язычники, побуждаемые жрецами, схватили его и хотѣли принести въ жертву своимъ богамъ. Но предварительно надобно было узнать ихъ волю посредствомъ гаданія. Положили копье и заставили пройти черезъ него коня. Послѣдній переступилъ сначала «ногою жизни». Провели его во второй разъ, и опять повторилось тоже. Это не только спасло жизнь монаху, но и вселило къ нему особое уваженіе; а когда ему удалось вылѣчить травами нѣсколько больныхъ, не только мужчины, но и женщины начали принимать крещеніе.

Мейнгардъ началъ внушать Ливамъ покорность бременскому архіепископу и требовать десятины на церковь; тогда новообращенные стали подозрительно и даже враждебно относиться къ своему апостолу. Произошло обратное движеніе, т. е. возвращеніе къ язычеству; принявшіе крещеніе погружались въ струи Двины, чтобы смыть его и отослать обратно въ Германію. Мейнгардъ хотѣлъ было плыть въ отечество и тамъ собрать помощь людьми и другими средствами; но туземцы съ притворною покорностью упросили его остаться. Убѣдясь въ ихъ притворствѣ, онъ отправилъ къ папѣ своего товарища Дитриха, и папа велѣлъ объявить отпущеніе грѣховъ всѣмъ тѣмъ, которые примутъ крестъ, чтобы силою оружія поддержать возникающую Ливонскую церковь. Престарѣлый Мейнгардъ однако не дождался этой помощи, и скончался въ 1196 году. Передъ смертью онъ собралъ вокругъ себя крещеныхъ старшинъ, и увѣщевалъ ихъ остаться вѣрными новой религіи и принять на его мѣсто новаго епископа.

Гартвигъ прислалъ изъ Бремена преемникомъ ему цистерціанскаго монаха Бертольда. Встрѣченный враждебно Ливами, онъ воротился въ Германію, съ помощью папской буллы собралъ отрядъ вооруженныхъ людей, и съ ними вновь присталъ

къ епископскому замку Гольму, въ 1198 г. Тогда началась открытая война Нѣмцевъ съ туземцами. Бертольдъ отступилъ къ устью Двины и расположился на холмѣ Ригѣ. Здѣсь произошла схватка съ Ливами. Хотя послѣдніе были уже разбиты, но Бертольдъ своимъ конемъ занесенъ въ средину бѣгущихъ непріятелей, и пораженъ копьемъ въ спину. Побѣдители отомстили его смерть, жестоко опустошивъ окрестную страну; такъ что побѣжденные смирились, приняли священниковъ и согласились платить установленные налоги. Но едва нѣмецкіе ратники отплыли обратно, какъ началось новое смываніе крещенія въ волнахъ Двины и избіеніе священниковъ.

На мѣсто убитаго Бертольда Бременскій архіепископъ назначилъ одного изъ своихъ каноииковъ, Альберта, происходившаго изъ довольно знатной фамиліи Апельдернъ или Буксгевденъ. Этотъ выборъ оказался очень удаченъ. Альбертъ былъ человѣкъ изворотливый, энергичный и предпріимчивый. Онъ менѣе всего мечталъ о славѣ апостола-мученика; а возложилъ дальнѣйшее распространеніе христіанства въ Ливонскомъ краѣ главнымъ образомъ на силу меча. Поэтому, прежде чѣмъ отправиться туда, онъ приготовилъ всѣ средства для будущаго успѣха. Онъ посѣтилъ Готландъ, гдѣ успѣлъ набрать пятьсотъ крестоносцевъ, потомъ Данію, гдѣ получилъ большое денежное вспоможеніе. Затѣмъ Альбертъ объѣхалъ часть сѣверной Германіи, и въ Магдебургѣ выхлопоталъ отъ короля Филиппа постановленіе, чтобы имущества крестоносцевъ, отправлявшихся въ Ливонію, пользовались тѣми же привилегіями какъ и крестоносцевъ, ходившихъ въ Палестину.

Весною 1200 года Альбертъ съ ратными и торговыми людьми на двадцати трехъ корабляхъ приплылъ къ устью Двины. Оставивъ здѣсь главный флотъ, епископъ на небольшихъ судахъ поднялся до Гольма и Икскуля. Ливы вооружились, начали новую войну съ Нѣмцами и заставили ихъ выдержать упорную осаду въ Гольмѣ. Но епископъ не затруднился прибѣгнуть къ вѣроломству: ему удалось подъ видомъ переговоровъ заманить къ себѣ ливонскихъ старшинъ; тогда, подъ угрозой отправить ихъ самихъ плѣнниками въ Германію, онъ принудилъ ихъ къ выдачѣ заложниками до тридцати своихъ сыновей. Эти мальчики были отосланы въ Бременъ, и тамъ воспитаны въ христіанской религіи. Епископскую столицу

Альбертъ рѣшилъ основать поближе къ морю, и выбралъ для этого на правомъ низменномъ берегу Двины то самое нѣсколько возвышенное мѣсто, на которомъ палъ его предшественникъ Бертольдъ и которое называлось *Риге* по имени небольшой впадающей здѣсь рѣчки, въ четырнадцати верстахъ отъ моря. Въ 1201 г. начата была постройка стѣнъ и заложенъ каѳедральный соборъ во имя св. Маріи. Папа, знаменитый Иннокентій III, не только далъ свое согласіе на основаніе епископскаго города, но и даровалъ ему нѣкоторыя привилегіи; напримѣръ, онъ наложилъ запретъ на посѣщеніе нѣмецкими торговцами, сосѣдняго съ Двинскимъ, устья рѣки Муса или Куронской Аа, гдѣ производилась торговля съ туземными Зимголами. Вслѣдствіе такого запрещенія всѣ посѣщавшіе этотъ край нѣмецкіе купцы по неволѣ должны были приставать въ устьѣ Двины. Послѣднее укрѣплено особымъ замкомъ, получившимъ отъ самаго положенія своего названіе Динаминде (т. е. Двинскаго Устья). Альбертъ постарался привлечь въ епископскую столицу многихъ купцовъ и ремесленниковъ изъ Бремена, Готланда и другихъ мѣстъ, щедро одѣляя ихъ разными привилегіями, и городъ, благодаря выгодному положенію, вскорѣ сдѣлался однимъ изъ самыхъ значительныхъ посредниковъ въ торговлѣ между Германіей и Скандинавіей съ одной стороны и восточной Европой съ другой.

Каждую осень Альбертъ отправлялся въ Германію, и каждую весну, т. е. съ открытіемъ навигаціи, возвращался въ Ригу, приводя съ собой новые отряды вооруженныхъ пилигримовъ. Но эти крестоносцы оставались въ Ливоніи только одно лѣто, и затѣмъ отплывали обратно, въ увѣренности, что они достаточно заслужили папское отпущеніе своимъ грѣхамъ. Подобное пилигримство конечно не могло удовлетворить Альберта, который желалъ имѣть въ своемъ распоряженіи настоящую военную силу. Съ этой цѣлью онъ началъ раздавать нѣмецкимъ рыцарямъ замки и владѣнія на ленномъ правѣ. Первые изъ такихъ ленныхъ бароновъ явились въ Икскулѣ и Леневарденѣ; послѣдній замокъ построенъ также на правомъ берегу Двины, выше Икскуля. Усиливавшіяся войны съ туземцами заставили епископа подумать о болѣе дѣйствительной мѣрѣ. Вмѣстѣ съ главнымъ своимъ сподвижникомъ Дитрихомъ (тѣмъ самымъ, которому гаданье конемъ спасло жизнь) Аль-

бертъ составилъ планъ основать въ Ливоніи монашескій рыцарскій орденъ, по примѣру орденовъ, которые въ то время существовали въ Палестинѣ. Иннокентій III въ 1202 году особою буллою утвердилъ этотъ планъ, и далъ Ливонскому ордену статутъ Храмовниковъ, а отличительнымъ знакомъ его назначилъ изображеніе краснаго креста и меча на бѣломъ плащѣ. Отсюда орденъ этотъ и сдѣлался извѣстенъ преимущественно подъ именемъ *Меченосцевъ*. (Утвержденное папою его именованіе было Fratres militiae Christi). Вмѣстѣ съ обѣтами безбрачія, повиновенія папѣ и своему епископу, орденскіе рыцари давали обѣтъ всю жизнь вести борьбу съ туземными язычниками.

Первымъ магистромъ Ливонскаго ордена Альбертъ назначилъ Винно-фонъ-Рорбахъ. Теперь завоеваніе Ливоніи и насильственное обращеніе въ христіанство пошли еще успѣшнѣе. Не одною силою меча Альбертъ распространялъ свое владычество, но еще болѣе хитрою политикой и умѣньемъ пользоваться обстоятельствами. Въ особенности онъ старался привлекать къ себѣ ливонскихъ старшинъ. Одинъ изъ нихъ, по имени Кауно, принявъ крещеніе, ѣздилъ даже въ Римъ, гдѣ удостоился почетнаго пріема и подарковъ отъ самого папы; разумѣется, по возвращеніи своемъ онъ явился самымъ усерднымъ слугою Римской церкви, и много помогъ епископу своимъ вліяніемъ на единоплеменниковъ и усерднымъ участіемъ въ войнахъ съ язычниками. Альбертъ искусно поддерживалъ вражду туземныхъ племенъ, являясь съ своею помощью однимъ противъ другихъ, истребляя язычниковъ ихъ собственными руками. Лѣтописецъ его подвиговъ, Генрихъ Латышъ передаетъ между прочимъ слѣдующій примѣръ подобнаго истребленія. Литва по обыкновенію грабила и обижала ближніе чудскіе народцы. Однажды зимою Литовцы чрезъ земли Ливовъ предприняли набѣгъ на Эстовъ подъ начальствомъ своего князька Свельгата, и возвращались оттуда съ большимъ количествомъ плѣнниковъ, скота и другой добычи. Узнавъ о томъ, Нѣмцы вмѣстѣ съ союзными себѣ Земгалами расположились гдѣ-то на дорогѣ и поджидали Литву. Послѣдняя по причинѣ глубокаго снѣга двигалась длинною вереницею, идя другъ за другомъ; но, замѣтивъ непріятелей, поспѣшила собраться въ толпу. Увидавъ передъ собою большое число, Зем-

галы не рѣшились сдѣлать нападеніе. Но кучка нѣмецкихъ рыцарей считала отступленіе постыднымъ и двинулась впередъ. Тутъ вполнѣ высказалось, какой перевѣсъ надъ туземцами давали имъ вооруженіе и боевая опытность. Блиставшіе на солнцѣ желѣзные шлемы, панцыри и обнаженные мечи нѣмецкихъ всадниковъ навели такой страхъ на нестройную толпу Литвиновъ, вооруженныхъ первобытными орудіями и стрѣлами, что они, не выждавъ удара, бросились спасаться бѣгствомъ. Тогда и Земгалы присоединились къ Нѣмцамъ, произошла жестокая бойня; такъ какъ глубокій снѣгъ мѣшалъ бѣгству Литвиновъ. По словамъ Латыша-лѣтописца, они разсыпались и были избиваемы какъ овцы. Головы Свельгата и другихъ убитыхъ непріятелей собраны и увезены Земгалами какъ трофеи. Затѣмъ плѣненныхъ Литвою Эстовъ Нѣмцы также избили безъ пощады, видя въ нихъ только язычниковъ. Многія жены павшихъ Литвиновъ, узнавъ о пораженіи, сами лишили себя жизни, чтобы немедленно соединиться съ мужьями за гробомъ. Такъ въ одномъ только селеніи удавилось до пятидесяти женщинъ.

Насильно обращенные Ливы часто отпадали отъ христіанства и возставали противъ своихъ поработителей; при чемъ захваченныхъ ими Нѣмцевъ иногда приносили въ жертву своимъ богамъ. Нѣмцы порабощали ихъ вновь; въ отмщеніе избивали плѣнныхъ цѣлыми толпами и выжигали селенія. Такимъ образомъ въ нѣсколько лѣтъ земля Ливовъ была покорена совершенно; но вслѣдствіе жестокаго характера борьбы этотъ довольно зажиточный край подвергся страшному опустошенію и обнищанію. Голодъ и моровое повѣтріе докончили дѣло опустошенія, начатаго Нѣмцами. Въ послѣдующіе вѣка обнищавшее, рѣдкое населеніе Ливовъ слилось съ Латышскимъ племенемъ; такъ что въ наше время можно найти только разсѣянные кое-гдѣ, ничтожные остатки этого нѣкогда значительнаго народа, давшаго свое имя почти всему Прибалтійскому краю.

Когда совершилось покореніе Ливовъ, Орденъ Меченосцевъ потребовалъ себѣ третью часть завоеванной земли и таковую же часть всѣхъ будущихъ завоеваній. Отсюда возникло препирательство между нимъ и епископомъ. Орденъ обратился къ папѣ, и тотъ рѣшилъ споръ въ его пользу. Это былъ пер-

вый шагъ къ его будущему преобладанію въ странѣ. Епископъ скоро могъ убѣдиться въ томъ, что онъ ошибся въ расчетѣ создать себѣ независимое положеніе духовнаго имперскаго князя и имѣть рыцарскій орденъ послушнымъ орудіемъ въ своихъ рукахъ. Послѣдній получилъ земли по рѣкѣ Аа или Гойвѣ. Здѣсь на холмахъ ея лѣваго берега былъ построенъ большой, крѣпкій замокъ Венденъ, который сдѣлался мѣстопребываніемъ магистровъ и средоточіемъ орденскихъ земель. По сосѣдству возникли другіе замки; изъ нихъ орденская братья владычествовала надъ окрестнымъ населеніемъ, которое она обратила въ крѣпостное состояніе. Рыцари, обязанные безбрачіемъ и другими монашескими обѣтами, очень мало обращали вниманія на эти обѣты. При поспѣшномъ учрежденіи Ордена епископъ не могъ быть разборчивъ въ выборѣ его братіи, и тотъ наполнился всевозможными выходцами, искателями добычи и приключеній, людьми грубыми и жестокими, которые при удобномъ случаѣ давали полную волю своимъ животнымъ страстямъ, и производили надъ подданными Ордена всякаго рода насилія; а также заводили ссоры и драки между собою. Тщетно обиженные обращались съ жалобами къ епископу; онъ не имѣлъ средствъ обуздать буйныхъ рыцарей. Одинъ изъ такихъ отчаянныхъ братьевъ напалъ на самого магистра Винно-фонъ-Рорбахъ, и умертвилъ его; за что впрочемъ былъ публично казненъ въ Ригѣ (1209 г.). На мѣсто убитаго Винно Альбертъ назначилъ рыцаря Вольквина.

За Ливами наступила очередь Латышей. Завоеваніе и обращеніе въ христіанство послѣднихъ совершилось уже съ меньшими усиліями. Часть Латышей, платившая дань полоцкимъ князьямъ и подчинившаяся русскому вліянію, склонялась къ принятію православія, и нѣкоторыя селенія были уже окрещены по восточному обряду. Такимъ образомъ въ этомъ краю нѣмецкая проповѣдь встрѣтилась съ русскою, и ливонская хроника передаетъ любопытный способъ, посредствомъ котораго въ одномъ округѣ рѣшенъ былъ споръ между двумя обрядами. Латыши прибѣгли къ гаданію, чтобы узнать волю своихъ боговъ, и жребій выпалъ въ пользу латинскаго обряда. Тогда нѣмецкіе миссіонеры безпрепятственно окрестили нѣсколько селеній. Въ нихъ немедленно выстроены были латинскіе храмы: а въ числѣ назначенныхъ сюда священниковъ на-

ходился самъ авторъ ливонской хроники Генрихъ Латышъ, окрещенный въ дѣтствѣ и воспитанный епископомъ Альбертомъ, къ которому онъ и сохранилъ навсегда глубокую преданность.

Распространеніе нѣмецкихъ завоеваній внутрь страны не могло наконецъ не вызвать враждебныхъ столкновеній съ Русью. Первыя столкновенія произошли на берегахъ Двины, и окончились въ пользу Нѣмцевъ, благодаря съ одной стороны слабости Полоцкаго княженія вообще, а также личной неспособности и безпечности полоцкаго князя Владиміра, съ другой начавшемуся напору Литвы, отвлекавшему вниманіе Полоцкой Руси въ иную сторону. Однажды епископъ Альбертъ отплылъ по обыкновенію въ Германію для сбора крестоносцевъ и всякаго рода пособій. Часть Ливовъ думала воспользоваться его отсутствіемъ и малымъ числомъ оставшихся на Двинѣ Нѣмцевъ, чтобы свергнуть ихъ иго; они послали звать на помощь Владиміра Полоцкаго; тотъ дѣйствительно приплылъ на судахъ по Двинѣ съ значительнымъ ополченіемъ. Сначала онъ попытался взять Икскуль; но отбитый баллистами или камнеметательными орудіями, спустился ниже по рѣкѣ, и приступилъ къ Гольму, въ которомъ находилось нѣсколько десятковъ Нѣмцевъ, да толпа призванныхъ на помощь Ливовъ, на вѣрность которыхъ впрочемъ трудно было положиться. Однако осада пошла неуспѣшно, попытка обложить замокъ дровами и сжечь его не удалась; ибо осажденные своими баллистами мѣтко поражали тѣхъ, кто слишкомъ близко подходилъ къ стѣнамъ. По словамъ Генриха Латыша, Полочане будто бы не были знакомы съ употребленіемъ этихъ орудій, а сражались издали стрѣлами. Они попытались устроить небольшія камнеметныя орудія по образцу Нѣмцевъ; но дѣйствовали такъ неискусно, что камни ихъ летѣли назадъ и ранили собственныхъ ратниковъ. Между тѣмъ сама Рига находилась въ страхѣ передъ нашествіемъ Русскихъ; такъ какъ она имѣла слабый гарнизонъ и самыя укрѣпленія ея были еще не окончены. Чтобы затруднить дороги къ городу, Рижане набросали по сосѣднимъ полямъ желѣзныхъ гвоздей о трехъ загнутыхъ концахъ; эти концы вонзались въ копыта конницы и въ ноги пѣхоты. Между тѣмъ нѣкоторые Ливы извѣстили

князя, что на морѣ показались какіе-то корабли. Тогда Владиміръ послѣ одиннадцатидневной осады Гольма, уже едва державшагося, отступилъ отъ него, сѣлъ на суда, и отплылъ обратно, доказавъ вновь свою близорукость и безхарактерность (1206). А въ слѣдующемъ году тщетно призывалъ къ себѣ на помощь Владиміра Полоцкаго подручный ему державца городка Кукейноса князь Вячко, тѣснимый Нѣмцами, которыхъ владѣнія уже охватывали его со всѣхъ сторонъ. Наконецъ, отчаявшись въ успѣхѣ обороны, Вячко сжегъ Кукейносъ, и удалился съ своимъ семействомъ въ Русь. Епископъ велѣлъ на мѣстѣ сгорѣвшаго городка выстроить крѣпкій каменный замокъ, и отдалъ его въ ленъ одному рыцарю. Такая же участь постигла вскорѣ и другаго удѣльнаго князя, Всеволода, который владѣлъ слѣдующимъ подвинскимъ городкомъ Герсике.

Въ 1210 году существованіе возникающаго Нѣмецкаго государства едва не подверглось сильной опасности. Сосѣдніе Куроны, терпѣвшіе отъ Нѣмцевъ и Фризовъ помѣху въ своемъ пиратскомъ промыслѣ, вздумали воспользоваться обычнымъ отъѣздомъ епископа Альберта въ Германію и слабостію рижскаго гарнизона: они послали просить Ливовъ, Литву и Русскихъ, чтобы соединиться и общими силами изгнать ненавистныхъ пришельцевъ. Тѣ обѣщали. Многочисленныя суда Куроновъ въ условленное время явились въ устье Двины, и съ такою быстротою поспѣшили къ Ригѣ, что едва нѣкоторыя рыбачьи лодки успѣли извѣстить объ ихъ приближеніи. Власти тотчасъ ударили въ набатный колоколъ и призвали къ защитѣ города все населеніе; даже церковные служители и женщины взялись за оружіе. Немедленно во всѣ стороны поскакали гонцы съ требованіемъ помощи. Куроны храбро пошли на приступъ, закрываясь своими щитами, составленными изъ двухъ досокъ. Кто изъ нихъ падалъ раненный, тому ближній товарищъ отрубалъ голову. Рижане съ трудомъ оборонялись цѣлый день; однако устояли до наступленія ночи. А на слѣдующій день къ нимъ стала подходить помощь изъ ближнихъ замковъ; пришла и часть крещенныхъ Ливовъ подъ начальствомъ вѣрнаго Каупо. Между тѣмъ изъ союзниковъ куронскихъ никто не являлся. Постоявъ еще нѣсколько дней на лѣвомъ берегу Двины, Куроны сожгли тѣла своихъ павшихъ воиновъ, и уплыли обратно.

Юное Нѣмецкое государство на этотъ разъ какъ и вообще спаслось отсутствіемъ единства въ дѣйствіяхъ своихъ враговъ. Особенно помогла ему замѣчательная неспособность полоцкаго князя Владиміра. Епископъ Альбертъ въ томъ же году съумѣлъ склонить этого князя къ выгодному для Риги торговому договору, который открылъ нѣмецкимъ купцамъ свободное плаваніе по Двинѣ въ Полоцкъ и Смоленскъ. При семъ изворотливый епископъ не только призналъ права Владиміра на дань, платимую прежде жителями; но и обязался самъ ежегодно вносить за нихъ эту дань князю. Такимъ образомъ, становясь какъ бы данникомъ Полоцкаго князя, онъ ловко устранилъ его отъ непосредственныхъ сношеній съ туземцами. Полоцкій князь до такой степени близоруко смотрѣлъ на возраставшую силу Нѣмцевъ, что вслѣдъ за этимъ договоромъ послалъ ратную помощь епископу въ его войнѣ съ Эстами.

Еще худшимъ русскимъ патріотомъ оказался князь сосѣдняго Пскова, по имени также Владиміръ, родной братъ Мстислава Удалаго. Онъ вошелъ въ большую дружбу съ Нѣмцами, и выдалъ свою дочь въ Ригу за епископскаго брата Дитриха. Псковитяне возмутились этою дружбою, и выгнали его отъ себя. Изгнанникъ удалился въ Ригу; епископъ принялъ его съ почетомъ и сдѣлалъ намѣстникомъ ливонской области Идумеи.

Между тѣмъ Владиміръ Полоцкій пригласилъ Альберта на личное свиданіе подъ Герсике, который еще не былъ захваченъ Нѣмцами. Онъ предложилъ епископу условиться относительно Ливовъ, возобновленія торговаго договора и общихъ дѣйствій противъ Литовцевъ. Въ назначенный день епископъ приплылъ по Двинѣ въ сопровожденіи нѣкотораго количества орденскихъ рыцарей, ливонскихъ и латышскихъ старшинъ и кромѣ того нѣмецкихъ купцовъ, которые сидѣли въ лодкахъ также вполнѣ вооруженные. Владиміръ потребовалъ отъ епископа, чтобы тотъ прекратилъ крещеніе Ливовъ, такъ какъ они суть данники его, Полоцкаго князя, и въ его власти крестить ихъ или оставить некрещенными. Описывая это свиданіе, Генрихъ Латышъ замѣчаетъ, что русскіе князья обыкновенно покоряютъ какой нибудь народъ не для того, чтобы обратить его въ христіанство, а для того, чтобы собирать съ него

дани. Епископъ очень ловко отвѣтилъ, что онъ обязанъ чтить божеское повелѣніе болѣе человѣческаго, и сослался на евангельскую заповѣдь: «Идите и научите вся языцы, крестяще ихъ во имя Отца, Сына и Св. Духа». Сказалъ, что онъ не можетъ прекратить проповѣдь, порученную ему римскимъ первосвященникомъ; но что онъ не препятствуетъ платить дань князю, слѣдуя завѣту того же Евангелія отъ Матвѣя: «Воздадите Кесарю Кесарево, а Богу Богово». Напомнилъ, что онъ и самъ вносилъ князю подать за Ливовъ; но что сіи послѣдніе не хотятъ служить двумъ господамъ и просятъ навсегда освободить ихъ отъ русскаго ига. Отъ ласковыхъ, дружескихъ увѣщаній Владиміръ перешелъ наконецъ къ угрозамъ: всѣ ливонскіе города, въ томъ числѣ и самую Ригу, онъ грозилъ предать пламени. Дружинѣ своей онъ велѣлъ выйти изъ города и стать въ боевомъ порядкѣ, показывая намѣреніе напасть на Нѣмцевъ. Альбертъ также изготовилъ къ сраженію свою свиту. Тогда выступили посредниками Іоаннъ, пробстъ рижскаго собора св. Маріи, и бывшій псковскій князь Владиміръ, явившійся въ этомъ случаѣ усерднымъ слугою Нѣмцевъ. Имъ удалось склонить Полоцкаго князя не только къ примиренію съ епископомъ, но и къ отказу отъ ливонской дани и къ подтвержденію свободнаго плаванія по Двинѣ купеческимъ судамъ. Оба вождя обязались сообща дѣйствовать противъ Литвы и другихъ язычниковъ, и затѣмъ разъѣхались каждый въ свою сторону.

За порабощеніемъ Ливовъ и Латышей наступила очередь Эстонской Чуди. Первые удары Нѣмцевъ обрушились на ближнія области Эстовъ, Соккалу и Унганію, изъ которыхъ одна лежала на западной сторонѣ озера Вирцъ-Ерве, а другая на восточной. Эсты вообще оказали Нѣмцамъ болѣе упорное сопротивленіе, чѣмъ другія племена; а потому борьба съ ними приняла самый ожесточенный характеръ. Нѣмцы безъ пощады выжигали селенія и вырѣзывали мужское населеніе, забирая въ плѣнъ женщинъ и дѣтей; а Эсты въ свою очередь подвергали мучительной смерти попавшихся въ ихъ руки непріятелей; иногда они сожигали живыми нѣмецкихъ плѣнниковъ или душили ихъ, предварительно вырѣзавъ у нихъ крестъ на спинѣ. Пользуясь превосходствомъ своего воору-

женія и военнаго искусства, разъединеніемъ племенъ и помощью преданной части Ливовъ и Латышей, Нѣмцы постепенно подвигали впередъ порабощеніе Эстовъ и ихъ насильственное крещеніе. Одна треть покоренныхъ земель, по установившемуся обычаю, поступала во владѣніе Ордена, а двѣ другія во владѣніе епископа и Рижской церкви. Во время этой борьбы съ Эстами неудачный полоцкій князь Владиміръ еще разъ является на сценѣ дѣйствія. Эсты, подобно Куронамъ, попытались заключить союзъ съ Владиміромъ и съ своими соплеменниками, жителями острова Эзеля; рѣшено было съ трехъ сторонъ напасть на Нѣмцевъ. Между тѣмъ какъ Эзельцы на своихъ лодкахъ обѣщали запереть Динаминде съ моря, Полоцкій князь условился лично идти Двиною прямо на Ригу. Онъ дѣйствительно собралъ большое ополченіе изъ Руси и Латышей. Войско уже готово было къ походу; но садясь въ ладью, князь вдругъ упалъ, и умеръ внезапною смертію (1216). И все предпріятіе, конечно, разстроилось.

Первая чудская область, покоренная Нѣмцами, была Соккала, средоточіемъ которой является крѣпкій замокъ Феллинъ. За Соккалой слѣдовала Унганія. Но тутъ Нѣмцы встрѣтились съ другою Русью, Новогородскою, которая хотя не оцѣнила вполнѣ важность нѣмецкаго завоеванія и не обнаружила настойчивости въ этомъ дѣлѣ, однако оказала болѣе энергіи и твердости чѣмъ Русь Полоцкая. Владѣя Юрьевымъ и нижнимъ теченіемъ Эмбаха, Новогородцы собирали дани съ ближнихъ Эстовъ и Латышей. Движеніе ихъ въ эту сторону особенно оживилось съ появленіемъ на Новогородскомъ столѣ Мстислава Удалаго. Въ 1212 году онъ предпринималъ удачный походъ на Чудь Торму (Унганія), и доходилъ до ея города Оденпе или Медвѣжьей Головы. Спустя два года такой же походъ онъ совершилъ на Чудь Ереву (Ервія), достигалъ до моря (Финскаго залива), и стоялъ подъ ея городомъ Воробьинымъ. Здѣсь Чудь поклонилась ему, и заплатила дань.

Тотъ же Генрихъ Латышъ, который выше говорилъ, будто Русскіе заботились только о даняхъ, а не обращали язычниковъ въ христіанскую вѣру, сознается однако, что у Латышей и Эстовъ Унганскихъ были уже начатки православія и что именно встрѣча его здѣсь съ латинствомъ повела за со-

бой военное столкновеніе Новогородцевъ съ Нѣмцами. Главная битва между ними произошла около помянутаго Оденпе, который старались захватить и тѣ, и другіе. Въ этой войнѣ снова выступаетъ Владиміръ Мстиславичъ, бывшій князь Псковскій, но уже не союзникомъ, а противникомъ Нѣмцевъ и предводителемъ русской рати вмѣстѣ съ новогородскимъ посадникомъ Твердиславомъ. Въ союзѣ съ ними находились и многіе Эсты изъ областей Соккалы, Эзеля и Гарріи, ожесточенные противъ Нѣмцевъ насильственнымъ крещеніемъ и опустошеніемъ своей земли. Русь при осадѣ Оденпе, занятаго Нѣмцами и отчасти Эстами, дѣйствуетъ не только стрѣлами, но и метательными снарядами. Тщетно самъ магистръ Ордена Вольквинъ пришелъ на помощь осажденнымъ съ своими рыцарями, а также съ толпами Ливовъ и Латышей. Городъ принужденъ былъ сдаться Русскимъ. Послѣ того, подъ предлогомъ переговоровъ о мирѣ, Владиміръ Мстиславичъ призвалъ въ русскій лагерь своего зятя Дитриха; тутъ Новогородцы схватили его и увели плѣнникомъ въ свою землю (1217).

Пораженіе Нѣмцевъ подъ Медвѣжьей Головой ободрило Эстовъ, и первымъ пришлось напрягать всѣ силы, чтобы подавить ихъ возстаніе. Новогородцы въ слѣдующемъ году нанесли нѣсколько пораженій Нѣмцамъ, двинулись въ глубь Ливоніи, и осадили самую столицу Ордена, Венденъ. Но съ одной стороны недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, съ другой извѣстіе о нападеніи Литовцевъ на ихъ собственные предѣлы принудили снять осаду и уйти обратно. Стѣсненное положеніе, въ которомъ очутились Нѣмцы во время этой борьбы съ Чудью и Новогородцами, заставило Альберта искать помощи не только въ Германіи, но и въ Даніи. Онъ отправился къ королю Вальдемару II, находившемуся тогда на высшей степени своего могущества, и умолялъ его защитить Ливонское владѣніе Дѣвы Маріи. Въ слѣдующемъ 1219 г. Вальдемаръ дѣйствительно присталъ къ берегамъ Ливоніи съ сильнымъ флотомъ и войскомъ. Послѣ храброй обороны, онъ взялъ приморскій городокъ Чуди Ревель, и на мѣстѣ его заложилъ крѣпкій каменный замокъ; а затѣмъ вернулся домой, оставивъ часть войска, которое и продолжало завоеваніе сѣверной Эстоніи. Однако Нѣмцы ошиблись въ расчетѣ на датскую помощь. Вальдемаръ вскорѣ объявилъ, что завоеванная имъ часть Эстоніи принад-

лежитъ Датскому королевству, и назначилъ въ нее епископомъ датчанина на мѣсто убитаго при осадѣ Ревеля епископа эстонскаго Дитриха. Ливонскій орденъ протестовалъ; но не имѣлъ силы поддержать оружіемъ свои притязанія. Тогда произошло любопытное соревнованіе между нѣмецкими и датскими миссіонерами; каждый изъ нихъ спѣшилъ окрестить сѣверную еще языческую часть Эстовъ, чтобы тѣмъ закрѣпить ихъ за своей народностью. При этомъ нѣмецкіе миссіонеры ради скорости обыкновенно совершали обрядъ крещенія надъ жителями цѣлой деревни разомъ, и спѣшили въ другую деревню. А Датчане, имѣя недостатокъ въ священникахъ, во многія деревни посылали просто служителей съ освященной водой, которою и окропляли жителей. Случалось иногда, что тѣ и другіе крестители сталкивались въ какой нибудь мѣстности, и между ними возникалъ споръ. Или нѣмецкіе священники являлись, напримѣръ, въ какое либо селеніе, собирали жителей, и готовились совершить надъ ними тѣнь обряда, какъ изъ толпы выступалъ старшина, и объявлялъ имъ, что наканунѣ Датчане ихъ уже окропили. Альбертъ Буксгевденъ отправился въ Римъ, и принесъ жалобу на короля Вальдемара папѣ Гонорію III. Но онъ встрѣтилъ тамъ датское посольство: король призналъ папу своимъ верховнымъ леннымъ владыкою. Потерпѣвъ здѣсь неудачу, Альбертъ вспомнилъ, что онъ когда-то объявилъ Ливонію леномъ Германской имперіи, и потому обратился къ императору Фридриху II. Но послѣдній, занятый другими дѣлами, не желалъ ссориться съ сильнымъ сосѣдомъ. Тогда Альбертъ покорился обстоятельствамъ: онъ отправился опять къ Вальдемару, и въ свою очередь призналъ его верховнымъ владѣтелемъ Эстоніи и Ливоніи.

Неожиданныя событія пришли на помощь ливонскимъ Нѣмцамъ. Въ 1223 году король Вальдемаръ былъ измѣннически на охотѣ захваченъ въ плѣнъ своимъ вассаломъ Генрихомъ, графомъ Мекленбургъ-Шверинскимъ; чѣмъ и воспользовались нѣкоторыя покоренныя земли, чтобы свергнуть съ себя датское иго. Въ томъ числѣ освободилась и Ливонія; только въ сѣверной Эстоніи удержались еще Датчане. Въ тоже самое время произошло первое нашествіе Татаръ на Восточную Европу; оно нѣсколько отвлекло вниманіе Руси отъ Балтійскаго моря. Новогородцы, призываемые Эстами противъ сво-

ихъ поработителей, хотя продолжали войну и доходили до Ревеля или Колывани; но дѣйствовали безъ послѣдовательности, временными порывами, и нерѣдко оставляли въ покоѣ Нѣмцевъ, занятые внутренними смятеніями и частыми смѣнами своихъ князей, а также отношеніями суздальскими.

Нѣмцы воспользовались благопріятными обстоятельствами, чтобы отнять у Руси ея владѣніе на Эмбахѣ, т. е. городъ Юрьевъ или Дерптъ. Въ августѣ 1224 года епископъ Альбертъ и магистръ Ордена Вольквинъ, съ нѣмецкими рыцарями и пилигримами, также съ Ливами и Латышами, обступили Юрьевъ. Не задолго передъ тѣмъ этотъ городъ съ окрестною областью былъ отданъ въ удѣлъ князю Вячку, тому самому, у котораго Нѣмцы отняли Кокенгузенъ. Гарнизонъ состоялъ съ небольшимъ изъ двухъ сотенъ Русскихъ и нѣсколькихъ сотенъ Эстовъ. Но это былъ наилучше укрѣпленный городъ въ Балтійскомъ краѣ, и Нѣмцы принуждены употребить большія усилія, чтобы имъ овладѣть. Расположась въ шатрахъ вокругъ города, они соорудили большую деревянную башню, придвинули ее къ стѣнамъ, и подъ ея прикрытіемъ начали вести подкопъ. Въ то же время дѣйствовали метательныя орудія, которыя бросали въ замокъ стрѣлы, камни, раскаленное желѣзо, и старались его зажечь. Осажденные мужественно оборонялись, отвѣчая съ своей стороны также стрѣлами и метательными орудіями. Напрасно епископъ предлагалъ князю Вячку сдать городъ и удалиться съ людьми, оружіемъ и всѣмъ имуществомъ. Князь отвергъ всѣ предложенія, надѣясь, что Новогородцы не оставятъ его безъ помощи. Осадныя работы продолжались не только днемъ, но и ночью при заревѣ костровъ, пѣсняхъ, при звукѣ трубъ и литавръ. Горсть Русскихъ должна была проводить на стѣнахъ безсонныя ночи, ободряя себя также кликами и игрою на своихъ инструментахъ (въ томъ числѣ, по замѣчанію Генриха Латыша, на какихъ-то «тарантахъ», вѣроятно дудкахъ). Выведенные изъ терпѣнія мужественною обороною и медленностію осады, Нѣмцы рѣшили наконецъ взять городъ приступомъ, именно въ ту минуту, когда осажденные успѣли зажечь помянутую осадную башню пылающими колесами и вязанками дровъ. Приставили лѣстницы; Іоаннъ Аппельдернъ, братъ епископа Альберта, первый взобрался на стѣну; за нимъ ки-

нулись рыцари; за рыцарями Латыши. Произошла жестокая бойня. Послѣ отчаянной обороны всѣ Русскіе и почти всѣ Эсты были избиты. Въ числѣ павшихъ находился и доблестный Вячко. Нѣмцы пощадили только одного суздальскаго боярина, котораго отправили въ Новгородъ съ извѣстіемъ о случившемся. Забравъ коней и всякую добычу вмѣстѣ съ оставшимися въ живыхъ женщинами и дѣтьми, Нѣмцы со всѣхъ сторонъ зажгли замокъ и удалились; ибо пришла вѣсть, что приближается большое новгородское войско. Но эта запоздавшая помощь, дошедши до Пскова, узнала о паденіи Дерпта и воротилась назадъ. Вслѣдъ за тѣмъ Новгородъ и Псковъ заключили съ Ригою миръ. Хитрый Альбертъ употребилъ здѣсь туже политику какъ и противъ Полоцкаго князя: онъ изъ собственной казны уплатилъ Новгородцамъ часть дани, которую они получали съ нѣкоторыхъ туземныхъ племенъ, и тѣмъ какъ бы признавалъ ихъ верховныя права. Но въ тоже время всѣ земли къ западу отъ Чудскаго озера поступили въ непосредственное владѣніе ливонскихъ Нѣмцевъ. Впрочемъ кромѣ внутреннихъ неурядицъ Новгородъ принужденъ былъ къ уступчивости тѣми же внѣшними обстоятельствами какъ и Полоцкъ, т. е. возраставшею опасностію со стороны Литвы: именно въ томъ же 1224 г. Литва сдѣлала набѣгъ на новогородскія владѣнія, проникла до города Русы, и подъ этимъ городомъ нанесла пораженіе Новгородцамъ.

Послѣ замиренія съ сосѣдними русскими областями, завоеваніе Балтійскаго края пошло еще успѣшнѣе и вскорѣ достигло своихъ естественныхъ предѣловъ. Въ 1227 году, пользуясь холодною зимою, наложившею ледяныя оковы на прибрежную полосу моря, нѣмецкая рать прошла по льду на островъ Эзель, послѣднее убѣжище Эстонской независимости. Нѣмцы, предводительствуемые самимъ епископомъ Альбертомъ и магистромъ Ордена Вольквиномъ, усиленные вспомогательными отрядами Ливовъ и Латышей, жестоко опустошили островъ, и взяли главное укрѣпленіе туземцевъ Моне; при чемъ разрушили святилище ихъ божества Тарапилла, которое имѣло изображеніе фантастической птицы или дракона. Завоеванный островъ по обычаю былъ раздѣленъ на три части между епископомъ, городомъ Ригою и Ливонскимъ орденомъ. Вслѣдъ за тѣмъ Вольквинъ собралъ опять сильное ополченіе и предпри-

нялъ походъ въ сѣверную Эстонію противъ Датчанъ. Сами Эсты помогали ему при осадѣ Ревеля, который и былъ взятъ Нѣмцами; послѣ чего слабые датскіе гарнизоны изгнаны изъ цѣлой страны. Орденъ взялъ себѣ провинцію Гаррію, Ервію и Веррію; а епископу Альберту предоставилъ только Викъ, т. е. самую западную окраину Эстоніи.

Около того же времени докончено покореніе лѣваго прибрежья Двины или страны Земгаловъ. Оно совершено съ большею легкостію, чѣмъ покореніе другихъ туземныхъ племенъ. Слѣдуя простой политикѣ разъединенія, Нѣмцы являлись союзниками этого племени противъ сосѣдей, особенно противъ его литовскихъ соплеменниковъ; а между тѣмъ успѣли захватить нѣсколько важныхъ пунктовъ и въ нихъ укрѣпиться. Нѣмецкіе миссіонеры также не встрѣтили со стороны мѣстнаго язычества такого упорнаго сопротивленія какъ въ другихъ областяхъ. Послѣднимъ бойцемъ за это язычество и угасающую независимость былъ Вестгардъ, наиболѣе значительный и храбрый изъ туземныхъ князей. Видя, какъ христіанство со всѣхъ сторонъ вторгалось въ его страну и священные дубы падали подъ топоромъ нѣмецкихъ миссіонеровъ безъ всякаго мщенія со стороны Перкуна, Вестгардъ подъ конецъ жизни созналъ безсиліе домашнихъ боговъ. Онъ умеръ почти въ одно время съ своимъ великимъ противникомъ епископомъ Альбертомъ, и послѣ него Зимгола окончательно подчинилась нѣмецкому владычеству и христіанству. За нею наступила очередь ея западныхъ сосѣдей Куроновъ. Тамъ уже дѣйствовала нѣмецкая проповѣдь и нѣмецкая политика. Проповѣдники въ особенности упирали на то обстоятельство, что только добровольно принявшіе христіанство сохранятъ свободу имущества, тогда какъ упорныхъ язычниковъ ожидаетъ участь Эстовъ. Между прочимъ ливонскимъ Нѣмцамъ удалось привлечь на свою сторону одного изъ вліятельныхъ куронскихъ князей Ламехина, и съ его помощью они въ 1230—31 гг. заключили рядъ договоровъ съ старшинами куронскихъ волостей (называвшихся на мѣстномъ языкѣ к и л л е г у н д е). Куроны обязались принять христіанскихъ священниковъ, получить отъ нихъ крещеніе, платить подати духовенству и выставлять вспомогательные отрады противъ другихъ язычниковъ; за то они сохраняли пока свою личную свободу.

Но уже въ предыдущемъ 1229 г. скончался знаменитый епископъ Альбертъ Буксгевденъ послѣ тридцатилѣтняго управленія юнымъ Ливонскимъ государствомъ, которое было его созданіемъ. Смерть его случилась во время заключенія извѣстнаго торговаго договора между Ригою и Готландомъ съ одной стороны, Смоленскомъ и Полоцкомъ съ другой. Прахъ Альберта съ великой церемоніей былъ положенъ въ рижскомъ соборномъ храмѣ Богоматери. Капитулъ этой церкви вмѣстѣ съ епископами Дерптскимъ и Эзельскимъ выбралъ ему преемникомъ премонстранскаго каноника Николая изъ Магдебурга. Архіепископъ Бременскій заявилъ свои притязанія на прежнюю зависимость отъ него Ливонской церкви, и назначилъ другое лицо; но папа Григорій IX рѣшилъ споръ въ пользу Николая.

Государство, основанное Нѣмцами въ Балтійскомъ краѣ, достигло своихъ естественныхъ предѣловъ: съ сѣвера и запада море, съ востока и юга сильные народы, т. е. Русь и Литва. Казалось, для него наступила пора мирнаго внутренняго развитія. Но не такъ было на самомъ дѣлѣ. Внѣшніе враги грозили со всѣхъ сторонъ. Датскій король нисколько не думалъ покинуть своихъ притязаній на Эстонію; Новгородская Русь ждала только удобнаго случая воротить свои потери; на югѣ возникало опасное для Нѣмцевъ Литовское могущество; покоренныя племена сдерживались отъ возстаній только страхомъ жестокаго возмездія. А между тѣмъ приливъ крестоносцевъ изъ Германіи постепенно уменьшался, и ливонскіе Нѣмцы должны были довольствоваться почти одними собственными средствами въ борьбѣ съ окружающими врагами. Со смертію же епископа Альберта сошелъ съ исторической сцены тотъ умъ и та желѣзная воля, которые еще держали въ единеніи разнообразный составъ новаго государства. Послѣ Альберта Орденъ Меченосцевъ уже явно стремился стать выше своего леннаго господина, Рижскаго епископа, и обратить завоеванный край въ свое непосредственное владѣніе, т. е. поставить Ливонію къ себѣ въ тѣже отношенія, въ какихъ находилась тогда Пруссія къ Ордену Тевтонскихъ рыцарей. Отсюда естественно, почему Ливонскій орденъ началъ искать опоры съ этой стороны. Едва Альбертъ успѣлъ отойти въ вѣчность, какъ магистръ Волквинъ отправилъ пословъ къ

гросмейстеру Тевтонскаго ордена Герману Зальца съ предложеніемъ тѣснаго союза и даже сліянія двухъ сосѣднихъ орденовъ.

Завоеваніе Пруссіи Поляками, когда-то начатое Болеславомъ Храбрымъ и нѣкоторыми изъ его преемниковъ, было утрачено во время раздробленія Польши на удѣлы и внутреннихъ неурядицъ. Мало того, сами польскія области начали страдать отъ вторженій и грабежей сосѣднихъ Пруссовъ, и князья польскіе, выступавшие противъ язычниковъ, нерѣдко терпѣли отъ нихъ пораженія. Вмѣстѣ съ тѣмъ долгое время оставались тщетными попытки миссіонеровъ продолжать дѣло, начатое Войтехомъ и Брукомъ; нѣкоторые изъ нихъ нашли въ Пруссіи также мучительную смерть. Только два вѣка спустя послѣ этихъ двухъ апостоловъ, т. е. въ началѣ XIII столѣтія, удалось одному монаху изъ Данцигскаго цистерціанскаго монастыря, по имени Христіану, основать христіанскую общину въ прусской Кульміи, которая лежала на правой сторонѣ Вислы и вдавалась клиномъ между Славянами Польши и Помераніи. Этотъ Христіанъ до нѣкоторой степени имѣлъ для Пруссіи тоже значеніе, какое Альбертъ Буксгевденъ для Ливоніи. Знаменитый папа Иннокентій III возвелъ его въ достоинство прусскаго епископа; поручилъ его покровительству архіепископа Гнѣзненскаго, а также князей Польши и Помераніи, и вообще оказалъ утвержденію католической церкви въ Пруссіи такую же дѣятельную, искусную поддержку какъ и въ Ливоніи.

Въ сосѣдней польской области Мазовіи княжилъ тогда Конрадъ, младшій сынъ Казиміра Справедливаго, не отличавшійся никакими доблестями. Пользуясь его слабостью, Пруссы усилили нападенія на его земли. Вмѣсто мужественной обороны, Конрадъ сталъ откупаться отъ ихъ набѣговъ. По этому поводу разсказываютъ даже слѣдующую черту. Однажды, не имѣя средствъ удовлетворить жадности грабителей, онъ зазвалъ къ себѣ на пиръ своихъ вельможъ съ женами и дѣтьми; во время пира велѣлъ тайкомъ забрать коней и верхнія одежды гостей, и все это отослалъ Пруссакамъ. При такихъ обстоятельствахъ малодушный Конрадъ охотно послѣдовалъ совѣту епископа Христіана, и добровольно водворилъ въ своей землѣ злѣйшихъ враговъ славянства, Нѣмцевъ. Мысль о томъ

подали успѣхи только что основаннаго въ Ливоніи Ордена Меченосцевъ. Сначала Конрадъ и Христіанъ, съ разрѣшенія папы, попытались основать свой собственный орденъ для борьбы съ язычниками. Ихъ Орденъ получилъ во владѣніе замокъ Добрынь на Вислѣ и право на половину всѣхъ земель, которыя завоюетъ въ Пруссіи. Но онъ оказался слишкомъ слабъ для такой задачи, и вскорѣ потерпѣлъ отъ Пруссовъ столь сильное пораженіе, что не смѣлъ болѣе выступать за стѣны своего замка. Тогда Конрадъ, по совѣту съ Христіаномъ и нѣкоторыми изъ польскихъ епископовъ и вельможъ, рѣшилъ призвать для укрощенія свирѣпыхъ сосѣдей Орденъ Товтонскій.

Этотъ Орденъ былъ основанъ Нѣмцами не задолго до того времени въ Палестинѣ, въ честь Богоматери, по примѣру итальянскихъ Іоаннитовъ и французскихъ Тампліеровъ. Онъ принялъ на себя монашескіе обѣты съ обязательствомъ ходить за больными и сражаться съ невѣрными. Правда, его подвиги въ Палестинѣ мало помогли Іерусалимскому королевству; за то онъ былъ надѣленъ разными владѣніями въ Германіи и Италіи. Значеніе его много поднялось, благодаря въ особенности гросмейстеру Герману Зальца, который умѣлъ снискать одинаковое уваженіе и Фридриха II Гогенштауфена и противниковъ его, т. е. римскихъ папъ. Въ 1225 году прибыли къ нему въ южную Италію послы князя Мазовецкаго, и предложили Ордену переселиться въ области Кульмскую и Лобавскую подъ условіемъ войны съ прусскими язычниками. Такое предложеніе конечно не могло не понравиться гросмейстеру; но онъ не спѣшилъ своимъ согласіемъ, наученный опытомъ. Около того времени угорскій король Андрей II точно также призвалъ Тевтонскихъ рыцарей для борьбы съ Половцами и далъ Ордену во владѣніе область въ Трансильваніи; но потомъ, замѣтивъ опасность, которая грозила отъ водворенія военной и властолюбивой нѣмецкой дружины, онъ поспѣшилъ удалить Тевтоновъ изъ своего королевства. Очевидно, Угры обладали большимъ инстинктомъ самосохраненія, нежели Поляки.

Тевтонскій гросмейстеръ не столько заботился о крещеніи язычниковъ, сколько имѣлъ въ виду основать собственное независимое княжество. Онъ началъ съ того, что испросилъ

Ордену у императора Фридриха грамоту на полное владѣніе Кульмскою землею и всѣми будущими завоеваніями въ Пруссіи; ибо по тогдашнимъ нѣмецкимъ понятіямъ и самая Польша считалась леномъ Германской имперіи. Зальца хотѣлъ поставить будущее княжество подъ непосредственное верховенство имперіи, а никакъ не Польши. Затѣмъ онъ вступилъ въ продолжительные переговоры съ Конрадомъ Мазовецкимъ объ условіяхъ перенесенія Ордена въ Кульмскую область. Плодомъ этихъ переговоровъ былъ цѣлый рядъ актовъ и грамотъ, которыми недальновидный Польскій князь предоставилъ Тевтонамъ разныя права и привилегіи. Только въ 1228 году впервые на границахъ Польши и Пруссіи явился значительный отрядъ Тевтонскихъ рыцарей подъ начальствомъ провинціальнаго магистра Германа Балка, чтобы принять Кульмскую землю во владѣніе Ордена. Прежде, нежели приступить къ борьбѣ съ язычниками, Нѣмцы и тутъ продолжали свои переговоры съ Конрадомъ, пока договоромъ 1230 года не получили отъ него подтвержденія на вѣчное, безусловное владѣніе данною областью. Въ тоже время они постарались обезпечить себя отъ притязаній помянутаго епископа прусскаго Христіана, который думалъ, что Тевтонскій Орденъ будетъ находиться къ нему въ такихъ же отношеніяхъ, въ какихъ Ливонскій къ епископу Рижскому. На первое время Орденъ призналъ ленныя права епископа на Кульмскую землю, и обязался платить ему за нее небольшую дань. Благопріятный для Ордена случай вскорѣ помогъ ему совсѣмъ освободиться отъ этихъ ленныхъ отношеній. Епископъ Христіанъ съ небольшою свитою неосторожно углубился въ землю язычниковъ для проповѣди Евангелія, и былъ захваченъ въ плѣнъ, въ которомъ томился около девяти лѣтъ. Ловкій Германъ Зальца, остававшійся въ Италіи и оттуда управлявшій дѣлами Ордена, склонилъ папу Григорія IX признать прусскія владѣнія Тавтоновъ непосредственнымъ духовнымъ леномъ папскаго престола; чѣмъ устранялись притязанія Кульмскаго епископа. Кромѣ того съ согласія папы остатки Добрынскихъ рыцарей и ихъ имѣнія были включены въ Тевтонскій орденъ. Въ этомъ краю, также какъ въ землѣ Балтійскихъ и Полабскихъ Славянъ, католическая церковь явилась главною союзницей германизаціи.

Верховный покровитель Ордена, папа усердно призывалъ крестоносцевъ изъ сосѣднихъ странъ, Польши, Помераніи, Гольштиніи, Готланда и др. къ общей борьбѣ съ прусскими язычниками, и даровалъ этимъ крестоносцамъ такія же привилегіи и отпущеніе грѣховъ, какъ и тѣмъ, которые отправлялись въ Палестину. Его призывъ не остался безъ отвѣта. Въ Западной и Средней Европѣ того времени еще была сильна вѣра, что ничто такъ не угодно Богу какъ обращеніе язычниковъ въ христіанство, хотя бы посредствомъ меча и огня, и что это самое вѣрное средство смыть съ себя всѣ прошлые грѣхи. Тевтонскіе рыцари начали завоеваніе и насильственное крещеніе Пруссіи съ помощью сосѣднихъ католическихъ государей, приводившихъ крестоносныя дружины, особенно съ помощью славянскихъ князей Польши и Поморья, которые болѣе чѣмъ Нѣмцы работали въ пользу германизаціи. Каждый свой шагъ рыцари закрѣпляли построеніемъ каменныхъ замковъ, и прежде всего конечно постарались завладѣть нижнимъ теченіемъ Вислы. Здѣсь первой орденской твердыней явился Торунь, за нимъ послѣдовали Хельмно (Кульмъ), Маріенвердеръ, Эльбингъ и т. д. Пруссы оборонялись упорно; но не могли устоять противъ новой силы, пользующейся превосходствомъ военнаго искусства, вооруженія, единства дѣйствій и вообще отлично организованой. Чтобы еще болѣе упрочить свое владычество, вмѣстѣ съ построеніемъ крѣпостей Орденъ дѣятельно водворялъ нѣмецкую колонизацію, вызывая для того переселенцевъ въ свои города, надѣляя ихъ торговыми и промышленными льготами и кромѣ того раздавая участки земли на ленныхъ правахъ переселенцамъ военнаго сословія. Для утвержденія новой вѣры Нѣмцы особенное вниманіе обращали на юное поколѣніе: они старались захватывать дѣтей, и отправляли ихъ въ Германію, гдѣ послѣдніе и получали воспитаніе на рукахъ духовенства съ тѣмъ, чтобы, воротясь на родину, быть усердными миссіонерами католичества и германизаціи. При завоеваніи Пруссіи повторялись почти тѣже жестокости, опустошенія и закрѣпощеніе туземцевъ, какія мы видѣли при завоеваніи Ливоніи и Эстоніи.

Къ этому-то Тевтонскому или Прусскому ордену обратился ливонскій магистръ Волквинъ съ предложеніемъ соединить

свои силы, и отправилъ для того пословъ въ Италію къ гросмейстеру. Но первое предложеніе было сдѣлано еще въ то время, когда Тевтонскій орденъ едва водворился въ Кульмской области и только начиналъ свою завоевательную дѣятельность. Ливонія отдѣлялась отъ него еще независимыми литовскими племенами; соединеніе двухъ рыцарскихъ орденовъ могло повести за собою и соединеніе ихъ враговъ для общаго отпора. Германъ Зальца пока благоразумно отклонилъ предложеніе, но не отнялъ надежды. Спустя нѣсколько лѣтъ, переговоры о соединеніи возобновились, и въ Марбургѣ — главномъ германскомъ пріютѣ Тевтоновъ—происходило совѣщаніе орденскаго капитула въ присутствіи пословъ Волквина. Здѣсь большинство Тевтоновъ высказалось противъ соединенія. Ихъ Орденъ состоялъ преимущественно изъ членовъ старыхъ дворянскихъ родовъ, изъ людей закаленныхъ, благочестивыхъ, гордыхъ своими строгими обѣтами и суровой дисциплиной. Тогда какъ ряды Меченосцевъ наполнялись сыновьями бременскихъ и другихъ нижненѣмецкихъ торгашей, разнообразными искателями приключеній и добычи, людьми лишними у себя на родинѣ. Въ Германію уже проникла молва объ ихъ распутной жизни и такомъ деспотическомъ обращеніи съ туземцами, которое дѣлало для послѣднихъ ненавистнымъ само христіанство и заставляло иногда возвращаться къ язычеству. Тевтоны свысока смотрѣли на Меченосцевъ, и опасались унизить свой Орденъ такимъ товариществомъ. Изъ Марбурга дѣло перенесено опять въ Италію на разсмотрѣніе гросмейстера. Германъ Зальца на этотъ разъ оказался болѣе расположеннымъ къ соединенію, и представилъ вопросъ о немъ на разрѣшеніе папы Григорія IX.

Между тѣмъ случилось событіе, которое ускорило это дѣло. Магистръ Волквинъ съ сильнымъ войскомъ предпринялъ походъ въ глушь литовскихъ земель. Литовцы скрытно собрались въ окрестныхъ лѣсахъ, откуда выступили внезапно и окружили Нѣмцевъ со всѣхъ сторонъ. Отчаянная битва произошла въ день Маврикія, въ сентябрѣ 1236 г. Тщетно рыцари восклицали: «впередъ, съ помощью св. Маврикія!» Они потерпѣли полное пораженіе. Самъ магистръ Волквинъ, сорокъ восемь орденскихъ рыцарей и множество вольныхъ крестоносцевъ остались на мѣстѣ битвы. Орденъ спасся только

тѣмъ, что Литва не воспользовалась своею побѣдою, и, вмѣсто движенія въ Ливонію, обратилась противъ Руси. Послѣ того Меченосцы усилили свои просьбы о соединеніи, которое наконецъ и было совершено ихъ послами съ соизволенія Григорія IX въ его резиденціи Витербо, въ маѣ 1237 года. Ливонскіе рыцари приняли уставъ Тевтонскаго ордена; они должны были перемѣнить свой орденскій плащъ съ краснымъ мечемъ на тевтонскую бѣлую мантію съ черным крестомъ на лѣвомъ плечѣ.

Намѣстникъ Зальца въ Пруссіи, Германъ Балкъ назначенъ первымъ областнымъ магистромъ (ландмейстеромъ) въ Ливонію. Однимъ изъ первыхъ его дѣяній здѣсь было заключеніе договора съ Вальдемаромъ II. Въ спорѣ между Орденомъ и датскимъ королемъ за Эстонію папа склонился на сторону короля, и гросмейстеръ уступилъ. По заключенному договору, Орденъ возвратилъ Даніи прибрежныя Финскому заливу области Веррію съ городомъ Везенбергомъ и Гаррію съ Ревелемъ. Въ послѣднемъ городѣ Вальдемаръ поставилъ особаго епископа для своихъ эстонскихъ владѣній. Но онъ уже не былъ въ силахъ вытѣснить отсюда нѣмецкихъ рыцарей, получившихъ отъ Ордена земли и разныя привилегіи. Напротивъ, чтобы привлечь на свою сторону это военное сословіе, онъ старался удовлетворить его жадность и властолюбіе новыми привилегіями и правами на закрѣпощеніе туземцевъ. Вообще датское владычество просуществовало въ томъ краю еще около столѣтія; но не пустило глубокихъ корней. Германъ Балкъ возстановилъ значеніе Меченосцевъ удачною войною съ сосѣднею Новогородскою Русью. Но вскорѣ и онъ, и самъ гросмейстеръ Зальца скончались (1239 г.).

Дѣла соединеннаго Ордена пошли хуже. Онъ долженъ былъ бороться въ одно время съ Русью, Литвою и бывшимъ своимъ союзникомъ поморскимъ княземъ Святополкомъ. Особенно чувствительныя пораженія понесъ новый ливонскій ландмейстеръ Фонъ-Хеймбургъ отъ русскаго героя Александра Невскаго. Къ этимъ пораженіямъ присоединилось еще отчаянное возстаніе Куроновъ и Земгаловъ. Оба племени, какъ мы видѣли, довольно легко подчинились нѣмецкому владычеству, и приняли къ себѣ священниковъ. Но скоро они убѣдились, что обѣщанія миссіонеровъ оставить въ покоѣ ихъ

имущество и личную свободу были только пустыми словами, что нѣмецкое владычество и нѣмецкое христіанство означали всякаго рода поборы и притѣсненія. Пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ Ордена, Куроны возстали: они умертвили своего епископа и тѣхъ священниковъ, которыхъ успѣли захватить въ свои руки; прогнали или перебили поселившихся между ними Нѣмцевъ, и заключили союзъ съ литовскимъ княземъ Миндовгомъ. За ними возстали и Земгалы.

Подавить это возстаніе удалось Дитриху фонъ-Грюнингенъ, котораго новый тевтонскій гросмейстеръ Генрихъ фонъ-Гогенлое назначилъ ландмейстеромъ въ Ливонію и снабдилъ значительными военными средствами. Суровый, энергичный Грюнингенъ съ огнемъ и мечемъ прошелъ землю Куроновъ, и страшными опустошеніями принудилъ ихъ просить мира. Они ужѐ успѣли было воротиться къ своимъ старымъ богамъ; но теперь принуждены были выдать заложниковъ и вновь совершить обрядъ крещенія (1244). Въ слѣдующемъ году война возобновилась, когда на по́мощь угнетеннымъ пришелъ съ литовскимъ войскомъ Миндовгъ. Однако въ рѣшительной битвѣ на высотахъ Амботенскихъ онъ потерпѣлъ пораженіе.

Покоривъ вновь Куронію и Земгалію, Нѣмцы утвердили здѣсь свое владычество укрѣпленіемъ старыхъ туземныхъ городковъ и построеніемъ новыхъ каменныхъ замковъ на окраинахъ и внутри страны во всѣхъ важнѣйшихъ пунктахъ. Такимъ образомъ возникли: Виндава, на устьѣ рѣки того же имени, Пильтенъ выше на правомъ берегу той же рѣки, еще выше Гольдингенъ на лѣвомъ берегу ея, противъ того мѣста, гдѣ она образуетъ живописный водопадъ; далѣе Донданген и Ангерминде на сѣверной окраинѣ Куроніи; Газенпотъ, Гробинъ и вновь укрѣпленный Амботенъ на югѣ, на предѣлахъ съ Литвою, и пр. Нѣкоторые изъ этихъ замковъ сдѣлались резиденціей комтуровъ и фогтовъ, т. е. орденскихъ или епископскихъ намѣстниковъ, снабженныхъ достаточною вооруженною силою для поддержанія покорности въ своихъ округахъ. Въ Земгаліи около того времени являются нѣмецкія крѣпости Зельбургъ на лѣвомъ прибрежьѣ Двины и Бауске на пограничьѣ съ Литвою, при сліяніи Муса съ Мемелемъ. Это сліяніе образуетъ рѣку Аа (Семигальскую или Куронскую), на лѣвомъ берегу кото-

рой, среди низменной мѣстности, вскорѣ положено основаніе Митавскаго замка. При новомъ завоеваніи Куроновъ и Земгаловъ, они уже были лишены тѣхъ правъ, которыя обѣщаны имъ первоначальными договорами. Нѣмцы воспользовались возстаніемъ, чтобы поработить ихъ окончательно, т. е. обратить въ такое же крѣпостное состояніе, какое уже было водворено въ Ливоніи и Эстоніи.

Такимъ образомъ Ливонскій орденъ, благодаря соединенію съ Тевтонскимъ, успѣлъ упрочить, бывшее дотолѣ шаткимъ, нѣмецкое владычество въ Балтійскомъ краѣ, отбить враждебныхъ сосѣдей и совершенно закрѣпостить туземные народцы. Съ помощью того же соединенія онъ почти достигъ цѣли и другихъ своихъ стремленій: сталъ въ болѣе независимыя отношенія къ епископской власти и вообще духовенству, признавая надъ собою только верховную, весьма отдаленную власть императора и папы. Но его борьба съ епископами, затихшая во время внѣшней опасности, впослѣдствіи возобновилась изъ-за спорныхъ леновъ, доходовъ и разныхъ привилегій.

Въ этой борьбѣ весьма видное мѣсто получилъ городъ Рига. Благодаря выгодному положенію на большомъ торговомъ пути, а также тѣснымъ связямъ съ Готландомъ и нижненѣмецкими городами, Рига быстро начала расти и богатѣть. Епископы рижскіе, вскорѣ получившіе архіепископскій титулъ, награждали значительныхъ гражданъ за разныя услуги ленами или поземельными участками въ окрестной области; а самый городъ надѣляли такими привилегіями, что онъ получилъ почти полное внутреннее самоуправленіе. Это городское самоуправленіе Риги устроилось по образцу ея метрополіи, Бремена, и сосредоточилось въ рукахъ двухъ гильдій, большой или купеческой и малой или ремесленной. Рядомъ съ ними возникла еще третья гильдія, подъ именемъ Черноголовыхъ; въ нее первоначально принимались только неженатые граждане, отличившіеся въ войнахъ съ туземными язычниками, и это учрежденіе сдѣлалось ядромъ собственной вооруженной силы города. Кромѣ своей гражданской милиціи онъ нерѣдко держалъ у себя и наемные отряды. Располагая значительными военными средствами, Рига имѣла

возможность оказывать своему архіепископу весьма дѣйствительную помощь въ его борьбѣ съ Орденомъ, и до нѣкоторой степени уравновѣшивать силы этихъ двухъ соперниковъ. Значеніе ея поднялось еще болѣе, когда она вступила въ знаменитый Ганзейскій союзъ (23).

XVI.

ФИНСКІЙ СѢВЕРЪ И НОВГОРОДЪ ВЕЛИКІЙ.

Сѣверная природа.—Финское племя и его подраздѣленіе.—Его бытъ, характеръ и религія.—Калевала.—Ильменскіе Славяне-Кривичи.—Избраніе князей и развитіе народоправленія.—Борьба съ Суздалемъ.—Политическія партіи.—Посадникъ и другія власти.—Народное вѣче.—Боярство.—Выборный владыка.—Ильменская область.—Великій Новгородъ.—Св. Софія и другіе храмы.—Торговая сторона.—Окрестные монастыри.—Руса, Псковъ, Ладога и другіе пригороды.—Карелія, Заволочье, Югра.—Вятская община.

Отъ Валдайскаго плоскогорья почва постепенно понижается на сѣверъ и сѣверозападъ къ берегамъ Финскаго залива; а далѣе снова возвышается и переходитъ въ гранитныя скалы Финляндіи съ ихъ отрогами, идущими къ Бѣлому морю. Вся эта полоса представляетъ великую озерную область; она когда-то была покрыта глубокимъ ледянымъ слоемъ; вода, въ теченіе тысячелѣтій, накопившаяся отъ таянія льда, наполнила всѣ впадины этой полосы и образовала ея безчисленныя озера. Изъ нихъ Ладожское и Онежское по своей обширности и глубинѣ могутъ быть названы скорѣе внутренними морями, нежели озерами. Они соединяются между собою, а также съ Ильменемъ и Балтикой такими многоводными протоками какъ Свирь, Волховъ и Нева. Рѣка Онега, озера Лаче, Воже, Бѣлое и Кубенское могутъ считаться приблизительною восточною гранью этой великой озерной области. Далѣе къ востоку отъ нея до самаго Уральскаго хребта идетъ полоса низкихъ, широкихъ хребтовъ или «уваловъ», которую прорѣзываютъ три величественныя рѣки, Сѣверная Двина, Печера и Кама, съ ихъ многочисленными и иногда весьма большими притоками. Увалы составляютъ водораздѣлъ между лѣвыми притоками Волги и рѣками Сѣвернаго океана.

Неизмѣримые сосновые и еловые лѣса, покрывающіе обѣ эти полосы (озерную и уваловъ), чѣмъ далѣе на сѣверъ, тѣмъ болѣе смѣняются мелкимъ кустарникомъ и наконецъ переходятъ въ дикія безпріютныя тундры, т. е. низменныя болотистыя пространства, подернутыя мохомъ и проходимыя только въ зимнее время, когда онѣ скованы морозами. Все въ этой сѣверной природѣ носитъ на себѣ печать утомительнаго однообразія, дикости и необъятности: болота, лѣса, мхи—все безконечно и неизмѣримо. Русскіе обитатели ея издавна сообщили мѣткія прозванія всѣмъ главнымъ явленіямъ своей природы: темные лѣса «дремучіе», вѣтры «буйные», озера «бурныя», рѣки «свирѣпыя», болота «стоячія» и т. п. Даже и въ южной половинѣ сѣвернаго пространства скудная песчано-глинистая почва при суровомъ климатѣ и полномъ раздольѣ для вѣтровъ, дующихъ съ Ледовитаго океана, не могла способствовать развитію земледѣльческаго населенія и прокормить своихъ обитателей. Однако предпріимчивый, дѣятельный характеръ Новогородской Руси съумѣлъ подчинить себѣ эту скупую суровую природу, внести въ нее жизнь и движеніе. Но прежде, нежели Новогородская Русь распространила здѣсь свои колоніи и свою промышленность, вся сѣверо-восточная полоса Россіи была уже заселена народами обширной Финской семьи.

Когда начинается наша исторія, мы находимъ финскія племена на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, на которыхъ они живутъ и досселѣ, т. е. главнымъ образомъ отъ Балтійскаго моря до Оби и Енисея. Сѣверною границею служилъ имъ Ледовитый океанъ, а южные предѣлы ихъ приблизительно можно обозначить линіей отъ Рижскаго залива къ средней Волгѣ и верхнему Уралу. По своему географическому положенію, а также по нѣкоторымъ наружнымъ отличіямъ своего типа Финское семейство издавна распадалось на двѣ главныя вѣтви: западную и восточную. Первая занимаетъ ту великую озерную область, о которой мы говорили выше, т. е. страну между морями Балтійскимъ, Бѣлымъ и верхнею Волгою. А страна восточныхъ Финновъ обнимаетъ еще болѣе обширную полосу уваловъ, средней Волги и Зауралья.

Древняя Русь имѣла для Финновъ другое общее имя; она называла ихъ Чудью. Различая ее по отдѣльнымъ племенамъ,

нѣкоторымъ изъ нихъ она присвоила названіе Чуди по преимуществу, а именно тѣмъ, которые обитали по западную сторону Чудскаго озера или Пейпуса (Эсты) и по восточную (Водь). Кромѣ того была еще такъ наз. Чудь *Заволоцкая*, обитавшая около озеръ Ладожскаго и Онежскаго и простиравшаяся, повидимому, до рѣкъ Онеги и Сѣверной Двины. Къ этой Заволоцкой Чуди примыкала и Весь, которая, по словамъ лѣтописи, жила около Бѣлаозера, но безъ сомнѣнія распространялась на югъ по теченію Шексны и Мологи (Весь Егонская) и на югозападъ до верхняго Поволжья. Судя по ея языку, эта Весь и сосѣдняя съ нею часть Заволоцкой Чуди относились къ той именно вѣтви Финскаго семейства, которая извѣстна подъ именемъ Емь и жилища которой тянулись до береговъ Ботническаго залива. Сѣверную часть Заволоцкой Чуди составляла другая близкая Еми вѣтвь, извѣстная подъ именемъ Карелы. Одинъ карельскій народецъ, жившій на лѣвой сторонѣ рѣки Невы, носилъ названіе Ингровъ или Ижоры; а другой, продвинувшійся также къ самому Ботническому заливу, называется Квены. Карелы оттѣснили далѣе на сѣверъ въ тундры и скалы соплеменный себѣ, но болѣе дикій народъ бродячихъ Лопарей; часть послѣднихъ впрочемъ осталась на прежнихъ мѣстахъ и смѣшалась съ Карелами. Для этой западной Финской вѣтви существуетъ общее туземное названіе Суоми.

Трудно опредѣлить, въ чемъ заключались отличительныя черты Финновъ западныхъ отъ восточныхъ, а также, гдѣ кончались первые и начинались вторые. Можемъ только сказать вообще, что первые имѣютъ болѣе свѣтлый цвѣтъ волосъ, кожи и глазъ; уже древняя Русь въ своихъ пѣсняхъ отмѣтила западную вѣтвь прозваніемъ «Чудь Бѣлоглазая». Средину между ними, по своему географическому положенію, занимало когда-то значительное (теперь обрусѣвшее) племя Мери, жившее по обѣимъ сторонамъ Волги, въ особенности между Волгою и Клязьмою. Часть этого племени, обитавшая на нижней Окѣ, называлась Мурома. А далѣе къ востоку, между Окою и Волгою, находилось многочисленное племя Мордовское (Буртасы арабскихъ писателей), съ его подраздѣленіемъ на Эрзу и Мокшу. Тамъ, гдѣ Волга дѣлаетъ крутой поворотъ на югъ, по ту и по другую ея сторону жили Черемисы. Все это

Финны собственно Поволжскіе. На сѣверъ отъ нихъ широко расселилось племя Пермское (Зыряне и Вотяки), которое охватило рѣчныя области Камы съ Вяткой и верхней Двины съ Вычегдой. Углубляясь далѣе на сѣверовостокъ, встрѣчаемъ Югру, т. е. Угорскую вѣтвь восточныхъ Финновъ. Часть ея, жившая между Камою и Печерою, русская лѣтопись называетъ именемъ послѣдней рѣки, т. е. Печеры; а собственная Югра обитала по обѣ стороны Уральскаго хребта; потомъ она стала извѣстна болѣе подъ именами Вогуловъ и Остяковъ. Къ этой Угорской вѣтви должно отнести и Башкирское племя (впослѣдствіи почти отатарившееся), кочевавшее въ южномъ Пріуральѣ. Изъ башкирскихъ степей по всей вѣроятности вышли предки той Угорской или Мадьярской орды, которая турецкими кочевниками была вытѣснена изъ своей родины, долго скиталась въ степяхъ южной Россіи, и потомъ, съ помощью Нѣмцевъ, покорила себѣ славянскія земли на Среднемъ Дунаѣ. Народъ Самоѣдскій, который въ этнографическомъ отношеніи занимаетъ средину между семействами Финскимъ и Монгольскимъ, въ древности жилъ южнѣе чѣмъ въ наше время; но другими племенами онъ постепенно оттѣсненъ на крайній сѣверъ въ безпріютныя тундры, простирающіяся вдоль прибрежьевъ Ледовитаго океана.

Древнія судьбы обширнаго Финскаго семейства почти недоступны наблюденіямъ исторіи. Нѣсколько отрывочныхъ и неясныхъ извѣстій у писателей классическихъ, въ средневѣковыхъ лѣтописяхъ, византійскихъ, латинскихъ и русскихъ, у арабскихъ географовъ и въ скандинавскихъ сагахъ—вотъ все что мы имѣемъ о народахъ Финскаго сѣвера, вступившихъ въ составъ древней Руси и съ давнихъ временъ подвергшихся постепенному обрусѣнію. Наша исторія застаетъ ихъ на низкихъ бытовыхъ ступеняхъ, впрочемъ далеко неодинаковыхъ по разнымъ племенамъ. Болѣе сѣверные народцы живутъ въ грязныхъ шалашахъ, въ землянкахъ или пещерахъ, питаются травою, тухлою рыбою и всякою падалью, или скитаются за стадами оленей, которые ихъ кормятъ и одѣваютъ. Между тѣмъ другіе ихъ соплеменники, поволжскіе и эстонскіе, уже имѣютъ нѣкоторые признаки довольства, занимаются звѣринымъ промысломъ, скотоводствомъ, пчеловодствомъ и отчасти земледѣліемъ; живутъ большими сёлами въ бревенчатыхъ

избахъ; добываютъ себѣ разные предметы утвари и украшеній отъ торговцевъ, которые посѣщали ихъ земли. Эти торговцы приходили отчасти изъ Камской Болгаріи, но главнымъ образомъ изъ Руси, Новогородской и Суздальской, и мѣняли свои и иноземные товары у жителей преимущественно на шкуры пушныхъ животныхъ. Вотъ почему въ могильныхъ чудскихъ курганахъ нерѣдко находимъ не только издѣлія туземныя, русскія и болгарскія, но даже монеты и вещи, привезенныя изъ такихъ далекихъ странъ какъ мусульманская Азія, Византія, Германія и Англія. При всей грубости и дикости, финскіе народы издревле были извѣстны своимъ кузнечнымъ ремесломъ, т. е. обработкою металловъ. Скандинавскія саги прославляютъ финскіе мечи, которымъ приписываютъ волшебную силу: такъ какъ сковавшіе ихъ кузнецы вмѣстѣ съ тѣмъ слыли за людей искусныхъ въ колдовствѣ. Впрочемъ языкъ Финновъ и памятники, находимые въ ихъ странѣ, показываютъ, что слава ихъ ковачей должна быть отнесена къ «мѣдному вѣку», т. е. къ искусству обработывать мѣдь, а не ковать желѣзо. Послѣднее искусство принесено на сѣверъ народами болѣе одаренными.

Прирожденныя Финскому племени черты всегда рѣзко отличали его отъ Славянъ, Литвы и другихъ арійскихъ сосѣдей. Оно непредпріимчиво, необщительно, не любитъ перемѣнъ (консервативно), наклонно къ тихому семейному быту и не лишено плодовитаго воображенія, на которое указываютъ его богатыя содержаніемъ поэтическіе вымыслы. Эти племенныя качества вмѣстѣ съ сѣверною угрюмою природою и отдаленіемъ отъ народовъ образованныхъ и были причиною того, что Финны такъ долго не могли подняться на болѣе высокія ступени общественнаго развитія и почти нигдѣ не создали самобытной государственной жизни. Въ послѣднемъ отношеніи извѣстно только одно исключеніе, именно Угро-Мадьярскій народъ, получившій примѣсь нѣкоторыхъ прикавказскихъ племенъ, попавшій на Дунай въ сосѣдство латинской и византійской гражданственности и основавшій тамъ довольно сильное государство, благодаря враждѣ Нѣмцевъ къ Славянамъ. Кромѣ того изъ среды финскихъ народцевъ выдается Пермское или Зырянское племя, болѣе другихъ отличавшееся способностію къ промышленнымъ, торговымъ занятіямъ и подавшее

поводъ къ скандинавскимъ разсказамъ о какой-то богатой цвѣтущей странѣ Біарміи.

Языческая религія Финновъ вполнѣ отражаетъ на себѣ невеселый ихъ характеръ, ограниченное міросозерцаніе и лѣсную или пустынную природу, ихъ окружавшую. Мы почти не встрѣчаемъ у нихъ свѣтлаго, солнечнаго божества, игравшаго такую видную роль въ религіозномъ сознаніи, въ празднествахъ и преданіяхъ арійскихъ народовъ. Грозныя, недобрыя существа здѣсь рѣшительно преобладаютъ надъ добрымъ началомъ: они постоянно насылаютъ разныя бѣды на человѣка и требуютъ жертвъ для своего умилостивленія. Это религія первобытнаго идолопоклонства; преобладающее у арійскихъ народовъ человѣкообразное представленіе о богахъ было мало развито у Финновъ. Божества являлись ихъ воображенію еще въ видѣ или неясныхъ стихійныхъ образовъ, или неодушевленныхъ предметовъ и животныхъ; отсюда поклоненіе камнямъ, медвѣдямъ и т. п. Впрочемъ у Финновъ уже въ древнія времена встрѣчаются идолы, имѣвшіе грубое подобіе человѣка. Всѣ болѣе важныя событія жизни у нихъ опутаны множествомъ суевѣрій; откуда почитаніе шамановъ, т. е. колдуновъ и гадателей, которые находятся въ сношеніяхъ съ воздушными и подземными духами, могутъ вызывать ихъ дикими звуками и бѣшеными кривляніями. Эти шаманы представляютъ родъ жреческаго сословія, находящагося на первыхъ ступеняхъ развитія.

Поклоненіе грозному недоброму божеству наиболѣе господствовало у восточныхъ Финновъ. Оно преимущественно извѣстно подъ именемъ *Кереметы*. Этимъ именемъ стало называться и самое мѣсто жертвоприношеній, устроенное въ глубинѣ лѣса, гдѣ въ честь божества закалали овецъ, коровъ, коней; при чемъ часть жертвеннаго мяса откладывается богамъ или сожигается; а остальное служитъ для пиршества вмѣстѣ съ приготовленнымъ на тотъ случай одуряющимъ напиткомъ. Понятія Финновъ о загробной жизни весьма незатѣйливы; она представлялась имъ простымъ продолженіемъ земнаго существованія; почему съ покойникомъ, какъ и у другихъ народовъ, зарывалась въ могилу часть его оружія и домашней утвари. Нѣсколько менѣе мрачное религіозное настроеніе встрѣчаемъ у западныхъ Финновъ, которые издавна

находились въ сношеніяхъ съ германскими и славянскими племенами, и подвергались нѣкоторому ихъ вліянію. У нихъ преобладаетъ почитаніе верховнаго стихійнаго существа *Укко*, впрочемъ болѣе извѣстнаго подъ общефинскимъ именемъ *Юмала*, т. е. бога. Онъ олицетворяетъ видимое небо и повелѣваетъ воздушными явленіями, каковы облака и вѣтеръ, громъ и молнія, дождь и снѣгъ. Скандинавскія саги сообщаютъ любопытный разсказъ о святилищѣ Юмалы въ легендарной Біарміи. Въ первой половинѣ XI вѣка (1026 г.), слѣдовательно во времена Ярослава I, норманскіе викинги снарядили нѣсколько кораблей и отправились въ Біармію, гдѣ намѣняли у туземцевъ дорогихъ мѣховъ. Но этого имъ показалось мало. Слухи о близъ находившемся святилищѣ, наполненномъ разными богатствами, возбудили въ нихъ жажду добычи. У туземцевъ, какъ имъ сказали, былъ обычай, чтобы часть имущества покойниковъ была отдаваема богамъ; ее зарывали въ священныхъ мѣстахъ и сверху насыпали курганы. Такихъ приношеній особенно много скрывалось вокругъ идола Юмалы. Викинги пробрались къ святилищу, которое было огорожено деревяннымъ заборомъ. Одинъ изъ нихъ, по имени Тореръ, хорошо знавшій финскіе обычаи, перелѣзъ черезъ заборъ и отворилъ ворота товарищамъ. Викинги разрыли курганы и набрали изъ нихъ много разныхъ сокровищъ. Тореръ захватилъ чашу съ монетами, которая находилась на колѣнахъ идола. На шеѣ у него висѣло золотое ожерелье; чтобы снять это ожерелье, разрубили шею. На происшедшій отсюда шумъ прибѣжали сторожа, и затрубили въ рога. Грабители поспѣшили спастись бѣгствомъ, и успѣли достигнуть своихъ кораблей.

Разсѣянная на обширныхъ равнинахъ сѣверовосточной Европы, Финская семья жила отдѣльными родами и племенами въ глуши первобытныхъ лѣсовъ на ступеняхъ патріархальнаго быта, т. е. управлялась своими старшинами, и повидимому только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ старшины эти получили такое значеніе, что могли быть приравнены къ славянскимъ и литовскимъ князьямъ. Не смотря на свой непредпріимчивый и невоинственный характеръ, финскіе народцы однако нерѣдко находились во враждебныхъ между собою отношеніяхъ, и нападали другъ на друга; при чемъ болѣе сильные конечно

старались обогатиться добычею на счетъ болѣе слабыхъ или отнять у нихъ менѣе безплодную полосу земли. Напримѣръ, лѣтопись наша упоминаетъ о взаимныхъ нападеніяхъ Карелъ, Еми и Чуди. Эти междоусобныя драки, а также необходимость защищать себя отъ сосѣдей-иноплеменниковъ порождали своего рода туземныхъ героевъ, подвиги которыхъ становились предметомъ пѣсенъ и сказаній, и доходили до позднѣйшихъ поколѣній уже въ образахъ весьма фантастичныхъ. При семъ вполнѣ обнаруживается народная финская черта. Между тѣмъ какъ у другихъ народовъ ихъ національные герои по преимуществу отличаются необыкновенною физическою силою, неустрашимостію и ловкостію, при чемъ элементъ волшебства хотя и встрѣчается, но не всегда играетъ главную роль; финскіе герои совершаютъ свои подвиги преимущественно съ помощью колдовства. Замѣчательны въ этомъ отношеніи собранные въ недавнее время отрывки западнофинскаго или собственно карельскаго эпоса, названные *Калевала* (страна и вмѣстѣ потомство миѳическаго великана Калева, т. е. Карелія). Въ пѣсняхъ или рунахъ Калевалы сохранились между прочимъ воспоминанія о прежней борьбѣ Кареловъ съ Лопарями. Главное лицо этого эпоса старый Вейнемейненъ есть великій чародѣй, въ тоже время вдохновенный пѣвецъ и игрокъ на «кантеле» (родъ финской бандуры или арфы). Товарищи его тоже обладаютъ даромъ волшебства, именно искусный купецъ Ильмариненъ и молодой пѣвецъ Леминкейненъ. Но и противники ихъ также сильны въ колдовствѣ, хотя конечно не въ равной степени; съ той и другой стороны постоянно борются вѣщими словами, заклятіями и другими чарами. Кромѣ наклонности заниматься колдовствомъ и слагать руны въ этомъ эпосѣ отразилась еще любимая черта Финновъ: влеченіе къ кузнечному ремеслу, олицетвореніемъ котораго является Ильмариненъ. Нельзя однако не замѣтить, что подобные вымыслы при всей плодовитости воображенія, страдаютъ недостаткомъ живости, стройности и ясности, которыми отличаются поэтическія произведенія арійскихъ народовъ.

Хотя Финны умѣли иногда упорно оборонять свою независимость отъ иноплеменныхъ завоевателей, какъ это мы видѣли на примѣрѣ Эстонской Чуди; но большею частію при своемъ дробленіи на мелкія племена и владѣнія, при недостат-

къ военной предпріимчивости, а слѣдовательно и военно-дружиннаго сословія, они постепенно подпадали зависимости болѣе развитыхъ сосѣднихъ народовъ. Такъ уже въ первые вѣка нашей исторіи мы находимъ значительную часть западныхъ и сѣверовосточныхъ Финновъ или вполнѣ подчиненными, или платящими дань Новогородской Руси; часть поволжскихъ и поокскихъ народцевъ входитъ въ составъ земель Владиміро-Суздальской и Муромо-Рязанской; а еще часть поволжскихъ и покамскихъ туземцевъ находится въ подчиненіи у Камскихъ Болгаръ ([24]).

Когда-то, въ незапамятныя времена поселенія славянскихъ Кривичей, распространяясь далѣе и далѣе на сѣверъ отъ верховьевъ Днѣпра и Западной Двины, отчасти потѣснили, отчасти подчинили себѣ туземные финскіе народцы. Одна часть этихъ поселеній по рѣкѣ Великой направилась къ Чудскому озеру; другая продвинулась на сѣверовостокъ въ область верхней Волги; главнымъ же ихъ средоточіемъ сдѣлались прибрежья озера Ильменя. Истокъ сего послѣдняго, Волховъ послужилъ Славянамъ прямою дорогою въ Ладожское озеро; а отсюда широкая Нева приводила ихъ уже къ самому морю. Эта большая дорога къ морю на всегда опредѣлила въ общихъ чертахъ дальнѣйшую исторію Ильменскихъ Славянъ, много способствуя развитію ихъ торговой предпріимчивости. Съ другой стороны неизмѣримыя земли, простирающіяся на сѣверъ и сѣверовостокъ, съ своею сѣтью озеръ и судоходныхъ рѣкъ представляли обширное поприще, гдѣ ихъ подвижность и предпріимчивость нашли себѣ свободное поле. Тамъ до самыхъ Уральскихъ горъ не встрѣтили они ни сильныхъ народовъ, ни естественныхъ преградъ, которые могли бы остановить распространеніе ихъ господства.

По всей вѣроятности довольно значительное развитіе общественной жизни и дѣятельности, съ которымъ Ильменскіе Кривичи являются въ исторіи, наступило въ ту пору, когда къ нимъ пришли южные ихъ соплеменники, т. е. энергичное племя Руси съ своимъ княжеско-дружиннымъ строемъ, съ своими объединительными стремленіями и торговою предпріимчивостію. Исторія застаетъ Новогородскую Русь въ политическомъ единеніи съ Кіевомъ, и находитъ кіевскихъ князей и посадниковъ какъ въ

ея стольномъ городѣ, такъ и въ областяхъ. Но это было уже такое время, когда Славянорусское племя здѣсь достаточно окрѣпло, имѣло обширныя владѣнія, значительную торговлю, сознавало свою силу, и начало стремиться къ болѣе самобытной жизни, т. е. къ ослабленію кіевской зависимости и развитію народоправленія. Стремленіе это выражалось главнымъ образомъ въ сокращеніи даней, платимыхъ великому князю Кіевскому, въ расширеніи правъ народнаго вѣча и въ выборѣ князей и посадниковъ, излюбленныхъ самимъ народомъ. Благопріятныя для такихъ стремленій обстоятельства начались особенно со времени Ярослава I, который, какъ извѣстно, за оказанныя ему услуги предоставилъ Новогородцамъ нѣкоторыя льготы именно въ помянутомъ выше смыслѣ. По крайней мѣрѣ впослѣдствіи въ своихъ договорахъ съ князьями Новогородцы постоянно ссылались на льготныя Ярославовы грамоты.

Послѣ Мстислава Мономаховича, соперничество разныхъ вѣтвей княжескаго дома, постепенный упадокъ великаго княженія Кіевскаго и возраставшая самостоятельность областныхъ княженій представляли для Сѣверной Руси полную возможность пріобрѣтать все большую независимость отъ великаго князя Кіевскаго и развивать свое народоправленіе. Новогородцы, смотря по обстоятельствамъ, получали князей то изъ рода черниговскихъ Ольговичей, то изъ какой-либо вѣтви Мономаховичей, Волынской, Смоленской или Суздальской. Между тѣмъ какъ въ другихъ русскихъ областяхъ княжескія семьи все болѣе принимали характеръ мѣстныхъ династій, Новгородъ постоянно выбиралъ между ними, и потому не получилъ собственнаго княжескаго дома. Но такой широкій выборъ князей въ свою очередь послужилъ источникомъ смутъ и раздоровъ въ самомъ Новгородѣ; какъ это обыкновенно бываетъ при избирательномъ правленіи, когда избраніе не ограничено строго опредѣленными порядками. А подобныя смуты и раздоры задерживали укрѣпленіе политическаго строя, и давали возможность каждому сильному властителю вмѣшиваться во внутреннія дѣла Новогородцевъ, имѣть у нихъ приверженную себѣ боярскую партію и давать имъ князя изъ своихъ рукъ.

Частая смѣна князей началась въ XI вѣкѣ; а въ XII она усилилась до того, что въ одномъ этомъ столѣтіи перемѣнилось ихъ въ Новгородѣ до тридцати. Рѣдкому князю уда-

валось оставаться здѣсь болѣе трехъ лѣтъ сряду; а нѣкоторые были призываемы и изгоняемы по нѣскольку разъ. Рядомъ съ избирательнымъ началомъ шло стремленіе стѣснить кругъ княжеской власти во внутреннихъ дѣлахъ Новгородской земли; поэтому, сажая на свой столъ новаго князя, вѣче обыкновенно издавало договорную грамоту и заставляло его присягнуть на исполненіи заключенныхъ въ ней условій; что и означало принимать къ себѣ князя «на всей волѣ Новгородской».

При такомъ стремленіи къ народоправленію, казалось бы, и самое достоинство княжеское становилось излишнимъ для Новгорода. Однако мы видимъ, что на оборотъ граждане не любили оставаться безъ собственнаго князя даже и на короткое время. Очевидно, понятіе о княжескомъ достоинствѣ было издревле такъ присуще всему Русскому племени и такъ укоренилось, что никакая часть этого племени не могла представить себѣ существованіе безъ князя, и, прибавимъ, безъ княжеской дружины, безъ его *двора*. Кромѣ того отношенія къ другимъ частямъ Руси также не дозволяли думать объ устраненіи княжескаго достоинства. Потомство Владиміра Великаго все-таки смотрѣло на Новгородскую землю какъ на свою прирожденную волость, пріобрѣтенную потомъ и великими трудами своихъ предковъ, и не потерпѣло бы совершеннаго изгнанія отсюда своего рода. Принимая къ себѣ того или другаго князя, Новгородцы на время его княженія состояли въ союзѣ или подъ покровительствомъ той вѣтви, къ которой онъ принадлежалъ, и союзъ этотъ противупоставляли притязаніямъ другихъ князей. Наконецъ для каждой области князь почитался необходимымъ какъ верховный судья, а, главное, какъ предводитель войска и защитникъ земли отъ внѣшнихъ враговъ; при чемъ его собственная дружина, какъ военное сословіе, составляла ядро земской рати. Русская рать въ тѣ времена не могла представить себя безъ предводителя-князя; ему одному она подчинялась безусловно («а боярина не всѣ слушали»—замѣчаетъ лѣтопись). Слѣдовательно издревле установившіяся понятія, привычки, отношенія къ сосѣдямъ и весь складъ Русской жизни того времени не допускали мысли объ устраненіи княжескаго достоинства въ Новгородѣ, при всемъ стремленіи его къ народовластію, при всѣхъ смѣнахъ

и обидахъ, которыя претерпѣвали тамъ князья. И не только въ самомъ Новгородѣ князь почитался необходимою властью; но въ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ пригородахъ его замѣчается стремленіе имѣть своихъ особыхъ князей. Таковыхъ встрѣчаемъ иногда во Псковѣ, Торжкѣ, Великихъ Лукахъ и Волокѣ Ламскомъ: города эти лежали на пограничьѣ Новгородской земли и болѣе другихъ нуждались въ присутствіи князя для защиты отъ сосѣдей. Вслѣдствіе стѣсненій, которыя терпѣли князья въ Новгородѣ и пригородахъ, они иногда сами покидали Новогородскую землю; но всегда находились другіе, которые охотно заступали ихъ мѣсто. Кромѣ чести быть княземъ богатаго и славнаго Новгорода, ихъ привлекали сюда большіе доходы, получаемые отъ судебныхъ и торговыхъ пошлинъ, отъ земельныхъ угодій и прочихъ статей, назначенныхъ на содержаніе князя и его дружины.

Едва только Новогородская Русь послѣ Мстислава I почувствовала ослабленіе своей зависимости отъ Кіевскаго стола и вообще отъ Южной Руси, какъ эта зависимость начала смѣняться другою болѣе суровою: со стороны Суздальскаго княженія. Уже Юрій Долгорукій началъ тѣснить Новгородъ и изъявилъ притязаніе сажать отъ себя князя, т. е. держать тамъ своего подручника или намѣстника. Суздальскій князь какъ сильный сосѣдъ имѣлъ въ своихъ рукахъ весьма дѣйствительное средство смирять строптивыхъ вѣчниковъ. Онъ перехватывалъ новогородскихъ даньщиковъ или сборщиковъ дани съ инородцевъ въ Заволочьѣ. Онъ не давалъ пути новогородскимъ купцамъ черезъ свои земли, и тѣмъ прерывалъ ихъ торговыя сношенія съ востокомъ, особенно съ Камскими Болгарами. Онъ могъ прекратить подвозъ хлѣба изъ Низовыхъ или Поволожскихъ областей и тѣмъ произвести въ Новгородѣ дороговизну, а въ неурожайные годы и страшный голодъ. Ему легко было составить себѣ въ Новгородѣ преданную партію изъ бояръ, имѣвшихъ земельныя владѣнія по сосѣдству съ его волостями, изъ купцовъ, торговавшихъ съ восточными странами, и т. п. Понятенъ отсюда гордый тонъ Андрея Боголюбскаго, который въ 1160 г. послалъ сказать Новогородцамъ: «вѣдомо буди, хочу искати Новгорода добромъ и лихомъ». «И съ того времени—замѣчаетъ лѣтописецъ—начались въ Новгородѣ смятенія и частыя вѣча».

Новогородцы искали защиты отъ Суздальскаго князя въ союзѣ съ волынскими и смоленскими Мономаховичами или съ черниговскими Ольговичами. Извѣстно, какъ въ 1169 г. они съ юнымъ княземъ своимъ Романомъ Мстиславичемъ Волынскимъ отразили многочисленную рать Андрея Боголюбскаго; но уже въ слѣдующемъ году смирились и приняли князя изъ его рукъ. Смуты, наступившія въ Суздальской землѣ послѣ убіенія Андрея, на нѣкоторое время дали Новгороду вздохнуть свободно съ этой стороны. Но едва во Владимірѣ на Клязьмѣ утвердился младшій братъ Боголюбскаго Всеволодъ III Большое Гнѣздо, какъ онъ еще съ большею настойчивостію пошелъ по слѣдамъ отца и старшаго брата, и началъ тѣснить Новгородъ, чтобы привести его въ полную отъ себя зависимость. Онъ особенно гнѣвался на Новогородцевъ за то, что тѣ приняли къ себѣ двухъ его племянниковъ, сыновей старшаго брата Ростислава, которые были его соперниками въ Суздальской землѣ. Вскорѣ потомъ Новогородцы призвали на свой столъ одного изъ смоленскихъ Ростиславичей, Мстислава Храбраго, извѣстнаго въ особенности отраженіемъ полковъ Боголюбскаго отъ Вышгорода.

Въ 1178 году новогородскіе бояре пріѣхали въ Южную Русь просить Мстислава къ себѣ на столъ. Онъ не желалъ разстаться съ братьями и съ отчиной своей. Но его побуждала собственная дружина; старшіе братья также сказали ему: «тебя зовутъ съ честію, ступай; развѣ тамъ не наша отчина?» Въ этихъ словахъ ясно высказывается общій взглядъ русскихъ князей на Новогородскую землю, какъ на неотъемлемое владѣніе своего рода. Мстиславъ послушалъ совѣта и отправился, хотя ему очень не хотѣлось покидать Южную Русь. Новогородцы устроили ему торжественную встрѣчу. Архіепископъ Илія, игумны и прочее духовенство встрѣтили его съ крестами, окруженные большой толпой народа; ввели его въ соборъ св. Софіи и тамъ посадили на столъ. Но не долго пришлось ему здѣсь княжить. Въ то время западныя новогородскія волости подвергались нападеніямъ и грабежу своего исконнаго врага, Эстонской Чуди. Мстиславъ созвалъ вѣче, и предложилъ походъ на «поганыхъ». «Если Богу угодно и тебѣ, князь, то мы готовы»—получилъ онъ въ отвѣтъ. Съ двадцатитысячною ратью Мстиславъ вступилъ въ Чудскую землю, пожегъ и поплѣнилъ ее, и воротился

со славою и добычею. На обратномъ пути онъ усмирилъ Псковитянъ, схватилъ сотскихъ, которые волновали народъ и не хотѣли принимать къ себѣ его племянника Бориса. Мстиславъ не любилъ сидѣть сложа руки. На слѣдующую весну онъ уже правилъ походъ на полоцкаго князя Всеслава: Новогородцы вспомнили, что прадѣдъ его Всеславъ пограбилъ ихъ городъ и отнялъ у нихъ одинъ погостъ. Но извѣстно, какъ заступничество старшаго брата, Романа Ростиславича Смоленскаго, заставило Храбраго отъ Великихъ Лукъ повернуть назадъ. Недаромъ ему не хотѣлось смѣнять благодатный южнорусскій край на суровую сѣверную природу; вѣроятно, онъ имѣлъ какое-то предчувствіе. Вслѣдъ за полоцкимъ походомъ Мстиславъ крѣпко заболѣлъ, и скончался (1180). Его съ великою честью погребли въ Софійскомъ соборѣ, и положили въ той самой каменной гробницѣ, гдѣ покоился Владиміръ, сынъ Ярослава I. По словамъ лѣтописи, всѣ Новогородцы плакали и причитали надъ нимъ, прославляя его труды и благодѣянія. Она замѣчаетъ, что покойный князь былъ средняго роста, красивъ лицемъ и благонравенъ, любилъ свою дружину, не жалѣлъ для нея имѣнія, равно прилежалъ къ церкви и къ духовному чину. «Плакали по немъ его братья и вся земля Русская, памятуя его доблести, и всѣ Черные Клобуки не могли забыть его *приголубленія*». Онъ скончался еще въ среднихъ лѣтахъ и оставилъ на попеченіе братьямъ и боярамъ своихъ несовершеннолѣтнихъ сыновей, Владиміра и Мстислава. Перваго изъ нихъ, бывшаго повидимому отцовскимъ любимцемъ, мы видѣли неудачнымъ княземъ Псковскимъ во время утвержденія Нѣмцевъ въ Ливоніи. За то другой сынъ, Мстиславъ, прозванный Удалымъ, вполнѣ поддержалъ славу своего рода.

Послѣ Мстислава Храбраго Новогородцы противъ Суздальскаго князя искали опоры въ Святославѣ Всеволодовичѣ Черниговскомъ, который въ то время утвердился на Кіевскомъ столѣ; они выпросили у него сына къ себѣ въ князья, съ которымъ и участвовали въ походѣ Святослава на Всеволода III и въ битвѣ 1181 года на рѣкѣ Вленѣ. Въ слѣдующемъ году Всеволодъ отомстилъ имъ внезапнымъ нападеніемъ на пограничный ихъ пригородъ Торжокъ, который онъ взялъ послѣ пятинедѣльной осады и сжегъ; а многихъ жителей увелъ въ плѣнъ. Любопытно, что столкновенія Новогородской Руси съ

Суздальскою въ то время уже успѣли принять нѣсколько народный характеръ. Суздальская дружина въ этой борьбѣ стоитъ вполнѣ на сторонѣ своихъ князей и враждебно относится къ строптивымъ вѣчникамъ за ихъ измѣны и непостоянство, за ихъ союзы съ Ольговичами и другими южными князьями, вмѣстѣ съ которыми они иногда совершали разорительныя нашествія на Суздальскую землю. Такъ, когда Всеволодъ осаждалъ Торжокъ, то граждане предлагали заплатить ему за себя окупъ; однако въ назначенный срокъ не заплатили. Князь медлилъ приступомъ; но дружина его начала роптать: «мы не цѣловаться съ ними пріѣхали; они, князь, лгутъ передъ Богомъ и передъ тобою». Тогда сдѣланъ былъ приступъ, и городъ взятъ на щитъ, т. е. поплѣненъ, разграбленъ и даже сожженъ. Суздальцы поступили такъ жестоко съ Новоторами «за новогородскую неправду, за то, что въ одинъ и тотъ же день и крестъ цѣлуютъ, и клятву преступаютъ».

Въ виду подобнаго разоренія, въ самомъ Новгородѣ Суздальская партія взяла верхъ. Граждане выпроводили отъ себя Святославова сына и просили себѣ князя у Всеволода. Онъ далъ имъ свояка, безъудѣльнаго Ярослава Владиміровича. Послѣдній былъ внукомъ Мстислава I и новогородской боярыни, сыномъ того «вертляваго» Владиміра Мстиславича, котораго мы встрѣчали въ борьбѣ дядей съ племянниками за Кіевскій столъ. Сидя въ Новгородѣ, Ярославъ конечно находился въ послушаніи у Суздальскаго князя; но онъ повидимому не имѣлъ недостатка въ умѣ и мужествѣ, и предпринималъ съ Новогородцами нѣсколько удачныхъ походовъ на внѣшнихъ враговъ; между прочимъ отвоевалъ у Эстонской Чуди города Юрьевъ и Медвѣжью Голову. Онъ и его княгиня строили въ Новгородѣ храмы и успѣли составить себѣ преданную партію. Однако трудно было ладить съ непостоянными Новогородцами и въ тоже время угождать Суздальскому князю. Въ теченіе семнадцати или осьмнадцати лѣтъ Ярославъ Владиміровичъ три раза былъ призываемъ на Новогородскій столъ и три раза удаляемъ изъ Новгорода; мѣсто его заступалъ кто либо изъ Смоленскихъ или Черниговскихъ князей, смотря по измѣнчивости новгородскихъ отношеній и потому, какая партія брала верхъ, Суздальская или Южнорусская. Въ послѣдній, третій, разъ самъ Всеволодъ отозвалъ его въ 1199 г. На его мѣсто

онъ послалъ сначала своего малолѣтнаго сына Святослава съ суздальскими боярами; но, спустя нѣсколько лѣтъ, воротилъ его домой; при чемъ велѣлъ сказать Новогородцамъ: «въ землѣ вашей рать ходитъ; а сынъ мой Святославъ малъ, даю вамъ сына своего старѣйшаго Константина». Отпуская послѣдняго, Всеволодъ вручилъ ему мечъ и крестъ, съ такими словами: «сыну мой, Константине, на тебѣ Богъ положилъ старѣйшинство въ братьѣ своей, а Новгородъ Великій имѣетъ старѣйшинство княженія во всей Русской землѣ». Такимъ назначеніемъ и такою лестью Всеволодъ какъ ловкій политикъ угодилъ Новогородцамъ. Архіепископъ Митрофанъ со всѣмъ городомъ встрѣтилъ Константина и торжественно въ Софійскомъ соборѣ совершилъ обрядъ его посаженія на столъ (1206 г.). Вмѣстѣ съ тѣмъ вѣче смѣнило посадника Михаила Степановича и дало посадничество Дмитру Мирошкиничу; а богатая семья Мирошки была главою Суздальской партіи.

Вліяніе Всеволода на Новгородъ достигло своей высшей степени. Пользуясь обстоятельствами, онъ хотѣлъ навести страхъ на людей противной партіи; по его наказу суздальскіе приверженцы убили боярина Алексу Сбыславича на самомъ вѣчѣ, безъ объявленія вины, съ нарушеніемъ всѣхъ новогородскихъ правъ, и однако народъ попустилъ это убійство безнаказанно. Только пущенъ былъ слухъ, что на другой день въ церкви Іакова въ Неревскомъ концѣ показались слезы на иконѣ Богородицы. Вскорѣ потомъ новогородская рать участвовала въ походѣ Всеволода на Рязанскихъ князей. По окончаніи похода онъ отпустилъ Новогородцевъ домой; при чемъ щедро одарилъ ихъ, подтвердивъ ихъ вольности и уставы, данные старыми князьями, и прибавилъ на словахъ: «кто до васъ добръ, того любите, а злыхъ казните». Но сына своего Константина удержалъ при себѣ, также и посадника Димитрія Мирошкинича, тяжело раненнаго стрѣлою при осадѣ Пронска. Очевидно, въ политику Суздальскаго князя входилъ и тотъ расчетъ, чтобы одинъ князь не долго заживался въ Новгородѣ и не слишкомъ усвоивалъ себѣ интересы новогородскіе. Онъ опять назначилъ туда сына Святослава. Но прежде чѣмъ послѣдній успѣлъ прибыть въ Новгородъ, граждане воспользовались отсутствіемъ князя и слишкомъ буквально поспѣшили примѣнить на дѣлѣ слова Всеволода.

Долго накоплявшееся негодованіе на посадника Димитрія и на всю семью Мирошкиничей, за ихъ дружбу съ Суздалемъ и лишніе поборы съ купцовъ и волостей, вдругъ вспыхнуло съ дикою силою. Противъ нихъ собралось вѣче, и прямо съ него народъ пошелъ грабить ихъ дворы; послѣ чего дома самого Димитрія и покойнаго Мирошки были зажжены; имущество ихъ захвачено, села и челядь распроданы. Все это вѣчники раздѣлили между собою; награбленнаго богатства было столько, что пришлось по три гривны на человѣка; «а кто захватилъ тайно, о томъ единый Богъ вѣсть, и многіе съ того разбогатѣли»—прибавляетъ новгородскій лѣтописецъ. Когда же привезли вскорѣ тѣло посадника Димитрія, умершаго отъ своей раны во Владимірѣ, то городъ хотѣлъ совершить надъ мертвымъ свою обычную казнь, т. е. бросить его съ моста въ Волховъ. Но архіепископъ Митрофанъ уговорилъ толпу, и посадника погребли въ Юрьевѣ монастырѣ подлѣ отца. Захваченные при грабежѣ его двора «доски», или записи о деньгахъ, розданныхъ въ долгъ, народъ отдалъ князю Святославу, когда тотъ прибылъ въ Новгородъ. Двухъ братьевъ покойнаго Димитрія и еще нѣкоторыхъ бояръ Новогородцы поклялись не держать у себя въ городѣ; князь отправилъ ихъ къ отцу во Владиміръ. Посадникомъ былъ поставленъ любимый народомъ Твердиславъ, сынъ выше упомянутаго Михаила Степановича. Но дѣло на томъ не остановилось: взрывъ противъ своихъ бояръ, дружившихъ Суздалю, скоро перешелъ въ открытую вражду и къ самому Суздальскому князю, который только на словахъ уважалъ новогородскую вольность. Всеволодъ прибѣгъ къ обычнымъ мѣрамъ, т. е. сталъ задерживать въ своихъ волостяхъ новогородскихъ гостей и ихъ товары. Тогда Новогородцы тайкомъ вошли въ сношеніе съ торопецкимъ княземъ Мстиславомъ Удалымъ.

Зимой 1210 года Удалой внезапно явился въ Торжкѣ, схватилъ Святославовыхъ дружинниковъ и заковалъ въ цѣпи торжковскаго посадника; а въ Новгородъ послалъ сказать: «Кланяюсь св. Софьѣ, гробу отца моего и всѣмъ Новогородцамъ; я пришелъ къ вамъ, слыша о насиліи отъ князей; жаль мнѣ стало своей отчины». Новогородцы тотчасъ засадили Святослава и его бояръ подъ стражу на владычнемъ дворѣ «до управы съ его отцомъ»; а за Мстиславомъ отправили большое по-

сольство. Онъ пріѣхалъ, и съ торжествомъ сѣлъ на Новгородскомъ столѣ. Не долго думая, Мстиславъ воспользовался одушевленіемъ гражданъ, собралъ значительную рать и пошелъ на Всеволода. Послѣдній хорошо зналъ противника и не любилъ рискованныхъ войнъ. Онъ вступилъ въ переговоры, и получилъ миръ на такомъ условіи, чтобы Новгородцы отпустили его сына съ боярами, а онъ отпустилъ задержанныхъ гостей и товары.

Вскорѣ Всеволодъ III умеръ, и Новгородъ могъ опять свободно вздохнуть съ этой стороны, тѣмъ болѣе, что въ Суздальской землѣ снова произошли смуты и междоусобія. Соревнуя своему отцу, мстившему новгородскія обиды на Эстонской Чуди, Мстиславъ Мстиславичъ предпринималъ на нее два похода: сначала на Чудь Торму къ сторонѣ Юрьева и Медвѣжьей Головы, а потомъ на Чудь Ереву; при чемъ прошелъ и поплѣнилъ Чудскую землю до моря. Но по обыкновенію Новгородцы не брали городовъ и не укрѣплялись въ этомъ краѣ, ограничиваясь однимъ разореніемъ, а иногда наложеніемъ дани. Захваченную въ походѣ добычу Мстиславъ раздѣлилъ на три части: двѣ отдалъ новгородской рати, а третью *дворянамъ* или собственной дружинѣ (1214 г.). Но въ томъ же году двоюродные братья прислали къ Мстиславу съ жалобой на свои обиды отъ кіевскаго князя Всеволода Чермнаго, который тѣснилъ ихъ изъ Южной Руси. Мстиславъ собралъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ, и сталъ звать Новгородцевъ съ собой въ походъ на Чермнаго. Новгородцы отвѣчали ему: «Куда, князь, позришь своими очами, тамъ головы свои повергнемъ». Новгородское ополченіе съ Мстиславомъ дошло до Смоленска, и соединилось съ смоленскимъ; но тутъ оба эти ополченія повздорили между собою; при чемъ одинъ Смолянинъ былъ убитъ. Новгородцы заволновались, и не хотѣли идти далѣе. Они быстро забыли свой отвѣтъ Мстиславу, и даже не пришли на вѣче, куда онъ ихъ звалъ. Тогда этотъ добродушный князь, вмѣсто упрековъ, простился съ ними, перецѣловалъ старшихъ людей, низко поклонился войску, и продолжалъ походъ. Такой поступокъ тронулъ впечатлительныхъ Новгородцевъ; чѣмъ и воспользовался ихъ посадникъ Твердиславъ. Собравъ вѣче, онъ началъ ихъ уговаривать, прибавляя: «какъ наши дѣды и отцы страдали за Русскую

землю; такъ и мы, братья, пойдемъ за своимъ княземъ». Вѣче рѣшило идти. Ополченіе догнало Мстислава, и усердно помогало ему въ удачной войнѣ со Всеволодомъ Чермнымъ.

По возвращеніи изъ этого похода недолго оставался на сѣверѣ неугомонный Мстиславъ. Бранныя тревоги Южной Руси влекли его къ себѣ сильнѣе, нежели торговый, вольнолюбивый Новгородъ. Въ слѣдующемъ 1215 году Мстиславъ собралъ вѣче, и объявилъ гражданамъ: «Есть у меня дѣла въ Руси; а вы вольны въ своихъ князьяхъ». И, поклонясь народу, уѣхалъ изъ Новгорода.

Второе мѣсто послѣ князя занималъ въ Новгородѣ *посадникъ*, а третье *тысяцкій*. Первоначально эти сановники назначались княземъ, изъ своихъ собственныхъ бояръ или изъ мѣстныхъ новогородскихъ. Посадники здѣсь какъ и вездѣ на Руси были княжескими намѣстниками. Но съ того времени, какъ Новгородъ началъ стремиться къ самоуправленію, вмѣстѣ съ выборными князьями онъ хотѣлъ имѣть собственныхъ, излюбленныхъ вѣчемъ, посадниковъ и тысяцкихъ; чего и достигъ въ первой половинѣ XII вѣка. Посадникъ и тысяцкій на ряду съ княземъ завѣдывали судебною частью и начальствовали надъ войскомъ. Въ отсутствіе князя посадникъ замѣнялъ его. Онъ по преимуществу былъ предсѣдателемъ народнаго вѣча. По возвышенному помосту или «вѣчевой степени», устроенной на Дворѣ Ярослава при церкви Св. Николая, состоявшіе въ должности посадникъ и тысяцкій назывались «степенными». Покидая ее, они навсегда сохраняли свое званіе, и переходили въ число «старыхъ посадниковъ» и «старыхъ тысяцкихъ», которые пользовались особымъ почетомъ передъ другими боярами и принимали участіе въ важныхъ дѣлахъ, т. е: были воеводами, судьями, справляли посольства и заключали договоры, такъ что иногда на ряду съ степеннымъ посадникомъ и тысяцкимъ скрѣпляли договорныя грамоты собственными печатями. Кромѣ власти и почета съ должностями посадника и тысяцкаго связаны были значительные доходы и даже возможность наживать себѣ огромное состояніе, разумѣется, съ помощью разныхъ неправдъ и вымогательствъ, какъ это показываетъ примѣръ посадника Мирошки и сына его Дмитрія. Отсюда понятно, что эти должности

сдѣлались главнымъ предметомъ искательства со стороны новогородской знати, которой и удалось захватить ихъ исключительно въ свои руки; такъ что не можемъ указать примѣра не только простаго человѣка, но и купца, который бы достигъ посадничьяго сана. И даже изъ боярскихъ семей выдѣлились немногія, которыя пріобрѣли какъ бы право доставлять Новгороду посадниковъ. Ихъ соперничество по этому поводу служило однимъ изъ главныхъ источниковъ смутъ и раздоровъ, на ряду съ выборомъ князей. Такъ какъ не выработалось опредѣленнаго срока для высшихъ должностей, то, естественно, каждый посадникъ долженъ былъ бороться съ ухищреніями своихъ соперниковъ, старавшихся его низвергнуть и сѣсть на его мѣсто. Отсюда такая же частая смѣна посадниковъ какъ и князей, при томъ находившаяся въ непосредственной связи съ послѣдними; такъ что торжество Суздальской или другой партіи при выборѣ князя часто вело за собою и перемѣну посадника въ угоду этой партіи. Только нѣкоторымъ, умѣвшимъ пріобрѣсти народную любовь или заручиться внѣшнею поддержкою, удавалось не разъ возвращаться къ должности степеннаго посадника или занимать ее значительное количество лѣтъ. Большею частію изъ тѣхъ же семей посылались посадники и въ новогородскіе пригороды.

Вотъ самыя извѣстные по лѣтописямъ боярскіе роды, доставлявшіе Новгороду посадниковъ въ эпоху до-Татарскую.

Вопервыхъ, потомство Гюряты Роговича (котораго разсказами пользовался нашъ первый лѣтописецъ Сильвестръ Выдубецкій). Его сынъ Мирославъ Гюрятиничъ и внукъ Якунъ Мирославичъ по нѣскольку разъ были выбираемы въ посадники. На дочери Якуна Мирославича былъ женатъ одинъ изъ внуковъ Юрія Долгорукаго, Мстиславъ Ростиславичъ. Во вторыхъ, семья Мирошки Нездилича, который посадничалъ болѣе десяти лѣтъ; при чемъ два года содержался подъ стражею у Всеволода III во Владимірѣ на Клязьмѣ. Онъ умеръ монахомъ Юрьева монастыря въ 1203 г. Его сыновья являются уже вожаками Суздальской партіи въ Новгородѣ; изъ нихъ Дмитрій, будучи посадникомъ, получилъ смертельную рану подъ Пронскомъ. Мы видѣли взрывъ народнаго неудовольствія противъ Мирошкиничей, сопровождавшійся разграбленіемъ имущества и изгнаніемъ ихъ изъ Новгорода въ на-

чалѣ XIII вѣка. Однако впослѣдствіи, въ 20-хъ годахъ того же вѣка, встрѣчаемъ любимаго народомъ посадника Иванка Дмитровича, вѣроятно внука Мирошки; а еще позднѣе его правнука Твердила Иванковича. Послѣдній является посадникомъ во Псковѣ; но измѣною и сообщничествомъ съ Нѣмцами онъ окончательно уронилъ значеніе своего рода. Третья и наиболѣе любимая народомъ фамилія была та, главою которой является посадникъ Михаилъ Степановичъ; по всѣмъ признакамъ она соперничала съ фамиліей Мирошки и держалась партіи народной, противусуздальской. Михалко умеръ монахомъ Аркажьяго монастыря въ 1206 г. Сынъ его Твердиславъ Михалковичъ избирался въ посадники три раза, и скончался монахомъ того же Аркажьяго монастыря. А внукъ Степанъ Твердиславичъ посадничалъ цѣлыя тринадцать лѣтъ.

За посадникомъ и тысяцкимъ слѣдовали *сотскіе* и *старосты*, также выбираемые народомъ. Ихъ значеніе и кругъ власти намъ не вполнѣ извѣстны. Сотскихъ повидимому было десять. Это дѣленіе на сотни, какъ мы сказали, утратило уже свой старый военночислительный характеръ, и означало дѣленіе земское; въ особенности ему подлежало торговое сословіе. Старосты представляютъ также весьма древнее славянское учрежденіе; каждый конецъ, каждая улица, каждое сословіе и волость имѣли своего старосту. Надзоръ за сборомъ податей и исполненіемъ повинностей, а также разбирательство менѣе важныхъ дѣлъ и управленіе волостями по всей вѣроятности составляли кругъ дѣятельности сотскихъ и старостъ. Собраніе гражданъ на вѣче и другія сходки, вызовъ къ суду и исполненіе приговоровъ принадлежали *биричамъ*, *шестникамъ* и *подвойскимъ*; слѣдовательно они представляли родъ исполнительныхъ чиновниковъ. Однако, по нѣкоторымъ признакамъ, биричи и подвойскіе занимали видное общественное положеніе и иногда играли роль въ военныхъ походахъ и въ посольствахъ.

Но самую высшую власть въ Новгородѣ составляло *народное вѣче*, которое послѣ упадка княжеской власти все болѣе и болѣе забирало силы. Оно пріобрѣло себѣ право избирать и смѣнять сановниковъ, служа для нихъ верховнымъ судилищемъ, далѣе: объявлять войну и заключать договоры, уставлять подати и повинности, отмѣнять и выдавать всякаго рода

постановленія. Обычное или правильное вѣче собиралось на Торговой сторонѣ, на такъ наз. «Ярославовомъ дворищѣ», по звону вѣчеваго колокола, висѣвшаго подлѣ церкви св. Николая. Созывалъ вѣче и предсѣдательствовалъ на немъ посадникъ. Приговоры его или вѣчныя грамоты писалъ и хранилъ особый вѣчный дьякъ съ своими помощниками или подъячими. Другимъ мѣстомъ для вѣча служила иногда площадь у Софійскаго собора. Недостатокъ строгой опредѣленности въ отправленіи вѣчеваго совѣщанія нерѣдко подавалъ поводъ къ отступленіямъ отъ общаго правила. Рѣшенія конечно постановлялись большинствомъ голосовъ. Но голоса повидимому не считались; а усвоился обычай рѣшать дѣла огульнымъ крикомъ или большинствомъ на глазомѣръ. Меньшинство иногда не соглашалось, шумѣло. Въ случаяхъ смутъ и раздоровъ вѣче становилось орудіемъ въ рукахъ какой нибудь партіи; созывалось безъ соблюденія должнаго порядка, даже не всегда въ обычномъ мѣстѣ, и, заключая въ себѣ представителей только отъ нѣкоторыхъ концовъ и улицъ, постановляло рѣшенія отъ имени всего народа. Бывали и такіе случаи, что въ одно время съ правильно созваннымъ вѣчемъ противное ему меньшинство собирало другое вѣче, и происходила борьба.

Въ вѣчевыхъ собраніяхъ участвовали всѣ свободныя сословія Новгорода, которыя представляли три главныя степени: «бояре», «купцы» и «черные люди». Сословіе боярское здѣсь какъ и въ другихъ областяхъ Руси возникло отчасти изъ древней туземной знати, отчасти изъ старшихъ дружинниковъ, пришедшихъ съ русскими князьями на сѣверъ. Въ Новгородѣ они ранѣе чѣмъ въ иныхъ земляхъ сдѣлались осѣдлымъ землевладѣльческимъ сословіемъ; а подчиняясь промышленному характеру Новгородской Руси, начали принимать участіе и въ торговыхъ дѣлахъ. Тоже надобно сказать и о младшихъ дружинникахъ или *гридяхъ*, примкнувшихъ къ туземному помѣщичьему классу; но по всей вѣроятности за ними еще сохранялась военная обязанность, такъ что они по преимуществу составляли гарнизоны въ пригородахъ и лучшую часть земскаго ополченія. Сословіе купцовъ или гостей въ Новгородѣ было многочисленно и вліятельно. Хотя торговлею могъ заниматься каждый гражданинъ; но въ теченіе времени выдѣлился особый купеческій классъ съ своими обычаями, устава-

ми, съ своимъ особымъ судомъ. Настоящій (или такъ наз. «пошлый») купецъ долженъ былъ принадлежать къ извѣстной сотнѣ, т. е. къ извѣстной купеческой общинѣ, и сдѣлать свой вкладъ въ общинный капиталъ. Подобно боярамъ, купцы участвовали въ посольствахъ, судебныхъ и другихъ общественныхъ должностяхъ, а также не были избавлены отъ военной повинности, и въ случаѣ надобности входили въ составъ земской рати. Какъ бояре новогородскіе встрѣчаются иногда подъ именемъ *огнищанъ*, такъ купцы или гости, особенно наиболѣе богатые, имѣютъ еще названіе *житьихъ* людей. Какъ бояре занимались иногда торговыми предпріятіями, такъ и многіе купцы были землевладѣльцами и имѣли большія вотчины въ новогородскихъ областяхъ. Все остальное свободное населеніе — мелкіе торговцы, промышленники, ремесленники и земледѣльцы—носило общее названіе *черныхъ* или *меньшихъ* людей, а также *смердовъ*. Эти люди конечно и составляли ту народную толпу, которая наполняла вѣчевыя собранія.

Намъ неизвѣстно, чѣмъ опредѣлялась правоспособность гражданъ участвовать своимъ голосомъ въ верховномъ правительствѣ, т. е. въ народномъ вѣчѣ. Судя вообще по древлеславянскому родовому строю жизни, такое право принадлежало не каждому взрослому человѣку, а только главѣ семейства, слѣдовательно отцу, дядѣ или старшему брату. Но уже самый недостатокъ строгой опредѣленности этого права и возможность участвовать въ совѣщаніяхъ стольнаго города жителямъ областей и пригородовъ не мало препятствовали вѣчу выработать надлежащую степень правильности и устойчивости. Какъ и во всѣхъ государствахъ съ народоправленіемъ, знатные люди или бояре, благодаря своимъ богатствамъ и связямъ, успѣвали составить себѣ партію изъ черныхъ людей и съ ихъ помощью вліяли на постановленія вѣча. Главныя ихъ усилія конечно направились на то, чтобы исключительно захватить въ свои руки высшія должности; въ чемъ они и успѣли. Съ этой стороны новогородская община можетъ быть названа общиною аристократическою. Высшія должности конечно помогали нѣкоторымъ боярскимъ фамиліямъ увеличивать свое богатство, связи и вліяніе. Но въ тоже время подобныя должности служили постояннымъ яблокомъ раздора въ ихъ средѣ. А это обстоятельство въ свою очередь давало остальнымъ сословіямъ

(демократическому началу) средство сдерживать слишкомъ большое усиленіе боярства и иногда напоминать о себѣ слишкомъ энергичнымъ способомъ, т. е: расправляться съ бояриномъ какъ съ послѣднимъ людиномъ, казнить его, грабить, изгонять, и вообще громко заявлять о своей, народной волѣ. Такимъ образомъ внутренняя жизнь Новгорода или развитіе его народоправленія представляетъ постоянную борьбу двухъ началъ исторической жизни: аристократическаго и демократическаго, впрочемъ при явномъ преобладаніи послѣдняго. Аристократическое начало вообще туго прививалось къ Славянскимъ народамъ; оно не совсѣмъ для нихъ симпатично, хотя и встрѣчается въ довольно развитой формѣ тамъ, гдѣ разныя обстоятельства ему благопріятствовали.

Рядомъ съ княземъ и посадникомъ въ Новгородѣ является еще выборная высшая власть, и притомъ самая вліятельная. Это епископъ или *владыка*. Будучи главою мѣстнаго духовенства, онъ въ тоже время принималъ непосредственное участіе въ важнѣйшихъ политическихъ дѣлахъ Новгорода, между прочимъ въ переговорахъ и договорахъ съ русскими князьями и иноземными правительствами; а борьба разнообразныхъ партій открывала широкій путь его вліянію на внутреннія отношенія. Мало по малу установился такой обычай, что Новогородцы не предпринимали никакаго важнаго общественнаго дѣла безъ благословенія владыки.

Первоначально, какъ и всѣ русскіе архіереи, новогородскій епископъ назначался кіевскимъ митрополитомъ, и преимущественно изъ Грековъ. Въ случаѣ какаго обвиненія онъ ѣздилъ въ Кіевъ на судебное разбирательство митрополита, и какъ послѣдній строго обходился съ епископами, видно изъ примѣра новогородскаго владыки Луки Жидяты, который по доносу его собственнаго холопа Дудика былъ подвергнутъ заточенію, въ первой половинѣ XI вѣка. Но стремленіе Новогородцевъ къ политической самостоятельности не замедлило повести за собою и желаніе самостоятельности церковной: какъ народное вѣче выбирало своихъ князей и посадниковъ, такъ желало оно выбирать и своихъ епископовъ. Съ другой стороны политическій упадокъ Кіева естественно повлекъ за собою и ослабленіе его церковнаго авторитета. Мы видѣли, какъ ново-

городскій епископъ Нифонтъ, происхожденіемъ Грекъ, не хотѣлъ признавать митрополитомъ Клима Смолятича, поставленнаго соборомъ епископовъ; за что подвергся преслѣдованію и былъ заключенъ въ Печерскій монастырь. Но и тутъ вражда князей изъ за Кіевскаго стола помогла ему: Юрій Долгорукій, завладѣвъ Кіевомъ, освободилъ Нифонта. Это былъ одинъ изъ самыхъ энергичныхъ и дѣятельныхъ владыкъ новогородскихъ; между прочимъ онъ много трудился надъ украшеніемъ св. Софіи, и построилъ каменные храмы св. Спаса въ Псковѣ и св. Климента въ Ладогѣ. Въ началѣ 1156 г. онъ прибылъ въ Кіевъ на встрѣчу новому митрополиту, греку Константину, назначенному отъ Византіи вмѣсто изгнаннаго изъ Кіева Климента Смолятича; но не дождался его, скончался и былъ погребенъ въ Кіевопечерской обители.

Новогородцы воспользовались этими замѣшательствами митрополичьей каѳедры и сами выбрали себѣ епископа изъ среды собственныхъ игумновъ, по имени Аркадія. Народъ съ княземъ Мстиславомъ Юрьевичемъ, весь Софійскій клиръ, игумны и священники отправились въ монастырь Богородицы, взяли оттуда Аркадія, и торжественно ввели его во «дворъ св. Софіи», т. е. въ епископскія палаты. Онъ вступилъ въ управленіе Новогородскою церковью; а въ Кіевъ на посвященіе къ митрополиту Константину ѣздилъ уже черезъ два года. Это былъ первый выборный владыка Новогородскій. Преемникомъ Аркадія является знаменитый Илія, болѣе извѣстный подъ своимъ монашескимъ именемъ Іоанна. Онъ слишкомъ двадцать лѣтъ управлялъ Новогородскою церковью (1165—1186), и пріобрѣлъ такую народную любовь, что въ потомствѣ личность его окружилась легендарными разсказами. Такъ преданіе связало отраженіе войскъ Андрея Боголюбскаго отъ Новгорода съ молитвами Іоанна и съ чудеснымъ знаменемъ отъ иконы Богородицы, которую владыка по гласу свыше взялъ изъ церкви Спаса и вынесъ на городскую стѣну. Далѣе извѣстна легенда о томъ, какъ Іоаннъ, заключивъ бѣса въ умывальный сосудъ, съѣздилъ на немъ въ Іерусалимъ въ одну ночь, и какъ потомъ бѣсъ пытался отомстить святителю, являясь людямъ въ видѣ дѣвицы, выходящей изъ келліи владыки. Народъ осудилъ святаго мужа на изгнаніе и съ «великаго» Волховскаго моста спустилъ его на плотъ, отдавая на волю теченія; но плотъ

чудеснымъ образомъ поплылъ вверхъ, противъ быстрины, и остановился у Юрьева монастыря; при видѣ чуда люди раскаялись, и умоляли святителя о прощеніи. Іоаннъ-Илія былъ первый новогородскій владыка, получившій отъ кіевскаго митрополита титулъ архіепископа. Глубокое уваженіе къ нему народа основывалось не только на его личныхъ достоинствахъ, но главнымъ образомъ на томъ, что, будучи самъ новогородцемъ, Іоаннъ явился патріотомъ и усерднымъ поборникомъ новогородской самобытности противъ притязаній сильныхъ Суздальскихъ князей. Народное уваженіе выразилось и въ томъ, что преемникомъ ему назначили его роднаго брата по матери Гавріила, въ иночествѣ Григорія. Послѣдній правилъ церковью до 1193 года, въ которомъ скончался; онъ былъ погребенъ въ Софійскомъ соборѣ рядомъ съ братомъ.

По смерти Григорія Новогородцы приступили къ выбору владыки. Въ этомъ выборѣ вмѣстѣ съ народомъ и княземъ (Ярославомъ Владиміровичемъ) принимали участіе духовенство, т. е. игумны и священники, и кромѣ того «Софьяне»; такъ вѣроятно назывались причетники Софійскаго храма и мірскіе чиновники, состоявшіе при особѣ владыки. Самое вѣче происходило подлѣ св. Софіи. Здѣсь голоса раздѣлились: одни хотѣли поставить игумна Мартирія изъ Русы, другіе Митрофана, а третьи по прежнему обычаю какого-то «гречина» или монаха изъ Грековъ. По случаю такого разногласія впервые встрѣчаемъ въ Новгородѣ употребленіе жребія, по образцу Византіи. На соборной трапезѣ положили три свитка съ именами, и съ вѣча послали слѣпца, который вынулъ жребій Мартирія. Тогда привезли его изъ Русы и водворили во владычнихъ покояхъ; а потомъ, снесясь съ митрополитомъ, отправили вновь выбраннаго владыку на поставленіе въ Кіевъ, въ сопровожденіи «переднихъ мужей». Щедрые дары отъ богатаго Новгорода конечно имѣли немалое участіе въ томъ, что кіевскіе митрополиты изъ Грековъ такъ легко отступились въ пользу народнаго избранія отъ своего права назначать владыку.

Эти выборы однако не всегда были свободны отъ сторонняго вліянія. Такъ въ 1201 году, по смерти Мартирія, на архіепископскую каѳедру возведенъ помянутый выше Митрофанъ, очевидно по указанію суздальскаго князя Всеволода, и, когда

онъ отправился въ Кіевъ на поставленіе, то его сопровождали не одни новогородскіе, но и суздальскіе бояре. За то сей владыка не пользовался народною любовью, и является однимъ изъ немногихъ примѣровъ сверженія архіепископовъ. Строптивые Новогородцы часто мѣняли своихъ князей и посадниковъ; но единственную сколько нибудь прочную власть въ ихъ исторіи представляетъ духовный владыка. Десять лѣтъ Митрофанъ правилъ церковью. Но когда Новогородцы разсорились со Всеволодомъ III и приняли къ себѣ на столъ Мстислава Удалаго, тогда Митрофанъ былъ лишенъ своего сана; а на его мѣсто Новгородъ возвелъ бывшаго боярина Добрыню Ядрейковича, который постригся монахомъ въ Хутынскомъ монастырѣ. Этотъ Добрыня былъ мужъ книжный, извѣстный своимъ странствованіемъ въ Царьградъ, откуда онъ привезъ «гробъ господень», т. е. кіотъ, заключавшій въ себѣ изображеніе сего гроба. Кромѣ того онъ составилъ любопытное описаніе цареградскихъ святынь. Кіевскій митрополитъ не воспротивился даже такому народному своеволію, какъ сверженіе владыки, и посвятилъ Добрыню, который въ архіерействѣ названъ Антоніемъ. Это былъ одинъ изъ наиболѣе любимыхъ владыкъ; но ожесточенная борьба партій, какъ увидимъ впослѣдствіи, и его не оставила въ покоѣ.

Послѣ владыки важнѣйшими лицами новогородскаго духовенства были игумны монастырей, лежавшихъ въ самомъ городѣ и его окрестностяхъ. Число ихъ уже въ XII вѣкѣ простиралось до двадцати. Первое мѣсто между ними занимали Юрьевъ, Антоніевъ и Хутынскій. Многочисленность монастырей объясняется тѣмъ, что въ Новгородѣ не одни князья и княгини, какъ въ другихъ областяхъ, но вообще богатые и знатные люди усердствовали къ основанію обителей. Рѣдкая изъ важнѣйшихъ боярскихъ фамилій не имѣла монастыря, ею основаннаго или ею особо чтимаго и надѣляемаго отъ своихъ избытковъ. Глава подобной фамиліи обыкновенно желалъ послѣ смерти найти успокоеніе въ такой обители, а иногда подъ конецъ жизни принималъ въ ней иноческій санъ. Жены и дочери боярскія въ свою очередь любили основывать женскія обители, а также занимать въ нихъ мѣсто игуменьи ([25]).

Ядромъ Новогородской земли была область озера Ильменя, которое лежитъ именно тамъ, гдѣ оканчиваются сѣверозападные склоны Валдайскаго плоскогорья и начинается низменная полоса, которая простирается къ Финскому заливу и Ладожскому озеру. Треугольное озеро Ильмень представляетъ неглубокую впадину съ иловатымъ, отчасти каменистымъ, дномъ и пологими, болотистыми берегами. Оно служитъ водоемомъ для многочисленныхъ рѣкъ и ручьевъ, стекающихъ по упомянутымъ склонамъ. Наиболѣе значительныя изъ этихъ притоковъ суть: Мста, Пола, Ловать, Полистъ и Шелонь; верховьями своими они образуютъ широкій полукругъ съ южной стороны озера. Вообще ихъ верхнее теченіе имѣетъ каменистопесчаное русло, обрывистые берега, нерѣдко заграждено порогами и отличается довольно быстрымъ теченіемъ. Только въ нижнихъ частяхъ своихъ они судоходны. Впрочемъ изъ нихъ Ловать во время весенней воды составляла часть Великаго или Греческаго пути изъ южной Руси въ Сѣверную. Стокомъ для всѣхъ этихъ водъ, наполняющихъ Ильменскую впадину, служитъ только одна рѣка, знаменитый Волховъ; онъ почти въ прямомъ направленіи течетъ на сѣверъ въ Ладожское озеро, посреди отлогихъ равнинъ, обильныхъ лугами. Теченіе его тихое; но въ нижнихъ частяхъ Волховъ катитъ свои мутныя воды въ довольно крутыхъ берегахъ, изрѣзанныхъ оврагами и долинами, по которымъ струится въ него множество потоковъ и рѣчекъ. Тутъ дно рѣки на протяженіи нѣсколькихъ верстъ представляетъ плитяные уступы или пороги, которые дѣлаютъ судоходство по ней свободнымъ только при весенней водѣ, а противъ теченія (взводное) возможнымъ только съ помощью бичевы.

У самой вершины Волхова, верстахъ въ четырехъ отъ его истока, широко раскинулся Великій Новгородъ, на обоихъ низменныхъ берегахъ рѣки. Гдѣ находилось древнѣйшее поселеніе, зерно этого города, на правобережной Торговой сторонѣ или на лѣвобережной Софійской, о томъ не сохранилось никакихъ свидѣтельствъ. По всей вѣроятности онъ составился постепенно изъ нѣсколькихъ сосѣднихъ селеній. Въ историческое время онъ является уже раздѣленнымъ на части или концы, число которыхъ въ эпоху Предтатарскую простиралось до пяти: два на Торговой сторонѣ, Славянскій и Плот-

рницкій, и три на Софійской, Людинъ, Загородскій и Неревскій. Послѣдніе три конца были расположены полукругомъ около Софійскаго кремля или дѣтинца, который и составлялъ средоточіе Великаго Новгорода. Дѣтинецъ расширенъ и укрѣпленъ новыми стѣнами еще во время княженія Мстислава Мономаховича. Стѣны эти уже въ то время могли быть каменныя, и въ особенности ихъ башни. Нѣкоторыя изъ башенъ заключали проѣздныя ворота, надъ которыми согласно благочестивому обычаю устроивались церкви или часовни. По такимъ церквамъ обыкновенно назывались и самыя ворота; таковы: Богородицкія, выходившія на большой Волховскій мостъ, Спасскія, Покровскія, Владимірскія и пр. Новогородскій дѣтинецъ или собственно *городъ* заключалъ въ себѣ главную святыню Великаго Новгорода, соборный храмъ во имя св. Софіи или Премудрости Божіей, съ находящимся подлѣ него владычнимъ дворомъ.

Новогородская Софія, подобно Кіевской, имѣетъ двойные портики по сторонамъ главнаго нефа, съ массивными четырехгранными столпами, на которыхъ утверждены арки и верхи храма. Внутри его господствуетъ тотъ же таинственный полусвѣтъ; кровля и куполы также обиты свинцомъ. Но онъ нѣсколько менѣе объемомъ, имѣетъ всего три основныхъ алтарныхъ полукружія, пять куполовъ и одну круглую вежу, ведущую на хоры, въ правомъ углу нартекса или западнаго притвора (надъ этой вежей возвышается теперь шестая глава собора). Внутренность храма покрыта фресковою стѣнною иконописью; а мусія ограничилась только немногими украшеніями въ алтарѣ по сторонамъ горняго мѣста. Наиболѣе знаменитую и величественную икону представляетъ написанное въ главномъ куполѣ изображеніе Спасителя, отличающееся строгимъ ликомъ и на половину сжатою десницею. По поводу послѣдней сложилось потомъ слѣдующее сказаніе. Цареградскіе иконописцы, по повелѣнію епископа Луки Жидяты, написали Спасителя съ рукою благословляющею; на другой день она оказалась сжатою. Три раза они исправляли десницу, но тщетно. На четвертый день услышали голосъ: «Писари, писари, не пишите мнѣ благословляющую руку, но пишите сжатую; азъ въ сей руцѣ моей Новгородъ держу; а когда сія рука моя распрострется, тогда будетъ граду сему окончаніе».

Главныя или западныя врата храма извѣстны подъ именемъ Корсунскихъ. Онѣ состоятъ изъ двухъ деревянныхъ половинъ, которыя съ наружной стороны покрыты литыми бронзовыми дощечками, представляющими лики и сцены изъ Священной исторіи, съ латинскими и славянскими надписями. Эти доски очевидно нѣмецкой работы, и, судя по изображенію на нихъ магдебургскаго архіепископа Вихмана, были сдѣланы не ранѣе второй половины XII вѣка въ саксонскомъ городѣ Магдебургѣ, который славился своими литейщиками. Когда и какими путями они попали въ Новгородскую Софію, доселѣ остается неразъясненнымъ. Точно также не вполнѣ извѣстно происхожденіе южныхъ вратъ храма, называемыхъ Сигтунскими или Шведскими. Они обложены металлическими листами съ изображеніями крестовъ, листьевъ, звѣздъ, работы болѣе изящной нежели на Корсунскихъ вратахъ. По словамъ преданія, Шведскія врата во второй половинѣ XII вѣка вывезены изъ шведскаго города Сигтуны въ числѣ добычи, взятой при морскомъ набѣгѣ на этотъ городъ Новгородцами вмѣстѣ съ Эстами и Карелами.

Притворы Софійскаго храма съ самаго его основанія сдѣлались мѣстомъ погребенія для нѣкоторыхъ князей и многихъ святителей новгородскихъ; напримѣръ, здѣсь покоятся: самъ строитель собора Владиміръ Ярославичъ съ матерью своей Анной, Мстиславъ Ростиславичъ Храбрый, Іоакимъ Корсунянинъ, первый новгородскій епископъ, Лука Жидята, св. Никита (бывшій затворникъ Кіевопечерской обители), архіепископы св. Іоаннъ и Мартирій Рушанинъ. По имени послѣдняго южный притворъ храма названъ «Мартирьевскою папертью». Сіяніе святости, окружившее память этихъ мужей въ мѣстныхъ преданіяхъ, увеличивало славу соборнаго храма и народную къ нему привязанность. Софійскій соборъ сдѣлался не только главною святынею Великаго Новгорода, но и символомъ его гражданской жизни: «постоять за св. Софью» означало на языкѣ Новгородцевъ оборону своей политической самобытности.

Къ соборному храму примыкали архіепископскіе покои, которые назывались «домомъ св. Софіи». Они служили мѣстомъ церковнаго управленія и владычняго суда. Наиболѣе просторная палата этого дома по обычаю именовалась «сѣнями». Отсюда и произошло выраженіе «возводить на сѣни»:

новоизбраннаго владыку вводили въ эту палату, и тѣмъ самымъ онъ уже вступалъ въ управленіе Новогородскою церковью; хотя полными своими правами пользовался только послѣ хиротоніи или своего посвященія митрополитомъ. Софійскій соборъ съ принадлежащими къ нему или придѣльными храмами имѣлъ многочисленный причтъ священниковъ, дьяконовъ, клирошанъ и прочихъ церковнослужителей. Большіе расходы на содержаніе владыки и причта покрывались отчасти десятиною изъ княжихъ доходовъ (даней, виръ и продажъ), установленною грамотами старыхъ князей. Святославъ Ольговичъ, во время своего новогородскаго княженія, установилъ вмѣсто десятины выдавать владыкѣ и соборному храму опредѣленную сумму во сто гривенъ изъ княжихъ доходовъ. Кромѣ того они получали пошлины съ церковныхъ судовъ, а также съ торговыхъ мѣръ и вѣсовъ, съ соляныхъ варницъ и пр. При объѣздахъ по своей епархіи владыка получалъ еще особую дань отъ каждаго погоста. Но главный источникъ доходовъ владыки и Софійскаго собора составляли тѣ земли и разныя угодья, которыя не только князья, но и другіе богатые люди жертвовали въ пользу церкви, преимущественно на поминъ своей души. Поземельныя владѣнія архіепископскія вскорѣ можно было встрѣтить почти во всѣхъ краяхъ Новогородской земли, и притомъ населенныя; на нихъ сидѣли не только отдѣльныя села, но впослѣдствіи и цѣлыя волости. Слѣдовательно новогородскій владыка имѣлъ полную возможность удовлетворять расходамъ, соотвѣтственнымъ его сану и его высокому политическому положенію.

Кромѣ Софійскаго собора въ дѣтинцѣ было еще нѣсколько храмовъ, и между ними каменный въ честь Бориса и Глѣба, построенный богатымъ новогородскимъ гостемъ Сотко Сытиничемъ на мѣстѣ первоначальнаго, деревяннаго храма св. Софіи, который сгорѣлъ въ 1045 году. Борисоглѣбскій храмъ стоялъ надъ самымъ Волховомъ на концѣ «Пискуплей» (т. е. Епископской) улицы, на которой вѣроятно жилъ софійскій или архіерейскій причетъ.

На югозападной или ильменской сторонѣ къ дѣтинцу примыкалъ конецъ Людинъ съ своими улицами Редятиной и Волосовой. На послѣдней стояла деревянная церковь св. Власія, которая, по преданію, была основана на мѣстѣ Волосова ка-

ница; въ этой церкви священствовалъ знаменитый Илья (св. Іоаннъ) до своего избранія въ епископы. Сѣверозападную часть Софійской стороны занималъ конецъ Неревскій, простиравшійся до рѣчки Гзени, впадающей въ Волховъ; а его улица ближайшая къ дѣтинцу называлась Разважа. Между этой улицей и сосѣдней, Шпрковой, стояла каменная церковь Ѳеодора Тирона, подобно Борисоглѣбской построенная богатымъ купцомъ Войгостомъ. Кромѣ нея изъ многихъ церквей Неревскаго конца замѣчательна св. Якова, отъ которой и самая улица называлась Яковлевой; она была прежде деревянная, но во время священника Германа Воялы передѣлана въ каменную. По извѣстію Новогородской лѣтописи этотъ Германъ Воята служилъ у св. Якова сорокъ пять лѣтъ и скончался въ 1185 г. (Едва ли онъ не былъ первымъ составителемъ самой Новогородской лѣтописи). Между концами Неревскимъ и Людинымъ находился еще третій конецъ Софійской стороны, Загородскій. Онъ былъ меньше другихъ по объему, и, кажется, заключалъ только двѣ значительныя улицы, Чудинцеву и Прусскую; но обитатели его имѣли въ своей средѣ много богатыхъ и знатныхъ семей. Особенно подобнымъ, такъ сказать аристократическимъ, населеніемъ отличалась Прусская улица. Къ ея жителямъ принадлежала семья знаменитаго посадника Твердислава Михалковича. Отецъ его Михалко Степановичъ въ 1176 году построилъ деревянную церковь въ честь своего ангела, т. е. архистратига Михаила; а, спустя сорокъ три года, Твердиславъ вмѣсто деревяннаго соорудилъ каменный храмъ съ стѣнною или фресковою иконописью. Его современникъ, другой богатый новогородецъ, Милонѣгъ на той же Прусской улицѣ построилъ каменную церковь Вознесенья, также украшенную фресковою иконописью.

Какъ дѣтинецъ составлялъ особую часть Софійской стороны, непринадлежавшую ни къ какому концу, и служилъ религіознымъ средоточіемъ Великаго Новгорода; такъ на Торговой сторонѣ Ярославовъ дворъ съ прилежащимъ къ нему Торгомъ былъ средоточіемъ управленія и торговли, и имѣлъ свои особыя власти, хотя и занималъ часть Славянскаго конца. Эта часть лежала на правомъ берегу Волхова, насупротивъ дѣтинца. Здѣсь стоялъ княжій теремъ, вѣроятно основанный или распространенный Ярославомъ I; а подлѣ него находился ка-

менный храмъ, сооруженный Мстиславомъ Мономаховичемъ во имя Николая Чудотворца, котораго мощи въ его время были перенесены изъ Миръ Ликійскихъ въ итальянскій городъ Баръ. Княжій дворъ, какъ извѣстно, служилъ въ древней Руси мѣстомъ главнаго судилища, а также мѣстомъ собранія городскихъ мужей, которыхъ князь призывалъ на совѣтъ въ важныхъ случаяхъ. Съ ослабленіемъ княжеской власти въ Новгородѣ и усиленіемъ народоправленія этотъ дворъ пріобрѣлъ по преимуществу вѣчевое значеніе. Тутъ около храма Николая стояли звонница съ вѣчевымъ колоколомъ, изба для вѣчевыхъ дьяковъ и помостъ или такъ наз. «вѣчевая степень», на которой помѣщались посадникъ, тысяцкій и другія власти, и откуда они обращались къ народу.

Отъ Ярославова двора по берегу Волхова шла широкая площадь, извѣстная подъ именемъ Торговища. Здѣсь въ особенности сосредоточивалась торговля Новгорода съ иноземными гостями; подлѣ стояли дворы Нѣмецкій и Готскій съ различными строеніями, въ которыхъ жили иноземные торговцы и находились склады ихъ товаровъ. На одной сторонѣ Торговища, рядомъ съ Никольскимъ соборомъ, возвышался храмъ Параскевы Пятницы, сооруженный «заморскими» купцами, т. е. тѣми Новогородцами, которые посылали свои товары за море. А съ другой стороны Торговище простиралось почти до церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ или на Петрятинѣ дворищѣ. Эта каменная церковь была заложена Всеволодомъ - Гавріиломъ Мстиславичемъ въ 1127 г., и надѣлена отъ него особыми льготами и доходами. Такъ въ ея пользу предоставлены пошлины съ воску, и при ней находились самые вѣсы, на которыхъ взвѣшивали воскъ; ей принадлежали пошлины съ товарныхъ складовъ на сосѣднемъ Волховскомъ побережьѣ (буянѣ). При этомъ храмѣ состояло особое купеческое товарищество или артель, члены которой вносили по пятидесяти гривенъ серебра въ свою общую казну. Повидимому, главная привилегія этой артели заключалась въ оптовой торговлѣ съ Нѣмцами и Готландцами. Она избирала изъ своей среды старостъ, которые завѣдывали доходами Предтеченской церкви и присутствовали на судѣ тысяцкаго. Этотъ судъ совершался при храмѣ Іоанна Предтечи, и главнымъ образомъ состоялъ въ разборѣ спорныхъ дѣлъ, возникавшихъ между туземными и иноземными

ными гостями. Готскій дворъ имѣлъ свою католическую церковь («варяжскую божницу», какъ ее называли Русскіе) во имя св. Олава, а Нѣмецкій свою особую, во имя св. Петра. Послѣдняя была построена на мѣстѣ православнаго храма Іоанна Крестителя, который перенесли нѣсколько далѣе (1184 г.). По этому поводу сложилась позднѣе такая легенда. Нѣмецкіе гости просили позволенія поставить свою церковь; владыка новогородскій сначала отказалъ имъ. Тогда Нѣмцы стали грозить, что и въ своей землѣ не дозволятъ строить православныя церкви. Посадникъ Добрыня, подкупленный ими, склонилъ народное вѣче не только согласиться на просьбу Нѣмцевъ, но и отдать имъ то мѣсто, на которомъ уже стояла церковь Іоанна Крестителя. Вслѣдъ за тѣмъ Добрыня подвергся небесной карѣ: когда онъ переправлялся въ лодкѣ черезъ Волховъ, внезапно поднялся вихрь, опрокинулъ лодку, и посадникъ утонулъ. Волховское побережье Торговища, наполненное торговыми складами и лавками, служило главною пристанью для торговыхъ судовъ; вообще это было самое оживленное, самое многолюдное мѣсто въ городѣ. Тутъ же находился и «великій мостъ», который съ Ярославова двора велъ черезъ Волховъ прямо въ дѣтинецъ.

Славянскій конецъ, котораго главная улица называлась Славно, простирался до Ѳедорова ручья, впадающаго въ Волховъ съ правой стороны. А за этимъ ручьемъ до слѣдующей рѣчки Витки лежалъ конецъ Плотницкій. Самое названіе его показываетъ, что первоначально онъ былъ поселеніемъ ремесленниковъ, особенно плотничьихъ мастеровъ, которыми въ древности славился Великій Новгородъ. Что здѣсь селились не одни плотники, указываютъ названія старинныхъ улицъ: Молоткова, Котельницкая, Щитная и др.

Пять означенныхъ концевъ съ внѣшней своей стороны были окопаны рвомъ и валомъ, и укрѣплены деревянными стѣнами, т. е. срубами, засыпанными землей, а также огорожены тыномъ или частоколомъ; но башни или костры, заключенные въ этихъ валахъ, могли быть сооружены изъ камня, покрайней мѣрѣ нѣкоторые. Впрочемъ незамѣтно вообще, чтобы Новгородцы прилагали большое стараніе объ укрѣпленіи своего города. Самою надежною защитою отъ непріятельскихъ нападеній служили имъ топкія болотистыя окрестности и дремучіе лѣса. Кромѣ топей

и болотъ окрестности эти изрѣзаны цѣлою сѣтью рѣчекъ, ручьевъ, волховскихъ протоковъ и озеръ; изъ послѣднихъ самое большое Мячино, которое тянется на лѣво отъ Волховскаго верховья почти вплоть до Софійской стороны. Направо Волховъ по выходѣ изъ Ильменя отдѣляетъ рукавъ Волховецъ, а подъ самой Торговой стороной другой рукавъ Жилотугъ, который потомъ соединяется съ Волховцемъ. Между истоками этихъ двухъ рукавовъ лѣвый берегъ Волхова образуетъ небольшое возвышеніе; здѣсь-то и находилось такъ называемое Городище или загородный княжій дворъ, расположенный верстахъ въ трехъ отъ города. Князья новгородскіе съ XII вѣка рѣдко жили въ самомъ Новгородѣ, и пріѣзжали на Ярославовъ дворъ только въ случаяхъ надобности. Обычнымъ же ихъ пребываніемъ было село Городище, гдѣ около княжаго терема и гридницы помѣщались жилища его дружины, его охота и разныя хозяйственныя принадлежности. Здѣсь усердіемъ князей сооружено нѣсколько придворныхъ храмовъ, и между прочимъ церковь Благовѣщенія, построенная Мстиславомъ Мономаховичемъ. Этой церкви было подарено имъ богатоукрашенное евангеліе, сохранившееся до нашего времени, и извѣстное подъ именемъ «Мстиславова» (хранится въ Москов. Архангельск. соборѣ). Кромѣ Городища окрестности Новгорода обиловали другими селеніями и посадами. Особенно многочисленны были поселки монастырскіе. Великій Новгородъ количествомъ своихъ храмовъ превосходилъ всѣ другіе города древней Руси (по однимъ лѣтописямъ ихъ можно насчитать болѣе пятидесяти); точно также ни одинъ городъ не могъ поспорить съ нимъ числомъ окрестныхъ монастырей. Почти всѣ мѣста, наиболѣе удобныя для поселенія, вокругъ Новгорода, т. е. болѣе сухія и возвышенныя, были заняты обителями.

Древнѣйшимъ и знаменитѣйшимъ изъ новгородскихъ монастырей былъ Георгіевскій или Юрьевъ, на лѣвой сторонѣ Волховскаго верховья, насупротивъ Городища. Основаніе его возводится преданіемъ ко времени Ярослава-Георгія. Но строителемъ каменнаго Георгіевскаго храма и щедрымъ покровителемъ этой обители былъ все тотъ же любимый Новгородцами Мстиславъ Владиміровичъ съ своимъ сыномъ Всеволодомъ-Гавріиломъ. Извѣстна грамота, данная ими Юрьеву мо-

пастырю на нѣкоторыя земли и судныя пошлины. Въ числѣ главныхъ вкладчиковъ въ эту обитель очевидно была богатая семья посадника Мирошки Нездилича; самъ онъ умеръ здѣсь монахомъ; а подлѣ отца погребенъ и сынъ его посадникъ Дмитрій. Игуменъ Юрьевскаго монастыря занималъ первое мѣсто между другими игумнами, и, судя по лѣтописи, назывался «новогородскимъ архимандритомъ». Избраніе его почиталось на столько важнымъ, что въ немъ принимали участіе всѣ новогородскія власти. Такъ въ 1226 г. игуменъ Саватій, чувствуя приближеніе кончины, призвалъ къ себѣ владыку Антонія, посадника Иванка и другія почетныя лица, и просилъ ихъ сообща съ юрьевскою братьею выбрать своего преемника. Выборъ палъ на какого-то Гречина, священника при церкви Константина и Елены, котораго немедленно постригли въ иноки; а затѣмъ владыка соборне поставилъ его игумномъ.

Ближайшія къ Юрьеву обители были: Перынскій, у самаго истока Волхова изъ Ильменя, основанный по преданію на холмѣ, гдѣ стояло капище Перуна, и Пантелеймоновъ, на берегу озера Мячина, основанный вѣроятно Изяславомъ II — Пантелеймономъ; по крайней мѣрѣ сохранилась его грамота этому монастырю. Нѣсколько далѣе отъ Юрьева на берегу того же Мячина озера находился монастырь Благовѣщенскій, учрежденный святымъ владыкою Іоанномъ и его братомъ Григоріемъ. Построеніе каменнаго храма въ этой обители народъ украсилъ такою легендою. Когда у братьевъ-строителей недостало денегъ на окончаніе зданія, они обратились съ молитвою къ Богородицѣ. На другой день у воротъ монастыря явился конь, навьюченный двумя мѣшками, съ серебромъ и золотомъ; мѣшки сняли, и конь исчезъ. Подлѣ Благовѣщенскаго стоялъ другой монастырь въ честь Богородицы, Аркажскій, названный такъ по имени игумна Аркадія, перваго выборнаго владыки Новогородскаго. Въ этомъ монастырѣ, подобно своему отцу Михалку, постригся и погребенъ знаменитый посадникъ Твердиславъ; тогда какъ жена его постриглась въ женскомъ новогородскомъ монастырѣ Св. Варвары. Кромѣ послѣдняго извѣстны еще древнѣйшіе женскіе монастыри: Воскресенскій, на берегу озера Мячина, и Покровскій-Звѣринъ, на берегу Волхова за Неревскимъ концомъ. Судя по названію, надо полагать, что вблизи него находился княжій звѣринецъ.

Переходя съ лѣваго волховскаго берега на правый, у самаго Плотницкаго конца встрѣчаемъ Антоніевъ монастырь, основанный въ началѣ XII вѣка въ честь Рождества Богородицы. Антоній Римлянинъ является однимъ изъ первыхъ мѣстночтимыхъ святыхъ Великаго Новгорода. Житіе его краснорѣчиво повѣствуетъ о томъ, какъ Антоній чудесно приплылъ на камнѣ изъ Рима въ Новгородъ, какъ онъ соорудилъ богатый храмъ Рождественскій на томъ мѣстѣ, гдѣ присталъ камень, и основалъ при немъ обитель. Но лѣтопись Новогородская ограничивается только короткимъ упоминаніемъ о заложеніи «игумномъ Антоніемъ» каменнаго храма Богородицы въ 1117 году, о сооруженіи имъ каменной монастырской трапезницы и его кончинѣ, послѣдовавшей въ 1147 году. Далѣе, верстахъ въ десяти внизъ по Волхову, на возвышеніи праваго берега красуется монастырь Хутынскій, основанный въ концѣ XII вѣка другимъ мѣстнымъ святымъ, Варлаамомъ. Онъ въ міру назывался Олекса Михалевичъ, былъ уроженецъ Великаго Новгорода, сынъ достаточныхъ родителей. Подобно Ѳеодосію Печерскому и другимъ угодникамъ, онъ съ юныхъ лѣтъ имѣлъ влеченіе къ иноческой жизни и долго ходилъ по разнымъ пустынямъ, пока не основалъ собственной обители на мѣстѣ, называемомъ Хутынь. Лѣтопись Новогородская подъ 1192 годомъ занесла извѣстіе о сооруженіи на Хутынѣ храма въ честь Спаса Преображенія чернецомъ Варлаамомъ. Владыка Гавріилъ освятилъ и храмъ и основанный при немъ монастырь; а въ слѣдующемъ году Варлаамъ уже скончался. Покровительствуемый нѣкоторыми боярскими семьями, одаренный землями, рыбными ловлями и другими угодьями, Хутынскій монастырь вскорѣ занялъ важное мѣсто въ числѣ новогородскихъ святынь, на ряду съ монастырями Юрьевымъ и Антоньевымъ; а основатель его сдѣлался однимъ изъ любимыхъ героевъ новогородскихъ легендъ.

Въ окрестностяхъ Славянскаго конца и Городища, на правомъ берегу Волховца, на пригоркѣ Нередица находился монастырь Спасъ-Нередицкій. Основателемъ его былъ тотъ самый безъудѣльный князь Ярославъ Владиміровичъ, который три раза сидѣлъ на Новогородскомъ столѣ. Лѣтомъ 1198 года онъ построилъ здѣсь храмъ Спасо-Преображенскій, который уцѣлѣлъ до нашего времени въ первобытномъ своемъ видѣ и

служитъ однимъ изъ самыхъ любопытныхъ памятниковъ Новогородской старины. Это небольшой квадратъ съ тремя обычными алтарными полукружіями, съ узкими окнами и голосниками, т. е. глиняными кувшинами, вдѣланными въ своды и стѣны. Замѣчательна особенно фресковая стѣнная иконопись въ довольно строгомъ византійскомъ стилѣ съ полугреческими, полуславянскими надписями. Между прочимъ тутъ на южной стѣнѣ подъ хорами изображенъ самъ основатель храма князь Ярославъ. По обычаю византійскому, онъ стоя держитъ въ рукахъ сооруженную имъ церковь; а передъ нимъ сидитъ Спаситель благословляющій. Ярославъ изображенъ въ обычной княжеской одеждѣ: на немъ небольшой клобукъ съ мѣховымъ околышемъ и верхній плащъ или корзно изъ дорогой шелковой ткани съ разноцвѣтными узорами. Князь имѣетъ продолговатое лицо съ крупнымъ носомъ, большими глазами, довольно длинными темными волосами и бородою. Вообще это портретное изображеніе есть почти единственный въ такомъ родѣ и потому очень драгоцѣнный для насъ памятникъ русской Домонгольской старины.

Далѣе заслуживаютъ упоминанія изъ окрестностей Новгорода: Рождественскій монастырь въ сосѣдствѣ Плотницкаго конца съ своими скудельницами или кладбищемъ; поле Волотово на правомъ берегу Волховца съ сопкою или могильнымъ курганомъ, который позднѣйшіе книжники назвали могилою миѳическаго Гостомысла; а также монастырь Николы на Липнѣ посреди топкихъ болотъ, около впаденія рѣки Мсты въ озеро Ильмень. Основаніе его, по словамъ преданія, принадлежитъ Мстиславу Мономаховичу: въ память своего исцѣленія отъ тяжкой болѣзни дѣйствіемъ чудотворной иконы Св. Николая, князь соорудилъ въ его имя во первыхъ соборный храмъ на Ярославовомъ дворѣ, а во вторыхъ монастырь близъ того мѣста, гдѣ обрѣтена икона. Насупротивъ этого монастыря по другую сторону озера Ильменя лежитъ княжее село Ракома, въ которомъ живалъ еще Ярославъ I, когда сидѣлъ на Новогородскомъ столѣ ([26]).

Отлогія Ильменскія прибрежья заняты были не одними пустынными пространствами; онѣ пестрѣли также лугами, рощами, монастырскими поселками, рыбачьими слободами. Изъ

послѣднихъ наиболѣе извѣстна Взвадъ или Озвадъ, на устьѣ Ловати; въ лѣтнюю пору здѣсь производилась и княжая охота на звѣря. Этотъ южный берегъ, заключенный между устьями Шелони и Ловати, возвышеннѣе и круче другихъ береговъ, и мѣстами состоитъ изъ плитяныхъ утесовъ. На той же южной сторонѣ Ильменя лежитъ одинъ изъ главныхъ новогородскихъ пригородовъ, Руса, по обѣимъ сторонамъ Полиста, въ который впадаетъ въ самомъ городѣ рѣчка Порусья. Расположенная въ открытой ровной мѣстности, Руса по обычаю состояла изъ внутренней крѣпости или дѣтинца и внѣшняго города или посада. Здѣсь находился Спасопреображенскій монастырь, въ которомъ игуменъ Мартирій построилъ каменный храмъ Спаса; вскорѣ затѣмъ этотъ игуменъ былъ избранъ на владычнюю каѳедру Новогородскую. Руса замѣчательна въ особенности своими соляными источниками, изъ которыхъ уже съ давнихъ временъ жители выварпвали соль. Нѣсколько ниже города Полистъ соединяется съ Ловатью, недалеко отъ ея впаденія въ Ильмень; такимъ образомъ Руса въ лѣтнее время имѣла съ Новгородомъ судовое сообщеніе. Рѣка Ловать, впадающая въ озеро нѣсколькими рукавами, представляетъ одну изъ главныхъ водяныхъ артерій Новогородской земли. Она была частію великаго воднаго пути изъ Варягъ въ Греки. Имѣя тихое, спокойное теченіе въ нижней своей части, она быстра и порожиста въ средней; однако была сплавною и даже судоходною во время весенней воды, начиная отъ самыхъ Лукъ. Этотъ городъ (послѣ *Великія Луки*) лежитъ уже въ южномъ краю Новогородской земли, на пограничьѣ съ Полоцкой и Смоленской, въ мѣстности волнистой и покрытой густыми лѣсами. Вслѣдствіе своего пограничнаго значенія, Луки были довольно хорошо укрѣпленнымъ городомъ. Съ конца XII вѣка, когда упала сила Полоцкаго княженія и оно начало подпадать Литовскому вліянію, Луки почитались *оплечьемъ* Новгороду отъ Литвы, и въ княженіе Ярослава Владиміровича здѣсь, для охраненія границъ, сидѣлъ сынъ его Изяславъ, который тутъ и скончался лѣтомъ 1198 г. А осенью того же года Полочане вмѣстѣ съ Литвою уже воспользовались смертью князя, напали на Луки, и сожгли посадъ, но не могли взять самаго города.

Какъ Луки съ конца XII вѣка служили оплечьемъ съ юго-запада, отъ Литвы, такъ и другой еще болѣе важный при-

городъ, Псковъ или Плесковъ, около того же времени явился главнымъ оплотомъ Новогородской земли съ запада, отъ Нѣмцевъ, утвердившихся въ Прибалтійскомъ краѣ. Этотъ городъ расположился на правомъ берегу рѣки Великой, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ ея впаденія въ Чудское озеро, посреди низменной ровной области, изобилующей озерами, болотами и песчаными холмами. Ядро города или дѣтинецъ стоитъ на возвышенномъ мысу, который образуется впаденіемъ рѣчки Псковы въ Великую; тутъ красуется главная псковская святыня, каменный соборъ Св. Троицы, съ гробницею своего строителя Всеволода Гавріила. Посадъ, примыкавшій къ этому дѣтинцу, впослѣдствіи получилъ названіе Кромы или Застѣнья, хотя въ свою очередь онъ былъ тоже укрѣпленъ каменною стѣною. На другой сторонѣ Псковы возникла часть города, называемая Запсковьемъ; а слобода, расположенная за рѣкою Великою, назвалась Завеличьемъ; тамъ былъ монастырь и каменный храмъ Св. Спаса, построенный владыкою Нифонтомъ. Извѣстняковая плита, залегающая подъ глинистою и песчаною почвою окрестной мѣстности, доставляла обильный матерьялъ для каменныхъ храмовъ и стѣнъ Пскова.

Предпріимчивый, промышленный духъ, войны съ сосѣдними Латышами и Чудью и дани, съ нихъ собираемыя, содѣйствуя обогащенію жителей, рано возбудили въ нихъ стремленіе къ политической самобытности. Уже въ XII вѣкѣ Псковитяне пытаются стать въ независимыя отношенія къ Великому Новгороду. Первая попытка, какъ извѣстно, произошла при Всеволодѣ Гавріилѣ, который, будучи изгнанъ изъ Новгорода, нашелъ убѣжище въ Псковѣ. Послѣ его смерти Псковъ снова является новогородскимъ пригородомъ; но нерѣдко получаетъ отдѣльнаго князя, особенно съ началомъ опаснаго сосѣдства Нѣмцевъ, когда усилилась потребность въ оборонѣ Новогородской земли съ этой стороны. Въ тоже время усилилось и торговое значеніе Пскова: онъ сдѣлался главнымъ посредникомъ въ сухопутныхъ сношеніяхъ Сѣверной Руси съ Ригою и другими нѣмецкими городами въ Ливоніи. Псковское же судоходство принуждено было ограничиться протяженіемъ длиннаго Чудскаго озера и нижними частями нѣкоторыхъ его притоковъ. Принимая въ себя множество рѣкъ и рѣчекъ, озеро имѣетъ своимъ стокомъ рѣку Нарову, впадающую въ

Финскій заливъ. Неподалеку отъ своего устья эта рѣка преграждается плитянымъ уступомъ или извѣстнымъ Нарвскимъ порогомъ, который запиралъ доступъ къ морю судамъ, плавающимъ по Чудскому озеру. Верстахъ въ тридцати къ западу отъ Пскова на самомъ пограничьѣ съ Ливоніей стоялъ древній Изборскъ, когда-то главное русское поселеніе въ томъ краю. Находясь въ сторонѣ отъ рѣчныхъ путей, онъ съ возвышеніемъ Пскова началъ терять свое прежнее значеніе.

Изъ всѣхъ новогородскихъ пригородовъ въ эпоху до-Татарскую только одинъ могъ поспорить со Псковомъ своимъ торговымъ и политическимъ значеніемъ. Это Ладога. Она лежала на лѣвомъ берегу Волхова, верстахъ въ десяти отъ впаденія его въ Ладожское озеро; была крайнимъ сѣверорусскимъ узломъ того торговаго движенія, которое совершалось по Великому водному пути, и служила пристанью, куда издавна приходили варяжскіе корабли. Далѣе вверхъ по Волхову эти морскіе суда не могли слѣдовать; ибо въ нѣсколькихъ верстахъ уже встрѣчались Волховскіе пороги. Около послѣднихъ товары обыкновенно перегружались на болѣе мелкія суда и только въ вешнюю пору могли съ помощью бичевы пройти пороги противъ теченія; а въ другое время товары перевозились на телѣгахъ мимо пороговъ до пристани Гостинаго Поля, гдѣ снова нагружались на лодки; или же товарное сообщеніе Ладоги съ Новгородомъ совершалось обозами по санному пути. Богатство и важное значеніе Ладоги привлекали изъ за моря не однихъ торговцевъ, но также пиратовъ и завоевателей. Шведы не разъ приплывали съ войскомъ и пытались захватить въ свои руки этотъ городъ, какъ ключъ къ Великому Новгороду. Ладога кромѣ того служила опорнымъ пунктомъ новогородскаго господства надъ сосѣднею Чудью и Карелою. По всѣмъ этимъ причинамъ объ ея укрѣпленіи прилагались особыя заботы. Во время великаго княженія Мономаха и новогородскаго княженія сына его Мстислава, ладожскій посадникъ Павелъ заложилъ вокругъ дѣтинца каменныя стѣны, вмѣсто прежнихъ деревянныхъ (1116 г.) Сохранившіеся доселѣ остатки ладожскихъ стѣнъ показываютъ, что онѣ были построены изъ булыжныхъ камней и плитняка съ дубовыми связями; по угламъ возвышаются круглыя башни съ узкими

продолговатыми отверстіями для метанія стрѣлъ. Здѣсь также какъ во Псковѣ каменнымъ постройкамъ способствовали въ изобиліи разсѣянные по окрестной странѣ породы плитняка. Владыка Нифонтъ построилъ въ Ладогѣ каменный храмъ во имя св. Климента. Внутри дѣтинца была еще каменная церковь св. Георгія, которая, подобно помянутой выше Спасо-Нередицкой церкви, служитъ въ наше время любопытнымъ образцомъ древнихъ новогородскихъ храмовъ и ихъ стѣннаго фресковаго расписанія. Въ Ладогѣ, какъ и въ Новгородѣ, проживали при своихъ складахъ купцы готландскіе; въ XIII вѣкѣ находимъ здѣсь латинскую церковь во имя св. Николая; она, вѣроятно, находилась на той улицѣ, которая называлась «Варяжскою».

Новогородскія суда, отправляясь изъ Ладоги въ Готландъ, переплывали бурное озеро Нево или Ладожское, и потомъ широкою, многоводною Невой выходили въ море. Любопытно, что въ ту эпоху мы не видимъ со стороны сѣверной Руси стремленія какой-либо твердыней закрѣпить за собою этотъ конецъ Великаго воднаго пути и стать прочною ногою на самомъ устьѣ Невы; хотя тамъ и собирались дани съ окрестныхъ ей чудскихъ народцевъ. Только впослѣдствіи (въ XIV вѣкѣ) Новогородцы какъ бы спохватились и построили укрѣпленіе на Орѣховомъ островѣ, при выходѣ Невы изъ Ладожскаго озёра. Слѣдовательно и на этой главной водной вѣтви мы видимъ тоже явленіе, какъ и на Двинѣ. Медленно, постепенно распространяла Русь свои поселенія на сѣверо-западъ, и не особенно стремилась къ морскимъ берегамъ, сохраняя старо-давнюю привычку къ излюбленному судоходству по многочисленнымъ и многотруднымъ рѣчнымъ путямъ Восточной Европы.

На другомъ краю Новогородской земли, на порубежьѣ съ Суздальскими владѣніями находилось также укрѣпленное и вмѣстѣ торговое новогородское поселеніе, извѣстное подъ именемъ Новаго Торга или просто Торжка. Онъ лежитъ на Тверцѣ, лѣвомъ притокѣ Волги. Верховьями своими Тверца сближается съ Мстою или собственно съ озеромъ Мстино, изъ котораго вытекаетъ послѣдняя. Только небольшой волокъ (на который указываетъ названіе Вышняго-Волочка) раздѣлялъ тутъ Ильменско-Ладожскій водный путь отъ Волжскаго, и потому естественно Торжокъ получилъ весьма важное торговое

значеніе. Это былъ одинъ изъ тѣхъ пригородовъ, гдѣ Новгородцы держали не только посадника, но и особаго князя для обороны отъ сосѣдей. Торжокъ служилъ приманкою для сильныхъ суздальскихъ князей, и вообще занималъ видное мѣсто въ ихъ отношеніяхъ къ Великому Новгороду. Другимъ узломъ, соединявшимъ Ильмень съ Волгою, служило многовѣтвистое, обильное островами и рыбою озеро Селигеръ; съ одной стороны оно даетъ начало Волгѣ; а съ другой небольшимъ волокомъ отдѣляется отъ рѣки Полы, притока Ильменя. Отъ озера Селигеръ шелъ рубежъ Новогородской земли съ Смоленскою по верхнему теченію Волги. Миновавъ смоленскій пригородъ Ржеву и суздальскій Зубцевъ, новогородскія владѣнія переходили на правую сторону Волги, и здѣсь посреди широкаго волока или сухопутья стоялъ пригородъ Волокъ, отъ рѣчки Ламы прозванный Ламскимъ. Отсюда рубежъ съ Суздальской землей круто поворачивалъ на сѣверъ къ Бѣлому озеру. Въ той сторонѣ самымъ значительнымъ пригородомъ были Бѣжичи, на верхнемъ теченіи Мологи, средоточіе новогородскихъ поселеній въ области Веси.

Все означенное пространство вокругъ озера Ильменя составляло собственно землю Новогородскую. Здѣсь Славянорусское населеніе преобладало надъ инородческимъ, за исключеніемъ сѣверной полосы, то-есть прибрежьевъ Финскаго залива и Ладожскаго озера, гдѣ чудскія племена еще вполнѣ сохраняли свою народность. Эта Новогородская земля изстари дѣлилась на многія волости и *погосты*. Но уже въ до-Татарскую эпоху встрѣчается болѣе крупное дѣленіе на такъ наз. сотни и «ряды»; послѣдніе являются предшественниками позднѣйшихъ пятинъ. Такъ въ уставѣ князя Святослава Ольговича 1137 года видимъ «Обонѣжскій рядъ» и «Бѣжецкій рядъ». Тоже свидѣтельство указываетъ, какъ рано новогородская колонизація направилась на сѣверо-востокъ: уже въ первой половинѣ XII вѣка пространство между Волховомъ и Онѣжскимъ озеромъ, и даже за озеромъ, составляетъ часть собственной Новогородской земли. А между тѣмъ на западной сторонѣ Ладожскаго озера, въ Кареліи, Новгородъ ограничивался собираніемъ дани, и если онъ имѣлъ тамъ свои поселенія, то очень немногія. За то видны нѣкоторыя заботы о водвореніи христіанства въ томъ краѣ. Въ 1229 году князь новогородскій Яро-

славъ Всеволодовичъ послѣ удачнаго похода на Емь, по свидѣтельству лѣтописи, послалъ крестить Карелу, которая и была крещена въ большомъ числѣ.

Съ сѣверозападной стороны, т. е. со стороны Финляндіи, Новогородцы встрѣтили разныя препятствія для распространенія своего владычества. Вопервыхъ, самая природа не благопріятствовала ихъ движенію. Безчисленныя озера хотя и соединены другъ съ другомъ протоками; но эти протоки большею частію загромождены скалами и порогами, и потому не представляютъ удобныхъ водныхъ путей. Во вторыхъ, туземныя чудскія племена болѣе чѣмъ другіе ихъ соплеменники отличались бѣдностію и свирѣпостію. Ближайшее къ Новогородцамъ племя Карельское еще безъ особаго труда подчинилось ихъ господству; но слѣдующія за нимъ племена Еми и Суми занимались морскимъ разбоемъ и сами производили набѣги на Новогородскую землю, а также и на Карелу; такъ что иногда надобно было предпринимать трудные походы только для ихъ обузданія. Въ третьихъ, Новогородцы рано встрѣтились въ этомъ краю съ смѣлыми, предпріимчивыми Скандинавами, именно со Шведами, которые издавна стремились распространить свое владычество по морскимъ побережьямъ Финляндіи и въ XII вѣкѣ начали основывать здѣсь укрѣпленныя поселенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ они не разъ пытались завладѣть и самымъ ключемъ къ Великому водному пути, т. е. берегами Невы и устьями Волхова. Извѣстно, что отсюда они были отбиты Новогородцами, которые въ теченіе XII вѣка иногда вступали въ битвы со шведскими кораблями въ открытомъ морѣ, или вмѣстѣ съ подвластною Карелою нападали не только на берега Финляндіи, но и на самые берега Швеціи. Однако, какъ мы замѣтили, открытое море не было любимою стихіей Славянорусскаго племени, и потому Новогородцы вообще слабо поддерживали борьбу со Шведами въ Финляндіи; а заботились главнымъ образомъ о свободномъ торговомъ пути въ Балтійское море. Такимъ образомъ распространенію новогородскаго господства по обѣимъ сторонамъ Финскаго залива почти одновременно былъ положенъ предѣлъ: на южной Нѣмцами, на сѣверной Шведами.

Заморскимъ иноземцамъ не мало помогло то обстоятельство, что главное вниманіе Новогородцевъ въ тѣ времена было отвлече-

но на юго-востокъ, то-есть на отношенія къ сильнымъ князьямъ Суздальскимъ, и на сѣверо-востокъ, куда ихъ колонизація распространилась широкою полосою по великимъ судоходнымъ рѣкамъ, почти не встрѣчая себѣ достойныхъ соперниковъ. Новогородскіе удальцы достигали западныхъ береговъ Бѣлаго моря, которые они называли *Тре* (Терскій берегъ), и здѣсь облагали данью дикую Лопь. Но главное движеніе повольниковъ и колонистовъ направлялось въ такъ наз. *Заволочье*, т. е. въ область Сѣверной Двины и ея притоковъ. Что туземная или Заволоцкая Чудь не безъ борьбы подчинилась Новогородцамъ, на это указываютъ судьбы князя Глѣба Святославича, убитаго въ томъ краю, конечно при наложеніи или при сборѣ дани (1079 г.). Кромѣ туземцевъ новогородскіе отряды, собиравшіе дань, иногда должны были вступать въ борьбу съ дружинами суздальскихъ князей, которые также имѣли притязанія на тотъ край и старались подчинить его себѣ. Новогородцы однако съумѣли пока отстоять Заволочье съ этой стороны. Оно въ особенности привлекало ихъ обиліемъ пушнаго звѣря, который составлялъ одну изъ главныхъ статей новогородской торговли. Не ограничиваясь сборомъ дани и торговыми сношеніями съ туземцами, Новогородцы скоро завели свои поселенія или погосты на Сѣверной Двинѣ и ея лѣвыхъ притокахъ, особенно на Емцѣ, Вагѣ, на притокѣ послѣдней Вели, а также на Сухонѣ, каковы: В о л о г д а, Т о т ь м а, Ш е н к у р с к ъ, Е м е ц ъ и др.; чѣмъ и положили начало обрусѣнію Заволоцкой Чуди.

На востокъ отъ Сѣверной Двины начинались неизмѣримыя пространства, которыя, благодаря такимъ судоходнымъ рѣкамъ какъ Вычегда, Кама и Печера, издавна посѣщались новогородскими торговцами и повольниками. Эти земли, извѣстныя тогда подъ названіями П е р м ь, П е ч е р а и Ю г р а, Новогородцы причисляли къ своимъ владѣніямъ. Ихъ дружины время отъ времени ходили туда, и вооруженною рукою собирали дань гдѣ могли; но тѣмъ и ограничивались подчиненныя отношенія того края къ Великому Новгороду. Еще въ концѣ XI вѣка новогородскіе торговцы достигали сѣвернаго Урала, и здѣсь вели мѣновую торговлю съ Югрою. По извѣстію начальной лѣтописи, записанному со словъ боярина Гюряты Роговича, торговля эта сопровождалась самыми первобытными пріема-

ми. Новгородцы привозили сюда наиболѣе необходимыя въ домашнемъ быту желѣзныя орудія, въ особенности ножи и топоры, и раскладывали свои товары; туземцы являлись съ пушными шкурами, и, молча, объясняясь знаками, обмѣнивали ихъ на вещи, которыя хотѣли пріобрѣсти. Высокія горы и пропасти, покрытыя снѣгомъ и лѣсомъ, заграждали дальнѣйшіе пути предпріимчивымъ Новгородцамъ. Однако уже въ то время они, кажется, переваливали за Уральскій хребетъ и доходили до береговъ Оби. Изъ сѣверо-восточныхъ окраинъ Европы привозились не только драгоцѣнные мѣха пушныхъ звѣрей, но и дорогіе металлы, т. е. золото и серебро, которые, благодаря мѣновой торговлѣ, приходили изъ уральскихъ и алтайскихъ рудниковъ, когда-то подвергавшихся разработкѣ. Торговыя сношенія, конечно, подготовляли между туземцами новгородское вліяніе, особенно между промышленными Зырянами, въ области рѣки Вычегды. Но сборъ дани нерѣдко встрѣчалъ ожесточенное сопротивленіе со стороны туземцевъ, преимущественно Угорскаго племени, которое не было чуждо воинственнаго духа, имѣло укрѣпленныя селенія и жило подъ управленіемъ собственныхъ родовыхъ князей, ревнивыхъ къ сохраненію своей власти и своей народности.

Подъ 1187 годомъ Новгородская лѣтопись заноситъ краткое извѣстіе объ избіеніи на Печерѣ и за Волокомъ новгородскихъ сборщиковъ дани; при чемъ ихъ пало до ста человѣкъ. Въ XII и XIII вѣкахъ новгородскіе князья, лично совершавшіе походы на Чудь Эстонскую и Ливонскую, обыкновенно не ходили сами въ отдаленные сѣверо-восточные края. Сюда Великій Новгородъ посылалъ или своихъ воеводъ, или ватаги повольниковъ; послѣдніе собирались охотою, ради добычи и удальства, вокругъ какого нибудь прославившагося своими подвигами боярскаго или купеческаго сына, который и становился ихъ ватаманомъ. Вѣроятно, въ связи съ помянутымъ избіеніемъ новгородскихъ данниковъ на Печерѣ, спустя пять или шесть лѣтъ, былъ предпринятъ большой походъ для усмиренія возмутившейся Югры.

Новгородская рать подъ начальствомъ воеводы Ядрея (отецъ архіепископа Антонія) вошла въ Югорскую землю, взяла одинъ городъ и подступила къ другому, болѣе крѣпкому, въ которомъ заперся какой-то изъ наиболѣе силь-

ныхъ туземныхъ князьковъ. Югра прибѣгла къ хитрости; она завязала переговоры, соглашалась уплатить дань, и просила только подождать, пока соберутъ назначенное количество серебра, соболей и другихъ припасовъ. А въ самомъ дѣлѣ князекъ собиралъ воиновъ. Когда ихъ набралось достаточно, онъ послалъ звать въ городъ воеводу съ двѣнадцатью лучшими людьми. Тотъ дѣйствительно отправился, и взялъ еще съ собою священника Ивана Легена. Всѣ они были избиты, наканунѣ праздника св. Варвары (слѣдовательно 3 декабря). Такимъ же образомъ заманили еще тридцать лучшихъ людей, потомъ пятьдесятъ. Лѣтопись обвиняетъ какого-то измѣнника Савку, который вошелъ въ заговоръ съ югорскимъ княземъ, и между прочимъ посовѣтовалъ ему непремѣнно убить Якова Прокшинича; а иначе послѣдній опять придетъ съ войскомъ и опустошитъ его землю. Этотъ Прокшиничъ принадлежалъ къ знатной новогородской фамиліи, и вѣроятно отличался воинскими доблестями. Новогородская рать уже стояла шесть недѣль подъ городомъ, и начала изнемогать отъ голоду. На Николинъ день Югра внезапно напала на нее, и избила большую часть; осталось только восемьдесятъ человѣкъ. Цѣлую зиму въ Новгородѣ не было вѣсти объ этой рати, къ великому сокрушенію князя Ярослава Владиміровича, владыки Мартирія и всего народа. Только слѣдующимъ лѣтомъ, 1194 года, воротились оставшіеся въ живыхъ. Тутъ начались перекоры и обычная новогородская расправа. Очевидно, въ новогородской рати не было единодушія; распри и соперничество знатныхъ людей проявлялись даже и въ виду непріятеля. Кромѣ Савки, погибшаго на походѣ, воротившіеся обвиняли въ измѣнѣ и другихъ людей. Трое изъ нихъ были убиты; а прочіе откупились отъ смерти большими деньгами. Затѣмъ въ теченіе довольно долгаго времени не слышно о походахъ въ Югру, хотя Великій Новгородъ и продолжалъ считать ее въ числѣ своихъ данниковъ.

Отъ подобныхъ походовъ, снаряжаемыхъ самимъ Великимъ Новгородомъ, надобно отличать предпріятія повольниковъ или ушкуйниковъ, которые спускались по рѣкамъ, заходили въ ихъ притоки, зимою перетаскивали свои лодки или ушкуи въ сосѣднія рѣки, и далеко проникали въ земли инородцевъ, промышляя себѣ добычу и открывая новые пути для новогоро-

родской торговли и господства въ дальнихъ краяхъ. Иногда они оставались тамъ, заводили поселенія, и такимъ образомъ широко распространяли новогородскую колонизацію. Одна изъ таковыхъ вольныхъ дружинъ положила основаніе особой Вятской землѣ или самостоятельной Хлыновской общинѣ.

Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ событіи мѣстная (Хлыновская) лѣтопись.

Въ 1174 году дружина ушкуйниковъ спустилась по Волгѣ до Камы. Часть ихъ осталась на берегу сей послѣдней и вздумала здѣсь поселиться. Другіе отправились далѣе на сѣверъ и начали воевать встрѣчныхъ Вотяковъ. Рѣкою Чепцою они вошли въ рѣку Вятку, и тутъ на лѣвомъ берегу послѣдней увидали селеніе, укрѣпленное рвомъ и валомъ. Мѣсто это понравилось Новогородцамъ, и они рѣшились взять его силою. Нѣсколько дней воины говѣли, молились; наконецъ сдѣлали приступъ, и 24 іюля, въ праздникъ Бориса и Глѣба, овладѣли городкомъ. Первоначально его назвали «Балванскимъ»; но, основавшись здѣсь и построивъ храмъ во имя Бориса и Глѣба, переименовали городокъ въ Никулицынъ. Между тѣмъ оставшіеся на Камѣ товарищи нашли свое поселеніе неудобнымъ, и двинулись вверхъ по рѣкѣ Вяткѣ, на которой завоевали черемисскій городокъ Кокшаровъ, впослѣдствіи переименованный въ Котельничъ. Потомъ обѣ части соединенными силами между Никулицынымъ и Котельничимъ основали третій городъ на высокомъ лѣвомъ берегу Вятки при впаденіи въ нее Хлыновицы, и назвали его Хлыновъ (нынѣ губерн. городъ Вятка). Этотъ послѣдній и сдѣлался средоточіемъ новогородскихъ поселеній въ Вятской землѣ, то-есть старшимъ городомъ, къ которому остальные относились какъ пригороды и погосты.

Усиленные новыми выходцами изъ Новогородской и Двинской земли, Вятчане не только съ успѣхомъ отражали нападенія сосѣднихъ Черемисъ и Вотяковъ, но налагали на нихъ дани, и постепенно распространяли свои поселенія. Затерянные посреди глухихъ лѣсовъ и чудскихъ народцевъ, они образовали особую вѣчевую общину, которая не признавала надъ собою власти Великаго Новгорода, т. е: не платила ему даней и не принимала отъ него посадниковъ, а управлялась своими выборными властями; при чемъ однако

сохраняла обычаи и строй Новгородской жизни. Это была единственная самобытная русская область, которая обходилась безъ князя. Отдаленность и затруднительныя сообщенія (такъ какъ Волжскій путь шелъ черезъ Суздальскія земли) препятствовали Великому Новгороду силою смирить непокорныхъ колонистовъ; но онъ не оставлялъ своихъ притязаній на господство. Отсюда возникла продолжительная вражда между нимъ и Вятскою землею. ([27]).

XVII.

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКІЙ. ВСЕВОЛОДЪ БОЛЬШОЕ ГНѢЗДО И ЕГО СЫНОВЬЯ.

Княжеская колонизація въ Суздальскомъ краѣ и дѣятельность Юрія Долгорукаго.—Андрей Боголюбскій.—Предпочтеніе Владиміра на Клязьмѣ, стремленіе къ единовластію и самовластію.—Походы на Камскихъ Болгаръ.—Подвижники и епископы Суздальской земли.—Сооруженіе храмовъ.—Отношенія къ дружинѣ.—Кучковичи.—Убіеніе Андрея.—Безпорядки.—Борьба дядей съ племянниками и соперничество старшихъ городовъ съ младшими.—Михаилъ Юрьевичъ.—Всеволодъ Большое Гнѣздо.—Его земская и внѣшняя политика.—Боярство.—Болгарскій походъ.—Пожары и постройки.—Семейныя дѣла.—Племянникъ. — Размолвка съ старшимъ сыномъ.—Споръ Константина и Юрія.—Участіе Мстислава Удалаго.—Липецкая битва.—Константинъ великій князь.—Юрій II.—Новые походы на Болгаръ и Мордву.—Суздальско-новогородскія отношенія. — Поведеніе Псковичей.—Смѣны новогородскихъ посадниковъ и владыкъ.

Земли Суздальская и Рязанская, занимавшія пространство между верхней Волгой и средней Окой съ притоками, суть младшіе члены великой семьи древнихъ русскихъ областей. Въ эпоху Владиміра Великаго и Ярослава I онѣ составляли еще глухія, далекія страны съ рѣдкимъ, преимущественно Финскимъ, населеніемъ. Вотъ почему при раздачѣ удѣловъ онѣ или отдавались младшимъ сыновьямъ Кіевскаго князя, или служили прибавкою къ другимъ удѣламъ. Такъ Суздальская область придана была къ Переяславскому княженію Всеволода Ярославича, а Рязанская къ Черниговскому Святослава Ярославича. Когда же потомство ихъ развѣтвилось, эти области сдѣлались удѣлами младшихъ вѣтвей. Ростовско-Суздальскій край, какъ извѣстно, достался меньшому сыну Владиміра Мономаха, Юрію Долгорукому.

Древнее населеніе этого края составляло финское племя Меря, когда-то многочисленное и довольно зажиточное, но давно уже обрусѣвшее, такъ что о немъ мы можемъ приблизительно составить себѣ понятіе только по родственнымъ и сосѣднимъ ему народамъ, каковы съ одной стороны Весь, съ другой Мордва и Черемисы. Согласно съ мирнымъ, непредпріимчивымъ характеромъ племени, мерянскія поселенія не выдвигались на берега великихъ судоходныхъ рѣкъ какъ Волга, а уединялись въ лѣсную глушь. По свидѣтельству русскаго лѣтописца, средоточіемъ ихъ поселеній были мѣста около озеръ Неро и Клещина, въ области незначительныхъ рѣкъ Которосли, Большой и Малой Нерли. Здѣсь встрѣчаемъ мы старинные города Суздальской земли: Ростовъ—на озерѣ Неро. Суздаль на Малой Нерли и Переяславль на озерѣ Клещино. Вѣроятно, это были важнѣйшія мерянскія поселенія, въ которыхъ пришлая Русь издавна утвердилась, т. е. построила дѣтинцы и заняла ихъ своими дружинниками, чтобы отсюда владѣть окрестною землею. Славянорусское движеніе направлялось въ ту сторону двумя путями: съ запада изъ области смоленскихъ и новогородскихъ Кривичей, съ юга изъ земли Сѣверянъ и Вятичей. Переяславль Залѣсскій, лежащій при впаденіи рѣчки Трубежа въ озеро, своимъ названіемъ напоминаетъ Переяславль Русскій на Трубежѣ, слѣдовательно указываетъ на переселенцевъ изъ Южной Руси. Нѣкоторые другіе суздальскіе города своими именами также свидѣтельствуютъ о прямомъ участіи русскихъ князей въ этой колонизаціи; таковы: Ярославль на Волгѣ, основанный Ярославомъ, и Владиміръ на Клязьмѣ, построенный или Владиміромъ Великимъ, или Мономахомъ. Послѣдній, по его собственнымъ словамъ (въ Поученіи), нѣсколько разъ предпринималъ поѣздки въ Ростовскій край, конечно для устроенія земскихъ дѣлъ. Главнымъ же устроителемъ края почитается Мономаховъ сынъ Юрій Долгорукій. Ему приписываютъ построеніе Юрьева Польскаго, получившаго его имя, далѣе Коснятина, Москвы и Дмитрова, названнаго въ честь его младшаго сына Всеволода-Димитрія. Можетъ быть, онъ же основалъ заволжскіе города Кострому и Галичъ, прозванный Мерскимъ или Мерянскимъ въ отличіе отъ Галича на Днѣстрѣ.

Кромѣ построенія новыхъ городовъ и обновленія старыхъ,

Юрій Долгорукій былъ также усердный храмоздатель, и вообще онъ много заботился объ утвержденіи христіанства въ своихъ инородческихъ волостяхъ. Изъ его сооруженій до нынѣ существуютъ соборные храмы въ Переяславлѣ и Суздалѣ. Послѣдній городъ пользовался его предпочтеніемъ; онъ имѣлъ свое пребываніе въ немъ, а не въ старѣйшемъ Ростовѣ. Но едва ли справедливо приписывать Юрію главную честь русской колонизаціи въ томъ краю. Онъ уже не имѣлъ въ своемъ распоряженіи такихъ обширныхъ чисто русскихъ удѣловъ какъ его отецъ Мономахъ или дѣдъ Всеволодъ, а тѣмъ болѣе прадѣдъ Ярославъ, и слѣдовательно не могъ въ такомъ количествѣ какъ они переводить дружинниковъ и смердовъ съ юга на сѣверъ. Надобно полагать, что онъ нашелъ здѣсь уже значительное русское населеніе, судя по той сравнительной скорости, съ какою пошло обрусѣніе туземцевъ. (Археологическія раскопки кургановъ также свидѣтельствуютъ, что славяно-русская колонизація направилась въ этотъ край еще во времена языческія). Нелишено вѣроятности одно извѣстіе, которое говоритъ, что Юрій старался привлекать къ себѣ переселенцевъ разными льготами и «подаяніями», и притомъ созывалъ людей отвсюду; такъ что кромѣ Русскихъ къ нему приходило много Болгаръ, Мордвы и Угровъ. Долгорукій былъ умный, дѣятельный князь-хозяинъ; о томъ свидѣтельствуютъ плоды его трудовъ. Суздальская область вскорѣ сдѣлалась на столько сильною и богатою, что доставляла своему князю средства для обузданія такого сосѣда какъ Новгородъ Великій и для его предпріятій въ Южной Руси. Извѣстно, что Юрій, не смотря на долгое пребываніе и усердную дѣятельность на сѣверѣ, никогда не переставалъ стремиться къ берегамъ Днѣпра, сначала въ южный Переяславль, а потомъ и въ самый Кіевъ. Извѣстно, что подъ конецъ жизни онъ достигъ цѣли своихъ стремленій, и умеръ на великомъ Кіевскомъ княженіи ([28]).

Не таковъ былъ сынъ и преемникъ Долгорукаго Андрей, прозванный *Боголюбскимъ*. Какъ отецъ, воспитавшійся на югѣ въ старыхъ княжескихъ преданіяхъ, стремился въ Южную Русь; такъ сынъ, проведшій свою молодость на сѣверѣ, всю жизнь сохранялъ привязанность къ Ростовско-Суздальскому краю, и скучалъ на югѣ. При жизни отца онъ не однажды

ходилъ съ его дружинами въ Рязанскую землю, а также долженъ былъ съ своими братьями участвовать въ военныхъ походахъ для завоеванія Кіевскаго стола Юрію. Мы видѣли, какъ онъ отличился отвагою въ Южной Руси, особенно подъ Луцкомъ; хотя въ то время былъ уже далеко не первой молодости, имѣя около сорока лѣтъ отъ роду. Когда Юрій окончательно занялъ великій столъ и роздалъ своимъ сыновьямъ удѣлы въ Приднѣпровской Руси, то Андрея какъ старшаго посадилъ подлѣ себя въ Вышгородѣ. Но тотъ усидѣлъ здѣсь не долго. Его, очевидно, тянуло на сѣверъ въ Ростовскую область, гдѣ можно было жить спокойно, мирно заниматься правительственными и хозяйственными дѣлами, посреди трудолюбиваго покорнаго населенія, вдали отъ безконечныхъ княжескихъ распрей, отъ половецкихъ набѣговъ и всѣхъ тревогъ Южной Руси. Въ томъ же 1155 году онъ покинулъ Вышгородъ, и уѣхалъ на сѣверъ «безъ отней воли», замѣчаетъ лѣтопись, т. е. вопреки желанію отца имѣть его при себѣ на югѣ. Андрей воротился въ свой прежній удѣлъ, Владиміръ на Клязьмѣ. Спустя два года, когда отецъ его умеръ, старшіе сѣверные города, Ростовъ и Суздаль, признали Андрея своимъ княземъ, вопреки завѣщанію Юрія, который по обычаю назначилъ Суздальскую область своимъ младшимъ сыновьямъ; а старшимъ, вѣроятно, предоставилъ Переяславль Русскій и другіе удѣлы въ Днѣпровской Руси. Андрей однако и на этотъ разъ не поселился въ Ростовѣ или Суздалѣ; а предпочелъ имъ все тотъ же младшій городъ Владиміръ, гдѣ и утвердилъ главный княжескій столъ. Такое предпочтеніе, естественно, возбуждало неудовольствіе въ старшихъ городахъ, и они начали питать вражду къ Владиміру, который называли своимъ «пригородомъ».

Неизвѣстно, что собственно заставляло Андрея предпочитать младшій городъ старшимъ. Новѣйшіе историки объясняютъ такое предпочтеніе вѣчевыми порядками и присутствіемъ въ старыхъ городахъ сильнаго земскаго боярства; что стѣсняло князя, стремившагося водворить полное самовластіе. Это весьма вѣроятно и согласно съ характеромъ Андреевой дѣятельности. Говорятъ также, что Юрій предпочиталъ Суздаль Ростову потому, что первый южнѣе втораго и ближе къ Днѣпровской Руси, и что Андрей на томъ же основаніи перенесъ столицу во Владиміръ на Клязьмѣ. И это предположеніе не

лишено нѣкотораго значенія, такъ какъ изъ Владиміра, благодаря Клязьмѣ и Окѣ, дѣйствительно удобнѣе было сноситься съ Кіевомъ и всей Южной Россіей, нежели изъ Суздаля, а тѣмъ болѣе изъ Ростова, который стоялъ въ сторонѣ отъ большихъ путей. Кромѣ того можно полагать, что въ этомъ случаѣ дѣйствовала также сила привычки. Андрей провелъ много лѣтъ въ своемъ прежнемъ удѣльномъ городѣ, много трудовъ положилъ на его обстройку и украшеніе, привязался къ нему, и, естественно, не имѣлъ охоты разстаться съ нимъ. Народная легенда указываетъ еще на одно основаніе, имѣющее связь съ извѣстною набожностію Андрея. Уѣзжая изъ Вышгорода, онъ взялъ съ собою образъ Богородицы, который по преданію принадлежалъ къ числу иконъ, написанныхъ евангелистомъ Лукою, и привезенъ изъ Царьграда вмѣстѣ съ образомъ Богородицы Пирогощей. По словамъ сѣверной легенды, князь хотѣлъ было отвезти икону въ старѣйшій городъ Ростовъ; но явившаяся ему во снѣ Пресвятая Дѣва повелѣла оставить ее во Владимірѣ. Эта икона съ тѣхъ поръ почиталась какъ драгоцѣнная святыня Суздальской земли.

Главное значеніе Андрея Боголюбскаго въ Русской исторіи основано на его государственныхъ стремленіяхъ. Онъ является передъ нами первымъ русскимъ княземъ, который ясно и твердо началъ стремиться къ водворенію самодержавія и единодержавія. Вопреки родовымъ княжескимъ обычаямъ тѣхъ временъ, онъ не только не раздавалъ своимъ родственникамъ удѣловъ въ Суздальской землѣ; но даже выслалъ изъ нея въ Южную Русь троихъ братьевъ, Мстислава, Василька, Михаила, и еще двухъ племянниковъ Ростиславичей. А вмѣстѣ съ ними изгналъ и старыхъ отцовскихъ бояръ, которые не хотѣли исполнять его волю, и стояли за соблюденіе старинныхъ обычаевъ по отношенію къ себѣ и къ младшимъ князьямъ. Лѣтописецъ подъ 1161 годомъ прямо говоритъ, что Андрей изгналъ ихъ «хотя самовластецъ быти всей земли Суздальской». Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ князь владѣлъ умомъ поистинѣ государственнымъ и что въ данномъ случаѣ онъ повиновался не одной только личной жаждѣ власти. Конечно, онъ сознавалъ, что дробленіе русскихъ земель служило главнымъ источникомъ ихъ политической слабости и внутреннихъ смутъ. Преданія о могущественныхъ князьяхъ стараго времени, осо-

бенно о Владимірѣ и Ярославѣ, которыхъ, можетъ быть, представляли тогда единодержавными и неограниченными властителями, эти еще живыя преданія вызывали подражаніе. Опыты собственной жизни и знакомство съ другими краями также не могли не дѣйствовать на подобныя стремленія. Передъ глазами Андрея былъ его шуринъ галицкій князь Ярославъ Осмомыслъ, котораго сила и могущество основались на безраздѣльномъ владѣніи Галицкою землею. Передъ нимъ былъ еще болѣе разительный примѣръ: имперія Греческая, которая не только снабжала Русь церковными уставами и произведеніями своей промышленности, но и служила ей великимъ образцомъ политическаго искусства и государственнаго быта. Вѣроятно, и книжное знакомство съ библейскими царями не осталось безъ вліянія на политическіе идеалы князя, на его представленія о государствѣ и верховной власти. Опору своимъ самодержавнымъ стремленіямъ онъ могъ найти въ самомъ населеніи сѣверовосточнаго края, разсудительномъ и трудолюбивомъ, которому уже сдѣлались чужды нѣкоторыя безпокойныя привычки Южной Руси. Какъ бы то ни было, все остальное время своего княженія Андрей, повидимому, владѣлъ Суздальскою землею безраздѣльно и самовластно; благодаря чему, онъ и явился самымъ сильнымъ изъ современныхъ князей, и могъ держать въ зависимости не только своихъ муромо-рязанскихъ сосѣдей, но также имѣть вліяніе на судьбы другихъ русскихъ земель. Извѣстно, какъ онъ воспользовался взаимными несогласіями старшей линіи Мономаховичей: войска его взяли Кіевъ, и Суздальскій князь началъ распоряжаться старшимъ столомъ, оставаясь въ своемъ Владимірѣ Залѣсскомъ. Излишняя горячность и неумѣренныя выраженія самовластія разсорили его съ Ростиславичами Смоленскими. Послѣ пораженія его войскъ подъ Вышгородомъ Кіевская Русь освободилась отъ своей зависимости, но только на короткое время. Андрей успѣлъ было возстановить эту зависимость, когда его застигла смерть. Точно также онъ смирилъ строптивыхъ Новгородцевъ, и заставилъ ихъ уважать свою волю, не смотря на неудачную осаду Новгорода его войсками. Будучи уже довольно преклонныхъ лѣтъ, онъ не принималъ личнаго участія въ этихъ походахъ, а посылалъ обыкновенно сына своего Мстислава, давая ему въ руководители воеводу Бориса Жидисла-

вича, отличавшагося вѣроятно опытностію въ ратномъ дѣлѣ. По смерти отца, только одинъ разъ мы встрѣчаемъ Андрея во главѣ Суздальской рати, именно въ походѣ на Камскихъ Болгаръ.

Лѣтописцы наши не объясняютъ, изъ-за чего происходили войны между суздальскими и болгарскими князьями; такъ какъ владѣнія ихъ въ то время даже не были пограничными, а раздѣлялись землями Мордвы и другихъ финскихъ народцевъ. Можетъ быть, причиною ссоры были обоюдныя притязанія на собираніе дани съ этихъ народцевъ. А еще вѣроятнѣе, что причина была торговая. Мы знаемъ, что русскіе гости издавна ѣздили въ Камскую Болгарію, а Болгары въ Русь; что князья наши заключали торговые договоры съ болгарскими державцами. Очень возможно, что договоры эти иногда нарушались и ссора доходила до войны. Возможно также, что новогородскіе, суздальскіе и муромскіе повольники своими грабежами въ Камской Болгаріи вызывали кровавое возмездіе со стороны Болгаръ и нападеніе ихъ на русскіе предѣлы; а затѣмъ русскіе князья въ свою очередь должны были предпринимать трудные походы въ ту сторону, чтобы возстановить прочный миръ. Подобныя войны мы видѣли уже при отцѣ и дѣдѣ Андрея. Въ 1107 году Юрій Долгорукій находился съ Мономахомъ въ походѣ на Половцевъ, при чемъ вступилъ въ бракъ съ дочерью половецкаго хана Аепы (матерью Боголюбскаго). Пользуясь отсутствіемъ князя, Болгары пришли въ Суздальскую землю; разорили много селъ и осаждали самый городъ Суздаль, хотя и безъуспѣшно. Тринадцать лѣтъ спустя, Долгорукій Волгою ходилъ на Болгаръ, и, по словамъ лѣтописи, воротился съ побѣдою и великимъ полономъ. Точно такой же походъ совершилъ сынъ его Андрей Боголюбскій въ 1164 г.

Въ этомъ походѣ участвовалъ подручный ему князь муромскій Юрій. Кромѣ отдаленности и трудности пути, самые Болгаре, очевидно, были въ состояніи оказывать значительное сопротивленіе. Естественно поэтому, что набожный Андрей, не полагаясь на одну силу своей рати, прибѣгалъ къ покровительству божественному. Онъ взялъ съ собой въ походъ помянутую святыню, т. е. греческую икону Богородицы. Во время главной битвы икона была поставлена подъ стягами,

посреди русской пѣхоты. Битва окончилась полною побѣдою. Князь Болгарскій съ остаткомъ войска едва успѣлъ спастись въ стольный или Великій городъ. Воротясь изъ погони за непріятелемъ, русскіе князья съ своими дружинами совершили земные поклоны и благодарственное молебствіе передъ иконою. Затѣмъ они пошли далѣе, сожгли три непріятельскіе города, и взяли четвертый, который лѣтопись называетъ «славный Бряхимовъ».

Война однако не окончилась однимъ этимъ походомъ. Спустя восемь лѣтъ, Андрей снова отправляетъ рать въ туже сторону; но самъ нейдетъ, а поручаетъ начальство сыну своему Мстиславу и воеводѣ Борису Жидиславичу, съ которыми должны были соединиться сыновья подручныхъ князей Муромскаго и Рязанскаго. Новый походъ былъ предпринятъ зимою въ неудобное время. Соединясь съ Муромцами и Рязанцами. Мстиславъ двѣ недѣли простоялъ на устьѣ Оки, поджидая главную рать, которая медленно двигалась съ Борисомъ Жидиславичемъ. Не дождавшись ея, князь съ одной передовой дружиной вошелъ въ Болгарскую землю, разрушилъ нѣсколько селъ, и, захвативъ полонъ, пошелъ назадъ. Узнавъ о малочисленности его отряда, Болгаре погнались за нимъ въ числѣ 6000 человѣкъ. Мстиславъ едва успѣлъ уйти: непріятели были уже въ двадцати верстахъ, когда онъ соединился съ главною ратью. Послѣ чего войско русское воротилось домой, сильно потерпѣвъ отъ непогоды и всякихъ лишеній. «Не годится зимою воевать Болгаръ»—замѣчаетъ лѣтопись по сему случаю.

На ряду съ политическою дѣятельностію Андрея замѣчательны также его заботы о дѣлахъ церковныхъ въ своемъ княженіи.

Начало христіанства въ томъ отдаленномъ краю положено было еще во времена Владиміра и Ярослава. Но его утвержденіе встрѣчало здѣсь тѣже или еще большія препятствія чѣмъ въ Новогородской землѣ, со стороны какъ русскаго, такъ и особенно финскаго населенія. Лѣтопись неоднократно повѣствуетъ о мятежахъ, произведенныхъ языческими волхвами, которымъ не разъ удавалось возвращать къ старой религіи многихъ жителей, уже принявшихъ крещеніе. При учрежденіи

греческой іерархіи на Руси, Суздальская земля не вдругъ составила особую самостоятельную епархію. Будучи отнесена къ Переяславскому удѣлу, она иногда управлялась переяславскими епископами, а иногда имѣла своихъ особыхъ архіереевъ, которые пребывали въ старѣйшемъ ея городѣ Ростовѣ. Положеніе этихъ ростовскихъ іерарховъ первое время было особенно трудное, потому что они не имѣли такой опоры въ князьяхъ и дружинѣ, какъ другіе епископы. Князья еще не жили сами въ той землѣ; а пріѣзжали сюда только временно и управляли ею посредствомъ своихъ намѣстниковъ. Изъ первыхъ ростовскихъ епископовъ особенно славны своею просвѣтительною дѣятельностію свв. Леонтій и преемникъ его Исаія, оба постриженники Кіевопечерской лавры, подвизавшіеся на сѣверѣ въ послѣдней четверти XI вѣка.

Житіе Леонтія повѣствуетъ, что онъ былъ изгнанъ изъ Ростова упорными язычниками и нѣкоторое время жилъ въ окрестностяхъ его, собирая вокругъ себя дѣтей, которыхъ привлекалъ ласками, научалъ христіанской вѣрѣ и крестилъ. Потомъ онъ воротился въ городъ и продолжалъ здѣсь апостольскіе подвиги, пока не принялъ мученическаго вѣнца отъ мятежныхъ язычниковъ. Его подвиги и кончина, очевидно, относятся къ той эпохѣ, когда на сѣверѣ происходили народныя возмущенія отъ языческихъ волхвовъ, по примѣру тѣхъ, которыхъ встрѣтилъ на Бѣлоозерѣ воевода Янъ Вышатичъ. Слѣдующій за нимъ епископъ Исаія, по словамъ его житія, ходилъ по Суздальской землѣ съ своею проповѣдью, укрѣплялъ въ вѣрѣ вновь крещеныхъ, обращалъ язычниковъ, сожигалъ ихъ требища и строилъ христіанскіе храмы. Ему помогалъ Владиміръ Мономахъ во время своихъ поѣздокъ въ Ростовскую землю. Въ одно время съ Исаіей подвизался и третій свѣтильникъ Ростовскаго края, св. Авраамій, который самъ былъ уроженцемъ этого края. Онъ является основателемъ иноческаго житія на сѣверовостокѣ, и въ этомъ отношеніи походитъ на первыхъ кіевопечерскихъ подвижниковъ. Подобно имъ, онъ съ юныхъ лѣтъ чувствовалъ склонность къ благочестію и уединенію, удалился изъ родительскаго дома на лѣсистый берегъ озера Неро и поставилъ себѣ здѣсь келлію. Въ Ростовѣ жители «Чудскаго конца» еще покланялись стоявшему за городомъ каменному идолу Велеса и приносили

ему жертвы. Авраамій жезломъ своимъ разрушилъ этотъ идолъ; а на мѣстѣ его основалъ первый Ростовскій монастырь въ честь Богоявленія. Подобно Леонтію, онъ привлекалъ къ себѣ юношей, училъ ихъ грамотѣ и крестилъ; потомъ многіе изъ нихъ приняли постриженіе въ его монастырѣ. Язычники не разъ хотѣли напасть на него и сжечь монастырь; но преподобный не смущался ихъ угрозами и энергически продолжалъ свою проповѣдь.

Трудами сихъ трехъ мѣстночтимыхъ подвижниковъ христіанство умножилось въ Ростовской землѣ и пустило здѣсь глубокіе корни. Со времени Юрія Долгорукаго, т. е. съ тѣхъ поръ какъ князь и его дружина утвердили здѣсь свое пребываніе, а Ростовская каѳедра окончательно отдѣлилась отъ Переяславской, мы видимъ православіе уже господствующимъ въ этомъ краю; населеніе главныхъ городовъ отличается своею набожностію и усердіемъ къ церкви. При Юріѣ Долгорукомъ епископомъ ростовскимъ былъ Несторъ, при Андреѣ Боголюбскомъ Леонъ и Ѳеодоръ. Усиленіе Суздальскаго княжества и возвышеніе его надъ Кіевскимъ естественно повело за собой и притязанія ростовскихъ епископовъ: Несторъ, Леонъ и особенно Ѳеодоръ уже дѣлаютъ попытки стать въ независимыя отношенія къ кіевскому митрополиту и самую Ростовскую каѳедру возвысить на степень митрополіи. По извѣстію нѣкоторыхъ лѣтописей, Андрей сначала покровительствовалъ этимъ стремленіямъ, имѣя въ виду утвердить новую митрополію за своимъ любимымъ Владиміромъ. Но, встрѣтивъ неодобреніе со стороны Константинопольскаго патріархата, онъ оставляетъ мысль объ отдѣленіи митрополіи, и ограничивается желаніемъ или просто перенести епископію изъ Ростова во Владиміръ, или завести здѣсь особую каѳедру.

Въ это время Русскую церковь волновалъ споръ о томъ, можно ли вкушать масло и молоко по середамъ и пятницамъ въ господскіе праздники. Мы видѣли, что іерархи изъ Грековъ рѣшили его отрицательно; но рѣшеніе это не нравилось нѣкоторымъ князьямъ, которыхъ поддерживала и часть собственно русскаго духовенства. Споръ мѣстами принялъ острый характеръ. Мы видѣли, какъ черниговскій князь Святославъ Всеволодовичъ, раздраженный упорствомъ епископа Антонія, изгналъ его изъ Чернигова. Но еще прежде того и почти то-

же самое произошло въ Суздальской землѣ. Ростовскій епископъ Леонъ, обвиняемый въ лихоимствѣ и разныхъ притѣсненіяхъ, оказался къ тому же ревностнымъ противникомъ употребленія мяса въ господскіе праздники. На борьбу съ нимъ выступилъ Θеодоръ, племянникъ извѣстнаго кіевскаго боярина Петра Бориславича, постриженникъ Кіевопечерской обители, мужъ книжный и бойкій на словахъ. Преніе происходило въ присутствіи князя Андрея; по свидѣтельству лѣтописи Θеодоръ переспорилъ («упре») Леона. Однако дѣло на томъ не кончилось. Рѣшили обратиться въ Грецію; куда и былъ отправленъ Леонъ въ сопровожденіи пословъ, кіевскаго, суздальскаго, переяславскаго и черниговскаго. Тамъ онъ отстаивалъ свое мнѣніе въ присутствіи императора Мануила Комнена, стоявшаго въ то время съ войскомъ на Дунаѣ. На сей разъ споръ противъ него велъ епископъ болгарскій Адріанъ Императоръ склонился на сторону послѣдняго. Леонъ выражался такъ дерзко, что царскіе слуги схватили его и хотѣли утопить въ рѣкѣ (1164).

Но эта такъ наз. Леонтіанская ересь продолжалась и послѣ того. Ростовскую каѳедру, по желанію Андрея, занялъ Θеодоръ. Однако онъ не долго пользовался расположеніемъ князя. Гордый и дерзкій, онъ не хотѣлъ признать надъ собою власть кіевскаго митрополита, и не ѣхалъ къ нему на поставленіе. Кромѣ того Θеодоръ отличался еще бо́льшимъ корыстолюбіемъ и жестокостію чѣмъ его предшественникъ; вымогалъ чрезвычайные поборы съ подвластнаго ему духовенства разными пытками и мучительствами; даже подвергалъ пыткамъ княжескихъ бояръ и слугъ. Гордость его дошла до того, что на укоризны князя онъ отвѣчалъ приказомъ запереть всѣ церкви въ городѣ Владимірѣ и прекратить богослуженіе въ самомъ соборномъ храмѣ Богородицы. Этотъ удивительный русскій епископъ, вѣроятно, хотѣлъ подражать примѣрамъ и образу дѣйствія властолюбивыхъ іерарховъ Латинской церкви. Князь въ началѣ самъ покровительствовалъ Θеодору; но наконецъ всеобщими жалобами на него и его дерзостію былъ выведенъ изъ терпѣнія, низложилъ его, и отправилъ на судъ въ Кіевъ къ митрополиту. Послѣдній, слѣдуя своимъ византійскимъ обычаямъ, велѣлъ

отрѣзать ему языкъ, отсѣчь правую руку и выколоть глаза (1171 г.).

Благочестіе Андрея съ особою силою выразилось въ его усердіи къ построенію и украшенію храмовъ; въ чемъ онъ не только подражалъ своему отцу, но и превзошелъ его. Въ 1160 г. былъ страшный пожаръ въ Ростовѣ; въ числѣ другихъ храмовъ сгорѣла соборная церковь Успенія Богородицы, «дивная и великая», по замѣчанію лѣтописца. Она была построена при Владимірѣ Мономахѣ въ томъ же архитектурномъ стилѣ и въ тѣхъ же размѣрахъ какъ Успенскій храмъ въ Кіевопечерскомъ монастырѣ. Андрей на мѣстѣ сгорѣвшей заложилъ каменную въ томъ же стилѣ. Онъ докончилъ начатый его отцомъ каменный храмъ св. Спаса въ Переяславлѣ Залѣсскомъ; воздвигъ нѣсколько новыхъ храмовъ и по другимъ городамъ. Но главное попеченіе, конечно, онъ обратилъ на свой стольный Владиміръ. Уже въ 1158 году Андрей заложилъ здѣсь каменный соборный храмъ въ честь Успенія Богородицы; чрезъ два года окончилъ его и приступилъ къ стѣнному расписанію. Для постройки и украшенія этого храма онъ призывалъ мастеровъ изъ разныхъ земель, т. е. не только изъ Южной Руси, но также изъ Греціи и Германіи; въ чемъ ему помогали, находившіеся въ дружественныхъ съ нимъ сношеніяхъ, знаменитые его современники Мануилъ Комненъ и Фридрихъ Барбаруса. Храмъ этотъ сталъ называться «Златоверхимъ» отъ своего позлащеннаго купола. Князь поставилъ въ немъ драгоцѣнную святыню, икону Богородицы; одарилъ его селами и разными угодьями; по примѣру кіевской Десятинной церкви, назначилъ на содержаніе его причта десятую часть отъ торговыхъ пошлинъ, отъ княжихъ стадъ и жатвы. Какъ Кіевская Богородица имѣла въ своемъ владѣніи городъ Полонный, такъ и Владимірской Андрей отдалъ цѣлый городъ Гороховецъ или доходы съ него. Также по образцу Кіева, онъ построилъ въ городской стѣнѣ каменныя ворота, названныя Золотыми, съ церковью на верху; а другія ворота, по замѣчанію лѣтописца, украсилъ серебромъ. Андрей любилъ похвалиться изяществомъ и богатствомъ воздвигнутыхъ имъ храмовъ, особенно Успенскимъ соборнымъ. Когда во Владиміръ пріѣзжали какіе-либо гости изъ Царяграда, Германіи или Скандинавіи, то князь

приказывалъ вести ихъ въ златоверхій храмъ Богородицы и показать красоту ея. Тоже онъ дѣлалъ съ гостями болгарскими и Евреями, чтобы расположить ихъ къ принятію христіанской вѣры.

Съ особеннымъ тщаніемъ Андрей украшалъ храмъ Рождества Богородицы, воздвигнутый имъ въ городкѣ Боголюбовѣ, который лежалъ въ десяти верстахъ отъ Владиміра ниже на Клязьмѣ, около впаденія въ нее рѣки Малой Нерли. Священная легенда (впрочемъ позднѣйшаго времени) связала построеніе этого городка и храма съ принесеніемъ чудотворной иконы Богородицы изъ Вышгорода въ Суздальскую землю. Когда Андрей изъ Владиміра продолжалъ путь съ иконою въ Ростовъ,—повѣствуетъ сказаніе—кони вдругъ остановились; напрасно ихъ били, впрягали другихъ коней, колесница съ иконою не двигалась. Сопровождавшій ее священникъ совершилъ передъ нею молебствіе; при чемъ самъ князь молился усердно. Потомъ онъ заснулъ въ шатрѣ, и въ полночь удостоился видѣнія: сама Богородица явилась передъ нимъ, и повелѣла оставить икону во Владимірѣ, а на семъ мѣстѣ воздвигнуть каменный храмъ въ честь Рождества. Это мѣсто чуднаго видѣнія названо имъ «Боголюбимое». Какъ бы то ни было, Андрей, по замѣчанію лѣтописца, построилъ городокъ Боголюбый въ такомъ именно разстояніи отъ Владиміра, въ какомъ находился Вышгородъ отъ Кіева. А посреди городка соорудилъ храмъ Рождественскій почти одновременно съ владимірскимъ Успенскимъ и въ томъ же архитектурномъ стилѣ, объ одномъ верхѣ или объ одной главѣ. Церковь эта также богато была изукрашена стѣнными расписаніемъ, узорчатою рѣзьбою, позолотою, иконами и дорогою церковною утварью. Тутъ же подлѣ нея великій князь соорудилъ себѣ теремъ, и пристроилъ особую каменную храмину, ведущую изъ терема на полати церкви. Кромѣ того въ окрестностяхъ городка, на самомъ устьѣ Нерли, онъ воздвигъ подобный же храмъ въ честь Покрова Богородицы, при которомъ былъ устроенъ монастырь. Вообще Андрей послѣднее время своей жизни проводилъ преимущественно въ Боголюбовѣ, откуда и получилъ свое прозваніе. Здѣсь онъ вполнѣ предавался своей страсти къ постройкамъ; сюда собиралъ отвсюду мастеровъ и ремесленниковъ, и, бережливый во всемъ другомъ, не ща-

дилъ на нихъ своей богатой казны. Иногда посреди ночи набожный князь уходилъ изъ своего терема въ Рождественскій храмъ; самъ зажигалъ свѣчи и любовался его красотою, или молился передъ иконами о своихъ грѣхахъ. Набожность его выражалась и въ щедрой раздачѣ милостыни нищимъ и убогимъ. Знакомый, конечно, съ лѣтописью Сильвестра Выдубецкаго, Андрей, подражая предку своему Владиміру Великому, приказывалъ развозить по городу брашно и питіе больнымъ и убогимъ, которые не могли приходить на княжій дворъ ([29]).

Предпочтеніе, которое великій князь подъ конецъ жизни оказывалъ малому городку, пребывая въ немъ болѣе чѣмъ въ стольномъ городѣ, это предпочтеніе нельзя объяснять исключительно политическими соображеніями, напримѣръ, желаніемъ находиться вдали отъ земскихъ бояръ и вѣчниковъ, чтобы тѣмъ безпрепятственнѣе утверждать свое самовластіе. Мы уже знаемъ, что русскіе князья того времени вообще мало пребывали въ стольныхъ городахъ; а обыкновенно съ своими ближними дружинниками проживали въ загородныхъ дворахъ гдѣ-либо по близости отъ столицы. Тутъ они устроивали свои терема, сооружали придворные храмы и цѣлые монастыри, окружали себя разными хозяйственными заведеніями, и занимались охотою въ окрестныхъ лѣсахъ и поляхъ. Однако предпочтительное пребываніе Андрея въ Боголюбовѣ, очевидно, соотвѣтствовало его вкусамъ, и хозяйственнымъ, и политическимъ. Здѣсь онъ не окружалъ себя старшимъ боярствомъ, предоставляя ему службу въ городахъ, въ качествѣ намѣстниковъ и посадниковъ, или пребываніе въ собственныхъ селахъ, и такимъ образомъ не обращался постоянно къ его совѣтамъ въ дѣлахъ земскихъ и ратныхъ. Онъ держалъ при себѣ младшихъ дружинниковъ, которые въ сущности были его слугами, его *дворомъ*, слѣдовательно не могли перечить князю, стѣснять его самовластіе. Но вполнѣ удалить отъ себя большихъ бояръ онъ не могъ; иначе жестоко вооружилъ бы противъ себя все это сильное сословіе. Были, конечно, у него нѣкоторые заслуженные или любимые бояре; наконецъ были между ними его свойственники. Эти-то послѣдніе и послужили орудіемъ къ его погибели.

Никого изъ близкихъ родственниковъ Андрея мы не встрѣчаемъ въ его Боголюбовскомъ уединеніи. Братья и племянники оставались въ Южной Руси; старшіе сыновья Изяславъ и Мстиславъ умерли; а младшій, Юрій, сидѣлъ на княженіи въ Новгородѣ Великомъ. Андрей былъ женатъ на дочери боярина Кучка. Преданіе говоритъ, что Юрій Долгорукій казнилъ этого боярина за какую-то вину, присвоилъ себѣ его помѣстье, въ которомъ и основалъ городъ Москву. Живя въ Боголюбовѣ, Андрей повидимому былъ уже вдовъ; но при немъ оставались два Кучковича, братья его жены, въ качествѣ ближнихъ и большихъ бояръ. Къ этимъ большимъ боярамъ принадлежали также зять Кучковичей Петръ и еще какой-то пришлецъ съ Кавказа изъ Ясовъ или Аланъ, по имени Анбалъ. Сему послѣднему великій князь довѣрилъ ключи, то-есть управленіе своимъ домомъ. Но эти люди, осыпанные милостями, не питали къ нему любви и преданности. Умный, набожный князь не отличался мягкимъ нравомъ въ отношеніи къ окружающимъ; а подъ старость характеръ его сдѣлался еще тяжеле и суровѣе. Избѣгая слишкомъ близкаго общенія съ подданными и отличаясь трезвостію, Андрей, не любилъ пить и бражничать съ своею дружиною, какъ это было въ обычаѣ у русскихъ князей. Съ такимъ характеромъ, съ такими привычками онъ не могъ пользоваться большимъ расположеніемъ дружинниковъ, которые прежде всего цѣнили въ князьяхъ щедрость и ласковое обхожденіе. Не видно также, чтобы и земскіе люди питали къ нему привязанность. Не смотря на строгость князя, его корыстолюбивые посадники и тіуны умѣли преслѣдовать свои собственныя выгоды, притѣснять народъ неправдами и поборами.

Одинъ изъ Кучковичей какимъ-то проступкомъ до того прогнѣвалъ великаго князя, что послѣдній велѣлъ казнить боярина, подобно тому какъ отецъ его Юрій казнилъ самого Кучка. Это событіе сильно возмутило бояръ, и безъ того роптавшихъ на самовластіе Андрея. Братъ казненнаго Якимъ собралъ на совѣтъ недовольныхъ, и говорилъ имъ въ такомъ смыслѣ: «сегодня казнилъ его, а завтра дойдетъ чередъ до насъ; подумаемъ о своихъ головахъ». На совѣщаніи рѣшено было убить великаго князя. Число заговорщиковъ простиралось до двадцати; вожаками ихъ кромѣ Якима Кучковича яви-

лись помянутый зять его Петръ, ключникъ Анбалъ и еще какой-то Ефремъ Моизовичъ, вѣроятно перекрестъ изъ Жидовъ, которыхъ Андрей любилъ обращать въ христіанство, также какъ Болгаръ. Подобное возвышеніе и приближеніе къ себѣ инородцевъ, можетъ быть, происходило изъ недовѣрія князя къ кореннымъ русскимъ боярамъ и его разсчета на преданность людей, всѣмъ ему обязанныхъ. Но безъ сомнѣнія и этихъ, взысканныхъ имъ проходимцевъ, раздражали непрочность его благоволенія и опасеніе уступить свое мѣсто новымъ любимцамъ. Именно въ то время самымъ приближеннымъ лицомъ къ князю сдѣлался какой-то отрокъ Прокопій, слѣдовательно возвышенный изъ младшихъ дружинниковъ или дворянъ. Прежніе любимцы завидовали Прокопію и искали случая его погубить.

Была суббота 29 іюня 1175 года, праздникъ свв. апостолъ Петра и Павла. Зять Кучковъ Петръ праздновалъ свои именины. Къ нему на обѣдъ, собрались недовольные бояре, и тутъ окончательно порѣшили замыселъ свой немедля привести въ исполнѣніе. Когда настала ночь, они вооружились и отправились на княжій дворъ; умертвили сторожей, охранявшихъ ворота, и пошли на сѣни, т. е. въ пріемный покой терема. Но тутъ на нихъ напали страхъ и трепетъ. Тогда—конечно по приглашенію ключника Анбала—они зашли въ княжую медушу и ободрили себя виномъ. Затѣмъ поднялись опять на сѣни, и тихо подошли къ Андреевой ложницѣ. Одинъ изъ нихъ постучалъ и сталъ кликать князя.

«Кто тамъ»? спросилъ Андрей.

«Прокопій»—получилъ онъ въ отвѣтъ.

«Нѣтъ, это не Прокопій»—сказалъ князь.

Видя, что нельзя войти хитростію, заговорщики устремились всей толпой, и выломали двери. Князь хотѣлъ взять свой мечъ, который, по преданію, принадлежалъ когда-то св. Борису; но коварный ключникъ спряталъ его заранѣе. Андрей, не смотря на годы еще сохранявшій тѣлесную силу, схватился въ потьмахъ съ двумя прежде другихъ ворвавшимися убійцами, и одного изъ нихъ повергъ на землю. Другой, думая, что поверженъ былъ князь, нанесъ ему

ударъ оружіемъ. Но заговорщики вскорѣ замѣтили ошибку, и налегли на князя. Продолжая обороняться, онъ горячо укорялъ ихъ, сравнивалъ съ Горясѣромъ, убійцею св. Глѣба, грозилъ Божьей местью неблагодарнымъ, которые за его же хлѣбъ проливаютъ его кровь; но тщетно. Вскорѣ онъ упалъ подъ ударами мечей, сабель и копій. Считая все конченнымъ, заговорщики взяли своего павшаго товарища, и пошли вонъ изъ терема. Князь, хотя весь израненный, вскочилъ, и въ безпамятствѣ со стенаніями послѣдовалъ за своими убійцами. Тѣ услыхали его голосъ и воротились назадъ. «Я какъ будто видѣлъ князя, сходящаго съ сѣней внизъ» — сказалъ одинъ изъ нихъ. Пошли въ ложницу; но тамъ никого не было. Зажгли свѣчу, и по кровавому слѣду нашли князя сидящаго за столбомъ подъ лѣстницею. Увидя ихъ приближеніе, онъ началъ творить послѣднюю молитву. Бояринъ Петръ отрубилъ ему руку, а другіе его докончили. Умертвили также его любимца Прокопія. Послѣ того убійцы занялись расхищеніемъ княжаго добра. Собрали золото, драгоцѣнные камни, жемчугъ, дорогія одежды, утварь и оружіе; поклали все это на княжихъ коней, и еще до свѣта развезли по своимъ домамъ.

На слѣдующее утро, въ Воскресенье, убійцы поспѣшили принять мѣры для своей безнаказанности. Они опасались дружины, сидѣвшей въ стольномъ Владимірѣ; а потому начали «собирать полкъ», т. е. вооружать на свою защиту всѣхъ кого могли. Въ тоже время они послали спросить Владимірцевъ, что тѣ намѣрены предпринять? И велѣли сказать имъ, что совершенное дѣло задумали не отъ себя только, но отъ всѣхъ (дружинниковъ). Владимірцы на это возразили: «кто былъ съ вами въ думѣ, тотъ пусть и отвѣчаетъ, а намъ его не надобно». Ясно было, что главная дружина встрѣтила ужасную вѣсть довольно равнодушно, и не показала охоты мстить за смерть нелюбимаго господина. Такъ какъ по близости не было никого изъ князей, кто бы могъ схватить власть твердою рукою, то немедленно гражданскій порядокъ былъ нарушенъ. Начался неистовый грабежъ. Въ Боголюбовѣ, по примѣру дружинниковъ, чернь бросилась на княжій дворъ, и расташивала все, что попадалось подъ руку. Потомъ принялись грабить дома тѣхъ мастеровъ, которыхъ Андрей собиралъ

отсюду для своихъ построекъ и которые, повидимому, успѣли нажить отъ нихъ значительное имущество. Чернь напала также на посадниковъ, тіуновъ, мечниковъ и другихъ княжихъ слугъ, нелюбимыхъ за неправедный судъ и разныя притѣсненія; многихъ изъ нихъ перебила и дома ихъ разграбила. Изъ сосѣднихъ селъ приходили крестьяне и помогали горожанамъ въ грабежѣ и насиліяхъ. По примѣру Боголюбова, тоже самое произошло и въ стольномъ Владимірѣ. Здѣсь мятежъ и грабежи утихли только тогда, когда соборный священникъ Микулица и весь клиръ облеклись въ ризы, взяли изъ Успенскаго храма всѣми чтимую икону Богородицы и начали ходить по городу.

Кіевская лѣтопись сообщаетъ далѣе любопытныя и трогательныя подробности.

Между тѣмъ какъ происходили эти мятежи и разныя беззаконія, тѣло убіеннаго князя, брошенное въ огородъ, лежало тамъ ничѣмъ не прикрытое. Бояре грозили убить всякаго, кто вздумаетъ оказывать ему почести. Нашелся однако честный и добрый слуга княжій, какой-то Кузмище Кіевлянинъ, который, повидимому, не былъ во время убійства въ Боголюбовѣ, а пришелъ сюда, услыхавъ о случившемся. Онъ началъ плакать надъ тѣломъ покойнаго, причитая, какъ онъ побѣдилъ полки «поганыхъ» Болгаръ, а не могъ побѣдить своихъ «пагубоубійственныхъ ворожбитъ».

Подошелъ Анбалъ ключникъ.

«Амбале, вороже! Сбрось коверъ или что нибудь, что можно подостлать и чѣмъ бы прикрыть тѣло нашего господина»—сказалъ ему Кузмище.

«Поди прочь. Мы хотимъ выбросить его псамъ».

«О еретиче! Ужъ и псамъ выбросить! Помнишь ли, жидовинъ, въ чемъ ты пришелъ сюда? Теперь ты въ оксамитѣ стоишь, а князь нагъ лежитъ. Но молю тебя, сбрось что нибудь».

Ключникъ какъ бы усовѣстился, сбросилъ коверъ и корзно.

Кузмище обернулъ тѣло князя, отнесъ его къ Рождественской церкви и просилъ отпереть ее.

«Вотъ нашелъ о чемъ печалиться! Свали тутъ въ притворѣ»—отвѣчали ему пьяные приставники, которые, очевидно, предавались буйству наравнѣ со всѣми.

Кузмище со слезами вспомнилъ по этому случаю, какъ, бывало, князь приказывалъ водить въ церковь всякихъ нехристей и показывать имъ славу Божію; а теперь въ эту же изукрашенную имъ церковь его самого не пускали его собственные наробки. Онъ положилъ тѣло въ притворѣ на коверъ и прикрылъ корзномъ. Тутъ оно пролежало два дня и двѣ ночи. На третій день пришелъ Арсеній, игуменъ Козмодемьянскаго (вѣроятно Суздальскаго) монастыря, и началъ говорить боголюбскимъ клирошанамъ:

«Долго-ли смотрѣть намъ на старшихъ игумновъ? И долго ли лежать тутъ князю? Отоприте-ко божницу; я отпою его; а вы положите его въ (деревянную) буду или въ (каменный) гробъ, и, когда прекратится мятежъ, то пусть придутъ изъ Владиміра и отнесутъ его туда».

Клирошане послушались; внесли князя въ церковь, положили въ каменную гробницу, и отпѣли надъ нимъ панихиду, вмѣстѣ съ Арсеніемъ.

Только въ слѣдующую пятницу, то-есть уже на шестой день послѣ убійства Владимірцы опомнились. Бояре, дружина и городскіе старцы сказали игумну Ѳеодулу и Лукѣ, домественнику (уставщику церковнаго пѣнія) при Успенскомъ храмѣ, чтобы снарядили носилки и вмѣстѣ съ успенскими клирошанами отправились за тѣломъ князя. А священнику Микулицѣ велѣли собрать поповъ, облечься въ ризы и стать за Серебряными воротами съ иконою Богородицы, чтобы встрѣтить гробъ. Такъ и было сдѣлано. Когда со стороны Боголюбова показался княжій стягъ, который несли передъ гробомъ, Владимірцы, столпившіеся у Серебряныхъ воротъ, прослезились и начали причитать. При этомъ вспоминали добрыя стороны князя и его послѣднее намѣреніе: ѣхать въ Кіевъ, чтобы соорудить тамъ новую церковь на Великомъ дворѣ Ярослава; для чего онъ уже и мастеровъ послалъ. Затѣмъ съ должною честію и молитвенными пѣснопѣніями князь былъ погребенъ въ своемъ златоверхомъ Успенскомъ храмѣ ([30]).

Безпорядки, которые послѣдовали за убіеніемъ Андрея, вызвали въ лучшей, наиболѣе зажиточной, части населенія желаніе поскорѣе прекратить безначаліе; т. е. *призвать князей*, безъ которыхъ древняя Русь не могла себѣ и представить существованіе какого-либо общественнаго порядка, а въ особен-

ности какой-либо внѣшней безопасности. Во Владимірѣ съѣхались бояре и дружинники изъ Ростова, Суздаля, Переяславля и вмѣстѣ съ владимірскою дружиною начали совѣщаться о томъ: кого изъ потомковъ Юрія Долгорукаго призвать на княженіе. Многіе голоса указывали на необходимость спѣшить этимъ дѣломъ, потому что сосѣдніе князья, муромскіе и рязанскіе, пожалуй вздумаютъ мстить за прежнія притѣсненія отъ суздальскихъ и придутъ ратью, пользуясь тѣмъ, что въ Суздальской землѣ нѣтъ князя. Опасеніе это было справедливо; ибо на Рязанскомъ столѣ сидѣлъ въ то время суровый, предпріимчивый князь Глѣбъ Ростиславичъ. Есть даже поводъ предполагать, что означенныя смуты въ Суздальской землѣ и самое убіеніе Андрея Боголюбскаго произошли не безъ нѣкотораго участія Глѣба Рязанскаго, при посредствѣ его сторонниковъ и клевретовъ. На съѣздѣ Владимірскомъ мы находимъ его пословъ, именно двухъ рязанскихъ бояръ Дѣдильца и Бориса.

Кромѣ малолѣтняго сына Юрія Новогородскаго, послѣ Андрея остались два младшихъ его брата, Михаилъ и Всеволодъ, которые приходились ему братьями по отцу, а не по матери, будучи рождены отъ второй жены Долгорукаго. Еще было у него два племянника, Мстиславъ и Ярополкъ Ростиславичи. Подъ вліяніемъ рязанскихъ пословъ большинство съѣзда склонилось на сторону племянниковъ, которые приходились шурьями Глѣбу Рязанскому; такъ какъ онъ былъ женатъ на ихъ сестрѣ. Съѣздъ послалъ нѣсколькихъ мужей къ Рязанскому князю съ просьбою присоединить къ нимъ также своихъ пословъ и всѣхъ вмѣстѣ отправить за своими шурьями. И братья, и племянники Андрея въ то время проживали у черниговскаго князя Святослава Всеволодовича. Очевидно, далеко не всѣ Суздальцы желали племянниковъ; нѣкоторые еще помнили присягу, данную Долгорукому, посадить на своемъ столѣ меньшихъ его сыновей. Кромѣ того Черниговскій князь болѣе покровительствовалъ Юрьевичамъ, нежели Ростиславичамъ. Поэтому дѣло устроилось такъ, что всѣ четыре князя отправились въ Ростовско-Суздальскую землю, чтобы княжить въ ней сообща; старѣйшинство признали за Михалкомъ Юрьевичемъ; на чемъ и присягнули передъ епископомъ Черниговскимъ. Михалко и одинъ изъ Ростиславичей, Ярополкъ, поѣхали впереди. Но ког-

да они достигли Москвы, ихъ встрѣтило здѣсь новое посольство, собственно отъ Ростовцевъ, которое объявило Михалку, чтобы онъ подождалъ въ Москвѣ, а Ярополка пригласило ѣхать далѣе. Очевидно, Ростиславичамъ не нравился черниговскій договоръ о совмѣстномъ княженіи Юрьевичей съ Ростиславичами и о старшинствѣ Михалка. Но Владимірцы приняли послѣдняго, и посадили его на свой столъ.

Затѣмъ началась борьба или междоусобіе дядей съ племянниками—борьба, любопытная въ особенности по различному отношенію къ ней суздальскихъ городовъ. Старѣйшій изъ нихъ, Ростовъ, конечно съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на предпочтеніе, которое Андрей оказывалъ младшему передъ нимъ Владиміру. Теперь настало для Ростовцевъ, казалось, удобное время воротить свое прежнее первенствующее значеніе и смирить Владиміръ. Называя его своимъ «пригородомъ», Ростовцы потребовали, чтобы онъ подчинился ихъ рѣшеніямъ, по примѣру другихъ русскихъ земель: «ибо изначала Новогородцы, Смольняне, Кіевляне, Полочане и всѣ власти какъ на думу на вѣче сходятся, и на чемъ старѣйшіе положатъ, на томъ и пригороды станутъ». Раздраженные гордостью Владимірцевъ, Ростовцы говорили: «вѣдь это наши холопы и каменьщики; сожжемъ Владиміръ или поставимъ въ немъ опять своего посадника». Въ этой борьбѣ на сторонѣ Ростова стоялъ другой старшій городъ, Суздаль; а Переяславль Залѣсскій обнаружилъ колебаніе между противниками. Ростовцы и Суздальцы собрали большое войско, получили еще помощь отъ Муромцевъ и Рязанцевъ, осадили Владиміръ, и послѣ упорной обороны принудили его на время подчиниться своему рѣшенію. Михалко удалился опять въ Черниговъ; въ Ростовѣ сѣлъ старшій Ростиславичъ Мстиславъ, а во Владимірѣ младшій Ярополкъ. Эти молодые неопытные князья вполнѣ подчинились вліянію ростовскихъ бояръ, которые всякими неправдами и притѣсненіями спѣшили обогатить себя на счетъ народа. Кромѣ того Ростиславъ привелъ съ собою южно-русскихъ дружинниковъ, которые также получили мѣста посадниковъ и тіуновъ и также принялись утѣснять народъ продажами (пенями) и вирами. Совѣтники Ярополка захватили даже ключи отъ кладовыхъ Успенскаго собора, начали расхищать его сокровища, отнимать у него села и дани, утвержденныя за нимъ Андреемъ. Ярополкъ

допустилъ своего союзника и свояка Глѣба Рязанскаго завладѣть нѣкоторыми церковными драгоцѣнностями, какъ-то книгами, сосудами и даже самою чудотворною иконою Богородицы.

Когда такимъ образомъ не только оскорблена была политическая гордость Владимірцевъ, но и затронуто ихъ религіозное чувство, тогда они выступили еще съ большею энергіей, и вновь призвали Юрьевичей изъ Чернигова. Михалко явился съ черниговскою вспомогательною дружиною, и изгналъ Ростиславичей изъ Суздальской земли. Признательный Владиміру, онъ снова утвердилъ въ немъ главный княжій столъ; а брата Всеволода посадилъ въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ. Ростовъ и Суздаль были вновь унижены, не получивъ себѣ особаго князя. Михалко долгое время жилъ въ Южной Руси и отличился тамъ ратными подвигами, особенно противъ Половцевъ. Утвердясь во Владимірѣ, онъ немедленно принудилъ Глѣба Рязанскаго воротить главную святыню Владимірскую, т. е. икону Богородицы, и все что было похищено имъ изъ Успенскаго храма.

Но уже въ слѣдующемъ 1177 г. Михалко скончался, и во Владимірѣ сѣлъ младшій Юрьевичъ Всеволодъ. Ростовскіе бояре попытались снова оспаривать первенство Владиміра и снова призвали Ростиславичей на княженіе. Усерднымъ союзникомъ ихъ опять выступилъ тотъ же Глѣбъ Рязанскій. Онъ съ наемными толпами Половцевъ вошелъ въ Суздальскую землю, сжегъ Москву, прямымъ путемъ, черезъ лѣса, устремился къ Владиміру, и разграбилъ Боголюбовъ съ его Рождественскимъ храмомъ. Между тѣмъ Всеволодъ, получивъ помощь отъ Новогородцевъ и Святослава Черниговскаго, пошелъ было въ Рязанскую землю; но, услыхавъ, что Глѣбъ уже разоряетъ окрестности его столицы, поспѣшилъ назадъ, и встрѣтилъ непріятеля на берегахъ рѣчки Колокши, впадающей слѣва въ Клязьму. Глѣбъ потерпѣлъ здѣсь полное пораженіе, попалъ въ плѣнъ, и вскорѣ умеръ въ заключеніи. Оба Ростиславича также были захвачены Всеволодомъ; но потомъ по ходатайству Черниговскаго князя отпущены къ родственникамъ въ Смоленскъ.

Такою блистательною побѣдою началъ свое княженіе Всеволодъ III, по прозванію *Большое Гнѣздо*, который снова соединилъ въ своихъ рукахъ всю Ростовско-Суздальскую землю.

Юность свою Всеволодъ провелъ въ разныхъ мѣстахъ, посреди разнообразныхъ обстоятельствъ и перемѣнъ въ своей судьбѣ; что не мало способствовало развитію его практическаго, гибкаго ума и правительственныхъ способностей. Между прочимъ, еще будучи дитятей, онъ съ матерью своей и братьями (изгнанными Андреемъ изъ Суздаля) пробылъ нѣкоторое время въ Византіи, откуда могъ увезти много поучительныхъ впечатлѣній; потомъ онъ долго проживалъ въ Южной Руси, гдѣ навыкъ ратному дѣлу. Усмиреніемъ крамольныхъ Ростовцевъ, побѣдою надъ враждебнымъ сосѣдомъ, Рязанскимъ княземъ, и окончательнымъ возвышеніемъ Владимірцевъ Всеволодъ съ самаго начала сдѣлался ихъ любимцемъ; успѣхи его они приписывали особому покровительству своей главной святыни, чудотворной иконы Богородицы. Самое поведеніе Всеволода на первыхъ порахъ его княженія является съ оттѣнкомъ нѣкоторой мягкости и добродушія. Послѣ побѣды на Колокшѣ владимірскіе бояре и купцы едва не подняли мятежа за то, что князь оставилъ на свободѣ плѣнныхъ Ростовцевъ, Суздальцевъ и Рязанцевъ; чтобъ утишить волненіе, онъ принужденъ былъ разсадить ихъ по тюрьмамъ. Нѣчто подобное повторилось спустя нѣсколько лѣтъ при осадѣ новогородскаго пригорода Торжка. Мы видѣли, что когда князь медлилъ приступомъ, какъ бы щадя городъ, дружина его начала роптать, говоря: «мы не цѣловаться съ ними пріѣхали», и князь принужденъ былъ брать городъ на щитъ. Изъ тѣхъ же данныхъ историкъ имѣетъ полное право заключить, что нѣкоторыя видныя черты въ дѣятельности знаменитаго сѣверно-русскаго князя, помимо его личнаго характера, обусловились окружающею средою, характеромъ сѣверно-русскаго населенія.

Очевидно, неудачный конецъ, который постигъ попытку Андрея ввести полное самовластіе, по естественному историческому закону, повелъ за собою такъ наз. реакцію въ пользу тѣхъ, кого онъ пытался совершенно подчинить своей волѣ, т. е. въ пользу бояръ и дружины. Во время междоусобій, происшедшихъ послѣ его смерти, ростовское и суздальское боярство было побѣждено и унижено, но только для того, чтобы примкнуть къ своимъ побѣдителямъ, боярамъ и дружинникамъ владимірскимъ и имѣть съ ними об-

щіе интересы. Какъ въ другихъ областяхъ Руси, города сѣверовосточные во время этихъ смутъ обнаруживаютъ преданность къ своему княжему роду (потомству Долгорукаго), и не зовутъ князей изъ какой-либо другой вѣтви. Но они также не сажаютъ ихъ на свой столъ безусловно, а только по извѣстному ряду или договору. Такъ, по поводу помянутыхъ притѣсненій народу отъ пришлыхъ дружинниковъ Ярополка Ростиславича, Владимірцы начали творить вѣча, на которыхъ говорилось въ такомъ смыслѣ: «Мы по своей волѣ приняли къ себѣ князя, и утвердились съ нимъ крестнымъ цѣлованіемъ; а этимъ (Южноруссамъ) совсѣмъ не подобаетъ сидѣть у насъ и грабить чужую волость. Промышляйте братья!» Точно также не безъ ряду Владимірцы посадили у себя Михалка, а потомъ Всеволода. Этотъ рядъ, конечно, состоялъ въ подтвержденіи старыхъ обычаевъ, обезпечивающихъ преимущества военнаго сословія или бояръ и дружины, а также нѣкоторыя права земскихъ людей по отношенію къ суду и управленію. Слѣдовательно въ Сѣверовосточной Руси мы видимъ пока тѣже обычаи и отношенія дружины къ своимъ князьямъ какъ и въ Южной, тѣже городскія вѣча. Впрочемъ всѣ сѣверные князья, до Всеволода включительно, часть своей жизни провели въ Южной Руси, имѣли тамъ владѣнія, и приводили съ собою на сѣверъ многихъ Южноруссовъ, въ томъ числѣ и Кіевлянъ. Сѣверная Русь еще питалась кіевскими обычаями и преданіями, такъ сказать, кіевскою гражданственностію.

Въ тоже время однако начинаютъ выступать наружу и тѣ черты отличія, которыя впослѣдствіи развились и сообщили Сѣверовосточной Руси другой оттѣнокъ сравнительно съ Русью Кіевскою. Боярство и дружина на сѣверѣ получаютъ оттѣнокъ болѣе земскій чѣмъ на югѣ, болѣе осѣдлый и землевладѣльческій; они ближе стоятъ къ другимъ сословіямъ и не представляютъ такого преобладанія въ ратной силѣ какъ на югѣ. Подобно новогородскому, суздальское ополченіе—это по преимуществу земская рать, съ боярами и дружиной во главѣ. Сѣверовосточная дружина менѣе отдѣляетъ свои выгоды отъ интересовъ земли; она болѣе сплачивается съ остальнымъ населеніемъ и болѣе содѣйствуетъ князьямъ въ ихъ политическихъ и хозяйственныхъ заботахъ. Однимъ словомъ, въ Сѣверовосточной Руси мы видимъ

начатки болѣе государственныхъ отношеній. Нѣкоторыя черты суздальскаго боярства какъ будто напомнили честолюбивыя стремленія современнаго ему боярства галицкаго. Но на сѣверѣ оно не могло найти такой же благопріятной почвы для своихъ притязаній. Населеніе здѣсь отличалось менѣе впечатлительнымъ и подвижнымъ, болѣе разсудительнымъ характеромъ; по сосѣдству не было Угровъ и Поляковъ, связи съ которыми питали и поддерживали внутреннія крамолы. Напротивъ, какъ скоро Суздальская земля успокоилась подъ твердымъ, умнымъ правленіемъ Всеволода III, сѣверное боярство сдѣлалось усерднымъ его помощникомъ. Будучи хладнокровнѣе и осторожнѣе своего старшаго брата, Всеволодъ не только не вступалъ въ открытую борьбу съ боярствомъ, но ласкалъ его, соблюдалъ по наружности старые обычаи и отношенія, и пользовался его совѣтами въ земскихъ дѣлахъ. Въ лицѣ Всеволода III вообще мы видимъ князя, который представилъ замѣчательный образецъ сѣвернаго или великорусскаго характера, дѣятельнаго, расчетливаго, домовитаго, способнаго къ неуклонному преслѣдованію своей цѣли, къ жесткому или мягкому образу дѣйствія, смотря по обстоятельствамъ—однимъ словомъ тѣ именно черты, на которыхъ построилось государственное зданіе Великой Россіи.

Когда окончились смуты, вызванныя убіеніемъ Андрея, и Всеволодъ возстановилъ единовластіе въ Ростовско-Суздальскомъ княжествѣ, тогда получилась возможность и возстановить его преобладаніе надъ сосѣдними русскими областями, Новогородской съ одной стороны и Муромо-Рязанской съ другой. Стремленіе къ этому преобладанію было не однимъ только личнымъ дѣломъ Владимірскаго князя, но также его бояръ, дружины и народа, которые сознавали свой перевѣсъ въ силахъ и успѣли уже привыкнуть къ такому преобладанію при Юріѣ Долгорукомъ и Андреѣ Боголюбскомъ. Въ обзорѣ Новогородской исторіи мы видѣли, какъ Всеволоду удалось снова водворить суздальское вліяніе въ Великомъ Новгородѣ и давать ему князей изъ своихъ рукъ. Еще болѣе рѣшительнаго преобладанія достигъ онъ въ Рязанской области. Эту область послѣ Глѣба, умершаго во владимірскомъ плѣну, раздѣлили его сыновья, которые признали себя въ зависимости отъ Всеволода, и сами иногда обращались къ нему за рѣше-

ніемъ своихъ споровъ. Но здѣсь суздальское вліяніе сталкивалось съ вліяніемъ черниговскимъ; такъ какъ Рязанскіе князья были младшею вѣтвію Черниговскихъ. Всеволоду пришлось разсориться съ своимъ бывшимъ благодѣтелемъ Святославомъ Всеволодовичемъ, который считалъ себя главою не только Черниговосѣверскихъ князей, но и Рязанскихъ, вмѣшивался въ ихъ распри, а также поддерживалъ Новгородъ Великій въ его борьбѣ съ Суздалемъ и посадилъ тамъ своего сына. Дѣло дошло до открытаго разрыва.

Черниговскій князь вмѣстѣ съ сѣверскими дружинами и наемными Половцами предпринялъ походъ въ Суздальскую землю. Около устья Тверцы съ нимъ соединились Новогородцы, которыхъ привелъ его сынъ (Владиміръ). Опустошивъ прибрежья Волги, Святославъ, не доходя сорока верстъ до Переяславля Залѣсскаго, встрѣтилъ Всеволода III, который кромѣ суздальскихъ полковъ имѣлъ съ собою вспомогательныя дружины рязанскія и муромскія. Не смотря на нетерпѣніе окружающихъ его, осторожный и расчетливый какъ истый сѣверный князь, Всеволодъ не хотѣлъ рисковать рѣшительною битвою съ южнорусскими полками, извѣстными военною удалью; а сталъ ожидать непріятеля за рѣкою Вленою (лѣвый притокъ Дубны, впадающей въ Волгу). Онъ расположилъ свой станъ на ея крутыхъ берегахъ въ мѣстности, пересѣченной оврагами и холмами. Двѣ недѣли стояли оба войска, смотря другъ на друга съ противуположнаго берега. Всеволодъ велѣлъ рязанскимъ князьямъ сдѣлать нечаянное ночное нападеніе. Рязанцы ворвались въ лагерь Святослава и произвели тамъ смятеніе. Но когда на помощь Черниговцамъ подоспѣлъ Всеволодъ Трубчевскій («буй туръ» Слова о Полку Игоревѣ), Рязанцы обратились въ бѣгство, потерявъ много убитыми и плѣнными. Напрасно Святославъ послалъ къ Всеволоду съ предложеніемъ рѣшить дѣло Судомъ Божіимъ, и просилъ для этого отступить отъ берега, чтобы можно было переправиться. Всеволодъ задержалъ пословъ, и ничего не отвѣчалъ. Между тѣмъ приближалась весна: боясь разлитія водъ, Святославъ бросилъ обозъ, и поспѣшилъ уйти (1181 г.). Въ слѣдующемъ году соперники возобновили старую дружбу и породнились женитьбою одного изъ сыновей Святослава на свояченицѣ Всеволода, княжнѣ Ясской. А вскорѣ за тѣмъ (въ 1183 г.),

когда Всеволодъ задумалъ походъ на Камскихъ Болгаръ и просилъ Святослава о помощи, тотъ прислалъ ему отрядъ съ своимъ сыномъ Владиміромъ.

Сія послѣдняя война возникла вслѣдствіе грабежей, которымъ подвергались болгарскія суда на Окѣ и Волгѣ отъ рязанскихъ и муромскихъ повольниковъ. Не получивъ удовлетворенія за обиды, Болгаре вооружили судовую рать, въ свою очередь опустошили окрестности Мурома и доходили до самой Рязани. Походъ Всеволода III поэтому имѣлъ значеніе общей обороны русскихъ земель отъ иноплеменниковъ. Кромѣ суздальскихъ, рязанскихъ и муромскихъ полковъ, въ немъ приняли участіе Черниговцы и Смольняне. До восьми князей съѣхались во Владимірѣ на Клязьмѣ. Великій князь въ теченіе нѣсколькихъ дней весело пировалъ съ своими гостями, и затѣмъ 20 мая выступилъ съ ними въ походъ. Суздальцы Клязьмою спустились въ Оку, и тутъ соединились съ союзными полками. Конница пошла полемъ мимо мордовскихъ селеній, а судовая рать поплыла Волгою. Достигши одного волжскаго острова, именуемаго Исады, князья оставили здѣсь суда подъ прикрытіемъ преимущественно бѣлозерской дружины съ воеводою Ѳомою Ласковичемъ; а съ остальною ратью и съ конницей вступили въ землю Серебряныхъ Болгаръ. Съ ближними мордовскими племенами великій князь заключилъ миръ, и тѣ охотно продавали русскому войску съѣстные припасы. Дорогою къ Русскимъ неожиданно присоединился еще половецкій отрядъ, который былъ приведенъ однимъ изъ болгарскихъ князей противъ своихъ соплеменниковъ. Очевидно, въ Камской Болгаріи случались такія же междоусобія какъ и на Руси, и владѣтели болгарскіе также наводили на свою землю степныхъ варваровъ. Русское войско подступило къ «Великому городу», то есть къ главной столицѣ. Молодые князья подскакали къ самымъ воротамъ и сразились съ укрѣпившеюся около нихъ непріятельскою пѣхотою. Особенно отличился своимъ мужествомъ племянникъ Всеволода Изяславъ Глѣбовичъ; но вражья стрѣла пронзила его сквозь броню подъ сердце; такъ что онъ замертво отнесенъ въ русскій станъ. Смертельная рана любимаго племянника сильно опечалила Всеволода; онъ простоялъ десять дней подъ городомъ, и, не взявъ его, пошелъ назадъ. Между тѣмъ

Бѣлозерцы, оставшіеся при судахъ, подверглись нападенію окольныхъ Болгаръ, которые приплыли Волгою изъ городовъ Собекуля и Челмата; съ ними соединились еще Болгаре называемые Темтюзы и конница изъ Торческа; число нападавшихъ простиралось до 5000. Враги были разбиты. Они спѣшили уходить на своихъ учанахъ; но русскія ладьи преслѣдовали ихъ и потопили болѣе 1000 человѣкъ. Русская пѣхота воротилась домой тѣмъ же порядкомъ, т. е. на судахъ; а конница также пошла черезъ земли Мордвы, съ которою на этотъ разъ не обошлось безъ враждебныхъ столкновеній.

Тѣло умершаго дорогою Изяслава Глѣбовича было привезено во Владиміръ и погребено въ златоверхомъ храмѣ Богородицы. Братъ его Владиміръ Глѣбовичъ, какъ мы видѣли, княжилъ въ южномъ Переяславлѣ и отличился своимъ геройствомъ при нашествіи Кончака Половецкаго. Вѣроятно, объ этихъ-то Глѣбовичахъ вспоминаетъ Слово о Полку Игоревѣ, когда обращается къ могуществу Суздальскаго князя: «Великій княже Всеволоде! Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти. Аже бы ты былъ (здѣсь), то была бы чага (плѣнница) по ногатѣ, а кощей по резанѣ. Ты бо можеши посуху живыми шереширы (метательными орудіями) стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы». Что такое обращеніе не было одной реторикой и что Всеволодъ принималъ къ сердцу обиды Русской землѣ отъ варваровъ, это показываетъ большой походъ его на Половцевъ, предпринятый весною 1199 года съ суздальскими и рязанскими полками. Онъ дошелъ до половецкихъ зимовниковъ на берегахъ Дона и разорилъ ихъ; Половцы не осмѣлились вступить съ нимъ въ битву; съ своими кибитками и стадами они ушли къ самому морю.

Безпокойные рязанскіе князья своими распрями и возмущеніями доставили много хлопотъ Всеволоду. Онъ нѣсколько разъ предпринималъ походы въ ихъ землю, и совершенно подчинилъ ее. Князья сосѣдней Смоленской области также почитали его старѣйшинство. Что же касается до Южной Руси, то еще при жизни энергичнаго Святослава Всеволодовича тамъ было возстановлено вліяніе Суздальскаго князя. Послѣдній тѣмъ удобнѣе могъ вмѣшиваться въ дѣла Приднѣпровья, что самъ имѣлъ въ немъ наслѣдственную волость

Переяславскую, которую держалъ сначала своими племянниками, а потомъ собственными сыновьями. Мы видѣли, что послѣ кончины Святослава Всеволодовича его преемники занимали Кіевскій столъ только съ согласія Всеволода III. Такого преобладанія онъ достигъ, не посылая туда рати, подобно Андрею Боголюбскому, а единственно искусною политикой, хотя и соединенной съ нѣкоторымъ коварствомъ. Извѣстно, какъ онъ ловко поссорилъ Рюрика Кіевскаго съ Романомъ Волынскимъ и помѣшалъ тѣсному союзу этихъ сильнѣйшихъ владѣтелей Югозападной Руси, союзу, который могъ бы дать отпоръ притязаніямъ Руси Сѣверовосточной ([31]).

Съ помощью ловкой и осторожной политики Всеволодъ постепенно водворилъ порядокъ и спокойствіе въ своей землѣ, утвердилъ свою власть и имѣлъ успѣхъ почти во всѣхъ важныхъ предпріятіяхъ. Незамѣтно также, чтобы онъ усердно слѣдовалъ самодержавнымъ стремленіямъ Боголюбскаго. Наученный его судьбою, онъ на оборотъ является хранителемъ старыхъ дружинныхъ обычаевъ и чтитъ большихъ бояръ. О какомъ либо неудовольствіи съ ихъ стороны лѣтописи не упоминаютъ; хотя въ похвалу Всеволоду и прибавляютъ, что онъ творилъ народу судъ нелицепріятный и не потворствовалъ сильнымъ людямъ, которые обижали меньшихъ. Изъ большихъ бояръ Всеволода, отличившихся въ качествѣ воеводъ, лѣтопись называетъ Ѳому Ласковича и стараго Дорожая, служившаго еще Юрію Долгорукому: они воеводствовали въ Болгарскомъ походѣ 1183 года. Далѣе упоминаются: Яковъ, «сестричъ» великаго князя (племянникъ отъ сестры), провожавшій въ Южную Русь съ боярами и съ боярынями Верхуславу Всеволодовну, невѣсту Ростислава Рюриковича; тіунъ Гюря, который посланъ былъ возобновить Остерскій Городокъ; Кузьма Ратьшичъ, «мечеioша» великаго князя», въ 1210 году ходившій съ войскомъ въ Рязанскую землю, и др.

Любопытны дѣйствія Всеволода по вопросу о назначеніи ростовскихъ епископовъ. Подобно Боголюбскому, онъ старался выбирать ихъ самъ, и исключительно изъ русскихъ людей, а не изъ Грековъ; чѣмъ несомнѣнно исполнялъ народное желаніе. Однажды кіевскій митрополитъ Никифоръ назначилъ на Ростовскую каѳедру Николу Гречина, котораго по-

словамъ лѣтописи поставилъ «на мздѣ», т. е. взялъ съ него деньги. Но князь и «людіе» не приняли его и отослали обратно (около 1184 г.). Всеволодъ отправилъ въ Кіевъ посла къ Святославу Всеволодовичу и къ митрополиту съ просьбою поставить на Ростовскую епископію Луку, игумна у Спаса на Берестовѣ, человѣка смиреннаго духомъ и кроткаго, слѣдовательно такого, который не могъ входить въ какія-либо пререканія съ княжескою властію. Митрополитъ противился, но Святославъ Всеволодовичъ поддержалъ просьбу, и Лука былъ поставленъ въ Ростовъ, а Никола Гречинъ въ Полоцкъ. Когда же смиренный Лука, спустя четыре года, скончался, великій князь выбралъ ему преемникомъ собственнаго духовника Іоанна, котораго и отправилъ на поставленіе къ кіевскому митрополиту. Іоаннъ, повидимому, былъ также епископомъ тихимъ, послушнымъ великому князю, и кромѣ того дѣятельнымъ его помощникомъ въ храмозданіи.

Довольно частые войны и походы не мѣшали Всеволоду усердно заниматься дѣлами хозяйственными, строительными, судебными, семейными, и т. п. Онъ и въ мирное время не заживался въ своемъ стольномъ Владимірѣ, а добросовѣстно исполнялъ старинный обычай полюдья, т. е. самъ ѣздилъ по областямъ, уставлялъ и собиралъ дани, судилъ преступниковъ, разбиралъ тяжбы. Изъ лѣтописи мы узнаемъ, что разныя событія застаютъ его то въ Суздалѣ, то въ Ростовѣ, то въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, на полюдьѣ. Въ тоже время онъ наблюдалъ за исправностью укрѣпленій, строилъ дѣтинцы или поправлялъ обветшавшія городскія стѣны. Возобновлялъ и запустѣвшіе города (напримѣръ Городокъ Остерскій). Огонь въ особенности давалъ пищу его строительной дѣятельности. Такъ въ 1185 г. 18 апрѣля страшный пожаръ опустошилъ Владиміръ на Клязьмѣ; погорѣлъ чуть не весь городъ. Жертвой огня сдѣлались княжій дворъ и до 32 церквей; въ томъ числѣ обгорѣлъ и соборный Успенскій храмъ, созданный Андреемъ Боголюбскимъ. Погибли при этомъ его украшенія, дорогіе сосуды, серебряныя паникадилы, иконы въ золотыхъ окладахъ съ жемчугомъ, богослужебныя книги, дорогія княжія одежды и разныя «узорочья» или шитыя золотомъ ткани (оксамиты), которыя во время большихъ праздниковъ развѣшивались въ церкви. Многія изъ этихъ сокро-

вицъ хранились въ церковномъ теремѣ или кладовой на хорахъ; растерявшіеся служители выбрасывали ихъ изъ терема на церковный дворъ, гдѣ они также сдѣлались добычею пламени.

Великій князь немедля принялся уничтожать слѣды пожара; между прочимъ выстроилъ вновь дѣтинецъ, княжій теремъ и обновилъ золотоверхій храмъ Успенія; при чемъ расширилъ его пристройкою новыхъ стѣнъ съ трехъ сторонъ; а вокругъ срединнаго купола возвелъ еще четыре меньшихъ, которые также позолотилъ. Когда окончилось обновленіе, то въ 1189 году соборный храмъ былъ вновь и торжественно освященъ епископомъ Лукою. Спустя три или четыре года, почти половина Владиміра опять сдѣлалась добычею пламени: сгорѣло до 14 церквей; но княжій дворъ и соборный храмъ на этотъ разъ уцѣлѣли. Въ 1199 году 25 іюля читаемъ извѣстіе о третьемъ большомъ пожарѣ во Владимірѣ: онъ начался во время литургіи и продолжался до вечерни; при чемъ опять сгорѣли едва не половина города и до 16 церквей. Обновляя старые храмы, Всеволодъ украшалъ свой стольный городъ и новыми; между прочимъ онъ воздвигъ церковь Рождества Богородицы, при которой устроилъ мужской монастырь, и еще храмъ Успенія, при которомъ супруга его Марія основала женскую обитель. Но самое знаменитое сооруженіе великаго князя—это придворнокняжій храмъ въ честь его святаго, Димитрія Солунскаго; такъ какъ христіанское имя Всеволода III было Димитрій. Этотъ храмъ до нашихъ дней представляетъ изящнѣйшій памятникъ древнерусскаго искусства. Всеволоду много помогалъ въ его строительной дѣятельности епископъ Іоаннъ, бывшій его духовникъ. Между прочимъ они совершили обновленіе соборной Богородичной церкви въ городѣ Суздалѣ, которая обветшала отъ времени и небреженія. Верхи ея вновь покрыли оловомъ, а стѣны вновь оштукатурили. Любопытно по сему поводу слѣдующее извѣстіе лѣтописца: епископъ на этотъ разъ не обращался къ нѣмецкимъ мастерамъ; а нашелъ своихъ, изъ которыхъ одни лили олово, другіе крыли, третьи приготовляли известь и бѣлили стѣны. Слѣдовательно строительная дѣятельность Юрія, Андрея и Всеволода не осталась безъ вліянія на образованіе чисто русскихъ мастеровъ-техниковъ.

Всеволодъ III является образцомъ сѣвернаго князя—семьянина. Богъ благословилъ его многочисленнымъ потомствомъ; на что указываетъ и самое прозваніе его *Большимъ Гнѣздомъ*. Намъ извѣстны имена осьми его сыновей и нѣсколькихъ дочерей. На его привязанность къ старымъ семейнымъ обычаямъ указываютъ, между прочимъ, извѣстія лѣтописи о *постригахъ* княжихъ сыновей. Этотъ древній общеславянскій обрядъ состоялъ въ томъ, что трехъ или четырехъ-лѣтнему княжичу обрѣзывали волосы и впервые сажали на коня; причемъ устраивали пиръ. Въ христіанскія времена къ подобному обряду присоединились, конечно, молитвы и благословеніе церкви. Всеволодъ съ особенною торжественностію праздновалъ постриги, и задавалъ веселые пиры. Еще большими пирами и щедрыми подарками сопровождалъ онъ женитьбу сына и выдачу замужъ дочери. Мы видѣли, какъ онъ выдавалъ любимую свою дочь Верхуславу-Анастасію за сына Рюрикова Ростислава.

Всеволодъ былъ женатъ на яcской или аланской княжнѣ. Между русскими князьями того времени встрѣчаемъ не одинъ примѣръ брачнаго союза съ отдаленными владѣтелями кавказскими, отчасти христіанскими, отчасти полуязыческими. Очень можетъ быть, что отличная отъ русскихъ женщинъ красота Черкешенокъ плѣняла нашихъ князей. Впрочемъ по всѣмъ признакамъ въ XII вѣкѣ еще продолжались древнія сношенія съ кавказскими народами, установленныя во времена русскаго владычества на берегахъ Азовскаго и Чернаго морей, т. е. въ Тмутраканской землѣ. Выходцы съ Кавказа нерѣдко вступали въ русскую службу и даже бывали въ числѣ приближенныхъ княжихъ слугъ, каковымъ, напримѣръ, является извѣстный Анбалъ, ключникъ Андрея Боголюбскаго. Супруга Всеволода Марія, хотя и возросшая въ полуязыческой странѣ, подобно многимъ русскимъ княгинямъ отличалась особою набожностію, усердіемъ къ церкви и благотворительностію. Памятникомъ ея благочестія служитъ помянутый выше устроенный ею женскій Успенскій монастырь во Владимірѣ. Послѣднія семь или восемь лѣтъ своей жизни великая княгиня была удручена какою-то тяжкою болѣзнію. Въ 1206 г. она постриглась въ своей Успенской обители, гдѣ спустя немного дней скончалась, и была торжественно погре-

бена, оплаканная великимъ княземъ, дѣтьми, духовенствомъ и народомъ. Марія, повидимому, прибыла въ Россію не одна, а цѣлой семьей, или вызвала къ себѣ своихъ близкихъ впослѣдствіи, можетъ быть послѣ какого нибудь несчастнаго для ея семьи переворота на родинѣ. По крайней мѣрѣ лѣтопись упоминаетъ еще о двухъ ея сестрахъ: одну изъ нихъ Всеволодъ выдалъ за сына Святослава Всеволодовича Кіевскаго, а другую за Ярослава Владиміровича, котораго держалъ на столѣ Великаго Новгорода въ качествѣ свояка и подручника. Супруга Ярослава скончалась также во Владимірѣ, еще прежде великой княгини и была погребена въ ея же Успенской обители. Вообще у этой гостепріимной Владимірской четы нашла пріютъ и ласку не одна осиротѣлая или гонимая родственница. Такъ подъ ея крыломъ провели остатокъ своей жизни сестра великаго князя нелюбимая супруга Осмомысла Галицкаго, Ольга Юрьевна, въ черницахъ Евфросинія (скончалась въ 1183 г. и погребена во Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ), и вдова брата Михалка Юрьевича, Февронія, двадцатью пятью годами пережившая своего супруга (погребена въ Суздальскомъ соборѣ). Любя полную семейную жизнь, великій князь по смерти первой супруги, очевидно, скучалъ своимъ вдовствомъ, и, будучи почти шестидесятилѣтнимъ старикомъ, имѣя уже многихъ внучатъ, вступилъ во второй бракъ съ дочерью витебскаго князя Василька, въ 1209 году.

Чадолюбивый семьянинъ, Всеволодъ III не всегда былъ благодушнымъ княземъ въ отношеніи къ своимъ племянникамъ, и подобно Андрею, не давалъ имъ удѣловъ въ Суздальской области, въ томъ числѣ и сыну Боголюбскаго Юрію. Впрочемъ послѣдній, можетъ быть, своимъ поведеніемъ самъ вооружилъ противъ себя дядю. Русскія лѣтописи не сообщаютъ намъ ничего о судьбѣ Юрія Андреевича. Только изъ иноземныхъ источниковъ мы узнаемъ, что, гонимый дядею, онъ удалился къ одному изъ половецкихъ хановъ. Тутъ явилось къ нему посольство изъ Грузіи съ брачнымъ предложеніемъ. Въ то время на престолѣ Грузіи сидѣла знаменитая Тамара, послѣ отца своего Георгія III. Когда духовенство и вельможи грузинскіе искали ей достойнаго жениха, то одинъ знатный мужъ, по имени Абуласанъ, указалъ имъ на Юрія, какъ на молодаго человѣка, который по своему происхож-

денію, красивой наружности, уму и храбрости былъ вполнѣ достоинъ руки Тамары. Вельможи одобрили этотъ выборъ, и отправили одного купца посломъ къ Юрію. Сей послѣдній прибылъ въ Грузію, сочетался бракомъ съ Тамарою, и первое время ознаменовалъ себя ратными подвигами въ войнахъ съ враждебными сосѣдями. Но потомъ онъ измѣнилъ свое поведеніе, предался вину и всякому разгулу; такъ что Тамара, послѣ напрасныхъ увѣщаній, развелась съ нимъ, и выслала его въ греческія владѣнія. Онъ воротился въ Грузію, и попытался произвести мятежъ противъ царицы; но былъ побѣжденъ, и снова изгнанъ. Дальнѣйшая его судьба неизвѣстна. ([32]).

Отказывая въ удѣлахъ племянникамъ, Всеволодъ однако по отношенію къ сыновьямъ не проявлялъ никакихъ заботъ о послѣдующихъ успѣхахъ единовластія. По обычаю старыхъ русскихъ князей онъ раздѣлилъ между ними свои земли, и даже обнаружилъ при этомъ недостатокъ государственной дальновидности; въ чемъ несомнѣнно уступалъ своему брату Андрею. У Всеволода оставалось въ живыхъ шесть сыновей: Константинъ, Юрій, Ярославъ, Святославъ, Владиміръ, Иванъ. Старшаго Константина онъ посадилъ въ Ростовѣ, гдѣ этотъ умный князь и пріобрѣлъ народное расположеніе. Особенно сблизилъ его съ Ростовцами ужасный пожаръ, который въ 1211 году истребилъ большую часть ихъ города, въ томъ числѣ 15 церквей. Константинъ въ то время пировалъ во Владимірѣ на свадьбѣ своего брата Юрія съ дочерью кіевскаго князя Всеволода Чермнаго. Услыхавъ о несчастіи Ростовцевъ, Константинъ поспѣшилъ въ свой удѣлъ и приложилъ много заботъ къ облегченію пострадавшихъ. Въ слѣдующемъ 1212 году великій князь, чувствуя приближеніе кончины, послалъ опять за Константиномъ, которому назначилъ старшій Владимірскій столъ, а Ростовъ велѣлъ передать второму сыну Юрію. Но тутъ Константинъ, отличавшійся дотолѣ скромностію и послушаніемъ, вдругъ оказалъ рѣшительное неповиновеніе отцу: онъ не поѣхалъ на его двукратный призывъ, и потребовалъ себѣ обоихъ городовъ, Ростова и Владиміра. По всей вѣроятности, при этомъ случаѣ возобновились притязанія Ростовцевъ на старшинство, и дѣйствовали внушенія ростовскихъ бояръ. Съ другой стороны Кон-

стантинъ, можетъ быть, понималъ, что, для устраненія подобнаго спора двухъ городовъ и въ видахъ сильной правительственной власти, великій князь долженъ имѣть въ своихъ рукахъ оба эти города. Всеволодъ сильно огорчился такимъ непослушаніемъ, и наказалъ Константина тѣмъ, что лишилъ его старшинства, а Владимірскій великій столъ отдалъ второму сыну Юрію. Но сознавая непрочность такого нововведенія, онъ пожелалъ укрѣпить его общею присягою лучшихъ людей своей земли; слѣдовательно повторилъ почти тоже самое, что 25 лѣтъ назадъ сдѣлалъ его своякъ Ярославъ Осмомыслъ Галицкій. Всеволодъ созвалъ во Владимірѣ бояръ изъ всѣхъ своихъ городовъ и волостей; собралъ также дворянъ, купцовъ и духовенство съ епископомъ Іоанномъ во главѣ, и заставилъ этотъ земскій соборъ присягнуть Юрію какъ великому князю, которому поручилъ прочихъ своихъ сыновей. Вскорѣ потомъ, 14 апрѣля, Всеволодъ Большое Гнѣздо скончался, былъ оплаканъ сыновьями и народомъ, и торжественно погребенъ въ златоверхомъ Успенскомъ соборѣ.

Предосторожности, принятыя великимъ княземъ, для упроченія его послѣднихъ распоряженій, оказались тщетными. Нововведеніе его слишкомъ противорѣчило укоренившимся обычаямъ, и потому не замедлило сдѣлаться источникомъ смутъ и междоусобій, которыя въ свою очередь на долгое время пошатнули политическое могущество Суздальской Руси. Константинъ Ростовскій, по словамъ лѣтописи, «воздвигъ брови съ гнѣвомъ на братію свою, наче же на Юрія». Сѣверовосточная Россія по смерти Всеволода III главнымъ образомъ была подѣлена между этими двумя братьями. Старшій изъ нихъ и не думалъ отказаться отъ своихъ правъ. Въ происшедшей отсюда борьбѣ младшіе братья также раздѣлились между соперниками: Ярославъ, князь Переяславля-Залѣсскаго, и Святославъ, владѣтель Юрьева, соединились съ Георгіемъ; а Владиміръ Московскій съ Константиномъ. Но Георгій удалилъ Владиміра, предоставивъ ему Переяславль Южный, гдѣ онъ вскорѣ попалъ въ плѣнъ къ Половцамъ.

Распря двухъ братьевъ и возобновившееся соперничество городовъ Ростова и Владиміра повели къ раздѣленію не только политическому, но и церковному или собственно епархіальному. Въ предшествующую эпоху епископы хотя носили ти-

тулъ Ростовскихъ, но жили преимущественно подлѣ великаго князя, т. е. во Владимірѣ на Клязьмѣ, конечно къ немалому огорченію Ростовцевъ. Послѣдніе воспользовались обстоятельствами, чтобы получить своего особаго владыку. Когда епископъ Іоаннъ оставилъ епископію и удалился въ Боголюбовъ монастырь (1214 г.), то Константинъ отправилъ въ Кіевъ къ митрополиту своего духовника Пахомія, игумена Петровскаго монастыря, съ просьбою посвятить его на Ростовскую каѳедру. Митрополитъ Матвѣй исполнилъ просьбу. А Георгій отправилъ на поставленіе въ Кіевъ Симона, игумена Рождественскаго монастыря, бывшаго духовникомъ его матери, великой княгини Маріи, и онъ былъ посвященъ во епископы Владиміру и Суздалю. Замѣчательно, что Пахомій и Симонъ начали свое духовное поприще черноризцами Кіевопечерской обители, которая служила тогда разсадникомъ пастырей Русской церкви. Симонъ извѣстенъ еще своею книжною дѣятельностію (одинъ изъ сочинителей Патерика Печерскаго). Пахомій черезъ два года скончался; сѣверный лѣтописецъ хвалитъ его за то, что онъ не былъ стяжателемъ богатства, а на оборотъ отличался щедростію къ убогимъ и вдовицамъ, «истинный бѣ пастырь, а не наемникъ». Его преемникомъ въ Ростовѣ является Кириллъ, монахъ суздальскаго монастыря св. Димитрія.

Вражда двухъ братьевъ за старшинство получила рѣшительный оборотъ, когда съ ней связались отношенія Новгородскія.

Послѣ добровольнаго отъѣзда Мстислава Удалаго изъ Новгорода Великаго (въ 1215 г.), тамъ поднялась Суздальская партія, одержала верхъ на вѣчѣ, и убѣдила призвать на княженіе Ярослава Всеволодовича. Послѣдній, кромѣ Переяславля Залѣсскаго владѣлъ Тверью, слѣдовательно былъ сосѣдомъ Новугороду. Вѣроятно, вѣче согласилось на это призваніе тѣмъ охотнѣе, что Переяславскій князь былъ женатъ на дочери Мстислава Удалаго. Но скоро обнаружилось, какъ далеко онъ не походилъ характеромъ на своего тестя. Ярославъ-Ѳеодоръ спѣшилъ пользоваться преобладаніемъ Суздальской партіи, и началъ свое княженіе съ того, что велѣлъ схватить и заковать двухъ бояръ, принадлежавшихъ къ партіи ему враждебной. Такое насиліе произвело волненіе. Жители Прус-

ской улицы въ свою очередь убили двухъ знатныхъ приверженцевъ Ярослава и бросили ихъ тѣла въ городской ровъ. Въ виду начинавшагося мятежа, Ярославъ счелъ свое пребываніе въ Новгородѣ небезъопаснымъ, и, оставивъ здѣсь своимъ намѣстникомъ Хота Григоровича, самъ со многими приверженцами удалился въ преданный себѣ новогородскій пригородъ Торжокъ, на границу своихъ суздальскихъ владѣній. И тутъ-то онъ далъ полную волю своему мстительному, властолюбивому нраву. Въ Новогородской волости въ тотъ годъ случился неурожай, и князь сталъ задерживать обозы съ хлѣбомъ, шедшіе изъ Приволожскихъ или Низовыхъ земель. Тогда въ Новгородѣ настала страшная дороговизна, а затѣмъ голодъ; бѣдные люди ѣли сосновую кору, липовый листъ, мохъ и т. п. Отцы начали продавать своихъ дѣтей. Голодъ произвелъ такой моръ, что вырытая на этотъ случай скудельница (общая яма) скоро наполнилась до верху; а неубранные трупы валялись на площадяхъ, улицахъ, на поляхъ, и служили пищею собакамъ. Угнетенные бѣдствіемъ, Новогородцы тщетно отправляли къ Ярославу посольство за посольствомъ съ просьбою воротиться въ Новгородъ и пустить обозы съ хлѣбомъ. Ярославъ ничего не отвѣчалъ, и задерживалъ у себя пословъ; перехватывалъ также гостей новогородскихъ. Лютая печаль и стенанія царили въ Новгородѣ. Въ такой крайности граждане обратились къ любимцу своему и заступнику, Мстиславу Удалому, и сей послѣдній тотчасъ явился на ихъ призывъ. Онъ велѣлъ схватить Ярославова намѣстника и поковать его дворянъ на Городищѣ. Мстиславъ и граждане взаимно присягнули въ вѣрности. «Или ворочу мужей новогородскихъ и волости, или голову свою положу за Новгородъ»—сказалъ онъ на вѣчѣ.

Узнавъ о прибытіи Мстислава, Ярославъ началъ укрѣплять Торжокъ и дѣлать засѣки на дорогахъ, ведущихъ изъ Новгорода; преградилъ и рѣку Тверцу. Надѣясь на свою партію, онъ послалъ въ подкрѣпленіе ей еще сто новогородскихъ мужей, чтобы произвести мятежъ противъ Мстислава. Но общее настроеніе въ Новгородѣ было уже до такой степени ему враждебно, что и эти сто мужей пристали къ большинству. Мстиславъ сначала попыталъ убѣжденіями склонить Ярослава къ уступчивости, и отправилъ къ нему посломъ Георгія, свя-

щенника отъ церкви Іоанна на Торговищѣ. Но Ярославъ не только не отпустилъ задержанныхъ Новогородцевъ, а велѣлъ ихъ перековать и разослать по своимъ городамъ; товары же ихъ и коней роздалъ своимъ людямъ. Число захваченныхъ, по словамъ лѣтописи, простиралось до 2000 человѣкъ. Тогда Мстиславъ вновь созвалъ вѣче и объявилъ походъ: «Идемъ отыскивать своихъ мужей, вашу братію, и свои волости — сказалъ онъ.—Не быть Торжку выше Новгорода; но гдѣ св. Софья, тамъ Новгородъ. И во многѣ Богъ, и въ малѣ Богъ и правда».

Готовясь къ рѣшительной борьбѣ и тесть, и зять искали союзниковъ. Сторону Ярослава приняли старшій братъ его великій князь Владимірскій Георгій и младшій братъ Святославъ Юрьевскій. Мстиславъ призвалъ къ себѣ на помощь своего роднаго брата Владиміра Мстиславича съ Псковитянами и двоюроднаго Владиміра Рюриковича съ Смольнянами. Кромѣ того онъ заключилъ союзъ съ Константиномъ Всеволодовичемъ Ростовскимъ, обѣщая конечно воротить ему законное старшинство въ Суздальской землѣ. 1 марта, слѣдовательно въ самый новый годъ (1217), Мстиславъ выступилъ въ походъ изъ Новгорода. Спустя два дня, нѣкоторые новогородскіе бояре (Владиславъ Завидичъ, Гаврило Игоревичъ, Юрій Алексиничъ, Гаврилецъ Милятиничъ и пр.), съ женами и дѣтьми уѣхали къ Ярославу: это были клятвопреступники, потому что вмѣстѣ съ прочими присягнули стоять противъ него всѣмъ за одинъ; но очевидно суздальская партія въ Новгородѣ была очень значительна. Мстиславъ съ Владиміромъ Псковскимъ пошелъ Селигерскимъ путемъ. Слѣдуя верхней Волгой по окраинѣ Смоленской земли, онъ коснулся собственной Торопецкой волости; при чемъ дозволилъ Новогородцамъ собирать припасы для себя и своихъ коней; но запретилъ брать полонъ. Онъ освободилъ свой приволжскій городъ Ржевку, осажденный братомъ Ярослава, Святославомъ Юрьевскимъ; затѣмъ взялъ Зубцовъ, и вошелъ въ Суздальскую землю, вмѣстѣ съ Смольнянами, которыхъ привелъ Владиміръ Рюриковичъ. Они повоевали Тверскую волость и взяли Коснятинъ. Тутъ они покинули берега Волги и направились на самый Переяславль Залѣсскій. На пути присоединился къ нимъ Константинъ Всеволодовичъ съ своими ростовскими

полками. Ярославъ поспѣшилъ изъ Торжка для защиты собственнаго удѣла. На помощь къ нему явился великій князь Юрій съ своими полками, а также младшіе братья Святославъ и Владиміръ; призваны были еще князья муромскіе и какіе-то *бродники*, вѣроятно наемная вольница.

Суздальская рать расположилась недалеко отъ города Юрьева Польскаго на берегахъ рѣчки Гзы, впадающей въ Колокшу. Подъ самымъ городомъ сталъ Мстиславъ съ Новогородцами, а далѣе на берегахъ ручья Липицы Константинъ съ Ростовцами. Слѣдовательно тутъ, почти въ самой срединѣ Суздальской земли, сошлась едва не вся ратная сила Сѣверной Руси. Войска Георгія и Ярослава оказались несравненно многочисленнѣе непріятелей: они собрали изъ своихъ волостей всѣхъ кого могли, городскихъ и сельскихъ жителей, конныхъ и пѣшихъ. Лѣтописецъ говоритъ, что у великаго князя Юрія было тутъ 17 стяговъ, 40 трубъ и столько же бубновъ; у Ярослава 13 стяговъ, а трубъ и бубновъ 60.

Мстиславъ Мстиславичъ еще съ похода посылалъ къ зятю съ предложеніемъ помириться. Но Ярославъ, возгордившійся многочисленностію своей рати, отвѣчалъ:

«Мира не хочу; если пошли уже, то идите, и одинъ вашъ не придется на нашихъ сто».

«Ты Ярославъ съ силою; а мы съ крестомъ»—велѣли ему сказать братья Мстиславичи.

Ставъ подъ Юрьевымъ, Мстиславичи вновь пытались завязать переговоры, и отправили соцкаго Ларіона сначала къ великому князю Георгію съ словами:

«Кланяемся тебѣ; съ тобой ссоры у насъ нѣтъ, а есть ссора съ Ярославомъ».

«Я одинъ братъ съ Ярославомъ»—отвѣчалъ Юрій.

Послали къ Ярославу того же Ларіона.

«Отпусти Новогородцевъ и Новоторовъ, вороти захваченныя волости, возьми съ нами миръ, а крови не проливай».

«Мира не хочу. Вы шли далече, а очутились какъ рыба на сухомъ мѣстѣ»—былъ отвѣтъ.

Снова посылаютъ Ларіона, напоминаютъ о близкомъ родствѣ своемъ, и предлагаютъ миръ на томъ условіи, чтобы младшіе братья дали старѣйшинство Константину и посадили его во Владимірѣ, взявъ себѣ остальную Суздальскую землю.

«Если и отецъ нашъ не управилъ съ Константиномъ, то вамъ ли насъ мирить. Пусть онъ одолѣетъ насъ, тогда ему вся земля»—велѣлъ сказать Юрій.

Однако между суздальскими боярами были люди благоразумные, которые не одобряли этого междоусобія и нарушенія правъ старшинства. Одинъ изъ нихъ, Творимиръ, съ такою рѣчью обратился къ князьямъ, когда тѣ пировали въ шатрѣ съ своими приближенными.

«Княже Юрій и Ярославе! Я бы гадалъ такъ, что лучше взять миръ и дать старѣйшинство Константину. Нечего смотрѣть на то, что ихъ войско мало супротивъ нашихъ полковъ. Князья Ростиславля племени мудры и храбры; а мужи ихъ, Новогородцы и Смольняне, дерзки на бой; Мстислава же Мстиславича сами знаете, какая дана ему Богомъ храбрость передъ всею братьею».

Рѣчь эта не полюбилась. Между боярами Юрія нашелся угодникъ, который увѣрялъ, что никогда еще врагъ не выходилъ цѣлъ изъ сильной Суздальской земли; пусть поднимется на нее хотя бы вся Русская земля. «А этихъ мы сѣдлами закидаемъ» — прибавилъ расхваставшійся льстецъ. Его слова пришлись болѣе по сердцу молодымъ, неопытнымъ князьямъ. Созвавъ дружину и ратныхъ начальниковъ, они, если вѣрить новогородскому лѣтописцу, велѣли не щадить въ битвѣ непріятелей; хотя бы у кого было и золотомъ шитое оплечье, и тѣхъ убивать; а брать только добычу, то-есть коней, оружіе, платье. Лѣтописецъ прибавляетъ, будто Юрій и Ярославъ до того возмечтали о своемъ могуществѣ, что начали уже дѣлить между собой чуть ли не всѣ русскія земли, и даже грамоты велѣли написать о томъ, кому изъ нихъ достанется Новгородъ, кому Смоленскъ, кому Галичъ. А противниковъ своихъ послали звать на бой къ урочищу Липицамъ.

Истощивъ мирныя средства, Мстиславъ и Константинъ рѣшили прибѣгнуть къ суду Божьему, укрѣпились взаимными клятвами и пошли на указанное мѣсто. Ярославъ и Юрій заняли какую-то Авдову гору; насупротивъ ихъ на другой горѣ, называвшейся Юрьевой, стали Мстиславъ и Константинъ. Въ лощинѣ между ними протекалъ ручей Тунегъ и была дебрь или болотистое пространство, поросшее мелкимъ

лѣсомъ. Ростиславичи тщетно просили суздальскихъ князей выйти на ровное, сухое мѣсто для битвы. Тѣ не только не двигались, но и укрѣпили еще свой станъ плетнями и кольями. Молодежъ съ обѣихъ сторонъ выходила и завязывала сраженіе; главныя же силы не двигались. Наскучивъ ожиданіемъ, Мстиславъ предложилъ идти прямо къ стольному Владиміру. Но Константинъ опасался двинуться мимо непріятелей: «они ударятъ намъ въ тылъ—говорилъ онъ—а люди мои недерзки на бой; разбѣгутся по своимъ городамъ». Мстиславъ согласился съ нимъ, и рѣшилъ сразиться всѣми силами. «Гора намъ не поможетъ и гора насъ не побѣдитъ—сказалъ онъ—пойдемъ на нихъ съ надеждою на крестъ и на свою правду». И урядилъ полки къ битвѣ.

Самъ Удалой съ своей дружиной, съ Новогородцами и Владиміромъ Псковскимъ сталъ въ серединѣ; на одномъ крылѣ поставилъ Владиміра Рюриковича съ Смольнянами, а на другомъ Константина съ Ростовцами. Битва произошла рано поутру 23 апрѣля. Предварительно Мстиславъ обратился съ краткою рѣчью къ Новогородцамъ, возбуждая ихъ мужество, и спросилъ ихъ, какъ они хотятъ биться, на коняхъ или пѣшіе. «Не хотимъ помереть на коняхъ — воскликнули Новогородцы;—но какъ отцы наши на Колакшѣ будемъ биться пѣшіе». Затѣмъ сошли съ коней и сбросили съ себя «порты» (верхнюю одежду) и сапоги. (Истые потомки Славянъ, о которыхъ еще писатели VI вѣка замѣтили, что они любятъ сражаться налегкѣ, въ одной рубахѣ, въ разсыпную). Впрочемъ, мѣры эти оказались нелишними; такъ какъ приходилось идти черезъ болотистую дебрь и потомъ взбираться на гору. Вооруженные кіями и топорами, Новогородцы съ крикомъ ударили на непріятелей; за ними слѣдовали Смольняне. Суздальцы встрѣтили ихъ густыми толпами и завязался упорный бой. Мстиславъ закричалъ своему брату Владиміру: «Не дай Богъ выдать добрыхъ людей». И съ своей конной дружиной поспѣшилъ на помощь Новогородцамъ; а за нимъ и Владиміръ съ Псковичами. Удалой взялъ въ руку висѣвшій у него на ремнѣ топоръ, и, поражая имъ направо и налѣво, трижды проѣхалъ сквозь суздальскіе полки; послѣ чего пробился до самыхъ товаровъ (лагеря). Набранное большею частію изъ людей непривычныхъ къ бою, Суздальское ополче-

ніе не выдержало стремительнаго натиска и разстроилось. Первыми побѣжали полки Ярослава. Юрій еще держался противъ Ростовцевъ; но и его полки наконецъ дали тылъ. Предстояла еще опасность отъ алчности побѣдителей, преждевременно бросившихся грабить непріятельскій обозъ. Мстиславъ крикнулъ имъ: «Братіе Новогородцы! Не стойте у товару; но прилежите къ бою; если (враги) возвергнутся на насъ, то измятутъ». Новогородцы послушали его; а Смольняне бросились преимущественно на грабежъ и обдирали мертвыхъ. Впрочемъ, побѣда была полная. Однихъ павшихъ на полѣ битвы лѣтопись насчитываетъ 9.233 человѣка, кромѣ раненыхъ и погибшихъ во время бѣгства въ рѣчкахъ и трясинахъ. Вопль и стоны ихъ доносились до города Юрьева. Бѣглецы направились разными дорогами, одни во Владиміръ, другіе въ Переяславль, третьи въ Юрьевъ.

Самъ Юрій Всеволодовичъ побѣжалъ въ стольный Владиміръ. Имѣя тучное сложеніе, онъ заморилъ трехъ коней, и только на четвертомъ пригналъ къ городу, въ одной сорочкѣ; подкладъ сѣдельный и тотъ бросилъ для легкости. Владимірцы, увидѣвъ съ городскихъ стѣнъ скачущаго вдали всадника, подумали, что то былъ гонецъ отъ великаго князя съ вѣстью о побѣдѣ. «Наши одолѣли!» раздался между ними радостный кликъ. Каковы же были ихъ печаль и уныніе, когда во всадникѣ узнали самого великаго князя, который началъ ѣздить вокругъ стѣнъ и кричать: «твердите городъ!» За нимъ стали прибывать кучки бѣглецовъ съ поля сраженія, кто раненый, кто почти нагой; стоны ихъ увеличили смятеніе. Такъ продолжалось цѣлую ночь. Поутру Юрій созвалъ вѣче.

«Братья Володимірцы! — сказалъ онъ народу — затворимся въ городѣ; авось отобьемся отъ нихъ».

«Княже Юрьи!—отвѣчали граждане.—Съ кѣмъ затвориться? Братья наши одни избиты, другіе взяты, остальные прибѣгли безъ оружія; съ кѣмъ мы станемъ?»

«Все это я вѣдаю. Такъ не выдайте меня ни брату моему Константину, ни Володиміру, ни Мстиславу; а пусть я выду по своей волѣ изъ города».

Граждане обѣщали исполнить его просьбу. Очевидно многочисленность полковъ, выведенныхъ на Липецкій бой, очень

дорого обошлась Суздальской землѣ, неотличавшейся густымъ населеніемъ. Въ стольномъ городѣ оставались преимущественно старики, женщины, дѣти, монахи и церковнослужители. Ярославъ Всеволодовичъ точно также прибѣжалъ въ свой Переяславль, загнавъ дорогою нѣсколько коней. Но онъ не только затворился въ этомъ городѣ, а еще далъ волю своей злобѣ противъ Новогородцевъ. Онъ велѣлъ похватать въ Переяславлѣ и его окрестностяхъ новогородскихъ гостей, заѣхавшихъ въ его землю ради торговли, и запереть ихъ такъ тѣсно, что многіе задохлись отъ недостатка воздуха. Было схвачено и нѣсколько смоленскихъ гостей; но посаженные особо, они всѣ остались живы.

Еслибы побѣжденныхъ усердно преслѣдовали, то ни Юрій, ни Ярославъ не ушли бы отъ плѣна, и самый стольный Владиміръ былъ бы захваченъ врасплохъ. Но Ростиславле племя, по замѣчанію новогородскаго лѣтописца, было милостиво и добродушно. Цѣлый день побѣдители стояли на мѣстѣ побоища; а потомъ тихо двинулись къ Владиміру на Клязьмѣ и расположились подъ нимъ станомъ. Въ городѣ случились пожары; причемъ загорался и самый княжій дворъ. Новогородцы и Смольняне хотѣли тѣмъ воспользоваться, и просились на приступъ. Ростиславичи остались вѣрны своему добросердечію: Мстиславъ не пустилъ Новогородцевъ, а братъ его Владиміръ не пустилъ Смольнянъ. Можетъ-быть и Константинъ Ростовскій воспротивился этому гибельному для города приступу. Наконецъ Юрій вышелъ съ поклономъ и многими дарами, и отдался на волю побѣдителей. Ростиславичи посадили на великокняжій столъ Константина; а Юрій получилъ на свое *прокормленіе* Радиловъ Городецъ на Волгѣ. Онъ наскоро собрался, и сѣлъ въ насады съ своимъ семействомъ и слугами. Владыка Симонъ также отправился съ нимъ изъ Владиміра. Передъ отъѣздомъ Юрій зашелъ помолиться въ Успенскій соборъ и поклониться отцовскому гробу. «Суди Богъ брату моему Ярославу, что довелъ меня до этого»— сказалъ онъ, проливая слезы. Затѣмъ духовенство и граждане съ крестами вышли навстрѣчу Константину, торжественно посадили его на отцовскомъ столѣ и присягнули на вѣрность. Онъ угостилъ пирами своихъ союзниковъ и одарилъ ихъ великими дарами. Оставалось еще смирить жесто-

косердаго Ярослава. Но, когда союзники двинулись къ Переяславлю, этотъ князь не рѣшился на оборону, а выѣхалъ къ нимъ навстрѣчу, и отдался въ руки старшаго брата, прося помирить его съ тестемъ. Константинъ дѣйствительно сталъ ходатайствовать за Ярослава, и успѣлъ выпросить ему миръ. Однако Мстиславъ не захотѣлъ въѣхать въ Переяславль и принять угощеніе отъ зятя. Онъ расположился станомъ внѣ города; взялъ дары, и забралъ всѣхъ задержанныхъ Новогородцевъ, оставшихся въ живыхъ, а также и тѣхъ, которые находились въ дружинѣ Ярослава; вытребовалъ и дочь свою, супругу Ярослава, которую, несмотря на мольбы мужа, увезъ съ собою въ Новгородъ ([33]).

Такъ окончилась эта междоусобная брань, которая глубоко потрясла всю Сѣверную Русь. Повидимому она нанесла сильный ударъ политическому значенію Суздаля и могла возгордить Новогородцевъ, укрѣпить ихъ самобытность. Однако послѣдующія событія скоро показали, что даже раздробленная, униженная Суздальская Русь сохранила преобладаніе надъ Русью Новогородскою, благодаря своей княжей династіи и вообще своему монархическому началу.

Константинъ Всеволодовичъ не долго занималъ великокняжескій Владимірскій столъ. Будучи слабаго здоровья и чувствуя свою недолговѣчность, онъ позаботился заранѣе устроить дѣла такимъ образомъ, чтобы предупредить новыя смуты и междоусобія. А потому самъ призналъ права брата Георгія или Юрія на старшій столъ послѣ своей смерти; причемъ онъ конечно имѣлъ въ виду обезпечить удѣлы и собственнымъ сыновьямъ, которымъ дядя Юрій долженъ былъ замѣнить мѣсто отца. Сыновей онъ надѣлилъ такимъ образомъ: старшему Васильку отдалъ Ростовъ, а младшему Всеволоду Ярославль. Вскорѣ Константинъ скончался, съ небольшимъ тридцати лѣтъ отъ роду (1219). По словамъ суздальскаго лѣтописца, онъ отличался «кротостью Давида и мудростью Соломона»; смерть его народъ почтилъ плачемъ великимъ: бояре оплакивали его какъ заступника ихъ земли, слуги какъ господина и кормителя, убогіе люди и черноризцы какъ покровителя и утѣшителя. Этотъ благочестивый князь подобно своимъ предшественникамъ былъ усердный храмоздатель, и

къ тому же большой книголюбецъ. Онъ не жалѣлъ издержекъ на собираніе греческихъ и славянскихъ рукописей. И не только любилъ читать книги духовнаго содержанія и лѣтописи, но и самъ занимался лѣтописнымъ дѣломъ. Онъ завелъ на своемъ дворѣ при церкви св. Михаила училище, въ которомъ русскіе и греческіе иноки занимались обученіемъ дѣтей. Къ сожалѣнію во время большаго Владимірскаго пожара въ 1227 году самый дворъ Константина, вмѣстѣ съ церковью и училищемъ, сдѣлался жертвою пламени.

Георгій II, занявшій снова великокняжій столъ, является такимъ же семьяниномъ и добрымъ хозяиномъ земли какъ и его предшественники. Онъ не отличался ратнымъ духомъ, избѣгалъ частыхъ войнъ, и, наученный Липецкимъ урокомъ, въ случаѣ ссоры легко мирился съ сосѣдями, но только не съ иноплеменниками. Замѣчательны въ особенности его предпріятія противъ Камскихъ Болгаръ и Мордвы. При первомъ удобномъ случаѣ онъ возобновилъ наступательное движеніе Руси въ ту сторону.

Въ 1219 году Камскіе Болгары напали на сѣверную окраину Суздальской земли, и обманомъ взяли городъ Устюгъ. А въ слѣдующемъ году великій князь уже посылаетъ противъ нихъ многочисленную рать, призвавъ на помощь полки брата Ярослава Переяславскаго, племянника Василька Ростовскаго и князя Муромскаго. Общимъ предводителемъ онъ назначилъ своего брата Святослава Юрьевскаго, подъ которымъ главнымъ воеводою былъ Еремей Глѣбовичъ. Какъ и въ прежніе походы, отдѣльные отряды сошлись на устьѣ Оки, и отсюда двинулись на судахъ въ глубь Болгарской земли. Достигнувъ устья Камы, Святославъ послалъ часть рати вверхъ по этой рѣкѣ; съ главными силами приплылъ къ Исадамъ; здѣсь высадился на берегъ и подступилъ къ городу Ошелу. Болгарскій князь встрѣтилъ было Русскихъ въ полѣ съ конницей; но, разбитый, спасся за городскими укрѣпленіями. Ошелъ по обычаю болгарскихъ городовъ былъ укрѣпленъ снаружи дубовымъ тыномъ, за которымъ находились еще двойные *оплоты*, т. е. два деревянныхъ забора съ насыпаннымъ посреди нихъ землянымъ валомъ. 15 іюня Русскіе пошли на приступъ; подрубили тынъ и оплоты, и зажгли ихъ; потомъ зашли съ

другой стороны и также зажгли оплоты. Весь городъ сдѣлался добычею пламени. Владѣтель его только съ немногими всадниками успѣлъ ускакать; множество жителей погибло; остальные выбѣжали изъ города и были взяты въ плѣнъ. Отсюда ополченіе поплыло назадъ. Болгаре изъ Великаго города и другихъ мѣстъ, услыхавъ объ участи Ошела, собрались конные и пѣшіе на берегу Волги около Исадъ, чтобы напасть на Русь и отбить полонъ. Святославъ велѣлъ воинамъ надѣть брони, поднять стяги, и, раздѣлясь на полки, плыть, играя на бубнахъ, трубахъ и сопеляхъ. Такимъ образомъ Русскіе безопасно прошли мимо Болгаръ; на устьѣ Камы соединились съ отрядомъ, повоевавшимъ ея берега, и благополучно воротились домой. У Городца (Радилова) Святославъ покинулъ лады, и съ своей конной дружиной пошелъ прямо къ Владиміру. Великій князь торжественно встрѣтилъ его у Боголюбова; затѣмъ цѣлые три дня угощалъ его и дружину; причемъ роздалъ щедрые подарки конями, оружіемъ, платьемъ, паволоками, оксамитами. Недовольствуясь тѣмъ, на слѣдующую весну онъ предпринялъ новый походъ, и на этотъ разъ самъ повелъ суздальскую рать. Два раза приходили къ нему послы отъ Болгаръ, умоляя о мирѣ; великій князь не соглашался. Когда онъ стоялъ въ Городцѣ, поджидая своихъ братьевъ, болгарскій посолъ явился въ третій разъ съ челобитьемъ и великими дарами. Юрій наконецъ смягчился, заключилъ такой миръ, какой былъ при его отцѣ и дѣдѣ, и послалъ своихъ мужей въ землю Болгарскую, чтобы привести тамошнихъ князей къ присягѣ по ихъ вѣрѣ. Великій князь не удовольствовался однимъ мирнымъ договоромъ; а обезпечилъ Суздальскія и Муромскія владѣнія со стороны Болгаръ и Мордвы построеніемъ на самомъ устьѣ Оки русской твердыни, которая была названа Новгородомъ Нижнимъ (1221 г.).

Построеніе сего города на Мордовской землѣ встрѣчено было сосѣднею Мордвою съ большимъ неудовольствіемъ. Одинъ изъ ея князьковъ, по имени Пургасъ, былъ врагомъ Руси и союзникомъ Болгаръ. Но другой мордовскій владѣтель, Пурешъ, соперникъ Пургаса, призналъ себя подручникомъ великаго князя Владимірскаго. Враждебныя дѣйствія Пургаса побудили Юрія совершить новые походы въ ту сторону. Осенью 1228 года онъ отправилъ войско съ племянникомъ своимъ

Василькомъ Константиновичемъ Ростовскимъ и воеводою Еремеемъ Глѣбовичемъ. Русскіе двинулись было за Нижній Новгородъ въ глубь мордовскихъ поселеній; но сильное ненастье принудило ихъ воротиться назадъ. Тогда великій князь рѣшилъ предпринять зимній походъ, и въ январѣ самъ съ братомъ Ярославомъ, племянниками Константиновичами и Муромскимъ княземъ, вступивъ въ Мордовскую землю, напалъ на волость Пургаса. Русскіе пожгли и потравили жито, избили скотъ, а плѣнниковъ отослали домой. Мордва укрылась въ лѣса и тверди; многіе, которые не успѣли спастись, были избиты отроками Юрія. Отроки другихъ князей, желая отличиться или разсчитывая на добычу, потихоньку углубились въ лѣсную чащу; но попали въ засаду, и были истреблены непріятелями, которые въ свою очередь не избѣжали мести Русскихъ. Въ тоже время одинъ изъ болгарскихъ князей пришелъ на Пуреша; но, услыхавъ, что великій князь жжетъ мордовскія села, ночью бѣжалъ назадъ. Русскія войска воротились домой съ полнымъ успѣхомъ. Въ слѣдующемъ году Пургасъ попытался было отомстить за опустошеніе своей волости, и напалъ на Нижній Новгородъ; но былъ отбитъ; однако успѣлъ сжечь загородный монастырь Богородицы. Потомъ сынъ Пуреша съ наемными Половцами напалъ на Пургаса, и истребилъ его дружину, въ числѣ которой находилась какая-то наемная русская вольница (бродники?); а самъ Пургасъ едва убѣжалъ съ немногими людьми. Однако враждебная Руси Мордва не прекращала своихъ нападеній, и потому великій князь, спустя года три, опять послалъ на нее свое войско съ муромскою и рязанскою помощью. Русскіе снова пожгли селенія, и избили много Мордвы ([31]).

Взглянемъ теперь на отношенія Суздальско-новогородскія послѣ Липецкой битвы.

Не смотря на взаимныя чувства, связавшія Мстислава Удалаго и Новогородцевъ, непосѣдный князь не могъ долго оставаться въ ихъ городѣ. Ему могли наскучить нѣкоторые новогородскіе порядки, постоянная вражда боярскихъ партій, происки суздальскихъ приверженцевъ; а, главное, его тянули на югъ старыя привычки и привязанности. Особенно привлекали его дѣла Галича, который тогда былъ угнетенъ Венграми и

звалъ его на помощь противъ иноземцевъ. Созвавъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ, Мстиславъ молвилъ: «Кланяюсь святой Софіи, гробу отца моего и вамъ. Хочу поискать Галича; а васъ не забуду. Дай Богъ мнѣ лечь подлѣ отца у св. Софіи». Тщетно граждане умоляли любимаго князя остаться въ Новгородѣ. Онъ поклонился народу, и уѣхалъ совершать новые богатырскіе подвиги въ Южной Руси. На мѣсто его Новогородцы получили князя изъ того же рода Смоленскихъ Ростиславичей, именно Святослава, который былъ сыномъ великаго князя кіевскаго Мстислава Романовича. Но Святославъ Мстиславичъ не съумѣлъ поладить даже съ противусуздальской партіей и ея главою, знаменитымъ посадникомъ Твердиславомъ Михалковичемъ.

Одинъ изъ суздальскихъ приверженцевъ, бояринъ Матвѣй Душильцевичъ связалъ бирича ябетниковъ Моисѣича (можетъ быть предъявившаго ему какое либо судебное рѣшеніе или правительственное требованіе), и хотѣлъ спастись бѣгствомъ; но его догнали, привели на Городище и отдали въ руки князю. Вдругъ по городу былъ пущенъ ложный слухъ (конечно близкимъ боярина), будто самъ посадникъ выдалъ князю Матвѣя. Торговая сторона всполошилась противъ посадника и созвонила вѣче у церкви св. Николы, т. е. на Ярославовомъ дворѣ; а на Софійской сторонѣ поднялся противъ него конецъ Неревскій и собрался на вѣче у церкви Сорока Мучениковъ. Въ виду подинмавшагося мятежа князь поспѣшилъ выпустить на свободу боярина Матвѣя. Но народное волненіе не улеглось. Граждане трехъ концовъ, Славянскаго, Плотницкаго и Неревскаго, собрались въ оружіи противъ посадника; а за него вступились Людинъ конецъ и Прусская улица, принадлежавшая къ Загородскому концу; остальные Загородцы не пристали ни къ той, ни къ другой сторонѣ. Самъ Твердиславъ сталъ во главѣ своихъ сторонниковъ, и, указывая имъ на св. Софію, сказалъ: «если я виноватъ, то пусть паду мертвымъ, если же нѣтъ, то оправи меня, Господи». Началась сѣча. Одна часть его сторонниковъ ударила на Неревлянъ; другая перемѣтала мостъ, чтобы не пустить на Софійскую сторону *онйполовцевъ* или жителей Торговой стороны; но послѣдніе переѣхали въ лодкахъ. Въ этой междоусобной свалкѣ много было изранено и нѣсколько мужей

пало, въ томъ числѣ братъ Матвѣя Иванъ Душильцевичъ, вѣроятно главный поджигатель мятежа. Битва происходила 27 января 1218 года, и окончилась повидимому въ пользу Твердиславовой стороны. Послѣ того цѣлую недѣлю въ городѣ происходили бурныя вѣча. Наконецъ обѣ партіи помирились и сошлись на общее вѣче, на которомъ укрѣпили свое согласіе крестоцѣлованіемъ. Вдругъ князь Святославъ присылаетъ своего тысяцкаго сказать, что онъ отнимаетъ посадничество у Твердислава.

«Въ чемъ его вина?»—послало спросить вѣче, и получило въ отвѣтъ: «Безъ вины».

«Радуюсь, что на мнѣ нѣтъ вины»—сказалъ Твердиславъ народу,—а вы, братья, вольны въ посадникахъ и въ князьяхъ».

Тогда вѣче постановило такой отвѣтъ: «Княже, ты намъ крестъ цѣловалъ безъ вины мужа не лишать власти. Тебѣ кланяемся, а посадникъ нашъ, и мы его не выдадимъ». Князь уступилъ.

Въ слѣдующемъ году Мстиславъ Романовичъ Кіевскій отозвалъ Святослава изъ Новгорода, а на его мѣсто прислалъ младшаго сына Всеволода. Но послѣдній также не умѣлъ пріобрѣсти народное расположеніе и успокоить новогородскія партіи. Между прочимъ какой-то Семьюнъ Еминъ отправился съ четырьмя стами повольниковъ на востокъ, конечно для набѣга на Финновъ или на Камскихъ Болгаръ. Но суздальскіе князья, Юрій и Ярославъ, не пропустили его чрезъ свои земли. Еминъ воротился и сталъ съ товарищами подъ Новгородомъ въ шатрахъ. Онъ началъ распускать слухъ, будто посадникъ Твердиславъ и тысяцкій Якунъ послали напередъ къ Суздальскимъ князьямъ и подговорили ихъ не пропускать повольниковъ. Въ городѣ опять поднялись смуты, которыя на этотъ разъ кончились тѣмъ, что Твердислава и Якуна отставили отъ должностей; посадничество дали Семену Борисовичу, внуку извѣстнаго Мирошки, слѣдовательно одному изъ вожаковъ Суздальской партіи, а тысяцкимъ поставили самого Емина. Впрочемъ въ томъ же году по возвращеніи изъ похода въ Ливонію, Новогородцы снова возстановили Твердислава и Якуна въ ихъ должностяхъ. И опять не надолго. Всеволодъ Мстиславичъ, подобно своему старшему брату, питалъ неудовольствіе противъ Твердислава, вѣроятно за его излишнее усердіе къ народовластію, и зимой слѣдующаго

1220 года снова поднялъ противъ него мятежъ. Самъ князь со всѣмъ своимъ *дворомъ* или со всей наличной дружиной, въ полномъ вооруженіи, пріѣхалъ съ Городища на Ярославовъ дворъ; тутъ собралась къ нему Торговая сторона, также вооруженная. Новогородскій лѣтописецъ говоритъ, что князь искалъ смерти посадника. Твердиславъ въ то время лежалъ больной. Близкіе люди вывезли его на саняхъ къ церкви Бориса и Глѣба (въ Софійскомъ дѣтинцѣ); около него стеклись его сторонники. На тотъ разъ не только Людинъ конецъ и Прусская улица, но и весь конецъ Загородскій вcталъ за посадника. Они раздѣлились на пять полковъ и приготовились къ битвѣ. Въ виду такой рѣшимости, князь прибѣгъ къ переговорамъ, и отправилъ въ противный станъ владыку Митрофана. Послѣднему удалось помирить враждебныя стороны. Угнетенный болѣзнію, Твердиславъ сложилъ съ себя посадничество, и потомъ тайно отъ жены и дѣтей удалился въ Аркажій монастырь, гдѣ и постригся, по примѣру отца. Тогда и жена его также ушла въ монастырь св. Варвары, и постриглась.

Всеволодъ Мстиславичъ ничего не выигралъ съ удаленіемъ Твердислава. Напротивъ теперь окончательно усилилась суздальская партія, къ которой принадлежалъ и самъ владыка Митрофанъ. Посадничество получилъ Иванко Дмитріевичъ, другой внукъ Мирошки, двоюродный братъ помянутаго Семена Борисовича. Слѣдствіемъ усиленія суздальской партіи было то, что Новогородцы «показали путь» Всеволоду, и отправили посольство изъ «старѣйшихъ мужей» во Владиміръ на Клязьмѣ къ великому князю Георгію съ просьбою дать имъ на княженіе своего сына. Во главѣ посольства находились владыка Митрофанъ и посадникъ Иванко Дмитріевичъ. Слѣдовательно прошло только три или четыре года со времени Липицкой побѣды надъ Суздальскими князьями, и послѣдніе уже воротили свое вліяніе на дѣла новогородскія.

Существовали разныя и весьма основательныя причины, почему въ самомъ Новгородѣ было сильное тяготѣніе къ Сѣверовосточной Руси, почему суздальская партія сохраняла здѣсь свою силу, несмотря на ослабленіе Суздальскаго могущества послѣ Всеволода III. Во первыхъ, неплодородная почва, при частыхъ неурожаяхъ, не могла прокормить ново-

городское населеніе, и оно почти постоянно нуждалось въ привозномъ хлѣбѣ, который главнымъ образомъ шелъ изъ низовыхъ или приволжскихъ областей. Суздальскіе князья всегда могли прекратить подвозъ его, и тѣмъ причинить сильную дороговизну въ Новгородѣ, невыносимую для чернаго народа; въ случаѣ же мѣстнаго неурожая прекращеніе подвоза просто производило голодный моръ. Во вторыхъ, главный источникъ своего богатства или сырыя произведенія, особенно дорогіе мѣха, новогородскіе промышленники получали съ сѣверовостока въ видѣ дани разныхъ финскихъ народцевъ; азіатскіе товары вымѣнивали они у Камскихъ Болгаръ. Суздальцы имѣли въ своихъ рукахъ главные пути на востокъ, а потому легко могли перехватывать какъ сборщиковъ даней, такъ и торговцевъ съ Болгаріей, Муромо-Рязанской землей и пр. Въ самой Суздальской землѣ проживало всегда много новогородскихъ гостей, которыхъ въ случаѣ размирья князья захватывали вмѣстѣ съ товарами. Въ третьихъ, ведя частыя войны съ западными сосѣдями, Чудью, Емью, Литвою, Ливонскими Нѣмцами и Шведами, Новогородцы нуждались въ союзѣ съ сильными и притомъ сосѣдними князьями, которые могли бы вовремя прислать имъ свою помощь; а такой помощи естественнѣе всего было ожидать отъ князей суздальскихъ, и князья эти дѣйствительно не разъ присылали Новогородцамъ многочисленные полки во время войнъ съ иноплеменниками. Итакъ, помимо подкуповъ и ловкой политики суздальскихъ князей, были серьезныя причины преобладанія Суздальской Руси надъ Русью Новогородскою.

Съ 1220 года Новогородцы большею частію вновь получали себѣ князей изъ рукъ великаго князя Владимірскаго, и по преимуществу у нихъ княжилъ братъ его, извѣстный Ярославъ Переяславскій. Но они не могли долго уживаться съ нимъ вслѣдствіе его корыстолюбія и необычнаго для нихъ самовластія. Нѣсколько разъ Ярославъ былъ призываемъ въ Новгородъ; но едва онъ успѣвалъ присягнуть на такъ наз. Ярославовыхъ грамотахъ, какъ вопреки имъ разсылалъ по волостямъ собственныхъ тіуновъ и слугъ для суда и сбора даней. Начинались новыя смуты; поднималась народная партія. Князь уходилъ; но затѣмъ обыкновенно захватывалъ Торжокъ, Во-

локъ и другія новогородскія волости, сосѣднія его Переяславскому удѣлу, задерживалъ подвозъ хлѣба, и Новогородцы опять смирялись, опять посылали звать его на свой столъ. Въ двадцатилѣтній періодъ времени до татарскаго владычества Новогородцы только два раза имѣли князя изъ другой вѣтви, именно Михаила Всеволодовича Черниговскаго; но и его самъ великій князь Юрій предложилъ имъ какъ своего шурина. Находясь въ то время въ размирьѣ съ Новгородомъ за своего сына, великій князь занялъ Торжокъ, потребовалъ выдачи, враждебныхъ ему бояръ и велѣлъ сказать Новогородцамъ: «я поилъ коней Тверцою, напою и Волховомъ». «Твой мечъ, а наши головы» отвѣчали Новогородцы и начали готовиться къ оборонѣ. Юрій смягчился, далъ имъ миръ и посадилъ у нихъ Михаила Черниговскаго. Легко было Новогородцамъ при Михаилѣ, который не нарушалъ ихъ вольностей; но дѣла собственной земли отвлекали его на югъ, и онъ оба раза недолго оставался въ Новгородѣ.

Любопытно, что во время новогородскихъ волненій вожаки партіи противной Ярославу нерѣдко находили убѣжище и поддержку въ Псковѣ, который, пользуясь новогородскими смутами, все болѣе и болѣе пріобрѣталъ самостоятельности. Однажды онъ вошелъ даже въ союзъ съ врагами Руси Ливонскими Нѣмцами противъ Суздальско-новогородскаго князя. Это произошло такимъ образомъ. Въ 1228 году Ярославъ съ посадникомъ Иванкомъ Дмитріевичемъ и тысяцкимъ Вячеславомъ отправился въ Псковъ, куда передъ тѣмъ удалились вожаки противной ему партіи. Кто-то пустилъ слухъ между Псковичами, что князь везетъ съ собой въ коробахъ оковы для «вятшихъ» мужей. Псковъ заперъ свои ворота. Не доходя до города, князь постоялъ нѣсколько дней въ селѣ Дубровнѣ, и долженъ былъ воротиться назадъ. Онъ немедленно созвалъ вѣче на владычномъ дворѣ, и горько жаловался на Псковичей, которые его обезчестили и оклеветали; тогда какъ онъ везъ для нихъ въ коробахъ не оковы, а дары, именно наволоки и разныя овощи. Въ это время у Новгорода было размирье съ Нѣмцами; князь собирался идти на Ригу, и призвалъ свои суздальскіе полки изъ Переяславля. Они расположились частію въ шатрахъ около Городища, а частію на

дворахъ въ Славянскомъ концѣ. Присутствіе Суздальцевъ подняло цѣны на съѣстные припасы; что возбудило неудовольствіе гражданъ. Враги князя снова дали знать изъ Новгорода Псковичамъ, будто онъ намѣренъ вести свои полки не на Ригу, а на Псковъ. Тогда послѣдній поспѣшилъ заключить отдѣльный миръ съ Рижанами, обмѣнялся заложниками и даже собралъ къ себѣ на помощь Нѣмцевъ, Чудь и Латышей. Тщетно Ярославъ посылалъ звать съ собою Псковичей въ походъ, и требовалъ, чтобы ему выдали тѣхъ, кто его оклеветалъ. Псковъ прислалъ какого-то Гречина (вѣроятно священника) съ отвѣтною грамотою къ князю и братьѣ Новогородцамъ. Въ предыдущій походъ—говорилось въ ней—князь и Новгородцы ходили на Колывань, на Кесь (Венденъ) и Медвѣжью Голову; брали окупъ съ городовъ, грабили села и съ добычею возвратились домой, не заключивъ мира; а Нѣмцы и Чудь выместили на Псковичахъ, избили ихъ людей на озерѣ, другихъ увели въ плѣнъ; теперь же Псковичи сами заключили миръ съ Рижанами; братьи своей князю не выдадутъ, хотя бы ихъ самихъ (Суздальцы) перебили, а женъ и дѣтей взяли себѣ. Новогородцы послѣ того объявили князю: «безъ своей братьи Псковичей нейдемъ на Ригу.» Напрасно уговаривалъ ихъ Ярославъ; они остались при своемъ, и походъ не состоялся. Тогда и Псковичи отпустили отъ себя иноплеменниковъ; разыскали согражданъ, которые по слухамъ брали подарки отъ Ярослава, и выгнали ихъ изъ города, говоря: «ступайте къ своему князю, а намъ вы не братья».

Понятно, что при такой разладицѣ, угнетавшей Сѣверную Русь, Нѣмцамъ не трудно было утвердить свое владычество въ Прибалтійскомъ краѣ.

Бурныя волненія и ожесточенная вражда партій, происходившія въ Новгородѣ въ этотъ періодъ времени, сопровождались частою смѣною не только посадниковъ и тысяцкихъ, но и такихъ священныхъ лицъ какъ владыка или архіепископъ новогородскій. Смотря по тому, какая партія одолѣвала, суздальская или народная (стоявшая за самостоятельность), мѣнялся и архіепископъ. Мы видѣли, что въ княженіе Мстислава Удалаго, при упадкѣ суздальской стороны, архіепископъ Митрофанъ былъ низведенъ съ престола и на его мѣ-

сто поставленъ Антоній (Добрыня Ядрейковичъ). Но когда Удалой вторично и навсегда покинулъ Новгородъ и суздальская сторона подняла голову, она воротила изъ изгнанія Митрофана. Такимъ образомъ явилось два архіепископа въ одно время. Чтобы рѣшить споръ, ихъ отправили на судъ къ митрополиту. Послѣдній рѣшилъ въ пользу Митрофана какъ старѣйшаго по избранію, и тотъ правилъ Новогородскою церковью еще около четырехъ лѣтъ, до своей смерти (1223 г.). Тогда народная партія пыталась воротить Антонія; но суздальская поспѣшила выбрать хутынскаго чернеца Арсенія. Опять явилось два архіепископа, которые нѣсколько разъ чередовались другъ съ другомъ, смотря по тому, суздальскій или черниговскій князь сидѣлъ въ Новгородѣ. Въ 1228 году, когда Ярославъ удалился на время изъ Новгорода, простой народъ началъ кричать на вѣчѣ противъ Арсенія за своего любимца Антонія. На ту пору случилась продолжительная, теплая и чрезвычайно дождливая осень; нельзя было ни сѣна добыть, ни убрать полей. «Отъ того такъ долго стоитъ у насъ тепло—вопила чернь,—что Арсеній выпроводилъ владыку Антонія на Хутынь, а самъ сѣлъ на его мѣсто, давъ мзду князю». Съ вѣча чернь бросилась на владычній дворъ, и силою выгнала Арсенія «пихающе его за ворота какъ будто какого злодѣя» — прибавляетъ лѣтописецъ. Владыка едва успѣлъ спастись отъ смерти, запершись въ Софійскомъ храмѣ. Народъ отправился на Хутынь и привелъ оттуда Антонія. Послѣдній на этотъ разъ недолго оставался на каѳедрѣ. Онъ сдѣлался боленъ и лишился языка. Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій, княжившій тогда въ Новгородѣ, сказалъ народу: «Нелѣпо быть сему граду безъ владыки; такъ какъ Богъ возложилъ казнь на Антонія, то поищите себѣ кого-либо изъ поповъ, игумновъ или чернецовъ». Голоса раздѣлились между тремя лицами: одни предлагали дьякона Спиридона, монаха Юрьевскаго монастыря; другіе Іосифа, епископа Владиміро-Волынскаго; третьи опять какого-то Гречина. Чтобы рѣшить споръ, хотѣли отдать дѣло на усмотрѣніе митрополита; но по желанію князя Михаила прибѣгли къ жребію: очевидно послѣдній обычай въ то время только входилъ въ силу. На трапезѣ въ Софійскомъ соборѣ положили три свитка съ именами, и послали взять одинъ свитокъ юнаго кня-

жича Ростислава Михайловича; вынулся жребій Спиридона. Его привезли изъ Юрьевскаго монастыря и ввели во владычныя палаты. А въ слѣдующемъ (1230) году Спиридонъ отправился въ Кіевъ на поставленіе къ митрополиту Кириллу, который сначала посвятилъ его въ санъ священника, а затѣмъ уже въ архіепископа.

Этотъ годъ былъ для Новгорода временемъ тяжкихъ бѣдствій. Ранній морозъ побилъ озими. Произошла страшная дороговизна; кадь ржи стали покупать по 20 и 25 гривенъ, а пшена по 50. Бѣдные люди начали разбѣгаться по чужимъ городамъ; оставшіеся стали умирать голодною смертію; такъ что трупы валялись по улицамъ, собаки пожирали младенцевъ. Владыка Спиридонъ велѣлъ приготовить скудельницу у храма свв. Апостолъ на Прусской улицѣ; въ нее свезли болѣе 3.000 труповъ, такъ что она наполнилась до верху; устроили еще двѣ скудельницы, и тѣ скоро наполнились. Голодъ дошелъ до того, что простолюдины не только ѣли мохъ, сосновую и липовую кору, и всякую падаль, даже пожирали человѣческіе трупы, а иные рѣзали и ѣли живыхъ людей. Впрочемъ, такихъ изверговъ власти жгли огнемъ и вѣшали. Самыя родительскія чувства замирали: одни отцы и матери продавали дѣтей въ рабство чужимъ купцамъ, а другіе смотрѣли на смерть дѣтей и не дѣлились съ ними добытымъ кускомъ хлѣба. (Моровая язва свирѣпствовала тогда же въ Смоленскѣ и нѣкоторыхъ другихъ русскихъ областяхъ). Къ страшному голоду присоединился еще ужасный пожаръ, въ началѣ слѣдующаго 1231 года. Сгорѣлъ почти весь Славянскій конецъ; огонь былъ такъ силенъ, что перелеталъ черезъ Волховъ. Наконецъ прибыли нѣмецкіе корабли съ хлѣбомъ и спасли Новогородцевъ отъ конечной гибели. Но и посреди такихъ бѣдствій партіи ожесточенно враждовали; сильные, богатые люди продолжали бороться за власть.

Особенно многіе мятежи, убійства и грабежи были вызваны враждою посадника Внѣзда Водовика съ сыномъ знаменитаго Твердислава, Степаномъ, который самъ добивался посадничества. Когда, оставленный въ Новгородѣ отцомъ, малолѣтній князь Ростиславъ съ посадникомъ Водовикомъ поѣхалъ въ Торжокъ, противная имъ партія подняла большой мятежъ, убила извѣстнаго боярина Семена Борисовича, разграбила какъ его,

дворъ, такъ дворы самого Водовика и другихъ вожаковъ Черниговской партіи; огромныя ихъ имущества народъ раздѣлилъ между собою по городскимъ сотнямъ. «Они трудишася сбирающе, а си въ трудъ ихъ внидоша», замѣтилъ новогородскій лѣтописецъ). Посадникомъ поставили Степана Твердиславича; а на столъ призвали опять Ярослава Всеволодовича. Съ того времени Ярославъ занималъ Новогородскій столъ уже безъ соперниковъ; причемъ не считалъ нужнымъ самому жить въ Новгородѣ, а обыкновенно держалъ тамъ своихъ намѣстниковъ и двухъ юныхъ сыновей, Ѳеодора и Александра. По смерти старшаго брата Ѳеодора, вмѣсто отца сталъ княжить одинъ Александръ, впослѣдствіи знаменитый герой Невскій ([35]).

XVIII.

ЗЕМЛЯ СУЗДАЛЬСКАЯ. РЯЗАНЬ И КАМСКАЯ БОЛГАРІЯ.

Залѣсье.—Владиміръ на Клязьмѣ.—Соборы Успенскій и Дмитровскій.—Храмовой Суздальскій стиль.—Окрестности Владиміра.—Боголюбово.—Суздаль, Юрьевъ, Переяславль, Ростовъ Великій и другіе суздальскіе города.—Рязанскій край.—Стольный городъ.—Укрѣпленія на Окѣ и Пронѣ.—Муромъ.—Подчиненіе края Всеволоду III.—Рязанскіе князья.—Братоубійство.—Характеръ населенія.—Мордва.—Предѣлы, торговый характеръ и политическое устройство Камской Болгаріи.—Ея города.

Въ самомъ средоточіи Восточноевропейской равнины между Клязьмой и сѣвернымъ загибомъ Волги, залегаетъ страна, послужившая колыбелью той Ростово-Суздальской народности, которая впослѣдствіи сдѣлалась извѣстна подъ именемъ Великой Руси, а вмѣстѣ съ нею и того государственнаго строя, который въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ распространился на всю помянутую равнину.

Широкая лѣсная полоса земли Вятичей отдѣляла Суздальскій край отъ Южной Руси, и потому этотъ край является въ нашей исторіи съ именемъ *Залѣсья.* Нѣкоторые города его носятъ прозваніе «залѣсскихъ» въ отличіе отъ своихъ южнорусскихъ одноименниковъ (Переяславль, Владиміръ). Судьба не надѣлила его роскошною почвою, благорастворенным климатомъ или поразительными красотами природы. Но она дала ему почти все, что нужно для развитія здороваго, дѣятельнаго и промышленнаго населенія. Климатъ довольно умѣренный, наглядно отличающій всѣ четыре времени года, континентальный по отдаленности отъ морей, но содержащій значительное количество атмосферной влаги. Почва, большею частію глинистая или суглинистая, однако во многихъ мѣ-

стахъ перемѣшанная съ черноземомъ, въ состоянiи собственными произведенiями съ избыткомъ прокормить населенiе; но требуетъ постояннаго упорнаго труда для своей обработки. Здѣсь съ успѣхомъ произрастаютъ рожь, ячмень, овесъ, просо, гречиха и пр. Лѣсу изобилiе, но далеко не такое, чтобы онъ напоминалъ непроглядныя трущобы болѣе сѣверной полосы. Встрѣчаются хвойныя породы рядомъ съ лиственными; ель и береза, сосна и дубъ, липа, верба и осина разсѣяны отдѣльными рощами или перемѣшиваются другъ съ другомъ и даютъ лѣсному бору прекрасное разнообразiе. Роскошные луга, въ особенности поемные, доставляютъ отличный кормъ для скота. Поверхность почвы представляетъ равнину, но далеко не плоскую и однообразную, а напротивъ взволнованную и мѣстами весьма холмистую. Низменная по окрайнамъ даннаго пространства, эта равнина нѣсколько поднимается къ его серединѣ и образуетъ холмистый водораздѣлъ между правыми притоками Волги и лѣвыми Оки и Клязьмы съ цѣлою сѣтью небольшихъ озеръ, болотъ, рѣкъ и рѣчекъ. Вообще воды такое же изобилiе какъ и лѣсу, но также не до излишества. Рѣки внутри этого края только отчасти судоходныя, а болѣе сплавныя. Лѣтомъ первобытные пути сообщенiя не слишкомъ затруднительны; а зимою, когда воды скованы толстымъ слоемъ льду и вся страна покрыта сплошнымъ снѣгомъ, всюду открывается прямая дорога.

Древнѣйшiе или значительнѣйшiе города Суздальскаго края вопреки тому, что мы видѣли въ большей части другихъ русскихъ земель, встрѣчаются не на широкомъ судовомъ пути, не на самыхъ берегахъ Волги, а нѣсколько всторонѣ, на берегахъ озеръ или незначительныхъ рѣкъ; таковы: Ростовъ, Суздаль, Переяславль-Залѣсскiй и Юрьевъ Польскiй. Это явленiе объясняется тѣмъ, что первые обитатели края Меряне какъ истые Финны, несклонные къ судоходству, не любили селиться на большой открытой дорогѣ, а выбирали мѣста глухiя, уединенныя, расположенныя вдали отъ бойкаго движенiя и бранныхъ тревогъ. Славянорусское племя, нашедши уже значительныя поселенiя внутри края, естественно старалось прежде всего занимать ихъ и укрѣплять за собою построенiемъ кремлей и остроговъ, въ которыхъ появились княжескiе и боярскiе терема, а съ принятiемъ христiанства и

соборные храмы. Въ тоже время Суздальская Русь не упустила изъ виду береговъ широкой Волги и поставила на нихъ цѣлый рядъ новыхъ городовъ. Но послѣдніе были слишкомъ отдалены отъ Южной Руси. А потому, пока существовали живыя тѣсныя связи съ Приднѣпровьемъ и продолжалось тяготѣніе русскихъ областей къ славному Кіеву, изъ русскихъ колоній Суздальскаго края взялъ верхъ надъ другими Владиміръ, лежавшій южнѣе помянутыхъ городовъ.

Владиміръ Залѣсскій расположенъ на среднемъ теченіи Клязьмы, самаго значительнаго притока Оки, на лѣвомъ нагорномъ берегу, возвышающемся футовъ на двѣсти надъ уровнемъ рѣки. Съ западной и сѣверной стороны его огибаетъ рѣчка Лыбедь, впадающая въ Клязьму. По обычаю нашихъ древнихъ городовъ, Владиміръ состоялъ изъ внутренняго города, т. е. дѣтинца или кремля, и внѣшняго или острога. (Первый назывался еще почему-то «Печернымъ» городомъ, а второй «Новымъ»). Отличіе отъ другихъ заключалось въ томъ, что наружный городъ состоялъ изъ двухъ отдѣльныхъ другъ отъ друга частей, лежавшихъ по бокамъ кремля. Причиною тому было узкое положеніе города между Клязьмою и Лыбедью: кремль съ одной стороны упирался въ Лыбедь, а съ другой въ берегъ Клязьмы. На послѣдній выходили такъ наз. «Волжскія» ворота, а на Лыбедь «Мѣдныя» и «Оринины». Ворота внѣшняго города, обращеннаго къ устью Лыбеди, именовались «Серебряными»; а въ другомъ внѣшнемъ городѣ ворота, обращенныя въ противную сторону, т. е. на юго-западъ, назывались «Золотыми». Подобныя названія заимствованы конечно изъ Кіева и Царьграда. Золотыя ворота были сооружены изъ камня и имѣли наверху храмъ Ризъ Положенія.

Внутри Кремля почти надъ самымъ обрывомъ Клязьмы красовался соборный храмъ Успенія Богородицы, знаменитое сооруженіе Андрея Боголюбскаго, заключающій главную мѣстную святыню, т. е. Боголюбовскую икону принесенную Андреемъ изъ Вышгорода и богато окованную золотомъ. Владимірскій Успенскій соборъ представлялъ прекрасный образецъ того изящнаго храмоваго стиля, который выработался въ Суздальской землѣ въ XII и первой половинѣ XIII вѣка. Въ основаніи своемъ онъ сохранялъ общій планъ кіевскихъ или

византійско-русскихъ церквей, т. е. основной квадратъ нѣсколько удлиненный троечастнымъ алтаремъ на восточной сторонѣ. Внутри онъ былъ покрытъ фресковою иконописью; кромѣ того блисталъ разноцвѣтными плитами и позолотою, пущенною по карнизамъ, аркамъ и наддверіямъ, а также позолоченною сѣнью надъ алтарнымъ престоломъ. Бѣлый камень, изъ котораго строились суздальскіе храмы (привозившійся, какъ полагаютъ, водою изъ Камской Болгаріи), по своей мягкости представлялъ удобный матеріалъ для рѣзьбы, и храмы эти снаружи обыкновенно украшались изящнымъ поясомъ изъ рѣзныхъ колонокъ и другими рельефными изображеніями. Обиліе этихъ такъ наз. «обронныхъ» украшеній составляетъ главную особенность Суздальскаго храмоваго стиля отъ церквей южно-русскихъ и новогородскихъ. Другая особенность суздальскихъ храмовъ состояла въ томъ, что они были объ одномъ верхѣ, т. е. одноглавыя. Владимірскій Златоверхій соборъ также первоначально построенъ одноглавымъ. Но послѣ пожара 1185 года, когда Всеволодъ III обновилъ этотъ храмъ, общій видъ его нѣсколько измѣнился. Три новыя стѣны воздвигнуты были съ южной, западной и сѣверной сторонъ, и такимъ образомъ стѣны Андреевскія очутились внутри храма; въ нихъ были пробиты арки и просвѣты для бо̀льшаго соединенія съ придѣльными частями. Вмѣстѣ съ тѣмъ надъ послѣдними возведены четыре купола или главы, которыя съ прежней или срединной составили пять главъ; чѣмъ Успенскій соборъ сталъ отличаться отъ прочихъ одноглавыхъ храмовъ Суздальскаго края. Притворы этого собора заключаютъ въ себѣ гробницы многихъ князей и епископовъ владимірскихъ. Палаты епископскія помѣщались подлѣ самаго собора.

Неподалеку стоялъ и княжій дворъ; но отъ него не сохранилось никакихъ остатковъ. За то существуетъ храмъ, построенный на этомъ дворѣ Всеволодомъ III Димитріемъ въ честь своего святаго, Димитрія Солунскаго, и по обычаю того времени соединенный съ княжимъ теремомъ переходами, которые вели на полати или хоры церковные. Это наиболѣе уцѣлѣвшій и самый изящный изъ всѣхъ суздальскихъ храмовъ до-Татарской эпохи, сохранившихся до нашихъ временъ. Онъ построенъ былъ въ концѣ XII вѣка, слѣдователь-

но когда характерный стиль этихъ храмовъ достигъ значительной степени развитія. И дѣйствительно Дмитріевскій соборъ служитъ прекраснымъ образцомъ Суздальскаго стиля. Высота его весьма гармонируетъ съ его основаніемъ. Восточная сторона зданія состоитъ изъ трехъ алтарныхъ полукружій; а три остальныя стороны наружными полуколоннами какъ бы раздѣлены на три части, съ дугообразными верхами (комарами). Подъ каждою дугою помѣщено по одному узкому продолговатому окну; а въ каждой средней части входная дверь также съ дугообразною аркою. Кровля храма обита по самымъ сводамъ и дугамъ, и все зданіе вѣнчается возвышеннымъ тамбуромъ съ полусферическимъ куполомъ.

Этотъ Суздальскій стиль, какъ мы видимъ, строго сохранилъ всѣ главныя отличія стиля Византійскаго; но присоединилъ къ нему черты, свидѣтельствующія о собственномъ русскомъ вкусѣ, о началахъ самостоятельнаго русскаго художества. Нѣкоторые знатоки старины считаютъ эти черты заимствованными съ запада отъ стиля Романскаго (возникшаго также на византійской основѣ), въ особенности изъ Сѣверной Италіи, гдѣ тогда процвѣтала Ломбардо-Венеціанская школа этого Романскаго стиля. Хотя западное вліяніе на русское искусство въ тѣ времена является до нѣкоторой степени естественнымъ, если вспомнить, что не только Южная, но и Сѣверная Русь находилась въ сношеніяхъ съ Германіей, которая владѣла тогда значительной частью Сѣверной Италіи и сама подчинялась вліянію итальянской образованности. Суздальскіе князья, какъ мы знаемъ изъ примѣра Андрея Боголюбскаго, призывали для своихъ сооруженій мастеровъ изъ разныхъ земель, слѣдовательно не однихъ Грековъ, но также Нѣмцевъ и вѣроятно Итальянцевъ. Однако несомнѣнно, что въ XII вѣкѣ у насъ были уже свои русскіе мастера, вносившіе въ постройки и украшенія начала собственно русскаго вкуса, на развитіе котораго издревле вліяло не одно художество, греческое, но также восточное, въ особенности персидское. Послѣдній, т. е. восточный элементъ нашего вкуса, ярко выражался въ любви къ пестрымъ узорчатымъ украшеніямъ. Князья и духовенство конечно не дозволяли мастерамъ при сооруженіи храмовъ отступать отъ византійскихъ образцовъ въ существенныхъ частяхъ; но, кажется, оставляли имъ достаточно свобо-

ды въ подробностяхъ, особенно въ тѣхъ скульптурныхъ или обронныхъ украшеніяхъ, которыми покрыты всѣ три помянутыя стороны придворнаго Дмитріевскаго собора. Во первыхъ, дугообразныя арки входныхъ дверей испещрены рельефными узорами; далѣе надъ ними идетъ роскошный узорчатый поясъ, пересѣкающій наружныя стороны на два яруса. Поясъ этотъ состоитъ изъ колонокъ или столбиковъ, соединенныхъ вверху дугообразными перемычками; а между колонками помѣщены изображенія человѣческихъ фигуръ, животныхъ и растеній. Подобныя же изображенія людей, звѣрей, фантастическихъ животныхъ, травъ и пр., представляющія иногда цѣлыя группы или сцены и ярко раскрашенныя, наполняютъ собою весь верхній ярусъ фасадовъ и, наконецъ, подъ куполомъ въ барабанѣ всѣ промежутки между просвѣтами. Обиліе обронныхъ украшеній показываетъ, что онѣ пришлись по вкусу въ особенности Сѣверовосточной Руси. Онѣ обратились исключительно на внѣшнія стороны храма, потому что здѣсь только предоставлялась имъ нѣкоторая свобода; тогда какъ во внутренности его не допускалось никакихъ существенныхъ отступленій отъ византійскихъ образцовъ: тутъ стѣнная иконопись составляла главное и едва ли не единственное его украшеніе. Кромѣ того были иконы, писанныя на доскахъ; въ числѣ ихъ особымъ почитаніемъ пользовалась доска, принесенная изъ Солуня съ самой гробницы мученика Димитрія, и вѣроятно съ его изображеніемъ. Лѣтопись говоритъ, что доска эта источала миро, и что вмѣстѣ съ нею была принесена сорочка святаго, также положенная въ Дмитріевскомъ соборѣ. Хоры или полати для женщинъ здѣсь и въ другихъ суздальскихъ храмахъ не огибаютъ трехъ внутреннихъ стѣнъ, какъ въ византійскихъ и южнорусскихъ древнихъ соборахъ, а ограничены только западной стороной.

Совершенно въ томъ же стилѣ и въ тѣхъ же размѣрахъ какъ Дмитріевскій соборъ, и на томъ же берегу Клязьмы, красовался въ кремлѣ выстроенный тѣмъ же Всеволодомъ III храмъ Рождества Богородицы съ мужскимъ монастыремъ. А во внѣшнемъ городѣ надъ рѣчкою Лыбедью находился женскій монастырь съ храмомъ Успенія Богородицы, основанный супругою Всеволода Маріей, гдѣ она постриглась и была погребена; потому монастырь и получилъ названіе «Княгинина».

Онъ пріобрѣлъ еще особый почетъ съ того времени, какъ въ немъ положены были мощи мученика Авраамія. Этотъ Авраамій, занимавшійся торговлею, пріѣхалъ откуда-то съ востока въ Великіе Болгары. Тутъ мусульмане схватили его и начали принуждать къ отреченію отъ Христа; когда же ни ласки, ни угрозы не могли поколебать его вѣры, то онъ былъ умерщвленъ. Русь, проживавшая въ Болгарахъ также по торговымъ дѣламъ, сначала спрятала тѣло мученика на христіанскомъ кладбищѣ; а въ слѣдующемъ 1230 году принесла его во Владиміръ на Клязьмѣ. Георгій II Всеволодовичъ съ своимъ семействомъ и епископъ владимірскій Митрофанъ съ клиромъ, игумнами, окруженные народною толпою, торжественно встрѣтили мощи за городомъ и положили ихъ въ Успенскомъ Княгининѣ монастырѣ. Великій князь и епископъ конечно не безсознательно старались возвысить Владиміръ и сравнять свой стольный городъ съ его старѣйшимъ соперникомъ Ростовомъ, который имѣлъ въ своихъ стѣнахъ мощи св. мученика Леонтія. Наполнять столицы христіанскими святынями было общимъ стремленіемъ древнихъ русскихъ властей. Такъ еще прежде Авраамія во Владиміръ принесена была часть мощей св. Логина, и положена въ монастырской церкви Вознесенія передъ Золотыми воротами.

Кромѣ упомянутыхъ, не говоря о многихъ деревянныхъ, Владиміръ Залѣсскій имѣлъ еще нѣсколько каменныхъ храмовъ, извѣстныхъ по лѣтописямъ; напримѣръ: во имя Георгія, построенный Юріемъ Долгорукимъ, и въ честь Преображенія, заложенный Андреемъ Боголюбскимъ, оба съ мужскими монастырями, и наконецъ, церковь Вздвиженія, построенная на *торговищѣ* Константиномъ Всеволодовичемъ.

Окрестности Владиміра обиловали рощами, нивами, поемными лугами и озерами. Изъ послѣднихъ наибольшую извѣстность получило такъ называемое Пловучее, верстахъ въ семи отъ города на лѣвой сторонѣ Клязьмы посреди сосноваго лѣса. По этому озеру плаваютъ носимые вѣтромъ торфяные островки, съ которыми народное преданіе связало казнь, постигшую убійцъ Андрея Боголюбскаго. Убійцы эти будто бы по приказанію Всеволода III были заключены въ короба и брошены въ озеро; но вода не приняла злодѣевъ, и короба съ ихъ трупами, обросшіе мохомъ, остались на поверхности

озера. Въ числѣ окрестныхъ селеній по обычаю стольныхъ русскихъ городовъ того времени встрѣчается село *Красное*, на лѣвомъ нагорномъ берегу Клязьмы; въ немъ вѣроятно находился загородный княжій дворъ. Но гораздо большую извѣстность пріобрѣло другое селеніе, Боголюбово, лежащее версты три или четыре далѣе отъ Владиміра на томъ же берегу Клязьмы при впаденіи въ нее Малой Нерли. Это любимое пребываніе Андрея Боголюбскаго было обращено имъ въ городокъ, укрѣпленный землянымъ валомъ и рвомъ, украшенный каменнымъ княжимъ теремомъ и въ особенности изящнымъ Рождественскимъ храмомъ.

За валами Боголюбова, въ разстояніи отъ него съ небольшимъ версты, на самомъ устьѣ Нерли Андрей воздвигъ еще каменный храмъ въ честь Покрова Богородицы, и при немъ устроилъ монастырь. По всѣмъ признакамъ здѣсь находилась судовая пристань: ибо только отъ этого мѣста Клязьма, принявъ въ себя Нерль, становилась вполнѣ судоходною рѣкою. Во время походовъ на Камскихъ Болгаръ къ этой пристани обыкновенно сходились суздальскіе полки, и здѣсь садились на суда, чтобы спуститься въ Оку и потомъ въ Волгу. Слѣдовательно здѣсь совершались напутственные молебны передъ отправленіемъ судовъ, и весьма естественно, что Боголюбскій пожелалъ ознаменовать мѣстность построеніемъ церкви; а можетъ быть она построена по обѣту князя послѣ его удачнаго похода на Болгаръ въ 1164 г. Есть правдоподобное преданіе, что бѣлый известковый камень, который суздальскіе князья заставляли привозить изъ Болгаріи для своихъ сооруженій, въ этой пристани перегружался на болѣе мелкія суда, и что часть камня, остававшаяся на берегу при перегрузкѣ, употреблена на облицовку стѣнъ Покровскаго храма. Сохранившійся до нашего времени, онъ теперь одиноко стоитъ посреди луговъ, рѣкъ и озеръ, и самое устье Нерли въ теченіе вѣковъ отдалилось отъ нея на разстояніе версты. Покровскій храмъ по своему архитектурному стилю есть совершенный прототипъ Дмитріевскаго собора, только въ меньшихъ размѣрахъ; обронныя украшенія его еще не такъ обильны и роскошны.

Далѣе внизъ по Клязьмѣ на ея берегахъ находилось нѣсколько незначительныхъ суздальскихъ городовъ, служившихъ

вѣроятно пристанью для судовъ, напримѣръ Стародубъ и Гороховецъ. Андрей Боголюбскій, назначивъ на содержаніе Владимірскаго Успенскаго собора десятину изъ княжихъ доходовъ, отдалъ ему и всѣ доходы съ Гороховца; почему онъ и назывался «городомъ св. Богородицы». Изъ четырехъ значительнѣйшихъ лѣвыхъ притоковъ Клязьмы, каковы Колокша, Нерль, Теза и Лухъ, двѣ послѣднія повидимому еще мало были заселены; можетъ быть на нихъ и встрѣчались укрѣпленныя мѣста, но лѣтописи о томъ не упоминаютъ. Возможно, что на Тезѣ уже тогда лежало торговое селеніе или городъ Шуя; такъ какъ это единственный изъ помянутыхъ притоковъ, способный къ судоходству. Гуще заселены берега двухъ остальныхъ рѣчекъ, протекающихъ по самой серединѣ Суздальской земли. Здѣсь находились значительные города Суздаль и Юрьевъ Польскій.

Древній стольный Суздаль лежитъ верстахъ въ четырехъ отъ Нерли, на ея правомъ притокѣ, рѣчкѣ Каменкѣ, въ тридцати верстахъ отъ Владиміра, посреди ровной мѣстности. Суздальскій кремль занималъ небольшой полуостровъ, образуемый изгибомъ Каменки. Здѣсь по обыкновенію стоялъ княжій дворъ и главная святыня города, т. е. соборный храмъ. Послѣдній, посвященный празднику Рождества Богородицы, былъ основанъ еще Владиміромъ Мономахомъ; но Юрій Долгорукій, избравшій Суздаль своимъ стольнымъ городомъ, вмѣсто деревяннаго собора построилъ каменный. Это именно тотъ храмъ, который при Всеволодѣ III и епископѣ Іоаннѣ обновленъ русскими мастерами безъ помощи Нѣмцевъ. Такое свидѣтельство лѣтописи о русскихъ мастерахъ въ Суздалѣ конечно находится въ связи съ промышленнымъ характеромъ населенія и его наклонностію къ разнымъ художествамъ. Безъ сомнѣнія здѣсь уже въ ту эпоху положено было начало и той сѣвернорусской иконописной дѣятельности, которая сдѣлалась извѣстною преимущественно подъ именемъ «Суздальской», съ промысломъ торговыхъ ходебщиковъ включительно. Во времена великаго князя Юрія II Всеволодовича Рождественскій соборъ пришелъ въ такую ветхость, что верхъ его началъ падать. Вслѣдствіе чего онъ былъ вновь перестроенъ великимъ княземъ и освященъ епископомъ Симономъ въ 1225 году; а стѣнное его расписаніе окончилось

только спустя восемь лѣтъ; полъ его былъ вымощенъ «краснымъ разноличнымъ мраморомъ». Кромѣ собора въ Суздалѣ намъ извѣстны еще: каменный храмъ св. Спаса, также основанный Юріемъ Долгорукимъ, два мужскіе монастыря, Козмодемьянскій на Яруновой улицѣ и Дмитріевскій подлѣ кремля во внѣшнемъ городѣ, а также женскій Ризположенскій за городскимъ валомъ. Въ послѣднемъ во время Юрія II Всеволодовича постриглась черниговская княжна Ѳеодулія, въ иночествѣ Евфросинія, невѣста одного изъ суздальскихъ князей, умершаго до свадьбы; она сдѣлалась игуменьей этого монастыря и заслужила славу св. подвижницы. Изъ окрестныхъ селеній самое замѣчательное это Кидекша, на берегу Нерли, съ загороднымъ княжимъ дворомъ и Борисоглѣбскимъ храмомъ, который былъ построенъ Юріемъ Долгорукимъ. Существовало преданіе, будто на томъ мѣстѣ когда-то съѣхались святые братья, Борисъ Ростовскій и Глѣбъ Муромскій. Но вѣроятнѣе, что Долгорукій соорудилъ его въ честь тезоименитства своего сына Бориса, которому назначилъ въ удѣлъ самый Суздаль. Дѣйствительно подъ Кидекшенской Борисоглѣбской церковью сохранились каменныя гробницы Бориса Юрьевича, его супруги Маріи и дочери Евфросиніи. Это загородное княжее село, по обычаю времени, было обнесено валомъ; а его Борисоглѣбская церковь до сихъ поръ принадлежитъ къ числу памятниковъ храмоваго суздальскаго стиля; но она значительно пострадала отъ времени.

Къ западу отъ Суздаля на верховьяхъ Колокши при впаденіи въ нее рѣчки Гзы лежитъ городъ Юрьевъ, основанный Юріемъ Долгорукимъ и названный въ послѣдствіи «Польскимъ», т. е. Полевымъ (вѣроятно въ отличіе отъ другаго Юрьева, Поволжскаго); впрочемъ, онъ недаромъ получилъ свое прозваніе, ибо дѣйствительно лежитъ въ мѣстности почти безлѣсной, но замѣчательной своимъ черноземомъ. Вмѣстѣ съ городомъ Долгорукій воздвигъ въ Юрьевскомъ кремлѣ соборный храмъ въ честь своего святаго, Георгія Побѣдоносца. Изъ сыновей Всеволода III Юрьевскій удѣлъ достался Святославу Всеволодовичу. Извѣстно, что въ борьбѣ Константина Ростовскаго съ Георгіемъ Владимірскимъ юрьевскій князь держалъ сторону вторато брата, и вблизи этого города происходила знаменитая Липецкая битва. Почти одновременно

съ Суздальскимъ соборомъ обветшалъ и угрожалъ паденіемъ соборъ Юрьевскій. Святославъ, подобно брату Георгію, разобралъ верхи этой церкви (1230), и въ теченіе четырехъ лѣтъ перестроилъ ее заново, по свидѣтельству лѣтописи еще красивѣе, чѣмъ была прежняя. Вкусъ къ обронымъ украшеніямъ очевидно въ это время достигъ полнаго своего развитія; такъ что стѣны Юрьевскаго собора почти сплошь покрыты роскошными узорами, высѣченными изъ бѣлаго камня. Отъ другихъ суздальскихъ храмовъ онъ отличается тѣмъ, что ко всѣмъ его тремъ фасадамъ прибавлены портики или крытыя паперти, которыя устроены не на всемъ протяженіи этихъ фасадовъ, а только для входныхъ дверей.

Перейдя отъ Юрьева на сѣверо-западъ черезъ небольшой холмистый водораздѣлъ, мы изъ области лѣвыхъ притоковъ Клязьмы вступаемъ въ область правыхъ притоковъ Волги и двухъ наиболѣе крупныхъ озеръ Суздальской земли, Клещина и Неро, на которыхъ стоятъ два древнѣйшихъ города этой земли: Переяславль Залѣсскій и Ростовъ Великій.

Почти круглое Клещино или Плещеево озеро, имѣющее до десяти верстъ въ длину и до восьми въ ширину, принимаетъ въ себя рѣку Трубежъ, а выпускаетъ Вексу, которая, пройдя озеро Сомино, получаетъ названіе Большой Нерли и впадаетъ въ Волгу. Волнистое и глубокое, это озеро издревле славилось обиліемъ рыбы и естественно привлекало поселенцевъ на свои берега, большею частію возвышенные и открытые, а мѣстами низменные, болотистые и поросшіе хвойнымъ лѣсомъ. Здѣсь-то при самомъ впаденіи рѣчки Трубежа въ озеро лежалъ Переяславль. Хотя построеніе его приписываютъ также Юрію Долгорукому; но Юрій собственно перенесъ уже существовавшій городъ на болѣе удобное мѣсто, распространилъ его и построилъ въ немъ каменный соборъ во имя Спаса Преображенія. Переяславскій соборъ есть старѣйшій изъ всѣхъ суздальскихъ храмовъ дошедшихъ до насъ и единственный изъ построекъ Долгорукаго сохранившійся почти вполнѣ, благодаря особенно массивности своихъ стѣнъ сравнительно съ ихъ умѣренною высотою. Скудостью и простотою обронныхъ украшеній онъ указываетъ на первоначальную эпоху суздальскаго храмоваго стиля. Всеволодъ III

вновь перестроилъ деревянныя стѣны Переяславскаго кремля; а внѣшній городъ или посадъ былъ укрѣпленъ большимъ землянымъ валомъ и рвомъ, наполненнымъ водою. Изъ монастырей здѣсь замѣчателенъ Никитскій, расположенный на самомъ возвышенномъ мѣстѣ въ окрестностяхъ Переяславля. Онъ уже существовалъ въ то время, когда переяславскій гражданинъ Никита Столпникъ оставилъ свой домъ, семью, имущество, пріобрѣтенное неправдами, и ушелъ въ сосѣдній монастырь, гдѣ на уединенномъ столпѣ началъ спасаться постомъ, истязаніемъ плоти и молитвою (въ XII в.). Доставшись Ярославу Всеволодовичу, Переяславль-Залѣсскій сдѣлался стольнымъ городомъ довольно значительнаго удѣльнаго княжества, къ которому принадлежала часть Поволожья съ Зубцовымъ, Тверью и Коснятинымъ. Владѣя этою частью, Ярославъ, какъ извѣстно, тѣснилъ сосѣднихъ Новогородцевъ, запиралъ имъ торговые пути, не пропускалъ къ нимъ хлѣба и захватывалъ пограничные ихъ города, Волокъ Ламскій и Торжокъ. Большая Нерль съ довольно крутыми и хорошо заселенными берегами въ тѣ времена еще сохраняла свою способность къ судоходству.

Въ шестидесяти верстахъ къ сѣверу отъ Переяславля-Залѣсскаго лежитъ Ростовъ Великій на пологихъ, болотистыхъ берегахъ озера Неро. Это самое большое изъ суздальскихъ озеръ (до 12 верстъ въ длину и до 7 въ ширину) съ иловатымъ дномъ, которое мѣстами поросло болотными травами; оно не такъ глубоко какъ Клещино, но также изобилуетъ рыбою. Истокъ его Векса, принявъ съ лѣвой стороны рѣчку Устью, течетъ далѣе подъ именемъ Которосли и впадаетъ въ Волгу. Которосль, бывъ тогда судоходною, давала возможность прибрежнымъ обитателямъ Ростовскаго озера принимать участіе въ судовой волжской торговлѣ. Возникшій въ глуши мерянскихъ лѣсовъ и болотистыхъ дебрей, слишкомъ удаленный отъ сообщеній съ Южною Русью, Ростовъ Великій, не смотря на свое старѣйшинство въ Суздальской землѣ, какъ извѣстно, не привлекалъ къ себѣ знаменитѣйшихъ суздальскихъ князей и долженъ былъ уступить политическое первенство младшему городу, Владиміру на Клязьмѣ. Тѣмъ не менѣе это былъ наиболѣе прославленный святынями и едва ли не самый обширный и самый промышленный городъ Сѣ-

веровосточной Руси, долго сохранявшій свои старинные вѣчевые обычаи, гордое мѣстное боярство и свое церковное первенство. Константинъ Всеволодовичъ былъ первый сѣверный князь, извѣстный своею привязанностію къ Ростову; онъ же воздвигъ и главную святыню города, соборный храмъ Успенія Богородицы. Это тотъ самый соборъ, который былъ сначала построенъ Владиміромъ Мономахомъ по образцу Успенскаго Кіевопечерскаго храма, совершенно въ тѣхъ же размѣрахъ и точно также расписанный внутри. Очевидно онъ и послужилъ такъ сказать родоначальникомъ того Суздальскаго храмоваго зодчества, памятники котораго привлекаютъ насъ своимъ изяществомъ и стройностью своихъ частей. Въ 1160 году, какъ извѣстно, Ростовскій соборъ сгорѣлъ (кажется онъ былъ каменный съ дубовымъ верхомъ). Андрей Боголюбскій на томъ же мѣстѣ воздвигъ новый каменный храмъ; но впослѣдствіи своды его упали; что случалось тогда нерѣдко по неискусству строителей; такъ какъ каменное дѣло въ тѣ времена только начало развиваться въ Сѣверной Руси. Константинъ Всеволодовичъ послѣ страшнаго пожара на мѣсто обрушившейся церкви заложилъ новую (25 апрѣля 1213 г.); но построеніе ея шло медленно, вѣроятно вслѣдствіе наступившихъ распрей между Всеволодовичами. Освященіе новосозданнаго храма совершено уже при слѣдующемъ ростовскомъ князѣ Василькѣ Константиновичѣ епископомъ ростовскимъ Кирилломъ II (14 августа 1231 года).

Епископъ Кириллъ, бывшій прежде духовникомъ князя Василька, тогда только что воротился изъ Кіева отъ митрополита, который рукоположилъ его во епископа. Онъ, по словамъ лѣтописи, украсилъ соборную церковь «многоцѣнными» иконами съ пеленами, кивотами, сосудами, рипидами и всякими «узорочьями»; устроилъ такъ наз. «Золотыя двери» на южной сторонѣ, поставилъ честные кресты и мощи святыхъ въ прекрасныхъ ракахъ. Особое значеніе этому собору придавали гробницы Леонтія и Исаіи, святыхъ предшественниковъ Кирилла. Въ немъ находилась еще одна мѣстная святыня: икона Богоматери, по преданію писанная кіевопечерскимъ инокомъ Алимпіемъ и принесенная въ Ростовъ Владиміромъ Мономахомъ. Освященіе храма Кириллъ совершилъ весьма торжественно, соборне со всѣми игумнами и священниками;

а князь съ братьями своими и сыномъ отпраздновалъ его пирами. Лѣтописецъ изображаетъ Кирилла украшеннымъ пастырскими добродѣтелями, начитанностію въ св. Писаніи и даромъ слова: и князья, и простые люди приходили послушать его поученія. Слѣдовательно, славою проповѣдника онъ уподобился своему соименнику Кириллу, епископу Туровскому. Есть извѣстіе, что при немъ въ ростовскомъ Успенскомъ соборѣ пѣли на два клироса: на одномъ по-гречески, а на другомъ по-русски. По всѣмъ признакамъ успѣхи книжнаго просвѣщенія въ Ростовѣ, вызванные книголюбцемъ Константиномъ Всеволодовичемъ, продолжались тамъ и при его сынѣ Василькѣ въ особенности трудами епископа Кирилла; такъ что Ростовъ въ тѣ времена служилъ едва ли не главнымъ средоточіемъ духовнаго просвѣщенія Сѣверовосточной Руси.

По общерусскому обычаю Ростовъ состоялъ изъ кремля или «рубленнаго» города, т. е. укрѣпленнаго бревенчатыми стѣнами, и города «землянаго» или внѣшняго, обведеннаго валомъ съ деревяннымъ тыномъ (частоколомъ) и деревянными башнями. Къ послѣднему примыкали еще предгородія или посады и слободы. Княжій теремъ и епископскія палаты въ Ростовскомъ кремлѣ конечно были деревянныя; о нихъ мы почти ничего не знаемъ, кромѣ того, что на княжемъ дворѣ были еще церкви Михаила Архангела и Борисоглѣбская, а на епископскомъ Іоанна Предтечи. О многолюдствѣ Ростова и многочисленности его храмовъ можетъ свидѣтельствовать пожаръ 1211 года, когда по словамъ лѣтописи однихъ церквей сгорѣло 15. Недаромъ Ростовъ назывался «Великимъ». Подобно Новгороду Великому онъ дѣлился на концы; одинъ изъ нихъ именовался «Чудскимъ». За валами Ростова у самаго озера Неро возникъ Авраміевъ Богоявленскій монастырь; основателемъ его былъ одинъ изъ трехъ главныхъ свѣтильниковъ Ростовской земли, Авраамій. Онъ жилъ во времена перваго ростовскаго епископа Θеодора, сокрушилъ идолъ Волоса, и по преданію, соорудилъ церковь во имя Богоявленія на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ этотъ идолъ, а при церкви устроилъ монастырь. Вообще прибрежья Ростовскаго озера обиловали монастырями, селами и слободами, въ которыхъ жило трудолюбивое промышленное населеніе, занимавшееся рыболовствомъ, огородничествомъ, солевареніемъ, разведені-

емъ хмѣлю, льну, звѣроловствомъ и другими лѣсными промыслами, а отчасти хлѣбопашествомъ; послѣднее было мало развито вслѣдствіе неплодородной почвы. Благодаря судоходству по Которосли, Ростовцы могли сплавлять свои произведенія на Волгу, и такимъ образомъ принимали участіе въ торговомъ движеніи между Новгородомъ Великимъ и Камской Болгаріей.

Съ раздробленіемъ Суздальской земли послѣ Всеволода III къ Ростовскому удѣлу принадлежали значительная часть Суздальскаго Поволжья и обширная страна за Волгой отъ Бѣлаозера до береговъ Унжи. Но и самое это Ростовское княжество въ свою очередь распалось на удѣлы: собственно Ростовскій, Ярославскій, Костромской, Бѣлозерскій и пр. Волга, широкимъ сѣвернымъ загибомъ обтекающая серединную полосу Суздальской земли, не могла не привлечь на свои берега русскія торговыя поселенія. А эти поселенія по обыкновенію обезпечивались построеніемъ кремлей и остроговъ. Въ данную эпоху поволжскіе города еще уступаютъ въ своемъ значеніи внутреннимъ городамъ Ростово-Суздальской земли; но нѣкоторые изъ нихъ уже забираютъ силу, благодаря своему положенію на широкомъ водномъ пути и своимъ торговымъ пристанямъ. Большею частію они расположились на устьяхъ судоходныхъ притоковъ Волги, которые дѣлали ихъ рынками значительной сосѣдней области. Таковы: З у б ц о в ъ, на устьѣ Вазузы, Т в е р ь—Тверцы, К с н я т и н ъ—Большой Нерли, которая связывала Клещино озеро съ Волгою; слѣдовательно Кснятинъ былъ пригородомъ и пристанью Переяславля-Залѣсскаго; далѣе У г л и ч ъ или собственно У г л е ч е П о л е; затѣмъ Я р о с л а в л ь, при устьѣ Которосли, соединяющей Ростовское озеро съ Волгой; слѣдовательно первоначально это былъ пригородъ и пристань Ростова Великаго.

Кремль или дѣтинецъ Ярославля возникъ на мысу между Волгою, устьемъ Которосли и ея притокомъ Медвѣдицей; а поселеніе за Медвѣдицей, окопанное валомъ, образовало такъ наз. Земляной городъ. Въ кремлѣ на крутомъ берегу Волги находились по обычаю деревянный княжій теремъ, и подлѣ него каменный Успенскій соборъ, построенный извѣстнымъ храмоздателемъ Константиномъ Всеволодовичемъ Ростовскимъ; а въ Земляномъ городѣ былъ каменный храмъ Спасо-преоб-

раженскій, съ монастыремъ, заложенный тѣмъ же Константиномъ Всеволодовичемъ и оконченный его сыномъ Всеволодомъ, удѣльнымъ Ярославскимъ княземъ. За городомъ, также на крутомъ берегу Волги, находился монастырь Петровскій, котораго игуменъ Пахомій, духовникъ князя Константина, является первымъ Ростовскимъ епископомъ, отдѣльнымъ отъ Владиміро-Суздальскаго. О богатствѣ и значеніи Ярославля въ началѣ XIII вѣка свидѣтельствуетъ отчасти извѣстіе лѣтописи, по которому во время большаго пожара 1221 года тамъ сгорѣло до семнадцати церквей; но княжій дворъ при этомъ уцѣлѣлъ. Ярославль былъ въ то время уже стольнымъ городомъ особаго удѣла.

Еще далѣе внизъ по Волгѣ на лѣвомъ луговомъ берегу ея встрѣчаемъ городъ Кострому при устьѣ рѣки Костромы, которая несла на Волгу произведенія своей лѣсной природы и лѣсныхъ промысловъ, какъ-то пушныхъ звѣрей, смолу, деготь и пр. Еще ниже на томъ же берегу Волги лежалъ Городецъ Радиловъ. И наконецъ въ землѣ Мордовской на высокомъ мысу, при сліяніи Оки съ Волгою, красовался вновь основанный Нижній-Новгородъ съ каменнымъ соборомъ Спаса Преображенія и съ загороднымъ монастыремъ Богородицы. Послѣдній былъ сожженъ при нападеніи Пургаса въ 1229 году и возобновленъ спустя десять лѣтъ уже братомъ и преемникомъ Георгія II Ярославомъ Всеволодовичемъ.

Владѣнія суздальскихъ князей обнимали еще за Волгой обширный лѣсной край, котораго грани сходились съ владѣніями новогородскими, и конечно могутъ быть опредѣлены только приблизительно. Съ одной стороны этотъ край простирался до рѣкъ Сухоны и Юга, на сліяніи которыхъ возникъ городъ Устюгъ. А съ другой онъ обнималъ поселенія Веси на нижнемъ теченіи Мологи и все Пошехонье или область Шексны до самаго Бѣлаго озера, на низменныхъ болотистыхъ берегахъ котораго около истока Шексны стоялъ древній Бѣлозерскъ. Внутри означенныхъ предѣловъ извѣстенъ еще въ тѣ времена городъ Галичъ, лежащій при подошвѣ высокихъ холмовъ на болотистыхъ берегахъ озера, богатаго рыбою, въ особенности ершами и снѣтками. Въ отличіе отъ южнорусскаго Галича онъ назывался Мерскимъ, потому что лежалъ въ землѣ Мери. Изъ Галицкаго озера вы-

ходитъ Векса, притокъ рѣки Костромы; слѣдовательно Галичъ Мерскій имѣлъ судовое сообщеніе съ Волгой.

Изъ городовъ, которые заключались въ юго-западной полосѣ Суздальской земли, намъ извѣстны Дмитровъ и Москва. Они лежатъ на возвышенной волнистой равнинѣ, прорѣзанной глубокими оврагами и долинами рѣчекъ, покрытой рощами и мѣстами болотистой. Оба города возникли на небольшихъ, но судоходныхъ рѣкахъ: Дмитровъ на Яхромѣ, притокѣ Сестры (которая, соединясь съ Дубною, впадаетъ въ Волгу); а Москва на рѣкѣ Москвѣ, лѣвомъ притокѣ Оки. Основаніе обоихъ городовъ приписывается Юрію Долгорукому. Лѣтописи разсказываютъ, что въ 1154 году, когда Юрій съ супругой находился въ полюдьи на рѣкѣ Яхромѣ, у него родился сынъ; онъ далъ ему христіанское имя Димитрія, и тутъ же въ честь его заложилъ городъ Дмитровъ, который былъ назначенъ въ удѣлъ новорожденному, впослѣдствіи знаменитому Всеволоду Большое Гнѣздо. А городъ Москва, переименованный изъ селенія Кучкова, впервые, какъ извѣстно, встрѣчается въ 1147 году по поводу съѣзда Юрія Долгорукаго съ союзникомъ своимъ Святославомъ Ольговичемъ Новгородъ-Сѣверскимъ. Этотъ городъ лежалъ на пограничьѣ Суздальскихъ владѣній съ Рязанскими, Черниговскими и Смоленскими, на пути изъ Южной Руси въ Сѣверовосточную.

На западѣ, на верховьяхъ рѣкъ Москвы и Протвы, владѣнія Суздальскія сходились съ Смоленскими; а на югѣ, на верховьяхъ Цны, Пры и Гуся (лѣвыхъ притоковъ Оки) и на нижнемъ теченіи самой Оки, предѣлы Суздальскіе сливались съ Муромо-Рязанскими ([36]).

Рязанскій край занималъ среднее теченіе Оки, и особенно распространялся на южной ея сторонѣ, въ области правыхъ ея притоковъ Осетра и Прони. Это такая же равнина какъ и другія русскія земли; пригорки и углубленія также сообщаютъ ей волнообразный характеръ. Почва, сначала глинистая, чѣмъ далѣе идетъ къ югу, тѣмъ болѣе и болѣе переходитъ въ черноземную. Страна была богата лѣсами; но они оставляли довольно пространства лугамъ и нивамъ. Водораздѣльная полоса притоковъ Оки и Дона также обиловала лѣ-

сомъ и кромѣ того болотистыми дебрями; но далѣе къ югу лѣса болѣе и болѣе рѣдѣли и уступали мѣсто кустарникамъ, которые переходили въ открытую степь.

Первый извѣстный по лѣтописямъ русскій городъ въ этой глухой Мордовско-мещерской странѣ былъ Рязань. Онъ лежалъ на правомъ возвышенномъ берегу Оки, нѣсколько верстъ ниже устья Прони, именно тамъ, гдѣ Ока послѣ своего юговосточнаго изгиба поворачиваетъ на сѣверовостокъ. Рязань сдѣлалась главнымъ стольнымъ городомъ всего края, когда онъ выдѣлился изъ общаго состава Русской земли. Первою святынею этого города былъ каменный соборный храмъ во имя Бориса и Глѣба, стоявшій въ кремлѣ подлѣ княжаго двора. Гробницы изъ тесанаго камня, найденныя въ остаткахъ храма, конечно принадлежали членамъ княжей семьи. Вообще въ Муромо-Рязанской землѣ, какъ видно, особенно чтилась память св. Глѣба Муромскаго и его брата Бориса.

Отсюда, изъ этого средоточія земли, укрѣпленныя поселенія направились главнымъ образомъ вверхъ по Окѣ, по правому ея берегу, который господствуетъ надъ лѣвымъ, и, будучи мѣстами довольно высокъ и обрывистъ, представлялъ всѣ удобства для проведенія оборонительной линіи. Изъ многихъ городовъ и городковъ, разсѣянныхъ по этому берегу, первое мѣсто принадлежитъ Переяславлю-Рязанскому, который впослѣдствіи сдѣлался стольнымъ городомъ всей земли вмѣсто Рязани. Онъ расположенъ на крутой береговой возвышенности Оки или собственно рукава ея, Трубежа, въ углѣ, происшедшемъ отъ впаденія рѣчки Лыбеди. Вершину этого угла занимаетъ рязанскій кремль съ храмомъ св. Николая. Далѣе на берегу Трубежа идетъ острогъ или внѣшній городъ, отдѣленный отъ кремля высокимъ валомъ и широкимъ рвомъ, съ соборнымъ храмомъ Борисоглѣбскимъ. Верстахъ въ двѣнадцати ниже Переяславля, также на обрывистомъ береговомъ холмѣ, при впаденіи рѣчки Гусевки въ Оку стоялъ городъ Ольговъ, можетъ быть основанный еще знаменитымъ Олегомъ Гориславичемъ. А идя отъ Переяславля вверхъ по рѣкѣ, самымъ замѣчательнымъ городомъ является Коломна, близъ впаденія въ Оку рѣки Москвы. Этотъ городъ служилъ оплотомъ Рязанскаго княжества со стороны

сосѣдняго Суздаля: онъ стоялъ на томъ водномъ пути, которымъ Суздальскіе князья отправлялись въ Рязанскую землю. Еще далѣе, также на правой сторонѣ Оки, близъ впаденія въ нее Осетра, стоялъ городъ Ростиславль, основанный въ половинѣ XII вѣка рязанскимъ княземъ Ростиславомъ Ярославичемъ. Послѣдній городъ служилъ оплотомъ со стороны Черниговосѣверскихъ владѣній.

Въ одно время съ главнымъ направленіемъ—отъ стольнаго города вверхъ по Окѣ, построеніе Рязанскихъ городовъ пошло отъ того же мѣста вверхъ по Пронѣ, и образовало другую линію укрѣпленій, обращенную на югъ, откуда грозили постоянные набѣги Половцевъ и другихъ кочевниковъ. Лѣвый берегъ Прони, подобно правому Оки возвышенный и холмистый, довольно хорошо соотвѣтствовалъ такому назначенію. Въ срединѣ этой линіи стоялъ городъ Пронскъ, на крутомъ берегу Прони, окруженный глубокими лощинами и оврагами. За Пронею разстилалось низменное, открытое пространство, которое носило названіе «Половецкаго поля».

Полоса, заключенная между Пронею и среднею Окою, составляла неизмѣнное, основное ядро Рязанской земли, около котораго предѣлы ея въ разныя времена то сжимались, то расширялись. На западѣ она приблизительно ограничивалась теченіемъ рѣки Осетра, и, кромѣ Ростиславля, ограждена была отъ Черниговосѣверскихъ сосѣдей еще построеніемъ на Осетрѣ города Зарайска. На противуположной сторонѣ рязанскіе предѣлы шли довольно далеко, углубляясь въ Финскіе лѣса и Половецкія степи. А именно: на востокѣ они терялись въ Мордовскихъ дебряхъ, гдѣ на нижнемъ теченіи Мокши, правомъ притокѣ Оки, встрѣчаемъ городъ Кадомъ; на югѣ же Рязанскіе города и селенія покрывали берега верхняго Дона и его притока Воронежа. Крайнимъ укрѣпленнымъ мѣстомъ со стороны Половецкой степи былъ городъ Елецъ, на нижнемъ теченіи Быстрой Сосны, впадающей въ Донъ. Впрочемъ этотъ городъ былъ спорнымъ между Рязанскими и Черниговскими князьями. Сѣверная или такъ наз. Мещерская сторона Оки представляетъ низменную болотистую полосу съ тощею песчаною почвою, почти сплошь покрытую хвойнымъ лѣсомъ. Здѣсь мы не знаемъ ни одного города, за исключеніемъ прибрежьевъ Оки;

въ лѣсной глуши кое-гдѣ были разбросаны скудные поселки Мещеры, и только на нѣкоторыхъ притокахъ Оки, особенно на берегахъ Пры, встрѣчались болѣе значительныя селенія.

Ниже по Окѣ, начиная приблизительно отъ устьевъ Мокши съ одной стороны и Гуся съ другой, до нижней Клязьмы лежалъ собственно Муромскій удѣлъ въ землѣ финскаго народца Муромы, вѣроятно одноплеменной съ Мордвою. Тутъ по Окѣ несомнѣнно находилось нѣсколько городовъ, хотя лѣтопись упоминаетъ только объ одномъ Муромѣ. Онъ былъ расположенъ на высокомъ холму лѣваго берега въ мѣстности покрытой дремучими лѣсами. Имѣя довольно дѣятельныя торговыя сношенія съ Камскими Болгарами, Муромъ очень рано сдѣлался однимъ изъ зажиточныхъ городовъ древней Россіи. До начала XIII вѣка, т. е. до основанія Нижняго Новгорода, онъ служилъ едва ли не самымъ значительнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ на сѣверовосточной окраинѣ, и нерѣдко долженъ былъ выдерживать нападенія со стороны Мордвы и Камскихъ Болгаръ. Со времени Юрія Долгорукаго Муромское княжество все болѣе и болѣе отдѣлялось отъ Рязани и увлекалось подъ Суздальское вліяніе, такъ что въ началѣ XII вѣка сохраняло одну тѣнь самостоятельности. Только безусловною покорностію сосѣду Муромскіе князья пріобрѣли себѣ право на спокойное владѣніе своими волостями. Связь Мурома съ Рязанью впрочемъ долго не прекращалась; кромѣ родства княжихъ вѣтвей ее поддерживали церковныя отношенія: оба княжества составляли одну іерархію. Но самою живою непрерывною связью служила имъ судоходная Ока.

Кромѣ почитанія св. Глѣба Муромскаго, были и другіе князья, мѣстночтимые въ Муромѣ и Рязани. Таковъ св. Константинъ, который выдержалъ упорную борьбу съ туземными язычниками, и побѣдилъ ихъ; послѣ чего совершилось крещеніе Муромцевъ на рѣкѣ Окѣ, подобное крещенію Кіевлянъ при Св. Владимірѣ. Въ этомъ князѣ Константинѣ не безъ основанія признаютъ Ярослава Святославича, родоначальника князей Муромо-Рязанскихъ, того Ярослава, который былъ изгнанъ изъ Чернигова своимъ племянникомъ Всеволодомъ Ольговичемъ при Мстиславѣ Мономаховичѣ (въ 1127 г.). Около времени Татарскаго нашествія встрѣчаемъ третьяго мѣстночтимаго муромскаго князя, по имени Петра,

который вмѣстѣ съ супругою своей Февроніей сдѣлался предметомъ священной легенды. Гробница ихъ находится въ Муромскомъ соборѣ Рождества Богородицы. Самымъ древнимъ монастыремъ въ Муромѣ почитается Спасопреображенскій.

Гораздо болѣе чѣмъ старшая или Муромская вѣтвь Ярославичей, получила историческое значеніе вѣтвь младшая, Рязанская. Между тѣмъ какъ первая легко подчинилась сильному Суздалю, вторая напротивъ отличалась упорною, подъ часъ ожесточенною, съ нимъ борьбою за самобытность Рязанской земли. Князья Рязанскіе отмѣчены въ исторіи общею печатью жесткаго, безпокойнаго, энергичнаго характера. Наиболѣе виднымъ представителемъ этой борьбы и этого характера былъ внукъ Ярослава Глѣбъ Ростиславичъ. Извѣстно, что послѣ убіенія Андрея Боголюбскаго онъ, съ помощью преданной партіи, вздумалъ ставить отъ себя князей въ самой Суздальской землѣ. Но вмѣшательство это привело къ пораженію на Колакшѣ отъ Всеволода Большое Гнѣздо. Глѣбъ умеръ въ плѣну (1177). Княжество Рязанское раздробилось на удѣлы между его сыновьями. Старшаго изъ нихъ Романа Всеволодъ отпустилъ изъ плѣна, «укрѣпивъ его крестнымъ цѣлованіемъ», т. е. взявъ присягу быть вѣрнымъ своимъ подручникомъ. Этотъ Романъ Глѣбовичъ попытался было свергнуть суздальскую зависимость съ помощью тестя своего Святослава Всеволодовича Черниговскаго. Но младшіе братья Романа, княжившіе на Пронѣ и враждовавшіе съ старшими Глѣбовичами, приняли сторону Суздальскаго князя. Послѣ извѣстной встрѣчи на берегахъ Влены черниговское вліяніе было устранено, и вновь утверждена зависимость Рязани отъ великаго князя Суздальскаго. Всеволоду III тѣмъ легче было утвердить эту зависимость, что безпокойные Глѣбовичи часто ссорились и заводили междоусобія изъ за волостей; при чемъ младшіе или Пронскіе Глѣбовичи искали опоры въ Суздалѣ противъ старшихъ или собственно Рязанскихъ Глѣбовичей. Ясно, что Пронскій удѣлъ уже въ тѣ времена стремился выдѣлиться изъ общаго состава земли и обособиться отъ вліянія старшихъ Рязанскихъ князей. Вслѣдствіе этихъ междоусобій и повторявшихся попытокъ къ сверженію Суздальской зависимости, Всеволодъ III нѣсколько

разъ самъ предпринималъ походы или посылалъ свою рать въ Рязанскую землю и подвергалъ ее опустошенію.

Въ 1207 г. великій князь отправился въ походъ на Кіевъ противъ Всеволода Чермнаго, и по обыкновенію послалъ звать съ собою князей Рязанскихъ и Муромскихъ. Когда онъ остановился на устьѣ Москвы рѣки подъ Коломною, то на другомъ берегу Оки его уже дожидались рязанскіе отряды подъ начальствомъ двухъ Глѣбовичей съ ихъ сыновьями и племянниками, всего до восьми князей. Тутъ же была и муромская дружина съ своимъ княземъ Давыдомъ. Двое изъ младшихъ рязанскихъ князей донесли Всеволоду, что старшіе ихъ родичи замышляютъ противъ него измѣну и вступили въ тайныя сношенія со Всеволодомъ Чермнымъ. Всеволодъ позвалъ всѣхъ Рязанскихъ князей къ себѣ въ лагерь, принялъ ихъ очень радушно, и пригласилъ къ обѣду; но съ собой посадилъ только двухъ доносчиковъ; а остальные шестеро сѣли обѣдать въ другомъ шатрѣ. Къ нимъ великій князь послалъ бояръ и князей, въ томъ числѣ помянутыхъ доносчиковъ, чтобы уличить обвиненныхъ въ измѣнѣ. Тщетно сіи послѣдніе клялись въ своей невинности. Всѣ шестеро князей были схвачены съ своими боярами (22 сентября) и отвезены во Владиміръ на Клязьмѣ. На другой день Всеволодъ переправился за Оку; но, вмѣсто похода на Кіевъ, онъ послалъ судовую рать съ съѣстными припасами внизъ по Окѣ; а самъ пошелъ на Пронскъ, огнемъ и мечемъ опустошая Рязанскую землю.

Въ Пронскѣ княжилъ тогда одинъ изъ внуковъ Глѣба, Киръ Михаилъ, который былъ женатъ на дочери Всеволода Чермнаго и отказался отъ участія въ походѣ на своего тестя. Услыхавъ о приближеніи грозы, Киръ Михаилъ удалился къ своему тестю; а Пронскъ послѣ трехнедѣльной упорной обороны сдался 18 октября, когда граждане изнемогли отъ жажды, будучи отрѣзаны отъ воды. Всеволодъ отдалъ городъ Давыду Муромскому; а самъ пошелъ къ Рязани, сажая по городамъ своихъ посадниковъ. Не доходя двадцати верстъ до города, онъ остановился возлѣ села Добрый Сотъ и готовился къ переправѣ черезъ Проню. Тутъ предстали передъ нимъ рязанскіе послы съ повинною головою. Арсеній, первый епископъ Муромо-Рязанской епархіи, отдѣлив-

шейся отъ Черниговской (съ 1198 г.), явился усерднымъ ходатаемъ за Рязанскую землю, и нѣсколько разъ присылалъ сказать Всеволоду: «Господинъ великій князь, ты христіанинъ; не проливай-же крови христіанской, не опустошай честныхъ мѣстъ, не жги святыхъ церквей, въ которыхъ приносится жертва Богу и молитва за тебя; мы готовы исполнить всю твою волю». Всеволодъ согласился даровать миръ Рязанцамъ, но съ условіемъ, чтобы они выдали ему остальныхъ князей; затѣмъ онъ повернулъ въ свою землю, и подъ Коломной переправился черезъ Оку. Слѣдомъ за нимъ спѣшилъ епископъ Рязанскій. Былъ ноябрь мѣсяцъ. Сильный дождь, сопровождаемый бурею, взломалъ ледъ на Окѣ. Несмотря на опасность, Арсеній переѣхалъ рѣку въ лодкѣ, и догналъ Всеволода около впаденія рѣчки Нерской въ Москву. Епископъ умолялъ великаго князя освободить Рязанскихъ князей, но безъ успѣха. Всеволодъ повторилъ требованіе чтобы присланы были остальные потомки Глѣба, и велѣлъ епископу слѣдовать за собою. Рязанцы, послѣ вѣчевыхъ совѣщаній, рѣшили на время покориться необходимости; взяли остальныхъ князей съ княгинями и отослали ихъ во Владиміръ.

Въ слѣдующемъ 1208 году Всеволодъ отправилъ въ Рязань сына своего Ярослава, отпустивъ съ нимъ епископа Арсенія; а по другимъ городамъ разослалъ своихъ посадниковъ. Недолго однако Рязанцы смирялись передъ могущественнымъ сосѣдомъ. Во первыхъ, не всѣ князья были захвачены. Оставшіеся на свободѣ наняли Половцевъ и отняли Пронскъ у Давыда Муромскаго. Между тѣмъ въ нѣкоторыхъ городахъ начались возмущенія и даже истребленіе суздальскихъ дружинниковъ, вѣроятно позволившихъ себѣ разныя притѣсненія и вымогательства. Жители Рязани вошли въ тайныя сношенія съ Пронскими князьями, и призвали ихъ на помощь, обѣщая выдать имъ Ярослава Всеволодовича. Увѣдомленный о томъ, Всеволодъ немедленно пришелъ съ войскомъ къ Рязани; расположился недалеко отъ города, вызвалъ къ себѣ сына съ рязанскими боярами и лучшими людьми, и задержалъ ихъ. Такъ какъ Рязанцы вмѣсто изъявленія покорности говорили великому князю «по своему обыкновенію дерзкія рѣчи», то онъ приказалъ жителямъ выдти въ поле съ женами, дѣтьми и лег-

кимъ имуществомъ, а стольный городъ зажечь. Такой же участи подверглись и нѣкоторыя другія мѣста, вѣроятно тѣ, въ которыхъ произошли возмущенія. Жителей разоренныхъ рязанскихъ городовъ Всеволодъ разослалъ по разнымъ мѣстамъ Суздальской земли; а лучшихъ людей и епископа Арсенія взялъ съ собою во Владиміръ.

Хотя такими жестокими мѣрами Рязанская земля была усмирена и унижена, и управлялась уже суздальскими намѣстниками и тіунами; но подчиненіе Суздалю опять продолжалось недолго. Пронскіе князья не признавали этого подчиненія и продолжали свои враждебныя дѣйствія. Случившаяся вскорѣ кончина Всеволода III снова измѣнила суздальско-рязанскія отношенія. Начавшаяся затѣмъ борьба великаго князя Владимірскаго Юрія II съ его братомъ Константиномъ Ростовскимъ побудила перваго освободить изъ плѣна рязанскихъ князей и ихъ бояръ. Отпуская на родину, Юрій одарилъ ихъ золотомъ, серебромъ и конями, и утвердился съ ними крестнымъ цѣлованіемъ. Этимъ поступкомъ великій князь Владимірскій избавлялъ себя отъ лишнихъ заботъ удерживать въ покорности строптивыхъ Рязанцевъ, и надѣялся конечно имѣть въ нихъ союзниковъ для своей борьбы съ старшимъ братомъ. Незамѣтно однако, чтобы въ послѣдующихъ междоусобіяхъ Рязанцы, подобно Муромцамъ, ходили на помощь Юрію противъ Константина.

Такимъ образомъ раздробленіе и смуты Суздальской земли помогли Рязанцамъ воротить самобытность. Но въ свою очередь рязанскіе князья не замедлили возобновить собственные споры о волостяхъ, споры, которые ознаменовались даже страшнымъ братоубійствомъ.

Это было въ 1217 году, когда сыновья Глѣба Ростиславича уже всѣ умерли и Рязанская земля была подѣлена между его внуками. Главный виновникъ чернаго дѣла явился изъ ихъ среды, именно Глѣбъ Владиміровичъ, который еще десять лѣтъ тому назадъ отличился въ качествѣ одного изъ двухъ доносчиковъ на своихъ дядей и братьевъ передъ великимъ княземъ Всеволодомъ III. Онъ повидимому княжилъ теперь въ самой Рязани; но, не довольствуясь старшимъ столомъ, замыслилъ избить родичей вѣроятно для того, чтобы захватить ихъ волости. Заодно съ Глѣбомъ дѣйствуетъ родной его братъ Кон-

стантинъ. Ихъ злодѣйскій замыселъ приведенъ въ исполненіе съ помощью самаго наглаго вѣроломства. Глѣбъ приглашаетъ къ себѣ князей на «рядъ», т. е. для того, чтобы дружескимъ образомъ за чаркой крѣпкаго меду уладить на время безконечные споры объ удѣлахъ; подобные съѣзды были въ обычаѣ того времени. Шестеро внуковъ Глѣба, не подозрѣвая западни, явились на его призывъ; одинъ изъ нихъ приходился ему роднымъ братомъ, а остальные пять двоюродными. Князья съ своими боярами и слугами приплыли на лодкахъ и высадились на берегу Оки, верстахъ въ шести отъ стольнаго города на мѣстѣ называемомъ «Исады», гдѣ вѣроятно находился загородный княжій дворъ или содержалась княжая охота. Здѣсь подъ тѣнью густыхъ вязовъ разбиты были шатры. 20 іюля, въ день Пророка Иліи, Глѣбъ пригласилъ въ свой шатеръ остальныхъ князей и принялся ихъ угощать съ видомъ радушія; а между тѣмъ приготовленные слуги и Половцы ожидали только знака, чтобы начать кровопролитіе. Когда веселый пиръ былъ въ самомъ разгарѣ и головы князей уже порядочно отуманились, Глѣбъ и Константинъ вдругъ обнажили мечи и бросились на братьевъ. Всѣ шестеро были убиты; вмѣстѣ съ князьями погибло множество бояръ и слугъ.

Конечно въ такомъ гнусномъ дѣлѣ главное значеніе имѣла самая личность братоубійцъ; но многое объясняется также характеромъ времени и края. Надобно представить себѣ ту отдаленную эпоху, когда волости и старшинство служили предметомъ жестокихъ раздоровъ для князей и поддерживали ихъ страсти въ постоянномъ напряженіи. Надобно вспомнить о той грубости нравовъ, которая еще упорно сопротивлялась благотворному вліянію христіанства и оставалась вѣрна своимъ языческимъ началамъ, особенно по сосѣдству съ такими дикарями какъ Половцы. Незамѣтно, чтобы эта черная страница Рязанской исторіи произвела особенное впечатлѣніе на современниковъ. Лѣтописецъ начинаетъ свой разсказъ обычнымъ воспоминаніемъ о Каинѣ, о Святополкѣ, о дьявольскомъ прельщеніи и т. п. Затѣмъ, едва онъ успѣлъ передать о самомъ злодѣяніи, какъ обращается къ другимъ событіямъ и забываетъ сказать о его ближайшихъ послѣдствіяхъ. Мы видимъ только, что оно не достигло своей цѣли. Еще оста-

вались въ живыхъ нѣкоторые другіе братья убіенныхъ. Одинъ изъ нихъ, Ингварь Игоревичъ, вмѣстѣ съ братомъ Юріемъ, явился мстителемъ, и, получивъ помощь отъ великаго князя владимірскаго Георгія II, одолѣлъ братоубійцъ, которые потомъ бѣжали въ степи къ своимъ союзникамъ Половцамъ (1219). Есть преданіе, что Глѣбъ въ безуміи окончилъ свою жизнь; впрочемъ такое наказаніе для братоубійцъ въ русскихъ лѣтописяхъ является какъ бы общимъ мѣстомъ. Недолго послѣ того жилъ и самъ Ингварь Игоревичъ; а послѣ его смерти Рязанскій столъ, по обычному праву старшинства, перешелъ къ его брату Юрію. Тишина, наступившая въ Рязанской землѣ и продолжавшаяся до нашествія Татаръ, а также самое поведеніе Юрія Игоревича въ бѣдственную годину нашествія, говорятъ въ пользу этого князя или собственно его умѣнья держать въ повиновеніи младшихъ родичей и охранять рязанскую самобытность со стороны Суздаля.

Въ княженіе двухъ Игоревичей, Ингваря и Юрія, Рязанская земля очевидно успѣла оправиться отъ погромовъ Всеволода III и послѣдующихъ междоусобій. Самъ стольный городъ, сожженный Всеволодомъ, не только опять отстроился и укрѣпился, но и вновь разбогатѣлъ, благодаря своему выгодному положенію на торговомъ пути изъ Южной Руси въ Камскую Болгарію. Здѣсь проживали съ своими товарами гости южно-русскіе, которые привозили сюда и греческіе товары, преимущественно разнаго рода паволоки, драгоцѣнную утварь и церковныя украшенія. Новогородцы также посѣщали Оку, и привозили нѣмецкія произведенія, именно оружіе, полотна и пр. А изъ Болгаріи шли сюда разныя металлическія издѣлія, шелковыя и бумажныя ткани и другіе предметы роскоши. Изъ Рязанской земли иноземные купцы вывозили сырые товары, каковы мѣха, воскъ, кожи и т. п. Вообще эта земля славилась богатствомъ своихъ естественныхъ произведеній, обиліемъ бортныхъ угодій, бобровыхъ угоновъ, рыбы, скота и всякаго рода дичи.

Но вообще относительно успѣховъ гражданственности и просвѣщенія Рязанскій край по всѣмъ признакамъ отставалъ отъ другихъ русскихъ земель; что весьма естественно, если обратимъ вниманіе на его украинное, пограничное положеніе по сосѣдству съ хищными Половцами и дикою Мордвою. Са-

мое христіанство утверждалось здѣсь медленно; а вмѣстѣ съ тѣмъ не скоро совершалось и обрусѣніе туземныхъ финскихъ народцевъ, и только основное ядро края, т. е. полоса между Окою и Пронею, могло считаться русскимъ и христіанскимъ по своему населенію. Сильная инородческая примѣсь въ составѣ населенія, тѣсныя сношенія съ кочевниками, приходившими въ качествѣ то грабителей, то союзниковъ, постоянная нужда быть на сторожѣ своей земли, подъ оружіемъ,—рѣзко отразились на характерѣ Рязанцевъ, котораго вѣрными представителями являются ихъ князья. Строптивость и грубые нравы, а также неукротимый духъ и наклонность къ молодечеству—вотъ отличительныя черты этого характера. Боярское и вообще дружинное сословіе, по всѣмъ признакамъ, было довольно многочисленно и пользовалось большимъ вліяніемъ на дѣла. При дробленіи земли и своихъ частыхъ распряхъ, князья естественно старались привязать къ себѣ дружинниковъ разными милостями и пожалованіемъ земельныхъ владѣній. Бояре иногда злоупотребляли своимъ правомъ совѣта, и, ради личныхъ цѣлей, поддерживали раздоры князей. Такъ лѣтопись упоминаетъ о «проклятыхъ думцахъ» Глѣба и Константина, замысливших избіеніе братіи. Съ другой стороны мы видимъ несомнѣнную привязанность дружиннаго сословія къ своей землѣ или къ своимъ князьямъ; за нихъ оно храбро сражалось на полѣ битвы и вмѣстѣ съ ними терпѣливо томилось во владимірскихъ темницахъ. Очевидно это сословіе уже сдѣлалось осѣдлымъ, землевладѣльческимъ, слѣдовательно крѣпкимъ землѣ, имѣющимъ свои мѣстные интересы, родовыя преданія и привязанности.

О значительномъ количествѣ рязанскаго военно-служебнаго сословія даетъ намъ нѣкоторое понятіе одна жалованная грамота, въ которой упоминается объ основаніи Ольгова монастыря, возвышавшагося насупротивъ города Ольгова, по другую сторону устья Гусевки. Рязанскій князь Ингварь Игоревичъ вмѣстѣ съ братьями своими Юріемъ и Олегомъ, построилъ здѣсь храмъ во имя Богородицы (можетъ быть въ благодарность за свое спасеніе отъ убійцъ и за побѣду надъ ними). При заложеніи храма съ князьями находилось 300 бояръ и 600 мужей или простыхъ дружинниковъ. Князья пожаловали въ монастырское владѣніе девять бортныхъ участ-

ковъ и пять погостовъ со всѣми угодьями. Любопытны названія этихъ погостовъ и количество семей ихъ населявшихъ; онѣ свидѣтельствуютъ о несомнѣнномъ обрусѣніи и значительной населенности того пространства, которое служило основнымъ ядромъ Рязанской земли. Вотъ эти погосты: Песочна, Холохолна, Заячины, Веприя и Заячковъ; въ общей сложности они заключали въ себѣ болѣе тысячи крестьянскихъ семей (37).

Многочисленное *Мордовское племя*, охватившее восточные края земель Суздальской и Рязанской, съ областью рѣки Суры, отдѣляло эти земли отъ страны Камскихъ Болгаръ. Лѣтописныя извѣстія о походахъ въ ту сторону суздальской рати, съ участіемъ муромо-рязанской дружины, бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на состояніе этого финскаго племени, подраздѣленнаго на Мокшанъ, Эрзянъ и Каратаевъ. Страна ихъ была покрыта дремучими лѣсами. Мордва вела жизнь осѣдлую, занимаясь скотоводствомъ, звѣроловствомъ, пчеловодствомъ, отчасти земледѣліемъ, и жила въ небольшихъ селеніяхъ. Хотя о мордовскихъ городахъ русская лѣтопись не говоритъ; но, употребляя иногда слово «тверди», заставляетъ предполагать какія-то особыя мѣста, вѣроятно укрѣпленныя самою природою. Очевидно Мордва не была чужда и торговой дѣятельности по сосѣдству съ Болгарами и Русью. Мы не видимъ у нея никакаго политическаго средоточія; она управлялась туземными старшинами, и даже имѣла своихъ родовыхъ князей. Сіи послѣдніе иногда находились во враждебныхъ отношеніяхъ между собою; таковы упомянутые выше Пургасъ и Пурешъ. Междоусобія заставляли ихъ искать себѣ союзниковъ, и въ свою очередь облегчали сосѣднимъ народамъ доступъ въ глубину мордовскихъ земель: такъ Пурешъ прибѣгалъ къ покровительству великаго князя Владимірскаго, а Пургасъ къ князьямъ болгарскимъ. Они оказывались на столько богаты, что могли нанимать иноземныхъ ратниковъ: на службѣ Пургаса находимъ сбродную русскую дружину; а сынъ Пуреша приводитъ на него Половцевъ. Сами Мордвины не чужды воинственныхъ наклонностей; обычное ихъ вооруженіе составлялъ длинный лукъ; а постоянное упражненіе въ охотѣ за пернатою дичью и пушнымъ звѣ-

ремъ дѣлало ихъ хорошими стрѣлками. Въ тѣ времена Мордва была погружена еще въ грубое идолопоклонство, почитала старыя широковѣтвистыя деревья, источники, и приносила жертвы своимъ высшимъ божествамъ, каковы Шкай, Кереметь и пр. Мордвины вообще отличались большимъ упорствомъ въ сохраненіи своихъ языческихъ вѣрованій и обрядовъ. Христіанство дѣлало успѣхи только въ нѣкоторыхъ мордовскихъ поселеніяхъ, входившихъ въ составъ земель Суздальской и Муромо-Рязанской. Точно также нѣкоторыя восточныя вѣтви этого племени, обитавшія въ предѣлахъ Камской Болгаріи, повидимому подчинялись вліянію мусульманства.

Мы не знаемъ въ точности, гдѣ за Мордвою начинались непосредственныя владѣнія *Камскихъ Болгаръ*; полагаемъ, что приблизительно между правыми притоками Волги, Сурою и Свіягою. На сѣверъ они простирались немного далѣе сліянія Вятки съ Камою, на югѣ до Самарской луки, а на востокѣ терялись въ степныхъ пространствахъ Башкиріи. На означенныя границы указываютъ линіи древнихъ болгарскихъ городищъ съ остатками земляныхъ валовъ и другими признаками укрѣпленныхъ поселеній. Въ эти предѣлы входили племена Мордвы, Черемисъ, Вотяковъ и Башкиръ, подчиненныя непосредственному господству Болгаръ.

Хотя историческою наукою до сихъ поръ неразъяснено съ точностію, къ какой семьѣ народовъ принадлежали сами Болгаре; однако по нѣкоторымъ извѣстіямъ съ достовѣрностію можно сказать, что ядро этого смѣшаннаго народа составляли Славяне. Ревность къ магометанской религіи, арабская письменность и значительное вліяніе арабской гражданственности не мало способствовали ослабленію его родства съ христіанскими Славянами. Благодаря своему предпріимчивому, промышленному характеру, Болгаре сдѣлались посредниками въ торговыхъ сношеніяхъ Средней Азіи съ Восточной Европою. Караваны, нагруженные металлическими издѣліями, т. е. разными украшеніями, утварью, оружіемъ, монетою, а также дорогими тканями мусульманской Азіи, изъ Ховарезма (Хивы) черезъ Башкирію приходили въ землю Камскихъ Болгаръ; а болгарскіе и русскіе купцы развозили

эти товары Волгою и другими судоходными рѣками въ сосѣднія русскія и финскія страны. Изъ своей земли они вывозили шерсть, медъ, мамонтовы зубы, а въ особенности дорогіе мѣха и выдѣланныя кожи (юфть). Мѣхами и кожами по преимуществу собирали они дань съ туземныхъ народцевъ или вымѣнивали на нихъ издѣлія собственной и азіатской промышленности. Какое множество серебряной монеты изъ мусульманскихъ странъ Азіи привлекала эта торговля, о томъ можно судить по многочисленнымъ кладамъ, которые открывались и продолжаютъ открываться на значительномъ пространствѣ Восточной Европы. Эта монета не только служила посредствующею цѣнностью; но и привозилась какъ товаръ вслѣдствіе большаго на нее запроса: она употреблялась у народовъ Сѣверовосточной Европы какъ предметъ украшенія, особенно въ большомъ количествѣ унизывала шейные и головные уборы женщинъ.

Политическое устройство Камской Болгаріи въ общихъ чертахъ напоминаетъ нѣсколько и устройство самой Руси того времени. Мы видимъ здѣсь того же великаго или верховнаго князя (царь, *властовецъ*) и князей ему подчиненныхъ или подручныхъ. Были ли сіи послѣдніе ничто иное какъ мѣстные владѣтельные роды, признававшіе надъ собою господство болгарскаго царя, или это были члены одного княжескаго рода, получавшіе удѣлы, подобно потомству Владиміра Великаго,—достовѣрно мы не знаемъ; возможно, что тамъ существовало и то, и другое. Во всякомъ случаѣ очевидно въ Камской Болгаріи, какъ и на Руси, происходили иногда споры и междоусобія за волости, и точно также раздробленіе мѣшало политическому могуществу. Поэтому въ войнахъ съ Русью болгарскіе князья большею частію оказывались слабѣйшею стороною, т. е. принужденными къ оборонѣ собственной земли. Однако объ ихъ воинственности, искусствѣ укрѣплять и оборонять свои города свидѣтельствуютъ тѣже походы русскихъ князей, которые обыкновенно ограничивались погромомъ сельскихъ жителей и рѣдко брали болгарскіе города. Эти города, какъ свидѣтельствуютъ ихъ остатки, большею частію окружены были высокимъ тройнымъ валомъ и соотвѣтствующимъ рвомъ; лѣтописи наши указываютъ еще на

наружный дубовый тынъ или частоколъ и двойной оплотъ, т. е. двойную бревенчатую стѣну.

Средоточіемъ или столицею Болгарской земли былъ городъ Булгаръ, въ нашихъ лѣтописяхъ извѣстный подъ именемъ Великаго города, или «славнаго» города Бряхимова, (т. е. Ибрагимова, по имени царя современнаго Андрею Боголюбскому). Онъ находился въ землѣ такъ наз. Серебряныхъ Болгаръ, на лѣвомъ берегу Волги немного ниже устья Камы. Высокіе массивные минареты вмѣстѣ съ развалинами каменныхъ мечетей, надгробныхъ молелень и бань до нашего времени указывали мѣсто этого когда-то дѣйствительно великаго и славнаго города. Главное русло Волги протекаетъ отъ него въ значительномъ разстояніи; но долина, находящаяся между русломъ и городомъ, изрѣзана протоками рѣки, а въ вешнюю пору покрывалась водою; безъ сомнѣнія въ эту пору суда могли приставать къ тому возвышенному берегу, на которомъ стоялъ городъ, и именно къ той его внѣшней части, въ которой проживали иноземные христіанскіе торговцы, преимущественно русскіе и армянскіе.

Кромѣ стольнаго или «Великаго» намъ извѣстны еще нѣсколько другихъ болгарскихъ городовъ, каковы: Ошелъ, недалеко отъ столицы, только на другомъ, нагорномъ берегу Волги; Биляръ, на Маломъ Черемшанѣ, который, соединясь съ Большимъ Черемшаномъ, впадаетъ въ Волгу съ лѣвой стороны; Жукотинъ, на лѣвомъ берегу Камы (близъ нынѣшняго Чистополя); Собѣкуль, Челматъ и другіе, которыхъ положеніе въ точности неизвѣстно ([38]).

XIX.

СТРОЙ И ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

Условія національнаго единства.—Стародавность княжей власти.—Дружина.—Ея осѣдлость и содержаніе.—Дружинно-княжескій бытъ.—Земское вѣче.—Многочисленность и характеръ древнихъ городовъ.—Сельская община.—Земледѣліе. — Скотоводство и рыболовство.—Соль.—Бортничество.—Жилища и зодчество.—Утварь.—Русскіе художники.—Иконопись.—Оригинальность орнаментовъ.—Одежда и ея украшенія.—Вооруженіе.—Сообщенія.—Торговля внутренняя и внѣшняя.—Монета.—Русская церковь и остатки язычества.—Духовные писатели. — Книжное просвѣщеніе.—Заточникъ.—Лѣтописи.—Поэзія.

Что такое была Русь въ эпоху предъ-Татарскую?

Собраніе земель, болѣе или менѣе обособленныхъ, имѣвшихъ во главѣ разныя вѣтви одного княжаго рода, которыя успѣли пріобрѣсти значеніе мѣстныхъ династій, за исключеніемъ Великаго Новгорода и стольнаго Кіева. Сіи послѣдніе получали князей изъ той или другой вѣтви, смотря по обстоятельствамъ, слѣдовательно оставались, такъ сказать, въ общемъ владѣніи потомковъ Владиміра Великаго. Кіевъ сохранялъ еще значеніе средоточія въ церковномъ и вообще гражданственномъ отношеніи. Самъ Владиміръ Залѣсскій подчинялся его главенству въ этомъ отношеніи. Хотя Суздальская Русь и преобладала надъ остальными землями своимъ могуществомъ; но ея политическое верховенство не было общепризнаннымъ. Она выступила съ своими притязаніями только при двухъ князьяхъ (Андреѣ Боголюбскомъ и Всеволодѣ III), умѣвшихъ держать въ единеніи самоѐ Суздальскую землю; а потомъ, при ихъ преемникахъ, на время утратила свое преобладаніе, по

причинѣ собственнаго раздробленія. Слѣдовательно въ данную эпоху Русь почти не имѣла политическаго средоточія. Историкъ можетъ наблюдать въ ней тоже самое явленіе, какое видимъ и въ другихъ странахъ, когда онѣ предоставлены самимъ себѣ, т. е. когда надъ ними не тяготѣетъ сильное внѣшнее давленіе: естественнымъ путемъ, чувствомъ самосохраненія начинаетъ вырабатываться нѣкоторая система политическаго равновѣсія. Если какое либо княженіе слишкомъ усиливалось и начинало тѣснить сосѣдей, то вызывало противъ себя союзы другихъ князей. Союзы эти часто видоизмѣняются и усложняются; но въ концѣ концовъ обыкновенно успѣваютъ отстоять политическое существованіе отдѣльныхъ земель и препятствуютъ упроченію какого либо могущества, опаснаго для ихъ самостоятельности.

Хотя Русь была окружена болѣе или менѣе непріязненными ей народами; но никто изъ этихъ сосѣдей не былъ на столько силенъ, чтобы угрожать ея независимости. Поляки въ то время сами раздробленные на удѣлы, Угры, Литва, Нѣмцы, Шведы, Камскіе Болгаре и Половцы могли угрожать только пограничнымъ владѣніямъ. Они иногда временно господствовали въ какой либо области, какъ Угры въ Галичѣ, или захватывали земли населенныя инородцами и мало цѣнимыя Русью, какъ Нѣмцы и Шведы на Балтійскихъ прибрежьяхъ, или разоряли своими набѣгами русскія украйны, какъ Половцы; но болѣе ничего немогли сдѣлать. Нестѣсняемый извнѣ, Русскій народъ имѣлъ возможность безпрепятственно развивать свой удѣльно-вѣчевой порядокъ и свою самобытную гражданственность.

При всемъ дробленіи на отдѣльныя самостоятельныя земли и недостаткѣ политическаго средоточія, Русь того времени все таки представляетъ важныя и разнообразныя условія, которыя связывали ея части въ одно цѣлое, и до нѣкоторой степени налагали на нихъ печать національнаго единства:

1. Уже самый характеръ природы препятствовалъ полному обособленію отдѣльныхъ земель—характеръ равнины, нераздѣленной никакими естественными преградами и покрытой огромной сѣтью внутреннихъ водъ. Три главные ея бассейна, Волжскій, Днѣпровскій и Двинскій, сближаясь своими верши-

нами и переплетаясь безчисленными притоками, связывали части этой равнины естественными и по тому времени наиболѣе удобными путями сообщенія; слѣдовательно поддерживали живое единеніе промышленное и торговое, а вмѣстѣ съ тѣмъ вліяли на единеніе политическое.

2. Одинъ и тотъ же богатый Русскій языкъ царилъ на всемъ этомъ огромномъ пространствѣ. Два его главныя нарѣчія, сѣверное и южное (впослѣдствіи Великорусское и Малорусское), хотя уже существовали въ тѣ времена, но были еще такъ близки, что стояли скорѣе на степени говоровъ, легко понятныхъ другъ другу. Областныя отличія уже тогда были многочисленны, вырабатываясь подъ вліяніемъ географическаго разнообразія и мѣстныхъ инородческихъ примѣсей; но онѣ не нарушали единства языка. Сильнымъ связующимъ началомъ для всѣхъ областей служила и книжная словесность, въ основу которой легъ Церковнославянскій языкъ съ своими переводами богослужебныхъ и священныхъ книгъ. Письменная рѣчь также разнообразилась по областямъ подъ вліяніемъ мѣстныхъ говоровъ; но и это вліяніе, пока еще слабое, не нарушало единства книжнаго языка.

3. Православная церковь служила могущественною связью, распространяя единеніе религіозныхъ догматовъ и обрядовъ, налагая на всѣ русскія области единство своей іерархіи. Старыя языческія преданія конечно продолжали жить въ народѣ: онѣ разнообразились по различнымъ мѣстнымъ условіямъ и инородческимъ примѣсямъ, и вторгались въ религіозную жизнь народа въ видѣ многочисленныхъ суевѣрій. Но христіанская церковь вездѣ противупоставляла имъ свою непреложную систему вѣроисповѣданія, строго выработанную и закрѣпленную вселенскими соборами. Греческое православіе распространяло во всѣхъ русскихъ областяхъ одни и тѣже виды храмоваго зодчества, иконописанія и другихъ художествъ, служившихъ для внѣшняго украшенія и благолѣпія церкви, и тѣмъ неотразимо вліяло на объединеніе какъ самыхъ пріемовъ въ образныхъ искусствахъ, такъ и вообще художественныхъ вкусовъ.

4. Хотя разнообразіе климата, почвы, естественныхъ произведеній, инородческихъ примѣсей и другихъ областныхъ условій способствовало развитію нѣкоторыхъ отличій въ бы-

тѣ и характерѣ населенія; но эти отличія не нарушали единства основныхъ чертъ и общаго склада русской жизни, какъ семейной, такъ и общественной. Во всѣхъ областяхъ Руси мы находимъ однѣ и тѣже семейныя отношенія, общественныя учрежденія, сословія, тотъ же характеръ княжеской власти, суда и управленія, тоже отношеніе между дружиною и земствомъ, тѣже вѣчевые обычаи—по крайней мѣрѣ въ общихъ, главныхъ чертахъ.

5. Наконецъ единеніе русскихъ земель поддерживалъ одинъ и тотъ же княжескій родъ—многовѣтвистое потомство Стараго Игоря, владѣвшее всѣми этими землями. Въ неразрывной связи съ его вѣтвями распространились повсюду и русскія дружины, которыхъ первоначальное ядро составила Среднеднѣпровская или Кіево-Черниговская Русь. Размѣстясь съ своими князьями въ разныхъ областяхъ Восточной Европы, эти дружины постепенно слились съ высшимъ слоемъ туземнаго населенія, какъ Славянскаго, такъ отчасти и инородческаго, и вездѣ послужили основою мѣстной аристократіи, военной и землевладѣльческой.

Понятіе о неразрывности русскихъ земель съ однимъ княжескимъ родомъ успѣло на столько вездѣ вкорениться, что въ самомъ Новгородѣ Великомъ, при всемъ его стремленіи къ самобытности и народоправленію, не возникала еще и самая мысль о возможности управляться безъ русскаго князя, происходившаго изъ того же племени Игоревичей. При постепенномъ упадкѣ великаго Кіевскаго княженія, объединившаго всѣ русскія земли, областныя вѣтви этого племени все еще не забывали о своемъ общемъ происхожденіи, о своемъ общемъ владѣніи Русскою землею, о необходимости дѣйствовать сообща въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Сознаніе этой кровной связи и этой общности яснѣе всего выразилось въ княжескихъ съѣздахъ, которые являются какъ бы верховнымъ судилищемъ для самихъ князей и верховнымъ совѣтомъ или *рядомъ* для важнѣйшихъ вопросовъ, каковы въ особенности раздѣлъ волостей между князьями и совокупныя предпріятія противъ внѣшнихъ враговъ. Въ теченіе почти двухъ столѣтій, отъ Ярослава до Монгольскаго ига, мы видимъ частые княжескіе съѣзды, какъ помѣстные, касавшіеся только извѣстной области, такъ и болѣе общіе, на которыхъ обсужда-

лись дѣла или цѣлой Руси, или значительной ея части. Однако такихъ почти всеобщихъ и знаменитыхъ съѣздовъ, какъ Любецкій и Витичевскій, мы уже почти не встрѣчаемъ во второй половинѣ XII и въ первой XIII вѣка. (Исключеніе составляетъ Кіевскій съѣздъ при первомъ появленіи Татаръ).

Та степень единенія, на которой въ это время находились русскія земли, была болѣе или менѣе дѣйствительна для охраненія Руси отъ сосѣднихъ народовъ. Но она оказалась далеко недостаточна, когда съ востока, изъ Азіи, надвинули новыя полчища варваровъ, направляемыя одною деспотичною волею, однимъ хищнымъ стремленіемъ.

Тщетно стали бы мы искать строго (юридически) опредѣленныхъ общественныхъ отношеній и учрежденій, т. е. стройнаго государственнаго порядка на Руси въ до-Монгольскую эпоху. Ея общественный строй носитъ на себѣ печать неопредѣленности и безформенности въ смыслѣ нашихъ настоящихъ понятій о государственномъ бытѣ. Общественные слои находятся еще въ періодѣ броженія и не застыли въ извѣстныхъ рамкахъ. Писанный законъ и юридическіе уставы едва только проникаютъ въ народную жизнь; обычаи и преданія, унаслѣдованные отъ предковъ, еще господствуютъ надъ всѣми ея сторонами; но въ тоже время постепенно уступаютъ вліянію греческой церкви и другихъ началъ, принесенныхъ извнѣ или вытекающихъ изъ столкновенія и перекрещеванія съ инородцами. И однако въ этой Руси, раздѣленной на нѣсколько земель и подраздѣленной на множество волостей, мы уже видимъ твердыя основы государственнаго быта и ясно обозначенныя ступени общественной лѣстницы.

Первою и самою прочною основою является родовая наслѣдственная княжеская власть, безъ которой почти всѣ Русскіе люди искони не могли себѣ и представить существованіе своей земли. Мы видимъ, что неумѣренное самовластіе или тираннія нѣкоторыхъ князей возбуждала неудовольствіе и даже месть со стороны дружинниковъ или народной толпы. Но при этомъ самое понятіе о княжеской власти, какъ необходимой общественной связи, не только не страдало, а иногда съ помощью церкви и книжниковъ, поднималось еще на болѣе ясную степень сознанія, въ особенности послѣ неурядицъ

безначалія. Любопытны, напримѣръ, разсужденія русскаго лѣтописца по поводу убіенія Андрея Боголюбскаго и мятежа черни, которая избила его дѣтскихъ и мечниковъ, и разграбила ихъ дома, будучи озлоблена противъ нихъ за разные поборы и притѣсненія. «Они не вѣдали глаголемаго: гдѣ законъ, тамъ и обидъ много—замѣчаетъ лѣтописецъ.—Пишетъ апостолъ Павелъ: всяка душа властемъ повинуется, власти бо отъ Бога учинены суть; естествомъ бо царь земнымъ подобенъ есть всякому человѣку, властью же сана вышьши, яко Богъ. Рече великій Златоустецъ: яже кто противится власти, противится закону Божью, князь бо не туне носитъ мечъ, Божій бо слуга есть». Вотъ уже когда наши церковные книжники стали переносить на русскую почву и примѣнять къ своимъ князьямъ византійскую теорію царской власти.

Князь и его дружина—эти двѣ неразрывныя основы государственнаго быта—продолжаютъ служить его представителями и охранителями въ данную эпоху. Князь неразлученъ съ своей дружиной; съ нею онъ «думаетъ» или совѣщается о всѣхъ дѣлахъ, ходитъ на войну, на охоту, въ объѣздъ или полюдье; съ нею же пируетъ и бражничаетъ. Дружины нашихъ древнихъ князей вышли изъ того энергичнаго славянскаго племени, которое обитало на среднемъ Днѣпрѣ, въ Кіево-Черниговской области, и называло себя Русью. Вмѣстѣ съ потомствомъ Стараго Игоря дружины эти распространились по другимъ областямъ Восточной Европы, объединили ихъ и постепенно сообщили имъ свое имя Руси (которое и получило обширный смыслъ). Мало по малу онѣ складывались въ особое военнослужащее сословіе, которое однако еще долго не имѣло замкнутаго характера; по мѣрѣ новыхъ завоеваній, оно принимало въ себя какъ мѣстныя славянскія дружины, такъ и военныхъ людей изъ инородцевъ. Кромѣ того, князья охотно принимали въ свою службу иноземныхъ выходцевъ, каковы были Варяги, Нѣмцы, Поляки, Угры, Половцы, Хазары или Черкесы, Ясы или Алане и пр. Но эти иноземцы, вступая въ среду дружины, нисколько не нарушали ея чисто русскаго характера и нерѣдко становились родоначальниками знатныхъ русскихъ фамилій. Дружина получала отъ князя содержаніе и жалованье деньгами, съѣстными припасами и другими естественными произведеніями, которыя она собирала

для него въ видѣ даней. Кромѣ того уже въ раннія времена дружинники получаютъ земельные участки и угодья, и владѣютъ селами. Семьи старшихъ дружинниковъ или бояръ, сосредоточивая въ своихъ рукахъ значительную поземельную собственность, и иногда въ разныхъ областяхъ Руси, естественно полагаютъ основаніе высшаго сословія на Руси или родовой землевладѣльческой аристократіи.

Съ раздѣленіемъ Игорева потомства на отдѣльныя вѣтви, имѣвшія характеръ мѣстныхъ династій, дружинники также пріобрѣтали все большую и большую осѣдлость въ качествѣ военнаго, правительственнаго и владѣльческаго класса. Соперничество удѣльныхъ князей и желаніе имѣть около себя возможно болѣе сильную и преданную дружину конечно возвысили значеніе и права дружинниковъ. Они считали себя людьми вольными, людьми, которые служатъ кому хотятъ; не понравится у одного князя, они переходятъ къ другому. Не должно думать однако, чтобы такіе переходы въ дѣйствительности случались часто. Напротивъ вѣрность дружины своему князю по понятіямъ народнымъ составляла одно изъ первыхъ ея качествъ. Переходъ былъ затрудненъ и тѣмъ, что онъ сопровождался лишеніемъ или отчужденіемъ пожалованнаго княземъ недвижимаго имущества. Сыновья дружинниковъ обыкновенно становились такими же вѣрными слугами князя или его преемника, какъ ихъ отцы. Древнерусская дружина была выдѣлившееся изъ народа военное сословіе, а не отрядъ какихъ нибудь наемниковъ въ родѣ Варяговъ, Нѣмцевъ, Половцевъ и пр. На это указываетъ отчасти, ходившая на Руси въ XI и XII вѣкѣ, любимая княжеская поговорка, приписанная Владиміру Великому: «была бы дружина, съ нею я добуду серебро и золото». Въ противномъ случаѣ князь говорилъ бы на оборотъ: «было бы серебро и золото; а съ нею я добуду себѣ дружину». Съ деньгами дѣйствительно можно было добыть себѣ дружину, но уже наемную, и преимущественно иноплеменную.

О размѣрѣ денежнаго жалованья въ тѣ времена можно судить по слѣдующему указанію лѣтописи, относящемуся къ первому періоду Татарскаго ига. Сѣтуя на усилившуюся роскошь князей и дружинниковъ и на ихъ несправедливые поборы, лѣтопись вспоминаетъ древнихъ князей съ ихъ му-

жами, которые умѣли оборонять Русскую землю и покорять другія страны. «Тѣ князья—говоритъ она—не собирали многое имѣніе, не выдумывали новыхъ виръ и продажъ съ народа; а если были справедливыя виры, то брали ихъ и давали дружинѣ на оружіе. А дружина добывала себѣ кормъ, воюя иныя земли, и билась, говоря: «братья, потягнемъ по своемъ князѣ и по Русской землѣ». Не говорили тогда: «князь, мнѣ мало двѣсти гривенъ»; не возлагали на своихъ женъ золотыхъ обручей; но жены ихъ ходили въ серебрѣ. Тѣ князья и дружина расплодили землю Русскую». Слѣдовательно въ эпоху Предтатарскую двѣсти гривенъ серебра было приблизительно обычнымъ жалованьемъ, которое получали старшіе дружинники; а младшіе конечно получали менѣе.

Въ XII вѣкѣ часть младшей дружины, отроковъ или дѣтскихъ, жившая при князѣ, на его дворѣ, въ качествѣ его тѣлохранителей и слугъ, судя по прямымъ указаніямъ лѣтописи, стала называться *дворянами*; этому названію впослѣдствіи суждено было получить обширное значеніе. При размноженіи Игорева потомства и дробленіи земель на удѣлы, численность отдѣльныхъ дружинъ, постоянно находившихся при князѣ, не могла быть велика; въ данную эпоху она обыкновенно состояла изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Число это было достаточно для охраненія внутренняго порядка и для мелкихъ междоусобныхъ войнъ. Но въ случаѣ большихъ предпріятій и въ войнахъ съ сосѣдями князья созывали свою дружину, разсѣянную по городамъ и волостямъ, и кромѣ того набирали рать изъ городскаго и сельскаго населенія; при чемъ помогали ея вооруженію изъ собственныхъ запасовъ. Дружинники составляли ядро этой временной рати, большею частію пѣшей; тогда какъ княжая дружина была обыкновенно конная. При воинственномъ духѣ Русскаго народа, при его наклонности къ удальству и при отсутствіи сословной замкнутости того времени, нерѣдко простолюдины, особенно побывавшіе на войнѣ, уже не разставались съ оружіемъ и поступали въ разрядъ дружинниковъ. Князья охотно брали въ свою службу всякихъ удалыхъ людей; такимъ образомъ дружина ихъ всегда могла подкрѣпляться приливомъ свѣжихъ энергичныхъ силъ изъ народа. Простолюдинъ, отличившійся ратными подвигами, могъ возвыситься даже до боярскаго сана; но подобные случаи бы-

ли, кажется, рѣдки; по крайней мѣрѣ мы можемъ указать только на одно лѣтописное преданіе о Янѣ Усмовичѣ, который побѣдилъ въ единоборствѣ печенѣжскаго богатыря при Владимірѣ Великомъ.

Дружина, служившая вооруженною охраною княжеской власти, естественно сдѣлалась главнымъ органомъ управленія и суда. Изъ среды своихъ бояръ и отроковъ князья назначали посадниковъ, тысяцкихъ, тіуновъ, биричей и т. п. Въ тѣ времена еще не было распредѣленія власти по различнымъ отраслямъ, и княжіе чиновники часто соединяли въ одномъ лицѣ завѣдываніе какъ военными и гражданскими дѣлами, такъ судебными и хозяйственными. Кромѣ жалованья отъ князя, въ ихъ пользу шла нѣкоторая часть виръ и продажъ, т. е. судебныхъ пеней и пошлинъ. По Русской Правдѣ при посѣщеніи волостей жители верви или общины обязаны были доставлять судьямъ, ихъ помощникамъ и служителямъ потребное количество съѣстныхъ припасовъ и кормъ для ихъ коней на все время судебнаго разбирательства. Мало по малу вошло въ обычай, чтобы чиновники и судьи вообще получали отъ жителей подарки и приношенія какъ деньгами, такъ и естественными произведеніями. Отсюда развилась впослѣдствіи цѣлая система такъ называемаго *кормленія*. Лѣтописи и другіе источники сообщаютъ намъ иногда о народномъ неудовольствіи на княжихъ посадниковъ и тіуновъ, которые угнетали населеніе произвольными поборами, продажами (судебными пенями) и разными вымогательствами; что особенно случалось при князьяхъ безпечныхъ и слабыхъ характеромъ, или при такихъ, которые слишкомъ потворствовали своимъ дружинникамъ. Преимущественно страдало отъ нихъ населеніе въ томъ случаѣ, если князь приходилъ на столъ изъ другой области и приводилъ съ собою иногороднюю дружину, которой раздавалъ мѣста правителей и судей. Примѣры тому мы видимъ, во первыхъ, въ Кіевѣ, когда великимъ столомъ завладѣли Всеволодъ Ольговичъ, пришедшій съ Черниговцами, а потомъ Юрій Долгорукій, окруженный своими Суздальцами; во вторыхъ въ Суздальской землѣ, когда внуки Долгорукаго, два Ростиславича, пришли изъ Чернигова въ Ростовъ и Суздаль съ южнорусскими дружинниками, и позволяли имъ обижать жителей своимъ лихоимствомъ. И наоборотъ князья дѣятель-

ные, справедливые и твердые характеромъ старались не давать въ обиду земство своимъ боярамъ и слугамъ; сами надзирали за всѣмъ управленіемъ; не лѣнились часто отправляться въ полюдье, т. е. совершать объѣзды по городамъ и волостямъ, при чемъ сами разбирали тяжбы и наблюдали за сборомъ даней. Примѣры такихъ князей представляютъ въ особенности Владиміръ Мономахъ и его внукъ Всеволодъ Большое Гнѣздо.

Содержаніе своей семьи и дружины или своего двора требовало отъ князей большихъ расходовъ, и конечно заставляло ихъ постепенно изыскивать новые источники, такъ что къ концу даннаго періода послѣдніе успѣли развиться въ довольно сложную и разнообразную систему. Въ первоначальную эпоху главными источниками служили военная добыча и дань съ покоренныхъ народовъ — доходы, подверженные многимъ случайностямъ. Съ развитіемъ большей осѣдлости и мирныхъ отношеній къ сосѣдямъ, съ утвержденіемъ болѣе государственныхъ порядковъ въ собственной странѣ, доходы получили болѣе опредѣленные и постоянные виды съ различными ихъ подраздѣленіями. На первомъ мѣстѣ остались дани, которыми облагались волости по количеству своего населенія и по богатству естественныхъ произведеній. Затѣмъ идутъ виры и продажи, далѣе разнообразныя торговыя пошлины, въ особенности мытъ, взимавшійся съ привозимыхъ товаровъ. Кромѣ большаго количества съѣстныхъ припасовъ, мѣховъ и другихъ естественныхъ произведеній, которые въ видѣ даней и оброковъ населеніе доставляло въ княжую казну, Русскіе князья имѣли и свое собственное хозяйство, болѣе или менѣе обширныхъ размѣровъ — хозяйство, которое они вели собственною челядью или рабами. У нихъ были свои особыя села; а при нѣкоторыхъ селахъ находились княжіе дворы съ кладовыми и погребами, въ которыхъ накоплялись большіе запасы желѣзныхъ и мѣдныхъ вещей, меду и всякаго товару; на гумнахъ стояли сотни стоговъ разнаго хлѣба; на лугахъ паслось по нѣскольку тысячъ коней и пр. Князья имѣли также по волостямъ своихъ рыболововъ, бобровниковъ, бортниковъ и другихъ промышленниковъ. А княжая охота, достигавшая иногда весьма значительныхъ размѣровъ, хотя служила для князей предметомъ забавы и тѣлесныхъ упраж-

неній, въ то же время доставляла имъ большое количество всякаго звѣря и дичи, слѣдовательно и мясо для потребленія, а также мѣха и кожи. При совокупности всѣхъ этихъ источниковъ, весьма естественно, что тѣ князья, которые отличались хозяйственнымъ характеромъ, домовитостію и бережливостію, накопляли иногда у себя большія богатства, состоявшія изъ драгоцѣнныхъ металловъ, одежды, оружія, утвари и всякихъ товаровъ.

Уже въ ту эпоху мы находимъ вокругъ князя выдѣлявшіеся изъ дружины придворные чины для разнаго рода службы (большая часть ихъ впослѣдствіи получила характеръ почетныхъ титуловъ). Таковы: *дворскій*, *стольникъ*, *меченоша*, *печатникъ*, *ключникъ*, *конюшій*, *ловчій*, *сѣдельничій;* кромѣ того *писецъ* или *дьякъ*. Были еще выбиравшіеся изъ бояръ *кормильцы* или *дядьки*, которымъ отдавались подъ присмотръ юные княжичи. Домашнимъ и сельскимъ хозяйствомъ князя, кромѣ ключниковъ, завѣдывали старосты, тіуны конюшіе и т. п., которые назначались какъ изъ дружинниковъ, то-есть людей вольныхъ, такъ и изъ челядинцевъ или рабовъ.

Вообще дружинно-княжескій бытъ древней Руси представлялъ многія черты еще языческой эпохи, слегка измѣнившіяся подъ вліяніемъ времени, особенно подъ вліяніемъ Греческой церкви и живыхъ связей съ Византіей. Напримѣръ, однимъ изъ важныхъ обрядовъ въ княжескомъ быту представляются «постриги». Очевидно, этотъ обрядъ идетъ изъ глубокой древности и находится въ связи съ обычаемъ знатныхъ людей у Русскихъ и Болгаръ брить бороду и выстригать волосы на головѣ, за исключеніемъ чуба, какъ это мы видимъ на примѣрѣ Святослава Игоревича и древнихъ Болгарскихъ князей. Когда мальчикъ достигалъ приблизительно трехлѣтняго или четырехлѣтняго возраста, ему впервые остригали волосы и торжественно сажали на коня, который вообще служилъ неразлучнымъ спутникомъ воинственныхъ Русскихъ князей и дружинниковъ. Родители ребенка сопровождали это торжество пиромъ и попойкой, смотря по степени своего богатства и своей знатности. Въ христіанскія времена обычай древнихъ Руссовъ плотно выстригать голову и брить бороду постепенно смягчался подъ вліяніемъ Византіи. Князья и бояре начали отпускать бороды, сначала небольшія, а так-

же носить короткіе волосы на головѣ. Но обычай совершать торжественно постриги надъ ребенкомъ и сажать его на коня долго еще оставался и сопровождался пиромъ. Только этотъ обрядъ былъ уже освященъ благословеніемъ церкви; остриженіе волосъ, вѣроятно, производило духовное лицо, а у князей можетъ быть самъ епископъ. Точно также участіе церкви освятило и важный обрядъ вокняженія или «посаженія на столъ», конечно существовавшій уже въ языческія времена. Теперь онъ совершался въ соборномъ храмѣ; а затѣмъ, конечно, слѣдовали пиры и угощенія. Особенно щедрымъ угощеніемъ и обильными попойками сопровождались браки Русскихъ князей, которые заключались весьма рано, обыкновенно еще въ отроческомъ возрастѣ. Вообще Русскіе князья и дружинники, какъ истые Славяне, любили весело жить. Когда князья не были заняты войной или охотой, то свой день съ ранняго утра посвящали правительственнымъ и судебнымъ занятіямъ вмѣстѣ съ княжею думою, состоявшею изъ бояръ; а послѣ обѣда проводили время съ дружиною за стопами крѣпкаго меду или заморскаго вина; при чемъ нерѣдко ихъ забавляли разсказщики, пѣсенники, гусляры и разнаго рода «игрецы» (плясуны, скоморохи и акробаты). Надобно полагать, что наиболѣе богатые дворы княжескіе изобиловали людьми, искусными въ такого рода увеселеніяхъ. Нѣкоторыя музыкальныя и акробатическія забавы по всей вѣроятности распространились на Руси особенно изъ Византіи. (Фрески на лѣстницахъ Кіево-Софійскаго собора даютъ наглядное представленіе объ этихъ разнообразныхъ забавахъ).

Бояре очень естественно старались подражать князьямъ въ своемъ быту. Они тоже имѣли на своемъ дворѣ многочисленную челядь или рабовъ, которыми также вели большое хозяйство и на своихъ земляхъ. На войну или на охоту они выступали въ сопровожденіи собственныхъ вооруженныхъ слугъ или отроковъ; такъ что имѣли какъ бы собственную дружину. Особенною пышностію и многолюдствомъ окружали себя тѣ бояре, которые занимали должности воеводъ, посадниковъ и тысяцкихъ. За исключеніемъ отправлявшихъ службу по городамъ и волостямъ, бояре обязаны были ежедневно рано по утру являться въ теремъ къ своему князю, чтобы составлять его совѣтъ или *думу* и вообще помогать ему въ дѣ-

лахъ. Между боярами и дружинниками упоминаются иногда любимцы или «милостники», которые пользовались особымъ довѣріемъ князя, что, конечно, возбуждало зависть и неудовольствіе въ другихъ думцахъ. Любопытно еще обстоятельство, что молодые сыновья бояръ, повидимому, жили при самомъ князѣ и входили въ составъ его отроковъ или младшей дружины. Отъ нихъ-то, вѣроятно, впослѣдствіи и распространилось на всю эту младшую дружину названіе «дѣти боярскіе».

Живя по-дружески, по-братски съ дружиною, совѣтуясь съ нею о всѣхъ дѣлахъ, творя съ ея помощью судъ и расправу, князь въ важныхъ случаяхъ призывалъ на совѣтъ городскихъ мужей или старцевъ, то-есть собиралъ *вѣче*. Русское вѣче или обычай сходки, совѣщанія объ общемъ дѣлѣ есть такое же древнее учрежденіе какъ и княжеская власть. Въ эпоху историческую видимъ совмѣстное ихъ существованіе на Руси, но при явномъ подчиненіи вѣча князю. Междоусобная борьба князей за волости и частая нужда искать поддержки у мѣстнаго населенія способствовали развитію и укрѣпленію вѣчевыхъ обычаевъ. Вѣче старшихъ или стольныхъ городовъ пріобрѣло такую силу, что нерѣдко рѣшало и самый споръ князей о томъ, кому сѣсть на столѣ. Рѣшенію его обыкновенно подчинялись и пригороды, то-есть города областные, младшіе. Припомнимъ слова лѣтописи, сказанныя по поводу соперничества Владиміра Залѣсскаго съ Ростовымъ и Суздалемъ, которые считали его своимъ пригородомъ: «Новогородцы бо изначала и Смольняне, Кіяне и Полочане и вся власти, якоже на думу, на вѣча сходятся; на чемъ же старѣйшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ». Наибольшаго развитія своего народное вѣче достигло въ Новгородѣ Великомъ, гдѣ оно пріобрѣло значеніе верховной власти и стало выше власти княжеской. Оно присвоило себѣ право выбирать и низлагать князей, епископовъ, посадниковъ и другія правительственныя лица, а также, въ случаѣ народнаго неудовольствія, карать самыхъ знатнѣйшихъ своихъ граждапъ смертію, изгнаніемъ и разграбленіемъ имущества. Своимъ вѣчевымъ народоправленіемъ Новгородъ все болѣе и болѣе выдѣлялся изъ ряда Русскихъ земель. Мы видѣли

однако, что и въ Суздальской землѣ выступаетъ на передній планъ вѣча Ростовское и Владимірское въ тревожную пору, наставшую за смертію Андрея Боголюбскаго. Вообще народный совѣтъ усиливается во времена смутныя, безпокойныя, въ особенности междукняжескія. Вѣче стольныхъ городовъ не только поддерживаетъ или призываетъ на свой столъ кого-либо изъ спорящихъ князей, но и заключаетъ съ нимъ рядъ; слѣдовательно принимаетъ его на извѣстныхъ условіяхъ, на договорѣ, и, сажая его на свой столъ, заставляетъ цѣловать крестъ, то-есть присягать на этомъ договорѣ (что въ Новгородѣ вошло въ постоянный обычай). Но въ спокойное время, особенно въ тѣхъ земляхъ, гдѣ какая-либо вѣтвь получила осѣдлость и значеніе мѣстной династіи, встрѣчаемъ рѣдкое упоминаніе о вѣчахъ.

За исключеніемъ Великаго Новгорода, народное вѣче нигдѣ не представляетъ намъ твердыхъ опредѣленныхъ формъ, и мы тщетно пытались бы разъяснить вѣчевые обряды, способъ собиранія голосовъ, предѣлы вѣчевой власти и т. д. Можемъ указать только нѣкоторыя общія черты. Обыкновенно вѣче собиралъ самъ князь или его посадникъ, тысяцкій или другой какой либо сановникъ. Созывали его биричи и подвойскіе (иногда съ помощью набатнаго колокола). Мѣстомъ собранія служили или княжій дворъ, или площадь подлѣ соборнаго храма. Сановникъ съ какого либо возвышенія, напримѣръ съ церковной паперти (если не было особоустроеннаго помоста какъ въ Новгородѣ), обращался съ рѣчью къ народу и объявлялъ, зачѣмъ онъ созванъ. Граждане послѣ безпорядочнаго совѣщанія другъ съ другомъ болѣе или менѣе шумными кликами выражали свое мнѣніе; а вопросъ о большинствѣ просто рѣшался на глазомѣръ, безъ точнаго счета голосовъ. Такъ называемаго ценза не существовало, и въ вѣчевыхъ собраніяхъ участвовали всѣ свободные граждане, но не молодежъ. При сильномъ развитіи семейной или отцовской власти въ древней Руси, младшіе братья, сыновья и племянники не имѣли особаго голоса въ присутствіи главы семейства; а потому, если и приходили на вѣче, то для того только, чтобы слушать молча совѣщанія старшихъ людей или поддержать своихъ въ случаѣ какого насилія. Пригорожане могли иногда

участвовать въ вѣчѣ своего главнаго города, и наоборотъ жители послѣдняго участвовали въ вѣчѣ пригорода.

Большое народное вѣче, какъ мы сказали, собиралось не часто, а только въ важныхъ случаяхъ, преимущественно во времена смутъ и безначалія. Болѣе постояннымъ учрежденіемъ является повидимому малое вѣче, когда лучшіе люди, т. е. городскіе старцы или домовладыки, наиболѣе зажиточные и семейные, созывались на княжій дворъ для совѣщанія вмѣстѣ съ его боярами и дружиною подъ непосредственнымъ предсѣдательствомъ самого князя. Иногда приглашалось къ князю на вѣчевое совѣщаніе духовенство; а въ особенно важныхъ случаяхъ призывались дружинники и земскіе лучшіе люди изъ пригородовъ и волостей; примѣръ чему мы видѣли въ исторіи Ярослава Осмомысла и Всеволода Большое Гнѣздо, вздумавшихъ измѣнить обычный порядокъ при наслѣдованіи главнаго стола. (Изъ этихъ именно собраній впослѣдствіи развилось то, что извѣстно подъ именемъ земскаго собора или «великой земской думы»). Обычай собираться на сходку для совѣщаній былъ очевидно распространенъ издревле въ земскомъ населеніи Руси, и производился не только въ городахъ, но и въ волостяхъ, т. е. между сельскими жителями, особенно по вопросамъ хозяйственнымъ, напримѣръ: по раздѣлу или передѣлу полей, по раскладкѣ или разверсткѣ княжихъ даней и разныхъ повинностей, по снаряженію людей на войну и т. п. Вѣчевые обычаи не оставляли земскихъ людей даже и въ военныхъ походахъ.

Городское населеніе въ древней Россіи составляло главную основу государственнаго быта и рѣшительно преобладало надъ сельскимъ населеніемъ. Лѣтописи упоминаютъ въ до-Татарскую эпоху до трехсотъ городовъ. Но безъ сомнѣнія это число далеко не соотвѣтствуетъ ихъ дѣйствительному количеству, если подъ городомъ разумѣть то, что и разумѣлось въ древности, то есть всякое укрѣпленное или *огороженное* поселеніе.

До объединенія Руси подъ однимъ княжескимъ родомъ и вообще въ языческую эпоху, когда каждое племя жило особо и дробилось на многія общины и княженія, не только внѣшніе враги, но и частыя взаимныя ссоры заставляли населеніе огораживаться отъ непріятельскаго нападенія. Города не-

избѣжно и постепенно умножались вмѣстѣ съ переходомъ славянорусскихъ племенъ отъ кочеваго и бродячаго быта къ осѣдлому. Еще въ VI вѣкѣ, по извѣстію Іорнанда, лѣса и болота замѣняли Славянамъ города, т. е. служили имъ вмѣсто укрѣпленій противъ непріятелей. Но и это извѣстіе нельзя принимать буквально. Уже и въ тѣ времена, по всей вѣроятности, были укрѣпленныя поселенія и даже существовали значительные торговые города. Съ большимъ развитіемъ осѣдлости и земледѣлія число ихъ сильно возрасло въ послѣдующіе вѣка. Около трехъ столѣтій спустя послѣ Іорнанда, другой латинскій писатель (неизвѣстный по имени географъ Баварскій) перечисляетъ славянскія и неславянскія племена, населявшія Восточную Европу, и считаетъ у нихъ города десятками и сотнями; такъ что въ сложности получается нѣсколько тысячъ городовъ. Если бы его извѣстіе и было преувеличено, все таки оно указываетъ на огромное количество городовъ въ древней Россіи. Но изъ такого количества еще нельзя заключать о густотѣ и многочисленности самаго населенія страны. Города эти были собственно городки или небольшія селитьбы, окопанныя валомъ и рвомъ съ прибавленіемъ тына или частокола, и только частію имѣли стѣны изъ плетней или бревенчатыхъ срубовъ, наполненныхъ землею и камнями, съ башнями и воротами. Въ мирное время населеніе ихъ занималось земледѣліемъ, скотоводствомъ, рыбнымъ и звѣринымъ промысломъ въ окрестныхъ поляхъ, лѣсахъ и водахъ. На эти сельскія занятія горожанъ прямо указываетъ лѣтопись, влагая въ уста Ольги слѣдующія слова, обращенныя къ осажденнымъ жителямъ Коростена: «Чего хотите досидѣться; всѣ ваши города уже передались мнѣ и обязались платить дань и воздѣлываютъ свои нивы и свою землю; а вы хотите лучше голодомъ поморить себя, чѣмъ заплатить дань». Но при первой военной тревогѣ населеніе укрывалось въ свои городки, готовое выдержать осаду и дать отпоръ непріятелю. Сообразно съ потребностями защиты и самое мѣсто для городка обыкновенно выбирали гдѣ нибудь на береговомъ возвышеніи рѣки или озера; по крайней мѣрѣ съ одной стороны, онъ примыкалъ къ дебрямъ и болотамъ, которыя не только препятствовали непріятельскому нападенію съ этой стороны, но и служили укрытіемъ на случай взятія

городка. Разумѣется, чѣмъ открытѣе была страна, чѣмъ болѣе подвергалась непріятельскимъ нападеніямъ, тѣмъ большая потребность существовала въ поселеніяхъ, окопанныхъ валами; какъ это и было въ южной полосѣ древней Руси. Въ мѣстахъ же лѣсистыхъ, болотистыхъ и вообще защищенныхъ самою природою, укрѣпленныхъ такимъ способомъ селеній встрѣчалось конечно меньше.

Когда Русское племя посредствомъ собственныхъ дружинъ распространило свое господство въ Восточной Европѣ и когда эти дружины объединили восточныхъ Славянъ подъ властію одного княжескаго рода, естественно должны были уменьшиться и опасность отъ сосѣдей, и взаимныя драки между Славянскими племенами. Русь съ одной стороны обуздывала внѣшнихъ враговъ, которыхъ нерѣдко громила въ ихъ собственной землѣ; а съ другой стороны княжеская власть запрещала въ своихъ владѣніяхъ драки, возникавшія изъ-за обладанія полемъ, лѣсомъ, пастбищемъ, рыбною ловлею или изъ-за похищенныхъ женщинъ, а также нападенія съ цѣлію грабежа, добычи рабовъ и т. п. Налагая дани на туземное населеніе, князья взамѣнъ, кромѣ внѣшней защиты, давали имъ судъ и расправу, т. е. обязывались болѣе или менѣе защищать слабыхъ отъ обидъ сильнѣйшаго; другими словами полагали начало государственному строю. Поэтому жители множества городковъ, вслѣдствіе большей чѣмъ прежде безопасности, могли постепенно разселяться по окрестнымъ мѣстамъ въ неукрѣпленныхъ хуторахъ и поселкахъ, чтобы удобнѣе заниматься сельскимъ хозяйствомъ; самые городки нерѣко получали болѣе мирный характеръ, постепенно превращаясь въ открытыя селенія. Отсюда все болѣе и болѣе размножалось сельское населеніе, преданное земледѣлію и другимъ хозяйственнымъ занятіямъ. Такъ было преимущественно во внутреннихъ областяхъ; но по окрайнамъ и тамъ, гдѣ существовало болѣе опасности, а также въ земляхъ покоренныхъ инородцевъ князья уже сами заботились о поддержаніи и сооруженіи хорошо укрѣпленныхъ городовъ, въ которыхъ размѣщали своихъ дружинниковъ. Вообще въ эту русско-княжескую эпоху постепенно выработалось различіе между городскимъ и сельскимъ населеніемъ.

Если число укрѣпленныхъ селитьбъ не было такъ много-

численно какъ прежде, за то самые города сдѣлались значительнѣе и стали вмѣщать въ себѣ населеніе болѣе разнообразное по своему дѣленію на классы и сословія. Они постепенно становятся средоточіемъ для окрестной области какъ въ военно-правительственномъ отношеніи, такъ и въ промышленно-торговомъ; по крайней мѣрѣ это должно сказать о городахъ наиболѣе значительныхъ. Такіе города обыкновенно состояли изъ двухъ главныхъ частей: «дѣтинца» и «острога». Дѣтинецъ, иначе кремль, считался внутреннею частію; хотя онъ рѣдко приходился внутри, а обыкновенно одною или двумя сторонами былъ расположенъ надъ самымъ береговымъ спускомъ. Въ немъ помѣщались соборный храмъ и дворъ князя или его посадника, а также дворы нѣкоторыхъ бояръ и духовныхъ лицъ. Здѣсь пребывала и часть младшей дружины или дѣтскіе, составлявшіе городскую оборону (отъ нихъ и названіе «дѣтинца»). Острогомъ назывался внѣшній или окольный городъ, примыкавшій къ дѣтинцу. Онъ также опоясывался валомъ, стѣнами и башнями, а съ наружной стороны еще рвомъ, наполненнымъ водою; такой крѣпостной ровъ обыкновенно назывался *гроблею*. Стѣны и башни городскія въ древней Руси были деревянныя; только въ немногихъ городахъ встрѣчаемъ каменныя. Понятно, что при обиліи лѣсу и недостаткѣ горъ и камня укрѣпленія въ Восточной Европѣ носили иной характеръ чѣмъ въ Западной, гдѣ за̀мки и города укрѣплялись еще по образцу римскихъ колоній. Впослѣдствіи окольный городъ сталъ болѣе извѣстенъ подъ именемъ «посада»; въ немъ преимущественно жило населеніе торговое и разнаго рода ремесленники. Необходимою принадлежностью его было «торговище» или «торжокъ», куда въ извѣстные дни съѣзжались люди изъ окрестныхъ деревень для обмѣна своихъ произведеній. Въ большихъ городахъ съ умноженіемъ населенія вокругъ острога заводились новыя селитьбы, носившія названія «предгородія», «застѣнья», а впослѣдствіи «слободъ», обитатели которыхъ занимались или земледѣліемъ или огородничествомъ, рыбною ловлею и другими промыслами. Эти предгородія въ свою очередь опоясывались валомъ. Кромѣ того около большихъ городовъ въ болѣе или менѣе значительномъ отъ нихъ разстояніи насыпались валы съ тою цѣлію, чтобы въ случаѣ

непріятельскаго нашествія окрестные сельскіе жители могли укрыться за ними не только съ своими семьями и съ хлѣбными запасами, но и съ своими стадами. Особенно въ южной Руси, гдѣ грозила постоянная опасность отъ кочевниковъ, и доселѣ можно видѣть остатки многочисленныхъ валовъ по сосѣдству съ важнѣйшими древними городами.

Въ тѣ времена, когда еще не было строгаго дѣленія по сословіямъ и занятіямъ, когда была такъ сильна потребность въ защитѣ себя, своей семьи, своего имущества и жилища, все свободное населеніе должно было имѣть привычку къ оружію, чтобы въ случаѣ нужды стать въ ряды войска. Горожане по преимуществу сохраняли свой воинственный характеръ; при оборонѣ городовъ, равно и въ большихъ походахъ, княжіе дружинники составляли только ядро военной силы; но конечно они были и лучше вооружены, и болѣе привычны къ воинскому дѣлу, болѣе искусны въ употребленіи оружія. Земская рать повидимому имѣла своихъ особыхъ начальниковъ въ лицѣ «тысяцкихъ» и «соцкихъ». Названія эти напоминаютъ тѣ времена, когда все свободное населеніе дѣлилось по тысячамъ и сотнямъ и съ такимъ дѣленіемъ выступало на войну. А потомъ соцкіе и десяцкіе обратились въ земскихъ чиновниковъ, заправлявшихъ нѣкоторыми текущими дѣлами, особенно раскладкою и сборомъ даней и повинностей ([39]).

Сельское населеніе древней Руси, какъ мы сказали, мало отличалось отъ городскаго. Въ мирное время оно занималось земледѣліемъ, звѣринымъ или рыбнымъ промысломъ, смотря по характеру природы, и жило въ тѣхъ хуторахъ и поселкахъ, которые были разсѣяны вблизи городовъ. Съ развитіемъ большей безопасности размножалось число хуторовъ и деревень, и даже самые городки превратились въ открытыя селенія. Тогда и названіе «смердъ», обозначавшее вообще простыхъ горожанъ и сельчанъ въ совокупности, постепенно усвоилось сельскому, земледѣльческому населенію по преимуществу. По мѣрѣ размноженія этого населенія, составлялись поземельныя общины, носившія разнообразныя названія «верви», «волости», «погоста» и пр. Главною связью между селеніями, входившими въ составъ такой общины, служили

общее пользованіе землей, а также совокупная уплата даней и оброковъ въ княжую казну. Общинное пользованіе землей существовало у Русскихъ Славянъ какъ у всѣхъ народовъ, у которыхъ земли было изобиліе, а обработка ея находилась еще на низкой ступени развитія. Кіево-русскіе князья, объединившіе этихъ Славянъ, конечно не создали поземельной сельской общины; они нашли ее уже въ обычаяхъ и правахъ народныхъ, и пользовались ею для собиранія своихъ даней и оброковъ, а равно судебныхъ виръ. Понятно, что княжимъ волостелямъ и тіунамъ при этихъ сборахъ удобнѣе было имѣть дѣло съ общиною или вервію, нежели съ каждой отдѣльной семьей; а потому при князьяхъ Игорева дома славянская поземельная община получила поддержку и дальнѣйшее развитіе.

При неутвердившихся еще понятіяхъ о личной поземельной собственности, при подвижности сельскаго населенія, всегда готоваго въ случаѣ опасности или истощенія почвы оставить свои непрочныя жилища и перейти на другія болѣе удобныя земли, при большомъ запасѣ пространства, еще незаселеннаго и невоздѣланнаго, весьма естественно, что русскіе князья—завоеватели смотрѣли вообще на всю Русскую землю какъ на собственность своего рода и за пользованіе ею облагали населеніе разными повинностями, данями и оброками. Поэтому они жаловали своимъ дружинникамъ и духовенству не только земли еще пустыя, но и заселенныя. Въ послѣднемъ случаѣ князь передавалъ владѣльцу свое право собирать съ населенія тѣ дани и оброки, которые платились за пользованіе землею, и сверхъ того взимать нѣкоторыя судебныя пошлины; слѣдовательно передавалось также право суда и расправы, по обыкновенно за исключеніемъ татьбы и убійства, т. е. уголовныхъ преступленій, подлежавшихъ суду князя и его тіуновъ или суду, такъ сказать, государственному.

Не одно совокупное пользованіе землею заставляло сельское населеніе соединяться въ отдѣльныя общины и верви. Къ тому же влекла свободныхъ людей и самая потребность общежитія, столь развитая у Славянорусскаго племени, а также потребность взаимной поддержки и помощи какъ для охраненія своихъ земель и угодій отъ захвата сосѣдними жителями, такъ и при исполненіи большихъ работъ, напримѣръ, при по-

стройкѣ плотины, моста или гати, при расчисткѣ лѣсныхъ пространствъ подъ нивы и пажити. Послѣднее условіе въ особенности вліяло въ сѣверныхъ областяхъ, обильныхъ дремучими лѣсами и дебрями. Здѣсь на укрѣпленіе и развитіе общиннаго быта вліяло еще то обстоятельство, что славянское населеніе въ тѣхъ краяхъ было пришлымъ, и, чтобы удерживать свое господство надъ туземными народцами, оно должно было держаться болѣе въ совокупности.

Сельскія общины долгое время по своему быту не отличались отъ городскихъ, и сохраняли тѣже вѣчевые обычаи, собираясь на мірскія сходки для раскладки и разверстки повинностей, вообще для обсужденія своихъ хозяйственныхъ нуждъ. Но члены этихъ общинъ не были закрѣплены за той землей, которою пользовались; нерѣдко отдѣльныя семьи и даже цѣлые поселки, недовольные налогами или скудною почвою, оставляли прежнюю осѣдлость и переселялись на новыя мѣста. Такая подвижность земледѣльческаго населенія конечно не мало препятствовала правильному развитію сельскаго хозяйства; но она же много способствовала русской колонизаціи, т. е. заселенію или обрусѣнію обширныхъ пространствъ восточной и особенно сѣверовосточной Европы.

Рядомъ съ свободной сельской общиной возникали еще деревни и поселки изъ людей несвободныхъ. Какъ сами князья, такъ и пожалованные землями дружинники нерѣдко поселяли на пустующихъ мѣстахъ своихъ челядинцевъ или холоповъ, и устраивали тамъ дворы съ разными хозяйственными заведеніями. Но въ эпоху до-Татарскую количество такого холопскаго населенія было еще незначительно въ сравненіи съ свободнымъ сельскимъ населеніемъ ([40]).

Уже въ ту эпоху преобладающею на Руси промышленностью является земледѣліе. Развитіе его конечно находилось въ тѣсной связи съ почвою и климатомъ. Между тѣмъ какъ въ черноземной полосѣ южнорусской оно приносило богатую жатву, хотя и страдало иногда отъ засухи, саранчи, землеройныхъ животныхъ, червей и т. п. враговъ; въ сѣверныхъ краяхъ, особенно въ Новогородской землѣ, земледѣліе развивалось съ великимъ трудомъ. Ранніе осенніе или поздніе весенніе морозы нерѣдко побивали хлѣбъ и производили голод-

ные годы, и только подвозы изъ другихъ русскихъ областей или изъ чужихъ странъ спасали населеніе отъ мора. Между тѣмъ какъ въ южной полосѣ обиліе свободныхъ тучныхъ полей, при относительной малочисленности населенія, давало возможность часто распахивать и засѣвать цѣлину или новину, т. е. дѣвственную почву, а потомъ въ случаѣ истощенія запускать ее на долгое число лѣтъ; въ сѣверной полосѣ земледѣлецъ долженъ былъ вести упорную борьбу съ скудною почвою и непроходимыми лѣсами. Чтобы добыть кусокъ удобной земли, онъ расчищалъ участокъ лѣсу, вырубалъ и жегъ деревья; оставшаяся отъ нихъ зола служила удобреніемъ. Нѣсколько лѣтъ такой участокъ давалъ порядочный урожай; а когда почва истощалась, земледѣлецъ покидалъ ее и углублялся далѣе въ лѣсъ, расчищая новый участокъ подъ пашню. Такіе расчищаемые изъ подъ лѣсу участки назывались *притеребы*. Вслѣдствіе подобнаго передвижнаго земледѣлія и самое крестьянское населеніе усвоило себѣ подвижной характеръ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ наше крестьянство далеко во всѣ стороны распространяло славянорусскую колонизацію и своимъ потомъ или своею *страдою* (тяжелою работою) закрѣпляло новыя земли за Русскимъ племенемъ.

Разныя свидѣтельства удостовѣряютъ насъ, что обработка земли производилась тѣми же орудіями и способами, какіе сохранились на Руси до нашего времени. Весною сѣяли хлѣбъ яровой, а осенью озимой. На югѣ точно также болѣе пахали «плугомъ», а на сѣверѣ сохою или «раломъ»; запрягали въ нихъ коней, но по всей вѣроятности употребляли для плуга и воловъ; вспаханную ниву или «ролью» проходили бороной. Колосья снимали также «серпомъ» и «косою». Сжатый или скошенный хлѣбъ складывали въ копна, а потомъ свозили его въ гумна и клали тамъ въ «скирды» и «стога»; передъ молодьбою просушивали его въ «овинахъ», а молотили «цѣпами». Обмолоченное зерно или «жито» держали въ «клѣтяхъ», «сусѣкахъ» (закромахъ), но большею частію хоронили въ ямахъ. Мололи зерно въ муку преимущественно ручными жерновами; о мельницахъ упоминается еще рѣдко, и только о водяныхъ. Сѣно убирали также какъ теперь, т. е. косили траву на лугахъ (иначе «сѣножатяхъ» или «пожняхъ») и складывали въ стога. Главную статью хлѣбныхъ произведе-

ній и народной пищи уже тогда составляла рожь, какъ самое подходящее для русской почвы растеніе. На югѣ производилась и пшеница; кромѣ того упоминается просо, овесъ, ячмень, горохъ, полба, чечевица, конопля, ленъ и хмѣль; только гречи въ тѣ времена не встрѣчаемъ.

Что касается до разведенія овощей или огородничества, то и оно не было чуждо древней Россіи. Имѣемъ извѣстія объ огородахъ, разводимыхъ около городовъ и монастырей, особенно гдѣ нибудь на *болоньи*, т. е. въ низменномъ мѣстѣ подлѣ рѣки. Изъ огородныхъ растеній упоминаются рѣпа, капуста, макъ, тыква, бобы, чеснокъ и лукъ—все тѣже, которыя досел́ѣ составляютъ обычную принадлежность русскаго хозяйства. Имѣемъ указаніе на существованіе также въ городахъ и монастыряхъ садовъ, заключавшихъ разныя плодовыя деревья, а главнымъ образомъ яблоки. Орѣхи, ягоды и грибы конечно и тогда служили на потребу русскаго человѣка. Для зажиточныхъ людей торговля доставляла дорогія иноземныя овощи и плоды, привозимые съ юга, изъ предѣловъ Византійской имперіи, особенно сухой виноградъ или изюмъ.

Ржаной хлѣбъ издревле пекли кислымъ. Во время неурожаевъ бѣдные люди подмѣшивали другія растенія, особенно лебеду. Были хлѣбы и пшеничные. Изъ пшена приготовляли кашу; а изъ овса дѣлали кисель, который ѣли иногда съ медвяной сытой. Умѣли дѣлать сладкіе пироги съ медомъ и молокомъ. Изъ конопляннаго и льнянаго сѣмени выбивали масло; изъ молока также били масло; умѣли дѣлать и сыръ. Мясная пища повидимому была весьма распространена въ древней Руси, благодаря между прочимъ обилію дичи и постояннымъ занятіямъ охотою. Предки наши не только ѣли тетеревей, рябчиковъ, журавлей, оленей, лосей, туровъ, вепрей, зайцевъ, и пр.; но не гнушались медвѣжатиной и бѣлками; противъ чего возставало духовенство, относя ихъ къ «сквернѣ», т. е. къ нечистымъ животнымъ. Духовенство возставало и противъ употребленія въ пищу животныхъ, хотя бы чистыхъ, но незарѣзанныхъ, а удавленныхъ, считая послѣднихъ «мертвечиною»; сюда относило оно тетеревей и другихъ птицъ, которыхъ ловили силками. Во время голода простолюдины конечно не обращали вниманія на подобныя

запрещенія, и ѣли не только липовую кору, но и псину, кошекъ, ужей и т. п., не говоря уже о кониинѣ, которая въ языческія времена вообще употреблялась Русскими въ пищу. Главную же статью обычной мясной пищи доставляли конечно домашнія птицы и животныя: куры, утки, гуси, овцы, козы, свиньи и рогатый скотъ; послѣдній въ старину назывался «говядо». Строгое соблюденіе постовъ, которымъ отличалось русское православіе впослѣдствіи, въ первые три вѣка нашего христіанства еще только входило въ число благочестивыхъ обычаевъ, и, не смотря на усилія духовенства, многіе русскіе люди пока не отказывались отъ употребленія мяса въ постные дни.

Скотоводство было такое же распространенное на Руси занятіе какъ земледѣліе, но еще болѣе стародавнее. Разумѣется, оно не имѣло значительнаго развитія въ сѣверной лѣсной полосѣ, а процвѣтало болѣе въ южныхъ земляхъ, гдѣ было изобиліе пастбищъ и даже степныхъ пространствъ. Впрочемъ на сколько эти земли изобиловали рогатымъ скотомъ, мы не имѣемъ прямыхъ свѣденій. Встрѣчаемъ болѣе указаній на процвѣтаніе коневодства, но и то собственно княжескаго. О размѣрахъ сего послѣдняго можно судить по лѣтописному извѣстію о томъ, что у новгородъ-сѣверскихъ князей на одной только рѣчкѣ Рахнѣ паслось нѣсколько тысячъ кобылицъ (въ 1146 г.). Впрочемъ князья должны были прилагать особую заботу о конскихъ табунахъ уже потому, что они доставляли коней не только своей дружинѣ, но и частію земской рати, собиравшейся въ военное время. Кони знатныхъ людей обыкновенно отличались особымъ тавромъ или «пятномъ». Южная Русь пользовалась также сосѣдствомъ кочевыхъ народовъ, и пріобрѣтала отъ нихъ большое количество коней и воловъ путемъ торговли; а въ военное время стада и табуны степняковъ служили главною добычею русскихъ дружинъ; но и кочевники въ свою очередь при набѣгахъ угоняли русскій скотъ. Особенно славились иноходцы и скакуны угорскіе, которыхъ лѣтопись называетъ «фарями». Вообще «борзый» конь высоко цѣнился на Руси, и составлялъ утѣху русскаго молодца.

Наряду съ земледѣліемъ и скотоводствомъ важное мѣсто

въ народномъ хозяйствѣ занимало рыболовство, при великомъ обиліи рыбныхъ озеръ и рѣкъ. Оно издревле производилось тѣми же снастями и орудіями, какъ въ наше время, т. е. неводомъ, бреднемъ, длинною сѣтью или мрежею и удочкой. Наиболѣе распространенный обычай рыбной ловли былъ посредствомъ *ѣза*, т. е. перегородки изъ кольевъ, набитыхъ поперекъ рѣки, съ отверстіемъ въ срединѣ, тоже огороженнымъ, куда заходитъ рыба. На ряду съ дружинами звѣриныхъ ловцовъ князья имѣли цѣлыя дружины ловцовъ рыбныхъ; отправляясь на промыселъ, они обыкновенно назывались «ватагами»; а начальникъ ихъ именовался «ватаманомъ». Между прочимъ Новогородцы предоставляли своимъ князьямъ право посылать рыболовныя ватаги на сѣверное Поморье, именно на Терскій берегъ; а сами посылали свои ватаги на другіе берега Поморья, гдѣ кромѣ рыбы ловили также моржей и тюленей. Въ мѣстахъ особенно рыболовныхъ издревле образовался цѣлый классъ людей, занимавшихся преимущественно этимъ промысломъ. Вслѣдствіе запрещенія мяса инокамъ, монастыри особенно дорожили рыбными угодьями; а потому князья и богатые люди старались надѣлять ихъ такими водами, гдѣ въ изобиліи водилась рыба. Иноки сами занимались ловлею или получали рыбный оброкъ съ жителей, сидѣвшихъ на монастырской землѣ. Наиболѣе цѣнной рыбой на Руси считался всегда осетръ. Нужда запасаться рыбою на зимнее время, особенно съ постепеннымъ водвореніемъ постовъ, научила приготовлять рыбу въ прокъ, т. е. вялить ее и солить. Русскіе уже тогда умѣли приготовлять икру.

Соль получалась на Руси изъ разныхъ мѣстъ. Во первыхъ, она добывалась въ Галицкой землѣ на сѣверо - восточномъ склонѣ Карпатскихъ горъ; особенно извѣстны соляныя ломки въ окрестностяхъ Удеча, Коломыи и Перемышля. Изъ Галича соляные караваны направлялись въ Кіевскую землю или сухопутьемъ черезъ Волынь, или въ ладьяхъ спускались Днѣстромъ въ Черное море, а оттуда поднимались вверхъ по Днѣпру. Во вторыхъ, соль добывалась изъ Крымскихъ и Азовскихъ озеръ. Частію она также развозилась моремъ и Днѣпромъ, а частію сухопутьемъ на телѣгахъ. Уже тогда существовалъ повидимому особый промыселъ соляныхъ вощиковъ (чумаковъ), которые ѣздили изъ Южной Руси къ

этимъ озерамъ за солью. Пошлина съ соли составляла одну изъ статей княжихъ доходовъ; иногда торговля ею отдавалась на откупъ. Въ сѣверной Руси соль или получалась путемъ иноземной торговли, или добывалась посредствомъ выварки. Послѣдняя производилась и на берегахъ Бѣлаго моря, и въ разныхъ другихъ мѣстахъ, гдѣ почва была пропитана соляными осадками; особенно въ большомъ количествѣ добывалась она въ Старой Русѣ. Въ Новгородѣ существовалъ цѣлый классъ купцовъ, занимавшихся солянымъ промысломъ и называвшихся «прасолы». Въ Суздальской землѣ извѣстны своими варницами Солигаличъ, Ростовъ, Городецъ и пр. Выварка соли производилась очень просто: копали колодезь и дѣлали въ немъ растворъ; потомъ наливали этотъ растворъ на большую желѣзную сковороду («ценъ») или въ котелъ («салга») и посредствомъ кипяченія вываривали соль.

Обычные напитки древней Руси составляли квасъ, брага, пиво и медъ, которые варились дома; а вина получались путемъ иноземной торговли изъ Византійской Имперіи и Юго-западной Европы. Пиво варилось изъ муки съ солодомъ и хмѣлемъ. Но особенно распространеннымъ напиткомъ былъ медъ, который служилъ главнымъ предметомъ угощенія во время пировъ и попоекъ. Онъ варился съ хмѣлемъ и приправлялся нѣкоторыми пряностями. Русь, какъ извѣстно, любила выпить и съ радости, и съ горя, на свадьбѣ и на поминкахъ. Знатные и богатые люди вмѣстѣ съ виномъ и пивомъ держали всегда большіе запасы меду въ своихъ погребахъ, которые назывались по преимуществу «медушами». Какіе огромные запасы были у князей, мы видѣли при захватѣ двора сѣверскаго князя въ Путивлѣ, въ 1146 году, и это весьма понятно; такъ какъ князья должны были постоянно угощать крѣпкимъ медомъ свою дружину. Въ тѣ времена, когда еще не знали употребленія сахару, медъ служилъ на Руси приправою не однихъ напитковъ, но и сладкихъ яствъ. Такому великому запросу на него удовлетворялъ широко распространенный пчелиный промыселъ или *бортничество*. Бортью называлось естественное или выдолбленное въ старомъ деревѣ дупло, въ которомъ водились дикія пчелы; а роща съ такими деревьями называлась бортнымъ угодьемъ или «ухожаемъ». Бортный промыселъ встрѣчается на всемъ про-

странствѣ Русской земли, при различныхъ условіяхъ почвы и климата. Князья въ своихъ волостяхъ на ряду съ звѣриными и рыбными ловцами имѣли и особыхъ бортниковъ, которые занимались бортными ухожаями и варкою меда. Иногда эти ухожаи отдавались вольнымъ людямъ съ условіемъ платить князю извѣстную часть меда. Кромѣ того въ числѣ даней и оброковъ въ княжую казну видную часть составлялъ и медъ. Обычною мѣрою для того служило «лукно» или опредѣленной величины коробъ изъ лубка (откуда наше «лукошко»). Бортники въ сѣверовосточной Россіи назывались еще «древолазами»: требовалась нѣкоторая ловкость и привычка лазить по деревьямъ; такъ какъ медъ приходилось иногда доставать на значительной высотѣ. Вообще бортный промыселъ былъ очень выгоденъ, потому что кромѣ меда онъ доставлялъ и воскъ, который не только шелъ на свѣчи для храмовъ и зажиточныхъ людей, но и составлялъ весьма значительную статью отпуска въ нашей торговлѣ съ иноземцами ([41]).

Жилища древней Руси, при изобиліи лѣсу, были сплошь деревянныя, начиная отъ хижины бѣднаго селянина до палатъ княжескихъ. Основою русскаго жилья послужилъ бревенчатый, квадратный срубъ или такъ называемая «клѣть»; а когда эта клѣть снабжалась очагомъ или печью, то называлась «истопка» или «изба». Нѣсколько клѣтей, связанныхъ въ одно цѣлое, получали названіе «хоромъ». Жилище богатаго человѣка отъ бѣднаго собственно отличалось количествомъ клѣтей или обширностью хоромъ. Обыкновенно хоромы состояли изъ трехъ главныхъ частей: во первыхъ, зимнее жилье или изба, во вторыхъ, собственно клѣть или жилье лѣтнее безъ печи, служившее зимой вмѣсто кладовой; между ними находилась третья, просторная и свѣтлая, комната, называвшаяся *сѣни* или *сѣнница*, служившая пріемной для гостей. Русскіе люди любили строить высокіе хоромы; означенныя три части составляли обыкновенно второй ярусъ зданія; подъ ними находились подклѣты, куда складывались разные хозяйственные припасы и принадлежности; въ нихъ же заключались погреба и медуши. А къ сѣнямъ пристраивались на столбахъ ступени или лѣстница съ крытой площадкой на верху; что и называлось «крыльцомъ». Самыя сѣни иногда утверждались

на столбахъ, безъ подклѣта; по крайней мѣрѣ такъ можно заключать изъ нѣкоторыхъ мѣстъ лѣтописи, когда мятежная толпа подрубала или грозила подрубить сѣни. Надъ послѣдними еще надстраивалась свѣтлая горница, *теремъ* или «повалуша»; потомъ словомъ «теремъ» стали обозначать вообще высокое жилье. Кровля обыкновенно дѣлалась крутая, двускатная. Верхнее ребро этихъ скатовъ называлась «кнесомъ» (князёмъ); по концамъ его обыкновенно красовались рѣзные коньки, т. е. двѣ конскія головы, обращенныя въ разныя стороны. Покрывалась кровля соломою, а у богатыхъ тесомъ или гонтомъ, т. е. мелкими дощечками, такъ что гонтовое покрытіе имѣло видъ чешуи. Хоромы стояли посреди двора, огороженнаго тыномъ или плетнемъ; по угламъ и сторонамъ его располагались хлѣвы, конюшни и другія постройки для челяди, домашняго скота, птицы, для сѣна, хлѣба и прочихъ хозяйственныхъ предметовъ. Баня или мовница повидимому служила принадлежностію всякаго зажиточнаго дома.

Разумѣется, чѣмъ зажиточнѣе былъ хозяинъ, тѣмъ просторнѣе его дворъ и сложнѣе его хоромы; они заключали по нѣскольку сѣней, клѣтей и теремовъ. Судя по остаткамъ городскихъ валовъ, видно, что въ городахъ было немного мѣста для дворовъ и вообще жили тѣсно. Поэтому богатые люди, въ особенности князья любили болѣе пребывать въ своихъ обширныхъ загородныхъ жилищахъ, называя ихъ обыкновенно «раемъ», «краснымъ дворомъ», «краснымъ селомъ» и т. п. Отличительною принадлежностью княжихъ хоромъ или теремовъ между прочимъ служили просторныя сѣни или столовая комната, въ которой князья проводили время съ своей дружиной въ совѣтѣ и пирахъ; были особыя клѣти для пребыванія очередныхъ гридей или дружинниковъ, охранявшихъ князя; такія клѣти назывались «гридницей». Терема княжескіе украшались рѣзными карнизами, расписывались внутри и снаружи разноцвѣтными красками. На верху вдоль кнеса повидимому шелъ гребень, расписанный разными узорами съ позолотой; а можетъ быть позолотой украшался потолокъ; по крайней мѣрѣ названіе терема «златоверхимъ» встрѣчается и въ народныхъ пѣсняхъ, и въ Словѣ о Полку Игоревѣ. Такъ въ Словѣ великій князь Святославъ Всеволодовичъ, передавая

боярамъ свой недобрый сонъ, говоритъ: «уже доски безъ кнеса (стоятъ) въ моемъ теремѣ златоверхемъ».

Свое пристрастіе къ пестрымъ, узорчатымъ украшеніямъ древняя Русь безъ сомнѣнія вполнѣ прилагала къ жилищамъ. Затѣйливая рѣзьба и раскраска покрывали конечно переднія, лицевыя стороны; особенно испещрялись ими наличники оконъ; такъ что древніе русскіе хоромы, при недостаткѣ правильности и соотвѣтствія въ частяхъ (симметріи), отличались несомнѣнною живописностію и вкусомъ. Относительно узорчатой рѣзьбы Русь издавна достигла значительной художественности. Вообще деревянное мастерство или плотничество несомнѣнно процвѣтало на лѣсномъ сѣверѣ. Новогородцы особенно славились этимъ мастерствомъ. Еще въ началѣ XI вѣка Кіевляне при встрѣчѣ съ ними, подъ Любечемъ, кричали: «а вы плотницы суще, а приставимъ васъ хоромъ рубити». По нѣкоторымъ признакамъ уже тогда существовали плотничьи товарищества или артели, и значительныя постройки, каковы дома богатыхъ людей, храмы, городскія стѣны, башни, мосты и т. п. совершались на началахъ подряда, артелями, во главѣ которыхъ стояли извѣстные мастера. А въ южной Руси, въ мѣстахъ бѣдныхъ лѣсомъ конечно и въ ту эпоху сельскія жилища подходили къ малорусскимъ хатамъ нашего времени; т. е. стѣны ихъ состояли изъ плетня или жердей обмазанныхъ глиною и выбѣленныхъ мѣломъ.

Каменныя постройки на Руси были еще очень рѣдки. Самое мастерство каменьщиковъ стало распространяться только вмѣстѣ съ сооруженіемъ богатыхъ храмовъ, башенъ или вежъ и нѣкоторыхъ городскихъ стѣнъ, подъ вліяніемъ мастеровъ греческихъ и нѣмецкихъ. Однако лѣтопись еще до Владиміра Великаго упоминаетъ въ Кіевѣ о каменномъ теремѣ княжескомъ. Въ слѣдующіе вѣка число каменныхъ теремовъ на княжихъ дворахъ безъ сомнѣнія стало умножаться. Въ XII вѣкѣ каменное мастерство уже настолько подвинулось въ Суздальской Руси, что Владимірцы сдѣлались имъ особенно извѣстны. Ростовцы не даромъ же отзывались о нихъ въ 1175 г.: «то наши холопы и каменьщики». Не говоря о многихъ каменныхъ храмахъ, воздвигнутыхъ въ этомъ краѣ, и доселѣ въ Боголюбовѣ сохраняется часть каменныхъ палатъ Андрея Боголюбскаго.

Деревяннымъ постройкамъ древней Руси соотвѣтствовала и домашняя утварь, которая также выдѣлывалась по преимуществу изъ дерева. Въ источникахъ встрѣчаемъ тѣже названія посуды и утвари, которыя и доселѣ существуютъ въ Русскомъ быту; напримѣръ: столъ, столецъ (стулъ), скамья, кровать («тесовая»), ларь, бчелка (бочка), ведро, лохань, блюдо, чаша, лотокъ, ковшъ, ложка и т. д. Все это указываетъ на существованіе промысловъ столярнаго, токарнаго, бондарнаго и т. п. Были въ большомъ употребленіи издѣлія изъ лубка, лыка и мочала, каковы: сита, рѣшета, коробья, лукна, рогожи и пр.

Древняя Русь однако не ограничивалась одною деревянною утварью. Мы имѣемъ положительныя свидѣтельства, что существовали разныя металлическія мастерства; особенно процвѣталъ кузнечный промыселъ, который приготовлялъ домашнія орудія и утварь изъ желѣза, мѣди и олова, напримѣръ: котлы, сковороды, замки, пилы, косы, серпы, долота, заступы, рала, гвозди, ножи, топоры и т. д. Издѣлія изъ дорогихъ металловъ, доступныя только высшимъ сословіямъ или шедшія на украшенія и утварь церковную, частію доставляла иноземная торговля, но частію и собственное Русское мастерство. Такъ встрѣчаются извѣстія о серебряныхъ чашахъ, блюдахъ и ложкахъ, золотыхъ и серебряныхъ кубкахъ, турьихъ рогахъ, служившихъ вмѣсто стакановъ и оправленныхъ въ серебро или золото, а въ особенности о серебряныхъ и золотыхъ оправахъ крестовъ, иконъ и богослужебныхъ книгъ, преимущественно Евангелія, также о золотыхъ и серебряныхъ гривнахъ, обручахъ или монистахъ и другихъ украшеніяхъ мужскаго и женскаго наряда. Издѣлія эти восходятъ ко временамъ еще языческимъ; ибо уже въ договорѣ Игоря съ Греками упоминается о русскихъ печатяхъ, золотыхъ и серебряныхъ: первыя служили въ Царьградѣ знакомъ русскихъ пословъ, а вторыя гостей. Въ могильныхъ курганахъ отдаленной эпохи встрѣчаются многія украшенія изъ золота и серебра, еще болѣе конечно мѣдныхъ и желѣзныхъ вещей.

Лѣтописи упоминаютъ о присутствіи на Руси художниковъ греческихъ и нѣмецкихъ (а въ юго-западной Руси и поль-

скихъ). Но нѣтъ сомнѣнія, что даровитый Русскій народъ имѣлъ своихъ собственныхъ мастеровъ почти по всѣмъ отраслямъ художества. Напримѣръ, на существованіе русскихъ литейщиковъ, приготовлявшихъ вещи изъ свинцу и мѣди, а также умѣвшихъ дѣлать изъ нихъ сплавы въ родѣ бронзы, указываютъ лѣтописныя извѣстія въ особенности по поводу построенія храмовъ; для сихъ послѣднихъ отливались колокола, устроивались мѣдныя или бронзовыя врата, мѣдныя или свинцовыя кровли и помосты, иногда слитые изъ олова и мѣди. Для исполненія такихъ работъ требовалось значительное количество людей свѣдущихъ.

Источники передаютъ намъ немногія имена туземныхъ мастеровъ той эпохи; тѣмъ съ большимъ тщаніемъ исторія должна сохранять эти имена для потомства.

Изъ русскихъ зодчихъ извѣстны: «мастеръ» *Петръ*, который, по словамъ лѣтописи, «трудился» надъ сооруженіемъ каменнаго храма Св. Георгія въ новогородскомъ Юрьевѣ монастырѣ, по порученію князя Всеволода-Гавріила, въ 1119 году; «художникъ» *Милонѣгъ*, въ крещеніи также Петръ, возведшій въ 1200 г. стѣну подъ Выдубецкимъ монастыремъ, по порученію великаго князя Рюрика; *Коровъ Яковлевичъ*, «мастеръ» съ Лубянской улицы въ Новгородѣ, построившій каменную монастырскую церковь Св. Кирилла въ 1201 г., на иждивеніе двухъ богатыхъ бояръ; *Алекса*, «мужъ хитръ», котораго въ 1276 г. волынскій князь Владиміръ Васильковичъ послалъ строить городъ Каменецъ (Литовскій) и который уже при отцѣ его Василькѣ многіе города «рубилъ» (то-есть строилъ ихъ дубовыя стѣны). Рубруквисъ, посолъ французскаго короля Людовика IX къ великому хану Мангу, въ половинѣ XIII вѣка, говоритъ объ одномъ молодомъ Русскомъ въ Ордѣ (не называя его по имени), который хорошо зналъ строительное искусство.

Изъ другихъ художниковъ упоминаются: *Авдій* «хитрецъ» или ваятель, который украсилъ рѣзанными на камнѣ узорами двери храма св. Іоанна, воздвигнутаго въ Холмѣ Даніиломъ Романовичемъ; золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеръ *Лазаръ Богша*, соорудившій крестъ по заказу Евфросиніи Полоцкой въ 1161 г., и другой золотыхъ дѣлъ мастеръ *Кузьма*, взятый въ плѣнъ Монголами, котораго встрѣтилъ въ

главной ордѣ Плано Карпини; послѣднiй видѣлъ его работы тронъ и печать, изготовленные для хана Гаюка.

Далѣе извѣстны: *Нежила* «серебряникъ», и *Гаврило* «щитникъ», оба Новогородцы, павшiе въ бою съ Литвою въ 1234 г.; *Антонъ* «котельникъ», тоже Новогородецъ, который палъ въ извѣстной Липецкой битвѣ съ Суздальцами въ 1216 году. А въ 1200 г. въ одной битвѣ съ Литвою въ числѣ павшихъ Новгородцевъ находился Страшко «сребреникъ вѣсецъ», то-есть надзиравшiй за достоинствомъ или пробою серебряныхъ издѣлiй, поступавшихъ въ торговлю; но вѣроятно онъ и самъ былъ мастеръ.

По поводу Татарскаго нашествiя волынскiй лѣтописецъ говоритъ о великомъ числѣ всякаго рода мастеровъ, бѣжавшихъ изъ варварскаго плѣна; въ томъ числѣ были «сѣдельники», и «лучники», «тульники» и «кузнецы желѣзу, мѣди и сребру».

Относительно той отрасли художества, которая впослѣдствiи приняла на Руси весьма обширные размѣры, то-есть церковнаго иконописанiя, мы имѣемъ изъ эпохи до-Татарской одно только русское имя; то былъ *Алимпiй*, монахъ Кiевопечерской обители, ученикъ тѣхъ цареградскихъ мастеровъ, которые расписывали печерскiй Успенскiй храмъ. Въ этой отрасли учителями нашими были исключительно Греки. («Греческое» и «Корсунское» письмо). Повидимому всѣ главные храмы русскiе того времени расписывались греческими мастерами и сохранившiеся образцы церковныхъ фрескъ свидѣтельствуютъ о полномъ господствѣ на Руси современнаго имъ Византiйскаго стиля, съ его, соотвѣтствующими религiозному настроенiю, строгими ликами и умѣренными, сухими тонами раскраски. Нѣтъ сомнѣнiя однако, что уже въ ту эпоху греческiе мастера имѣли многочисленныхъ русскихъ учениковъ. Кромѣ иконъ, писанныхъ на доскѣ, внутреннiя стѣны храмовъ тогда сплошь покрывались фресковымъ расписанiемъ; такъ что одни Греки уже съ самаго начала не могли удовлетворять великому запросу на иконописцевъ, и конечно исполняли свои работы при помощи русскихъ учениковъ. Вѣроятно къ концу даннаго перiода уже существовали русскiя товарищества или «дружины» иконописцевъ, которые работали подъ руководствомъ своихъ «старѣйшинъ» и брали подряды на расписанiе

церквей, какъ это мы видимъ немного позднѣе въ Новгородѣ и вообще въ Сѣверной Руси. Но мастера, руководившіе такими дружинами, повидимому, еще долгое время были Греки. Такъ, по извѣстію лѣтописи въ концѣ XII в. въ Новгородѣ расписалъ одну церковь на воротахъ кремля *Гречинъ Петровичъ*; имя его однако обличаетъ въ немъ не природнаго Грека, а скорѣе южнаго Славянина, прибывшаго изъ предѣловъ Греческой имперіи.

Стѣсненные твердо установленными преданіями и правилами греческаго иконописанія, русскіе живописцы мало могли проявлять свои вкусы и свою творческую способность въ произведеніяхъ этой отрасли искусства. Но есть другаго рода памятники, которые наглядно свидѣтельствуютъ объ ихъ игривомъ воображеніи, объ ихъ способности не къ одному только рабскому подражанію. Это рисунки заставокъ и заглавныхъ буквъ, которыми обильно украшены страницы нѣкоторыхъ рукописныхъ книгъ, дошедшихъ до насъ отъ той эпохи (начиная съ Остромірова Евангелія). Образцами для нихъ конечно послужили таковыя же византійскія и отчасти болгарскія миньятюры; но русское художество внесло сюда много своеобразныхъ подробностей, а также замѣчательное, живое сочетаніе красокъ и формъ. Отличительную черту этихъ рисунковъ составляетъ прихотливое сплетеніе ремней и вѣтокъ съ разными фантастическими звѣрями и птицами, особенно съ драконами и зміями, которые своими хвостами перевиваютъ фигуры людей и звѣриныхъ чудовищъ. Стиль этихъ произведеній находится въ полномъ соотвѣтствіи съ помянутыми выше затѣйливыми обронными узорами и изображеніями на стѣнахъ суздальскихъ храмовъ. Есть извѣстія, что такія же обронныя украшенія на церковныхъ стѣнахъ употреблялись не только въ сѣверовосточной или Суздальской Руси, но также и въ югозападной или Волынско-Галицкой, и что скульптурныя изображенія покрывались еще разными красками и позолотою.

Нѣтъ сомнѣнія, что во всѣхъ подобныхъ украшеніяхъ (*орнаментахъ*) въ сильной степени проявилось самостоятельное русское художество и своеобразный русскій вкусъ. Сей послѣдній при извѣстной даровитости племени, съ незапамятныхъ временъ воспитывался на роскошныхъ образцахъ искусства и промышленности какъ греческой, такъ и восточной

(преимущественно персидской), которые путемъ военной добычи, торговыхъ и другихъ сношеній постоянно притекали въ Восточную Европу. О чемъ наглядно свидѣтельствуютъ многія металлическія издѣлія, покрытыя изящными орнаментами, и остатки узорчатыхъ тканей, находимые въ могилахъ языческой Руси. (Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи пара турьихъ роговъ, найденная въ большомъ Черниговскомъ курганѣ, окованная серебромъ съ изображеніями переплетающихся между собою фантастическихъ птицъ и растеній) ([12]).

Какъ въ своихъ жилищахъ и постройкахъ древняя Русь обнаруживала много своеобразнаго вкуса и соотвѣтствія съ окружавшей природою, такъ своеобразна была она и въ одеждѣ своей, хотя многое заимствовала у другихъ народовъ, особенно у Византійцевъ по части дорогихъ тканей и украшеній. Основную одежду составляли полотняная сорочка или рубашка и узкое нижнее платье, запущенное въ сапоги. Поверхъ сорочки надѣвалась «свита» или «кожухъ». Это было платье съ рукавами болѣе или менѣе длинное, обыкновенно спускавшееся ниже колѣнъ и подпоясанное. Дружинники и торговцы поверхъ свиты надѣвали плащъ, называвшійся «корзно» или «мятль» (т. е. мантія), который обыкновенно застегивался на правомъ плечѣ, чтобы оставить свободною правую руку. У простыхъ людей сорочки и свиты конечно дѣлались изъ грубыхъ полотенъ и шерстяныхъ тканей; а богатые носили болѣе тонкія суконныя ткани и нерѣдко шелковыя. У людей знатныхъ, у бояръ и князей, на свиту употреблялись такія дорогія привозныя ткани какъ греческія паволоки разнообразныхъ цвѣтовъ, синія, зеленыя и особенно красныя (багряница или червленица). Подолъ обшивался золотою или узорчатою каймою; нижняя часть рукавовъ покрывалась золотистыми «поручами»; атласный воротникъ былъ также золотистый. На груди нашивались иногда петлицы изъ золотаго позумента; кожаный поясъ или кушакъ богатыхъ людей украшался золотыми или серебряными бляшками, дорогими камнями и бисеромъ. Сапоги они носили изъ цвѣтнаго сафьяна и нерѣдко расшитые золотою ниткою. На корзно богатые люди употребляли самыя дорогія ткани, особенно оксамитъ. Это была привозимая изъ Греціи золотная или серебряная ткань, рас-

шитая разноцвѣтными шелковыми разводками и узорами и очень плотная. Довольно высокая шапка или, какъ тогда называлось, «клобукъ» у знатныхъ людей имѣлъ верхъ цвѣтнаго бархата и соболиную опушку. Извѣстно, что князья не снимали свои клобуки даже и при богослуженіи. Въ зимнее время конечно были въ употребленіи мѣховыя одежды, у богатыхъ изъ дорогихъ мѣховъ, а у простыхъ людей бараньи. Самое слово кожухъ по всей вѣроятности первоначально означало тоже что наше полушубокъ, т. е. свиту изъ бараньяго мѣха. Была также въ употребленіи теплая шерстяная свита или фофудья (фуфайка).

Роскошь наряда выражалась болѣе всего въ разнаго рода дорогихъ украшеніяхъ и привѣскахъ. Самымъ обычнымъ и самымъ древнимъ украшеніемъ Руси были гривны или металлическіе обручи, которые носили на шеѣ (на гривѣ); у бѣдныхъ это просто крученыя проволоки мѣдныя или бронзовыя, а у богатыхъ серебряныя и золотыя. Находимыя нерѣдко въ числѣ другихъ предметовъ древности, попадаются русскія гривны весьма изящной работы. Кромѣ гривны носили еще на шеѣ ожерелья или мониста, которыя состояли или также изъ крученой проволоки, или изъ цѣпи съ разными привѣсками. Изъ послѣднихъ наиболѣе распространенными были: металлическія и финифтяныя бляхи («цаты»), спущенное на грудь подобіе коня, составленное изъ пластинокъ и колецъ (вѣроятно то, что въ лѣтописи названо «сустугъ»), а въ христіанскія времена и крестъ. Носились также металлическія кольца или браслеты на рукахъ («запястья»), шарообразныя металлическія пуговицы, пряжки для застегиванія, перстни т. п. Князья русскіе сверхъ того при парадной одеждѣ имѣли бармы, т. е. широкое оплечье, шитое золотомъ или обложенное жемчугомъ, дорогими каменьями и золотыми бляхами съ разными на нихъ изображеніями.

Женскій нарядъ отличался еще бо̀льшимъ обиліемъ украшеній; между ними первое мѣсто занимали разнообразныя ожерелья, бисерныя или изъ цвѣтныхъ стеклянныхъ бусъ, у бѣдныхъ же просто изъ обточенныхъ камушковъ. Въ особенности были обычны женскія ожерелья или мониста, увѣшанныя монетами; для чего употреблялись монеты получаемыя изъ разныхъ странъ, но болѣе всего серебряныя восточныя деньги. Пристрастіе къ

металлическимъ обручамъ доходило до того, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ женщины когда-то носили браслеты на ногѣ или кольцо на большомъ пальцѣ ноги. Серьги были въ общемъ употребленіи; ихъ имѣли даже мущины (обыкновенно въ одномъ ухѣ). Самую обычную форму серегъ составляла кольцомъ завитая проволока съ тремя надѣтыми на нее шариками, мѣдными, серебряными или золотыми. Головные женскіе уборы также обсаживались бисеромъ или жемчугомъ, обвѣшивались монетами и другими привѣсками. У замужнихъ женщинъ было въ обычаѣ накрывать голову «повоемъ»» (повойникомъ). Выше мы видѣли свидѣтельство о томъ, какъ усиливалась роскошь особенно между женщинами, при ихъ страсти къ дорогимъ нарядамъ. Въ XIII вѣкѣ лѣтописецъ, вспоминая простоту быта древнихъ князей и дружинниковъ, говоритъ, что послѣдніе не возлагали на своихъ женъ золотыхъ обручей; но ходили ихъ жены въ серебрѣ. Роскошь выражалась также въ дорогихъ мѣхахъ. Извѣстный посолъ Людовика IX къ Татарамъ, Рубруквисъ замѣтилъ, что русскія женщины носили платья, внизу обложенныя горностаями.

Что касается до волосъ и бороды, то Русь послѣ принятія христіанства очевидно подчинялась въ этомъ отношеніи греческому вліянію; она покинула привычку выбривать почти всю голову и бороду, оставляя чубъ и усы. На изображеніяхъ мы видимъ ее уже съ довольно длинными волосами и съ бородою; только юноши изображаются безбородые. Впрочемъ обычай бриться уступалъ постепенно. Такъ изображенія князей въ рукописяхъ и на монетахъ XI вѣка имѣютъ коротко подстриженную бороду; а въ концѣ XII вѣка видимъ у нихъ уже длинную бороду, по крайней мѣрѣ на сѣверѣ (изображеніе Ярослава Владиміровича въ Спасъ-Нередицкой церкви).

Вооруженіе древней Руси было почти такое же какъ и у другихъ европейскихъ народовъ въ средніе вѣка. Главную часть оружія составляли мечи, копья или сулицы и луки со стрѣлами. Кромѣ прямыхъ обоюду-острыхъ мечей употреблялись и сабли, то-есть съ кривыми восточными клинками. Употреблялись еще сѣкиры или боевые топоры. Между простымъ народомъ было въ обычаѣ имѣть при себѣ ножъ, который носили или за поясомъ, или прятали въ сапогъ. Обо-

ронительное оружіе или доспѣхъ составляли: желѣзная броня, преимущественно кольчужная, а иногда и досчатыя латы («панорзи»); далѣе, желѣзный шлемъ воронкообразной формы съ кольчужною сѣткою вокругъ шеи, и большой деревянный щитъ, обшитый кожею и окованный желѣзомъ, широкій наверху и съуживающійся къ низу, притомъ окрашенный въ любимый Русью красный цвѣтъ (червленый). Лучшее, дорогое оружіе получалось путемъ торговли изъ другихъ странъ, изъ Греціи, Западной Европы и съ востока. Такъ слово о Полку Игоревѣ воспѣваетъ шеломы латинскіе и аварскіе, сулицы ляцкія, а мечи называетъ «харалужными», то-есть изъ восточной вороненой стали. У князей и бояръ оружіе украшалось серебромъ и золотомъ, особенно шлемы, на которыхъ отчеканивались нерѣдко лики святыхъ и другія изображенія. На шлемъ надѣвался иногда мѣховой чахолъ или «прилбица». Тулы (колчаны), вмѣщавшіе стрѣлы, также покрывались иногда мѣхомъ. Сѣдла и ременная конская сбруя украшались металлическими бляхами и разными привѣсками. Стремена у князей, повидимому, бывали позолоченныя («Вступи Игорь князь въ златъ стремень», говоритъ Слово). Верховая ѣзда уже потому была въ общемъ употребленіи, что она служила главнымъ средствомъ сухопутнаго передвиженія; на «колахъ» (то-есть на телѣгѣ) и на саняхъ перевозили тяжести, а также женщинъ, людей немощныхъ и лица духовныя. Любопытно, что въ составѣ конской упряжи источники не упоминаютъ о дугѣ; возница сидѣлъ верхомъ на запряженномъ конѣ; о чемъ свидѣтельствуютъ и нѣкоторые рисунки въ рукописяхъ того времени ([43]).

Главнымъ средствомъ сообщенія служило судоходство: по рѣкамъ совершались и торговое движеніе, и военные походы. Но значительную часть года, особенно въ Сѣверной Руси, рѣки были покрыты льдомъ; кромѣ того между рѣчными системами залегали такъ-называемые «волоки», по которымъ сообщеніе происходило сухопутьемъ, то-есть перевозили товары и всякія тяжести на кòлахъ или на саняхъ. Самое удобное время для сухопутныхъ обозовъ, конечно, была зима, когда рѣчки, болота и топи затягивались крѣпкою корою; во всякое же другое время, особенно весной и осенью, грязи и топи представляли великія препятствія для сообщенія. Непроходимыя дебри

и непроглядныя лѣсныя трущобы, обильныя хищными звѣрями, также служили немалымъ затрудненіемъ; въ послѣднихъ легко было заблудиться и погибнуть безъ вѣсти. Поэтому устройство гатей, мостовъ, лѣсныхъ просѣкъ и рѣчныхъ переправъ на важнѣйшихъ путяхъ издавна было одною изъ главныхъ заботъ правителей и населенія. Но и зимой русскому человѣку нерѣдко приходилось бороться съ жестокими морозами, сильными вьюгами и глубокими снѣгами. Въ постоянной борьбѣ со всѣми этими трудностями закалялись энергія и терпѣніе Русскаго народа. Онъ съумѣлъ преодолѣть многочисленныя естественныя препятствія и воспользоваться нѣкоторыми благопріятными условіями, особенно богатою рѣчною сѣтью, чтобы проникнуть въ самые далекіе, глухіе края Восточной Европы, проторить къ нимъ дороги, завести въ нихъ поселенія и починки и оживить ихъ своею промышленною и торговою предпріимчивостію.

Рынки или «торги» составляли необходимую принадлежность не только города, но и всякаго значительнаго селенія. Сюда собирались крестьяне изъ окрестныхъ мѣстъ и обмѣнивали свои произведенія на желѣзныя или мѣдныя орудія, утварь и пр. Стольные княжіе города были вмѣстѣ и важнѣйшими торговыми пунктами, куда направлялись товары изъ далекихъ областей Руси. Главнымъ средоточіемъ торговаго движенія въ Южной Руси служили Кіевъ и Черниговъ, а въ Сѣверной Новгородъ и Смоленскъ. Напримѣръ, въ Кіевъ направлялись караваны съ солью какъ отъ Таврическихъ озеръ, такъ и съ Карпатскихъ горъ изъ галицкихъ копей. А въ Новгородъ шли обозы съ хлѣбомъ изъ краевъ суздальскихъ и рязанскихъ. Своею предпріимчивостію во внутренней торговлѣ сѣверно-русскіе торговцы, кажется, превосходили южнорусскихъ. Такъ новогородскихъ гостей, а отчасти и смоленскихъ можно было встрѣтить почти во всѣхъ областяхъ Русскихъ; ростовско-суздальскіе гости ѣздили въ Кіевъ и Черниговъ. Благодаря такому взаимному обмѣну товаровъ между русскими областями, внутренняя торговля на Руси была довольно развита и удовлетворяла насущнымъ потребностямъ населенія. За то въ торговлѣ внѣшней, въ сношеніяхъ съ иноземцами купцы южно-русскіе, то-есть галицкіе, кіевскіе,

черниговскіе и переяславскіе, не уступали и самимъ Новогородцамъ. Торговыя сношенія Южной Руси были направлены преимущественно на Византійскую имперію. Хотя Половецкія орды и стѣсняли движеніе по Днѣпровскому пути; но извѣстно, что судовые караваны нашихъ «гречниковъ» продолжали плавать почти ежегодно по этому пути; а смѣлые русскіе гости ходили съ своими обозами сухопутьемъ даже сквозь степь Половецкую въ Тавриду, къ устьямъ Дона, Кубани и къ Нижней Волгѣ, гдѣ мѣняли мѣха, невольниковъ и другія произведенія своей земли на товары греческіе, итальянскіе и восточные или азіатскіе. Съ востока изъ мусульманскихъ странъ получались, между прочимъ, пряныя коренья, бисеръ, жемчугъ и серебряная монета въ большомъ количествѣ. Въ свою очередь иноземные купцы проникали въ Южную Русь, и многіе изъ нихъ постоянно пребывали въ Кіевѣ. Между прочимъ сюда въ XII вѣкѣ пріѣзжали для закупки мѣховъ купцы изъ дальнихъ краевъ Германіи и западнаго Славянства, напримѣръ изъ Баваріи и Чехіи: Одинъ польскій лѣтописецъ (Мартинъ Галлъ) замѣтилъ, что самая Польша служила для иноземныхъ купцовъ только дорогою въ Русь.

Между тѣмъ какъ суздальское купечество ѣздило въ Камскую Болгарію, въ землю Мордвы и другихъ сосѣднихъ Финновъ, новогородскіе торговцы съ одной стороны по судоходнымъ рѣкамъ проникали въ Заволочье и къ Уральскому хребту; а съ другой они не довольствовались постояннымъ пребываніемъ у себя варяжскихъ и нѣмецкихъ гостей; но сами плавали по Балтійскому морю, отправляясь за нѣмецкими и варяжскими товарами на островъ Готландъ и промышленные города Славяно-Германскаго поморья. Въ торговлѣ съ Западною Европою дѣятельное участіе принимали еще Смольняне, Витебляне и Полочане. На сырыя произведенія Русской земли, преимущественно мѣха, воскъ и кожи, а также на дорогіе товары греческіе и восточные Сѣверозападная Русь вымѣнивала европейскія сукна, полотна, металлическія издѣлія вина, сельдей, серебро, хлѣбъ, соль и пр.

Торговое движеніе въ древней Россіи должно было преодолѣвать великія препятствія, полагаемыя природою и людьми. Съ одной стороны долгіе и трудные пути сообщенія, особенно частая распутица, съ другой недостатокъ правосудія, на-

родныя смуты, княжія междоусобныя войны, нападенія хищныхъ Половцевъ и другихъ сосѣдей, а также грабежи собственныхъ русскихъ повольниковъ, бродниковъ и вообще разбойничьихъ шаекъ—все это ложилось тяжелымъ бременемъ на промышленность и торговлю, а слѣдовательно и на цѣны товаровъ. И надобно удивляться энергіи и предпріимчивости русскаго торговаго люда, умѣвшаго бороться съ такими препятствіями. Немалое затрудненіе встрѣчалъ онъ и со стороны частыхъ заставъ, на которыхъ взималась съ товара пошлина или мытъ. Эти мытныя заставы, воздвигаемыя ради умноженія княжихъ доходовъ, устроивались обыкновенно на мосту, на перевозѣ, при въѣздѣ въ городъ. Далѣе, существовали пошлины при складѣ товара въ гостинномъ дворѣ, на торгу или на рынкѣ, «помѣрное» (въ продажѣ на мѣру), «вѣсчее» (при продажѣ на вѣсъ) и т. д. Пошлины эти хотя сами по себѣ были и невелики, но многочисленны, и, при частыхъ злоупотребленіяхъ или вымогательствахъ отъ мытниковъ и другихъ чиновниковъ княжихъ, замедляли торговые обороты и возвышали цѣну товаровъ.

За недостаткомъ собственной монеты торговля древней Руси была по преимуществу мѣновая, въ особенности съ иноземцами. Значительная часть торговыхъ оборотовъ совершалась на вѣру, то-есть въ кредитъ; о чемъ ясно свидѣтельствуетъ Русская Правда, которая посвящаетъ нѣсколько статей порядку взысканія долговъ съ несостоятельнаго торговца. На существованіе кредита указываетъ и такъ называемое «рѣзоиманіе», то-есть ссуда денегъ или вещей ради «лихвы» или роста. Духовенство въ своихъ поученіяхъ сильно возставало противъ высокихъ процентовъ, которыми заимодавцы угнетали своихъ должниковъ, и грозило первымъ вѣчною мукою, особенно тѣмъ, которые обращали бѣдныхъ должниковъ въ свои холопы. Но въ обществѣ еще мало развитомъ, при недостаткѣ безопасности и большомъ рискѣ, проценты неизбѣжно бываютъ высоки. Судя по Русской Правдѣ, законными, то-есть умѣренными, рѣзами считалось до 20% въ годъ; но изъ нея же мы видимъ, что иногда рѣзы простирались до 40 и даже до 60%.

Деньги въ древней Россіи назывались вообще «кунами». Слово это ясно указываетъ, что когда-то обычнымъ мѣри-

ломъ цѣнности служили мѣха, и по преимуществу куньи. Первоначально употреблялись для обмѣна конечно цѣльные мѣха; но торговая потребность въ болѣе мелкихъ или размѣнныхъ единицахъ заставила прибѣгнуть къ дробленію мѣха; отсюда явились такъ наз. «рѣзани» (т. е. отрѣзки) и «ногаты» (лапки). Въ позднѣйшее время встрѣчаемъ еще «полушки» и «мордки», точно также перешедшія и въ названіе металлическихъ единицъ. Отъ такихъ частей мѣха недалекъ былъ переходъ до кожаныхъ денегъ, т. е. лоскутовъ кожи съ княжими клеймами. Въ половинѣ XIII вѣка французскій монахъ Рубруквисъ замѣтилъ, что у Русскихъ вмѣсто монеты служатъ маленькія кусочки кожи съ цвѣтными знаками. Но подобныя деньги, если и существовали, не имѣли повсемѣстнаго на Руси обращенія. Такое обращеніе могла имѣть только звонкая монета. Послѣдняя добывалась какъ всякій товаръ торговлею съ иноземцами. Особенно большое количество ея доставлялось съ востока изъ странъ мусульманскихъ. (Впрочемъ, можетъ быть, эти арабскія серебряныя деньги служили болѣе для шейныхъ и головныхъ украшеній, чѣмъ для потребностей торговли). Денежною металлическою единицею повсемѣстно на Руси служила «гривна». Судя по названію, нѣкоторые справедливо догадываются, что эта единица произошла именно изъ металлическаго шейнаго обруча, имѣвшаго болѣе или менѣе опредѣленный вѣсъ; такъ что гривна стала обозначать вмѣстѣ и вѣсъ, и монету, т. е. слитокъ того же вѣсу. Не только форма этого слитка, но также его достоинство и вѣсъ, а слѣдовательно и цѣнность разнообразились по разнымъ областямъ Руси. При томъ различалась еще гривна серебра отъ гривны кунъ. Вторая была вдвое менѣе первой, но также обозначала металлическія деньги; она собственно и составляла ходячую монету. Новогородская гривна кунъ вѣсила полфунта серебра, или 48 золотниковъ, Смоленская четверть фунта, а Кіевская треть. Гривна кунъ заключала въ себѣ 20 ногатъ, или 25 кунъ, или 50 рѣзаней.

Чеканка мелкой монеты, золотой и серебряной, началась на Руси по образцу византійскому, послѣ принятія христіанства. Хотя она и не была многочисленна, но въ ея существованіи удостовѣряютъ находки нѣкотораго количества такихъ монетъ (особенно Нѣжинскій кладъ, найденный въ

1852 г. и заключавшій до двухъ сотъ «сребрениковъ», какъ ихъ называетъ лѣтопись). На лицевой ихъ сторонѣ обыкновенно выбивалось изображеніе государя, сидящаго на престолѣ въ полномъ нарядѣ, съ надписью «Владимиръ», или «Ярославъ», или «Святополкъ» и пр.; на оборотной же находимъ какой-то знакъ (вѣроятно верхушка скипетра) съ надписью вокругъ: «а се его сребро» или «злато»[44]).

Вообще успѣхи русской гражданственности находились въ тѣсной связи съ успѣхами христіанства. Коренныя русскія области въ данномъ періодѣ можно считать уже вполнѣ подчинившимися Православной церкви и усвоившими себѣ грековосточную іерархію. Во главѣ Русской іерархіи стоялъ Кіевскій митрополитъ, назначаемый обыкновенно изъ Грековъ. Попытки Ярослава I и Изяслава II выбирать въ этотъ санъ русскихъ людей не имѣли пока продолжателей. Константинопольскій патріархатъ, при помощи преданной ему части русскаго духовенства, съумѣлъ устранить такое нововведеніе, чтобы удерживать въ большей зависимости отъ себя русскую іерархію. Не мало помогъ ему въ этомъ случаѣ все большій и большій упадокъ Кіевскаго великокняжескаго стола: ни одинъ великій Кіевскій князь и не подумалъ повторить попытку Изяслава II, хотя могъ бы воспользоваться стѣсненнымъ положеніемъ самого греческаго патріархата во времена Латинскаго господства въ Константинополѣ. На епископскихъ каѳедрахъ того времени хотя все еще встрѣчаемъ также Грековъ; но они постепенно уступаютъ мѣсто духовнымъ русскаго происхожденія. Въ особенности таковыми пастырями снабжала русскія области знаменитая Кіевопечерская обитель. Древнѣйшія архіерейскія каѳедры, кромѣ Новгорода, сосредоточены были въ Южной Руси, именно: въ Кіевѣ (митрополичья), Черниговѣ, Южномъ Переяславлѣ и Владимірѣ Волынскомъ. Кіевская область кромѣ митрополита имѣла даже двухъ епископовъ: въ Бѣлгородѣ и Юрьевѣ. Но съ развитіемъ областной самостоятельности умножалось и число епархій, т. е. особыхъ каѳедръ; ибо каждая область, точнѣе князья каждой области стремились имѣть своего собственнаго епископа. Такимъ образомъ являются епископіи Полоцкая, Червонорусская

(Перемышльская) и Туровская; Смоленская и Ростовская отделяются отъ Переяславской, Рязанская отъ Черниговской. Не довольствуясь тѣмъ, нѣкоторыя области распадаются потомъ на двѣ епархіи, именно: Суздальская на Ростовскую и Владимірскую, Галицкая на Перемышльскую и собственно Галицкую (потомъ еще Холмскую).

Въ Русской церкви уже въ тѣ времена, возникалъ обычай, чтобы митрополитъ собиралъ соборъ епископовъ для разрѣшенія важныхъ вопросовъ. Напримѣръ, мы видимъ, что вопросъ о постахъ въ середу и пятницу, перешедшій къ намъ изъ церкви Греческой, довольно долго волновалъ Русскую церковь и обсуждался соборомъ русскихъ епископовъ, которыхъ созвалъ митрополитъ Константинъ въ Кіевѣ (въ 1168 г.).

Христіанская проповѣдь продолжала дѣйствовать среди инородцевъ, подчиненныхъ русскому владычеству; вмѣстѣ съ крещеніемъ конечно подвигалось впередъ ихъ обрусѣніе. Но въ этомъ отношеніи, какъ уже выше замѣчено, русское духовенство было чуждо духа нетерпимости и насилія. Хотя въ дѣлѣ обращенія язычниковъ оно опиралось на княжескую и вообще свѣтскую власть; но не побуждало ее дѣйствовать огнемъ и мечемъ, какъ это мы видимъ въ исторіи церкви Латинской. Отсюда еще не слѣдуетъ заключать о равнодушіи и недѣятельности нашего духовенства въ данномъ случаѣ; постепенное утвержденіе грековосточнаго христіанства на всемъ обширномъ пространствѣ русскихъ областей явно тому противорѣчитъ. Мы даже находимъ въ тѣ времена начатки русскаго православія у народовъ сосѣднихъ, т. е. у тѣхъ, которые еще не были подчинены русскому владычеству; каковы Литва и Эстонская Чудь. Труднѣе проникало русское православіе въ степь къ кочевымъ и полукочевымъ народцамъ; такъ что и подвластные Руси Черные Клобуки еще большею частію сохраняли свое язычество. Нѣкоторые русскіе князья отличались ревностью къ обращенію язычниковъ и мусульманъ; такъ Кіевскіе, Черниговскіе и Рязанскіе князья привлекали на свою службу многихъ выходцевъ изъ Половецкой Орды, крестили ихъ и надѣляли землями; Суздальскіе князья старались обращать Мордву и Камскихъ Болгаръ. Въ особенности такою ревностью къ вѣрѣ извѣстенъ Андрей Боголюбскій. Но, кажется, еще большимъ

усердіемъ въ этомъ дѣлѣ отличался его племянникъ Ярославъ Всеволодовичъ. По крайней мѣрѣ, лѣтописи сообщаютъ намъ только одинъ примѣръ, когда недавно покоренное инородческое племя было окрещено повидимому не безъ принужденія со стороны свѣтской власти; именно, часть Корелы была окрещена по распоряженію Ярослава Всеволодовича, когда онъ княжилъ въ Новгородѣ Великомъ (въ 1227 г.). На сѣверныхъ русскихъ окрайнахъ существовали еще значительные остатки языческаго населенія; возбуждаемое своими волхвами, оно иногда давало себя чувствовать мятежами и разными волненіями; въ такихъ случаяхъ князья или ихъ намѣстники оружіемъ усмиряли непокорныхъ и казнили волхвовъ. Таковые мятежи и волненія встрѣчаются въ земляхъ Новогородской, Суздальской и Муромской. Примѣръ ихъ видимъ въ Новгородѣ даже въ XIII вѣкѣ. Любопытно, что строгая казнь зачинщиковъ совершилась въ княженіе того же Ярослава Всеволодовича. Именно, по свидѣтельству Новогородскаго лѣтописца, въ 1227 году четыре волхва, смущавшіе народъ какими-то ложными знаменіями и внушеніями, были сожжены на Ярославовомъ дворѣ, т. е. на вѣчевой площади.

Смирившееся внѣшнимъ образомъ передъ силою Православной церкви, язычество продолжало жить въ понятіяхъ и вѣрованіяхъ народныхъ, выражаясь множествомъ всякаго рода суевѣрій, обрядностей, предразсудковъ, примѣтъ и т. п. Многіе, именуясь христіанами, приносили еще жертвы языческимъ богамъ; отлагали пищу и напитки Роду и Рожаницѣ (т. е. покойнымъ предкамъ). Пастыри церкви должны были вести постоянную борьбу съ такими остатками язычества. Борьбу эту они простирали и на самыя увеселенія народныя, праздники и игрища; ибо игрища сіи были древняго происхожденія и большею частію имѣли тѣсную связь съ языческими вѣрованіями. «Не подобаетъ христіанамъ игръ бѣсовскихъ играти, еже есть плясанье, гудѣнье, пѣсни мірскія и жертвы идольскія; еже молятся огневи подъ овиномъ, и виламъ, и Мокоши, и Симарглу, и Перуну, и Роду, и Рожаницѣ, и всѣмъ, иже суть тѣмъ подобни»—пишетъ въ своемъ увѣщаніи неизвѣстный по имени «христолюбецъ» или «ревнитель правой вѣры». Онъ возстаетъ вообще противъ

нехристіанскаго образа жизни, и особенно порицаетъ «неистовое пьянство».

Обрядовая или внѣшняя сторона христіанства занимала малопросвѣщенную паству едва ли не болѣе самихъ догматовъ вѣры, и мы видимъ, какъ возникало множество всякаго рода вопросовъ при разныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ церковной практики. Нисшее или служебное духовенство естественно за разъясненіемъ ихъ обращается къ высшимъ пастырямъ, т. е. къ своимъ епископамъ. Любопытный образецъ подобныхъ вопросовъ представляетъ «Впрашаніе Кириково». Монахъ и священникъ (по другимъ извѣстіямъ дьяконъ) Кирикъ или Киріякъ обращался съ вопросами къ знаменитымъ новогородскимъ архіереямъ Нифонту, Іоанну, а также и къ нѣкоторымъ другимъ лицамъ, и получилъ отъ нихъ отвѣты. Изъ послѣднихъ такимъ образомъ составился цѣлый сводъ отчасти важныхъ, отчасти мелкихъ правилъ, которыя примѣнялись если не вездѣ на Руси, то по крайней мѣрѣ въ Новогородской епархіи. Многіе вопросы здѣсь наглядно свидѣтельствуютъ о народныхъ суевѣріяхъ и нравахъ того времени. Между прочимъ изъ правилъ, относящихся къ обрядамъ крещенія и миропомазанія, узнаемъ, что тогда встрѣчались еще новообращенные не только изъ инородцевъ, но также изъ самихъ Славянъ: такъ для Болгарина (Камскаго), Половчина и Чудина полагается сорокъ дней оглашенія, а для Славянина только восемь. Узнаемъ, что матери нерѣдко носили больныхъ дѣтей не къ священнику на молитву, а къ волхву для причитаній надъ ними. Особенное обиліе вопросовъ относится къ совершенію священникомъ литургіи и разныхъ требъ, а также къ наложенію епитиміи. Любопытны нѣкоторые вопросы, обнаруживающіе взглядъ на женщинъ. Напримѣръ: можетъ ли священникъ служить обѣдню въ одеждѣ, въ которую вшитъ женскій платъ? Чѣмъ погана жена?—отвѣчаетъ епископъ, и разрѣшаетъ служить. Изъ тѣхъ же вопросовъ видно, что существовалъ слѣдующій суевѣрный обычай: въ случаѣ охлажденія къ себѣ мужа, жена давала ему пить воду, которою омыла свое тѣло. За такой грѣхъ церковь налагаетъ строгую епитимію, напримѣръ, отлученіе отъ причастія на цѣлый годъ. Въ случаяхъ супружеской невѣрности, къ женщинѣ церковныя пра-

вила очевидно относятся строже чѣмъ къ мужчинѣ; такъ мужъ въ правѣ отослать отъ себя невѣрную жену; а самъ онъ въ подобномъ случаѣ осуждается на епитимію; обычай грѣшить съ рабынями подвергается только порицанію. Нѣкоторые вопросы замѣчательны по своей наивности; напримѣръ: можно ли стучать въ зубы яйцомъ на Пасху до обѣдни? Можно ли давать молитву осквернившемуся сосуду, не только деревянному, но и глиняному?

Изъ вопросовъ Кирика между прочимъ узнаемъ, что обычай паломничества или хожденія къ святымъ мѣстамъ по обѣту въ тѣ времена былъ очень распространенъ на Руси; такъ что нерѣдко обращался въ праздное шатаніе, и отнималъ руки отъ работы. Епископы налагаютъ епитимію на тѣхъ, которые давали обѣтъ идти въ Іерусалимъ. Изъ этого можно заключить, что Святая земля, куда совершались тогда походы западныхъ крестоносцевъ, сильно влекла къ себѣ и Русскихъ людей; они отправлялись туда цѣлыми толпами, подобно извѣстному игумену Даніилу съ его «дружиною». Около ста лѣтъ спустя послѣ «Хожденія» Даніила, являются записки другаго русскаго паломника, боярина Добрыни Ядрейковича, того самаго, который постригся въ Хутынскомъ монастырѣ и потомъ былъ новогородскимъ архіепископомъ подъ именемъ Антонія. Онъ впрочемъ описалъ не все свое путешествіе на Востокъ, а только видѣнныя имъ святыни и достопримѣчательности Царьграда. Описаніе это обилуетъ многими любопытными подробностями.

Не одними правилами и отвѣтами на помянутые вопросы изъ церковной практики дѣйствовала русская іерархія для утвержденія христіанскаго благочестія и добрыхъ нравовъ въ народѣ. Для той же цѣли служила проповѣдь съ церковной каѳедры. Замѣчательнымъ образцомъ духовнаго краснорѣчія того времени служатъ проповѣди Кирилла, бывшаго епископомъ Туровскимъ во второй половинѣ XII вѣка. Онъ писалъ (недошедшія до насъ) пастырскія посланія къ современнику своему Андрею Боголюбскому и обличительныя посланія противъ извѣстнаго епископа Ростовскаго Ѳеодора; сочинялъ каноны и молитвы. Но слава Кирилла основана въ особенности на его проповѣдяхъ или поученіяхъ, которыя были обращены къ паствѣ въ большіе или Господскіе праздники и заключали ихъ

объясненія. Эти поученія служили потомъ образцами для нашихъ церковныхъ проповѣдниковъ, усердно переписывались и потому дошли до насъ во многихъ спискахъ. Объясненія его исполнены иносказанія, т. е. обилуютъ притчами, аллегорическими и символическими сравненіями и образами; поэтому при всемъ краснорѣчіи своемъ онѣ едва ли были понятны народу, и въ этомъ отношеніи уступаютъ поученіямъ митрополита Иларіона, хотя и заслужили Кириллу отъ его современниковъ названіе русскаго Златоуста. На его сочиненіяхъ видно сильное вліяніе библейской и византійской словесности и вообще знакомство съ твореніями греческихъ Отцовъ Церкви. Впрочемъ возможно, что не всѣ сочиненія, связанныя съ именемъ Кирилла, принадлежали именно епископу Туровскому. Кромѣ митрополита кіевскаго Кирилла, родомъ Грека, правившаго Русскою церковью въ 1224—1233 гг. и славившагося своею ученостію, извѣстенъ еще своими поученіями и любовью къ книжному дѣлу ростовскій епископъ Кириллъ II (1231—1262); по словамъ лѣтописи, князья, вельможи и не только жители Ростова, но также изъ окрестныхъ городовъ приходили въ соборную церковь Богородицы послушать поученія его «отъ святыхъ книгъ».

Къ знаменитымъ русскимъ іерархамъ и писателямъ до-Татарской эпохи принадлежитъ также старшій современникъ Кирилла Ростовскаго, Симонъ, первый отдѣльный епископъ Владиміро-Суздальскій (1215—1226). Мы имѣемъ любопытное его посланіе къ печерскому иноку Поликарпу. Симонъ самъ принялъ постриженіе въ Кіевопечерской обители; тамъ оставался у него другъ, чернецъ Поликарпъ. Сей послѣдній не скрывалъ своего намѣренія, по примѣру другихъ печерскихъ постриженниковъ, подняться на высшія степени духовной іерархіи; тѣмъ болѣе, что онъ уже побывалъ на игуменствѣ въ двухъ монастыряхъ. Ему покровительствовала сестра великаго князя Георгія II, Верхуслава Всеволодовна (о ея бракѣ съ Ростиславомъ Рюриковичемъ сказано выше): она прочила его на епископскую каѳедру въ Новгородъ или въ Смоленскъ, или въ Юрьевъ, и писала о томъ Симону, прибавляя, что не пожалѣетъ для этого истратить (на подарки) тысячу гривенъ серебра; самъ великій князь хотѣлъ было назначить его намѣстникомъ Владимірской епархіи. Но

епископъ Симонъ рѣшительно имъ воспротивился, и по сему то поводу сочинилъ къ Поликарпу посланіе, въ которомъ сильно порицалъ его честолюбіе, и живыми красками изобразилъ всю славу и благодать, присущія такому святому мѣсту какъ Печерская обитель. Онъ увѣщевалъ инока не покидать этой обители, смирить свою строптивость и подчиниться совершенно своему игумену. «Кто не знаетъ красоты соборной Владимірской церкви, а также и Суздальской, которую я самъ создалъ?—пишетъ Симонъ.—Сколько онѣ имѣютъ городовъ и селъ, и десятину сбираютъ по всей этой землѣ, и всѣмъ тѣмъ владѣетъ наша худость. Но какъ передъ Богомъ говорю тебѣ: всю сію славу и власть ни во что вмѣнилъ бы, если бы мнѣ хотя коломъ торчать у воротъ или соромъ валяться въ Печерскомъ монастырѣ». Далѣе, чтобы подтвердить примѣрами великое значеніе и святость этой обители, Симонъ повѣствуетъ о нѣкоторыхъ печерскихъ подвижникахъ и чудесахъ, ими совершенныхъ. Затѣмъ онъ приводитъ преданія о построеніи печерскаго храма Богородицы, о чудныхъ видѣніяхъ и обстоятельствахъ, которыя сопровождали это построеніе.

По всей вѣроятности убѣжденія Симона подѣйствовали на Поликарпа; онъ смирился духомъ и остался въ своей обители. По крайней мѣрѣ мы имѣемъ его посланіе къ своему игумену Акиндину. Въ этомъ посланіи Поликарпъ, по желанію Акиндина, повѣствуетъ о другихъ печерскихъ инокахъ, прославившихъ обитель, о которыхъ слышалъ отъ того же епископа Симона. Повѣствованія Симона и Поликарпа въ соединеніи съ сказаніемъ Нестора о св. Ѳеодосіи и началѣ Печерскаго монастыря составили впослѣдствіи тотъ сборникъ житій, который сдѣлался извѣстенъ подъ именемъ «Печерскаго патерика». Эти сказанія, направленныя къ прославленію святой обители, обнаруживаютъ стремленіе подражать византійскимъ патерикамъ или сборникамъ житій Восточной церкви. Отсюда мы видимъ, какъ въ русскихъ сказаніяхъ повторяются многія черты общія съ тѣмъ, что выработала патрологія греческая. И самые иноки русскіе, знакомясь съ греческими житіями, естественно вдохновлялись аскетическими подвигами своихъ образцовъ, и стремились подражать имъ со всѣмъ рвеніемъ людей недавно обращенныхъ и глубоко

вѣрующихъ. По примѣру кіевскихъ и южно-русскихъ сказаній, и въ сѣверныхъ областяхъ Руси начали слагаться письменныя повѣствованія, имѣвшія цѣлью прославленіе мѣстночтимыхъ святыхъ, каковы были въ особенности знаменитые епископы или игумны—основатели важнѣйшихъ монастырей. Такъ въ Ростовѣ записываются сказанія о св. Леонтіѣ и Исаіи, въ Новгородѣ объ епископѣ Іоаннѣ, Антоніѣ Римлянинѣ и Варлаамѣ Хутынскомъ, въ Смоленскѣ о св. Авраамiѣ. Житія такихъ мѣстно-чтимыхъ святыхъ нерѣдко составлялись или ихъ учениками, или ближайшими преемниками. Напримѣръ, житіе Авраамія Смоленскаго составлено ученикомъ его инокомъ Ефремомъ. (Въ началѣ краткія, подобныя житія съ теченіемъ времени, при списываніи, обыкновенно подвергались разнымъ передѣлкамъ и дополненіямъ).

Дошедшія до насъ произведенія Русской словесности до-Татарской эпохи большею частію обнаруживаютъ въ сочинителяхъ значительную начитанность, т. е. не только знакомство съ книгами св. Писанія, библейскими и евангельскими, но и съ литературою греческою вообще. Это знакомство конечно пріобрѣталось при помощи постоянно размножавшихся славянскихъ переводовъ. Обиліе рукописей, сохранившихся до нашего времени при всѣхъ разрушительныхъ переворотахъ, ясно свидѣтельствуетъ о томъ ихъ количествѣ, которое обращалось на Руси въ тѣ времена, объ усердномъ ихъ переписываніи и о любви къ чтенію грамотныхъ русскихъ людей. Но предки наши почерпали свои свѣдѣнія о классическихъ писателяхъ древности и отцахъ церкви не прямо изъ ихъ произведеній, а изъ тѣхъ извлеченій, передѣлокъ и толкованій, которыми обиловала Византійская словесность. Изъ такихъ отрывочныхъ статей, переведенныхъ на Славянскій языкъ, составлялись тогда большіе рукописные сборники («изборники»). Подобные сборники, заключая въ себѣ статьи содержанія богословскаго, философскаго, повѣствовательнаго и пр., представляли такимъ образомъ своимъ читателямъ разнообразную духовную пищу. Отсюда любознательные люди знакомились съ разсказами о Троянской войнѣ и Александрѣ Македонскомъ, съ нѣкоторыми идеями Аристотеля и Платона, съ сочиненіями Василія Великаго, Іоанна Златоуста

и другихъ отцовъ церкви. Отсюда знакомились они даже съ произведеніями арабской литературы; чему примѣромъ служитъ повѣсть объ Акирѣ Премудромъ а Синагрипѣ царѣ, заимствованная изъ сказокъ Тысяча и одна ночь. Такіе сборники носили разныя названія, смотря по своему преобладающему содержанію; а именно: *палея*, если заключала въ себѣ ветхозавѣтныя сказанія; но къ этимъ сказаніямъ часто примѣшивались отрывки изъ такъ наз. апокрифическихъ («отреченныхъ») книгъ, т. е. недостовѣрныхъ, не признаваемыхъ церковью за подлинныя; далѣе, *пчела*—сборникъ притчей, нравственныхъ правилъ и изрѣченій, взятыхъ изъ писателей духовныхъ и свѣтскихъ; *златая цѣпь*—избранныя мѣста изъ толкованій на Св. писаніе и изъ поученій отцовъ церкви; *прологъ* и *патерикъ*—сборники житій святыхъ, *хронографъ*—сборникъ историческихъ повѣствованій изъ исторіи Библейской, Греческой, Византійской и Славянскихъ народовъ (напримѣръ хронографы Іоанна Малалы, Георгія Амартола), и т. д.

Хотя грамотность еще не была широко распространена на Руси, однако дѣло книжнаго просвѣщенія по всѣмъ признакамъ шло успѣшно. Обученіемъ грамотности занималось конечно духовенство. Безъ всякаго сомнѣнія начатки училищъ, положенные Владиміромъ Великимъ и Ярославомъ Мудрымъ, распространялись и умножались при ихъ преемникахъ. Училища эти, заводимыя обыкновенно при соборныхъ церквахъ, особенно процвѣтали въ стольныхъ княжескихъ городахъ подъ непосредственнымъ попеченіемъ епископовъ. Кромѣ чтенія, письма, счета и церковнаго пѣнія, въ нѣкоторыхъ епископскихъ школахъ обучали и греческому языку; что было не трудно при существованіи многихъ Грековъ въ составѣ русскаго духовенства. Изъ подобныхъ училищъ выходили священники и другіе церковно-служители, которыхъ требовалось, конечно, великое число; изъ нихъ выходили не только многочисленные списатели или переписчики, но и переводчики; ибо несомнѣнно, что кромѣ болгарскихъ переводовъ, Русскіе въ тѣ времена имѣли и собственные переводы разныхъ произведеній византійской литературы. Нѣкоторые князья въ особенности извѣстны своимъ покровительствомъ книжному просвѣщенію; они покупали дорогою цѣною славянскія и греческія рукописи, заставляли еще переписывать

и переводить, и собирали такимъ образомъ у себя значительныя книгохранилища; кромѣ того прилагали особую заботу объ училищахъ, отдѣляя значительную часть изъ своихъ доходовъ на ихъ содержаніе. Таковы, напримѣръ: Романъ Ростиславичъ Смоленскій, Ярославъ Осмомыслъ Галицкій и Константинъ Всеволодовичъ Ростовско-Суздальскій. Есть извѣстіе, что послѣдній имѣлъ въ собственномъ хранилищѣ однихъ греческихъ книгъ болѣе тысячи; онъ принадлежалъ къ образованнѣйшимъ людямъ своего времени и самъ занимался письменнымъ дѣломъ; между прочимъ, повидимому, сочинилъ для своихъ дѣтей поученіе, подобно Владиміру Мономаху. (Такія поученія дѣтямъ были тогда въ обычаѣ по примѣру Византіи).

Не говоря о князьяхъ русскихъ, которые, кажется, были всѣ грамотны, и конечно въ дѣтскомъ возрастѣ поручались для того особымъ наставникамъ, значительная часть дружинниковъ и многіе горожане также владѣли грамотностью. Слѣдовательно не одни дѣти духовенства посѣщали школы, основанныя при соборныхъ церквахъ, но также дѣти дружинниковъ и горожанъ. Этимъ обстоятельствомъ объясняется то явленіе, что въ до-Татарскій періодъ книжное просвѣщеніе не было исключительно сосредоточено въ средѣ духовнаго сословія. Житія русскихъ святыхъ нерѣдко показываютъ намъ примѣры юношей, которые подъ вліяніемъ чтенія благочестивыхъ книгъ оставляютъ мірскую суету и уходятъ въ монастырь. Уже тогда въ русскихъ обителяхъ, какъ извѣстно, процвѣтало списываніе и сочиненіе книгъ; обители эти наполнялись людьми разнообразныхъ сословій и состояній; между ними были конечно и неграмотные; но едва ли не большинство приходило уже съ познаніями въ чтеніи и письмѣ. Наконецъ, до насъ дошли и сочиненія такихъ русскихъ людей, которые не принадлежали къ духовному сословію; напримѣръ, загадочное «Слово» Даніила Заточника.

Этотъ Даніилъ по всѣмъ признакамъ принадлежалъ къ сословію дружинному; за какую-то провинность былъ удаленъ (заточенъ) своимъ княземъ, и пишетъ къ нему посланіе; но къ какому именно князю, трудно рѣшить вслѣдствіе разногласія самихъ дошедшихъ до насъ списковъ Слова. По однимъ указаніямъ полагаютъ, что то былъ Юрій Долгору-

кій, по другимъ внукъ его Ярославъ Всеволодовичъ, по третьимъ Ярославъ Владиміровичъ, безъудѣльный князь Новогородскій конца XII вѣка. Мѣстомъ ссылки нѣкоторые списки называютъ Лачъ-озеро; а по другимъ можно подумать, что то былъ городъ Переяславль. «Кому Любово — говоритъ заточникъ—а мнѣ горе лютое, кому Бѣлоозеро, а мнѣ чернѣе смолы, кому Лачъ озеро, а мнѣ на немъ сѣдя плачь горькій». Въ другомъ же спискѣ: «кому ти есть Переяславль, а мнѣ Гореславль». Выходки автора противъ дурныхъ совѣтниковъ княжескихъ и злыхъ женъ заставляютъ предполагать, что онъ пострадалъ вслѣдствіе какихъ-то навѣтовъ. Напримѣръ: «Князь не самъ впадаетъ въ печаль; но думцы вводятъ. Съ добрымъ думцею князь высока стола додумается, а съ лихимъ думцею думаетъ и малаго стола лишенъ будетъ». Или: «лѣпше волъ ввести въ домъ свой нежели злая жена понятп. Лучше въ утлой ладьѣ по водѣ ѣздить, нежели злой женѣ тайны повѣдать» и т. д. Слово вооружается также противъ монаховъ, принявшихъ на себя ангельскій образъ не по внутреннему призванію. Вообще оно изобилуетъ остроумными поговорками и народными пословицами. Напримѣръ: «княжаго тіуна бойся какъ огня, а служителей его какъ искръ»; «глупаго учить въ худой мѣхъ воду лить» и пр. Начитанность автора обнаруживается знакомствомъ его съ лѣтописями и хронографами, а также многими заимствованіями изъ литературнаго сборника, извѣстнаго подъ именемъ Пчелы. И самъ онъ выражается о себѣ такимъ образомъ: «хотя я въ Аѳинахъ не росъ и у философовъ не учился; но какъ пчела собираетъ по разнымъ цвѣтамъ, такъ и я по разнымъ книгамъ собираю сладость словесную».

Очевидно произведеніе Заточника пользовалось въ древней Руси большою извѣстностью. Можетъ быть, какое либо другое лицо, также впавши въ немилость, воспользовалось имъ, и, примѣнивъ его къ своимъ обстоятельствамъ, тоже обратилось съ этимъ посланіемъ къ своему князю и господину. По причинѣ такой передѣлки и многихъ переписываній явились конечно и самыя разногласія въ спискахъ. Сочувствіе читателей къ автору, пострадавшему отъ злыхъ людей, выразилось еще слѣдующею особою добавкою къ Слову, очевидно присочиненною впослѣдствіи: «Сіи словеса азъ Даніилъ писахъ въ

заточеніи на Бѣлоозерѣ, и запечатавъ въ воскъ, и пустивъ въ озеро, и веземъ рыба пожре, и ята бысть рыба рыбаремъ, и принесена бысть къ князю, и нача ее пороти, и узре князь сіе написаніе, и повелѣ Даніила свободити отъ горькаго заточенія». (45).

Политическое раздробленіе Руси на отдѣльныя княжества или земли естественно должно было отразиться и на произведеніяхъ русской словесности, получившихъ областные оттѣнки въ языкѣ и характерѣ изложенія или имѣвшихъ задачею мѣстные, необщерусскіе интересы. Таковые областные оттѣнки отражались, напримѣръ, при составленіи житія святыхъ мѣстночтимыхъ подвижниковъ, при записываніи святительскихъ поученій, народныхъ преданій и т. п. Яснѣе же всего обнаруживается нѣкоторое разнообразіе русской книжной словесности того времени на лѣтописномъ дѣлѣ. Въ этомъ отношеніи можемъ преимущественно указать на три средоточія: Кіевъ, Владиміро-Ростовъ и Новгородъ Великій; что вполнѣ соотвѣтствуетъ и тремъ главнымъ средоточіямъ русской политической жизни въ эпоху предъ-Татарскую.

Какъ и во всѣхъ отрасляхъ просвѣщенія, Кіевъ для всей Руси служилъ образцомъ въ дѣлѣ лѣтописномъ до самаго окончательнаго своего упадка и разоренія. Начальная Кіевская лѣтопись или Повѣсть временныхъ лѣтъ, составленная въ Выдубецкомъ монастырѣ игумномъ Сильвестромъ при Владимірѣ Мономахѣ, продолжалась послѣ Сильвестра въ томъ же монастырѣ трудами его преемниковъ. Тѣсныя связи сего монастыря, а слѣдовательно и самой Кіевской лѣтописи, съ родомъ Мономаха выражаются постояннымъ ея расположеніемъ въ пользу Мономаховичей и прославленіемъ великихъ князей изъ этого рода. Въ особенности это обстоятельство обнаруживается по поводу построенія великимъ княземъ Рюрикомъ Ростиславичемъ стѣны Выдубецкаго монастыря въ 1200 г. (о чемъ сказано выше). Лѣтописецъ по сему поводу сочиняетъ горячее похвальное слово Рюрику. По всей вѣроятности, или такимъ лѣтописцемъ былъ самъ игуменъ Выдубецкій того времени Моисей, или лѣтопись составлялась кѣмъ-либо изъ монаховъ подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ, при покровительствѣ и по порученію самихъ

великихъ князей. По примѣру Мономаха, преемники его конечно принимали близкое участіе въ лѣтописномъ дѣлѣ, и доставляли лѣтописцамъ необходимыя свѣдѣнія о совершавшихся событіяхъ. Кіевская лѣтопись, какъ и слѣдовало ожидать, слѣдитъ за событіями цѣлой Руси. Хотя наиболѣе подробностей она сообщаетъ объ исторіи Южнорусской; но не упускаетъ изъ виду и Сѣверной Руси. Напримѣръ, самое обстоятельное повѣствованіе о смерти и погребеніи Андрея Боголюбскаго мы находимъ именно въ Кіевскомъ лѣтописномъ сводѣ.

Лѣтописцы суздальскіе являются прямыми послѣдователями и продолжателями лѣтописцевъ кіевскихъ; такъ что по дошедшимъ до насъ сводамъ трудно опредѣлить, съ какого именно времени началась особая лѣтописная дѣятельность въ Суздальской землѣ. Это обстоятельство тѣмъ естественнѣе, что и тутъ предметомъ лѣтописанія является все тотъ же родъ Мономаховичей, въ видѣ его младшей линіи. По всѣмъ признакамъ Кіево-Выдубецкій сводъ здѣсь усердно переписывался и продолжался подъ наблюденіемъ мѣстныхъ епископовъ и самихъ князей. Если въ Кіевѣ лѣтописное дѣло повидимому не находилось въ непосредственной связи съ митрополитами, которые были люди пришлые, родомъ Греки, то въ другихъ областяхъ Руси на оборотъ оно имѣло тѣсныя связи съ архіерейской каѳедрой, особенно тамъ, гдѣ утвердились чисто-русскіе іерархи, какъ это мы видимъ въ Ростовѣ и Новгородѣ. Существуютъ основанія полагать, что Суздальская лѣтопись велась именно при архіерейской каѳедрѣ въ Ростовѣ, а не во Владимірѣ Залѣсскомъ; извѣстно, что, уступивъ послѣднему первенство политическое, Ростовъ оставался средоточіемъ просвѣщенія въ Сѣверовосточной Руси. Судя по нѣкоторымъ намекамъ того сѣвернаго лѣтописца, который писалъ въ концѣ до-Татарской эпохи, можно заключить между прочимъ о непосредственномъ участіи въ его дѣлѣ епископа ростовскаго Кирилла II, отличавшагося ревностію къ книжному просвѣщенію.

Въ Новгородѣ Великомъ относительно лѣтописей мы находимъ болѣе самостоятельности чѣмъ въ Суздалѣ, то-есть менѣе зависимости отъ Кіева. Но и тамъ въ основу этого дѣла положена была начальная Кіевская лѣтопись Сильвестра Вы-

дубецкаго; новогородскіе же продолжатели его по большей части описывали только событія своего роднаго города и своей земли, мало интересуясь судьбами другихъ русскихъ земель. Такъ какъ въ Новгородѣ не утвердилась ни одна княжеская вѣтвь, то лѣтопись вѣроятно велась безъ участія князей, подъ исключительнымъ надзоромъ архіепископовъ. Любопытно однако, что по нѣкоторымъ признакамъ она велась не при Софійскомъ соборѣ, а при церкви св. Якова въ Неревскомъ концѣ. По крайней мѣрѣ есть поводъ думать, что однимъ изъ первыхъ составителей Новогородскаго лѣтописнаго свода былъ священникъ этой церкви Германъ Воята, поставленный епископомъ Нифонтомъ (въ 1144 г.). Возможно, что онъ предпринялъ лѣтописное дѣло по порученію знаменитаго владыки св. Іоанна, усерднаго поборника новогородской самобытности, и очевидно былъ лицомъ приближеннымъ къ архіерейскому дому. Германъ Воята скончался при братѣ Іоанна, архіепископѣ Гавріилѣ, сопровождая его на пути въ Псковъ (въ 1188 г.), послѣ сорокапятилѣтняго священства при церкви св. Якова. Въ числѣ продолжателей его въ первой половинѣ XIII вѣка упоминаетъ о себѣ пономарь Тимоѳей. Сей послѣдній могъ быть собственно списателемъ или переписчикомъ; а если и велъ лѣтопись, то конечно со словъ своего священника; ибо трудно предположить, чтобы такое дѣло владыко поручилъ прямо пономарю. Близкое участіе въ составленіи лѣтописи, кажется, принималъ архіепископъ Антоній, бывшій бояринъ Добрыня Ядрейковичъ, новогородскій патріотъ и писатель; онъ извѣстенъ своимъ паломничествомъ на востокѣ и помянутымъ выше описаніемъ цареградскихъ святынь. Едва ли ему не принадлежитъ и повѣсть о взятіи Царяграда Латинами, вошедшая въ составъ Новгородской лѣтописи. Эта лѣтопись имѣетъ областныя отличія какъ по языку своему, такъ и по характеру. Хотя въ основу книжной рѣчи обыкновенно полагался языкъ Церковнославянскій; но здѣсь на каждомъ шагу можно видѣть слѣды мѣстнаго сѣвернорусскаго нарѣчія. А въ изложеніи новогородскіе лѣтописцы отличаются отъ кіевскихъ краткостію и сжатостію, доходящею до сухости; но оно не лишено энергіи и выразительности. Видно, что это были люди дѣловые, практическіе, заботившіеся о сущности дѣла, несклонные приводить большія выписки изъ книгъ Св. писанія и пере-

сыпать разсказъ собственными разсужденіями, какъ это дѣлали лѣтописцы южнорусскіе.

До насъ не дошли лѣтописи смоленскія, полоцкія, черниговскія и рязанскія, и мы не знаемъ, существовали ли онѣ въ самостоятельномъ видѣ. Судя по нѣкоторымъ, хотя отрывочнымъ, но точнымъ извѣстіямъ, вошедшимъ въ позднѣйшіе своды, надо полагать, что и тамъ велись какія-либо записки или памятныя замѣтки при архіерейскихъ каѳедрахъ. Мы имѣемъ только особую лѣтопись Галицко-Волынскую, которая подобно Суздальской, является продолженіемъ Кіевскаго лѣтописанья и также прославляетъ родъ Мономаха, то-есть старшую его линію; но составлена она очевидно уже позднѣе Татарскаго нашествія ([46]).

При извѣстной пѣвучести Русскаго и вообще Славянскаго племени, при сильно развитой у него сторонѣ чувства и воображенія, нѣтъ сомнѣнія, что въ тѣ времена какъ и послѣ русскій человѣкъ любилъ выражать пѣснію и радость, и горе, пѣть при торжественныхъ случаяхъ жизни, какъ напримѣръ на свадьбѣ, или слагать былины на память о своихъ вождяхъ и герояхъ. Но такія произведенія народной поэзіи, слагавшіяся людьми неграмотными, не дошли до насъ, потому что не были записаны. Люди грамотные, согласно съ благочестивымъ направленіемъ письменности, и не могли записывать подобныхъ произведеній, носившихъ на себѣ еще яркіе слѣды миѳологическихъ или языческихъ представленій. Пѣсни порицались духовенствомъ наравнѣ съ плясками и народными играми.

По всей вѣроятности уже въ эти времена получили начало тѣ эпическія сказанія или былины, которыя воспѣвали кіевскаго князя Владиміра Красное Солнышко и его богатырей. Но по извѣстнымъ былинамъ, дошедшимъ до насъ въ позднѣйшихъ передѣлкахъ и наслоеніяхъ, трудно судить, въ какомъ видѣ онѣ существовали въ эпоху до-Татарскую. Точно также можно предположить, что уже въ эту эпоху начали слагаться новогородскія былины о Садкѣ богатомъ гостѣ и объ удаломъ вольникѣ Василіѣ Буслаевичѣ или Богуславичѣ. Садко или Содко былъ повидимому лицо историческое. Новогородская лѣтопись подъ 1167 годомъ говоритъ о Содко

Сытиничѣ, который заложилъ каменный храмъ Бориса и Глѣба въ Софійскомъ дѣтинцѣ. А подъ 1228—29 гг. она упоминаетъ о знатномъ новогородцѣ Богуславѣ Горниславичѣ (который могъ быть отцомъ ватамана повольниковъ Василія Богуславича).

Имѣемъ основаніе предполагать, что въ Южной Руси въ тѣ времена пѣлись хвалебныя пѣсни князьямъ еще при ихъ жизни по поводу какого либо подвига. Такъ по извѣстію одного польскаго лѣтописца (Длугоша), когда Мстиславъ Удалой разбилъ Угровъ и Поляковъ и освободилъ отъ нихъ Галичъ (въ 1221 г.), то въ честь его немедленно была сложена хвалебная пѣснь, которою его привѣтствовали Галичане. Затѣмъ имѣемъ доказательства, что иногда существовали придворнокняжескіе пѣвцы или поэты—дружинники, слагавшіе пѣсни въ честь князей, которымъ они служили. Князья конечно весьма дорожили такими людьми, и старались имѣть ихъ въ своей службѣ. Выдающіеся таланты на этомъ поприщѣ не могли быть многочисленны. Тѣмъ не менѣе можемъ указать на три лица. Во первыхъ, Баянъ, котораго Слово о Полку Игоревѣ изображаетъ пѣснотворцемъ, прославлявшимъ преимущественно родъ Святослава Ярославича, слѣдовательно поэтомъ черниговосѣверскимъ, жившимъ приблизительно во второй половинѣ XI вѣка. Во вторыхъ, самъ неизвѣстный намъ по имени авторъ Слова о Полку Игоревѣ, воспѣвавшій князей той-же Черниговo-Сѣверской вѣтви и жившій во второй половинѣ XII вѣка. Въ третьихъ, Митуся, о которомъ упоминаетъ Галицко-Волынская лѣтопись подъ 1241 годомъ. Она называетъ его «словутнымъ пѣвцомъ», который по гордости не хотѣлъ прежде служить Даніилу Романовичу. Произведенія перваго и третьяго до насъ не дошли. За то сохранилось твореніе втораго, этотъ превосходный образецъ древнерусской героической поэзіи.

Авторъ Слова о Полку Игоревѣ очевидно былъ дружинникъ, но въ тоже время человѣкъ книжно весьма образованный, знакомый съ произведеніями Русской и Болгарской, а слѣдовательно и Греческой словесности. Его высокій поэтическій даръ блещетъ въ каждомъ оборотѣ рѣчи, въ каждомъ сравненіи и уподобленіи, не смотря на то, что твореніе его дошло до насъ съ значительными искаженіями и пропу-

сками. Умѣнье сочетать возвышенную книжную рѣчь съ живою, народною, вообще энергія, образность, изящество его языка превосходятъ все, что только намъ извѣстно изъ древнерусской словесности. Поэтъ съ замѣчательнымъ искусствомъ воспользовался тѣми миѳологическими вѣрованіями, которыми еще было напитано народное воображеніе. Вся природа изображается у него существомъ живымъ, чувствующимъ и горе, и радость вмѣстѣ съ дѣйствующими лицами. Русскій княжій родъ является у него потомствомъ самого Дажьбога, и это было конечно ничто иное какъ народное вѣрованіе, удержавшееся отъ языческихъ временъ. (Слѣдовательно домыселъ о призваніи русскихъ князей изъ-за моря и ихъ иноземномъ происхожденіи никогда не былъ собственно народнымъ преданіемъ). Баянъ и вообще пѣвецъ у него называется внукомъ бога Велеса; вѣтры это внуки Стрибога, солнце именуется Хорсомъ и т. д. Такія уподобленія, какъ и самая обработанность языка, а также многіе обороты и поговорки, очевидно сдѣлавшіеся обычными въ дружинномъ быту или взятые изъ народной рѣчи, ясно указываютъ, что этотъ родъ поэзіи издавна процвѣталъ при русскихъ княжихъ дворахъ, имѣлъ уже свои правила и пріемы; а въ Словѣ о Полку Игоревѣ достигъ замѣчательной степени своего развитія. Если до насъ не дошли другія произведенія того же рода, и самое Слово найдено (въ концѣ XVIII вѣка) только въ одномъ сборникѣ, виною тому могло быть вообще нерасположеніе духовенства къ такого рода сочиненіямъ, наполненнымъ языческими представленіями (а въ темные вѣка Татарскаго ига только духовенство было грамотнымъ сословіемъ, занимавшимся между прочимъ списываніемъ рукописей); возможно при томъ, что многія подобныя пѣсни слагались поэтами дружинниками, но не были никѣмъ своевременно записаны.

Вѣрный тому княжему колѣну, которому самъ служилъ, т. е. Черниговo-Сѣверскому, поэтъ съ любовью изображаетъ его членовъ, и младшихъ и старшихъ; съ великимъ уваженіемъ относится онъ къ современному главѣ этого колѣна, Святославу Всеволодовичу, который тогда занималъ великій столъ Кіевскій. Вообще Черниговскіе Ольговичи въ этомъ произведеніи являются предъ нами съ чертами весьма симпа-

тичными; тогда какъ Кіевская лѣтопись (Выдубецкій сводъ), прославляя постоянно колѣно Мономаховичей, мало даетъ намъ подробностей о дѣяніяхъ Ольговичей или относится къ нимъ недружелюбно. Мѣстный черниговосѣверскій патріотизмъ не мѣшаетъ однако пѣвцу Слова распространять свое теплое сочувствіе на всѣ области Русской земли, и съ уваженіемъ отзываться о Мономаховичахъ того времени, каковы Всеволодъ Большое Гнѣздо или Рюрикъ и Давидъ Ростиславичи, а также о Ярославѣ Осмомыслѣ Галицкомъ и пр. При этомъ поэтъ обнаруживаетъ замѣчательное знакомство съ политическимъ положеніемъ и съ характеромъ природы русскихъ областей. Онъ съ особою силою указываетъ на распри русскихъ князей какъ на главную причину бѣдствій, которыя Русская земля претерпѣвала отъ иноплеменниковъ, особенно отъ степныхъ варваровъ. Эта горячая любовь ко всей Русской землѣ, къ ея славѣ и чести, а также скорбь о недостаткѣ единенія между ея князьями сообщаютъ всему произведенію особую привлекательность для русскаго сердца, и конечно не мало способствовали спасенію Слова отъ забвенія до позднѣйшихъ вѣковъ.

Ни одно произведеніе древней Руси не рисуетъ передъ нами съ такою живостію и наглядностію ея дружинно-княжескій бытъ какъ Слово о Полку Игоревѣ—явленіе вполнѣ естественное, потому что авторъ его несомнѣнно самъ принадлежалъ къ дружинѣ. Князь и дружина это предметы его прославленія; вездѣ они представляются понятіями неразрывными, и притомъ едва ли неолицетворяющими собою понятіе о всей Русской землѣ. Народъ или собственно «черные люди» остаются у него совершенно въ тѣни, на заднемъ планѣ. Съ этой стороны русская придворно-княжеская поэзія имѣла такой же аристократическій характеръ какъ и рыцарская поэзія трубадуровъ и миннезенгеровъ въ Западной Европѣ. А если судить по художественному, симпатичному изображенію Ярославны, супруги Игоря, то и со стороны женскихъ идеаловъ (въ которыхъ отражаются общественные нравы) наша поэзія едва ли уступала современной ей поэзіи западной. (47).

Слово о Полку Игоревѣ есть живой отрывокъ изъ древнерусской жизни; на ряду съ изящнымъ Владиміро-Дмитріев-

скимъ соборомъ и другими важнѣйшими памятниками, оно служитъ нагляднымъ доказательствомъ той сравнительно высокой степени, до которой достигла Русская гражданственность въ эпоху предъ-Татарскую.

Раздробленіе древней Руси на удѣлы, столь невыгодное для нея въ отношеніи къ иноплеменнымъ народамъ, имѣло другія, благопріятныя стороны въ отношеніи гражданственномъ. Оно обусловливало существованіе не одного, а многихъ средоточій, изъ которыхъ распространялись на окрестныя области начатки просвѣщенія и христіанскихъ нравовъ. Каждый значительный стольный городъ служилъ такимъ средоточіемъ. Каждый князь въ своемъ удѣлѣ долженъ былъ непосредственно помогать и дѣлу церкви, и книжному просвѣщенію, и дѣлу правосудія, способствовать успѣхамъ искусствъ, промышленности, торговли и всякой отрасли общественнаго порядка. Каждый дворъ княжій былъ не только собраніемъ опытныхъ, умныхъ бояръ и дружинниковъ или привлекалъ людей книжно образованныхъ, но и по естественному теченію дѣлъ, служилъ источникомъ и образчикомъ болѣе смягченныхъ нравовъ. Какъ и вездѣ при монархическомъ строѣ, отсюда распространялись на окрестную область начатки образованности, гражданскихъ обычаевъ и отношеній. Такъ какъ каждое изъ сихъ средоточій имѣло чисто русскій характеръ, то слѣдовательно вмѣстѣ съ распространеніемъ русской образованности подвигалось впередъ почти одинаковое, дружное обрусѣніе разнообразныхъ земель, подчиненныхъ дому Владиміра Великаго.

Уже въ первые вѣка нашей эры Славянорусское племя, жившее вблизи Черноморскихъ греческихъ колоній, воспринимало въ себя нѣкоторыя начала богатой греко-римской гражданственности. Многіе памятники быта, найденные при раскопкѣ южнорусскихъ могильныхъ кургановъ, указываютъ также на торговыя и другія сношенія (чрезъ посредство прикавказскихъ народовъ) съ Персидской имперіей Сассанидовъ, которая была въ тѣ времена представительницей Азійской образованности. Съ распространеніемъ своего господства на большую часть Восточной Европы и съ принятіемъ христіанства по грековосточному обряду, русская гражданственность

получила еще болѣе широкое развитіе. Тѣсныя связи съ Византіей вліяли непосредственно на усвоеніе книжнаго просвѣщенія, искусствъ и промышленности греческой; развитію книжнаго дѣла помогали отчасти и связи съ единоплеменными Дунайскими Болгарами, отъ которыхъ мы получили многіе славянскіе переводы. Далѣе, Русь воспринимала въ себя начатки и западноевропейской гражданственности при посредствѣ торговыхъ, военныхъ и другихъ связей съ Венгріей, Польшей, Германіей и Скандинавіей. Съ востока чрезъ Камскую Болгарію и Хазарію мы получали произведенія арабско-мусульманской цивилизаціи, которыя также оказывали нѣкоторое вліяніе на наше искусство и промышленность.

При своей богато одаренной, воспріимчивой натурѣ Русское племя умѣло до извѣстной степени усвоивать помянутыя начала и вліянія, и на основѣ собственныхъ преданій, обычаевъ и вкусовъ вырабатывать своеобразную самобытную гражданственность. Все обѣщало ей блестящее развитіе, которое могло поставить Восточную Европу наравнѣ съ Западной. Но злѣйшимъ врагомъ этой гражданственности была сосѣдняя степь съ ея кочевыми варварами. Уже Печенѣги и особенно Половцы задержали успѣхи русской образованности. Затѣмъ, едва Русь справилась съ этими врагами и начала обратное движеніе на степь, какъ изъ Азіи надвинули новыя тучи степныхъ варваровъ, противъ которыхъ оказался несостоятельнымъ политическій строй удѣльно-вѣчевой Руси. Русская гражданственность подверглась жестокому погрому; а послѣ него наступила тяжелая, долгая борьба за національную самобытность, сопровождаемая развитіемъ крѣпкой государственной организаціи; для чего потребовались всѣ народныя силы и средства.

XX.

МОНГОЛО-ТАТАРЫ.—ЗОЛОТАЯ ОРДА.

Родина Монголовъ.—Сказанія о Чингизъ-ханѣ.—Его завоеванія.—Татары въ Половецкой степи. — Кіевскій сеймъ. — Походъ русскихъ князей въ степь.—Калкское пораженіе.—Затишье въ Сѣверной и тревоги въ Южной Руси.—Близорукая политика Мстислава Удалаго и новое вмѣшательство Угровъ.—Утвержденіе Даніила Романовича въ Галичѣ.—Разныя бѣдствія и явленія. — Возрастаніе Монголо-Татарской имперіи.—Походъ Батыя на Восточную Европу.—Военное устройство Татаръ.—Нашествіе на Рязанскую землю.—Разореніе Суздальской земли и стольнаго города.—Пораженіе и гибель Юрія II.—Обратное движеніе въ степь и разореніе Южной Руси.— Паденіе Кіева. — Походъ въ Польшу и Венгрію.—Основаніе Кипчакскаго царства. — Извѣстія о Татарахъ Плано Карпини и Рубруквиса.

Высокія равнины Средней Азіи издревле служили колыбелью кочевыхъ народовъ Турецкаго и Монгольскаго корня; первые занимали западную часть этихъ равнинъ, а вторые—восточную или, такъ называемую, степь Гоби. Между тѣмъ какъ турецкіе народы находились подъ вліяніемъ мусульманской цивилизаціи Передней Азіи, монгольскіе испытывали непосредственное вліяніе Китая. Знаменитая Каменная Стѣна, какъ извѣстно, мало достигала своей цѣли. Кочевники не только прорывались черезъ нее и грабили китайскія области; но иногда завоевывали самую страну, и возводили на престолъ Китая собственныя династіи, которыя, въ свою очередь, обновляли могущество имперіи и налагали дань на своихъ степныхъ соплеменниковъ. Такъ, въ XII вѣкѣ надъ всею сѣверною половиною Китая господствовало манджурское племя Ніучей, которые держали въ своей зависимости значительную часть Монголовъ. Но, по обыкновенію, завоеватели подчинялись вліянію гораздо болѣе цивилизованнаго, хотя бы покореннаго народа, принимали его нравы, образъ жизни, и утра-

чивали нѣкоторыя племенныя черты, а вмѣстѣ съ тѣмъ утрачивали свою дикую энергію и воинственность.

Родиной того Монгольскаго племени, изъ котораго вышли наши завоеватели, была горная окраина степи Гоби, лежащая за Байкаломъ, орошаемая Ингодою, Онономъ, Керлономъ и другими источниками Амура, обильная лѣсомъ и пастбищами. Племя это, подобно другимъ монголо-татарскимъ кочевникамъ, дѣлилось на разныя части или кочевья, такъ называемые юрты, улусы, орды и т. п. Всякая орда имѣла свои знатныя семьи или сословіе благородныхъ (нойоны, беки), а также и свой княжескій или владѣльческій родъ, изъ котораго выбирались ханы. Власть ханская была ограничена сеймомъ или собраніемъ знатныхъ, которое созывалось въ важныхъ случаяхъ и называлось курилтаемъ. Этотъ курилтай выбиралъ самихъ хановъ или подтверждалъ ихъ наслѣдственныя права. При такомъ политическомъ строѣ, умный, энергичный ханъ часто могъ сосредоточить въ своихъ рукахъ неограниченную власть надъ своимъ племенемъ. Подобный ханъ, не довольствуясь собственнымъ удѣломъ, нерѣдко налагалъ дань на сосѣднихъ хановъ, силою отнималъ у нихъ часть подданныхъ, или ловкою политикой переманивалъ ихъ въ свою орду. Вслѣдствіе того, въ степи иногда слагалась довольно могущественная монархія, которая могла выставить многіе десятки тысячъ вооруженныхъ людей, и тогда она становилась страшною для ближнихъ осѣдлыхъ государствъ. Но рѣдко такое могущество переживало своего основателя. Со смертію его, оно дѣлилось между братьями или сыновьями, а потомъ падало въ ихъ междоусобіяхъ. Тѣмъ не менѣе постоянное занятіе охотою, почти безпрерывныя мелкія войны между ханами и частые набѣги на сосѣдей, ради добычи, развивали и поддерживали тѣлесную крѣпость и воинственный духъ монгольскихъ племенъ. При этомъ у ихъ предводителей вырабатывались иногда замѣчательно хитрый, острый умъ, находчивость и умѣнье пользоваться обстоятельствами для достиженія своихъ цѣлей.

Подобно всѣмъ основателямъ великихъ монархій или родоначальникамъ знаменитыхъ династій, Чингизъ-ханъ не имѣетъ недостатка въ баснословныхъ преданіяхъ, которыми позднѣйшіе мусульманскіе лѣтописцы (татарскіе и персидскіе)

украсили его происхожденіе и подвиги. Напримѣръ, въ числѣ его предковъ упоминаютъ нѣкоего Огузъ-хана, который, будучи еще груднымъ ребенкомъ, проявилъ себя ревностнымъ мусульманиномъ, а потомъ, сдѣлавшись ханомъ, покорилъ многіе народы. Далѣе повѣствуютъ о ханшѣ, по имени Алан-гоа, которая, оставшись вдовою, отъ солнечнаго свѣта родила трехъ сыновей; младшій изъ нихъ былъ предкомъ Чингизъ-хана. Отецъ послѣдняго, Есукай-Багадуръ, отличался храбростію и предпріимчивостію; онъ успѣлъ соединить подъ своею властію многіе сосѣдніе роды и поколѣнія, такъ что ему платило дань отъ тридцати до сорока тысячъ семействъ. Чингизъ-ханъ родился около 1160 года по Р. Х. и получилъ имя Темуджина. Тѣ же баснословныя сказанія прибавляютъ, что онъ явился на свѣтъ съ кускомъ запекшейся крови въ сжатой рукѣ, и что нѣкто при этомъ случаѣ предсказалъ ему будущую славу и завоеваніе всего міра.

Темуджину было только тринадцать лѣтъ, когда скончался его отецъ. Большая часть родовъ, подвластныхъ Есукай-Багадуру, воспользовалась смертью послѣдняго, отказалась платить дань его сыну и откочевала отъ его юрта. Не довольствуясь тѣмъ, мятежники нападали на его кочевья, отгоняли скотъ, брали плѣнниковъ и вообще вели съ нимъ обычныя между сосѣдями войны. Для молодаго Темуджина начался долгій періодъ различныхъ испытаній и превратностей судьбы. Не разъ въ войнахъ съ сосѣдними племенами онъ терпѣлъ неудачи, измѣны, различныя обиды, и попадалъ въ руки враговъ, отъ которыхъ избавлялся почти чудеснымъ образомъ. За то въ теченіе этого періода закалились его характеръ и мужество; развились его изобрѣтательный умъ и военный геній, вмѣстѣ съ холодною разсчетливою свирѣпостью. Есть извѣстіе, что нѣсколько лѣтъ онъ пробылъ у Ніучей, въ Китаѣ, и воспользовался тѣмъ временемъ, чтобы познакомиться съ зрѣлою гражданственностію Китайскаго народа, а въ особенности изучить тамъ разные пріемы военнаго искусства, болѣе усовершенствованные чѣмъ у дикихъ кочевниковъ, сильныхъ только своею конницею и своимъ умѣньемъ стрѣлять изъ лука; въ чемъ они упражнялись съ дѣтскихъ лѣтъ. Одинъ современный ему китайскій лѣтописецъ изображаетъ Темуджина человѣкомъ непохожимъ по наружности на другихъ Мон-

головъ, людей неуклюжихъ, съ короткими ногами, съ плоскимъ скуластымъ лицомъ и тупымъ носомъ, съ узкими, далеко разставленными глазами, безъ верхнихъ рѣсницъ, съ рѣдкими волосами на бородѣ и усахъ. Онъ, напротивъ, отличался очень высокимъ ростомъ, большимъ лбомъ и длинною бородою. Вѣроятно, какъ и прочіе Монголы, онъ носилъ волосы на китайскій образецъ, то-есть бритые на передней части головы, съ длинной косой на затылкѣ.

Вотъ одна изъ тѣхъ баснословныхъ превратностей, которыя постигали будущаго грознаго завоевателя въ молодости, на его родинѣ. Разъ враждебное племя Тайджигутовъ напало на кочевье Темуджина и его братьевъ, и потребовало отъ ихъ матери выдачи только его одного. Темуджинъ спрятался въ недоступной пещерѣ, на берегахъ рѣки Онона; провелъ тамъ девять сутокъ безъ пищи и питья. Наконецъ онъ вышелъ изъ своего убѣжища, рѣшивъ, что, если ему суждено умереть, на то есть воля Тенгри (или неба, почитаемаго Монголами за верховное божество). Подстерегавшіе враги схватили его, отвезли въ свое кочевье и заключили въ оковы, а на шею, сверхъ того, надѣли деревянную колодку. Одна старая женщина сжалилась надъ молодымъ плѣнникомъ, и подложила ему кусокъ войлока на плечи, чтобы колодка не слишкомъ ихъ терла. Случилось, что Тайджигуты справляли большой праздникъ и до-пьяна напились кумысу. Темуджинъ разбилъ ножныя оковы, ударилъ ими своего сторожа и, убѣжавъ, спрятался въ болотѣ. Враги искали его; но тутъ одинъ изъ ихъ же племени, замѣтивъ его въ водѣ, послалъ искавшихъ въ другую сторону. Онъ же потомъ спряталъ его у себя въ возу съ овечьей шерстью, а когда обманутые сыщики удалились, далъ ему быструю кобылицу, и Темуджинъ благополучно воротился въ свое кочевье. Такимъ образомъ, во время неудачъ и превратностей счастья, онъ всегда находилъ людей, которые помогали ему избавляться отъ опасности. Щедростію и ласкою онъ умѣлъ привлечь къ себѣ сердца и приготовить многихъ союзниковъ, которые способствовали его возвышенію.

Темуджину было уже за сорокъ лѣтъ, когда долгая, настойчивая борьба съ разными препятствіями и обстоятельствами увѣнчалась наконецъ полнымъ успѣхомъ, и судьба сдѣлалась

постоянно къ нему благосклонна. Тайджигуты соединились съ нѣкоторыми племенами, когда-то отложившимися отъ Темуджина, и пошли на него съ большимъ войскомъ. Онъ собралъ всѣ подвластные себѣ тринадцать родовъ, расположилъ ихъ одинъ подлѣ другаго, въ видѣ кольца, и мужественно встрѣтилъ непріятелей. Упорная битва окончилась полнымъ ихъ пораженіемъ. Семьдесятъ тайджигутскихъ бековъ, захваченныхъ въ плѣнъ, Темуджинъ велѣлъ бросить въ семьдесятъ кипящихъ котловъ. Большая часть побѣжденныхъ родовъ признали надъ собой его власть. Затѣмъ послѣдовалъ рядъ удачныхъ войнъ съ другими монголо-татарскими ханами; число подвластныхъ ордъ начало быстро возрастать. Въ этихъ войнахъ вѣрнымъ его союзникомъ былъ старый Ванъ-ханъ или начальникъ сильнаго племени Кераитовъ, по имени Тулуй, много обязанный его отцу Есукай-Багадуру. Помогая другъ другу, Темуджинъ и Ванъ-ханъ неразъ одолѣвали враждебные имъ союзы другихъ хановъ. Однако, побуждаемый своимъ сыномъ, который завидовалъ возраставшему могуществу Темуджина, старикъ впослѣдствіи разорвалъ союзъ и затѣялъ междоусобіе. Оно окончилось пораженіемъ и смертью Тулуя и его сына; а племя Кераитовъ подчинилось побѣдителю. Теперь Темуджинъ уже не имѣлъ болѣе соперниковъ между монгольскими ханами. Въ 1203 году онъ созвалъ большой курилтай на богатыхъ пастбищами берегахъ Керлона, угостилъ собравшихся роскошнымъ пиромъ и заставилъ провозгласить себя верховнымъ ханомъ монгольскихъ ордъ. Рядомъ съ знаменемъ своего рода, состоявшимъ изъ четырехъ конскихъ хвостовъ, онъ развернулъ другое, изъ девяти хвостовъ яка или дикаго буйвола, по числу девяти монгольскихъ колѣнъ. Тутъ же, по словамъ преданія, одинъ вѣщій человѣкъ (конечно, шаманъ) объявилъ народу, будто онъ посланъ самимъ небомъ возвѣстить, что Темуджину предназначено овладѣть вселенной и что отнынѣ онъ долженъ называться Чингизъ-ханомъ. (По нѣкоторымъ толкованіямъ—«великій ханъ»).

Обширныя завоеванія быстро послѣдовали одно за другимъ. Постепенное подчиненіе западныхъ или турко-татарскихъ ордъ привело Чингизъ-хана въ столкновеніе съ Гуръ-ханомъ; такой титулъ носилъ тогда владѣтель Кара-Китая или Восточнаго Туркестана. Послѣдній былъ завоеванъ. Затѣмъ

подчинены Уйгуры, самое образованное изъ турецкихъ племенъ, обитавшее въ Алтайскихъ горахъ. (Отъ нихъ Монголы заимствовали азбуку). Потомъ подверглось разгрому царство Тангутское, лежавшее въ южной Монголіи, сопредѣльное Китаю. При этихъ завоеваніяхъ Чингизъ-хану помогали не только его военный геній и многочисленность войска, но еще болѣе—умѣнье пользоваться взаимною враждою, ошибками или неспособностью сосѣднихъ государей. Соединивъ подъ своею властію бо̀льшую часть монголо-татарскихъ и турко-татарскихъ кочевниковъ Средней Азіи, Чингизъ обратилъ оружіе на Китай, т. е. на сѣверную его половину или имперію манджурскихъ Ніучей, которыхъ династія называлась Кинъ; государь ихъ носилъ титулъ Алтунъ-хана. Китайское правительство, безпечно допустившее быстрое возрастаніе Чингизова могущества, вдругъ потребовало отъ него прежде платимой дани. Отсюда возникла упорная война. Темуджинъ проникъ за Каменную Стѣну, и внесъ опустошеніе внутрь имперіи. Ніучи, уже успѣвшіе утратить отчасти свой воинственный духъ, не могли противустать въ открытомъ полѣ; а защищались въ укрѣпленныхъ городахъ, которые явились въ началѣ неприступными для Монголовъ, какъ исключительно коннаго войска. Но тутъ же они научились искусству брать эти города, отчасти долгимъ обложеніемъ и голодомъ, отчасти — усвоивъ себѣ стѣнобитныя машины, умѣнье дѣлать подкопы и другіе осадные пріемы, употреблявшіеся въ Китаѣ. Взявъ и разграбивъ какой-нибудь городъ и подступая къ другому, Монголы выставляли обыкновенно плѣненныхъ жителей впереди своего войска и принуждали ихъ исполнять разныя осадныя работы. Такимъ образомъ защитникамъ приходилось бросать стрѣлы и другіе метательные снаряды въ своихъ несчастныхъ соотечественниковъ, что̀ конечно ослабляло мужество первыхъ. Борьба съ сильной имперіей однако была нелегка. Чингизъ-ханъ предпринималъ нѣсколько походовъ въ Китай, прежде нежели ему удалось овладѣть столицей Пекиномъ и поколебать владычество Ніучей. Полное завоеваніе этой имперіи было окончено уже при его преемникѣ. Въ борьбѣ съ Китаемъ Монголамъ помогли въ особенности его внутреннія неустройства, какъ-то: убійство и сверженіе государей ихъ соперниками, измѣна

нѣкоторыхъ военачальниковъ, нелюбовь китайскаго населенія къ своимъ манджурскимъ завоевателямъ и проч. Всѣми этими обстоятельствами монгольскій ханъ умѣлъ искусно воспользоваться; кромѣ того, къ союзу противъ имперіи Киновъ онъ привлекъ Сунговъ, властителей другой, южной, части Китая.

Во время этой борьбы вниманіе Темуджина частію было отвлечено въ иную сторону, т. е. на западъ, войною съ другимъ могущественнымъ государемъ Азіи, именно съ Магометомъ, султаномъ Ховарезма или югозападнаго Туркестана. Магометъ оружіемъ расширилъ свое царство съ одной стороны до береговъ Каспійскаго моря, а съ другой—до рѣки Инда, и завладѣлъ бо̀льшею частію Персіи. Въ началѣ турецкій султанъ и монгольскій ханъ заключили между собою дружескій и торговый договоръ. Но надменный Магометъ не оцѣнилъ Чингизова могущества, и легкомысленно нарушилъ договоръ: онъ отказался удовлетворить хана за монгольскій караванъ, разграбленный въ турецкихъ владѣніяхъ, и за убійство Чингизовыхъ пословъ. Отсюда возникла жестокая война, покрывшая пепломъ и сотнями тысячъ труповъ многія цвѣтущія дотолѣ страны, въ особенности область Аму-Дарьи, средоточіе Магометова царства. И тутъ Чингизъ-ханъ ловко воспользовался обстоятельствами для борьбы съ непріятелемъ, въ особенности взаимною враждою султана и багдадскаго халифа Аль-Нассира. Халифатъ находился уже въ полномъ упадкѣ, и Магометъ вздумалъ подчинить его своей верховной власти. Тогда халифъ самъ началъ возбуждать противъ него монгольскаго завоевателя. Въ имперіи Магомета одна часть жителей слѣдовала суннитскому толку, другая шіитскому. Султанъ покровительствовалъ послѣднему; поэтому халифъ вооружалъ противъ него суннитскихъ подданныхъ; чѣмъ увеличивалъ разладъ въ Харезмской имперіи, и безъ того составленной изъ разнообразныхъ, чуждыхъ другъ другу, народовъ. Уже при самомъ началѣ войны, Магометъ оказался слабѣе своего противника въ открытомъ полѣ, а потому, также какъ и китайскій государь, принужденъ былъ ограничиться защитою укрѣпленныхъ городовъ. Чингизъ-ханъ и его сыновья прошли опустошительнымъ потокомъ по непріятельской землѣ. Несмотря на отчаянное со-

противленіе, города одинъ за другимъ падали въ руки Монголовъ; при чемъ одна часть способныхъ носить оружіе обыкновенно присоединялась къ войску побѣдителей, а другая безъ пощады истреблялась, или обращалась въ рабство. Такъ пали, между прочимъ, славившіеся своею торговлею и мусульманскою образованностію: Бухара, Ходжентъ, Самаркандъ, Балкъ, Ургенчъ, Мервъ, Гератъ и др. Истребляя жителей или забирая ихъ въ плѣнъ, чтобы съ корнемъ вырвать всякую возможность сопротивленія и бунта на будущее время, Чингизъ-ханъ приказывалъ щадить только художниковъ и ремесленниковъ, какъ людей для него полезныхъ. Ужасъ, наведенный звѣрствомъ и непобѣдимостью Монголовъ, немало способствовалъ ихъ дальнѣйшимъ успѣхамъ. Многіе города сдавались на ихъ милость, признавая безполезнымъ всякое сопротивленіе.

Видя измѣну вассальныхъ владѣтелей и тѣснимый Монголами, Магометъ, съ остатками своего войска и двора, отступалъ изъ одной области въ другую. Для его преслѣдованія Чингизъ отрядилъ двухъ своихъ лучшихъ полководцевъ, Джебе-Нойона и Субудай-Багадура, съ нѣсколькими десятками тысячъ конницы. Тогда начались, съ одной стороны, дѣятельная погоня, а съ другой—стараніе спастись отъ плѣна быстрыми переходами то въ ту, то въ другую сторону. Наконецъ султанъ бросился къ берегамъ Каспійскаго моря, въ отдаленную область Мазандеранъ. Но и сюда скоро явились его неутомимые преслѣдователи. Удрученный горемъ и болѣзнію, Магометъ спасся на одинъ каспійскій островъ, гдѣ и скончался (1221 г.), назначивъ своимъ преемникомъ старшаго сына Джелаль-эддина. Этотъ мужественный, предпріимчивый государь на нѣкоторое время продлилъ упорную борьбу съ грознымъ ханомъ и даже одержалъ нѣсколько побѣдъ надъ Монголами; но онъ уже не могъ спасти Ховарезмской имперіи, которая была въ-конецъ опустошена и совершенно завоевана ([48]).

Помянутое преслѣдованіе Монголами султана Магомета пріобрѣло важное значеніе въ Русской исторіи: съ нимъ связано первое нашествіе сихъ варваровъ на Русь. Во время этого преслѣдованія Джебе-Нойонъ и Субудай-Багадуръ да-

леко углубились на западъ, въ прикаспійскія страны, и вошли въ область Адербейджанъ. По смерти Магомета, они получили отъ Чингизъ-хана, вмѣстѣ съ подкрѣпленіями, разрѣшеніе идти изъ Адербейджана далѣе на сѣверъ, чтобы воевать страны, лежащія за Каспіемъ и Ураломъ, особенно турецкій народъ Кипчаковъ или Кумановъ (Половцевъ). Полководцы перешли рѣки Араксъ и Куръ, вторглись въ Грузію, разбили грузинское войско и направились къ Дербенту. У владѣтеля Шемахи они взяли десять проводниковъ, которые должны были указать имъ пути чрезъ Кавказскія горы. Варвары отрубили одному изъ нихъ голову, грозя поступить также и съ другими, если они не поведутъ войско лучшими путями. Но угроза произвела противуположное дѣйствіе. Проводники улучили минуту и убѣжали въ то именно время, когда варвары вошли въ невѣдомыя для нихъ горныя тѣснины. Межъ тѣмъ, извѣщенные объ этомъ нашествіи, нѣкоторые кавказскіе народы, въ особенности Аланы и Черкесы (Ясы и Касоги русскихъ лѣтописей), соединясь съ отрядомъ Половцевъ, заняли окрестные проходы и окружили варваровъ. Послѣдніе очутились въ весьма затруднительномъ положеніи. Но Джебе и Субудай были опытные, находчивые предводители. Они послали сказать Половцамъ, что, будучи ихъ соплеменниками, не желаютъ имѣть ихъ своими врагами. (Турко-татарскіе отряды составляли бо́льшую часть отправленнаго на западъ войска). Къ своимъ льстивымъ рѣчамъ посланцы присоединили богатые дары и обѣщаніе раздѣлить будущую добычу. Вѣроломные Половцы дались въ обманъ, и покинули своихъ союзниковъ. Татары одолѣли послѣднихъ и выбрались изъ горъ на сѣверную сторону Кавказа. Тутъ, на степныхъ равнинахъ, они уже свободно могли развернуть свою конницу, и тогда начали грабить и раззорять вежи самихъ Половцевъ, которые, полагаясь на заключенную дружбу, разошлись по своимъ кочевьямъ. Они такимъ образомъ получили достойное возмездіе за свое вѣроломство.

Тщетно Половцы пытались противиться; они постоянно терпѣли пораженія. Татары распространили ужасъ и раззореніе до самыхъ предѣловъ Руси или до такъ называемаго «Половецкаго вала», который отдѣлялъ ее отъ степи. Въ этихъ битвахъ пали знатнѣйшіе ханы Кипчака Даніилъ

Кобяковичъ и Юрій Кончаковичъ, бывшіе въ свойствѣ съ русскими князьями и носившіе, какъ видимъ, русскія имена. Оставшійся старѣйшимъ между ханами, Котянъ, съ нѣсколькими другими, бѣжалъ въ Галичъ, къ зятю своему Мстиславу Удалому, и началъ молить его о помощи. Не таковъ былъ галицкій князь, чтобъ отказываться отъ ратнаго дѣла, чтобы не помѣряться съ новымъ, еще неиспытаннымъ врагомъ.

Наступила зима. Татары расположились провести ее въ южныхъ половецкихъ кочевьяхъ. Они воспользовались зимнимъ временемъ и для того, чтобы проникнуть на Таврическій полуостровъ, гдѣ взяли большую добычу, и, въ числѣ другихъ мѣстъ, разорили цвѣтущій торговлею городъ Сугдію (Судакъ).

Между тѣмъ, по просьбѣ Мстислава Мстиславича, южнорусскіе князья собрались на сеймъ въ Кіевѣ, чтобы общимъ совѣтомъ подумать о защитѣ Русской земли. Старшими князьями здѣсь были три Мстислава: кромѣ Удалаго, кіевскій великій князь Мстиславъ Романовичъ и черниговскій Мстиславъ Святославичъ. За ними, по старшинству, слѣдовалъ Владиміръ Рюриковичъ Смоленскій. Вѣроятно тутъ же присутствовалъ и четвертый Мстиславъ (Ярославичъ), прозваніемъ Нѣмой, старшій изъ князей волынскихъ; по крайней мѣрѣ, онъ участвовалъ потомъ въ ополченіи. Былъ тутъ и Котянъ съ своими товарищами.

Половецкіе ханы неотступно просили русскихъ князей вмѣстѣ съ ними ополчиться противъ Татаръ, и приводили такой доводъ: «если не поможете намъ, то мы будемъ избиты сегодня, а вы завтра». Просьбы свои они подкрѣпляли щедрыми подарками, состоявшими изъ коней, верблюдовъ, рогатаго скота и красивыхъ плѣнницъ. Одинъ изъ хановъ, по имени Бастый, во время сейма принялъ крещеніе. Самымъ усерднымъ ихъ ходатаемъ явился конечно Мстиславъ Удалой. «Лучше встрѣтить враговъ въ чужой землѣ, нежели въ своей—говорилъ онъ.—Если мы не поможемъ Половцамъ, то они, пожалуй, передадутся на сторону Татаръ, и у тѣхъ будетъ еще болѣе силы противъ насъ». Наконецъ онъ увлекъ весь сеймъ; рѣшенъ былъ общій походъ. Князья разъѣхались, чтобы собрать свои полки и сойтись вмѣстѣ на условленныхъ

мѣстахъ. Послали также просить помощи у великаго князя владиміро-суздальскаго Юрія Всеволодовича. Онъ не отказалъ, и отправилъ на югъ суздальскую дружину съ племянникомъ своимъ Василькомъ Константиновичемъ Ростовскимъ. Посылали и къ рязанскимъ князьямъ, но тѣ, неизвѣстно почему, не подали никакой помощи.

Походъ въ степи, по обычаю, открылся весною, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Главное сборное мѣсто, во время такихъ походовъ, находилось у правобережнаго городка Заруба и, такъ называемаго, Варяжскаго острова. Здѣсь производилась переправа черезъ Днѣпръ, на пути изъ Кіева въ Переяславль, который лежалъ тутъ же по-близости, на другой сторонѣ. Конница приходила сюда сухопутьемъ, а пѣхота приплывала на судахъ. По словамъ лѣтописи, судовъ набралось столько, что воины переходили по нимъ какъ по суху съ одного берега на другой. Здѣсь собрались князья кіевскіе, смоленскіе, черниговскіе, сѣверскіе, волынскіе и галицкіе, каждый съ своею дружиною. Сюда же, къ русскимъ князьямъ, явились послы отъ татарскихъ военачальниковъ. Послѣдніе провѣдали о сильной рати, и попытались, по своему обычаю, ловкими переговорами разъединить союзниковъ.

«Слышали мы—говорили послы,—что вы идете на насъ; мы же земли вашей не занимали, городовъ и селъ вашихъ не трогали, и пришли не на васъ, а на Половцевъ, нашихъ холоповъ и конюховъ. Возьмите съ нами миръ: у насъ нѣтъ съ вами рати. Слышали мы, что Половцы и вамъ много зла творятъ. Мы ихъ бьемъ отсюда, и если они къ вамъ побѣгутъ, то бейте ихъ отъ себя и забирайте ихъ имущество.»

Хитрость, употребленная съ Половцами въ Кавказскихъ горахъ, безъ сомнѣнія, была уже извѣстна русскимъ князьямъ. Послѣдніе не только не хотѣли слушать льстивыхъ татарскихъ рѣчей, но и, вопреки всѣмъ обычаямъ, по наущенію Половцевъ, велѣли умертвить самихъ пословъ. Отъ Заруба ополченіе, держась праваго берега, двинулось далѣе къ югу и прошло пороги. Между тѣмъ галицкая пѣхота, подъ начальствомъ двухъ воеводъ, Юрія Домамирича и Держикрая Володиславича, (если вѣрить лѣтописцу) на тысячѣ ладьяхъ, спустилась внизъ по Днѣстру въ море; потомъ поднялась вверхъ по Днѣпру, миновала Олешье и

остановилась около пороговъ на устьѣ рѣчки Хортицы, «на броду у протолчи,» гдѣ и встрѣтилась съ войскомъ, шедшимъ сверху. Пришла и главная рать половецкая. Все соединенное ополченіе едва ли не простиралось до ста тысячъ ратниковъ. И оно заключало въ себѣ цвѣтъ Русскаго племени.

Во второй разъ явились татарскіе посланцы и сказали: «Вы послушались Половцевъ, пословъ нашихъ умертвили и идете противъ насъ; а мы васъ ничѣмъ не трогали; пусть разсудитъ насъ Богъ». На этотъ разъ пословъ отпустили.

Межъ тѣмъ, услыхавъ о близости передовыхъ татарскихъ отрядовъ, Даніилъ Романовичъ Волынскій и другіе молодые князья, въ сопровожденіи Юрія Домамирича, поспѣшили съ легкою дружиною перебраться черезъ рѣку и поскакали въ степь, чтобы посмотрѣть на невиданныхъ дотолѣ враговъ. Воротясь въ станъ, молодежъ разсказывала, что Татары смотрятъ людьми самыми простыми, такъ что «пуще» (хуже) Половцевъ. Но опытный въ военномъ дѣлѣ Юрій Домамиричъ утверждалъ, что это добрые ратники и хорошіе стрѣлки. Онъ уговаривалъ князей не терять времени и спѣшить выходомъ въ поле. Навели мосты изъ ладей, и войска начали переправу на лѣвый берегъ Днѣпра. Однимъ изъ первыхъ переправился Мстиславъ Удалой. Съ передовымъ отрядомъ онъ ударилъ на сторожевой полкъ непріятельскій, разбилъ его, далеко гнался за нимъ и захватилъ много скота. Татарскій воевода Гемябекъ спрятался было въ одномъ изъ тѣхъ могильныхъ кургановъ, которыми такъ изобилуютъ наши южныя степи; но былъ найденъ. Половцы выпросили его у Мстислава и убили. Поощренные этою побѣдою, русскіе князья смѣло углубились въ степи, слѣдуя обычнымъ Залознымъ путемъ, который велъ къ Азовскому морю. Татары отступали, и только сторожевые отряды, время отъ времени, затѣвали мелкія сшибки. Послѣ осьми или девятидневнаго степнаго похода, русская рать приблизилась къ берегамъ Азовскаго моря. Здѣсь Татары остановились и выбрали удобное для себя мѣсто за рѣчкою Калкою (притокъ Калміуса).

Первые успѣхи и отступленіе Татаръ усилили и безъ того существовавшую у русскихъ людей увѣренность въ своихъ

силахъ и нѣкоторую безпечность: они начали свысока относиться къ непріятелю, который, очевидно, уступалъ имъ и числомъ, и вооруженіемъ. Но единодушіе князей, по обыкновенію, было непродолжительно; уже во время похода возникли соперничество и разныя пререканія. Общаго начальника не было; а было нѣсколько старшихъ князей, и каждый изъ нихъ распоряжался своими полками отдѣльно, мало справляясь съ другими. Состояніе русской рати и ея слабыя стороны, по всей вѣроятности, не укрылись отъ такихъ опытныхъ, искусныхъ военачальниковъ, каковы были Джебе и Субудай, получившіе большой навыкъ воевать и управляться съ самыми разнообразными народами. Недаромъ они провели зиму въ половецкихъ кочевьяхъ, и безъ сомнѣнія нашли возможность развѣдать все, что имъ нужно было знать по отношенію къ Руси и ея вождямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что дарами, ласками и обѣщаніями они постарались найти перебѣжчиковъ и измѣнниковъ, какъ это дѣлали въ другихъ странахъ. По крайней мѣрѣ, наша лѣтопись упоминаетъ о вольной дружинѣ русскихъ Бродниковъ, которые съ воеводою своимъ Плоскиней оказались на Калкѣ въ Татарскомъ ополченіи. Особенно много перевѣтчиковъ нашлось вѣроятно между Половцами. Рѣшаясь принять битву, татарскіе воеводы болѣе всего разсчитывали вѣроятно на русскую рознь, и не ошиблись.

Главнымъ виновникомъ бѣдствія явился тотъ самый Мстиславъ Удалой, который всю свою жизнь провелъ въ ратныхъ дѣлахъ и пользовался тогда на Руси славою перваго героя. Нѣтъ сомнѣнія, что собравшіеся князья признали бы временно его старшинство и подчинились бы его предводительству, еслибы онъ сколько-нибудь обладалъ политическимъ смысломъ и твердостью характера. Но этотъ самонадѣянный рубака не только не озаботился какими-либо военными предосторожностями; а напротивъ, считая Татаръ вѣрною добычею своего меча, опасался, чтобы кто другой не отнялъ у него славу побѣды. Къ тому же въ самую рѣшительную минуту, онъ съумѣлъ очутиться въ какой-то распрѣ съ своимъ двоюроднымъ братомъ Мстиславомъ Романовичемъ Кіевскимъ. Не предупредивъ послѣдняго, Удалой, очевидно, ведшій передовую или сторожевую рать, переправился за Калку съ галицко-волынскими полками и

отрядомъ Половцевъ, и началъ наступать на Татаръ, выславъ впереди себя Яруна съ Половцами и своего зятя Даніила Романовича съ Волынцами. Татары, закрываясь плетеными изъ хвороста щитами, мѣтко поражали стрѣлами наступавшихъ. Русскіе бодро продолжали нападеніе. Особенно отличился при этомъ Даніилъ Романовичъ; онъ врубился въ толпы враговъ и сгоряча не чувствовалъ раны, которую получилъ въ грудь. Вмѣстѣ съ нимъ ратоборствовалъ другой изъ молодыхъ князей, Олегъ Курскій. Одинъ изъ волынскихъ воеводъ (Василько Гавриловичъ), сражавшійся впереди, былъ сбитъ съ коня. Двоюродный дядя Даніила Романовича, Мстиславъ Нѣмой, думалъ, что это упалъ его племянникъ; не смотря на свои преклонныя лѣта, онъ бросился къ нему на выручку, и также началъ крѣпко поражать враговъ. Побѣда казалась уже близка. Но вдругъ Татары стремительно ударили на Половцевъ; послѣдніе не выдержали ихъ натиска, бросились назадъ на русскіе полки и привели ихъ въ замѣшательство. Искусный врагъ улучилъ минуту, чтобы, не давъ времени опомниться, нанести полное пораженіе Галичанамъ и Волынцамъ. А когда они обратились въ бѣгство, Татары напали на другіе русскіе отряды, еще не успѣвшіе выстроиться для битвы, и громили ихъ по частямъ. Остатки разбитаго ополченія побѣжали назадъ къ Днѣпру.

Это бѣдствіе совершилось 31-го мая 1223 года.

Одна часть татарскаго войска пустилась преслѣдовать бѣгущихъ, а другая осадила великаго князя кіевскаго Мстислава Романовича. Послѣдній является вторымъ, послѣ галицкаго князя, виновникомъ пораженія. Не видно, чтобы онъ пытался поддержать значеніе своего старѣйшаго стола и водворить единодушіе въ русскомъ ополченіи. Напротивъ, есть извѣстіе, что, надѣясь на собственный полкъ, онъ предавался безпечности и похвалялся одинъ истребить враговъ. Онъ расположился на возвышенномъ каменистомъ берегу Калки и, огородивъ свой станъ телѣгами и кольями, три дня отбивался здѣсь отъ нападенія Татаръ. Варвары прибѣгли къ обычному коварству. Они предложили великому князю дать за себя окупъ и мирно удалиться съ своимъ полкомъ. Воевода бродниковъ Плоскиня на крестѣ прися-

гнулъ въ исполненіи договора. Но едва Кіевляне покинули укрѣпленный станъ, какъ Татары ударили на нихъ и произвели безпощадное избіеніе. Мстиславъ Романовичъ и находившіеся при немъ два младшіе князя были задушены и брошены подъ доски, на которыхъ начальники варваровъ расположились для обѣда. Лѣтописцы говорятъ, что однихъ Кіевлянъ погибло на Калкѣ до десяти тысячъ; такъ велико было наше пораженіе.

Татары, отряженные для преслѣдованія бѣгущихъ, также успѣли избить много народу и кромѣ того шесть или семь князей; въ томъ числѣ палъ Мстиславъ Черниговскій. Остатокъ его полка спасся съ его племянникомъ Михаиломъ Всеволодовичемъ (впослѣдствіи замученнымъ въ Ордѣ). Владиміръ Рюриковичъ Смоленскій во время бѣгства успѣлъ собрать вокругъ себя нѣсколько тысячъ человѣкъ, отбился отъ враговъ и ушелъ за Днѣпръ. Главный виновникъ бѣдствія, Мстиславъ Удалой, также успѣлъ достигнуть днѣпровской переправы, вмѣстѣ съ Мстиславомъ Нѣмымъ и Даніиломъ Романовичемъ; послѣ чего онъ велѣлъ жечь и рубить ладьи, чтобы не дать возможности Татарамъ перейти на другой берегъ. Жители нѣкоторыхъ пограничныхъ городовъ думали умилостивить варваровъ и выходили къ нимъ навстрѣчу съ крестами, но подвергались избіенію.

Варвары однако не стали углубляться въ предѣлы Руси, а повернули назадъ въ Половецкую степь. Затѣмъ они направились къ Волгѣ, прошли по землѣ Камскихъ Болгаръ, которымъ также успѣли нанести большое пораженіе, и Уральскими степями, обогнувъ Каспійское море, воротились въ Азію, къ своему повелителю. Такимъ образомъ монгольскіе завоеватели на опытѣ извѣдали состояніе Восточной Европы и тѣ пути, которые вели въ нее. И этимъ опытомъ они не замедлятъ воспользоваться.

А между тѣмъ какъ воспользовались тѣмъ же опытомъ русскіе князья? подумали-ль они о томъ, чтобы на будущее время принять болѣе дѣйствительныя мѣры для защиты Руси? Нисколько. Тѣ же—безпечность и самонадѣянность, которыя предшествовали Калкскому пораженію, и послѣдовали за нимъ. Бѣдствіе это не нарушило обычнаго теченія русской жизни и междукняжескихъ отношеній, съ ихъ мелки-

ми распрями и спорами о волостяхъ. Татары скрылись въ степяхъ, и Русскіе думали, что случайно-грянувшая гроза пронеслась мимо. Современный лѣтописецъ наивно замѣтилъ, что варваровъ этихъ «никто хорошо не знаетъ, какого они племени и откуда пришли. Только премудрые мужи развѣ вѣдали, которые въ книгахъ начитаны: одни называли ихъ Татарами, другіе Таурменами, третьи Печенѣгами; иные считали ихъ тѣмъ самымъ народомъ, который, по словамъ Меѳодія Патарскаго, былъ загнанъ Гедеономъ въ пустыню между востокомъ и сѣверомъ, а передъ кончиною свѣта явится и поплѣнитъ всю землю отъ востока до Ефрата, Тигра и до Понтскаго моря». До какой степени русскіе политики того времени мало знали о великихъ переворотахъ, совершавшихся въ глубинѣ Азіатскаго материка, и какъ мало опасались за будущее Русской земли,—показываютъ слова того же современнаго суздальскаго лѣтописца о Василькѣ Константиновичѣ Ростовскомъ. Этотъ князь опоздалъ съ своей сѣверной дружиной: когда онъ достигъ Чернигова, сюда пришла вѣсть о Калкскомъ побоищѣ. Суздальцы поспѣшили вернуться домой, и лѣтописецъ весьма радуется такому благополучному возвращенію князя. Простодушный книжникъ конечно не предчувствовалъ, какая гроза собиралась надъ самой Суздальской Русью и какая мученическая кончина отъ рукъ тѣхъ же варваровъ ожидала Василька! Слова и тонъ этого лѣтописца служатъ отголоскомъ и самаго сѣверно-русскаго общества, посреди котораго онъ жилъ. Только впослѣдствіи, когда Татары наложили свое тяжелое ярмо, наши старинные книжники болѣе оцѣнили несчастное Калкское побоище и начали украшать его нѣкоторыми сказаніями, напримѣръ о гибели семидесяти русскихъ богатырей, въ томъ числѣ Добрыни Златаго-пояса и Александра Поповича съ его слугою Торопомъ (49).

Въ это время Сѣверная Русь сравнительно съ Южною представляла значительное затишье и развитіе мирной дѣятельности. Благодаря домовитому, благочестивому характеру суздальскихъ князей и согласію, наступившему въ семьѣ Всеволода Большое Гнѣздо, Сѣверная Русь дѣлала очевидные успѣхи на поприщѣ гражданственности. Между прочимъ къ тому

же времени относятся особенно частыя извѣстія лѣтописи о церковныхъ торжествахъ, о построеніи и украшеніи храмовъ въ главныхъ суздальскихъ городахъ. Нѣкоторыя изъ этихъ сооруженій, сохранившіяся до сихъ поръ, ясно свидѣтельствуютъ о развитіи художествъ въ Сѣверной Руси. Мирное теченіе жизни нарушалось, впрочемъ, походами на Мордву, Болгаръ, на Ливонскихъ Нѣмцевъ и Литву, а болѣе всего смутами Новгорода Великаго, который не ладилъ съ своимъ княземъ Ярославомъ Всеволодовичемъ Переяславскимъ и продолжалъ бороться противъ суздальскаго вліянія.

Но за то въ Южной Руси по прежнему длилась взаимная княжеская вражда и происходили междоусобныя войны съ участіемъ иноплеменниковъ, т.-е. Угровъ, Поляковъ и Половцевъ. На великомъ княженіи Кіевскомъ, послѣ гибели Мстислава Романовича, сѣлъ его двоюродный братъ Владиміръ Рюриковичъ; но онъ, кажется, не пользовался и тѣмъ значеніемъ между своими родичами, которое еще сохранялъ его предшественникъ; а заботился только о томъ, чтобъ удержаться на великомъ столѣ. Въ Черниговѣ послѣ Мстислава Святославича сѣлъ его племянникъ Михаилъ Всеволодовичъ; но онъ долженъ былъ выдержать борьбу съ своимъ соперникомъ Олегомъ Курскимъ. Междоусобіе рѣшилось въ пользу Михаила, благодаря участію великаго князя суздальскаго Георгія, которому Михаилъ приходился свойкомъ. Георгій съ своими племянниками, князьями Ростовскими, ходилъ къ нему на помощь и помирилъ его съ Олегомъ (1226). Примиренію этому не мало способствовалъ и присланный изъ Кіева Владиміромъ Рюриковичемъ митрополитъ Кириллъ, отличавшійся своею ученостію.

Утративъ политическую гегемонію надъ другими областями Руси, Кіевъ пока еще не имѣлъ совмѣстника въ дѣлахъ церковной іерархіи, и сюда попрежнему отправлялись изъ другихъ областей паломники, а также вновь назначенные епископы, чтобы принять поставленіе изъ рукъ митрополита. Послѣднее торжество совершалось соборне и давало иногда поводъ къ многолюднымъ съѣздамъ князей, духовенства, бояръ и разныхъ именитыхъ пословъ. Такъ сѣверный лѣтописецъ подъ 1231 г. описываетъ поставленіе въ Кіевѣ Кирилла во епископа Ростовскаго. Соименный ему митрополитъ посвящалъ его въ сослуженіи съ четырьмя епископами, Черниговскимъ,

Полоцкимъ, Бѣлгородскимъ и Юрьевскимъ, а также съ игуменами кіевскихъ монастырей, между которыми первое мѣсто занималъ Акиндинъ, архимандритъ Печерскій. Посвященіе совершалось въ соборномъ храмѣ св. Софіи, а обильная трапеза устроена была въ Печерскомъ монастырѣ. На этомъ праздникѣ присутствовали многіе областные князья, въ томъ числѣ Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій съ своимъ сыномъ Ростиславомъ. Ихъ принималъ великій князь Владиміръ Рюриковичъ; а «кіевскую тысячу (главное воеводство) держалъ» бояринъ Іоаннъ Славновичъ.

Самая тревожная воинственная дѣятельность кипѣла въ то время въ юго-западномъ краѣ Руси, вокругъ Галича, который съ своимъ крамольнымъ боярствомъ продолжалъ служить непрерывнымъ яблокомъ раздора между сосѣдними князьями, русскими и иноплеменными.

Мстиславъ Мстиславичъ Удáлой послѣ Калкскаго пораженія вернулся въ Галичъ, и, оставаясь неисправимъ въ дѣлѣ политики, продолжалъ дѣлать одну ошибку за другою. Роль злаго генія въ юго-западной Руси долго игралъ князь Бельзскій Александръ Всеволодовичъ, который сильно враждовалъ съ двоюродными братьями, Даніиломъ и Василькомъ Романовичами, пытаясь отнять у нихъ то ту, то другую волость. Этотъ Александръ Бельзскій съумѣлъ поссорить Мстислава Удалаго съ его зятемъ Даніиломъ Романовичемъ, оклеветавъ послѣдняго въ какихъ-то замыслахъ и даже въ намѣреніи убить своего тестя. Уже между ними началась братоубійственная война. Даніилъ и Василько, получивъ помощь отъ Ляховъ, повоевали землю Бельзскую и часть Галиціи; а Мстиславъ призвалъ Владиміра Рюриковича Кіевскаго и Котяна съ Половцами. Къ счастію клевета вскорѣ обнаружилась. Когда Мстиславъ потребовалъ отъ Александра доказательствъ, послѣдній не посмѣлъ самъ явиться къ нему, а прислалъ своего боярина Яна, который очень неловко запутался въ показаніяхъ, и тѣмъ изобличилъ своего князя. Мстиславъ помирился съ Даніиломъ и наградилъ его великими дарами; между прочимъ подарилъ ему своего борзаго коня, которому не было равнаго. По своему добродушію онъ не лишилъ Александра его удѣла, вопреки совѣту другихъ родичей; а оставилъ его безнаказаннымъ.

Но едва уладилась эта ссора, какъ обнаружилась другая клевета, которая также произвела большой переполохъ. Одинъ изъ вѣроломныхъ галицкихъ бояръ, по имени Жирославъ, увѣрилъ своихъ товарищей, будто Мстиславъ хочетъ выдать бояръ Котяну Половецкому на избіеніе. Бояре поспѣшили спастись бѣгствомъ въ Карпаты, и оттуда вступили въ пререканія съ княземъ, ссылаясь на Жирослава. Князь послалъ къ нимъ своего духовника Тимоѳея, который присягнулъ передъ боярами въ томъ, что у Мстислава ничего подобнаго не было на умѣ. Бояре воротились. Уличенный во лжи, Жирославъ былъ только изгнанъ изъ Галича, и удалился на службу къ другому южнорусскому князю.

Самымъ естественнымъ преемникомъ Мстислава Удалаго на Галицкомъ столѣ являлся зять его Даніилъ Романовичъ, котораго отецъ также занималъ этотъ столъ, и самъ онъ въ малолѣтствѣ уже княжилъ въ Галичѣ. Народъ полюбилъ его и желалъ снова имѣть своимъ княземъ; Мстиславъ также склонялся на его сторону. Но между галицкими боярами существовала сильная партія, которую можно назвать Угорскою. Эта партія хлопотала во что бы ни стало устранить Даніила и вообще помѣшать утвержденію новой Русской династіи, помѣшать упроченію надъ собою туземной княжеской власти. Боярство Галицкое неуклонно стремилось къ своеволію, къ безусловному захвату высшихъ земскихъ должностей, поземельныхъ владѣній и разнаго рода доходныхъ статей, которыя должны были поступать собственно въ княжую казну. Особенно примѣръ своевольныхъ угорскихъ магнатовъ заразительно дѣйствовалъ на Галицкое боярство. Значительная часть его склонялась къ тѣсному союзу съ Уграми, и предпочитала имѣть на своемъ столѣ иноплеменнаго королевича: привыкшій къ угорскимъ порядкамъ, обязанный своимъ столомъ боярской партіи и принужденный опираться на нее, естественно этотъ королевичъ менѣе кого либо могъ стѣснять боярскія вольности. Близорукій Мстиславъ приблизилъ къ себѣ тѣхъ самыхъ бояръ, которые были ревностными сторонниками Угровъ, именно Судислава и Глѣба Зеремѣевича. И вотъ эти лица начали смущать Мстислава, увѣряя его, что ему невозможно удержаться въ Галичѣ, что бояре не хотятъ его и что единственное средство предотвра-

тить мятежъ: это выдать поскорѣе меньшую свою дочь за угорскаго королевича Андрея и посадить его на Галицкомъ столѣ. «Если отдашь Галичъ королевичу—говорили совѣтники,—то всегда можешь взять его назадъ; а если отдашь Даніилу, то во вѣки не будетъ твой Галичъ». Очевидно подъ старость Мстиславъ окончательно лишился здраваго смысла: онъ послушался совѣтниковъ, и отдалъ Галичъ Андрею (сыну короля Андрея II); за собой оставилъ только Понизье, и удалился въ городъ Торческъ. Здѣсь въ слѣдующемъ 1228 году окончилъ свою бурную жизнь этотъ столь знаменитый и вмѣстѣ столь легкомысленный Русскій князь.

Съ вокняженіемъ королевича Андрея на берегахъ Днѣстра руководителемъ его и главнымъ правителемъ земли сдѣлался бояринъ Судиславъ. Отсюда начинается самая тревожная, самая неустанная дѣятельность Даніила Романовича Волынскаго, направленная на добываніе Галицкаго княженія. Приступая къ описанію этой дѣятельности, Волынскій лѣтописецъ говоритъ: «Начнемъ разсказывать безчисленныя рати и великіе труды, частыя войны, многія крамолы, частыя возстанія и многіе мятежи; они (т. е. два брата Романовича) уже съ малыхъ лѣтъ не имѣли покою». При смерти Мстислава Удалаго, Романовичи владѣли только частью Волынской земли; но, благодаря ихъ неразрывному согласію и замѣчательной энергіи Даніила, спустя десять лѣтъ они владѣли уже почти всею Югозападною Русью, т. е. всею Волынью, Галиціей и даже Кіевской землею. Даніилъ началъ съ того, что занялъ оставшееся отъ Мстислава Понизье; затѣмъ подчинилъ себѣ князей Пинскихъ, которымъ помогали князья Черниговскіе и Владиміръ Рюриковичъ Кіевскій. Союзникомъ Даніила является Лешко Польскій, который вскорѣ былъ убитъ своими соперниками, Святополкомъ Одоничемъ и Владиславомъ Старымъ. Въ происшедшей отсюда польской усобицѣ Даніилъ и Василько въ свою очередь помогли брату Лешка Кондрату Мазовецкому; при чемъ, по замѣчанію лѣтописи, такъ далеко ходили въ Ляшскую землю, какъ никто изъ Русскихъ князей, кромѣ Владиміра, «который землю крестилъ». Вслѣдъ за тѣмъ Даніилъ, съ помощью преданныхъ себѣ Галичанъ, изгналъ королевича Андрея изъ Галича вмѣстѣ съ бояриномъ Судиславомъ. Народъ провожалъ послѣдняго камнями и кри-

чалъ ему: «ступай вонъ изъ города, мятежниче земли»! Но за сына вступился король угорскій Андрей II; произошла упорная война съ перемѣннымъ счастіемъ. Въ ней съ обѣихъ сторонъ участвовали наемные Половцы. Даніилу кромѣ того помогали Ляхи; а на сторонѣ Угровъ дѣйствовали измѣнникъ Александръ Бельзскій и часть крамольныхъ галицкихъ бояръ.

Руководимые семьей Молибоговичей, бояре составили даже заговоръ на жизнь обоихъ братьевъ Романовичей. Однажды Василько Романовичъ въ шутку обнажилъ мечъ противъ кого-то изъ заговорщиковъ; они испугались, думая, что ихъ намѣреніе открыто, и нѣкоторые, въ томъ числѣ Молибоговичи, бѣжали. Но остальные не покинули своего замысла, и одинъ изъ нихъ пригласилъ Даніила на пиръ съ намѣреніемъ его умертвить; въ заговорѣ участвовалъ и помянутый Александръ Бельзскій, надѣявшійся занять Галицкій столъ. Тысяцкій Даніила предупредилъ его о заговорѣ, и князь, уже ѣхавшій на пиръ, воротился съ дороги. Онъ схватилъ 28 заговорщиковъ; но по добротѣ своей не предалъ ихъ казни, и простилъ. Бояре не оцѣнили этой доброты, и тѣмъ еще высокомѣрнѣе стали обращаться съ княземъ. Разъ одинъ изъ нихъ на пиру плеснулъ изъ чаши виномъ въ лицо Даніилу. Но онъ и тутъ стерпѣлъ обиду. Отправляясь въ походъ на измѣнника Александра Бельзскаго, онъ могъ собрать вокругъ себя только восемнадцать отроковъ, оставшихся ему вѣрными. Князь созвалъ Галичанъ на вѣче, и спросилъ, сохранитъ ли къ нему вѣрность народъ въ его отсутствіе? «Мы вѣрны Богу и тебѣ, господину нашему— закричало вѣче;—ступай съ Божьей помощью». При этомъ соцкій Микула напомнилъ ему поговорку отца его: «Господине, не погнетши пчелъ меду не ѣсть».

Александръ бѣжалъ къ Угорскому королю, и побудилъ его вновь идти на Даніила. Война на этотъ разъ была неудачна для послѣдняго. Нѣкоторые города сдались Уграмъ. Король подступилъ къ Владиміру Волынскому, который былъ хорошо укрѣпленъ и имѣлъ значительный гарнизонъ. Воины со щитами, въ блистающихъ доспѣхахъ стояли на стѣнахъ. Король подивился красивому виду, и (если вѣрить Волынскому лѣтописцу) замѣтилъ что такого города онъ не встрѣчалъ и въ Нѣмец-

кихъ странахъ. Во Владимірѣ начальствовалъ старый пестунъ Даніила Мірославъ, обыкновенно отличавшійся храбростію. Но тутъ, Богъ вѣсть почему, онъ смутился передъ непріятелемъ, впустилъ короля въ городъ, и безъ согласія княжаго заключилъ съ нимъ миръ, по которому Александръ получилъ Бельзъ и Червенъ. Братья Романовичи много укоряли Мірослава за то, что, имѣя значительную рать, онъ согласился на подобный договоръ. Бояринъ утверждалъ, будто Червенъ не былъ включенъ имъ въ «рядъ» съ королемъ.

Галичъ, вслѣдствіе боярской измѣны, снова попалъ во власть Угровъ и королевича Андрея (1231). Однако спустя три года, Даніилъ, съ помощью преданныхъ ему гражданъ, опять отвоевалъ стольный городъ Червонной Руси; а королевичъ Андрей умеръ во время его осады. За измѣнникомъ Александромъ Бельзскимъ Галицкій князь гнался безъ отдыха три дня и три ночи; наконецъ схватилъ его близъ городка Полонаго на Хоморскомъ лугу (Хомора лѣвый притокъ южной Случи). Неизвѣстно, что сталось съ плѣнникомъ; только лѣтопись о немъ болѣе не упоминаетъ.

Но вопросъ о Галицкомъ наслѣдствѣ все еще не былъ разрѣшенъ окончательно.

Одновременно съ борьбою за Галичъ, возобновилась борьба за Кіевъ между старыми соперниками, Мономаховичами и Ольговичами: Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій оспаривалъ Кіевскій столъ у Владиміра Рюриковича. Даніилъ былъ союзникомъ послѣдняго, и не разъ помогалъ ему; а на противной сторонѣ находились враждебные ему князья Болоховскіе. Однажды подъ Торческомъ онъ вмѣстѣ съ Владиміромъ Рюриковичемъ потерпѣлъ пораженіе отъ Черниговосѣверскихъ князей и наемныхъ Половцевъ; при чемъ Владиміръ захваченъ въ плѣнъ Половцами. Крамольные галицкіе бояре воспользовались несчастіемъ князя, и призвали на свой столъ Михаила Всеволодовича Черниговскаго (1235). А Кіевъ въ это время переходилъ изъ рукъ въ руки: мы видимъ здѣсь то сѣверскаго князя Изяслава Владиміровича (внукъ героя Слова о Полку Игоревѣ), то успѣвшаго выкупиться изъ плѣна Владиміра Рюриковича, то извѣстнаго Ярослава Всеволодовича Переяславско-Суздальскаго. Когда же во время Батыева нашествія Георгій II былъ убитъ и братъ его Яро-

славъ удалился на сѣверъ, чтобы наслѣдовать великое княженіе Владиміро-Суздальское, тогда Михаилъ Черниговскій захватилъ для себя Кіевъ, а въ Галичѣ оставилъ сына своего Ростислава. Неопытностью послѣдняго и воспользовался Даніилъ Романовичъ.

Ростиславъ отправился въ походъ на Литовцевъ, и въ его отсутствіе Даніилъ подступилъ къ Галичу. Подъѣхавъ къ стѣнамъ, онъ началъ взывать: «О мужи градскіе! Доколѣ хотите терпѣть державу князей иноплеменныхъ?» Граждане, всегда склонявшіеся на его сторону, услыхавъ его голосъ, начали говорить другъ другу: «вотъ нашъ державецъ, данный намъ Богомъ», и, по словамъ лѣтописца, «пустились къ нему какъ дѣти къ отцу, какъ пчелы къ маткѣ, какъ жаждущіе къ источнику». Тщетно пытались удержать народъ черниговскіе сторонники, съ дворскимъ Григоріемъ и епископомъ Артеміемъ во главѣ; наконецъ и сами они, скрывая досаду и принявъ на себя умиленный видъ, вышли къ Даніилу и сказали: «приди князь, и прими городъ». Данило вступилъ въ Галичъ, принесъ благодарственныя молитвы въ соборномъ храмѣ Богородицы, и водрузилъ свое знамя на «Нѣмецкихъ» воротахъ. Тогда бояре, бывшіе въ походѣ съ Ростиславомъ, также поспѣшили къ Данилу, и, упавъ ему въ ноги, просили прощенія за то, что держали инаго князя. Данило простилъ ихъ. На этотъ разъ онъ окончательно утвердился на Галицкомъ столѣ. Вскорѣ потомъ, когда Михаилъ Всеволодовичъ изъ страха передъ Татарами бѣжалъ въ Угрію, Галицкій князь захватилъ въ свои руки и самый Кіевъ. Братъ его Василько держалъ Волынь. Слѣдовательно Романовичи располагали теперь силами почти всей Югозападной Руси; остававшіеся въ ней мелкіе удѣльные князья были ихъ подручниками. Казалось бы, эти объединенныя земли могли противустать надвигавшей Татарской тучѣ. Но объединеніе было только кажущееся, поверхностное; обширныя владѣнія не имѣли тѣсной сплоченности; не существовало необходимой для борьбы съ Татарами и хорошо устроенной военной силы; да и было уже слишкомъ поздно для того, чтобы приготовить какой нибудь дѣйствительный отпоръ.

Время между Калкскою битвою и Батыевымъ нашествіемъ замѣчательно еще обиліемъ лѣтописныхъ извѣстій о разныхъ

бѣдствіяхъ и явленіяхъ природы, которыя естественно должны были смутить умы и настроить ихъ тревожнымъ образомъ. Таковы: огромные пожары, напримѣръ, въ Новгородѣ Великомъ и во Владимірѣ на Клязьмѣ; явленіе кометы (1233 г.); необыкновенная засуха на сѣверѣ, отъ которой загорались лѣса и далеко распространялся дымный туманъ; чрезвычайно сильные дожди, сопровождаемые наводненіями (въ Новгородской землѣ 1228 г. и въ Галицкой 1229); страшный голодъ, повлекшій за собою моръ во многихъ мѣстахъ Руси, особенно въ Новгородѣ Великомъ (1230 г.). Въ томъ же 1230 году 3 мая случилось большое землетрясеніе, которое отозвалось и на сѣверѣ, въ Новгородѣ и Владимірѣ, но особенно сильно было въ Кіевѣ и Переяславлѣ Русскомъ. Въ Печерскомъ монастырѣ храмъ Богородицы разступился на четыре части, то-есть далъ большія трещины. Тамъ въ этотъ день праздновали память Ѳеодосія Печерскаго; присутствовали митрополитъ Кириллъ, великій князь Владиміръ Рюриковичъ съ боярами и толпою Кіевлянъ; въ каменной трапезницѣ съ верху попадали камни и уничтожили кушанья и напитки, приготовленные для празднества. А въ Переяславлѣ Русскомъ соборный храмъ св. Михаила разсѣлся на двѣ стороны, и упала часть храмоваго верха; при чемъ попортила иконы и паникадила. Любопытно, что вскорѣ затѣмъ, въ томъ же маѣ мѣсяцѣ, случилось на Руси солнечное затмѣніе, которое въ Кіевской землѣ сопровождалось какими-то огненными и разноцвѣтными столпами (сѣвернымъ сіяніемъ?); что навело великій ужасъ на жителей. Многіе вообразили, что насталъ конецъ міру и начали прощаться другъ съ другомъ. Спустя шесть лѣтъ, солнечное затмѣніе повторилось ([30]).

*

Между тѣмъ съ востока, изъ Азіи, надвинула грозная туча. Кипчакъ и всю сторону къ сѣверу и западу отъ Арало-Каспія Чингизъ-ханъ назначилъ своему старшему сыну Джучи, который долженъ былъ докончить покореніе этой стороны, начатое Джебе и Субудаемъ. Но вниманіе Монголовъ пока еще было отвлечено упорною борьбою на востокѣ Азіи съ двумя сильными царствами: имперіей Ніучей и сосѣднею съ нею Тангутскою державою. Эти войны слишкомъ на десять лѣтъ

отсрочили разгромъ Восточной Европы. Къ тому же Джучи умеръ; а за нимъ вскорѣ послѣдовалъ и самъ Темуджинъ (1227), успѣвъ передъ смертію лично разрушить царство Тангутское. Въ живыхъ оставалось послѣ него три сына: Джагатай, Огодай и Тулуй. Преемникомъ своимъ или верховнымъ ханомъ онъ назначилъ Огодая какъ наиболѣе умнаго между братьями; Джагатаю предоставилъ Бухарію и восточный Туркестанъ, Тулую Иранъ или Персію; а Кипчакъ долженъ былъ поступить во владѣніе сыновей Джучи. Темуджинъ завѣщалъ своимъ потомкамъ продолжать завоеванія и даже начерталъ для нихъ общій планъ дѣйствія. Великій курилтай, собранный на его родинѣ, то-есть на берегахъ Керлона, подтвердилъ его распоряженія. Огодай, еще при отцѣ начальствовавшій въ Китайской войнѣ, неустанно продолжалъ эту войну до тѣхъ поръ, пока не разрушилъ въ конецъ имперіи Ніучей и не утвердилъ тамъ своего владычества (1234 г.). Тогда только онъ обратилъ вниманіе на другія страны, и между прочимъ началъ готовить великій походъ на Восточную Европу.

Въ теченіе этого времени татарскіе темники, начальствовавшіе въ Прикаспійскихъ странахъ, не оставались въ бездѣйствіи; а старались удержать въ подчиненіи кочевниковъ, покоренныхъ Джебе и Субудаемъ. Въ 1229 г., по извѣстію русской лѣтописи, «съ низу» (съ Волги) прибѣжали въ предѣлы Болгаръ Саксины (неизвѣстное для насъ племя) и Половцы, тѣснимые Татарами; прибѣжали также изъ страны Прияицкой разбитые ими сторожевые отряды болгарскіе. Около того же времени по всей вѣроятности были покорены Башкиры, соплеменники Угровъ. Спустя три года, Татары предприняли развѣдочный походъ въ глубь Камской Болгаріи, и зазимовали въ ней гдѣ-то не доходя Великаго города. Половцы съ своей стороны, повидимому, пользовались обстоятельствами для того, чтобъ оружіемъ отстаивать свою независимость. По крайней мѣрѣ ихъ главный ханъ Котянъ впослѣдствіи, когда искалъ убѣжища въ Угріи, говорилъ угорскому королю, что онъ два раза разбилъ Татаръ.

Покончивъ съ имперіей Ніучей, Огодай главныя силы Монголо-Татаръ двинулъ на завоеваніе Южнаго Китая, Сѣверной Индіи и остальной части Ирана; а на покореніе Восточной Европы отдѣлилъ 300.000, начальство надъ которыми вру-

чилъ молодому племяннику своему Батыю, сыну Джучіеву, уже успѣвшему отличиться въ азіатскихъ войнахъ. Въ руководители ему дядя назначилъ извѣстнаго Субудай Багадура, который послѣ Калкской побѣды вмѣстѣ съ Огодаемъ докончилъ покореніе Сѣвернаго Китая. Великій ханъ далъ Батыю и другихъ испытанныхъ воеводъ, въ томъ числѣ Бурундая. Въ этомъ походѣ участвовали и многіе молодые Чингизиды, между прочими сынъ Огодая Гаюкъ и сынъ Тулуя Менгу, будущіе преемники великаго хана. Отъ верховьевъ Иртыша полчище двигалось на западъ, по кочевьямъ разныхъ турецкихъ ордъ, постепенно присоединяя къ себѣ значительныя ихъ части; такъ что за рѣку Яикъ оно перешло въ количествѣ полумилліона ратниковъ по крайней мѣрѣ. Одинъ изъ мусульманскихъ историковъ, говоря объ этомъ походѣ, прибавляетъ: «отъ множества воиновъ земля стонала; отъ громады войска обезумѣли дикіе звѣри и ночныя птицы». Это уже не была отборная конница, предпринявшая первый набѣгъ и сражавшаяся на Калкѣ; теперь медленно двигалась огромная орда съ своими семьями, кибитками и стадами. Она постоянно перекочевывала, останавливаясь тамъ, гдѣ находила достаточныя пастбища для своихъ коней и прочаго скота. Вступивъ въ Поволжскія степи, Батый самъ продолжалъ движеніе на земли Мордвы и Половцевъ; а на сѣверъ отдѣлилъ часть войскъ съ Субудай Багадуромъ для завоеванія Камской Болгаріи, которое сей послѣдній и совершилъ осенью 1236 года. Это завоеваніе по обычаю татарскому сопровождалось страшнымъ опустошеніемъ земли и избіеніемъ жителей; между прочимъ Великій городъ былъ взятъ и преданъ пламени.

По всѣмъ признакамъ, движеніе Батыя совершалось по заранѣе обдуманному способу дѣйствія, основанному на предварительныхъ развѣдкахъ о тѣхъ земляхъ и народахъ, которые рѣшено было покорить. По крайней мѣрѣ это можно сказать о зимнемъ походѣ на Сѣверную Русь. Очевидно татарскіе военачальники уже имѣли точныя свѣдѣнія о томъ, какое время года наиболѣе благопріятно для военныхъ дѣйствій въ этой лѣсистой сторонѣ, изобилующей рѣками и болотами; посреди нихъ движеніе татарской конницы было бы весьма затруднительно во всякое другое время, за исключеніемъ зимы, когда

всѣ воды скованы льдомъ, достаточно крѣпкимъ, чтобы выносить конныя полчища.

Только изобрѣтеніе европейскаго огнестрѣльнаго оружія и устройство большихъ постоянныхъ армій произвели переворотъ въ отношеніи народовъ осѣдлыхъ и земледѣльческихъ къ народамъ кочевымъ, пастушескимъ. До этого изобрѣтенія перевѣсъ въ борьбѣ часто былъ на сторонѣ послѣднихъ; что весьма естественно. Кочевыя орды почти всегда въ движеніи; части ихъ всегда болѣе или менѣе держатся вмѣстѣ и дѣйствуютъ плотною массою. У кочевниковъ нѣтъ различія по занятіямъ и привычкамъ; всѣ они воины. Если воля энергичнаго хана или обстоятельства соединили большое число ордъ въ одну массу и устремили ихъ на осѣдлыхъ сосѣдей, то послѣднимъ трудно было оказать успѣшное сопротивленіе разрушительному стремленію, особенно тамъ, гдѣ природа имѣла равнинный характеръ. Разсѣянный по своей странѣ земледѣльческій народъ, привыкшій къ мирнымъ занятіямъ, не скоро могъ собраться въ большое ополченіе; да и это ополченіе, если успѣвало выступить вовремя, далеко уступало своимъ противникамъ въ быстротѣ движеній, въ привычкѣ владѣть оружіемъ, въ умѣньѣ дѣйствовать дружно и натискомъ, въ военной опытности и находчивости, а также въ воинственномъ духѣ.

Всѣми подобными качествами въ высокой степени владѣли Монголо-Татары, когда они явились въ Европу. Темуджинъ далъ имъ главное орудіе завоеванія: единство власти и воли. Пока кочевые народы раздѣлены на особые орды или роды, власть ихъ хановъ имѣетъ конечно патріархальный характеръ родоначальника и далеко небезграничная. Но когда силою оружія одно лицо подчиняетъ себѣ цѣлые племена и народы, то естественно оно поднимается уже на высоту недосягаемую для простаго смертнаго. Старые обычаи еще живутъ у этого народа и какъ бы ограничиваютъ власть верховнаго хана; охранителями такихъ обычаевъ у Монголовъ являются курилтаи и знатные вліятельные роды; но въ рукахъ ловкаго энергическаго хана уже сосредоточено много средствъ, чтобы сдѣлаться безграничнымъ деспотомъ. Сообщивъ кочевымъ ордамъ единство, Темуджинъ еще усилилъ ихъ могущество введеніемъ однообразной и хорошо приспо-

собленной военной организацiи. Войска, выставленныя этими ордами, устроены были на основанiи строгаго десятичнаго дѣленiя. Десятки соединялись въ сотни, послѣднiя въ тысячи, съ десятниками, сотниками и тысячниками во главѣ. Десять тысячъ составляли самый большой отдѣлъ подъ названiемъ «тумана», и состояли подъ начальствомъ *темника*. Мѣсто прежнихъ болѣе или менѣе свободныхъ отношенiй къ предводителямъ заступила строгая военная дисциплина. Неповиновенiе или преждевременное удаленiе съ поля битвы наказывались смертiю. Въ случаѣ возмущенiя не только участники его подвергались казни, но и весь родъ ихъ осуждался на истребленiе. Изданная Темуджиномъ такъ называемая *яса*, родъ свода узаконенiй, хотя и была основана на старыхъ монгольскихъ обычаяхъ, но значительно усиливала ихъ строгость по отношенiю къ разнымъ проступкамъ, и носила по истинѣ драконовскiй или кровавый характеръ.

Безпрерывный и долгiй рядъ войнъ, начатыхъ Темуджиномъ, развилъ у Монголовъ замѣчательные по тому времени стратегическiе и тактическiе прiемы, т. е. вообще военное искусство. Тамъ, гдѣ мѣстность и обстоятельства не мѣшали, Монголы дѣйствовали въ непрiятельской землѣ облавой, къ которой они особенно привычны; такъ какъ этимъ способомъ происходила обыкновенно ханская охота на дикихъ звѣрей. Полчища раздѣлялись на части, шли въ обхватъ и потомъ сближались къ заранѣе назначенному главному пункту, опустошая огнемъ и мечемъ страну, забирая плѣнниковъ и всякую добычу. Благодаря своимъ степнымъ, малорослымъ, но крѣпкимъ конямъ, Монголы могли дѣлать необыкновенно быстрые и большiе переходы безъ отдыховъ, безъ остановокъ. Кони ихъ были закалены и прiучены переносить голодъ и жажду также, какъ ихъ всадники. Притомъ послѣднiе обыкновенно въ походахъ имѣли съ собою по нѣскольку запасныхъ коней, на которыхъ пересаживались по мѣрѣ надобности. Непрiятели ихъ часто были поражаемы появленiемъ варваровъ въ то время, когда считали ихъ еще на далекомъ отъ себя разстоянiи. Благодаря такой конницѣ, развѣдочная часть у Монголовъ стояла на замѣчательной степени развитiя. Всякому движенiю главныхъ силъ предшествовали мелкiе отряды, разсѣянные впереди и съ боковъ какъ бы вѣеромъ; позади тоже слѣдовали наблю-

дательные отряды; такъ что главныя силы были обезпечены отъ всякой случайности и неожиданности.

Относительно вооруженія, Монголы хотя имѣли копья и кривыя сабли, но по преимуществу были стрѣлки. (Нѣкоторые источники, напримѣръ армянскіе лѣтописцы, называютъ ихъ «народъ стрѣлковъ»); они съ такою силою и искусствомъ дѣйствовали изъ лука, что длинныя стрѣлы ихъ, снабженныя желѣзнымъ наконечникомъ, пронизывали твердые панцыри. Обыкновенно Монголы старались сначала ослабить и разстроить непріятеля тучею стрѣлъ; а потомъ уже бросались на него въ рукопашную. Если при этомъ встрѣчали мужественный отпоръ, то обращались въ притворное бѣгство; едва противникъ пускался преслѣдовать ихъ и тѣмъ разстроивалъ свой боевой порядокъ, какъ они ловко повертывали коней и вновь дѣлали дружный натискъ, по возможности со всѣхъ сторонъ. Закрытіе ихъ составляли щиты, сплетенные изъ тростника и обтянутые кожею, шлемы и панцыри, также сдѣланные изъ толстой кожи, у иныхъ покрытые еще желѣзною чешуей. Кромѣ того войны съ болѣе образованными и богатыми народами доставили имъ немалое количество желѣзныхъ кольчугъ, шлемовъ и всякаго рода вооруженія, въ которое облекались ихъ воеводы и знатные люди. На знаменахъ ихъ начальниковъ развѣвались хвосты коней и дикихъ буйволовъ. Начальники обыкновенно сами не вступали въ битву и не рисковали своею жизнію (что могло произвести замѣшательство); а управляли сраженіемъ, находясь гдѣ-нибудь на возвышеніи, окруженные своими ближними, слугами и женами, конечно всѣ верхомъ.

Кочевая конница, имѣя рѣшительный перевѣсъ надъ осѣдлыми народами въ открытомъ полѣ, встрѣчала однако важное для себя препятствіе въ видѣ хорошо укрѣпленныхъ городовъ. Но и съ этимъ препятствіемъ Монголы уже привыкли справляться, научившись искусству брать города въ Китайской и Ховарезмской имперіяхъ. У нихъ завелись и стѣнобитныя машины. Обыкновенно осажденный городъ они окружали валомъ; а гдѣ былъ лѣсъ подъ руками, то огораживали тыномъ, и такимъ образомъ прекращали самую возможность сообщенія города съ окрестностями. Затѣмъ ставили стѣнобитныя машины, изъ которыхъ метали большіе камни и

бревна, а иногда и зажигательныя вещества; такимъ образомъ производили въ городѣ пожаръ и разрушеніе; осыпали защитниковъ тучею стрѣлъ или приставляли лѣстницы и лѣзли на стѣны. Чтобъ утомить гарнизонъ, они вели приступы безпрерывно днемъ и ночью; для чего свѣжіе отряды постоянно чередовались другъ съ другомъ. Если варвары научились брать большіе азіатскіе города, укрѣпленные каменными и глиняными стѣнами, тѣмъ легче могли они разрушать или сожигать деревянныя стѣны русскихъ городовъ. Переправа черезъ большія рѣки не особенно затрудняла Монголовъ. Для того служили имъ большіе кожаные мѣшки; ихъ туго набивали платьемъ и другими легкими вещами, крѣпко стягивали, и, привязавъ къ хвосту коней, такимъ образомъ переправлялись. Одинъ персидскій историкъ XIII вѣка, описывая Монголовъ, говоритъ: «Они имѣли мужество львиное, терпѣніе собачье, предусмотрительность журавлиную, хитрость лисицы, дальнозоркость ворона, хищность волчью, боевой жаръ пѣтуха, попечительность курицы о своихъ ближнихъ, чуткость кошки и буйность вепря при нападеніи».

Что могла противупоставить этой огромной сосредоточенной силѣ древняя раздробленная Русь?

Борьба съ кочевниками Турецко-Татарскаго корня была для нея уже привычнымъ дѣломъ. Послѣ первыхъ натисковъ и Печенѣговъ, и Половцевъ раздробленная Русь потомъ постепенно освоилась съ этими врагами и взяла надъ ними верхъ. Однако она не успѣла отбросить ихъ назадъ въ Азію или покорить себѣ и воротить свои прежніе предѣлы; хотя кочевники эти были также раздроблены и также не подчинялись одной власти, одной волѣ. Каково же было неравенство въ силахъ съ надвигавшей теперь грозной Монголо-Татарской тучей!

Въ военномъ мужествѣ и боевой отвагѣ русскія дружины конечно не уступали Монголо-Татарамъ; а тѣлесною силою несомнѣнно ихъ превосходили. Притомъ Русь безспорно была лучше вооружена; ея полное вооруженіе того времени мало чѣмъ отличалось отъ вооруженія нѣмецкаго и вообще западно-европейскаго. Между сосѣдями она даже славилась своимъ боемъ. Такъ, по поводу похода Даніила Романовича на помощь Конраду Мазовецкому противъ Владислава Стараго, въ

1229 г., Волынскій лѣтописецъ замѣчаетъ, что Конрадъ «любилъ русскій бой» и полагался на русскую помощь болѣе чѣмъ на своихъ Ляховъ. Но, составлявшія военное сословіе древней Руси, княжія дружины были слишкомъ малочисленны для отпора напиравшимъ теперь съ востока новымъ врагамъ; а простой народъ въ случаѣ надобности набирался въ ополченіе прямо отъ плуга или отъ своихъ промысловъ, и хотя отличался стойкостію, обычною всему Русскому племени, но не имѣлъ большаго навыка владѣть оружіемъ или производить дружныя, быстрыя движенія. Можно конечно обвинять нашихъ старыхъ князей въ томъ, что они не поняли всей опасности и всѣхъ бѣдствій, грозившихъ тогда отъ новыхъ враговъ, и не соединили свои силы для дружнаго отпора. Но съ другой стороны не должно забывать, что тамъ, гдѣ предшествовалъ долгій періодъ всякаго рода разъединенія, соперничества и развитія областной особности, тамъ никакая человѣческая воля, никакой геній не могли совершить быстрое объединеніе и сосредоточеніе народныхъ силъ. Такое благо дается только долгими и постоянными усиліями цѣлыхъ поколѣній при обстоятельствахъ, пробуждающихъ въ народѣ сознаніе своего національнаго единства и стремленіе къ своему сосредоточенію. Древняя Русь сдѣлала то, что было въ ея средствахъ и способахъ. Каждая земля, почти каждый значительный городъ мужественно встрѣчали варваровъ и отчаянно защищались, едва ли имѣя притомъ какую-либо надежду побѣдить. Иначе не могло и быть. Великій историческій народъ не уступаетъ внѣшнему врагу безъ мужественнаго сопротивленія, хотя бы и при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ.

Въ началѣ зимы 1237 года Татары прошли сквозь мордовскіе лѣса и расположились станомъ на берегахъ какой-то рѣки Онузы. Отсюда Батый отправилъ къ рязанскимъ князьямъ, по словамъ лѣтописи, «жену чародѣйку» (вѣроятно шаманку) и при ней двухъ мужей, которые потребовали у князей десятой части ихъ имѣнія въ людяхъ и въ коняхъ.

Старшій князь, Юрій Игоревичъ, поспѣшилъ созвать на сеймъ своихъ родичей, удѣльныхъ князей рязанскихъ, пронскихъ и муромскихъ. Въ первомъ порывѣ мужества князья

рѣшили защищаться, и дали благородный отвѣтъ посламъ: «когда мы не останемся въ живыхъ, то все будетъ ваше». Изъ Рязани татарскіе послы отправились во Владиміръ съ тѣми же требованіями. Видя, что рязанскія силы слишкомъ незначительны для борьбы съ Монголами, Юрій Игоревичъ распорядился такимъ образомъ: одного изъ своихъ племянниковъ послалъ къ великому князю Владимірскому съ просьбою соединиться противъ общихъ враговъ; а другаго съ тою же просьбою направилъ въ Черниговъ. Затѣмъ соединенное рязанское ополченіе двинулось къ берегамъ Воронежа на встрѣчу врагу; но избѣгало битвы въ ожиданіи помощи. Юрій попытался прибѣгнуть къ переговорамъ, и отправилъ единственнаго своего сына Ѳеодора во главѣ торжественнаго посольства къ Батыю съ дарами и съ мольбою не воевать Рязанской земли. Всѣ эти распоряженія не имѣли успѣха. Ѳеодоръ погибъ въ татарскомъ станѣ: если вѣрить преданію, онъ отвѣчалъ отказомъ на требованіе Батыя привести ему свою прекрасную супругу Евпраксію, и былъ убитъ по его приказанію. Помощь ни откуда не являлась. Князья Черниговосѣверскіе отказались придти на томъ основаніи, что Рязанскіе не были на Калкѣ, когда ихъ также просили о помощи; вѣроятно Черниговцы думали, что гроза до нихъ не дойдетъ или еще очень отъ нихъ далека. А нерасторопный Юрій Всеволодовичъ медлилъ, и также опоздалъ съ своею помощью какъ въ Калкскомъ побоищѣ. Видя невозможность бороться съ Татарами въ открытомъ полѣ, рязанскіе князья поспѣшили отступить и укрылись съ своими дружинами за укрѣпленія городовъ.

Вслѣдъ за ними полчища варваровъ хлынули на Рязанскую землю, и по своему обычаю, охвативъ ее широкой облавой, принялись жечь, разрушать, грабить, избивать, плѣнять, совершать поруганіе женщинъ. Нѣтъ нужды описывать всѣхъ ужасовъ разоренія. Довольно сказать, что многіе селенія и города были совершенно стерты съ лица земли; нѣкоторыя извѣстныя имена ихъ послѣ того уже не встрѣчаются въ исторіи. Между прочимъ, спустя полтора столѣтія, путешественники, плывшіе по верхнему теченію Дона, на холмистыхъ берегахъ его видѣли только развалины и пустынныя мѣста тамъ, гдѣ стояли когда-то цвѣтущіе города и села. Опустошеніе Рязанской земли производилось съ особою сви-

рѣпостію и безпощадностію еще и потому, что она была въ этомъ отношеніи первою русскою областью: варвары явились въ нее исполненные дикой, ничѣмъ необузданной энергіи, еще непресыщенные русскою кровью, неутомленные разрушеніемъ, неуменьшенные въ количествѣ послѣ безчисленныхъ битвъ.

16 декабря Татары обступили стольный городъ Рязань и обнесли его тыномъ. Дружина и граждане, ободряемые княземъ, въ продолженіе пяти дней отражали нападенія. Они стояли на стѣнахъ не перемѣняясь и не выпуская изъ рукъ оружія; наконецъ стали изнемогать, между тѣмъ какъ непріятель постоянно дѣйствовалъ свѣжими силами. На шестой день Татары сдѣлали общій приступъ; бросали огонь на кровли, громили стѣны бревнами изъ своихъ стѣнобитныхъ орудій и наконецъ вломились въ городъ. Послѣдовало обычное избіеніе жителей. Въ числѣ убитыхъ находился Юрій Игоревичъ. Его супруга съ своими родственницами напрасно искала спасенія въ соборной Борисо-Глѣбской церкви. Что не могло быть разграблено, сдѣлалось жертвою пламени. Рязанскія преданія украшаютъ расказы объ этихъ бѣдствіяхъ нѣкоторыми поэтическими подробностями. Такъ княгиня Евпраксія, услыхавъ о гибели своего супруга Ѳеодора Юрьевича, бросилась изъ высокаго терема вмѣстѣ съ маленькимъ сыномъ своимъ на землю и убилась до смерти. А одинъ изъ рязанскихъ бояръ, по имени Евпатій Коловратъ, находился въ Черниговской землѣ, когда пришла къ нему вѣсть о татарскомъ погромѣ. Онъ спѣшитъ въ отечество, видитъ пепелище роднаго города и воспламеняется жаждою мести. Собравъ 1700 ратниковъ, Евпатій нападаетъ на задніе отряды Татаръ, низлагаетъ ихъ богатыря Таврула, и наконецъ, подавленный многолюдствомъ, гибнетъ со всѣми товарищами. Батый и его воины удивляются необыкновенному мужеству рязанскаго витязя. (Подобными расказами конечно народъ утѣшалъ себя въ прошлыхъ бѣдствіяхъ и пораженіяхъ). Но рядомъ съ примѣрами доблести и любви къ родинѣ между боярами рязанскими нашлись примѣры измѣны и малодушія. Тѣже преданія указываютъ на боярина, измѣнившаго родинѣ и передавшагося врагамъ. Въ каждой странѣ татарскіе военачальники умѣли прежде всего отыскать предателей; особенно таковые находились въ числѣ людей, захваченныхъ въ

плѣнъ, устрашенныхъ угрозами или соблазненныхъ ласкою. Отъ знатныхъ и незнатныхъ измѣнниковъ Татары узнавали все, что имъ было нужно о состояніи земли, о ея слабыхъ сторонахъ, свойствахъ правителей и т. п. Эти предатели служили также лучшими проводниками для варваровъ при движеніи въ странахъ, дотолѣ имъ невѣдомыхъ.

Изъ Рязанской земли варвары двинулись въ Суздальскую, опять въ томъ же убійственномъ порядкѣ, облавою охватывая эту землю. Главныя ихъ силы пошли обычнымъ суздальско-рязанскимъ путемъ на Коломну и Москву. Тутъ только встрѣтила ихъ суздальская рать, шедшая на помощь Рязанцамъ, подъ начальствомъ молодаго князя Всеволода Юрьевича и стараго воеводы Еремея Глѣбовича. Подъ Коломною великокняжеское войско было разбито на голову; Всеволодъ спасся бѣгствомъ съ остатками владимірской дружины; а Еремей Глѣбовичъ палъ въ битвѣ. Коломна взята и разорена. Затѣмъ варвары сожгли Москву, первый суздальскій городъ съ этой стороны. Здѣсь начальствовали другой сынъ великаго князя, Владиміръ, и воевода Филиппъ Нянька. Послѣдній также палъ въ битвѣ, а молодой князь захваченъ въ плѣнъ. Съ какою быстротою дѣйствовали варвары при своемъ нашествіи, съ такою же медленностію происходили военные сборы въ Сѣверной Руси того времени. При своевременномъ вооруженіи Юрій Всеволодовичъ могъ бы выставить въ поле всѣ силы суздальскія и новогородскія въ соединеніи съ муромо-рязанскими. Времени для этихъ приготовленій было бы достаточно. Болѣе чѣмъ за годъ нашли у него убѣжище бѣглецы изъ Камской Болгаріи, которые принесли вѣсти о разореніи своей земли и движеніи страшныхъ татарскихъ полчищъ. Но вмѣсто своевременныхъ приготовленій, мы видимъ, что варвары уже двигались на самую столицу, когда Юрій, потерявши лучшую часть войска, разбитаго по частямъ, отправился далѣе на сѣверъ собирать земскую рать и звать на помощь братьевъ. Въ столицѣ великій князь оставилъ сыновей, Всеволода и Мстислава, съ воеводою Петромъ Ослядюковичемъ; а самъ отъѣхалъ съ небольшою дружиною. Дорогою онъ присоединилъ къ себѣ трехъ племянниковъ Константиновичей, удѣльныхъ князей Ростовскихъ, съ ихъ ополченіемъ. Съ тою ратью, какую успѣлъ собрать, Юрій рас-

положился за Волгою почти на границѣ своихъ владѣній, на берегахъ Сити, праваго притока Мологи, гдѣ и сталъ поджидать братьевъ, Святослава Юрьевскаго и Ярослава Переяславскаго. Первый дѣйствительно успѣлъ придти къ нему; а второй не явился; да едва ли и могъ явиться вовремя: мы знаемъ, что въ то время онъ занималъ великій Кіевскій столъ.

Въ началѣ февраля главная татарская рать обступила стольный Владиміръ. Толпа варваровъ приблизилась къ Золотымъ воротамъ; граждане встрѣтили ихъ стрѣлами. «Не стрѣляйте!» закричали Татары. Нѣсколько всадниковъ подъѣхали къ самымъ воротамъ съ плѣнникомъ, и спросили: «Узнаете ли вашего княжича Владиміра?» Всеволодъ и Мстиславъ, стоявшіе на Золотыхъ воротахъ, вмѣстѣ съ окружающими тотчасъ узнали брата, плѣненнаго въ Москвѣ, и были поражены горестію при видѣ его блѣднаго, унылаго лица. Они рвались на его освобожденіе, и только старый воевода Петръ Ослядюковичъ удержалъ ихъ отъ безполезной, отчаянной вылазки. Расположивъ главный свой станъ противъ Золотыхъ воротъ, варвары нарубили деревьевъ въ сосѣднихъ рощахъ и весь городъ окружили тыномъ; потомъ установили свои «пороки» или стѣнобитныя машины, и начали громить укрѣпленія. Князья, княгини и нѣкоторые бояре, не надѣясь болѣе на спасеніе, приняли отъ епископа Митрофана постриженіе въ иноческій чинъ, и приготовились къ смерти. 8 февраля, въ день мученика Ѳеодора Стратилата, Татары сдѣлали рѣшительный приступъ. По примёту или набросанному въ ровъ хворосту они влѣзли на городской валъ у Золотыхъ воротъ, и вошли въ Новый или внѣшній городъ. Въ тоже время со стороны Лыбеди они вломились въ него чрезъ Мѣдныя и Иринпнскія ворота, а отъ Клязьмы чрезъ Волжскія. Внѣшній городъ былъ взятъ и зажженъ. Князья Всеволодъ и Мстиславъ съ дружиною удалились въ Печерный городъ, т. е. въ кремль. А епископъ Митрофанъ съ великою княгинею, ея дочерьми, снохами, внучатами и многими боярынями заперлись въ соборномъ храмѣ Богородицы на полатяхъ или хорахъ. Когда остатки дружины съ обоими князьями погибли и кремль былъ взятъ, Татары выломали двери соборнаго храма, разграбили его, забрали дорогіе сосуды,

кресты, ризы на иконахъ, оклады на книгахъ; потомъ натаскали лѣсу въ церковь и около церкви, и зажгли. Епископъ и все княжее семейство, скрывшееся на хорахъ, погибли въ дыму и пламени. Другіе храмы и монастыри владимірскіе были также разграблены и отчасти сожжены; множество жителей подверглось избіенію.

Уже во время осады Владиміра Татары взяли и сожгли Суздаль. Затѣмъ отряды ихъ разсѣялись по Суздальской землѣ. Одни пошли на сѣверъ, взяли Ярославль, и поплѣнили Поволожье до самаго Галича Мерскаго; другіе разграбили Юрьевъ, Дмитровъ, Переяславль, Ростовъ, Волоколамскъ, Тверь; въ теченіе февраля было взято до 14 городовъ, кромѣ многихъ «слободъ и погостовъ».

Между тѣмъ Георгій Всеволодовичъ все стоялъ на Сити и поджидалъ брата Ярослава. Тутъ пришла къ нему страшная вѣсть о разореніи столицы и гибели княжаго семейства, о взятіи прочихъ городовъ и приближеніи татарскихъ полчищъ. Онъ послалъ трехтысячный отрядъ для развѣдокъ. Но развѣдчики вскорѣ прибѣжали назадъ съ извѣстіемъ, что Татары уже обходятъ русское войско. Едва великій князь, его братья Иванъ и Святославъ и племянники сѣли на коней и начали устраивать полки, какъ Татары, предводимые Бурундаемъ, ударили на Русь съ разныхъ сторонъ, 4 марта 1238 года. Сѣча была жестокая; но большинство русскаго войска, набранное изъ непривычныхъ къ бою земледѣльцевъ и ремесленниковъ, скоро смѣшалось и побѣжало. Тутъ палъ и самъ Георгій Всеволодовичъ; братья его спаслись бѣгствомъ, племянники также, за исключеніемъ старшаго, Василька Константиновича Ростовскаго. Онъ попалъ въ плѣнъ. Татарскіе военачальники склоняли его принять ихъ обычаи и за одно съ ними воевать Русскую землю. Князь съ твердостью отказался быть предателемъ. Татары убили его и бросили въ какомъ-то Шеренскомъ лѣсу, подлѣ котораго временно расположились станомъ. Сѣверный лѣтописецъ по этому поводу осыпаетъ похвалами Василька; говоритъ, что онъ былъ красивъ лицомъ, уменъ, мужественъ и весьма добросердеченъ («сердцемъ же легокъ»). «Кто ему служилъ, хлѣбъ его ѣлъ и чашу его пилъ, тотъ уже никакъ не могъ быть на службѣ у иного князя» — прибавляетъ лѣтописецъ. Епископъ ростовскій Ки-

риллъ, спасшійся во время нашествія въ отдаленный городъ своей епархіи, Бѣлозерскъ, воротясь, отыскалъ тѣло великаго князя, лишенное головы; потомъ взялъ тѣло Василька, принесъ ихъ въ Ростовъ и положилъ въ соборномъ храмѣ Богородицы. Впослѣдствіи нашли также голову Георгія и положили въ гробъ его.

Въ то время какъ одна часть Татаръ двигалась на Сить противъ великаго князя, другая дошла до новогородскаго пригорода Торжка, и осадила его. Граждане, предводимые своимъ посадникомъ Иванкомъ, мужественно защищались; цѣлыя двѣ недѣли варвары потрясали стѣны своими орудіями и дѣлали постоянные приступы. Тщетно Новоторы ждали помощи изъ Новгорода; наконецъ они изнемогли; 5 марта Татары взяли городъ и страшно его опустошили. Отсюда ихъ полчища двинулись далѣе и пошли къ Великому Новгороду извѣстнымъ Селигерскимъ путемъ, опустошая страну направо и налѣво. Уже они дошли до «Игначъ-креста» (Крестцы?) и были только въ ста верстахъ отъ Новгорода, какъ вдругъ повернули на югъ. Это внезапное отступленіе впрочемъ было весьма естественно при обстоятельствахъ того времени. Выросшіе на высокихъ плоскостяхъ и нагорныхъ равнинахъ Средней Азіи, отличающихся суровымъ климатомъ и непостоянствомъ погоды, Монголо-Татары были привычны къ холоду и снѣгу, и могли довольно легко переносить сѣверно-русскую зиму. Но, привычные также къ сухому климату, они боялись сырости и скоро отъ нея заболѣвали; ихъ кони, при всей своей закаленности, послѣ сухихъ степей Азіи также съ трудомъ переносили болотистыя страны и влажный кормъ. Въ Сѣверной Россіи приближалась весна со всѣми ея предшественниками, т. е. таяніемъ снѣговъ и разлитіемъ рѣкъ и болотъ. Рядомъ съ болѣзнями и конскимъ падежомъ грозила страшная распутица; застигнутыя ею полчища могли очутиться въ весьма затруднительномъ положеніи; начавшіяся оттепели могли наглядно показать имъ, что ихъ ожидало. Можетъ быть, они провѣдали также о приготовленіяхъ Новогородцевъ къ отчаянной оборонѣ; осада могла задержать еще на нѣсколько недѣль. Есть кромѣ того мнѣніе, нелишенное вѣроятія, что тутъ сошлась облава, и Батый за позднимъ временемъ счелъ уже неудобнымъ составлять новую.

Во время обратнаго движенія въ степь Татары опустошили востчную часть Смоленской земли и область Вятичей. Изъ городовъ, ими разоренныхъ при этомъ, лѣтописи упоминаютъ только объ одномъ Козельскѣ, по причинѣ его геройской обороны. Удѣльнымъ княземъ здѣсь былъ одинъ изъ Черниговскихъ Ольговичей, малолѣтній Василій. Дружинники его вмѣстѣ съ гражданами рѣшили защищаться до послѣдняго человѣка, и не сдавались ни на какія льстивыя убѣжденія варваровъ. Батый, по словамъ лѣтописи, стоялъ подъ этимъ городомъ семь недѣль, и потерялъ множество убитыми. Наконецъ Татары своими машинами разбили стѣну и ворвались въ городъ; граждане и тутъ продолжали отчаянно обороняться и рѣзались ножами, пока не были всѣ избиты; а юный князь ихъ будто бы утонулъ въ крови. За такую оборону Татары, по своему обыкновенію, прозвали Козельскъ «злымъ городомъ». Затѣмъ Батый докончилъ порабощеніе половецкихъ ордъ. Главный ихъ ханъ Котянъ съ частію народа удалился въ Венгрію, и тамъ отъ короля Белы IV получилъ земли для поселенія, подъ условіемъ крещенія Половцевъ. Тѣже, которые остались въ степяхъ, должны были безусловно покориться Монголамъ и увеличить ихъ полчища. Изъ половецкихъ степей Батый разсылалъ отряды съ одной стороны для покоренія Приазовскихъ и Прикавказскихъ странъ, а съ другой для порабощенія Черниговo-Сѣверской Руси. Между прочимъ Татары взяли южный Переяславль, разграбили и разрушили тамъ соборный храмъ Михаила и убили епископа Симеона. Потомъ они пошли на Черниговъ. На помощь послѣднему явился Мстиславъ Глѣбовичъ Рыльскій, двоюродный братъ Михаила Всеволодовича, и мужественно защищалъ городъ. Татары поставили метательныя орудія отъ стѣнъ на разстояніи полуторнаго перелета стрѣлы, и бросали такіе камни, которые съ трудомъ поднимали четыре человѣка. Черниговъ былъ взятъ, разграбленъ и сожженъ. Попавшій въ плѣнъ епископъ Порфирій оставленъ въ живыхъ и отпущенъ на свободу. Зимою слѣдующаго 1239 года Батый посылалъ отряды на сѣверъ, чтобы докончить покореніе Мордовской земли. Отсюда они ходили въ Муромскую область и сожгли Муромъ. Потомъ опять воевали по Волгѣ и Клязьмѣ; на первой взяли Городецъ Радиловъ, а на второй городъ Гороховецъ.

который, какъ извѣстно, составлялъ владѣніе Успенскаго Владимірскаго собора. Это новое нашествіе произвело страшный переполохъ во всей Суздальской землѣ. Уцѣлѣвшіе отъ прежняго погрома, жители бросали свои дома, и бѣжали куда глаза глядятъ; преимущественно спасались въ лѣса.

Покончивъ съ сильнѣйшей частью Руси, т. е. съ великимъ княженіемъ Владимірскимъ, отдохнувъ въ степи и откормивъ своихъ коней, Татары обратились теперь на юго-западную, Заднѣпровскую Русь; а отсюда положили идти далѣе, въ Венгрію и Польшу.

Уже во время разоренія Переяславля Русскаго и Чернигова одинъ изъ татарскихъ отрядовъ, предводимый двоюроднымъ братомъ Батыя Менгу-ханомъ, приблизился къ Кіеву, чтобы развѣдать о его положеніи и средствахъ обороны. Остановясь на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ городкѣ Песочномъ, Менгу, по сказанію нашей лѣтописи, любовался красотою и величіемъ древней русской столицы, которая живописно возвышалась на береговыхъ холмахъ, блистая бѣлыми стѣнами и позлащенными главами своихъ храмовъ. Монгольскій князь попытался склонить гражданъ къ сдачѣ; но тѣ не хотѣли о ней и слышать и даже убили посланцевъ. Въ то время Кіевомъ владѣлъ Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій. Хотя Менгу ушелъ; но не было сомнѣнія, что онъ воротится съ бо́льшими силами. Михаилъ не счелъ удобнымъ для себя дожидаться татарской грозы, малодушно оставилъ Кіевъ и удалился въ Угрію. Вскорѣ затѣмъ первопрестольный городъ перешелъ въ руки Даніила Романовича Волынскаго и Галицкаго. Однако и этотъ знаменитый князь при всемъ мужествѣ своемъ и обширности своихъ владѣній, не явился для личной обороны Кіева отъ варваровъ, а поручилъ его тысяцкому Димитрію.

Зимою 1240 года несмѣтная татарская сила переправилась за Днѣпръ, облегла Кіевъ и огородила его тыномъ. Тутъ былъ самъ Батый съ своими братьями, родными и двоюродными, а также лучшіе его воеводы Субудай Багадуръ и Бурундай. Лѣтописецъ Русскій наглядно изображаетъ огромность татарскихъ полчищъ, говоря, будто отъ скрыпа ихъ телѣгъ, рева верблюдовъ и ржанія коней жители города не могли слышать другъ друга. Свои главные приступы Татары

устремили на ту часть, которая имѣла наименѣе крѣпкое положеніе, т. е. на западную сторону, съ которой къ городу примыкали нѣкоторыя дебри и почти ровныя поля. Стѣнобитныя орудія, особенно сосредоточенныя противу Лядскихъ воротъ, день и ночь били стѣну, пока не сдѣлали пролома. Произошла самая упорная сѣча, «копейный ломъ и скепаніе щитовъ»; тучи стрѣлъ омрачали свѣтъ. Враги наконецъ ворвались въ городъ. Кіевляне геройскою, хотя и безнадежною, обороною поддержали древнюю славу первопрестольнаго русскаго города. Они собрались вокругъ Десятиннаго храма Богородицы и тутъ ночью наскоро огородились укрѣпленіями. На слѣдующій день палъ и этотъ послѣдній оплотъ. Многіе граждане съ семействами и имуществомъ искали спасенія на хорахъ храма; хоры не выдержали тяжести и рухнули. Это взятіе Кіева совершилось 6 декабря, въ самый Николинъ день. Отчаянная оборона ожесточила варваровъ; мечъ и огонь ничего не пощадили; жители большею частію избиты, а величественный городъ превратился въ одну огромную груду развалинъ. Тысяцкаго Димитрія, захваченнаго въ плѣнъ израненнымъ, Батый однако оставилъ въ живыхъ «ради его мужества».

Опустошивъ Кіевскую землю, Татары двинулись въ Волынскую и Галицкую, побрали и разорили многіе города, въ томъ числѣ стольные Владиміръ и Галичъ. Только нѣкоторыя мѣста, отлично укрѣпленныя природою и людьми, они не могли взять съ бою, напримѣръ Колодяженъ и Кременецъ; но первымъ все-таки овладѣли, склонивъ жителей къ сдачѣ льстивыми обѣщаніями; а потомъ вѣроломно ихъ избили. Во время этого нашествія часть населенія южной Руси разбѣжалась въ дальнія страны; многіе укрылись въ пещеры, лѣса и дебри.

Между владѣльцами юго-западной Руси нашлись такіе, которые при самомъ появленіи Татаръ покорялись имъ, чтобы спасти свои удѣлы отъ разоренія. Такъ поступили князья Болоховскіе. Любопытно, что Батый пощадилъ ихъ землю подъ тѣмъ условіемъ, чтобы жители ея сѣяли пшеницу и просо на Татарское войско. Замѣчательно и то, что Южная Русь сравнительно съ Сѣверной оказала гораздо слабѣйшее сопротивленіе варварамъ. На сѣверѣ старшіе князья, Рязанскій и

Владимірскій, собравъ силы своей земли, отважно вступили въ неравную борьбу съ Татарами и погибли съ оружіемъ въ рукахъ. А на югѣ, гдѣ князья издавна славились военною удалью, мы видимъ иной образъ дѣйствія. Старшіе князья, Михаилъ Всеволодовичъ, Даніилъ и Василько Романовичи, съ приближеніемъ Татаръ покидаютъ свои земли, чтобы искать убѣжища то въ Угріи, то въ Польшѣ. Какъ будто у князей Южной Руси достало рѣшимости на общій отпоръ только при первомъ нашествіи Татаръ, и Калкское побоище навело на нихъ такой страхъ, что участники его, тогда еще молодые князья, а теперь уже старшіе, боятся новой встрѣчи съ дикими варварами; они предоставляютъ своимъ городамъ обороняться въ одиночку и гибнуть въ непосильной борьбѣ. Замѣчательно также, что эти старшіе южно-русскіе князья продолжаютъ свои распри и счеты за волости въ то самое время, когда варвары уже наступаютъ на ихъ родовыя земли ([51]).

Послѣ Югозападной Руси пришла очередь сосѣднихъ западныхъ странъ, Польши и Угріи. Уже во время пребыванія на Волыни и въ Галиціи Батый по обыкновенію посылалъ отряды въ Польшу и къ Карпатамъ, желая развѣдать пути и положеніе тѣхъ странъ. По сказанію нашей лѣтописи, помянутый воевода Димитрій, чтобы спасти Югозападную Русь отъ совершеннаго опустошенія, старался ускорить дальнѣйшій походъ Татаръ и говорилъ Батыю: «не медли долго въ землѣ сей; уже время тебѣ идти на Угровъ; а если будешь медлить, то тамъ успѣютъ собрать силы и не пустятъ тебя въ свои земли». И безъ того татарскіе вожди имѣли обычай не только добывать всѣ нужныя свѣдѣнія передъ походомъ, но и быстрыми, хитро-задуманными движеніями воспрепятствовать всякому сосредоточенію большихъ силъ.

Тотъ же Димитрій и другіе южно-русскіе бояре могли сообщить Батыю многое о политическомъ состояніи своихъ западныхъ сосѣдей, которыхъ они не рѣдко посѣщали вмѣстѣ съ своими князьями, часто роднившимися и съ польскими, и съ угорскими государями. А это состояніе уподоблялось раздробленной Руси и весьма благопріятствовало успѣшному нашествію варваровъ. Въ Италіи и Германіи того времени въ полномъ разгарѣ кипѣла борьба Вельфовъ и Гибелиновъ. На

престолѣ Священной Римской имперіи сидѣлъ знаменитый внукъ Барбарусы, Фридрихъ II. Помянутая борьба совершенно отвлекала его вниманіе, и въ самую эпоху Татарскаго нашествія онъ усердно занимался военными дѣйствіями въ Италіи противъ сторонниковъ папы Григорія IX. Польша, будучи раздроблена на удѣльныя княжества, также какъ и Русь не могла дѣйствовать единодушно и представить серьёзное сопротивленіе надвигавшей ордѣ. Въ данную эпоху мы видимъ здѣсь двухъ старшихъ и наиболѣе сильныхъ князей, именно, Конрада Мазовецкаго и Генриха Благочестиваго, владѣтеля Нижней Силезіи. Они находились во враждебныхъ отношеніяхъ другъ съ другомъ; притомъ Конрадъ, уже извѣстный недальновидною политикой (особенно призваніемъ Нѣмцевъ для обороны своей земли отъ Пруссовъ), былъ менѣе всѣхъ способенъ къ дружному, энергичному образу дѣйствія. Генрихъ Благочестивый находился въ родственныхъ отношеніяхъ съ чешскимъ королемъ Венцеславомъ I и съ угорскимъ Белою IV. Въ виду грозившей опасности онъ пригласилъ чешскаго короля общими силами встрѣтить враговъ; но не получилъ отъ него своевременной помощи. Точно также Даніилъ Романовичъ давно убѣждалъ угорскаго короля соединиться съ Русью для отпора варваровъ, и также безъуспѣшно. Угорское королевство въ то время было однимъ изъ самыхъ сильныхъ и богатыхъ государствъ въ цѣлой Европѣ; его владѣнія простирались отъ Карпатъ до Адріатическаго моря. Завоеваніе такого королевства должно было особенно привлекать татарскихъ вождей. Говорятъ, Батый еще во время пребыванія въ Россіи отправилъ пословъ къ угорскому королю съ требованіемъ дани и покорности и съ упреками за принятіе Котяновыхъ Половцевъ, которыхъ Татары считали своими бѣглыми рабами. Но надменные Мадьяры или не вѣрили въ нашествіе на свою землю, или считали себя достаточно сильными, чтобы отразить это нашествіе. При собственномъ вяломъ, недѣятельномъ характерѣ, Бела IV былъ отвлекаемъ еще разными неустройствами своего государства, въ особенности распрями съ непокорными магнатами. Сіи послѣдніе между прочимъ были недовольны водвореніемъ у себя Половцевъ, которые производили грабежи и насилія, и вообще не думали покидать своихъ степныхъ привычекъ.

Въ концѣ 1240 и началѣ 1241 года татарскія полчища покинули юго-западную Русь и двинулись далѣе. Походъ былъ зрѣло обдуманъ и устроенъ. Главныя силы Батый самъ повелъ черезъ Карпатскіе проходы прямо въ Угрію, которая и составляла теперь его ближайшую цѣль. По обѣ стороны были заранѣе отправлены особыя арміи, чтобы охватить Угрію огромною лавиною и отрѣзать ей всякую помощь отъ сосѣдей. По лѣвую руку, чтобы обойти ее съ юга, пошли разными дорогами чрезъ Седмиградію и Валахію сынъ Огодая Каданъ и воевода Субудай Багадуръ. А по правую руку двинулся другой двоюродный братъ Батыя, Байдаръ, сынъ Джагатая. Онъ направился вдоль Малой Польши и Силезіи и началъ выжигать ихъ города и селенія. Тщетно нѣкоторые князья и воеводы польскіе пытались сопротивляться въ открытомъ полѣ; они терпѣли пораженія въ неравномъ бою; причемъ большею частію гибли смертію храбрыхъ. Въ числѣ разоренныхъ городовъ были Судоміръ, Краковъ и Бреславль. Въ тоже время отдѣльные татарскіе отряды распространили опустошенія свои далеко въ глубь Мазовіи и Великой Польши. Генрихъ Благочестивый успѣлъ приготовить значительное войско; получилъ помощь отъ Тевтонскихъ или Прусскихъ рыцарей, и ожидалъ Татаръ у города Лигница. Байдаръ-ханъ собралъ свои разсѣянные отряды, и ударилъ на это войско. Битва была очень упорна; не смогши сломить польскихъ и нѣмецкихъ рыцарей, Татары, по словамъ лѣтописцевъ, прибѣгли къ хитрости, и смутили непріятелей ловко пущеннымъ по ихъ рядамъ кликомъ: «бѣгите, бѣгите!» Христіане были разбиты, и самъ Генрихъ палъ геройскою смертію. Изъ Силезіи Байдаръ черезъ Моравію направился въ Угрію на соединеніе съ Батыемъ. Моравія входила тогда въ составъ Чешскаго королевства, и оборону ея Венцеславъ поручилъ мужественному воеводѣ Ярославу изъ Стернберка. Разоряя все на своемъ пути, Татары между прочимъ осадили городъ Оломуцъ, гдѣ заперся самъ Ярославъ; но тутъ потерпѣли неудачу; воевода даже успѣлъ сдѣлать счастливую вылазку и нанести нѣкоторый уронъ варварамъ. Но эта неудача не могла имѣть значительное вліяніе на общій ходъ событій.

Межъ тѣмъ главныя татарскія силы двигались сквозь Карпаты. Высланные впередъ отряды съ топорами частію изру-

били, частію выжгли тѣ лѣсныя засѣки, которыми Бела IV велѣлъ загородить проходы; ихъ небольшія военныя прикрытія были разсѣяны. Перевалилъ Карпаты, Татарская орда хлынула на равнины Венгріи, и принялась жестоко ихъ опустошать; а угорскій король еще засѣдалъ на сеймѣ въ Будѣ, гдѣ совѣщался съ своими строптивыми вельможами о мѣрахъ обороны. Распустивъ сеймъ, онъ теперь только принялся собирать войско, съ которымъ и заперся въ смежномъ съ Будою Пештѣ. Послѣ тщетной осады этого города Батый отступилъ. Бела послѣдовалъ за нимъ съ войскомъ, число котораго успѣло возрасти до 100,000 человѣкъ. Кромѣ нѣкоторыхъ магнатовъ и епископовъ, на помощь къ нему пришелъ и его младшій братъ Коломанъ, владѣтель Славоніи и Кроаціи (тотъ самый, который въ юности княжилъ въ Галичѣ, откуда былъ изгнанъ Мстиславомъ Удалымъ). Войско это безпечно расположилось на берегахъ рѣчки Сайо, и здѣсь неожиданно было окружено полчищами Батыя. Мадьяры поддались паническому страху, и въ безпорядкѣ толпились въ своемъ тѣсномъ лагерѣ. не смѣя вступить въ битву. Только немногіе храбрые вожди, въ томъ числѣ Коломанъ, вышли изъ лагеря съ своими отрядами и послѣ отчаянной схватки успѣли пробиться. Все остальное войско уничтожено; король былъ въ числѣ тѣхъ, которымъ удалось спастись бѣгствомъ.

Послѣ того Татары безпрепятственно цѣлое лѣто 1241 года свирѣпствовали въ восточной Венгріи; а съ наступленіемъ зимы перешли на другую сторону Дуная и опустошили западную ея часть. При этомъ особые татарскіе отряды также дѣятельно преслѣдовали угорскаго короля Белу, какъ прежде султана харезмскаго Магомета. Спасаясь отъ нихъ изъ одной области въ другую, Бела дошелъ до крайнихъ предѣловъ угорскихъ владѣній, т. е. до береговъ Адріатическаго моря, и, подобно Магомету, также спасся отъ своихъ преслѣдователей на одинъ изъ ближайшихъ къ берегу островов, гдѣ и оставался, пока миновала гроза. Болѣе года Татары пребывали въ Угорскомъ королевствѣ, опустошая его вдоль и поперегъ, избивая жителей, обращая ихъ въ рабство.

Наконецъ въ іюлѣ 1242 года Батый собралъ свои разсѣянные отряды, обремененные несмѣтною добычею, и, покинувъ Венгрію, направилъ обратный путь долиною Дуная чрезъ Бол-

гарію и Валахію въ южно-русскія степи. Главнымъ поводомъ къ обратному походу послужило извѣстіе о смерти Огодая и вступленіе на верховный ханскій престолъ его сына Гаюка. Сей послѣдній еще ранѣе оставилъ Батыя и вообще не находился съ нимъ въ дружественныхъ отношеніяхъ. Надобно было обезпечить за своимъ семействомъ тѣ страны, которыя пришлись на долю Джучи по раздѣлу Чингизъ-хана. Но кромѣ слишкомъ большаго удаленія отъ своихъ степей и угрожавшихъ несогласій между Чингизидами, были конечно и другія причины, побудившія Татаръ воротиться на востокъ, не упрочивъ за собою подчиненія Польши и Угріи. При всѣхъ своихъ успѣхахъ, татарскіе военачальники поняли, что дальнѣйшее пребываніе въ Венгріи или движеніе на западъ были небезъопасны. Хотя императоръ Фридрихъ II по прежнему увлекался борьбою съ папствомъ въ Италіи, однако въ Германіи повсюду проповѣдывался крестовый походъ на Татаръ; князья германскіе совершали вездѣ военныя приготовленія, и дѣятельно укрѣпляли свои города и замки. Эти каменныя укрѣпленія было уже не такъ легко брать какъ деревянные города Восточной Европы. Закованное въ желѣзо, опытное въ военномъ дѣлѣ западно-европейское рыцарство также не обѣщало легкой побѣды. Уже во время пребыванія въ Венгріи Татары не разъ терпѣли разныя неудачи и, чтобы одолѣть непріятелей, часто должны были прибѣгать къ своимъ военнымъ хитростямъ, каковы: ложное отступленіе отъ осажденнаго города, или притворное бѣгство въ открытомъ сраженіи, лживые договоры и обѣщанія, даже поддѣльныя грамоты, обращенныя къ жителямъ какъ бы отъ имени угорскаго короля, и т. п. При осадѣ городовъ и замковъ въ Угріи Татары весьма щадили собственныя силы; а болѣе пользовались толпами плѣнныхъ Русскихъ, Половцевъ и самихъ Угровъ, которыхъ подъ угрозою избіенія посылали заваливать рвы, дѣлать подкопы, идти на приступъ. Наконецъ и самыя сосѣднія страны, за исключеніемъ Среднедунайской равнины, по гористому, пересѣченному характеру своей поверхности уже представляли мало удобствъ для степной конницы ([32]).

Монголо-Татары Джучіева улуса заняли своими кочевьями всѣ Кипчакскія степи. Остатки Печенѣговъ, Торковъ и Половцевъ, обращенные ими въ рабство, впослѣдствіи легко слились съ ними, благодаря родству происхожденія и языка. На предѣлахъ Южной Руси расположено было нѣсколько отдѣльныхъ ордъ подъ начальствомъ особыхъ темниковъ, которые охраняли Кипчакъ и наблюдали за покорностью завоеванной страны. Степи Таврическія и Азовскія Батый предоставилъ во владѣніе одному изъ своихъ родственниковъ, а ту часть Джучіева удѣла, которая находилась въ юго-западной Сибири и сѣверномъ Туркестанѣ, отдалъ брату своему Шибану. Самъ Батый и сынъ его Сартакъ съ главною своей ордой расположились въ степяхъ Поволжскихъ и Подонскихъ. Въ лѣтнее время татарскія орды кочевали въ сѣверныхъ частяхъ степи, а на зиму спускались ближе къ морямъ Черному и Каспійскому. Ханы первоначально не имѣли опредѣленнаго мѣстопребыванія и также кочевали съ своимъ дворомъ и войскомъ. Ставка или *орда* ханская отъ своихъ золотыхъ украшеній называлась «Золотою Ордою». Это названіе распространилось на все царство Батыево; кромѣ того отъ прежнихъ владѣтелей степи Кипчаковъ или Половцевъ оно стало извѣстно подъ именемъ «Кипчакской орды». Главное мѣстопребываніе хана называлось еще *сарай*; впослѣдствіи оно утвердилось преимущественно на Ахтубѣ, рукавѣ нижней Волги, тамъ гдѣ теперь городъ Царевъ. Сюда должны были являться на поклонъ Батыю государи завоеванныхъ имъ странъ. А отсюда нѣкоторые изъ нихъ отправлялись въ глубину Азіи ко двору верховнаго Монгольскаго хана; ибо Кипчакскій улусъ сначала составлялъ только часть необъятной Монгольской имперіи; первые преемники Чингиза и Огодая еще сохраняли свою власть надъ всѣми ея частями.

Когда умеръ Огодай (1241), правительницею царства сдѣлалась самая вліятельная изъ его женъ, Туракина. Она рѣшила доставить престолъ своему старшему сыну Гаюку; для чего требовалось согласіе великаго сейма или курилтая, который могъ выбирать любаго изъ потомковъ Чингизовыхъ. Уже не всѣ его потомки жили тогда въ согласіи; между ними обозначились двѣ партіи: на одной сторонѣ стояли дѣти Огодая и Джагатая, на другой семейства Джучи и Тулуя. Про-

шло болѣе четырехъ лѣтъ прежде, нежели Туракинѣ удалось добиться для своего сына торжественнаго избранія на великомъ курилтаѣ (1246). Одинъ итальянскій монахъ, по имени Плано Карпини, видѣлъ этотъ курилтай, собравшійся въ древней родинѣ монгольскихъ хановъ, и оставилъ потомству любопытное описаніе своего путешествія на Волгу въ Кипчакскую орду и къ источникамъ Амура въ орду верховнаго хана.

Приведемъ главныя черты изъ этого описанія.

Папа Иннокентій IV отправилъ къ татарскимъ ханамъ монаховъ съ предложеніемъ мира и съ проповѣдью христіанской религіи. Во главѣ посольства былъ поставленъ Плано Карпини, принадлежавшій къ Францисканскому ордену.

Зимою 1245 года посольство отправилось на востокъ черезъ Богемію и Польшу. У Конрада Мазовецкаго оно встрѣтилось съ его союзникомъ и родственникомъ по женѣ Василькомъ Волынскимъ, братомъ Даніила Романовича. По просьбѣ Поляковъ Василько взялъ съ собою это посольство и оказалъ ему гостепріимство въ своей землѣ. Католическіе монахи не упустили случая предъявить русскому князю и духовенству папскую грамоту, заключавшую увѣщаніе возсоединиться съ Римскою церковью. Они получили уклончивый отвѣтъ, что такой вопросъ не можетъ быть рѣшенъ въ отсутствіе Даніила, уѣхавшаго въ орду къ Батыю. Василько далъ посламъ проводниковъ до Кіева. На этомъ пути они подвергались опасности отъ Литовцевъ, которые въ то время участили свои набѣги на Русскую землю. Дорогою они видѣли очень мало жителей, потому что большая часть населенія была или избита, или уведена въ неволю. Кіевъ, бывшій прежде столь великимъ и многолюднымъ, они нашли бѣднымъ городкомъ; въ немъ оставалось не болѣе 200 домовъ, жители которыхъ находились въ жестокомъ рабствѣ у Татаръ. Батый утвердилъ этотъ городъ за Ярославомъ Всеволодовичемъ Суздальскимъ, который держалъ его посредствомъ своего тысяцкаго Димитрія Ейковича. По совѣту сего послѣдняго монахи оставили въ Кіевѣ своихъ лошадей, потому что они не годились для степи, гдѣ только кони кочевниковъ умѣютъ отыскивать себѣ кормъ, разрывая снѣгъ копытами. Тысяцкій далъ имъ коней и проводниковъ до Канева, за ко-

торымъ находилась первая татарская застава. Тутъ пословъ остановили; но когда они объяснили причины своего посольства, начальники стражи отправили ихъ къ Куремсѣ. Этотъ темникъ или воевода начальствовалъ 60,000 войскомъ и оберегалъ предѣлы Кипчака на правой сторонѣ Днѣпра. У порога воеводскаго шатра монаховъ заставили три раза преклонить лѣвое колѣно и запретили имъ наступать ногою на порогъ. Въ шатрѣ они должны были представиться воеводѣ и его свитѣ стоя на колѣнахъ. На всякомъ шагу отъ нихъ требовали подарковъ. Къ счастью въ Польшѣ они запаслись разными мѣхами, преимущественно бобровыми, которые и раздавали теперь по немногу. Куремса отправилъ ихъ къ Батыю. Ѣхали они Половецкими степями около береговъ Азовскаго моря весьма скоро, мѣняя лошадей по три и по четыре раза въ день. Въ концѣ великаго поста они достигли Батыева мѣстопребыванія.

Прежде чѣмъ представить пословъ хану, татарскіе чиновники объявили имъ, что надобно пройти между двухъ огней. Тѣ попытались спорить. «Ступайте смѣло — сказали имъ. — Это нужно только для того, что ежели вы имѣете при себѣ ядъ, то огонь истребитъ всякое зло». «Если такъ, то мы готовы идти, чтобы не оставаться въ подозрѣніи» — отвѣчали послы. По врученіи подарковъ ихъ ввели въ ханскую ставку, заставивъ напередъ преклониться и выслушать опять предостереженіе не наступать на порогъ. Рѣчь свою они произнесли передъ ханомъ на колѣнахъ; а потомъ вручили папскую грамоту, прося для ея перевода дать имъ толмачей; что и было исполнено.

«Батый живетъ великолѣпно—описываетъ Карпини.—У него привратники и всякіе чиновники какъ у императора, и сидитъ онъ на высокомъ мѣстѣ, какъ будто на престолѣ, съ одною изъ своихъ женъ. Всѣ же прочіе, какъ братья его и сыновья, такъ и другіе вельможи, сидятъ ниже посрединѣ на скамьѣ, а остальные люди за ними на полу, мужчины съ правой, женщины съ лѣвой стороны. Близъ дверей шатра ставятъ столъ, а на него питье въ золотыхъ и серебряныхъ чашахъ. Батый и всѣ татарскіе князья, а особливо въ собраніи, не пьютъ иначе какъ при звукѣ пѣсенъ или струнныхъ инструментовъ. Когда же выѣзжаетъ, то всегда надъ головою

его носятъ щитъ отъ солнца или шатерчикъ на копьѣ (зонтъ). Такъ дѣлаютъ всѣ татарскіе знатные князья и жены ихъ. Сей Батый очень ласковъ къ своимъ людямъ; но, не смотря на это, они чрезвычайно его боятся. Въ сраженіяхъ онъ весьма жестокъ, а на войнѣ очень хитеръ и лукавъ, потому что воевалъ очень долго». «Въ войскѣ Батыевомъ считается шесть сотъ тысячъ человѣкъ; изъ нихъ 150,000 Татаръ, а 450,000 иныхъ невѣрныхъ и христіанъ».

По приказу Батыя монахи отправлены въ Азію ко двору верховнаго хана. Ихъ везли съ прежнею скоростію. За Ураломъ они вступили въ безводную степь Кангитовъ (нынѣ Киргизскую), гдѣ, какъ и въ Половецкой, видѣли повсюду разсѣянные человѣческіе черепа и кости. Потомъ они миновали земли «бисерменовъ» (Хивинцевъ), Кара-Китай, Монголію, и наконецъ прибыли въ главный ханскій станъ. Гаюкъ пока до своего избранія не принялъ пословъ, а велѣлъ явиться къ его матери, бывшей правительницею царства. Она имѣла огромный свѣтлопурпурный шатеръ, въ которомъ могло помѣститься слишкомъ двѣ тысячи человѣкъ; вокругъ шатра шла деревянная ограда, расписанная разными изображеніями. Въ его окрестностяхъ расположились съ своими людьми всѣ татарскіе воеводы и знатные люди, составлявшіе великій курилтай. Они разъѣзжали на богато убранныхъ коняхъ; у многихъ коней узда, нагрудникъ и сѣдло были густо покрыты золотомъ. Сами воеводы одинъ день являлись всѣ одѣтые въ бѣлый пурпуръ, на другой день въ красный, на третій въ голубой, на четвертый въ ткань шитую золотомъ. Они собирались въ шатеръ и разсуждали тамъ объ избраніи хана, выпивая при этомъ огромное количество кумысу. Между тѣмъ остальной народъ располагался далеко за оградою. Въ толпѣ этой находились многіе послы и владѣтели покоренныхъ народовъ прибывшіе съ дарами, въ томъ числѣ великій князь суздальскій Ярославъ Всеволодовичъ. Четыре недѣли прожили здѣсь монахи, прежде нежели совершились обряды избранія и возведенія на престолъ Гаюка. Для этого послѣдняго обряда въ живописной долинѣ между горъ на берегу красивой рѣчки устроенъ былъ шатеръ на столбахъ, обшитыхъ золотыми листами. Этотъ шатеръ назывался «Золотой Ордою». 25 августа 1246 г. около него собралось чрез-

вычайное множество народу. Послѣ чтенія молитвъ и всенародныхъ поклоновъ, обращенныхъ на югъ, воеводы вошли въ шатеръ, посадили Гаюка на золотое сѣдалище, положили передъ нимъ мечъ и преклонили колѣна; а за ними сдѣлалъ тоже и весь народъ.

На приглашеніе принять власть Гаюкъ произнесъ:

«Если вы хотите, чтобы я владѣлъ вами, то готовъ ли каждый изъ васъ исполнять то, что я ему прикажу, приходить когда позову, идти куда пошлю, убивать кого велю?»

Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ продолжалъ:

«Если такъ, то впредь слово устъ моихъ да будетъ мечомъ моимъ».

Послѣ того вельможи разостлали на землѣ войлокъ, посадили на него хана и въ свою очередь сказали ему, что если онъ будетъ хорошо править, соблюдать правосудіе и награждать вельможъ по достоинству, то пріобрѣтетъ славу и весь свѣтъ покорится его власти; въ противномъ случаѣ лишится и самаго войлока, на которомъ сидитъ. Съ этими словами посадили подлѣ него на войлокъ его главную жену, и обоихъ торжественно подняли вверхъ. Потомъ принесли ему множество золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней, оставшихся въ казнѣ его предшественника. Ханъ роздалъ нѣкоторую часть вельможамъ, а остальное велѣлъ хранить для себя. Торжество окончилось усердною попойкою и пиршествомъ, продолжавшимися до вечера.

Гаюкъ при возведеніи на престолъ на видъ имѣлъ отъ роду отъ 40 до 45 лѣтъ. Онъ былъ средняго роста и весьма серьезенъ, такъ что въ это время никто не видалъ его смѣющимся или шутившимъ. Онъ оказывалъ большую терпимость къ христіанамъ, имѣлъ при себѣ даже христіанскихъ священниковъ (Несторіанъ), которые открыто совершали богослуженіе въ часовнѣ, построенной передъ его большимъ шатромъ. Нѣкоторые изъ его христіанскихъ слугъ увѣряли папскихъ монаховъ, будто онъ намѣренъ и самъ принять крещеніе. По окончаніи помянутыхъ обрядовъ Гаюкъ началъ принимать многочисленныхъ пословъ отъ разныхъ народовъ, которые поднесли ему въ даръ безчетное множество бархату, пурпуру, шелковыхъ шитыхъ золотомъ кушаковъ, дорогихъ мѣховъ и пр. Около его шатровъ стояло до пятисотъ повозокъ,

наполненныхъ золотомъ, серебромъ и шелковыми одеждами. Все это было раздѣлено между ханомъ и воеводами; а затѣмъ каждый изъ доставшейся ему части надѣлялъ своихъ людей.

Еще много недѣль пришлось ждать монахамъ, пока они исполнили свое посольство и получили позволеніе воротиться въ Европу. Въ теченіе этого времени они очень бѣдствовали, терпѣли голодъ и жажду. Къ счастію судьба послала имъ на помощь одного добраго русскаго плѣнника, по имени Козьму. При всей своей свирѣпости и кровожадности монгольскіе завоеватели, какъ извѣстно, щадили людей знавшихъ какое-либо художество. Къ числу такихъ людей принадлежалъ Козьма, бывшій золотыхъ дѣлъ мастеромъ. Онъ показывалъ монахамъ только что изготовленный имъ для хана престолъ и ханскую печать его же работы.

Получивъ наконецъ отвѣтную грамоту для папы, посольство тѣмъ же порядкомъ воротилось назадъ.

Къ описанію своего путешествія Плано Карпини присоединилъ любопытныя замѣтки о монгольскихъ нравахъ и обычаяхъ. Между прочимъ онъ указываетъ на обиліе всякаго рода суевѣрій и колдовства; что весьма естественно у дикаго языческаго народа. Ворожба по крику и полету птицъ и особенно по бараньимъ лопаткамъ была чрезвычайно распространена между Монголами. Какъ огнепоклонники они окружали огонь великимъ уваженіемъ: не только втыкать въ него ножъ, но и прикасаться ножомъ или рубить топоромъ близъ огня считалось большимъ грѣхомъ. Также строго запрещалось прикасаться плетью къ стрѣламъ, бить лошадь уздою, выливать на землю молоко и т. п. Кто входя къ воеводѣ наступалъ на порогъ его ставки, того убивали безъ милосердія. Монголы обожали солнце, огонь, воду, землю, и приносили имъ въ жертву часть своей пищи и питья, особенно поутру передъ началомъ ѣды; но сколько нибудь устроеннаго торжественнаго богослуженія (кажется) не совершалось. Были у нихъ идолы, сдѣланные изъ войлока на подобіе человѣка и поставленные по обѣимъ сторонамъ двери; у воеводъ идолы приготовлялись изъ шолковыхъ тканей и ставились одни посреди шатра, а другіе въ крытой повозкѣ внѣ его. О загробной жизни они имѣли самыя грубыя понятія, и думали, что так-

же будутъ жить и на томъ свѣтѣ, т. е. размножать свои стада, ѣсть, пить и пр. Поэтому знатнаго человѣка погребали съ его шатромъ, поставивъ передъ нимъ чашу съ мясомъ и горшокъ съ кобыльимъ молокомъ; зарывали съ нимъ вмѣстѣ кобылу съ жеребенкомъ, коня съ уздою и сѣдломъ, а также серебряныя и золотыя вещи. Еще при этомъ одну лошадь съѣдали, а шкуру ея, набивъ соломой, развѣшивали на шестахъ надъ могилой. Иногда погребали съ покойникомъ и его любимѣйшаго слугу. Послѣ того родственники умершаго и все имущество его должны быть очищены огнемъ. Обрядъ этотъ состоялъ въ томъ, что раскладывали два костра; подлѣ нихъ ставили два копья, соединенныя на верху веревкой съ привѣшенными къ ней полотняными лоскутами, и подъ этой веревкой проводили людей, скотъ и самыя кибитки или юрты. Въ это время двѣ колдуньи, стоя съ двухъ сторонъ, прыскали на нихъ водою и произносили заклятія. Ихъ юрты круглыя; онѣ сдѣланы искусно изъ палокъ и прутьевъ и покрыты войлокомъ. На верху оставляется отверстіе для свѣта и дыма; ибо посрединѣ раскладывается огонь. Эти юрты легко разбираются и навьючиваются на верблюдовъ; но есть и такія, которыя нельзя разобрать; а ихъ перевозятъ на возахъ, запряженныхъ быками.

Монголы отличаются чрезвычайною жадностію. Вещь, которая имъ понравилась у иноземца, они вынуждаютъ подарить себѣ или отнимаютъ насильно. Иностранные послы и владѣтели, пріѣзжавшіе къ нимъ, должны раздавать подарки на каждомъ шагу. Владѣя огромными стадами овецъ и барановъ, варвары отъ чрезмѣрной скупости рѣдко ѣдятъ здоровую скотину, а болѣе хворую или просто падаль. Употребляютъ въ пищу не только лошадей, но и собакъ, волковъ, лисицъ и т. п., а по нуждѣ даже человѣчье мясо. На походѣ могутъ по нѣскольку дней оставаться безъ пищи, и, продовольствоваться, напримѣръ, тѣмъ, что вскрываютъ жилу у лошади и пьютъ кровь. (Свирѣпость ихъ простирается до того, что иногда сосутъ кровь пойманнаго врага). За то при возможности чрезвычайно невоздержны въ пищѣ, а также исполнены неутолимой похоти. Неразборчивости въ пищѣ соотвѣтствуетъ крайняя неопрятность: никогда не моютъ ни посуды, ни платья, до крайности засаленныхъ. Привычка раз-

водить огонь изъ коровьяго и конскаго помета — пріобрѣтенная въ безлѣсныхъ степяхъ — была такъ сильна, что и въ мѣстахъ лѣсистыхъ, каковы источники Амура, разводили огонь изъ помета, особенно для ханской потребности. Во взаимныхъ сношеніяхъ Монголы вообще дружны, рѣдко ссорятся между собою, почти никогда не воруютъ другъ у друга и не соблазняютъ женщинъ своего племени. Впрочемъ за послѣднее преступленіе назначена смертная казнь; а за мелкіе проступки жестоко сѣкутъ. Каждый имѣетъ женъ сколько можетъ содержать и покупаетъ ихъ у родителей. Женщины исполняютъ всѣ работы; а мужчины въ мирное время занимаются только охотою и стрѣльбою; о лошадяхъ имѣютъ большое попеченіе; ѣздятъ на очень короткихъ стремянахъ. Женщины также ѣздятъ верхомъ, и нѣкоторыя стрѣляютъ не хуже мущинъ. Платье мужское и женское одного покроя; только замужнія женщины отличаются головнымъ уборомъ; послѣдній представляетъ высокую, круглую корзину, которая къ верху постепенно расширяется и оканчивается четвероугольникомъ съ воткнутымъ въ него металлическимъ прутикомъ или перомъ. Войлочныя шапки мужчинъ имѣютъ небольшія поля, загнутыя вверхъ спереди и сбоковъ, но опущенныя сзади. Мущины выстригаютъ макушку и кромѣ того выбриваютъ полосу отъ одного уха до другаго; подбриваютъ также на лбу; затѣмъ оставшіеся напереди волосы отпускаютъ до бровей, а назади отращиваютъ какъ женщины, заплетаютъ ихъ въ косы и кладутъ каждую за ухомъ.

Способы прически Монголы по всей вѣроятности переняли у Китайцевъ, у которыхъ вообще многое заимствовали. Въ особенности подражаніе Китаю отразилось у нихъ на деспотическомъ характерѣ верховной власти и на цѣломъ устройствѣ созданной ими огромной монархіи. Уже удѣльные ханы какъ Батый и даже его воеводы держали себя надменно и повелительно, и доступъ къ своей особѣ окружали разными церемоніями. Еще бо̀льшими церемоніями, колѣнопреклоненіями и почти божескимъ почитаніемъ окружена была особа верховнаго хана. Власть его сдѣлалась безграничною. «Никто не смѣетъ жить нигдѣ, кромѣ того мѣста, которое ханъ ему назначитъ. Онъ назначаетъ, гдѣ кочевать воеводамъ, тысячники сотникамъ, сотники десятникамъ. Чтобы онъ ни прика-

залъ, въ какое бы время и гдѣ бы ни было, на войну ли, на смерть ли, все это исполняется безпрекословно. Также безпрекословно отдаютъ ему, если у кого потребуетъ, незамужнюю дочь или сестру. Ежегодно или чрезъ нѣсколько лѣтъ собираетъ онъ дѣвицъ изъ всѣхъ владѣній татарскихъ; изъ нихъ оставляетъ себѣ тѣхъ, которыхъ хочетъ, а другихъ раздаетъ кому вздумается. Гонцамъ его или посламъ, приходящимъ къ нему, жители обязаны давать кормъ и лошадей». При дворѣ ханскомъ встрѣчаемъ уже цѣлую лѣстницу разныхъ чиновниковъ, а также секретарей и писцовъ. Въ обложеніи покоренныхъ народовъ разнообразными налогами и поборами, въ назначеніи численниковъ и баскаковъ, въ устройствѣ ямской гоньбы для ханскихъ посланцевъ, разносившихъ ханскія повелѣнія, и т. п.—видно несомнѣнное вліяніе китайскихъ и отчасти персидскихъ образцовъ, примѣненныхъ къ условіямъ полудикаго степнаго быта.

Таковы были завоеватели, наложившіе продолжительное ярмо на наше отечество.

По словамъ того же Карпини, порабощеніе Европы, прерванное смертью Огодая и послѣдующимъ междуцарствіемъ, должно было возобновиться съ утвержденіемъ на престолѣ Гаюка. На томъ же курилтаѣ, гдѣ совершилось его избраніе, рѣшено было вновь собрать огромное войско и послать на западъ опять черезъ Венгрію и Польшу. Но Гаюкъ питалъ непріязнь къ своему двоюродному брату Батыю и уже хотѣлъ идти на него войною, какъ былъ застигнутъ внезапною смертію (осенью 1247 г.). Наступило новое междуцарствіе, съ управленіемъ старшей жены Гаюка; вмѣстѣ съ тѣмъ рушился планъ новаго похода на Европу. Батый, теперь самый сильный изъ монгольскихъ владѣтелей, собралъ курилтай въ Туркестанѣ и заставилъ выбрать ханомъ самаго пріязненнаго себѣ изъ двоюродныхъ братьевъ, Менгу, сына Тулуева. Въ слѣдующемъ году это избраніе подтверждено и на великомъ курилтаѣ въ Каракорумѣ или на родинѣ Чингизидовъ. Дѣло однако не обошлось безъ враждебныхъ попытокъ со стороны потомковъ Огодая и Джагатая; за что нѣкоторые изъ нихъ поплатились жизнію или лишеніемъ владѣній. Ханство Пер-

сидское или удѣлъ Тулуя Менгу передалъ своему брату Гулагу; другому своему брату Кубилаю отдалъ Китай, а за Батыемъ утвердилъ его Кипчакское царство. Итакъ вслѣдствіе избирательнаго престолонаслѣдія уже начались смуты въ Монголо-Татарской имперіи, которыя неизбѣжно должны были повести къ ея распаденію.

Отвлекаемый дѣлами въ Азіи, Батый поручалъ занятіе русскими и вообще европейскими отношеніями старшему сыну Сартаку, который съ своей ордой кочевалъ въ степяхъ между Волгою и Дономъ. Сартакъ держалъ при себѣ многихъ христіанъ Несторіанскаго исповѣданія; отсюда распространился слухъ, будто и самъ онъ сдѣлался христіаниномъ. На основаніи этого ложнаго слуха французскій король Людовикъ IX во время своего пребыванія на островѣ Кипрѣ отправилъ къ нему посла, именно монаха Рубруквиса, въ 1253 году. Послѣдній направился къ Татарамъ Чернымъ моремъ, Тавридою и Донскими степями.

Проѣзжая мимо Таврическихъ соляныхъ озеръ, Рубруквисъ замѣтилъ, что сюда приходятъ за солью со всѣхъ сторонъ Руси; Батый и Сартакъ поэтому сдѣлали добычу соли важнымъ источникомъ своихъ доходовъ, обложивъ каждую нагруженную телѣгу пошлиной въ два куска полотна, стоимостью въ полъиперпера (золотая монета). О самой Руси путешественникъ слышалъ какъ о странѣ, сплошь покрытой лѣсами и сильно опустошенной Татарами: они продолжали разорять ее ежедневно; а тѣхъ жителей, которые не въ состояніи болѣе давать золото и серебро, угоняли въ неволю со всѣми ихъ семействами и заставляли пасти свои стада. Татарскія кочевья наполнились подобными толпами плѣнниковъ изъ разныхъ народовъ, но повидимому болѣе всего русскими людьми; ибо варвары къ мусульманскимъ народамъ относились снисходительнѣе чѣмъ къ христіанскимъ. Такое отношеніе объясняется отчасти тѣмъ, что среднеазійскіе мусульмане показывали менѣе отвращенія къ татарскимъ обычаямъ, и стояли ближе къ ихъ образу жизни, чѣмъ европейскіе христіане. Напримѣръ, обычный и любимый напитокъ Татаръ былъ кумысъ, угощеніе которымъ они считали за большую честь; Русскіе, по преимуществу передъ другими христіа-

нами, смотрѣли на этотъ напитокъ съ омерзѣніемъ, и, если бывали принуждены къ его употребленію, то послѣ того брали у своихъ священниковъ отпустительныя молитвы, какъ бы оскверненные идолослуженіемъ. Также относились они къ употребленію въ пищу конины, падали и животныхъ, зарѣзанныхъ рукою язычника или мусульманина. Достигнувъ рѣки Дона, Рубруквисъ нашелъ на его берегу русское селеніе, устроенное по приказу Батыя и Сартака, чтобы перевозить на лодкахъ и паромахъ черезъ рѣку пословъ и торговцевъ. За эту повинность селеніе было освобождено отъ обязанности давать коней проѣзжающимъ.

Представившись съ обычными колѣнопреклоненіями предъ лицо Сартака, Рубруквисъ былъ отправленъ имъ въ орду Батыеву; такъ какъ молодой ханъ не рѣшился дать отвѣтную грамату на письмо короля Людовика. На этомъ пути западные монахи были въ большомъ страхѣ отъ разбойниковъ; ибо многіе бѣдняки, переселенные Татарами въ степи изъ Руси, Венгріи и Аланіи, соединялись въ шайки по двадцати и тридцати человѣкъ, и по ночамъ рыскали на степныхъ коняхъ, грабя и убивая всякаго встрѣчнаго. На берегу Волги монахи также нашли татарско-русское селеніе, занимавшееся перевозомъ пословъ, ѣхавшихъ къ Батыю и обратно. Батый въ свою очередь не далъ никакого отвѣта посламъ Французскаго короля, а приказалъ имъ ѣхать на родину Монголовъ въ Каракорумъ къ великому хану Менгу. Рубруквисъ совершилъ это путешествіе по азіатскимъ степямъ съ такими же великими трудностями какъ и предшественникъ его Плано Карпини. Онъ нѣсколько мѣсяцевъ провелъ въ главной Ордѣ; видѣлъ при дворѣ великаго хана многихъ христіанъ Несторіанскаго исповѣданія, свободно отправлявшихъ свое богослуженіе; но встрѣтилъ полное равнодушіе къ своей проповѣди со стороны Монголовъ. Это равнодушіе особенно ясно выразилось въ словахъ самого хана. Отпуская монаховъ обратно изъ своей Орды, Менгу сказалъ между прочимъ слѣдующее: «Мы, Монголы, вѣруемъ, что есть только одинъ Богъ; но какъ рукамъ Онъ далъ много пальцевъ, такъ и людямъ назначилъ многіе пути въ рай. Вамъ, христіанамъ, Онъ даровалъ священное писаніе; но вы его не

соблюдаете; а намъ далъ волхвовъ; мы ихъ слушаемся и живемъ въ мирѣ».

Рубруквисъ воротился тѣмъ же путемъ на Волгу къ Батыю; при чемъ видѣлъ только что основанный имъ городъ Сарай, гдѣ ханъ проводилъ часть зимы съ своимъ кочевымъ дворомъ. Отсюда посолъ направился черезъ Дербентъ въ Арменію и далѣе, пока снова достигъ Кипра. Отчетъ о его путешествіи, представленный королю Людовику, подобно Карпиніеву, изобилуетъ любопытными описаніями татарскихъ обычаевъ и особенно главной Монгольской орды (53).

XXI.

АЛЕКСАНДРЪ НЕВСКІЙ И РУСЬ СѢВЕРОВОСТОЧНАЯ.

Русскіе князья въ Ордѣ. Тяжкія дани. Судьба Ярослава. Мученичество Михаила Черниговскаго. Александръ. Невская побѣда. Ледовое побоище. Соперничество съ братомъ Андреемъ. Политика въ отношеніи къ Татарамъ. Новогородскія смуты. Татарскіе численники и сборщики даней. Послѣднее путешествіе въ Золотую Орду и кончина Александра. Установленный имъ характеръ Татарской зависимости. Распаденіе Чингизовой имперіи. Мусульманство въ Золотой Ордѣ. Братья и преемники Александра. Раковорская битва. Довмонтъ Псковскій. Договоры съ Новгородомъ. Междоусобія Александровыхъ сыновей. Князья Ростовскіе. Митрополитъ Кириллъ II и оставленіе Кіева. Рязань. Положеніе Черниговo-Сѣверской украйны. Борьба Новогородцевъ со Шведами и Псковичей съ Нѣмцами.

Суздальскіе и рязанскіе князья, уцѣлѣвшіе отъ Татарскаго меча, послѣ Батыева нашествія снова заняли свои наслѣдственные удѣлы, и принялись вызывать жителей, укрывшихся въ лѣса и дебри, очищать землю отъ гніющихъ труповъ, возобновлять сожженные города и храмы.

Старшій Владимірскій столъ, послѣ гибели Георгія II, наслѣдовалъ слѣдующій за нимъ братъ Ярославъ Всеволодовичъ; младшимъ братьямъ (Святославу и Ивану) онъ отдалъ Суздаль и Стародубъ Клязьменскій; а потомкамъ старшаго своего брата Константина Всеволодовича оставилъ ихъ наслѣдственныя волости Ростовъ, Ярославль, Угличъ, Бѣлоозеро. Но скоро русскіе князья узнали, что они уже утратили свою независимость и свободу распоряжаться собственной землей; что у нихъ есть господинъ; что надъ Русью тяготѣло жестокое варварское иго. По возвращеніи изъ Венгріи, расположась станомъ на берегахъ Волги, Батый послалъ звать русскихъ князей въ Орду подъ угрозой лишенія удѣловъ и самой жизни. Страхъ, наведенный погромомъ, былъ

еще такъ силенъ, что никто не думалъ о новомъ сопротивленіи. Гордые, вольнолюбивые русскіе князья и бояре смиренно склонили свою выю подъ татарское ярмо. Ярославъ Всеволодовичъ показалъ примѣръ: съ нѣкоторыми сыновьями и боярами онъ отправился въ Орду въ 1243 году. Батый былъ доволенъ его покорностью, и утвердилъ за нимъ старѣйшинство между русскими князьями, признавъ его великимъ княземъ Кіевскимъ и Владимірскимъ. Другіе князья суздальскіе, равно рязанскіе и сѣверскіе, тоже съ боярами своими поспѣшили въ Орду, чтобы выхлопотать ханскіе ярлыки или грамоты на владѣніе своими наслѣдственными удѣлами. Тамъ, представляясь предъ лицо хана, они подвергались тѣмъ же унизительнымъ обрядамъ, о которыхъ упоминаетъ Плано Карпини, т. е. проходили между двухъ огней, кланялись идоламъ, становились на колѣна. Разумѣется, князья должны были являться къ своимъ владыкамъ съ большими дарами, раздавать также подарки ханскимъ женамъ, воеводамъ и чиновникамъ, которые вымогали эти подарки съ великою жадностію.

Вмѣстѣ съ утвержденіемъ князей въ ихъ наслѣдственныхъ волостяхъ Русскій народъ былъ обложенъ тяжелою данью; кромѣ того, подобно другимъ покореннымъ народамъ, онъ долженъ былъ выставлять вспомогательныя дружины въ татарскихъ войнахъ. По словамъ русской лѣтописи, Татары, облагая данью, предварительно подвергали перечисленію жителей, оставшихся послѣ Батыева разгрома. Тоже подтверждаетъ и Плано Карпини, который въ бытность свою на востокѣ слышалъ, что отъ Гаюка и Батыя былъ посланъ какой-то сарацинъ (мусульманинъ) на Русь для сбора дани. Этотъ сборщикъ отъ каждаго отца, имѣвшаго троихъ сыновей, бралъ по одному изъ нихъ; неженатыхъ мущинъ, и незамужнихъ женщинъ, равно и нищихъ, Татарскіе численники уводили въ Орду. Остальное населеніе, перечисливъ «по ихъ обычаю», приказали, чтобы каждый, малый и большой, даже младенецъ однодневный, бѣдный и богатый, давалъ дань по шкурѣ медвѣдя, бобра, соболя, чернобурой лисицы и хорька. Кто не могъ заплатить дани, того уводили въ рабство. Россія, какъ страна бѣдная звонкой монетой и богатая мѣхами, была обложена именно мѣховою данью, из-

лишекъ которой потомъ продавался купцамъ азіатскимъ и европейскимъ. Тоже самое дѣлалось съ русскими людьми, которыхъ огромное количество было уводимо въ татарскую неволю; о чемъ согласно свидѣтельствуютъ русскія лѣтописи и иноземные источники (Плано Карпини). И дѣйствительно, базары городовъ крымскихъ и азовскихъ наполнились русскими невольниками и невольницами. Тамъ купцы, особенно приходившіе изъ Венгріи и Генуи, скупали молодежь, и перепродавали ее въ мусульманскія страны, каковы: Малая Азія, Сирія, Египетъ, Сѣверная Африка, Испанія. Многія знатныя фамиліи двухъ названныхъ итальянскихъ республикъ пріобрѣли свои богатства съ помощью гнусной торговли христіанскимъ народомъ.

Карпини сообщаетъ также, что въ покоренныхъ земляхъ ханы держатъ своихъ баскаковъ или намѣстниковъ, которые наблюдаютъ за покорностію жителей, если же замѣчаютъ противное, то призываютъ Татаръ и подвергаютъ страну новому разоренію и убійствамъ; что не только татарскіе князья и намѣстники, но и всякій знатный татаринъ, пріѣхавъ въ покоренную землю, повелѣваетъ какъ государь. Баскаки дѣйствительно были поставлены почти во всѣхъ главныхъ городахъ покоренной Руси; а въ стольномъ Владимірѣ жилъ «великій баскакъ» Владимірскій.

Отпуская русскихъ князей въ ихъ земли, Батый обыкновенно удерживалъ у себя кого либо изъ ихъ родственниковъ, въ видѣ заложниковъ. Но такъ какъ онъ самъ считался только намѣстникомъ великаго хана, то нѣкоторыхъ подчиненныхъ владѣтелей отправлялъ отъ себя въ главную Орду на поклонъ великому хану. Первымъ изъ русскихъ князей былъ отправленъ къ Гаюку одинъ изъ сыновей Ярослава, по имени Константинъ. Но Гаюкъ повидимому не удовольствовался тѣмъ, и, отпустивъ сына, потребовалъ къ себѣ отца. Великій князь вторично, съ братьями и племянниками, долженъ былъ явиться къ Батыю. Сей послѣдній нѣкоторыхъ князей послалъ еще на поклонъ въ другую орду, къ своему сыну Сартаку; а самого Ярослава отправилъ въ Каракорумъ къ Гаюку.

Въ сопровожденіи многихъ бояръ и слугъ, великій князь предпринялъ это трудное путешествіе по азіатскимъ безпрі-

ютнымъ пустынямъ. При переходѣ по безводнымъ степямъ туркестанскимъ онъ потерялъ часть своихъ бояръ и слугъ, умершихъ отъ жажды. Въ главной ордѣ Ярославу, подобно другимъ владѣтелямъ и посламъ, пришлось долго жить, пока происходилъ великій курилтай, занимавшійся избраніемъ хана. Тамъ онъ терпѣлъ много униженія и нужды. По словамъ Карпини, приставленные къ нему и къ другимъ вассальнымъ владѣтелямъ Татары обращались съ ними высокомѣрно и сажали ихъ ниже себя; впрочемъ великому князю Русскому оказывали нѣкоторое предпочтеніе передъ другими. Наконецъ послѣ возведенія на престолъ Гаюка Ярославъ былъ отпущенъ домой. Но тутъ настала его кончина (1246). Карпини сообщаетъ слухъ, что его отравила бывшая правительницею Татарскаго царства Туракиня, мать Гаюка. Она позвала его къ себѣ, и, какъ бы оказывая ему честь, подчивала изъ своихъ рукъ; а, возвратясь въ ставку, онъ тотчасъ занемогъ и скончался на седьмой день. Ханша будто сдѣлала это для того, чтобы совершенно завладѣть Русскою землею. Такой слухъ считается не совсѣмъ достовѣрнымъ, потому что Татары ничего не выиграли отъ смерти Ярослава. Но онъ не противорѣчитъ событіямъ. Въ обычаѣ монгольскихъ хановъ было, при завоеваніи какой либо земли, возможно болѣе истребить въ ней народу, чтобы ее обезсилить, а также истребить тѣхъ правителей, которые даже при изъявленіи покорности считались почему либо опасными для татарскаго владычества. Русскія лѣтописи подтверждаютъ извѣстіе объ отравѣ, прибавляя, что великій князь былъ оклеветанъ передъ ханомъ какимъ-то измѣнникомъ Ѳедоромъ Яруновичемъ.

Подобная кончина, постигшая Ярослава Всеволодовича на пятьдесятъ седьмомъ году его жизни далеко отъ родины, посреди ненавистныхъ варваровъ, окружила его имя въ глазахъ современниковъ славою страдальца за Русскую землю. Вообще великіе труды и лишенія послѣднихъ лѣтъ его жизни искупили тѣ непривлекательныя жесткія черты, съ которыми онъ первоначально является въ исторіи, особенно въ своихъ отношеніяхъ къ Великому Новгороду.

Однако не всѣ руссіе князья смиренно перенесли тѣ уничиженія, которымъ подвергали ихъ въ Золотой Ордѣ. Меж-

ду ними, послѣ Василька Константиновича Ростовскаго, нашелся и другой примѣръ самопожертвованія, соединеннаго съ религіознымъ одушевленіемъ. То былъ Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій, извѣстный соперникъ и вмѣстѣ родственникъ Даніила Романовича (женатый на его сестрѣ); онъ приходился тестемъ и замученному Татарами Васильку Ростовскому. Выше было упомянуто, что изъ страха передъ полчищами Батыя Михаилъ покинулъ первопрестольный Кіевъ. Съ своимъ дворомъ и сокровищами онъ нѣкоторое время искалъ убѣжища то у венгерскаго короля, то у польскихъ князей. Между прочимъ въ Силезіи толпа Нѣмцевъ напала на его обозъ; убила его внучку, а обозъ разграбила; послѣ чего онъ удалился къ мазовецкому князю Конраду, который также приходился ему родственникомъ. Во время пребыванія Татаръ въ Венгріи Михаилъ воротился въ Кіевъ, и тутъ проживалъ не въ разоренномъ городѣ, а на одномъ днѣпровскомъ островѣ. Когда же Батый потребовалъ русскихъ князей къ себѣ въ Орду, Михаилъ Всеволодовичъ очевидно не желалъ подчиниться татарскому ярму, и снова удалился къ венгерскому королю, который около того времени сдѣлался ему своякъ, потому что выдалъ свою дочь за его сына Ростислава. Оскорбленный тѣмъ, что ни король, ни собственный сынъ не воздали ему должной чести, Михаилъ воротился въ свое наслѣдственное княженіе, въ Черниговъ. Но безъ Батыева соизволенія князь уже не могъ владѣть собственнымъ наслѣдствомъ. Пришлось покориться необходимости, т. е. ѣхать въ Орду и тамъ выпрашивать себѣ ханскій ярлыкъ на княженіе. Духовникъ Михаила священникъ Іоаннъ, отпуская его въ путь, увѣщевалъ не слѣдовать примѣру другихъ князей и не поклоняться въ ордѣ огню и идоламъ въ угоду хану, а лучше претерпѣть мученія и самую смерть за христіанскую вѣру. Къ тому же убѣждалъ онъ и Михаилова ближняго боярина Ѳедора. Тотъ и другой обѣщали исполнить духовный завѣтъ.

Когда Батый разрѣшилъ Черниговскому князю предстать съ дарами предъ свое лицо, пришли монгольскіе шаманы, и по обычаю повели Михаила съ его спутниками между священными огнями; затѣмъ приказали ему сдѣлать земной поклонъ на югъ тѣни Чингизъ хана. Тутъ Михаилъ объявилъ,

что вѣра христіанская повелѣваетъ кланяться только Святой Троицѣ и запрещаетъ поклоненіе кумирамъ. Донесли хану о такомъ отвѣтѣ Русскаго князя. Разгнѣванный Батый послалъ одного изъ вельможъ, Елдегу, возвѣстить Михаилу, что онъ будетъ казненъ, если не исполнитъ обычныхъ обрядовъ. Михаилъ отвѣчалъ, что готовъ пострадать за правую вѣру. Въ Ордѣ находился тогда юный ростовскій князь Борисъ Васильковичъ, по матери своей внукъ Михаила. Татары подослали Бориса, чтобы онъ уговорилъ своего дѣда не упорствовать. Со слезами началъ Борисъ упрашивать Михаила, склоняя его исполнить волю цареву. Бывшіе съ Борисомъ ростовскіе бояре также приступили къ Черниговскому князю съ просьбами, и говорили, что они со всей своей областью примутъ на себя эпитимію за него. Тутъ черниговскій бояринъ Өедоръ, опасаясь, чтобы слезы внука и любовь къ дочери не поколебали старика, началъ укрѣплять его мужество и рѣшимость, напоминая завѣтъ духовнаго отца и данное ему обѣщаніе. Слова Өедора устранили всякое колебаніе.

«Нѣтъ, не послушаю васъ, не погублю своей души», сказалъ Михаилъ. И, снявъ съ себя верхній княжескій плащъ, бросилъ его ростовскимъ боярамъ съ словами: «возьмите славу свѣта сего; я не хочу ея».

Елдега пошелъ доложить Батыю о непреклонной рѣшимости Русскаго князя. Сего послѣдняго между тѣмъ обступило множество народа, Татаръ и христіанъ; нѣкоторые изъ толпы также угововаривали его оставить упорство. Но князь и бояринъ, произнося молитву, причастились запасными дарами, которые отпустилъ съ ними духовный отецъ, и приготовились къ смерти. Она не замедлила. Подъѣхали ханскіе тѣлохранители, соскочили съ коней, схватили Михаила за руки и за ноги, и, растянувъ его на землѣ, принялись бить кулаками подъ сердце; потомъ перевернули ницъ и стали топтать ногами. Одинъ изъ русскихъ людей, измѣнившихъ своей религіи и народности и вступившихъ въ службу ханскую, по имени Домантъ, родомъ Путивлецъ, мечемъ отсѣкъ голову умирающему князю. За княземъ тѣмъ же мукамъ и отсѣченію головы былъ подвергнутъ вѣрный его бояринъ. Это событіе совершилось 20 сентября 1246 года, слѣдовательно почти одновременно съ гибелью великаго князя Суз-

дальскаго въ Монголіи. Тѣла мучениковъ брошены были на съѣденіе псамъ; но въ числѣ ордынскихъ христіанъ нашлись благочестивые люди, которые тайно ихъ схоронили. Внука Михаилова, Бориса Васильковича, Батый послѣ того отправилъ въ Придонскую орду къ сыну своему Сартаку. Послѣдній принялъ его благосклонно, и отпустилъ на Ростовское княженіе.

Какъ ни тяжки были дани, наложенныя Татарами на Русскій народъ, какъ ни велики были униженія и поруганія, которымъ подвергались въ Ордѣ русскіе князья и бояре — все это можно назвать благомъ сравнительно съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ очутилась бы Россія, если бы варвары сами поселились въ ней, заняли бы своими полчищами ея стольные города, и, устранивъ природныхъ властителей, взяли бы управленіе ею въ собственныя руки, подобно тому, какъ поступили Османскіе Турки съ Балканскими Славянами. Къ счастію по своей дикости, политической незрѣлости и по своей привычкѣ къ степному быту, Золотоордынскіе ханы ограничились вассальными отношеніями и удовлетворяли своей жадности посредствомъ тяжкихъ даней. Пребывая пока въ грубомъ язычествѣ, они не отличались религіознымъ фанатизмомъ, не воздвигли гоненія на Православную вѣру, и казнили только за непокорность. Оставляя неприкосновенными Церковь и наслѣдственную княжескую власть, они дали возможность будущему возрожденію самобытности; надъ чѣмъ немедленно начали трудиться наиболѣе дальновидные и энергичные изъ русскихъ князей. Во главѣ ихъ является нашъ національный герой Александръ Невскій. (54).

Александръ Ярославичъ принадлежитъ къ тѣмъ историческимъ дѣятелемъ Сѣверной Руси, въ которыхъ наиболѣе отразились основныя черты великорусской народности: практическій умъ, твердость воли и гибкость характера или умѣнье сообразоваться съ обстоятельствами. Большую часть своей юности онъ провелъ въ Новгородѣ Великомъ, гдѣ подъ руководствомъ суздальскихъ бояръ заступалъ мѣсто своего отца Ярослава Всеволодовича; а съ 1236 года, когда Ярославъ получилъ Кіевскій столъ, Александръ остался самостоятельнымъ Новогородскимъ княземъ. Эти годы, проведенные въ

Великомъ Новгородѣ, безспорно имѣли большое вліяніе на развитіе его ума и характера. Дѣятельная, кипучая жизнь торговаго города, постоянное присутствіе западныхъ иноземцевъ и почти непрерывная борьба вѣча съ княжескою властію конечно производили на него глубокое впечатлѣніе и не мало способствовали развитію той выдержанности характера и той гибкости, соединенной съ твердою волею, которыми отличается вся его послѣдующая дѣятельность. Внутреннимъ качествамъ соотвѣтствовала и самая наружность Александра, красивая и величественная.

Въ 1239 г. двадцатилѣтній Александръ Ярославичъ вступилъ въ бракъ съ дочерью полоцкаго князя Брячислава. Вѣнчаніе происходило въ Торопцѣ, гдѣ онъ и «кашу чини», т. е. давалъ свадебный пиръ; «а другое въ Новгородѣ»; слѣдовательно по возвращеніи въ свое княженіе Александръ и здѣсь устроилъ широкое угощеніе. Вслѣдъ за тѣмъ онъ съ Новогородцами ставитъ городки на рѣкѣ Шелони, т. е. укрѣпляетъ западную окраину ихъ владѣній; очевидно въ такихъ укрѣпленіяхъ существовала тогда настоятельная нужда.

Какъ извѣстно, Великій Новгородъ былъ столь счастливъ, что гроза Батыева нашествія миновала его, и только юговосточная часть его земли подверглась разоренію. Но въ тоже самое время западные сосѣди, какъ бы сговорясь между собою, спѣшатъ воспользоваться разгромомъ Сѣверовосточной Руси, чтобы тѣснить Великій Новгородъ, отнимать у него волости, грабить, разорять его пригороды и села. То были: Шведы, Ливонскіе Нѣмцы и Литва. Здѣсь-то, въ борьбѣ съ этими внѣшними врагами, Александръ обнаружилъ свои блистательныя дарованія и покрылъ себя неувядаемой славой. Первыми испытали на себѣ его тяжелую руку Шведы. Извѣстно, что уже давно происходили столкновенія съ ними Новогородцевъ на сѣверныхъ прибрежьяхъ Финскаго залива, гдѣ Шведы постепенно распространяли свое владычество, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свою религію. Но намъ неизвѣстно въ точности, что послужило ближайшимъ поводомъ къ шведскому походу на Новогородцевъ въ 1240 г., въ царствованіе короля Эриха Эрихсона. Очень вѣроятно, что онъ былъ предпринятъ подъ вліяніемъ папскихъ посланій, побуждав

шихъ Шведовъ и Ливонскихъ Нѣмцевъ оружіемъ подчинить католицизму русскія прибалтійскія земли. Настоящею же цѣлью шведскаго похода было повидимому завоеваніе Невскаго побережья, а слѣдовательно и захватъ главнаго пути новогородской торговли съ Сѣверозападною Европою; причемъ, можетъ быть, имѣлась въ виду и Ладога, которою издавна стремились завладѣть варяжскіе конунги.

Когда въ Новгородъ пришла вѣсть о появленіи шведскаго ополченія въ устьяхъ Невы, Александръ не захотѣлъ терять времени на посылку за помощью къ своему отцу, тогда великому князю Владимірскому, ни даже собирать рать изъ разныхъ пригородовъ и волостей новогородскихъ. Онъ понялъ, что успѣхъ зависитъ отъ быстроты и рѣшительности. А потому, помолясь въ Софійскомъ соборѣ и взявъ благословеніе у владыки Спиридона, немедля выступилъ только съ новогородскою и собственною дружиною; на пути присоединилъ Ладожанъ, и съ этими немногочисленными силами поспѣшилъ встрѣтить враговъ. Онъ нашелъ ихъ расположившимися станомъ на южномъ берегу Невы при впаденіи въ нее рѣчки Ижоры, и, не давъ имъ опомниться, стремительно ударилъ на нихъ (15 іюля 1240 г.). Шведы потерпѣли полное пораженіе; слѣдующею ночью они поспѣшили на своихъ шнекахъ удалиться въ отечество. По словамъ русской лѣтописи, Ладожане и Новогородцы потеряли будто бы не болѣе двадцати человѣкъ убитыми. Она описываетъ при этомъ подвиги шести русскихъ витязей, наиболѣе отличившихся; любопытно, что трое изъ нихъ были Новогородцы, а остальные трое принадлежали къ собственной дружинѣ князя. Напримѣръ, новогородецъ Гаврило Олексиничъ, преслѣдуя непріятелей, спасавшихся на корабль, вскочилъ на доску, былъ сброшенъ съ нея въ воду вмѣстѣ съ конемъ; но вышелъ изъ воды невредимымъ и снова ринулся въ битву. Сава, одинъ изъ княжихъ отроковъ, пробился къ златоверхому шатру шведскаго предводителя, и подрубилъ его столбъ; шатеръ рухнулъ; что обрадовало Русскихъ и навело уныніе на враговъ. Другой отрокъ княжій, Ратміръ, пѣшій избилъ много враговъ, былъ окруженъ ими и палъ отъ тяжкихъ ранъ. Невская побѣда обратила на Александра общее вниманіе, и доставила ему громкую славу. Какое сильное впечатлѣніе произвела на со-

временниковъ эта побѣда, указываетъ сложившаяся тогда же легенда о явленіи передъ битвою свв. Бориса и Глѣба нѣкоему Пелгусію, старѣйшинѣ Ижорской земли. ([55]).

Болѣе упорная война должна была произойти съ Ливонскими Нѣмцами. Около того времени Орденъ Меченосцевъ, подкрѣпивъ себя соединеніемъ съ Тевтонскимъ Орденомъ, возобновилъ наступательное движеніе на Русь Новогородскую, и въ особенности направилъ свои удары на ближайшую къ нему Псковскую область. Въ самый годъ Невской битвы Нѣмцы вмѣстѣ съ русскимъ измѣнникомъ Ярославомъ Владиміровичемъ (пошедшимъ по стопамъ своего отца Владиміра Псковскаго) взяли псковскій пригородъ Изборскъ. Псковичи выступили противъ нихъ, но потерпѣли пораженіе. Затѣмъ Нѣмцы осаждали самый Псковъ, гдѣ тогда происходили внутреннія смуты. По словамъ лѣтописи, враговъ подвела какая-то измѣнническая партія съ Твердиломъ Иванковичемъ во главѣ. Этотъ Твердило (кажется, потомокъ извѣстнаго новогородскаго посадника Мирошки Нездилича) захватилъ себѣ посадничество въ Псковѣ, и началъ свирѣпствовать противъ своихъ соперниковъ; такъ что многіе граждане съ семействами своими бѣжали въ Новгородъ. Не встрѣчая отпора, Нѣмцы распространили свои завоеванія и далѣе; перешли за рѣку Лугу, и, чтобы упрочить за собой этотъ край, заложили крѣпость въ Копорскомъ погостѣ. Вмѣстѣ съ толпами передавшихся имъ Чуди и Води они доходили уже за тридцать верстъ до Новгорода, захватывали купцовъ съ товарами, отнимали у поселянъ коней и скотъ; такъ что и землю пахать было нечѣмъ. Къ довершенію бѣдствій въ то время усилились набѣги Литовцевъ на Новогородскую землю. А между тѣмъ случилось такъ, что Новогородцы сидѣли тогда безъ князя.

Всегда ревнивые къ своимъ вольностямъ и ограниченію княжеской власти, граждане успѣли разсориться съ Александромъ, и онъ удалился къ отцу въ Суздальскую область. Новогородцы послали къ Ярославу просить князя, и тотъ назначилъ другаго своего сына Андрея. Но они понимали, что въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ имъ нуженъ Александръ, и отправили владыку Спиридона съ боярами просить именно его. Ярославъ исполнилъ ихъ просьбу. Александръ ловко и быстро поправилъ дѣла. Онъ разорилъ строившуюся

крѣпость Копорье, прогналъ Нѣмцевъ изъ Водской области и перевѣшалъ многихъ перевѣтчиковъ изъ Чуди и Вожанъ. Но между тѣмъ Нѣмцы, при содѣйствіи измѣнниковъ, успѣли захватить въ свои руки самый Псковъ. Александръ выпросилъ у отца на помощь себѣ низовые или суздальскіе полки съ братомъ Андреемъ; неожиданно явился подъ Псковомъ, и взялъ въ плѣнъ нѣмецкій гарнизонъ. Отсюда, не теряя времени, онъ двинулся въ предѣлы Ливоніи.

Передъ выступленіемъ въ этотъ походъ на Нѣмцевъ Александръ по своему благочестивому обыкновенію молился усердно въ соборномъ храмѣ. Между прочимъ, по сказанію лѣтописи, онъ просилъ Господа разсудить его *прю* съ этимъ *велерѣчивымъ* народомъ. А Нѣмцы, собравши большую силу, будто-бы похвалялись тогда «покорить себѣ Славянскій народъ». Во всякомъ случаѣ изъ лѣтописнаго разсказа видно, что борьба Руси съ Нѣмцами въ то время приняла уже характеръ племенной вражды, разгоравшейся отъ нѣмецкихъ притязаній на господство, дѣйствительно непомѣрныхъ. Характеръ ожесточенія въ этой борьбѣ подтверждаетъ и нѣмецкая лѣтопись, которая говоритъ, что въ ней погибло до семидесяти рыцарей; а шесть рыцарей, взятыхъ въ плѣнъ, будто бы были замучены.

Когда передовые новогородскіе отряды потерпѣли неудачу, Александръ отступилъ на Чудское озеро, и здѣсь на льду далъ битву соединеннымъ силамъ Нѣмцевъ и Ливонской Чуди, гдѣ-то близъ урочища Узмени. Это такъ наз. *Ледовое побоище* произошло 5 апрѣля; но ледъ былъ еще крѣпокъ и выдержалъ тяжесть обѣихъ сражающихся ратей. Нѣмцы построились въ свой обычный порядокъ клиномъ (или какъ Русь называла его *свиньею*), и насквозь пробили русскіе полки. Но послѣдніе не смутились: послѣ жестокой рукопашной сѣчи Русскіе смяли и поразили на голову непріятеля; а потомъ гнали его по льду на разстояніи семи верстъ. Однихъ рыцарей было взято до пятидесяти; они пѣшіе шли за конемъ Александра, когда онъ съ побѣдными полками торжественно вступилъ во Псковъ, встрѣченный гражданами и духовенствомъ съ крестами и хоругвями. Сочинитель Сказанія о великомъ князѣ Александрѣ, изображая его славу, распространившуюся «до горъ Араратскихъ и до Рима Великаго», вос-

клицаетъ: «О Псковичи! Если забудете великаго князя Александра Ярославича (освободившаго васъ отъ иноплеменниковъ) или отступите отъ его рода и не примете къ себѣ кого либо изъ его потомковъ, который въ несчастьи прибѣгнетъ къ вамъ, то уподобитесь Жидамъ, которые забыли Бога, изведшаго ихъ изъ работы египетской и пропитавшаго въ пустынѣ манною и печеными крастелями». Послѣ Ледоваго побоища Ливонскіе Нѣмцы прислали въ Новгородъ съ просьбою о мирѣ, и заключили его, отказавшись отъ Водской и Псковской области, возвративъ плѣнныхъ и заложниковъ. Такимъ образомъ Александръ отбилъ движеніе Ливонскаго и Тевтонскаго ордена на восточную сторону Чудскаго озера; этимъ миромъ установлены между обѣими сторонами приблизительно тѣ границы, которыя оставались и въ послѣдующіе вѣка.

Русь Новогородская умѣренно воспользовалась побѣдою, оставивъ за Нѣмцами Юрьевъ и другія владѣнія на западной сторонѣ Чудскаго озера; ибо кромѣ ихъ было тогда много и другихъ враговъ. Между прочимъ Литва, все болѣе и болѣе забиравшая силы, вторглась въ самую глубь новогородскихъ владѣній. Въ 1245 г. она проникла до Бѣжецка и Торжка. Возвращаясь отсюда съ большимъ полономъ, преслѣдуемые Новоторами и Тверичами, литовскіе князья укрылись въ Торопецъ. Но пришелъ Александръ съ Новогородцами, освободилъ Торопецъ отъ Литвы, и отнялъ у нея весь полонъ, истребивъ до восьми литовскихъ князей съ ихъ дружинами. Новогородцы послѣ того воротились домой. Но Александръ считалъ нужнымъ довершить ударъ, чтобы отбить у Литвы охоту нападать на Русь. Онъ съ однимъ своимъ *дворомъ*, т. е. съ одною княжею дружиною, преслѣдовалъ Литовцевъ въ Смоленской и Полоцкой землѣ и разбилъ ихъ еще два раза (подъ Жижичемъ и подъ Усвятомъ).

Такимъ образомъ Александръ силою меча укротилъ всѣхъ трехъ западныхъ враговъ Руси. Но иначе приходилось ему дѣйствовать на другомъ поприщѣ, со стороны азіатскихъ варваровъ.

Сочинитель Сказанія о Невскомъ героѣ повѣствуетъ, будто по смерти отца его Ярослава Батый послалъ звать Алек-

сандра въ Орду и велѣлъ сказать ему: «Мнѣ покорилъ Богъ многіе народы; ты ли одинъ не хочешь покориться моей державѣ? Если хочешь сохранить свою землю, то приди ко мнѣ, да видишь честь и славу моего царства». Александръ взялъ благословеніе у ростовскаго епископа Кирилла, и отправился въ Орду. Увидѣвъ его, Батый молвилъ своимъ вельможамъ: «истину мнѣ говорили, что нѣтъ подобнаго ему князя»; воздалъ ему большія почести и даже многіе дары. Такіе разсказы суть ничто иное какъ обычное украшеніе повѣсти о любимомъ героѣ. Въ Ордѣ не осыпали дарами нашихъ князей; на оборотъ, послѣдніе должны были тамъ усердно раздавать подарки хану, его женамъ, родственникамъ и вельможамъ. По другимъ лѣтописнымъ извѣстіямъ, молодой князь еще прежде бывалъ въ Ордѣ Батыевой, вѣроятно сопровождая туда своего отца: безъ сомнѣнія отъ сего послѣдняго онъ научился смирять себя передъ грозной Татарской силой и не помышлять болѣе ни о какомъ открытомъ сопротивленіи. По смерти Ярослава слѣдующій за нимъ братъ Святославъ Юрьевскій занялъ старшій Владимірскій столъ. Но теперь всякія перемѣны въ княженіяхъ производились не иначе какъ съ ханскаго соизволенія. По этому Александръ и братъ его Андрей вновь поѣхали въ Золотую Орду, вѣроятно, хлопотать о княженіяхъ. Батый отправилъ ихъ въ великую Орду къ хану Менгу. Братья совершили это трудное и далекое путешествіе. Они воротились домой спустя около двухъ лѣтъ, неся съ собой ханскіе ярлыки на оба великія княженія: Александръ на Кіевское, Андрей на Владимірское. И въ прежнее время племянники не всегда уважали старшинство своихъ дядей; а теперь надъ князьями явилась власть еще высшая, неуваженіе къ старымъ родовымъ обычаямъ встрѣчается еще чаще. Уже до возвращенія Александра и Андрея младшій ихъ братъ Михаилъ, князь Московскій, отнялъ великое Владимірское княженіе у дяди своего Святослава. Но Михаилъ, прозванный *Хоробритомъ*, скоро погибъ въ битвѣ съ Литвою.

Александръ очевидно не былъ доволенъ тѣмъ, что Владимірское княженіе досталось младшему передъ нимъ брату Андрею. Хотя Кіевъ и считался старше всѣхъ городовъ Руси; но онъ лежалъ въ развалинахъ. Невскій герой не поѣхалъ

туда, а пребывалъ или въ Новгородѣ Великомъ, или въ своихъ суздальскихъ волостяхъ, ожидая удобнаго случая завладѣть стольнымъ Владиміромъ. Неосторожность Андрея помогла ему въ достиженіи этой цѣли.

Въ то время въ Суздальской Руси была еще слишкомъ свѣжа память объ утраченной свободѣ и независимости какъ въ средѣ князей и дружинниковъ, такъ и въ самомъ народѣ. Многіе съ нетерпѣніемъ сносили постыдное иго. Къ числу ихъ принадлежалъ и Андрей Ярославичъ. Будучи великимъ княземъ Владимірскимъ, онъ женился на дочери знаменитаго Даніила Романовича Галицкаго, и, вѣроятно за одно съ тестемъ, началъ питать замыселъ о сверженіи ига. Но нашлись соперники и недоброжелатели, которые донесли Сартаку о замыслахъ Андрея. Ханъ послалъ противъ него войско подъ начальствомъ ордынскаго царевича Неврюя съ воеводами Котяномъ и Алабугою. Услыхавъ о томъ, Андрей воскликнулъ: «Господи! доколѣ мы будемъ ссориться и наводить другъ на друга Татаръ; лучше мнѣ уйти въ чужую землю нежели служить Татарамъ». Онъ однако отважился на битву; но конечно былъ слишкомъ слабъ, чтобы выиграть ее, и бѣжалъ въ Новгородъ. Непринятый Новогородцами, онъ съ женою и боярами своими удалился за море къ шведскому королю, у котораго и нашелъ убѣжище на время. Нашествіе Неврюя на Суздальскую землю повело за собою новое разореніе нѣкоторыхъ областей; особенно пострадалъ при этомъ Переяславль Залѣсскій. Есть извѣстіе, не знаемъ насколько справедливое, которое приписываетъ посылку татарскаго войска на Андрея проискамъ самого Александра Ярославича. Знаемъ только, что во время Неврюева нашествія (1252) Александръ находился въ Ордѣ у Сартака, и воротился оттуда съ ханскимъ ярлыкомъ на княженіе Владимірское. Митрополитъ Кіевскій и всея Руси, Кириллъ II, пребывалъ тогда во Владимірѣ. Онъ, духовенство со крестами и всѣ граждане встрѣтили Александра у Золотыхъ воротъ и торжественно посадили его въ соборномъ храмѣ на отцовскомъ столѣ ([56]).

Александръ дѣятельно принялся уничтожать слѣды послѣдняго татарскаго нашествія на Суздальскую землю; возобновлялъ храмы, укрѣплялъ города и собиралъ жителей, укрыв-

шихся въ лѣса и дебри. Но времена были тяжелыя, неблагопріятныя для мирной гражданской дѣятельности. Все десятилѣтнее великое княженіе свое Александръ Невскій провелъ въ непрерывныхъ трудахъ и тревогахъ, причиненныхъ внутренними и внѣшними врагами. Болѣе всего доставили ему безпокойства дѣла Новогородскія. Хотя Монгольское иго, сильно тяготѣвшее надъ Суздальскою землею, сначала и ослабило ея преобладаніе надъ Новгородомъ Великимъ; однако при первой возможности повторились прежнія взаимныя отношенія этихъ двухъ половинъ Сѣверной Руси. Утвердясь на великомъ княженіи Владимірскомъ, Александръ возобновилъ политику своихъ предшественниковъ, т. е. старался постоянно держать Новгородъ подъ своею рукою и назначать туда княземъ, въ сущности же своимъ намѣстникомъ, кого либо изъ собственныхъ сыновей. Это мѣсто занялъ его сынъ Василій. Юноша шелъ по стопамъ отца, и вскорѣ успѣлъ отличиться въ борьбѣ съ Литвою и Ливонскими Нѣмцами, которые вновь открыли враждебныя дѣйствія противъ Новогородцевъ и Псковичей. Но большинство гражданъ Великаго Новгорода болѣе всего дорожило своими вѣчевыми порядками и вольностями, и снова стало тяготиться зависимостью отъ сильнаго Суздальскаго князя. Въ связи съ этими отношеніями происходила обыкновенная смѣна посадниковъ. Въ 1243 г. умеръ Степанъ Твердиславичъ; онъ представляетъ единственный извѣстный намъ примѣръ посадника, который сохранялъ свое мѣсто тринадцать лѣтъ и умеръ спокойно при своей должности. Когда Василій Александровичъ занималъ Новогородскій столъ, посадникомъ былъ Ананія, любимый народомъ какъ ревностный защитникъ новогородскихъ вольностей. Но семья Твердислава не оставляла своихъ притязаній на посадничество; внукъ его Михалко Степановичъ повидимому добивался этого сана уже съ помощью суздальскихъ сторонниковъ. Торжество народной стороны однако высказалось въ томъ, что она изгнала Василія Александровича, а на княженіе къ себѣ призвала Ярослава Ярославича, младшаго брата Александрова.

Великій князь не замедлилъ показать, что не намѣренъ терпѣть такое своеволіе. Онъ быстро явился съ суздальскими полками въ Торжокъ, гдѣ еще держался его сынъ Васи-

лій; а отсюда двинулся на Новгородъ. Ярославъ поспѣшилъ уѣхать; въ городѣ произошли обычныя смятенія и бурныя вѣча. Меньшіе люди, т. е. простонародье, руководимые посадникомъ, вооружились, одержали верхъ на главномъ вѣчѣ, и присягнули стоять всѣмъ какъ одинъ человѣкъ и никого не выдавать князю, если тотъ потребуетъ выдачи своихъ противниковъ. А вятшіе или болѣе зажиточные держали сторону князя и замышляли передать посадничество Михалку Степановичу. Послѣдній съ толпою вооруженныхъ людей удалился въ Юрьевскій монастырь, въ сосѣдство Городища или княжеской резиденціи. Чернь хотѣла было ударить на дворъ Михалка и разграбить его; но великодушный посадникъ Ананія удержалъ ее отъ насилія. Между тѣмъ нѣкоторые перевѣтчики уходили къ великому князю, и извѣщали его о томъ, что дѣлалось въ Новгородѣ. Расположивъ свою рать вокругъ Городища, Александръ прислалъ на вѣче требованіе о выдачѣ посадника Ананіи, грозя въ противномъ случаѣ ударить на городъ. Граждане отправили къ великому князю владыку Далмата и тысяцкаго Клима съ мольбою не слушать навѣтовъ злыхъ людей, отложить гнѣвъ на Новгородъ и на Ананію и занять вновь ихъ столъ. Александръ не склонялся на эти просьбы. Три дня обѣ стороны стояли другъ противъ друга съ оружіемъ въ рукахъ. На четвертый день Александръ велѣлъ сказать на вѣчѣ: пусть Ананія лишится посадничества, и тогда онъ отложитъ свой гнѣвъ. Ананія удалился, и великій князь торжественно вступилъ въ Новгородъ, встрѣченный владыкою и духовенствомъ со крестами (1255 г.). Посадничество получилъ Михалко Степановичъ, а на княжій столъ воротился Василій Александровичъ.

Въ это время Шведы попытались было снова отнять Финское прибрежье у Новгорода, и вмѣстѣ съ подручнымъ себѣ народцемъ Емью начали строить крѣпость на рѣкѣ Наровѣ. Но, при одномъ слухѣ о движеніи Александра съ суздальскими и новогородскими полками, они удалились. Однако Александръ хотѣлъ дать имъ новый урокъ, и продолжалъ походъ въ глубь страны, обитаемой Емью; при чемъ много народу избилъ или взялъ въ полонъ. По словамъ лѣтописи, русская рать должна была преодолѣвать большія трудности на этомъ походѣ въ холодную, туманную погоду, въ краю,

наполненномъ скалами и болотами. Цѣль была достигнута: долгое время послѣ того Шведы не отваживались нападать на предѣлы Новогородскіе.

Уже въ слѣдующемъ 1257 году новогородскія смуты возобновились. Причиною ихъ на этотъ разъ былъ слухъ, что Татары хотятъ ввести въ Новгородѣ свои тамги и десятины.

Въ 1253 г. умеръ Батый, а вслѣдъ за нимъ и Сартакъ. Въ Кипчакской ордѣ воцарился братъ Батыя Берке. Около того времени великій ханъ Менгу велѣлъ произвести общую перепись жителей во всѣхъ татарскихъ владѣніяхъ, дабы болѣе точнымъ способомъ опредѣлить количество дани съ покоренныхъ народовъ. Такое распоряженіе тяжело отозвалось въ Русской землѣ. Конечно въ связи съ этимъ дѣломъ и для смягченія его условій, Александръ Ярославичъ лѣтомъ 1257 года ѣздилъ съ подарками въ Орду, сопровождаемый нѣкоторыми удѣльными суздальскими князьями, въ томъ числѣ братомъ Андреемъ, который успѣлъ воротиться изъ Швеціи и примириться съ Татарами. А слѣдующею зимою пріѣхали изъ Орды численники; сосчитали населеніе въ земляхъ Суздальской, Рязанской и Муромской, и поставили своихъ десятниковъ, сотниковъ, тысячниковъ и темниковъ. Только чернецы, священники и прочіе церковно-служители не были записаны въ число, потому что Татары духовенство всѣхъ религій освобождали отъ даней. Такое изъятіе было установлено еще Чингизъ-ханомъ и Огодаемъ, которые руководились при этомъ не одною монгольскою вѣротерпимостію, но вѣроятно и политическими соображеніями. Такъ какъ духовенство у всѣхъ народовъ составляло самый вліятельный классъ, то основатели великой Татарской имперіи избѣгали возбуждать религіозный фанатизмъ, опасное дѣйствіе котораго они могли замѣтить особенно у мусульманскихъ народовъ. Татары обыкновенно переписывали всѣхъ мужчинъ, начиная съ десятилѣтняго возраста, и собирали дани отчасти деньгами, отчасти наиболѣе цѣнными естественными произведеніями каждой страны; съ Руси, какъ извѣстно, они получали огромное количество мѣховъ. Главныя дани были: *десятина*, т. е. десятая часть хлѣбнаго сбора, *тамга* и *мытъ*, вѣроятно пошлины съ торгующихъ купцовъ и провозимыхъ товаровъ. Кромѣ того жители обложены были разнообразны-

ми повинностями, каковы, напримѣръ, *ямъ* и *кормъ*, т. е. обязанность давать подводы и съѣстные припасы татарскимъ посламъ, гонцамъ и всякимъ чиновникамъ, особенно поборы на ханское войско, ханскую охоту, и пр.

Тяжесть всѣхъ этихъ налоговъ и повинностей, а въ особенности жестокіе способы ихъ сбора конечно были извѣстны Новогородцамъ, и потому они сильно взволновались, когда услыхали, что и къ нимъ придутъ татарскіе численники. Доселѣ Новгородъ не видалъ Татаръ въ своихъ стѣнахъ, и не считалъ себя подчиненнымъ варварскому игу. Начались бурныя смуты. Горячія головы, называя измѣнниками тѣхъ, которые совѣтовали покориться необходимости, призывали народъ положить свои головы за св. Софью и Новгородъ. Среди этихъ смутъ былъ убитъ нелюбимый посадникъ Михалко Степановичъ. Сторону горячихъ патріотовъ держалъ и самъ юный князь новогородскій Василій Александровичъ. Услыхавъ о приближеніи отца съ ханскими послами, онъ не сталъ дожидать его, и убѣжалъ во Псковъ. На этотъ разъ Новогородцы такъ и не позволили себя перечислять, и, поднеся дары ханскимъ посламъ, выпроводили ихъ изъ своего города. Александръ сильно разгнѣвался на сына Василія и отправилъ его на *Низъ*, т. е. въ Суздальскую землю; а нѣкоторыхъ его дружинниковъ жестоко покаралъ за ихъ мятежные совѣты: кого велѣлъ ослѣпить, кому отрѣзать носъ. Варварское иго уже давало себя знать въ этихъ наказаніяхъ.

Напрасно Новогородцы думали, что они избавились отъ татарскихъ численниковъ. Зимою 1259 года Александръ снова пріѣхалъ въ Новгородъ съ ханскими сановниками Беркаемъ и Касачикомъ, которыхъ сопровождала многочисленная татарская свита. Предварительно пущенъ былъ слухъ, что войско ханское уже стоитъ въ Низовой землѣ, готовое двинуться на Новгородъ въ случаѣ вторичнаго неповиновенія. Здѣсь опять произошло раздвоеніе: бояре и вообще вятшіе люди изъявили согласіе на перепись; а меньшіе или чернь вооружились съ кликами: «умремъ за св. Софью и за домы ангельскіе!» Клики эти напугали татарскихъ сановниковъ; они просили стражу у великаго князя, и тотъ велѣлъ стеречь ихъ по ночамъ всѣмъ дѣтямъ боярскимъ; а Новогородцамъ онъ грозилъ опять удалиться и предоставить ихъ въ

добычу ужасной ханской мести. Угроза подѣйствовала; чернь успокоилась, и допустила численниковъ. Татарскіе чиновники ѣздили изъ улицы въ улицу, перечисляя дома и жителей и высчитывая количество даней. Чернь злобствовала при этомъ на бояръ, которые съумѣли устроить такимъ образомъ, что дани были налагаемы почти равныя на богатыхъ и бѣдныхъ; слѣдовательно для первыхъ онѣ были легки, а для послѣднихъ тяжелы. По окончаніи переписи сановники татарскіе удалились. И то уже было немалымъ благомъ для Новгорода, что въ немъ, вѣроятно по ходатайству великаго князя, не поселились баскаки, какъ въ другихъ стольныхъ городахъ. Александръ поставилъ здѣсь княземъ другаго сына своего, Димитрія. Какъ непріятна и тревожна была для него эта послѣдняя поѣздка въ Новгородъ, показываютъ слова, сказанныя епископу Кириллу. На обратномъ пути во Владиміръ великій князь остановился въ Ростовѣ, гдѣ его угощали двоюродные племянники, князья Борисъ Васильковичъ Ростовскій и Глѣбъ Васильковичъ Бѣлозерскій съ своею матерью Марьей Михайловной (дочерью замученнаго въ Ордѣ Михаила Черниговскаго). Разумѣется, первымъ дѣломъ по пріѣздѣ сюда было помолиться въ соборномъ Успенскомъ храмѣ и поклониться гробу св. Леонтія. Тутъ, принимая благословеніе и цѣлуя крестъ изъ рукъ извѣстнаго книжника и епископа Кирилла, тогда уже глубокаго старца, Александръ сказалъ ему: «отче святый! твоею молитвою я здравъ поѣхалъ въ Новгородъ, твоею же молитвою здравъ и сюда пріѣхалъ».

Спокойствія однако не было. Едва въ Новгородѣ затихли волненія, вызванныя татарскою данью, какъ еще большія возникли въ самой Суздальской землѣ, и по той же причинѣ.

Около этого времени ордынскіе властители начали отдавать на откупъ дани и налоги магометанскимъ купцамъ изъ Средней Азіи, т. е. хивинскимъ и бухарскимъ; Русскій народъ называлъ ихъ вообще *бесерменами*. Заплативъ впередъ большія суммы въ ханскую казну, естественно откупщики старались потомъ вознаградить себя съ лихвою, и выжимали изъ народа послѣднія его средства. За всякую отсрочку платежей они налагали непомѣрные росты или проценты; отнимали скотъ и все имущество, а у кого нечего было взять, того или дѣтей его брали и потомъ продавали

въ рабство. Народъ, еще живо помнившій о своей независимости, не вынесъ такого крайняго угнетенія; сюда присоединилось и возбужденіе религіозное; такъ какъ фанатичные мусульмане начали ругаться надъ христіанскою церковью. Въ 1262 г. въ большихъ городахъ, каковы Владиміръ, Ростовъ, Суздаль, Ярославль, Переяславль Залѣсскій, жители возстали при звонѣ вѣчевыхъ колоколовъ, и выгнали отъ себя татарскихъ сборщиковъ дани, а нѣкоторыхъ избили. Въ числѣ послѣднихъ находился какой-то отступникъ Зосима, въ городѣ Ярославлѣ: онъ былъ монахомъ, но потомъ перешелъ въ мусульманство, сдѣлался однимъ изъ сборщиковъ дани, и пуще иноплеменниковъ притѣснялъ прежнихъ своихъ соотчичей. Его убили, а тѣло бросили на съѣденіе псамъ и воронамъ. Во время этого возмущенія нѣкоторые изъ татарскихъ чиновниковъ спасли себя тѣмъ, что приняли христіанство. Напримѣръ, такъ поступилъ въ Устюгѣ знатный татаринъ Буга, который потомъ, по словамъ преданія, своею набожностію и добротою пріобрѣлъ общую любовь.

Естественно, что за этимъ мятежомъ неминуемо должно было послѣдовать жестокое возмездіе со стороны варваровъ. И дѣйствительно, Беркай собиралъ уже рать для новаго нашествія на Сѣверовосточную Русь. Въ такое критическое время выказалась вся политическая ловкость Александра, съумѣвшаго отвести новую грозу. Онъ отправился къ хану, чтобы «отмолить людей отъ бѣды», какъ выражается лѣтопись. Такъ какъ Новогородцы снова находились въ войнѣ съ Ливонскими Нѣмцами, то отъѣзжая въ Орду, великій князь распорядился защитою Руси съ этой стороны. Онъ послалъ свои полки и брата Ярослава Тверскаго на помощь сыну Димитрію. Новогородско-суздальская рать вошла въ Ливонскую землю, и осадила Дерптъ или старый русскій городъ Юрьевъ. Послѣдній былъ сильно укрѣпленъ тройными стѣнами. Русскіе взяли внѣшній городъ, но не могли овладѣть кремлемъ, и ушли, не успѣвъ отвоевать этого древняго достоянія своихъ князей. Главною причиною неуспѣха было то, что Русскіе опоздали: они условились съ литовскимъ княземъ Миндовгомъ напасть на Нѣмцевъ въ одно время; но пришли уже тогда, когда Миндовгъ воротился домой.

Между тѣмъ Александръ съ большимъ трудомъ умолилъ разгнѣваннаго хана не посылать войска на Суздальскую землю; при чемъ, разумѣется, долженъ былъ великими дарами подкупать всѣхъ, которые имѣли вліяніе на хана. Ему помогло еще и то обстоятельство, что Сарайскій ханъ былъ отвлеченъ междоусобною войною съ своимъ двоюроднымъ братомъ Гулагу, властителемъ Персіи. Берке продержалъ Александра въ Ордѣ многіе мѣсяцы; такъ что великій князь наконецъ тяжко заболѣлъ, и тогда только былъ отпущенъ. Имѣя не болѣе сорока пяти лѣтъ отъ роду, Александръ могъ бы еще долго служить Россіи. Но постоянные труды, безпокойства и огорченія очевидно сломили его крѣпкое тѣло. На обратномъ пути, плывя Волгою, онъ остановился передохнуть въ Нижнемъ Новгородѣ; затѣмъ продолжалъ путь, но не доѣхалъ до Владиміра, и скончался въ Городцѣ 14 ноября 1263 года. По обычаю благочестивыхъ князей того времени онъ передъ смертью постригся въ монахи. Авторъ Сказанія объ Александрѣ говоритъ, что когда во Владиміръ пришла вѣсть о его кончинѣ, митрополитъ Кириллъ въ соборной церкви объявилъ о томъ народу, воскликнувъ: «Чада моя милая! Разумѣйте, яко заиде солнце земли Русской!» Опечаленный народъ завопилъ: «уже погибаемъ!» Митрополитъ и духовенство со свѣчами и дымящимися кадилами, бояре и народъ вышли въ Боголюбово на встрѣчу тѣлу великаго князя, и потомъ положили его въ монастырскомъ храмѣ Рождества Богородицы. Уже современники повидимому причисляли покойнаго князя къ людямъ святымъ, къ угодникамъ Божіимъ. Авторъ его житія, въ молодости знавшій Александра, прибавляетъ слѣдующую легенду. Когда тѣло положили въ каменную гробницу, митрополичій экономъ приступилъ къ нему и хотѣлъ разжать его руку, чтобы архипастырь могъ вложить въ нее отпустительную грамоту. Вдругъ покойный простеръ руку и самъ взялъ грамоту у митрополита.

Главное значеніе Александра въ Русской исторіи основано на томъ, что его дѣятельность совпала со временемъ, когда характеръ Монгольскаго ига только что опредѣлялся, когда устанавливались самыя отношенія покоренной Руси къ ея завоевателямъ. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что политиче-

ская ловкость Александра много повлiяла на эти устанавливающiяся отношенiя. Въ качествѣ великаго князя, онъ умѣлъ не только отклонять новыя татарскiя нашествiя и давать нѣкоторый отдыхъ народу отъ страшныхъ погромовъ; но и знаками глубокой покорности, а также обѣщанiемъ богатыхъ даней умѣлъ отстранять болѣе тѣсное сожительство съ варварами и удерживать ихъ въ отдаленiи отъ Руси. И безъ того по своей дикости и степнымъ привычкамъ нерасположенные къ городской жизни, особенно въ сѣверныхъ лѣсистыхъ и болотистыхъ странахъ, непривычные къ сложной администрацiи народовъ осѣдлыхъ и болѣе общественныхъ, Татары тѣмъ охотнѣе ограничились временнымъ пребыванiемъ въ Россiи своихъ баскаковъ и чиновниковъ съ ихъ свитою. Они не тронули ни ея религiи, ни ея политическаго строя, и совершенно оставили власть въ рукахъ мѣстныхъ княжескихъ родовъ. Ханы и вельможи ихъ находили столь удобнымъ и легкимъ пользоваться огромными доходами съ покоренной страны, не утруждая себя мелкими заботами суда и управленiя, а главное, оставаясь среди своей любимой степной природы. Александръ дѣйствовалъ въ этомъ смыслѣ усердно и удачно; отстраняя Татаръ отъ вмѣшательства во внутреннiя дѣла Россiи, ограничивъ ее только вассальными отношенiями и не допуская никакого послабленiя княжеской власти надъ народомъ, онъ конечно тѣмъ самымъ содѣйствовалъ будущему усиленiю и освобожденiю Руси. Повидимому онъ ловко умѣлъ также уклоняться отъ извѣстной обязанности подчиненныхъ владѣтелей водить свои дружины на помощь хану въ его войнахъ съ другими народами. Повторяемъ, то былъ блистательный представитель великорусскаго типа, который съ одинаковой ловкостью умѣетъ и повелѣвать и подчиняться, когда это нужно.

Авторъ житiя сообщаетъ любопытное извѣстiе о посольствѣ папы Римскаго къ Александру. Папа прислалъ къ нему двухъ «хитрѣйшихъ» кардиналовъ, чтобы научить его Латинской вѣрѣ. Кардиналы изложили передъ нимъ Священную исторiю отъ Адама до Седьмаго вселенскаго собора. Александръ, посовѣтовавшись съ своими «мудрецами», т. е. съ боярами и духовенствомъ, далъ такой отвѣтъ: «все это мы хорошо вѣдаемъ, но ученiя отъ васъ не принимаемъ»; затѣмъ съ ми-

ромъ отпустилъ посольство. И дѣйствительно, мы имѣемъ папскія грамоты къ Александру и его предшественникамъ, которыя показываютъ настоятельныя усилія Римской куріи подчинить себѣ Русскую церковь. А въ грамотѣ Иннокентія IV къ Александру съ этою цѣлью приводятся даже ложныя ссылки на Плано Карпини, по словамъ котораго будто бы отецъ Ярослава въ бытность свою въ великой ордѣ у Гаюка обратился въ латинство. Въ извѣстныхъ запискахъ Карпини нѣтъ о томъ ни слова. ([57]).

Между тѣмъ огромная Монголо-Татарская имперія все болѣе и болѣе распадалась на части; чему много способствовали избирательный порядокъ и неопредѣленность престолонаслѣдія. При такомъ порядкѣ почти каждая перемѣна верховнаго монгольскаго хана стала сопровождаться междоусобіями. Когда умеръ Менгу, то послѣ трехлѣтнихъ замѣшательствъ и кровавыхъ столкновеній на престолѣ утвержденъ курилтаемъ снова одинъ изъ сыновей Тулуя, родной братъ Менгу, Кубилай (1260), и опять съ помощью хана Сарайскаго, т. е. своего двоюроднаго брата Берке. Кубилай изъ родины Чингизхана переселился въ сѣверный Китай, и главное вниманіе свое сосредоточилъ на покореніи остальнаго Китая или государства Сунгъ. При немъ великій ханатъ обратился въ Китайскую имперію, и постепенно утратилъ свою власть надъ другими монголо-татарскими владѣніями, такъ что послѣднія преобразились въ отдѣльныя, самостоятельныя государства. Изъ нихъ Кипчакское ханство или улусъ Джучіевъ явился едва ли не самымъ могущественнымъ и въ тоже время наиболѣе сохранившимъ характеръ Чингизовой имперіи; ибо въ немъ кочевой бытъ остался преобладающимъ, благодаря обширнымъ и привольнымъ степямъ; тогда какъ въ Китаѣ, Персіи и отчасти Туркестанѣ Монголо-Татары подчинились вліянію туземной гражданственности и сдѣлались осѣдлымъ населеніемъ. За то Кипчакскіе Джучиды скорѣе другихъ потомковъ Чингиза перемѣнили вѣру своихъ отцовъ. Тотъ же Батыевъ братъ Берке былъ первый золотоордынскій ханъ, который принялъ мусульманство и началъ усердно покровительствовать ему въ своихъ владѣніяхъ. Впрочемъ эта перемѣна является вполнѣ согласною съ обстоятельствами.

Улусъ Джучіевъ первоначально заключалъ въ себѣ только небольшую часть настоящихъ Монголо-Татаръ, пришедшихъ изъ собственной Монголіи и составлявшихъ ядро Батыевыхъ полчищъ. Большинство же этихъ полчищъ было набрано изъ народовъ Тюрко-Татарскихъ, обитавшихъ въ степяхъ Средней Азіи и Южной Сибири. Въ Восточной Европѣ тюркскія орды значительно усилились присоединеніемъ покоренныхъ Половцевъ съ остатками Торковъ и Печенѣговъ; такъ что при самомъ дворѣ золотоордынскихъ хановъ недолго держалось ихъ родное Монгольское нарѣчіе. Господствующимъ языкомъ сдѣлалось нарѣчіе Тюркское. Турецкіе народы Средней Азіи уже давно находились подъ вліяніемъ сосѣдней мусульманской гражданственности и отчасти уже приняли исламъ, подобно своимъ соплеменникамъ Туркамъ Сельджукамъ, завоевателямъ Передней Азіи. Религія эта болѣе чѣмъ какая либо соотвѣтствовала ихъ дикому состоянію и хищнымъ инстинктамъ. Когда Джучиды утвердили средоточіе своего царства на берегахъ Волги, то Золотая Орда, уже заключавшая въ себѣ значительное число мусульманъ, подверглась еще сильному вліянію магометанской пропаганды съ двухъ сторонъ: съ сѣвера изъ Камской Болгаріи и съ востока изъ Бухары и Харезма. Городъ Великіе Болгары, хотя и разоренный полчищами Батыя, какъ видно, успѣлъ вскорѣ оправиться отъ этого разоренія, благодаря промышленному характеру своихъ жителей, и сдѣлался даже обычнымъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ Кипчакскихъ Джучидовъ. Любопытно, что дошедшія до насъ монеты съ именами этихъ хановъ въ первые полвѣка Татарскаго владычества преимущественно биты въ Булгарѣ; о чемъ говорятъ ихъ арабскія надписи; только въ концѣ этого періода встрѣчаются монеты, битыя въ Сараѣ и Харезмѣ. Замѣчательные остатки каменныхъ мечетей и термъ, относящіеся къ эпохѣ Золотой Орды, ясно свидѣтельствуютъ, что Великіе Болгары въ ту эпоху вновь достигли процвѣтанія своей мусульманской гражданственности и слѣдовательно оказывали значительное воздѣйствіе на своихъ завоевателей. Но и самая метрополія болгарскаго мусульманства, издавна славившаяся школами и проповѣдниками и отличавшаяся промышленнымъ характеромъ, т. е. часть Средней Азіи, лежащая по Оксусу и Аму Дарьѣ

Харезмъ и Бухара), состояла въ дѣятельныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Золотой Ордою и даже по временамъ входила въ составъ улуса Джучіева.

Хивинскій ханъ XVII вѣка, Абульгази (потомокъ Батыева брата Шибана) разсказываетъ въ своей лѣтописи, что Берке былъ обращенъ въ магометанство именно бухарскими купцами (а по другимъ извѣстіямъ нѣкимъ дервишемъ изъ Харезма). Тому же хану Берке приписываютъ построеніе и самаго города Сарая на берегахъ волжскаго рукава Ахтубы; вѣроятно онъ предпринялъ собственно построеніе дворцовъ, мечетей, термъ и каравансераевъ въ этомъ зимнемъ мѣстопребываніи золото-ордынскихъ хановъ. Число проживавшихъ въ Золотой Ордѣ русскихъ плѣнниковъ, купцовъ, ремесленниковъ и князей съ ихъ дружинниками было такъ значительно, что митрополитъ Кириллъ поставилъ въ Сарай особаго епископа, Митрофана, конечно съ ханскаго дозволенія, въ томъ самомъ году (1261), къ которому относятъ обращеніе Берке въ исламъ. Такое обстоятельство указываетъ, что ханъ этотъ не измѣнилъ своей вѣротерпимости въ отношеніи къ покореннымъ народамъ. Предѣлы новой епархіи обнимали потомъ земли по нижней Волгѣ и притокамъ Дона; почему она и называлась обыкновенно «Сарская и Подонская». (Къ ней же причислена епархія южнаго Переяславля).

Раздоръ Берке съ его двоюроднымъ братомъ персидскимъ ханомъ Гулагу, возникшій изъ за предѣловъ ихъ владѣній, усилился съ водвореніемъ ислама въ Сараѣ, подъ вліяніемъ мусульманскихъ улемовъ. Гулагу, оставшійся язычникомъ, около того времени окончательно разрушилъ Багдадскій халифатъ и умертвилъ послѣдняго халифа. Берке заключилъ союзъ противъ двоюроднаго брата съ его злѣйшимъ непріятелемъ сирійско-египетскимъ султаномъ Бибарсомъ. Послѣдній былъ родомъ изъ Половцевъ; мальчикомъ Татары продали его въ Крыму венеціанскимъ купцамъ. Потомъ онъ попалъ въ мамелюкскую гвардію египетскаго султана; возвысился до степени военачальника; наконецъ хитростію и преступленіями достигъ престола. Онъ не забылъ города Крыма, гдѣ его продали въ неволю; посылалъ скупать здѣсь такихъ же молодыхъ невольниковъ въ мамелюкскую гвардію, и украсилъ этотъ городъ богатыми мечетями и каравансераями.

Междоусобіе двухъ ханствъ естественно должно было ослабить татарское могущество и принести нѣкоторое облегченіе ига, наложеннаго на Россію; чѣмъ, какъ мы видѣли, искусно умѣлъ пользоваться Александръ Невскій. Беркай умеръ въ Грузіи посреди своей войны съ преемникомъ Гулагу, въ 1266. Ему наслѣдовалъ племянникъ его Менгу-Темиръ. Нашъ лѣтописецъ замѣчаетъ, что на Руси сдѣлалась тогда «ослаба отъ насилья бесерменскаго» и что Татаръ было избито въ междоусобной войнѣ такое множество какъ песку морскаго. Въ это время и въ самой Золотой Ордѣ уже начинаются внутреннія смуты и раздѣленіе; къ чему особенно подавала поводъ таже неопредѣленность престолонаслѣдія.

Еще при жизни Беркая изъ ордынскихъ царевичей возвысился нѣкто Ногай, который начальствовалъ надъ ордою, кочевавшею въ степяхъ между Дономъ и Днѣпромъ и сдѣлался самостоятельнымъ ханомъ, грознымъ для своихъ сосѣдей. Императоръ Михаилъ Комненъ, знаменитый уничтоженіемъ Латинской имперіи въ Константинополѣ и возстановленіемъ Византійской, искалъ союза съ Ногаемъ противъ Болгаръ Дунайскихъ, и не затруднился отдать ему въ жены собственную дочь. Подобное раздвоеніе Золотой Орды, казалось, благопріятствовало дальнѣйшему облегченію ига, тяготѣвшаго надъ Русью. Но не таковы были ближайшіе преемники Александра Невскаго, чтобы воспользоваться обстоятельствами для блага отечества. Его вынужденную покорность передъ ханами они обратили уже въ простое раболѣпство, и въ своей погонѣ за великокняжескимъ столомъ сами приводили Татаръ для опустошенія русскихъ земель.

*

Александръ оставилъ послѣ себя трехъ сыновей: Димитрія, удѣльнаго князя Переяславля Залѣсскаго, Андрея Городецкаго и Даніила Московскаго. Во время его кончины они были еще очень молоды; а послѣдній, Даніилъ, родоначальникъ великихъ князей и царей Московскихъ, имѣлъ только два года. Столъ великаго княженія Владимірскаго, съ соизволенія хана, занимали по очереди младшіе братья Александра, сначала Ярославъ Тверской (до 1272 г.), потомъ Василій Костромской (до 1276). Любопытно, что уже Александръ Невскій

не постоянно жилъ во Владимірѣ; а братья его, добившись великаго стола, рѣдко посѣщали стольный городъ; но проживали болѣе въ своихъ наслѣдственныхъ удѣлахъ, т. е. въ Твери и Костромѣ, гдѣ и были погребены. Начавшееся отчужденіе великихъ князей отъ Владиміра, кромѣ его разоренія, можетъ быть объяснено также пребываніемъ въ немъ баскаковъ съ толпою Татаръ, нагло, грубо обходившихся съ жителями и неуважительно съ самими князьями. Послѣдніе конечно избѣгали такого близкаго сосѣдства съ варварами.

Наиболѣе выдающимися въ эту эпоху представляются событія Новогородскія. Послѣ Татарскаго нашествія, когда Кіевское и Черниговское княженія окончательно упали и вообще порвалась прежняя связь Югозападной Руси съ Сѣверной, Суздальскіе князья уже не встрѣчаютъ себѣ въ Новгородѣ соперниковъ между иными колѣнами Владимірова потомства. Со времени Александра Невскаго великіе князья Владимірскіе обыкновенно получаютъ и княженіе Новогородское, которое держатъ посредствомъ своихъ сыновей, племянниковъ или намѣстниковъ изъ бояръ; а сами они только изрѣдка пріѣзжали въ Новгородъ и гостили на Городищѣ. При такихъ условіяхъ казалось бы самобытности Великаго Новгорода грозилъ скорый конецъ; тѣмъ болѣе, что неразборчивые на средства Суздальскіе князья стали получать отъ хановъ не одни ярлыки на какое-либо княженіе, но въ случаѣ нужды и войско для приведенія этихъ ярлыковъ въ исполненіе. Однако Новогородцы не только съумѣли еще на долго отстоять свою самобытность; но въ эту именно эпоху ихъ народоправленіе и торговые обороты достигли еще большаго развитія чѣмъ прежде. Если не существовало болѣе южныхъ Изяславовъ и Мстиславовъ, которыхъ можно было противопоставить Суздалю, то въ средѣ самихъ суздальскихъ князей Новогородцы умѣли находить союзниковъ себѣ и соперниковъ великому князю Владимірскому.

Въ пользу тѣснаго сближенія Новгорода съ Суздальскою Русью въ XIII вѣкѣ дѣйствовала продолжавшаяся опасность со стороны внѣшнихъ враговъ, т. е. Шведовъ, Эстонскихъ Датчанъ, Ливонскихъ Нѣмцевъ и Литвы. Безъ помощи низовыхъ полковъ великаго князя Владимірскаго Новогородцамъ и Псковичамъ трудно было бы отстаивать свою землю отъ

сихъ алчныхъ сосѣдей. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчателенъ Раковорскій походъ 1268 года.

Новогородцы одновременно находились во враждѣ съ Нѣмцами, съ Датчанами и съ Литвою, такъ что не знали, куда обратить свои силы. Подумавъ на вѣчѣ, рѣшили идти за рѣку Нарову къ городу Раковору (Везенбергу), т. е. на Эстонскую Чудь и ея владѣтелей Датчанъ. Начали собирать войско; *порочные* мастера принялись строить стѣнобитныя орудія (пороки) на дворѣ у владыки. Намѣстникъ великаго князя Ярослава Ярославича, его племянникъ Юрій Андреевичъ послалъ просить помощи у дяди. Тотъ самъ не пошелъ, а отправилъ низовые полки съ своими сыновьями (Святославомъ и Михаиломъ) и племянниками; въ томъ числѣ былъ сынъ Александра Невскаго Димитрій Переяславскій. Услыхавъ о такихъ приготовленіяхъ, Ливонскіе Нѣмцы изъ городовъ Риги, Феллина, Дерпта и другихъ прислали въ Новгородъ пословъ съ предложеніемъ мира и съ увѣреніями, что они не будутъ помогать Эстонцамъ. Послы присягнули въ Новгородѣ; потомъ новогородское посольство ѣздило въ Ливонію и приняло такую же присягу отъ ливонскихъ епископовъ и рыцарей-меченосцовъ или «божьихъ дворянъ», какъ ихъ называетъ Новогородская лѣтопись. Русское ополченіе вошло въ Эстонію и по обычаю принялось опустошать непріятельскую землю. Между прочимъ туземная Чудь спряталась съ своимъ имуществомъ въ какой-то трудно доступной пещерѣ, такъ что Русскіе стояли три дня и не могли проникнуть въ нее. Но одинъ изъ порочныхъ мастеровъ съумѣлъ какъ-то пустить въ нее воду; Чудь выбѣжала вонъ и была избита, а имущество ея досталось въ добычу. Затѣмъ Русскіе приблизились къ Раковору; но тутъ къ удивленію своему увидѣли предъ собою большую рать, подобную густому бору. Оказалось, что Ливонскіе Нѣмцы обманули и соединились съ Датчанами. Однако русское ополченіе не устрашилось и тотчасъ стало въ боевой порядокъ. Новогородцы помѣстились въ срединѣ противъ главнаго нѣмецкаго полка или желѣзной свиньи; по сторонамъ стали низовые полки и Псковичи. Битва была очень упорна и напомнила Ледовое побоище. Русь наконецъ сломила желѣзный полкъ рыцарей, гнала Нѣмцевъ до самаго города Раковора, и на разстояніи семи

верстъ покрыла поля ихъ трупами. Но вожди ея, увлекшись преслѣдованіемъ, какъ это часто бываетъ, забыли военныя предосторожности. Возвратясь назадъ, они увидали, что запасный нѣмецкій отрядъ ворвался въ русскій обозъ. Молодежь хотѣла ударить на него. Наступила ночь, и опытные люди удержали ее, говоря, что въ темнотѣ можетъ произойти безпорядокъ и избіеніе своихъ собственныхъ людей. Нѣмцы, не дожидаясь свѣта, ушли. Побѣдители стояли три дня *на костяхъ*, т. е. на полѣ битвы, и затѣмъ воротились домой. Отступленіе это объясняется тѣмъ, что побѣда стоила очень дорого; особенно много потеряли Новогородцы, сражавшіеся съ главнымъ рыцарскимъ полкомъ. Въ числѣ убитыхъ бояръ находился самъ посадникъ Михаилъ, а тысяцкій Кондратъ пропалъ безъ вѣсти. Война продолжалась.

Въ слѣдующемъ году Нѣмцы пришли на Псковъ. Но Псковитяне имѣли такого вождя, который былъ именно нуженъ въ это трудное время. Въ сосѣднихъ съ Русью литовскихъ земляхъ произошли большія смуты и междоусобія по смерти князя Миндовга. Многіе знатные Литвины тогда бѣжали изъ отечества отъ преслѣдованія своихъ. Такъ до 300 литовскихъ семей удалились въ Псковъ, гдѣ приняли крещеніе и поселились. Вслѣдъ за ними сюда же прибылъ и одинъ изъ литовскихъ князей, по имени Довмонтъ, съ своими родственниками и дружиною. Онъ также крестился и получилъ имя Тимоѳея. Помощію брака Довмонтъ породнился съ Русскимъ княжимъ домомъ: онъ женился на дочери Димитрія Александровича, т. е. на внучкѣ Александра Невскаго. Вскорѣ Псковичи поставили его своимъ княземъ. Начальствуя во Псковѣ, онъ отличился ратными подвигами. Первые его подвиги были направлены на защиту Псковской области отъ своихъ соплеменниковъ, которымъ онъ не разъ наносилъ пораженіе, и самъ ходилъ въ землю Литовскую. При этомъ составитель Сказанія о Довмонтѣ, увлекаясь своимъ героемъ, разсказываетъ не совсѣмъ вѣроятныя дѣла. Такъ однажды онъ сдѣлалъ удачный набѣгъ на землю литовскаго князя Гердена съ тремя девяностами Псковичей (они, какъ видно, считали свои дружины не сотнями, а девяностами). На обратномъ пути послѣ переправы черезъ Двину Довмонтъ послалъ два девяноста впередъ съ добычею и плѣнными, а съ

остальнымъ расположился въ шатрахъ недалеко отъ берега посреди рощи; онъ ожидалъ погони. Дѣйствительно, вскорѣ сторожа прибѣжали съ извѣстіемъ, что идетъ самъ Герденъ съ нѣсколькими князьями и 700 воиновъ и уже переброди́лъ рѣку. Тогда Довмонтъ обратился къ своей дружинѣ съ такими словами: «братья мужи Псковичи, кто старъ тотъ мнѣ другъ, а кто молодъ тотъ братъ. Слышалъ я, что о мужествѣ вашемъ знаютъ во всѣхъ странахъ. Потягнемъ, братья, за Св. Троицу и св. церкви, и за свое отечество!» Одушевленные имъ, Псковичи ударили на враговъ и разбили ихъ, такъ что Герденъ едва спасся бѣгствомъ съ остаткомъ своей дружины, а у Псковичей палъ только одинъ человѣкъ. Въ другой разъ Довмонтъ съ 60 Псковичами будто бы побѣдилъ 800 Нѣмцевъ. Они укрылись на одинъ рѣчной островъ; Псковитяне зажгли на немъ траву, и Нѣмцы, принужденные спасаться, частію потонули, частію были избиты.

Довмонтъ по преимуществу сдѣлался грозою сихъ надменныхъ сосѣдей, т. е. Ливонскихъ Нѣмцевъ. Онъ тоже участвовалъ въ Раковорской битвѣ и послѣ нея сильно опустошилъ Виррію или Раковорскую область до самаго моря. Въ слѣдующемъ 1269 году самъ магистръ Ливонскаго Ордена Отто Фонъ Роденштейнъ прибылъ съ большимъ войскомъ, сухопутьемъ и озеромъ въ лодкахъ. Онъ разорилъ Изборскъ и подступилъ ко Пскову. Псковитяне послали гонцовъ въ Новгородъ съ просьбою о помощи, и сами пожгли свои посады, чтобъ они не достались врагу. Нѣмцы сильно стѣснили городъ, который начали громить изъ своихъ стѣнобитныхъ орудій. Горожане собрались на торжественное богослуженіе въ соборномъ храмѣ Св. Троицы. Тутъ Довмонтъ положилъ свой мечъ предъ алтаремъ и горячо молился. Послѣ богослуженія игуменъ Исидоръ съ духовенствомъ препоясалъ этимъ мечомъ князя и благословилъ его на брань. Одушевленные вѣрою, Довмонтъ и небольшая, но храбрая псковская дружина сдѣлали отчаянную вылазку, во время которой нанесли Нѣмцамъ большой уронъ. Когда же на десятый день осады магистръ услыхалъ о приближеніи Новогородскаго отряда съ княземъ Юріемъ Андреевичемъ, то не сталъ дожидать его; а поспѣшно снялъ осаду и удалился.

Послѣ того Новогородцы начали собирать большое ополченіе, чтобы предпринять новый походъ въ глубь непріятельской земли. Великій князь Ярославъ, находившійся тогда въ Новгородѣ, опять послалъ сына (Святослава) съ низовою ратью; на этотъ разъ къ ней присоединился и *великій баскакъ* владимірскій Амраганъ съ своимъ отрядомъ. Услыхавъ о приготовленіяхъ, Нѣмцы прислали съ просьбою о мирѣ и отступались отъ своихъ притязаній на земли по р. Наровѣ. Новогородцы, какъ люди торговые, не любили продолжительныхъ войнъ и охотно заключили миръ на этомъ условіи. Дабы не отсылать свои полки назадъ безъ всякаго дѣла и безъ всякой добычи, великій князь хотѣлъ отправить ихъ на сѣверъ за р. Неву на мятежную Карелу, державшую сторону Датчанъ и Шведовъ. Новогородцы однако упросили его отказаться отъ этого намѣренія и не раззорять Карелу, своихъ данниковъ ([58]).

Отъ времени Ярослава Ярославича дошли до насъ двѣ любопытныя договорныя грамоты Новогородцевъ съ симъ княземъ—образцики тѣхъ *рядовъ*, которыми они опредѣляли отношенія княжей власти къ своей землѣ. По первой грамотѣ, составленной при занятіи Ярославомъ Новогородскаго стола, этотъ князь по примѣру предшественниковъ своихъ обязывается присягнуть на разныхъ условіяхъ, льготныхъ для Новгорода Великаго. Главныя условія суть слѣдующія. Въ правители новогородскихъ волостей князь не можетъ назначать собственныхъ мужей, но только Новогородцевъ, и не иначе какъ при участіи посадника, а безъ вины ихъ не смѣнять. Ни самъ онъ, ни *дворяне* его не могутъ покупать селъ въ новогородскихъ волостяхъ, или получать въ даръ, или выселять къ себѣ оттуда людей. Князь не долженъ творить судъ безъ участія посадника и не можетъ требовать подсудимыхъ для расправы къ себѣ, въ Суздальскую землю. Онъ получаетъ съ новогородскихъ волостей установленныя дани и судебныя виры; пользуется изстари опредѣленными для его двора сѣнокосами (пожнями); долженъ отступиться отъ тѣхъ пожней, которыя захватилъ его братъ Александръ, и вообще отказаться отъ тѣхъ насилій, которыя были учинены этимъ покойнымъ княземъ; также пользоваться опредѣленными мѣстами для охоты и посылать своихъ ловчихъ только въ извѣстное время.

Новогородскіе гости въ Суздальской землѣ платятъ на мытныхъ заставахъ не болѣе двухъ векшей съ воза или съ лады.

Очевидно, сильные суздальскіе князья не всегда стѣснялись подобными договорами и, смотря по обстоятельствамъ, болѣе или менѣе отступали отъ нихъ. Ярославъ Ярославичъ, кромѣ собственныхъ силъ опиравшійся на поддержку Татаръ, ознаменовалъ свое княженіе въ вольнолюбивомъ городѣ разными самовластными поступками. Пока была опасность со стороны Ливонскихъ и Эстонскихъ сосѣдей, Новогородцы, нуждаясь въ помощи суздальскихъ полковъ, молчали. Но когда опасность миновала, противная великому князю партія зашумѣла, взяла верхъ на вѣчѣ, и тутъ же на Ярославовомъ или вѣчевомъ дворѣ начала расправляться съ его сторонниками. Нѣкоторые изъ нихъ спаслись въ храмѣ Св. Николая, другіе убѣжали къ князю на Городище, въ томъ числѣ тысяцкій Ратиборъ; народъ разграбилъ ихъ дворы и разрушилъ дома. Вѣче прислало князю грамоту съ исчисленіемъ его неправдъ. «Зачѣмъ, говорилось въ этой грамотѣ, отнялъ Волховъ гогольными ловцами, а поле заячьими? Зачѣмъ взялъ дворъ у Олексы Мартинича, а серебро (деньги) у Никифора Манускинича, Романа Балдыжевича и Варѳоломея? Зачѣмъ выводилъ иноземцевъ, которые у насъ живутъ?» Были исчислены и другія неправды; а въ заключеніе объявлялось, чтобы Ярославъ уѣзжалъ изъ Новгорода; Новогородцы же промыслятъ себѣ другаго князя. Ярославъ вступилъ было въ переговоры съ вѣчемъ; обѣщалъ исправить свои вины и вновь присягнуть на всей волѣ новогородской. Но вѣче осталось непреклонно и грозило всѣмъ городомъ идти на Городище, чтобы силою прогнать князя. Ярославъ удалился. Новогородцы послали было за сыномъ Невскаго Димитріемъ Переяславскимъ, который уже княжилъ у нихъ прежде. Но тотъ отвѣчалъ, что не возьметъ стола передъ дядею. Между тѣмъ великій князь велѣлъ захватить новогородскихъ торговцевъ въ суздальскихъ городахъ, и не только началъ собирать противъ Новгорода низовые полки, но и послалъ въ орду Ратибора просить помощи у хана. Измѣнникъ своему родному городу, Ратиборъ возбуждалъ хана такими наговорами: «Новогородцы не хотятъ тебѣ покаряться; мы просили у нихъ дани для тебя; а они насъ кого выгнали, кого избили, дома наши разграбили;

Ярослава обезчестили». Менгу Темиръ уже приказалъ войску выступить на помощь великому князю, когда Новогородцы нашли себѣ заступника: то былъ родной братъ Ярослава, Василій Костромской. «Кланяюсь Св. Софьѣ, прислалъ онъ сказать въ Новгородъ, жаль мнѣ своей отчины». Съ нѣкоторыми новогородскими боярами Василій отправился въ Орду и уговорилъ хана воротить войско, раскрывъ передъ нимъ клеветы Ратибора.

Ярославъ и безъ Татаръ собралъ большія силы; при немъ находились также племянникъ Димитрій съ Переяславцами и Глѣбъ съ Смольнянами. Но и Новогородцы, руководимые любимымъ посадникомъ Павшею Ананьичемъ, были единодушны, и энергически приготовлялись къ защитѣ. Они возвели новыя укрѣпленія вокругъ города, вооружились отъ мала до велика и вышли въ поле; пѣхота стала за ручьемъ Жилотугомъ, конница за Городищемъ. Узнавъ о томъ, Ярославъ не пошелъ прямо на Новгородъ, а повернулъ въ Русу, и оттуда вновь вступилъ въ прежніе переговоры. Новогородцы однако стояли на своемъ; а когда къ нимъ подошла помощь изъ пригородовъ и волостей, Псковичи, Ладожане, Карела, Ижора и Вожане, новогородская рать сама двинулась въ Русу, и остановилась въ виду суздальской рати на другой сторонѣ рѣки Шелони. По желанію великаго князя въ распрю вступился митрополитъ Кириллъ, и прислалъ Новогородцамъ увѣщательную грамоту, въ которой убѣждалъ ихъ помириться съ великимъ княземъ и бралъ на себя эпитимію, если они присягнули другъ другу не возвращать его на княженіе. Въ случаѣ же непослушанія митрополитъ грозилъ наложить на новогородскія церкви запрещеніе. Новогородцы наконецъ уступили, и вновь приняли на свой столъ Ярослава. Написали опять договорную грамоту, которая дошла до насъ въ подлинникѣ. Въ ней къ прежнимъ условіямъ прибавились новыя, каковы: отпустить гнѣвъ на владыку, посадника и мужей новогородскихъ; не принимать доносовъ отъ раба на господина; отпустить задержанныхъ Новогородцевъ; не стѣснять привилегій Нѣмецкаго гостинаго двора, торговать съ нимъ только при посредствѣ Новогородскихъ купцовъ и пр. Любопытно, что на оборотѣ этой грамоты помѣчено: «сажали Ярослава татарскіе послы Чевгу и Бакши съ грамотою Мен-

гу Темпра». Слѣдовательно, не одни увѣщанія Кирилла заставили уступить Новгородъ. Хотя ханъ отмѣнилъ походъ татарскаго войска, однако прислалъ Ярославу свой ярлыкъ на Новгородское княженіе.

Изъ эпохи того же великаго князя дошли до насъ еще два замѣчательные письменные памятника новгородской гражданственности. Это «Уставъ Ярослава о мостовыхъ» и торговый договоръ съ Нѣмецкими городами и Готландомъ. Первый былъ составленъ до Раковорской битвы, а второй вскорѣ послѣ этой битвы, какъ надобно полагать. Уставъ заключаетъ въ себѣ раскладку для мощенія Волховской набережной въ Новгородѣ, площадей и улицъ. Расходы распредѣлены между купеческими сотнями и городскими обывателями. Въ этихъ расходахъ участвовали и власти по мѣсту своихъ дворовъ, т. е. князь, владыка, посадникъ, тысяцкій; послѣдніе двое повидимому также помѣщались въ казенныхъ общественныхъ зданіяхъ. Торговые дворы иностранцевъ (Нѣмцевъ и Готовъ) тоже обязаны были мостить примыкающія къ нимъ части.

Около того времени возвышается знаменитый союзъ сѣверно-нѣмецкихъ городовъ или Ганза, которая имѣла дѣятельныя торговыя связи съ Новгородомъ, но пока все еще при посредствѣ Готланда. Упомянутый договоръ съ Нѣмцами и Готами даетъ нѣкоторыя привиллегіи нѣмецкимъ и готландскимъ гостямъ и вообще опредѣляетъ ихъ положеніе въ Новгородѣ. Такъ, напримѣръ, при проѣздѣ по Невѣ и Волхову о гостяхъ должны были уже заботиться новогородскіе приставы. Гостей нельзя было посадить въ тюрьму за долгъ; возникшая ссора ихъ съ Новогородцами должна была разбираться на дворѣ у Св. Іоанна на Опокахъ, гдѣ находилась судебная палата для купцовъ. Безопасность Нѣмецкаго и Готландскаго торговыхъ дворовъ также ограждена нѣкоторыми правилами; назначены виры за убійство, раны, побои, и пр. ([59]).

По смерти великаго князя Василія Костромскаго (1276), послѣдняго изъ братьевъ Александра Невскаго, наступилъ чередъ его сыновей; старшій изъ нихъ Димитрій Переяславскій получилъ княженіе Владимірское, а вмѣстѣ съ нимъ и столъ Новогородскій. Но достаточно было возникнуть обычнымъ

распрямъ Новогородцевъ съ Суздальскимъ княземъ, какъ уже нашелся ему соперникъ. Это былъ родной братъ его Андрей Городецкій. И прежде князья не уважали иногда родоваго старшинства; а теперь, когда воля ханская рѣшала главнымъ образомъ вопросъ о княженіяхъ, соперники еще менѣе стали обращать вниманіе на старшинство. Андрей, получивъ отъ Менгу Темира ярлыкъ на Владимірское княженіе, началъ цѣлый рядъ междоусобныхъ войнъ съ перемѣннымъ счастьемъ. Онъ три раза приводилъ татарскія войска на старшаго брата, и бѣдная сѣверо-восточная Русь платилась новыми разореніями за честолюбіе недостойныхъ князей. Особенно тяжелъ былъ третій приходъ, когда татарскій воевода Дюдень, посланный на помощь Андрею ханомъ Тохтою (сынъ Менгу-Темира), взялъ Владиміръ; при чемъ Татары вновь разграбили соборный храмъ Богородицы, и вообще взяли и разорили 14 суздальскихъ городовъ, въ томъ числѣ Переяславль и Москву (1293). Во время этихъ междоусобій Дмитрій однажды бѣжалъ за море, вѣроятно въ Скандинавію, и воротился съ наемною дружиною; а въ другой разъ удалился на югъ къ хану Ногаю, сопернику волжскихъ хановъ, и получилъ отъ него войско, съ помощію котораго воротилъ себѣ престолъ. Послѣ третьяго нашествія Андрея съ Татарами, Димитрій въ слѣдующемъ 1294 году скончался.

Андрей занималъ великокняжескій столъ еще десять лѣтъ, т. е. до самой смерти своей. Но смуты и междоусобія въ Суздальской землѣ не прекращались. Нѣкоторые удѣльные суздальскіе князья возставали противъ него и соединялись для этого въ союзы. Въ числѣ его противниковъ находились младшій братъ его Даніилъ Александровичъ Московскій и двоюродный братъ Михаилъ Ярославичъ, одинъ изъ основателей сильнаго Тверскаго княженія. Такимъ образомъ Москва и Тверь, эти будущіе соперники, являются союзниками въ борьбѣ съ старшимъ Владимірскимъ княземъ. Очевидно, старшій или великокняжескій городъ Сѣверной Руси Владиміръ, неоднократно разоренный Татарами, постепенно терялъ прежнее значеніе. Нѣкоторые младшіе города уже не признаютъ этого первенства, и стремятся сами сдѣлаться ядромъ, около котораго собирались бы другія волости. Только этимъ исканіемъ новаго крѣпкаго ядра, новой княжеской вѣтви, которая

повела бы далѣе исторію Сѣверной Руси, и можно объяснить тѣ повидимому лишенные историческаго смысла споры и междоусобія, раболѣпіе передъ Татарами и предательства, которыми ознаменованъ періодъ Русской исторіи, наступившій послѣ Александра Невскаго и продолжавшійся до того времени, когда ясно обозначился перевѣсъ Москвы надъ всѣми ея соперниками.

Андрей также имѣлъ союзниковъ; изъ нихъ самымъ усерднымъ является Ѳеодоръ Ростиславичъ по прозванію Черный, князь Ярославскій,—одна изъ болѣе выдающихся личностей между современными ему удѣльными князьями. Онъ принадлежалъ къ вѣтви Смоленскихъ князей, былъ внукомъ Мстислава Давидовича (извѣстнаго своимъ торговымъ договоромъ съ Нѣмцами) и владѣлъ первоначально удѣломъ Можайскимъ. Вступивъ въ бракъ съ княжною Ярославскою Маріей, онъ получилъ Ярославскій удѣлъ; овдовѣвъ, женился на дочери хана Менгу Темира. По смерти старшихъ своихъ братьевъ, онъ наслѣдовалъ и княженіе Смоленское; но впрочемъ поручилъ его своему племяннику, а самъ остался въ Ярославлѣ. Ѳеодоръ былъ усерднымъ слугою хановъ. Тѣмъ же раболѣпіемъ передъ ханами отличались и князья Ростовскіе, Борисъ и Глѣбъ Васильковичи, сыновья того Василька, который, какъ извѣстно, не согласился служить Батыю и былъ убитъ Татарами. Эти князья часто ѣздили въ Орду съ поклонами и подарками, и подолгу тамъ проживали. Глѣбъ женился также на Татаркѣ, подобно Ѳеодору Ростиславичу Черному, а Борисъ тамъ и умеръ во время приготовленій къ походу на Ясовъ. Александръ Невскій, какъ мы замѣтили, умѣлъ отклонять участіе русскихъ дружинъ въ войнахъ Татаръ съ другими народами; но при его ничтожныхъ преемникахъ мы видимъ эту повинность въ полной силѣ. Такъ въ 1277 году сѣверно-русскіе князья, по повелѣнію Менгу Темира, ходили вмѣстѣ съ Татарами въ Кавказскія страны, и помогли окончательно покорить воинственное племя Ясовъ или Аланъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Суздальской земли, очевидно съ появленіемъ баскаковъ и другихъ чиновниковъ ордынскихъ, возникли значительныя татарскія поселенія. Особенно много Татаръ, кажется, находилось въ Ростовѣ и его окрестностяхъ.

Жители, конечно, терпѣли отъ нихъ большія притѣсненія. Однако и здѣсь проявлялась иногда сила высшей, христіанской гражданственности: нѣкоторые знатные люди изъ Татаръ принимали крещеніе, и сдѣлались родоначальниками многихъ дворянскихъ фамилій въ Россіи. Любопытно особенно мѣстное ростовское преданіе о нѣкоемъ ордынскомъ царевичѣ, который былъ окрещенъ ростовскимъ епископомъ Кирилломъ и получилъ имя Петра. Этотъ царевичъ Петръ купилъ въ Ростовѣ у князя Бориса Васильковича участокъ земли, на которомъ построилъ церковь и основалъ монастырь (Петровскій) съ благословенія преемника Кириллова, епископа Игнатія. Князь Борисъ потомъ такъ сдружился съ Петромъ, что побратался съ нимъ, и они любили вмѣстѣ заниматься охотою съ ловчими птицами на берегу Ростовскаго озера ([60]).

Усердное служеніе Ростовскихъ и другихъ князей татарскимъ ханамъ впрочемъ не оставалось безъ нѣкоторой выгоды для покореннаго народа; ибо, пользуясь милостивымъ расположеніемъ завоевателей, князья эти многихъ христіанъ спасали отъ рабства и другихъ бѣдствій. Однако населеніе Суздальской Руси по всѣмъ признакамъ не столь легко мирилось съ постыднымъ игомъ, какъ ихъ князья, и не одинъ разъ поднимало мятежъ. Такъ въ 1289 г., уже при сыновьяхъ Бориса Васильковича, жители Ростова съ негодованіемъ смотрѣвшіе на большое количество Татаръ въ своемъ городѣ, опять по звону вѣчеваго колокола поднялись на своихъ притѣснителей, разграбили ихъ дома и выгнали ихъ изъ города. Одинъ изъ сыновей Бориса (Константинъ) поспѣшилъ въ Орду, и вѣроятно такъ умѣлъ повернуть дѣло, что ханъ оставилъ этотъ мятежъ безъ наказанія. А изгнанные Татары снова воротились въ Ростовъ.

Эти ростовскіе князья, раболѣпствовавшіе передъ татарскими ханами, очевидно не пользовались большимъ уваженіемъ своихъ соотечественниковъ, если и самые пастыри церкви позволяли себѣ иногда поступки такого рода. Когда умеръ младшій изъ сыновей Василька Глѣбъ, упомянутый епископъ ростовскій Игнатій совершилъ его погребеніе въ соборномъ храмѣ. Но спустя девять недѣль, епископъ вздумалъ за что-то осудить покойнаго князя, и велѣлъ ночью

перенести тѣло его какъ недостойнаго изъ соборной церкви въ Спасскій монастырь (1280). Еще живъ былъ митрополитъ Кириллъ II. Пріѣхавъ въ это время изъ Кіева въ Суздальскую землю и услышавъ о поступкѣ Игнатія, онъ отрѣшилъ его отъ служенія. Но за епископа вступился новый ростовскій князь Димитрій Борисовичъ, племянникъ Глѣба (можетъ быть имѣвшій неудовольствіе на дядю) и выпросилъ ему прощеніе у митрополита. Прощая, митрополитъ сказалъ Игнатію: «Брате и сыну возлюбленный! До самой смерти своей плачься и кайся о такомъ грѣхѣ, что осудилъ мертвеца прежде суда Божія. А при жизни его, когда можно было его исправить, ты не только не исправилъ, но смирялся передъ нимъ, бралъ онъ него дары, ѣлъ и пилъ за его столомъ. Прости тебѣ, Господи». Въ томъ-же году этотъ уважаемый всѣми митрополитъ скончался въ глубокой старости, въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, послѣ тридцатисемилѣтняго управленія Русскою Церковію; тѣло его отвезено было для погребенія въ древнюю русскую митрополію, т. е. въ Кіевъ.

Ни одинъ русскій митрополитъ не предавался такой неустанной, безпокойной дѣятельности, какъ Кириллъ II. Его продолжительное пастырское служеніе совпало съ первымъ періодомъ Татарскаго ига, когда бѣдствія варварскихъ нашествій и разореній глубоко потрясли и гражданскій, и церковный порядокъ, когда за нищетою и отсутствіемъ безопасности неизбѣжно начали распространяться тьма невѣжества, грубые, безпорядочные нравы, проникшіе въ самую среду духовенства. Кириллъ предпринималъ частыя и трудныя путешествія по разнымъ краямъ Руси, и вездѣ старался возстановить устроеніе и благочиніе церковное. Памятникомъ его заботливости о своей паствѣ служитъ такъ называемое «Правило Кирилла Митрополита», составленное имъ сообща съ русскими епископами на церковномъ соборѣ, происходившемъ во Владимірѣ Суздальскомъ, въ 1274 году. Въ этомъ правилѣ главное вниманіе обращено на то, чтобы епископы не ставили въ священники лицъ недостойныхъ и не брали бы никакой мзды за ставленіе. Предписывается также строго наблюдать уставы при совершеніи литургіи, миропомазанія и крещенія; относительно послѣдняго постановлено никоимъ образомъ не обливать, а крестить въ три погруженія. Далѣе это соборное правило возстаетъ про-

тивъ народныхъ языческихъ игрищъ, которыя сопровождались жестокимъ пьянствомъ и боями; при чемъ бились дреколіемъ и иногда до смерти (особенно въ «предѣлахъ новогородскихъ»). Такихъ убитыхъ на игрищѣ соборъ лишаетъ христіанскаго погребенія; о чемъ строго приказываетъ священникамъ.

Соборъ 1274 года былъ созванъ митрополитомъ по поводу рукоположенія кіевопечерскаго архимандрита Серапіона во епископа Владиміро-Суздальскаго. Этотъ Серапіонъ (скончавшійся въ слѣдующемъ 1275 году) принадлежалъ къ ученнѣйшимъ книжникамъ своего времени и извѣстенъ своими краснорѣчивыми Поученіями или Словами; изъ нихъ нѣкоторыя дошли до насъ. Содержаніе сихъ поученій составляютъ увѣщанія противъ грабительства, пьянства, прелюбодѣйства, воровства, «рѣзоимства» (ростовщичества), и пр., въ особенности противъ нѣкоторыхъ суевѣрныхъ обычаевъ, напримѣръ сожиганія волхвовъ, выгребанія изъ могилъ утопленниковъ и удавленниковъ во время какого либо физическаго бѣдствія, и т. п. Серапіонъ въ своихъ Поученіяхъ чертитъ яркія картины татарскаго нашествія и призываетъ народъ къ покаянію. Не должно забывать при этомъ, что такіе пастыри и учители духовные, какъ Кириллъ митрополитъ и Серапіонъ епископъ, по своему воспитанію и образованію принадлежатъ еще къ до-Татарской эпохѣ, т. е. къ болѣе просвѣщенной нежели послѣдующая за ней.

Кириллъ II былъ родомъ Русскій; избраніе его въ митрополиты состоялось по желанію галицкаго князя Даніила Романовича въ смутное время, послѣдовавшее за Татарскимъ погромомъ, въ эпоху бѣдствій самого греческаго патріархата. По послѣ паденія Латинской имперіи возобновились сношенія Русской іерархіи съ Константинополемъ, и патріархъ преемникомъ Кирилла снова назначилъ грека, по имени Максима. Этотъ Максимъ едвали не первый изъ русскихъ митрополитовъ являлся въ Орду для изъявленія почтенія хану и для полученія льготныхъ грамотъ или ярлыковъ въ пользу духовенства. Впрочемъ таковые ярлыки уже получалъ предшественникъ его Кириллъ II. Митрополитъ Максимъ замѣчателенъ перемѣною своего мѣстопребыванія. Уже Кириллъ, какъ мы видѣли, мало жилъ въ разоренномъ Кіевѣ, и по долгу пребывалъ на сѣверѣ въ землѣ Суздальской. Близость Татаръ и постоянныя отъ

нихъ насилія не давали нашей древней столицѣ возможности оправиться отъ жестокаго разоренія. Напротивъ по свидѣтельству лѣтописи около 1300 года большинство остававшихся жителей ея опять разбѣжалось отъ этихъ насилій по другимъ городамъ. Тогда же митрополитъ Максимъ окончательно покинулъ Кіевъ; со всѣмъ своимъ причтомъ и митрополичьимъ добромъ онъ переселился во Владиміръ на Клязьмѣ и самъ занялъ Владимірскую каѳедру, а бывшаго здѣсь епископа Семена перевелъ на каѳедру Ростовскую ([61]).

*

Если Суздальская земля была тяжко угнетена Татарскимъ игомъ, то понятно, какъ тяжело ложилось оно на ближайшія къ Ордѣ русскія украйны, каковыми были земли Рязанская и особенно Сѣверская. Рязанскіе князья безъусловною покорностію ханамъ и частыми путешествіями въ Орду, подобно Суздальскимъ, съумѣли сохранить свои владѣнія отъ совершеннаго разстройства, а впослѣдствіи даже вновь усилиться и развить Рязанскую самобытность. Не смотря на покорность Татарамъ, однако не одинъ рязанскій князь погибъ жертвою ханскаго самовластія. Особенно замѣчателенъ въ этомъ отношеніи Романъ Ольговичъ. Когда онъ былъ въ Ордѣ, кто-то донесъ Менгу-Темиру, что князь произноситъ хулы на царя и его вѣру. Ханъ предалъ его въ руки Татаръ, которые стали принуждать Романа къ своей вѣрѣ. Романъ смѣло продолжалъ славить христіанскую вѣру и порицать бесерменскую; за что и былъ изрѣзанъ въ куски (1270 г.).

Еще печальнѣе было положеніе земли Черниговo-Сѣверской. Послѣ убіенія въ Ордѣ Михаила Всеволодовича, она раздробилась на многія мелкія владѣнія, утратившія взаимную связь. Изъ князей Черниговскихъ въ это время выдается только одинъ Романъ Брянскій, который давалъ чувствовать свою силу сосѣднимъ князьямъ Смоленскимъ и Литовскимъ. Затѣмъ, при частыхъ разореніяхъ, близкомъ сосѣдствѣ съ Татарами и угнетеніи отъ баскаковъ, особенно на Сѣверской украйнѣ, нравы въ скоромъ времени такъ одичали, что мѣстные князья не только истребляли другъ друга, но съ помощію Татаръ иногда занимались простымъ разбоемъ. Любопытный примѣръ

тому представляетъ исторія двухъ князей Курской области, Олега Рыльскаго и Воргольскаго и Святослава Липецкаго.

Въ Курскѣ жилъ ханскій баскакъ, по имени Ахметъ. Онъ взялъ на откупъ всѣ дани Курскаго княженія, и жестоко притѣснялъ жителей, начиная отъ князей до простолюдиновъ. Недовольствуясь всякими вымогательствами, онъ устроилъ еще двѣ слободы во владѣніяхъ князей Олега и Святослава; перевелъ въ нихъ людей отовсюду, и давалъ имъ волю безнаказанно обижать окрестныхъ жителей. Князья Олегъ и Святославъ были родственники и рѣшили обратиться съ жалобой въ Золотую Орду. Олегъ отправился къ хану Телебугѣ, и получилъ отъ него приставовъ, чтобы вывести изъ слободъ своихъ людей, а самыя слободы разорить. Ахметъ въ то время находился въ другой ордѣ, у противника Телебуги, Ногая. Онъ началъ возбуждать послѣдняго противъ упомянутыхъ князей, называя ихъ разбойниками и его врагами. Для испытанія ихъ покорности онъ посовѣтовалъ Ногаю отправить своихъ сокольниковъ въ землю Олега, чтобы наловить лебедей вмѣстѣ съ княземъ, а потомъ позвать его къ себѣ въ орду. Ногай такъ и сдѣлалъ; но Олегъ уклонился и не пошелъ на его призывъ. Тогда Ногай далъ Ахмету войско, дабы наказать Олега и разорить его владѣнія. Олегъ убѣжалъ къ хану Телебугѣ, а Святославъ спасся въ лѣса Воронежскіе. Татары повоевали ихъ княженіе; а добычу снесли въ упомянутыя двѣ слободы, которыя опять наполнились людьми, скотомъ и всякимъ добромъ. Въ числѣ плѣнниковъ находилось 13 старѣйшихъ княжихъ бояръ, которыхъ Ахметъ велѣлъ убить; захваченныхъ странниковъ и купцовъ иноземныхъ онъ отпустилъ на свободу, давъ имъ часть одежды убитыхъ бояръ и сказавъ: «ходите по землямъ, и объявляйте всюду, что такъ будетъ всякому, кто станетъ спорить съ своимъ баскакомъ». Мало того, трупы бояръ онъ велѣлъ развѣсить по деревьямъ, отрубивъ у каждаго изъ нихъ голову и правую руку. Эти отрубленные члены онъ хотѣлъ послать на показъ по волостямъ въ устрашеніе людямъ; но некому было показывать; всѣ или разбѣжались, или были захвачены въ плѣнъ, и потому головы и руки побросали на съѣденіе псамъ. Боясь однако мщенія отъ князей, Ахметъ ушелъ къ Ногаю съ татарскимъ войскомъ, а въ слободахъ

оставилъ двухъ своихъ братьевъ. Пылая мщеніемъ, князь Святославъ Липецкій началъ тогда дѣйствовать, какъ разбойничій атаманъ. Онъ подстерегъ на дорогѣ между двумя слободами братьевъ Ахмета, шедшихъ съ малою дружиною изъ Русскихъ и Татаръ, и перебилъ большую часть этой дружины, а потомъ напалъ на самыя слободы и разграбилъ ихъ. Жители ихъ разбѣжались; братья Ахмета спаслись бѣгствомъ въ Курскъ.

Въ это время (1284 г.) Олегъ Рыльскій воротился отъ Телебуги, и, совершивъ поминки по убитымъ боярамъ, послалъ сказать Святославу, что напрасно онъ сталъ дѣйствовать какъ разбойникъ, и тѣмъ положилъ позоръ на князей; пусть идетъ оправдываться въ орду къ Ногаю. Но Святославъ гордо отвѣчалъ, что онъ самъ себѣ судья и что онъ правъ въ этомъ дѣлѣ; такъ какъ мстилъ своимъ врагамъ, избилъ поганыхъ кровопійцъ. Олегъ послалъ на это сказать: «Мы присягали другъ другу быть обоимъ въ одной думѣ; когда рать пришла, ты не бѣжалъ со мною къ царю, а спрятался въ Воронежскихъ лѣсахъ, чтобы послѣ дѣйствовать разбоемъ. Теперь нейдешь ни къ своему царю (Телебугѣ), ни къ Ногаю для оправданья; то пусть насъ Богъ разсудитъ». Олегъ снова отправился въ Золотую орду, привелъ оттуда Татаръ, напалъ на Святослава и убилъ его. Но преемникъ послѣдняго, братъ Александръ, въ свою очередь пошелъ въ Орду, дарами склонилъ хана на свою сторону, получилъ отъ него войско и убилъ Олега Рыльскаго съ двумя сыновьями.

Въ такомъ жалкомъ положеніи находилась Сѣверская Русь и такъ нравственно упали потомки рыцарственныхъ героевъ Слова о Полку Игоревѣ!

Только Новогородцы въ это тяжелое время ограничивались одною данью Татарамъ и не испытывали той тяжести ига, которая налегла на остальныя земли сѣверной и восточной Руси. Они продолжали развивать свою торговлю и промышленность, а также свое народоправленіе, благодаря слабости и затрудненіямъ великихъ князей Владимірскихъ, преемниковъ Александра Невскаго; при чемъ умѣли пользоваться помощію послѣднихъ противъ своихъ внѣшнихъ враговъ. Въ это

время часто встрѣчаемъ въ лѣтописи извѣстія о враждебныхъ столкновеніяхъ Новгорода съ Эстонскими Датчанами и особенно со Шведами. Главнымъ поводомъ къ враждѣ со Шведами служила данница Великаго Новгорода, отчасти перешедшая въ русскую вѣру, Карела, которую Шведы постоянно пытались подчинить себѣ и обратить въ католическую религію. Во второй половинѣ XIII вѣка мы видимъ цѣлый рядъ крестовыхъ походовъ, которые, какъ и во время Александра Невскаго, направлялись преимущественно въ устье Невы и въ Ладожское озеро. Но походы эти большею частію были отбиты Новогородцами и Ладожанами; а также и сама Карела, озлобленная постояннымъ требованіемъ дани съ двухъ сторонъ (отъ Руси и отъ Шведовъ) и насильственнымъ обращеніемъ въ католичество, иногда платила Шведамъ жестокими пораженіями и истязаніями плѣнниковъ; иногда возставала и противъ Новогородцевъ, но обыкновенно была усмиряема. Возбужденное неудачами съ этой стороны, Шведское правительство по временамъ старалось мѣшать торговлѣ Новгорода съ нѣмецкою Ганзою; запрещало нѣмецкимъ купцамъ возить въ Россію оружіе и вообще желѣзо.

Въ концѣ XIII вѣка въ Швеціи царствовалъ малолѣтній Биргеръ II подъ опекою дѣятельнаго, умнаго маршала Торкеля Кнутсона. Въ 1293 году Шведы вновь завоевали часть Русской Кареліи, и построили крѣпкій городъ Выборгъ въ углубленіи одной изъ многочисленныхъ бухтъ южнаго берега Финляндіи противъ Березовыхъ острововъ; вслѣдствіе чего стали уже твердою ногою въ завоеванномъ краю. Новогородцы пошли было противъ Выборга съ малыми силами, но были отбиты и воротились назадъ. Успѣхъ подстрекнулъ Шведовъ къ дальнѣйшимъ попыткамъ укрѣпиться въ томъ краю. Въ 1295 году они построили городокъ уже на берегу Ладожскаго озера (Кексгольмъ); на этотъ разъ Новогородцы ударили на нихъ съ большей энергіей, взяли городокъ и раскопали его; при чемъ избили весь гарнизонъ съ его начальникомъ Сигге. Но Шведы упорно стремились къ своей цѣли. Въ 1300 г. самъ маршалъ Торкель Кнутсонъ съ большимъ флотомъ вошелъ въ Неву, и заложилъ сильную крѣпость на устьѣ рѣки Охты. Для этой цѣли папа даже прислалъ ему искусныхъ градостроителей изъ Италіи. Стѣны снабжены были камне-

метательными орудіями. Новый городъ наименованъ Ландскрона («Вѣнецъ земли», какъ называетъ его русская лѣтопись). Кнутсонъ оставилъ въ немъ сильный гарнизонъ подъ начальствомъ Стена. Для Новгорода наступила большая опасность: Шведы отрѣзывали ему великій водный путь въ Балтійское море, и во всякое время могли запереть торговое сношеніе съ Ганзою. Новогородцы поняли эту опасность, и съ своей стороны повели дѣло энергически. Не довольствуясь собственными силами, они пригласили на помощь низовые полки. Въ маѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года самъ великій князь Андрей повелъ ихъ на шведскую крѣпость; несмотря на храброе сопротивленіе, она была взята и совершенно раскопана; а гарнизонъ частію избитъ, частію уведенъ въ плѣнъ. Новогородцы такъ высоко цѣнили эту побѣду, что уставили ежегодное поминовеніе русскихъ воиновъ, павшихъ подъ Ландскроною.

Между тѣмъ какъ Шведы стремились распространить свои завоеванія на все сѣверное прибрежье Финскаго залива, съ рѣкой Невой включительно, т. е. отнять у Новогородцевъ всю Карелу и часть Ижоры; Датчане пытались тоже сдѣлать на своемъ южномъ прибрежьѣ и отнять у Новгорода другую часть Ижоры, а также сосѣднюю часть Води. Если бы и тѣмъ и другимъ удалось, Новгородская земля была бы совершенно отрѣзана отъ Балтійскаго моря и отъ прямыхъ сношеній съ Ганзою. Но и тутъ Новогородцы оказали энергичное сопротивленіе и не допустили Датчанъ перейти на правую сторону Наровы. Съ этими непріятелями въ 1302 г. состоялся миръ, для заключенія котораго новогородское посольство ѣздило въ Данію къ королю Эриху VI. Для обороны Водской области Новогородцы построили близъ Финскаго залива каменную крѣпость Копорье, въ которой еще прежде пытались утвердиться Датчане. Нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что съ другой стороны, на Невѣ, Новогородцы ограничивались пока уничтоженіемъ шведскихъ укрѣпленій вмѣсто того, чтобы самимъ укрѣпиться въ устьѣ этой рѣки и тѣмъ обезпечить за собой весь водный путь.

Межъ тѣмъ какъ сами Новогородцы вели борьбу со Шведами и Датчанами, Псковитяне отстаивали предѣлы Новогородской земли отъ Ливонскихъ Нѣмцевъ. Здѣсь кипѣла рѣдко пре-

кращавшаяся мелкая война, сопровождавшаяся небольшими вторженіями съ той и другой стороны, разореніемъ пограничныхъ селъ, уводомъ плѣнныхъ и т. п. Ливонскіе Нѣмцы, также какъ Шведы и Датчане, завистливо смотрѣли на прямыя торговыя сношенія Сѣверной Руси съ Ганзейскими городами и старались захватить посредничество въ этой торговлѣ. Въ концѣ XIII вѣка они вздумали вновь напасть на самый Псковъ. Почти одновременно съ попыткой Шведовъ отрѣзать у Новгорода устье Невы, Меченосцы внезапно подступили къ Пскову, захватили внѣшнее поселеніе или посадъ съ окрестными монастырями (Спасскимъ и Снятогорскимъ), и осадили самый городъ (въ мартѣ 1299 года). Но еще живъ былъ герой Довмонтъ. Не дожидаясь, пока соберется большая рать изъ волостей, или пока прибудутъ на помощь Новогородцы, онъ только съ своей княжей дружиной и бояринъ Иванъ Дорогомиловичъ съ небольшой псковской дружиной ударили на Нѣмцевъ съ такой отвагой и энергіей, что притиснули ихъ къ крутому берегу р. Великой у церкви Петра и Павла, и разбили на голову. Самъ командоръ былъ раненъ въ голову и едва спасся бѣгствомъ. То былъ послѣдній подвигъ престарѣлаго героя. Въ маѣ мѣсяцѣ тогоже года этотъ любимый народомъ князь скончался отъ какой-то болѣзни, свирѣпствовавшей тогда во Псковѣ. Онъ былъ погребенъ въ Троицкомъ соборѣ, также какъ и основатель этого собора Всеволодъ-Гавріилъ; тамъ и доселѣ сохраняется его мечъ. Другимъ памятникомъ его служитъ прочная каменная стѣна, огораживающая дѣтинецъ или внутренній городъ и носящая названіе «Довмонтовой стѣны». Очевидно, онъ много заботился о самомъ городѣ и его укрѣпленіяхъ, и вообще оставилъ по себѣ весьма добрую память ([62]).

XXII.

ДАНІИЛЪ, МИНДОВГЪ И РУСЬ ЮГОЗАПАДНАЯ.

Возвращеніе Даніила. Построеніе Холма. Борьба съ Ростиславомъ. Ярославская битва. Даніилъ въ Ордѣ. Австрійское наслѣдство. Вопросъ объ уніи съ Римскою церковью и королевская корона. Попытка свергнуть иго. Бурундаево нашествіе. Походы на Ятвяговъ. Значеніе Даніила. Литва и Черная Русь. Объединительная дѣятельность Миндовга. Его крещеніе и ловкая политика. Возвращеніе къ язычеству и гибель Миндовга. Смуты въ Литовско-Русскомъ княженіи. Войшелгъ. Галицко-Волынская Русь послѣ Даніила. Отношенія ея къ Татарамъ и Полякамъ. Участіе въ татарскихъ походахъ. Владиміръ Васильковичъ. Выборъ его наслѣдника. Происки Льва Даниловича. Болѣзнь и кончина Владиміра. Отношенія Польскія.

Во время Татарскаго нашествія на Югозападную Русь, Даніилъ Романовичъ съ приближенными боярами удалился въ Венгрію, а оттуда въ Польшу, гдѣ вмѣстѣ съ семействомъ нашелъ убѣжище у своихъ родственниковъ и друзей, Конрада, князя Мазовецкаго, и сына его Болеслава. Послѣдній предоставилъ Даніилу собственный замокъ Вышгородъ, лежавшій въ безопасной, уединенной мѣстности надъ Вислою. Здѣсь Галицкій князь оставался до того времени, когда пришло извѣстіе, что Татары вышли изъ Русской земли и направились въ Венгрію. Тогда Даніилъ и братъ его Василько воротились въ свои земли, гдѣ ожидало ихъ печальное зрѣлище раззоренія и другія перемѣны. Своевольные бояре, пользуясь отсутствіемъ князей, снова забрали силу, и засѣли въ нѣкоторыхъ городахъ, уцѣлѣвшихъ отъ Татаръ. Такъ, воевода, державшій пограничный съ Ляхами Дрогичинъ Надбужскій, не впустилъ князей въ городъ; имѣя при себѣ малую дружину, Романовичи принуждены были пока оставить мятежника въ покоѣ и подниматься далѣе по Западному Бугу. Другой значительный городъ на этой рѣкѣ, Берестье, до того

былъ заваленъ трупами жителей, избитыхъ Татарами, что отъ страшнаго смрада нельзя было въ него войдти. Тоже самое оказалось и въ стольномъ Владимірѣ Волынскомъ. Трупами особенно были наполнены каменные храмы, такъ какъ въ нихъ обыкновенно собирались женщины, дѣти и старики, въ то время какъ способные носить оружіе гибли въ послѣдней битвѣ на городскихъ валахъ. Первою заботою воротившихся князей было очищать города отъ мертвыхъ и созывать остатки живыхъ, уцѣлѣвшіе по окрестнымъ лѣсамъ и пещерамъ, возобновлять храмы и городскія стѣны. На Волыни, благодаря преданности населенія своему княжему дому, довольно скоро водворялся общественный порядокъ и жизнь принимала свое обычное теченіе. Но въ землѣ собственно Галицкой предстояла новая борьба съ боярскою крамолою. Бояре галицкіе, хотя продолжали величать Даніила своимъ княземъ и дѣйствовали отъ его имени, но успѣли самовольно подѣлить между собою земское управленіе, присвоить многіе княжескіе имущества и доходы и окружить себя вооруженною силою. Даніилъ не поѣхалъ въ стольный Галичъ, стѣны и укрѣпленія котораго были разрушены Татарами, а сталъ жить въ своемъ любимомъ, хорошо укрѣпленномъ Холмѣ и отсюда постепенно возобновлять порядокъ въ Галицкой землѣ.

Еще до появленія Татаръ, когда Даніилъ княжилъ во Владимірѣ Волынскомъ, однажды онъ забавлялся ловами на лѣвой сторонѣ Западнаго Буга и на берегу одного изъ его притоковъ увидалъ красивое возвышеніе, покрытое рощами и окруженное тучными зелеными лугами. Онъ спросилъ у жителей названіе этого возвышенія, и узналъ, что оно называется просто «холмъ». Князю весьма понравилось мѣсто, и онъ заложилъ на немъ городокъ, который быстро началъ рости и украшаться. Кромѣ русскихъ жителей князь поселилъ въ немъ многихъ выходцевъ нѣмецкихъ и польскихъ. Съ особымъ тщаніемъ онъ украсилъ главный храмъ, посвященный Ивану Златоусту. По свидѣтельству лѣтописи (Волынской), не вполнѣ для насъ ясному, его главныя арки были утверждены на четырехъ человѣческихъ головахъ, искусно изваянныхъ художникомъ. Три алтарныхъ окна были украшены стеклами римскими (вѣроятно расписанными), а своды покрыты лазурью и золотыми звѣздами (на подобіе

небеснаго свода); два алтарные столба высѣчены изъ цѣльнаго камня; помостъ церкви слитъ изъ мѣди и олова, бока и арки сѣверныхъ и южныхъ дверей выложены бѣлымъ галицкимъ и зеленымъ холмскимъ камнемъ съ узорчатою рѣзьбою какого-то «хитреца» (художника) Авдія; снаружи храмъ испещренъ «прилѣпами» (т. е. рѣзными изображеніями), раскрашенными и отчасти позолоченными; между прочимъ надъ южными дверями изваянъ образъ Спасителя, а надъ сѣверными—Златоуста.

Нѣкоторыя иконы, украшенныя дорогими камнями и бисеромъ, были принесены княземъ изъ Кіева и Овруча, каковы: Спаса, Богородицы, Михаила и Срѣтенія. Первыя двѣ изъ нихъ сестрою князя Ѳеодорою (супругой Михаила Черниговскаго) взяты изъ Кіевскаго Ѳеодорова монастыря; а Срѣтеніе была отцовская икона изъ Овруча. Колокола одни слиты на мѣстѣ, а другіе также привезены изъ Кіева.

Посреди города Даніилъ возвелъ на каменномъ основаніи бѣлую деревянную вежу, съ вершины которой открывался далекій видъ во всѣ стороны. Эта вежа служила сторожевою башнею и вмѣстѣ украшеніемъ для города. Подлѣ нея ископанъ чрезвычайной глубины студенецъ или колодезь, долженствовавшій снабжать водою жителей во время осады. Кромѣ того въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города Даніилъ воздвигъ каменный «столбъ» или четырехгранную башню, на верху которой стоялъ высѣченный изъ камня двуглавый орелъ, изображавшій знамя или гербъ его державы. Кромѣ этой башни до нашего времени сохранились остатки другой подобной, стоявшей также внѣ города. Надобно полагать, что онѣ защищали подступы къ городу и входили въ систему внѣгородскихъ валовъ и укрѣпленій. Твердыни Холма были таковы, что во время Батыева нашествія онъ оказался въ числѣ немногихъ городовъ, которые Татары тщетно осаждали и не могли взять. Эта безопасность привлекла къ нему еще болѣе поселенцевъ. Съ особою охотою Даніилъ принималъ сюда разныхъ ремесленниковъ, бѣжавшихъ передъ Татарами, какъ-то сѣдельниковъ, лучниковъ, кузнецовъ и пр. Съ помощью ихъ онъ еще болѣе распространилъ и украсилъ Холмъ, который сдѣлался столицею Червонной Руси на все остальное время Даніилова княженія.

Во главѣ галицкихъ бояръ находились тогда два человѣка, которые въ качествѣ княжихъ намѣстниковъ начали самовольно распоряжаться цѣлыми областями, именно: Доброславъ Судьичъ, «поповъ внукъ» (м. б. одинъ изъ сыновей или внуковъ Владиміра Ярославича отъ попадьи), взялъ себѣ Понизье съ городомъ Бакотой на Днѣстрѣ; а дворскій Григорій Васильевичъ забралъ въ свои руки горный край Перемышльскій. Ихъ самовластіе, а также грабительства ихъ сторонниковъ и слугъ скоро вызвали неудовольствіе и волненіе въ народѣ.

Даніилъ послалъ къ Доброславу своего стольника Якова Марковича съ упреками.

«Я вашъ князь—велѣлъ онъ сказать,—а вы моихъ повелѣній не исполняете и губите землю. Тебѣ, Доброславе, я не велѣлъ принимать черниговскихъ бояръ, а приказалъ раздавать волости галицкимъ, коломыйскую же соль отчислить на меня» (т. е. доходы съ соляныхъ промысловъ Коломыйскаго округа).

«Пусть будетъ такъ»—отвѣчалъ Доброславъ.

Но во время ихъ бесѣды вошли два галицкіе мужа, происходившіе «отъ племени смердьяго», Лазарь Домажиричъ и Иворъ Молибожичъ. Они поклонились хозяину до земли. Яковъ удивился и спросилъ, что за причина такого низкопоклонства.

«Я отдалъ имъ Коломыю»—сказалъ Доброславъ.

«Какъ же ты могъ отдать ее безъ княжаго повелѣнія? Вѣдь, коломыйскіе доходы великіе князья раздаютъ своимъ оружникамъ. А эти люди и Вотнина (села) не достойны держать.

«Что мнѣ отвѣчать на это»?—усмѣхнувшись отозвался галицкій намѣстникъ.

Весьма опечалился Даніилъ, когда Яковъ донесъ ему о всемъ видѣнномъ и слышанномъ; но выжидалъ удобнаго случая вновь сломить боярскую гордыню. Вожди крамольниковъ вскорѣ помогли ему собственными несогласіями. Доброславъ, желая погубить Григорія и одному всѣмъ распоряжаться, донесъ князю, что Григорій измѣнникъ. Князь позвалъ ихъ обоихъ къ себѣ. Они явились; но и тутъ не оставляли своей надменности. Такъ, Доброславъ прибылъ на конѣ въ одной

сорочкѣ, т. е. безъ верхняго платья; онъ ѣхалъ, высоко поднявъ голову, окруженный толпою Галичанъ, шедшихъ у его стремени. Оба боярина приносили жалобу другъ на друга, и говорили льстивыя рѣчи князю. Посовѣтовавшись съ братомъ Василькомъ, Данило воспользовался случаемъ: онъ приказалъ схватить обоихъ и посадить подъ стражу. Затѣмъ послалъ въ Бакоту своего печатника Кирилла съ отрядомъ войска, чтобы занять этотъ городъ, «исписать» грабительства бояръ и успокоить населеніе.

Но крамолы галицкихъ бояръ не прекращались. Они были опасны своими измѣнами въ особенности потому, что входили въ союзы или съ иными русскими князьями, или прямо съ внѣшними врагами Руси, болѣе же всего съ сосѣдними Уграми. Они вновь выставили противъ Даніила его племянника по сестрѣ и прежняго соперника по Галицкому столу Ростислава Михайловича Черниговскаго. Къ послѣднему пристали и мятежные князья Болоховскіе, которые не хотѣли подчиняться Даніилу. Ростиславъ подступилъ къ Бакотѣ; но печатникъ Кириллъ отразилъ его. Черниговскій князь попытался переманить печатника на свою сторону; а послѣдній сталъ усовѣщевать Ростислава и укорять его въ неблагодарности къ своимъ дядямъ, Даніилу и Васильку, которые еще недавно пріютили его съ отцомъ послѣ взятія Чернигова Татарами, когда черниговскіе князья тщетно искали убѣжища въ Угріи и Польшѣ. Напрасны были увѣщанія. Ростиславъ ушелъ собирать новыя силы, а Даніилъ обрушился на князей Болоховскихъ. Онъ и братъ его Василько во время Татарскаго нашествія оказали этимъ князьямъ защиту отъ Болеслава Мазовецкаго, который схватилъ ихъ и хотѣлъ ограбить, когда они искали убѣжища въ Мазовіи. По усильнымъ ихъ мольбамъ, Романовичи тогда горячо вступились за князей, и дѣло едва не дошло до войны. Василько самъ поѣхалъ къ Болеславу, просьбами и дарами склонилъ его отпустить князей съ миромъ. Послѣдніе теперь заплатили Даніилу черною неблагодарностію за его благодѣяніе. Онъ въ свою очередь побралъ и разорилъ ихъ города. Между тѣмъ Галичъ снова передался на сторону Ростислава; старый измѣнникъ бояринъ Володиславъ помогъ ему въ этомъ случаѣ, съ условіемъ, чтобы получить должность тысяцкаго въ стольномъ городѣ.

Самъ епископъ галицкій Артемій былъ въ согласіи съ боярами противъ Даніила. Перемышль также передался Ростиславу; ибо и Перемышльскій владыка былъ на его сторонѣ. Здѣсь засѣлъ пріятель Ростислава бѣглый рязанскій князь Константинъ. Но когда Данило и Василько приблизились съ войскомъ, Ростиславъ и епископъ Артемій бѣжали изъ Галича, укрѣпленія котораго, разоренныя Татарами, не были возстановлены. На Перемышль Данило послалъ своего дворскаго Андрея. И здѣсь Константинъ не сталъ ждать непріятелей; ночью онъ ускакалъ, такъ что посланная за нимъ погоня не могла его нагнать. Владыко Перемышльскій также бѣжалъ. Погоня захватила только его гордыхъ слугъ, которыхъ и разграбила, при чемъ разодраны были ихъ бобровые тулы (колчаны), барсуковыя и волчьи прилбицы (чахлы на шлемахъ). Схватили также и словутнаго пѣвца Митусю, который по гордости не захотѣлъ прежде служить князю Даніилу. Очевидно епископы галицкіе имѣли собственную конную дружину, и не были чужды олигархическихъ стремленій боярства; вѣроятно, какъ примѣръ угорскихъ и польскихъ магнатовъ не оставался безъ вліянія на привычки и притязанія галицкихъ бояръ, такъ примѣръ угорскихъ и польскихъ прелатовъ отразился на нѣкоторыхъ галицкихъ епископахъ.

Въ это самое время Татары возвращались изъ Угріи и на обратномъ пути въ степи вновь опустошили нѣкоторыя галицкія и волынскія мѣста; что прекратило на время борьбу Даніила и Василька съ Ростиславомъ (1243 г.). Послѣдній опять удалился къ угорскому королю Белѣ IV.

Послѣ татарскаго погрома король нѣсколько измѣнилъ свою политику. Прежде онъ надменно отказывалъ Ростиславу въ рукѣ своей дочери, теперь же старался обезопасить себя съ востока отъ новаго нашествія Татаръ союзомъ съ русскими и польскими князьями. Одну свою дочь, Кунигунду, онъ выдалъ за князя судомірскаго Болеслава Стыдливаго, а другую, Анну, за Ростислава Михайловича; при чемъ рѣшилъ помочь послѣднему въ его борьбѣ съ Даніиломъ Романовичемъ за Галицкое княженіе. Къ этому союзу присоединился и Болеславъ Стыдливый, ибо онъ враждовалъ съ своимъ дядею Конрадомъ Мазовецкимъ за старшій Краковскій столъ; а Да-

ніилъ и Василько помогали своему союзнику Конраду, и не разъ приходили воевать владѣнія Болеслава.

Рѣшительное столкновеніе двухъ сторонъ произошло въ 1245 году подъ городомъ Ярославлемъ, на берегахъ рѣки Сана. Столкновеніе это любопытно для насъ по своимъ подробностямъ, на которыя не поскупился волынскій лѣтописецъ.

Имѣя вокругъ себя галицкихъ дружинниковъ и получивъ сильные полки отъ короля Белы и Болеслава Стыдливаго, Ростиславъ подступилъ къ Ярославлю; но городъ былъ крѣпокъ, хорошо снабженъ самострѣлами и камнеметными орудіями или «пороками»; въ немъ начальствовали бояре, вѣрные Даніилу и Васильку. Убѣдясь въ необходимости начать правильную осаду, Ростиславъ отошелъ къ недалеко лежавшему Перемышлю, который опять передался на его сторону. Здѣсь онъ собралъ себѣ на помощь окрестныхъ жителей, запасся снарядами, нужными для осады, и, воротясь къ Ярославлю, занялся построеніемъ стѣнобитныхъ машинъ. Такъ какъ осажденные безпокоили его своими пороками, то онъ отодвинулъ лагерь далѣе отъ крѣпости, и окружилъ его валами и тыномъ. Не видя передъ собою противниковъ и вообразивъ, что Романовичи уклоняются отъ встрѣчи въ открытомъ полѣ, Ростиславъ началъ говорить разныя похвальбы, въ родѣ того, что знай онъ, гдѣ найдти Данила и Василька, то поѣхалъ бы на нихъ, хотя бы съ однимъ десяткомъ воиновъ. Между прочими затѣями, сокращавшими скучное время осады, князь устроилъ въ виду города военныя игры или турниръ, на которомъ состязались въ искусствѣ владѣть оружіемъ собравшіеся подъ его знаменами русскіе, польскіе и угорскіе витязи. Самъ Ростиславъ сразился на коняхъ съ молодымъ польскимъ воеводою Воржемъ, но неудачно: конь подъ нимъ упалъ, и князь вывихнулъ себѣ плечо. Случай этотъ сочтенъ недобрымъ знаменіемъ, и произвелъ дурное впечатлѣніе на войско. Но, благодаря ему, мы узнаемъ изъ русской лѣтописи, что военно-рыцарскія забавы того времени не были чужды русскимъ князьямъ и дружинникамъ, по крайней мѣрѣ югозападнымъ.

Между тѣмъ Данило и Василько не теряли времени: изготовляя собственное войско, они послали просить подмоги у

Конрада Мазовецкаго и Миндовга Литовскаго, на ту пору также ихъ союзника. Тотъ и другой исполнили просьбу; но помощь ихъ пришла уже по окончаніи дѣла. Романовичи двинулись на освобожденіе Ярославля отъ осады, отрядивъ напередъ дворскаго Андрея, чтобы извѣстить гражданъ о близкой помощи. Когда войско приблизилось къ Сану, оно остановилось въ полѣ и стало готовиться къ битвѣ; всадники сошли съ коней и надѣли брони; пѣхота также вооружилась (тяжелыя части вооруженія въ походѣ обыкновенно слѣдовали за войскомъ на возахъ). Въ это время надъ полками слетѣлась огромная стая орловъ и вороновъ, на подобіе большаго облака. Они начали играть, и подняли веселый крикъ; клекчущіе орлы красиво плавали въ воздухѣ, распластавъ свои крылья. Хищныя птицы конечно чуяли близкое пиршество; а начальники, ободряя воиновъ, толковали это явленіе добрымъ знаменіемъ. У Даніила былъ отрядъ Половцевъ; подъѣхавъ къ глубокому броду рѣки, они увидали на другомъ берегу стада, принадлежавшія непріятелямъ и никѣмъ не охраняемыя; но безъ княжаго повелѣнія не смѣли перейдти рѣку и захватить добычу, такъ что непріятели успѣли замѣтить опасность и угнали скотъ.

Даніло и Василько переправили рать, и тихо, но бодро пошли на Ростислава. Послѣдній съ своей стороны также приготовился къ битвѣ и двинулся на встрѣчу, оставивъ часть пѣхоты у городскихъ воротъ, чтобы воспрепятствовать вылазкѣ осажденныхъ и оборонить отъ нихъ осадныя орудія. Пересѣченная, лѣсистая мѣстность раздѣлила обѣ рати на части. Болеславовы Ляхи встрѣтились съ Василькомъ; а самъ Ростиславъ съ галицкими боярами и Уграми прошелъ какую-то глубокую дебрь и очутился противъ Даніила. Начальникъ передовой Даніиловой дружины храбрый дворскій Андрей стремительно ударилъ на Ростислава; поднялся копійный трескъ, и многіе всадники съ обѣихъ сторонъ попадали на землю. Двадцать отборныхъ мужей посланы на помощь Андрею; но его малочисленному отряду приходилось уже плохо, когда подоспѣлъ Даніилъ съ главными силами, и напалъ на большой полкъ Ростислава. Этимъ полкомъ, состоявшимъ изъ Угровъ, начальствовалъ извѣстный ихъ воевода Фильній; онъ стоялъ подъ хоругвію и ободрялъ

своихъ словами: «Русь храбра только въ началѣ боя; стерпимъ первый ихъ натискъ, и они не долго будутъ выдерживать сѣчу». Дѣйствительно Угры выдержали первый ударъ. Одинъ изъ главныхъ русскихъ воеводъ, Шелвъ, былъ сбитъ съ коня; юный Левъ Даниловичъ, порученный охранѣ одного изъ Васильковыхъ бояръ, изломалъ свое оружіе о доспѣхи Фильнія; самъ Данило едва не захваченъ въ плѣнъ. Но онъ пробился назадъ и потомъ съ новой энергіей ударилъ на Фильнія, разстроилъ его полкъ и разорвалъ пополамъ его хоругвь. Угры побѣжали; вмѣстѣ съ ними побѣжалъ и Ростиславъ. Съ вывихнутымъ плечомъ онъ не могъ подавать надлежащій примѣръ въ битвѣ, потерялъ въ ней своего коня, и спасеніемъ обязанъ одному угорскому боярину Лаврентію, который уступилъ ему своего собственнаго.

Данило преслѣдовалъ непріятелей черезъ туже глубокую дебрь. Но онъ безпокоился о братѣ своемъ Василькѣ, ибо видѣлъ только, какъ Ляхи храбро наступали на него, громко возглашая обычный *керлешь* (т. е. Киріе элейсонъ, или Господи помилуй), и затѣмъ упустилъ его изъ виду. Но вдругъ, выходя изъ дебри, онъ усмотрѣлъ побѣдно развѣвавшуюся хоругвь своего брата и дружину его, гнавшую Ляховъ. Послѣдніе, вступая въ битву, по обычаю времени, осыпали противниковъ насмѣшками, и кричали другъ другу: «погонимъ, погонимъ на великія бороды». Ихъ насмѣшки еще болѣе возбудили мужество Русскихъ. «Вашъ глаголъ есть ложь! Богъ намъ помощникъ!»—воскликнулъ Василько, пришпорилъ коня, и съ такою силою ударилъ на враговъ, что они держались недолго, и побѣжали. Данiилъ сталъ подъ городомъ на могильномъ курганѣ, и здѣсь дожидался брата. Онъ хотѣлъ продолжать преслѣдованіе враговъ; но Василько отсовѣтовалъ, потому что наступала ночь. Въ числѣ плѣнныхъ находился и самъ надменный Фильній, котораго захватилъ дворскій Андрей; а воевода Жирославъ схватилъ извѣстнаго галицкаго измѣнника, боярина Владислава. Оба они, Фильній и Владиславъ, были тотчасъ умерщвлены по приказу Даніила; многіе плѣнные Угры также были избиты. До такой степени дошло ожесточеніе, которое вызвали измѣнники бояре и ихъ угорскіе союзники, губившіе Русскую землю, и столь великодушный князь какъ Данило далъ полную волю своей мести.

Битва происходила наканунѣ праздника Фрола и Лавра, слѣдовательно 17 августа. Не входя въ городъ, Даніилъ, Василько и Левъ остановились въ полѣ въ знакъ своей побѣды. Всю ночь воины съ шумомъ и кликомъ забирали плѣнныхъ и добычу какъ на полѣ сраженія, такъ и въ укрѣпленномъ непріятельскомъ станѣ.

Ярославская битва окончательно утвердила Червонную Русь за Даніиломъ Романовичемъ: присмирѣло и само крамольное боярство. Это было послѣднее покушеніе на Галичъ со стороны Ростислава Михайловича, послѣднее столкновеніе Ольговичей съ Мономаховичами. Ростиславъ и его отецъ, Михаилъ Всеволодовичъ, по своему характеру и по своей дѣятельности заключаютъ собою рядъ наиболѣе крупныхъ представителей энергичнаго и предпріимчиваго рода Черниговскихъ Ольговичей. Съ небольшимъ черезъ годъ послѣ того престарѣлый отецъ стяжалъ себѣ славу христіанскаго мученика въ ордѣ Батыевой. А сынъ провелъ остатокъ своей жизни вдали отъ родины, но впрочемъ посреди родственнаго славянскаго народа. Тесть его король угорскій Бела далъ ему въ удѣлъ зависимое отъ Угріи княженіе Мачву; то была часть Сербской земли на правой сторонѣ Савы и Дуная, съ лежащимъ при ихъ сліяніи стольнымъ Бѣлградомъ. ([63]).

Однако Даніилу не пришлось воспользоваться славою своей побѣды, чтобы спокойно владѣть Галиціей. Неопредѣленныя отношенія Галицко-Волынской Руси къ татарскимъ завоевателямъ послѣ ихъ возвращенія изъ Угріи долѣе не могли продолжаться. Тщетно Даніилъ медлилъ послѣдовать примѣру сѣверо-восточныхъ князей и не ѣхалъ самъ въ Орду выпрашивать у хана ярлыкъ на свои волости. Въ томъ же 1245 году пришло отъ Батыя грозное слово: «Дай Галичъ». Сильно опечалило князя это требованіе. Сопротивленіе тѣмъ болѣе представлялось невозможнымъ, что укрѣпленія галицкихъ городовъ большею частію не были возстановлены. Подумавъ вмѣстѣ съ братомъ Василькомъ, Даніилъ рѣшился на время покориться и ѣхать къ Батыю. Усердно помолясь Богу, онъ отправился въ путь. Доѣхавъ до Кіева, онъ былъ принятъ тамъ намѣстникомъ Ярослава Всеволодовича бояриномъ Димитріемъ Эйковичемъ. Въ Михайловскомъ Выдубецкомъ мо-

настырѣ онъ собралъ братію съ игуменомъ и попросилъ отслужить напутственный молебенъ. Тутъ же сѣлъ въ ладью и поплылъ къ Переяславлю. Тамъ уже встрѣтили его Татары и проводили къ темнику Куремсѣ. Пришлось подвергаться тѣмъ унизительнымъ церемоніямъ, съ которыми татарскіе воеводы принимали побѣжденныхъ владѣтелей. Когда князь прибылъ на Волгу въ Золотую Орду, къ нему явился одинъ изъ слугъ Ярослава Всеволодовича, и сказалъ: «братъ твой Ярославъ кланялся огню, и тебѣ кланяться». «Дьяволъ говоритъ твоими устами», отвѣчалъ князь. Позвали его къ Батыю, провели сквозь очистительные огни, ввели въ ханскій шатеръ и поставили на колѣна. Ханъ видимо былъ доволенъ покорностію такого знаменитаго, сильнаго князя, и хотѣлъ привязать его знаками благоволенія.

«Данило!—велѣлъ онъ сказать ему—почему давно не приходилъ? Хорошо, что теперь пришелъ. Пьешь ли наше питье, кобылій кумысъ?»

«До сихъ поръ не пилъ; а нынѣ, если велишь, выпью».

«Ты ужъ теперь нашъ, Татаринъ. Пей наше питье».

Даніилу подали кумысъ. Воздавъ установленное поклоненіе Батыю, онъ отправился на поклонъ къ главной женѣ его. Та оказала ему почетъ: прислала чюмъ (мѣхъ) съ виномъ и велѣла сказать: «Вы не привыкли пить нашъ кумысъ, пей вино».

25 дней Батый продержалъ Даніила въ Ордѣ; за тѣмъ милостиво отпустилъ, утвердивъ за нимъ отцовскія владѣнія, конечно съ обязательствомъ платить дань и выставлять вспомогательное войско. Тяжела показалась гордому русскому князю ханская милость, послѣ того какъ пришлось унижаться передъ варваромъ, становиться передъ нимъ на колѣна и называться его холопомъ. Съ той поры сверженіе ига сдѣлалось его завѣтною мечтою.

Однако подчиненіе Даніила Батыю повидимому сдѣлало Галицкаго князя еще могущественнѣе въ глазахъ его сосѣдей; ибо онъ могъ отнынѣ имѣть противъ нихъ татарскую помощь. По крайней мѣрѣ Бела Угорскій, находившійся во враждѣ съ Даніиломъ изъ-за Ростислава Михайловича, теперь самъ у него сталъ заискивать, и самъ предложилъ для его сына Льва руку своей дочери, въ которой прежде отка-

зывалъ. Данило сначала не хотѣлъ мириться съ Белою, бывъ нѣсколько разъ имъ обманутъ. Тотъ прибѣгъ къ посредству русскаго митрополита Кирилла II, которому случилось тогда для своего поставленія ѣхать въ Грецію кружнымъ путемъ чрезъ Угрію; такъ какъ прямой путь Днѣпромъ въ Черное море былъ не безопасенъ отъ Татаръ. Митрополитъ дѣйствительно примирилъ Даніила съ Белою. Послѣдній выдалъ дочь свою Констанцію за Льва; а первый возвратилъ угорскихъ бояръ и воиновъ, плѣненныхъ въ битвѣ подъ Ярославлемъ. Съ этого времени тѣсный ихъ союзъ продолжался почти до самой смерти Даніила. Мало того, такой союзъ повелъ за собою дѣятельное участіе галицкаго князя въ событіяхъ Средней Европы и едва не вовлекъ Галицію въ систему государствъ западно-славянскихъ.

Поводомъ къ этому участію послужилъ вопросъ объ Австрійскомъ наслѣдствѣ, т. е. вопросъ о томъ, кому должны были достаться герцогства Австрія и Штирія, когда тамъ смертію Фридриха II прекратилась мужская линія дома Бабенбергеровъ (1245). Въ числѣ соискателей сего наслѣдства былъ угорскій король Бела IV. Но императоръ германскій (Фридрихъ II) занялъ Вѣну своимъ намѣстникомъ и вообще принялъ въ свое распоряженіе герцогство Австрійское, какъ ленъ имперіи. Бела прислалъ къ Даніилу просить помощи противъ императора, и тотъ дѣйствительно привелъ свое войско. Свиданіе произошло въ городѣ Пожогѣ, гдѣ находились тогда король и послы императорскіе. Вмѣстѣ съ этими послами Бела вышелъ на встрѣчу Даніилу. Нѣмцы съ любопытствомъ и удивленіемъ смотрѣли на русскіе полки, которые шли бодро, блистая своими доспѣхами и оружіемъ; кони ихъ были покрыты затѣйливой ременной сбруей. Самъ Данило ѣхалъ подлѣ короля, на великолѣпномъ конѣ, одѣтый по обычаю русскихъ князей: на немъ былъ кожухъ изъ дорогой греческой ткани (оловира), обшитый по краямъ и на груди золотою тесьмою; сѣдло, колчанъ со стрѣлами и сабля были искусной работы, изукрашеные чистымъ золотомъ; сапоги изъ зеленаго сафьяна, также съ золотымъ шитьемъ. Король такъ былъ доволенъ, что сказалъ Даніилу: «и отъ тысячи серебра отказался бы за то только, что ты пришелъ ко мнѣ *по русскому обычаю*». Повидимому дѣло не дошло до

битвы, и Данило на этотъ разъ мирно воротился домой. Вопросъ объ Австрійскомъ наслѣдствѣ оставался нерѣшеннымъ до смерти императора Фридриха II Гогенштауфена. Его рѣшили сами земскіе чины Австріи, которые всѣмъ соискателямъ предпочли маркграфа Моравіи Пшемысла Оттокара, сына короля чешскаго Венцеля (въ 1251 г.). Чтобы укрѣпить за собою это избраніе наслѣдственнымъ правомъ, молодой Оттокаръ женился на сестрѣ покойнаго герцога Маргаритѣ, пожилой вдовѣ, и принялъ во владѣніе Австро-Штирійское герцогство. Но между тѣмъ угорскій король объявилъ прямою наслѣдницею племянницу покойнаго герцога Гертруду, и устроилъ такъ, что она отказалась отъ своихъ правъ въ его пользу. Отсюда возникла борьба между Белою и Оттокаромъ, въ которой Даніилъ Галицкій продолжалъ помогать своему свату и союзнику, королю Угорскому.

Чтобы рѣшительнѣе противупоставить Чешскому королю Галицкаго князя, Бела предложилъ Даніилу женить его втораго сына Романа на Гертрудѣ, уже двукратно овдовѣвшей, и вмѣстѣ съ нею получить право на Австрійское герцогство. Даніилъ, и безъ того наклонный къ западнымъ связямъ, позволилъ увлечь себя этимъ, казалось, выгоднымъ для него предложеніемъ. Слѣдствіемъ такого брака былъ походъ Даніила на Чеховъ вмѣстѣ съ другимъ союзникомъ Белы и зятемъ его Болеславомъ Стыдливымъ Краковскимъ въ 1253 году. Союзники вступили въ Моравію и дошли до Опавы (Троппау); но подъ этимъ городомъ потерпѣли неудачу, и ушли назадъ, успѣвъ только варварски разорить страну на своемъ пути. Волынскій лѣтописецъ слагаетъ вину отступленія отъ Опавы то на Ляховъ, показавшихъ слишкомъ мало мужества, то на глазную болѣзнь Даніила, которою тотъ все время страдалъ, такъ что плохо видѣлъ. Онъ простодушно восхваляетъ своего князя за то, что тотъ ради славы и своего союзника воевалъ землю Чешскую; чего не дѣлалъ никто изъ его предковъ, ни Святославъ Храбрый, ни Владиміръ Святой. (Книжникъ забылъ походы Владиміра Мономаха и Олега Святославича съ Болеславомъ Смѣлымъ на Чеховъ въ 1076 г.). Конечно, ни самъ русскій князь, ни его лѣтописецъ не сознавали всей несправедливости этой братоубійственной помощи Униграмъ противъ Чеховъ. Но извѣстно, что большин-

ство славянскихъ государей въ то время не отличалось дальновидною политикой, и ихъ союзы съ иноземцами противъ своихъ же соплеменниковъ были частымъ явленіемъ. Съ своей стороны Бела, желавшій пріобрѣсти Австрію для себя лично, весьма мало заботился объ исполненіи своихъ обѣщаній Даніилу, и, когда Романъ Даниловичъ былъ осажденъ Оттокаромъ въ городѣ Нейбургѣ (близъ Вѣны), угорскій король оставилъ его безъ всякой помощи, такъ что Романъ принужденъ былъ тайкомъ выбраться изъ города и уѣхать въ Галицію (64).

Родство и тѣсное сближеніе съ западными сосѣдями, т. е. угорскими и польскими государями, частое ихъ посѣщеніе съ самаго дѣтства, большую часть котораго Даніилъ провелъ при ихъ дворахъ—все это не могло остаться безъ вліянія на его отношенія къ католической пропагандѣ, никогда не покидавшей своей завѣтной цѣли: церковнаго подчиненія Руси папскому престолу. Между тѣмъ, со времени понесеннаго униженія въ Ордѣ и наложенія тяжкихъ даней, симпатіи Даніила къ Западу естественно должны были усилиться. Только отсюда сталъ онъ ожидать помощи своему намѣренію свергнуть постыдное иго. Особенно съ той поры, когда попытка его зятя Андрея Всеволодовича Суздальскаго была подавлена, и восточная Русь еще глубже впала въ Татарское рабство, Даніилъ сдѣлался еще болѣе доступенъ мысли о церковномъ подчиненіи папѣ, который по отношеніямъ и понятіямъ того времени только одинъ могъ подвигнуть европейскихъ государей и рыцарство на новые крестовые походы противъ восточныхъ варваровъ. Первая попытка папы Иннокентія IV завязать съ галицко-волынскими князьями переговоры о соединеніи церквей была сдѣлана тѣмъ самымъ монахомъ Плано Карпини, который былъ посланъ папою къ Монгольскому хану. Мы видѣли, что Василько Романовичъ пока уклонился отъ этихъ переговоровъ, ссылаясь на отсутствіе своего брата Даніила. Послѣдній по возвращеніи своемъ изъ Орды не замедлилъ отозваться на папскую грамоту, и отправилъ посломъ въ Римъ одного изъ русскихъ игуменовъ для переговоровъ о борьбѣ съ Татарами и единеніи церквей. Обрадованный тѣмъ, Иннокентій IV отвѣчалъ цѣлымъ рядомъ лестныхъ для русскаго князя посланій, въ которыхъ имено-

валъ его королемъ, обѣщалъ ему, его брату и сыну покровительство апостола Петра; а вмѣстѣ съ тѣмъ спѣшилъ принять мѣры, чтобы ускорить подчиненіе себѣ Галицко-Волынской церкви. Такъ онъ назначилъ двухъ миссіонеровъ, доминиканскаго монаха Алексія съ товарищемъ, для постояннаго пребыванія при дворѣ Даніила; архіепископу Пруссіи и Эстоніи поручилъ быть своимъ легатомъ въ Россіи; а Даніила просилъ пользоваться его совѣтами. Чтобы облегчить возсоединеніе Русской церкви съ Римскою, онъ далъ разрѣшеніе русскимъ епископамъ и пресвитерамъ совершать службу на заквашенныхъ просфорахъ; кромѣ того по просьбѣ Даніила запретилъ нѣмецкимъ крестоносцамъ и латинскимъ духовнымъ лицамъ пріобрѣтать имѣнія въ областяхъ Русскаго князя безъ его дозволенія, и призналъ законнымъ новое супружество его брата Василька Волынскаго съ своею родственницею (какою-то княжною Дубровскою). Такимъ образомъ, когда въ 1247 году Плано Карпини, возвращаясь изъ великой Орды, вновь проѣзжалъ чрезъ владѣнія Даніила, сношенія послѣдняго съ папой уже имѣли весьма дѣятельный, дружескій характеръ. Даніилъ и Василько усердно угощали папскаго посла, и продержали его у себя восемь дней; если вѣрить его запискамъ, они въ это время созвали родъ собора изъ своихъ епископовъ, игумновъ и бояръ, который разсуждалъ о предложеніяхъ папскихъ и будто бы единодушно заявилъ Карпини о желаніи имѣть папу своимъ владыкой и отцемъ; послѣ чего князья отправили къ папѣ новое посольство.

Возможно, что надежда или лучше сильное желаніе получить помощь противъ Татаръ заставили и часть самаго русскаго духовенства склониться на убѣжденія Даніила и благодушно относиться къ мысли объ уніи съ Римскою церковію. Галицко-волынское духовенство, по давнему и близкому сосѣдству съ католическими землями, могло менѣе чѣмъ какое другое въ Россіи оказать сопротивленія въ этомъ дѣлѣ. Но нѣтъ сомнѣнія, что была и здѣсь партія людей строго православныхъ и нехотѣвшихъ подчиниться Риму. Даніилъ очевидно хитрилъ, тянулъ переговоры и не спѣшилъ открытымъ присоединеніемъ къ Римской церкви, выжидая, чѣмъ разрѣшится вопросъ о помощи противъ Татаръ. Скоро обнаружилось, что всѣ благодѣянія Рима сводятся къ королевскому титулу,

который папа предлагалъ Даніилу. Послѣдній пока отказался отъ этой чести, говоря: «Татарская рать не перестаетъ угнетать насъ: что же я приму вѣнецъ, не имѣя отъ тебя нужной помощи?» Но помощь не являлась. Даніилъ началъ холодно относиться къ папскимъ посланіямъ и ласкательствамъ, оставлялъ ихъ безъ отвѣта и даже выгналъ изъ своихъ владѣній присланнаго вторично латинскаго епископа. Но свояк͡ъ его угорскій король Бела, вовлекши Даніила въ вопросъ объ Австрійскомъ наслѣдствѣ, постарался помирить его съ папою. Тогда сношенія съ Римомъ возобновились.

Въ 1253 году, когда Даніилъ возвращался изъ Чешскаго похода съ Болеславомъ Стыдливымъ, онъ дорогою остановился у послѣдняго въ Краковѣ; здѣсь явились къ нему послы Иннокентія IV съ папскимъ благословеніемъ, съ королевскою короною и съ обѣщаніемъ подмоги противъ Татаръ. «Непристойно намъ видѣться съ вами въ чужой землѣ», отвѣчалъ имъ Даніилъ. Побуждаемые папскими послами, князья польскіе Болеславъ Стыдливый и Семовитъ Мазовецкій (сынъ умершаго въ 1247 г. Конрада), также и бояре ихъ поддержали папскія настоянія на томъ, чтобы Даніилъ торжественно короновался вѣнцемъ королевскимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, ввелъ бы у себя унію. Даже мать Даніила присоединилась къ этимъ просьбамъ. Галицкій князь и самъ не былъ равнодушенъ къ королевскому вѣнцу; но онъ очевидно не хотѣлъ ради одного титула пожертвовать независимостью Русской церкви. Наконецъ онъ далъ свое согласіе, но повидимому съ условіемъ, чтобы папа предоставилъ вопросъ объ уніи обсужденію особаго духовнаго собора; слѣдовательно опять выгадывалъ время, отлагая установленіе уніи до полученія помощи противъ Татаръ. Въ Галицію прибылъ папскій легатъ Опизъ, и совершилъ обрядъ королевскаго вѣнчанія надъ Даніиломъ въ городѣ Дрогичинѣ (въ концѣ 1253 г. или въ началѣ 1254 г.), гдѣ находился тогда послѣдній, отправляясь въ походъ на Ятвяговъ.

Между тѣмъ Иннокентій IV дѣйствительно въ томъ же 1253 году велѣлъ проповѣдывать крестовый походъ противъ Татаръ жителямъ Богеміи, Моравіи, Сербіи (Лужицкой) и Помераніи, а въ слѣдующемъ году поручилъ къ тому же

возбуждать рыцарей Прусскаго и Ливонскаго орденовъ. Но эти воззванія оставались безплодны и обнаружили только упадокъ папскаго авторитета. Притомъ невозможно было и ожидать, чтобы жители отдаленныхъ областей стали усердствовать въ борьбѣ съ Татарами; тогда какъ они имѣли ближайшихъ враговъ. Рыцари орденовъ Тевтонскаго и Ливонскаго имѣли довольно дѣла съ туземными язычниками и особенно съ усилившимися литовскими князьями. Болѣе сильные и болѣе естественные союзники Руси противъ Татаръ были бы Угры, Поляки и отчасти Чехи; но польскіе князья кромѣ частыхъ войнъ съ Ятвягами и Литовцами были заняты своими взаимными спорами и междоусобіями. А короли Угорскій и Чешскій тратили свои силы въ борьбѣ за Австрійское наслѣдство. Иннокентій IV хотя не одобрялъ этой борьбы, въ которой держалъ сторону Оттокара, но не имѣлъ настолько вліянія, чтобы воздержать Белу. Послѣдній же, какъ мы видѣли, вовлекъ въ нее часть Поляковъ и самого Даніила Романовича. Галицкій князь, увлекшійся честолюбивыми видами на водвореніе своего дома въ Австріи и надѣявшійся имѣть въ угорскомъ королѣ сильнаго союзника противъ Татаръ, увидалъ наконецъ, что всѣ эти расчеты оказались ошибочны и что самъ онъ на западѣ тратилъ для чуждаго дѣла свои средства, необходимыя противъ его собственныхъ враговъ на востокѣ. Къ тому же Иннокентій IV, посвящавшій большое вниманіе отношеніямъ къ Татарамъ, умеръ въ концѣ 1254 года; а преемникъ его Александръ IV мало заботился объ этихъ отношеніяхъ, будучи поглощенъ своею борьбою съ Манфредомъ Гогенштауфеномъ, сыномъ императора Фридриха II и наслѣдникомъ его Итальянскихъ владѣній.

Въ виду такихъ обстоятельствъ, Даніилъ Романовичъ конечно и не думалъ исполнять папскія настоянія относительно уніи Западнорусской церкви съ Латинской, и совсѣмъ прервалъ свои сношенія съ Римской куріей; впрочемъ королевскій титулъ удержалъ за собою. Тщетно Александръ IV посылалъ ему укорительныя грамоты и отечески увѣщевалъ возвратиться подъ сѣнь Апостольскаго престола. Очевидно вся эта затѣя объ уніи со стороны Даніила была только дѣломъ ловкой политики, и едва ли онъ относился къ ней серьёзно ([63]).

Подобные примѣры неудавшейся уніи были и прежде. Такъ въ началѣ того же XIII вѣка болгарскій царь Калоянъ обязался передъ папою Иннокентіемъ III ввести унію, имѣя нужду въ союзѣ съ Римомъ, и получилъ отъ папы также королевскую корону; но впослѣдствіи уклонился отъ уніи. Потомъ современникъ Даніила византійскій императоръ Михаилъ Палеологъ, возстановитель Греческой имперіи, тоже затѣвалъ унію изъ политическихъ видовъ, какъ дѣлали позднѣйшіе его преемники во время опасности, грозившей отъ Турокъ. Но латинство не любило помогать православію въ борьбѣ съ варварами. Иногда оно являлось даже союзникомъ магометанъ противъ православныхъ народовъ. (Чему примѣръ мы видѣли и въ наши дни).

Между тѣмъ Югозападная Русь успѣла нѣсколько отдохнуть отъ Батыева погрома. Даніилъ и Василько дѣятельно укрѣпляли города и привлекали поселенцевъ изъ сосѣднихъ земель. Благодаря плодородной почвѣ и довольно развитой промышленности, стали заживать раны Галицко-Волынской Руси. Она снова почувствовала свою силу. Даніилъ, украшенный теперь королевскимъ титуломъ, хотя и обманутый надеждою на крестовые походы противъ Татаръ, сталъ однако дѣйствовать рѣшительнѣй. Съ одной стороны его ободряли слабость и неспособность ближайшаго татарскаго темника Куремсы; съ другой извѣстіе о смерти Батыя и преувеличенный слухъ о нѣкоторыхъ замѣшательствахъ въ самой Ордѣ также побуждали къ болѣе энергичнымъ дѣйствіямъ. Такимъ образомъ, когда Татары стали распространяться по Понизью и баскакъ татарскій вздумалъ завладѣть главнымъ его городомъ Бакотою, Даніилъ послалъ съ войскомъ своего сына Льва, который отнялъ у нихъ Бакоту и взялъ въ плѣнъ баскака. Куремса подступилъ было къ Кременцу, но не могъ его взять. Тогда же одинъ изъ сѣверскихъ князей, Изяславъ Владиміровичъ (внукъ героя Слова о Полку Игоревѣ), съ соизволенія Куремсы завладѣлъ было Галичемъ. Даніилъ послалъ на него сына Романа. Такъ какъ стольный городъ оставался неукрѣпленнымъ послѣ Батыева разоренія; то Изяславъ подобно угорскому королевичу (Коломану) заперся было съ своей дружиной на верху соборнаго храма Богороди-

цы; но на четвертый день принужденъ былъ сдаться отъ жажды.

Начавъ такимъ образомъ открытую борьбу съ Татарами, Даніилъ поспѣшилъ усилить себя союзомъ съ недавнимъ своимъ врагомъ, именно съ литовскимъ княземъ Миндовгомъ, который также ради политическихъ видовъ призналъ себя сыномъ католической церкви и получилъ отъ папы королевскій вѣнецъ, а потомъ разорвалъ съ нимъ свои сношенія. Общая опасность отъ Татаръ сблизила Даніила съ Миндовгомъ, и союзъ свой они скрѣпили бракомъ младшаго сына Даніилова Шварна на дочери Миндовга; а другой сынъ Даніила, упомянутый выше Романъ, получилъ отъ Миндовга въ удѣлъ Новгородокъ Литовскій съ нѣкоторыми другими городами.

Ободренный первымъ успѣхомъ обороны противъ Татаръ, Галицкій король въ 1257 году вмѣстѣ съ братомъ Василькомъ и сыновьями своими самъ началъ противъ нихъ наступательное движеніе, и отнялъ у нихъ волынскіе города, лежавшіе на верховьяхъ южнаго Буга и Случи, которыми Татары владѣли непосредственно; взялъ землю Болоховскую и распространилъ свои завоеванія на Кіевскую землю по рѣкѣ Тетереву. Между прочимъ онъ сжегъ городъ Возвяглъ на Случѣ (нынѣ Новгородъ Волынскій); а жителей его раздѣлилъ между братомъ и сыновьями за то, что они сначала поддались было Даніилу и приняли тивуна отъ его сына Шварна, но не дали ему тивунить и заперли свои ворота передъ Галицкимъ королемъ. Любопытно, что въ эту смутную эпоху нашлись города, предпочитавшіе непосредственную зависимость отъ Татаръ господству Русскаго князя. Вѣроятно, Татары, кочевавшіе не подалеку отъ тѣхъ мѣстъ, обложивъ эти украйные города извѣстною данью и пощадивъ отъ новыхъ разореній за ихъ покорность, на первое время не вмѣшивались въ ихъ внутреннія дѣла, т. е. предоставляли имъ самоуправленіе; а жители или боялись навлечь новые татарскіе погромы, подчинившись возмутившемуся противъ Татаръ государю, или легкомысленно считали возможнымъ процвѣтаніе подъ непосредственною татарскою зависимостію, при отсутствіи княжескихъ тіуновъ и другихъ нелюбимыхъ чиновниковъ древней Руси.

У Возвягла къ отцу, дядѣ и братьямъ своимъ пришелъ Романъ Даниловичъ изъ Новгородка вмѣстѣ съ литовскою помощію отъ Миндовга. Но она явилась поздно: уже городъ былъ сожженъ и жители выведены. Хищные Литовцы, по замѣчанію волынскаго лѣтописца, «какъ псы» начали рыскать по обгорѣлому городищу, и, не находя никакой добычи, вопили: «Янда! Янда!», призывая своихъ боговъ, Андая и Диверикса. Чтобы вознаградить себя, они на обратномъ пути принялись грабить окрестности Луцка; но тутъ напали на грабителей нѣкоторые воеводы Даніила и большую часть ихъ истребили; при чемъ палъ и воевода ихъ Хвалъ.

Когда Данило и Василько воротились домой и распустили на отдыхъ свою рать, робкій Куремса рѣшился наказать ихъ за возстаніе и внезапно явился подъ Владиміромъ Волынскимъ. Однако онъ былъ отбитъ гражданами, и затѣмъ пошелъ на Луцкъ. Здѣсь Татары поставили порокъ или камнеметное орудіе; но поднялся такой противный вѣтеръ, что камни падали почти на самихъ осаждающихъ; наконецъ и самое орудіе сломалось. Куремса безъ всякаго успѣха ушелъ въ степь, не дожидаясь Даніила и Василька, которые собирали противъ него свои силы (1259). Онъ не съумѣлъ воспользоваться тѣмъ смятеніемъ и переполохомъ, которые произошли по случаю пожара въ Холмѣ. Во время появленія Татаръ у Владиміра Волынскаго, мѣстопребываніе Даніила, городъ Холмъ загорѣлся отъ неосторожности одной простой женщины; пожаръ испепелилъ весь городъ. Пламя было такъ сильно, что ночью его видѣли изъ дальнихъ мѣстъ. Жители ихъ подумали, что Холмъ уже взятъ и зажженъ Татарами; повсюду распространился ужасъ; народъ во множествѣ спасался въ лѣса и дебри, такъ что Даніилъ и Василько долго не могли собрать достаточно войска, чтобы идти на Куремсу. Сгорѣвшій Холмъ и храмы его были вновь отстроены Даніиломъ; при чемъ онъ создалъ и украсилъ новый храмъ во имя Богородицы. Только высокой, бѣлой вежи онъ не успѣлъ возобновить, потому что много было ему тогда хлопотъ съ постройкою и укрѣпленіемъ разныхъ городовъ, на случай новаго татарскаго нашествія. И нашествіе это не замедлило.

Съ утвержденіемъ Кубилая въ великой Ордѣ улеглись смуты на востокѣ, и тогда ханъ Беркай могъ свободно заняться

татарскими дѣлами на западѣ. Онъ отозвалъ Куремсу, а на его мѣсто прислалъ съ новыми полчищами стараго Бурундая, извѣстнаго военачальника Батыева. Опытный Бурундай прежде всего постарался перессорить Галицкаго короля съ Миндовгомъ, союзъ которыхъ и безъ того не былъ прочень. Сначала онъ обратился на послѣдняго, а къ Даніилу послалъ приказаніе идти вмѣстѣ съ нимъ на Литву. Смутился король Галицкій, и началъ совѣтоваться съ своимъ братомъ и неизмѣннымъ другомъ Василько. Такъ какъ ѣхать къ Татарамъ самому Даніилу значило бы отдать себя въ ихъ руки, то порѣшили, чтобы вмѣсто него поѣхалъ братъ съ галицкой дружиной. Даніилъ проводилъ Василька до Берестья; въ ближнемъ городкѣ Мельникѣ была икона Спаса Избавника; король усердно молился ей, и далъ обѣтъ богато украсить икону, если братъ благополучно воротится. Василько началъ усердно воевать Литву, чѣмъ и заслужилъ одобреніе Бурундая; хотя послѣдній былъ недоволенъ тѣмъ, что Даніилъ не явился лично. Татаринъ достигъ своей цѣли: Литва была разгромлена, и между бывшими союзниками возникла отсюда жестокая вражда. Въ слѣдующемъ году онъ явился снова.

Король Галицкій съ сыновьями Львомъ и Шварномъ и съ боярами своими пировалъ во Владимірѣ Волынскомъ у брата Василька на свадьбѣ его дочери съ однимъ удѣльнымъ княземъ, когда пришли гонцы отъ Бурундая съ словами: «встрѣтьте меня, если вы мирны со мною; а кто не встрѣтитъ, тотъ со мною ратенъ». Опять сильно смутились Галицко-Волынскіе князья, хорошо понимавшіе, къ чему вела эта встрѣча. Собственными силами сопротивляться было бы безполезно; помощи ждать было не откуда. А наиболѣе сильный союзникъ Даніила, король угорскій Бела IV, на ту пору, еслибы и пожелалъ, то едва ли могъ оказать серьезную помощь своему свату. Не далѣе какъ за годъ передъ тѣмъ онъ для рѣшенія въ свою пользу все того же вопроса объ Австрійскомъ наслѣдствѣ собралъ большое войско, призвалъ на помощь нѣкоторыхъ польскихъ князей, нанялъ половецкіе и даже татарскіе отряды. Но, что всего замѣчательнѣе, Даніилъ Романовичъ снова позволилъ увлечь себя въ это предпріятіе и снова неразумно тратилъ свои средства на чуждое дѣло. Есть извѣстіе, что онъ съ своей дружиной

тоже находился въ составѣ угорскаго войска, когда произошла знаменитая битва съ чешскимъ королемъ Оттокаромъ на берегахъ Моравы (въ іюлѣ 1260 г.), битва, окончившаяся пораженіемъ Угровъ и ихъ союзниковъ. Разгромъ былъ такъ великъ, что въ письмѣ своемъ къ папѣ Оттокаръ утверждаетъ, будто онъ могъ тогда завладѣть всѣмъ Угорскимъ королевствомъ, но предпочелъ заключить миръ, оставивъ это королевство какъ необходимый оплотъ Европы противъ Татаръ. Такимъ образомъ не только Угорскій король еще не успѣлъ собраться съ силами послѣ разгрома, но и главнѣйшіе польскіе князья тоже были ослаблены этою битвою; ибо они принимали въ ней участіе, одни на сторонѣ Оттокара, другіе на сторонѣ Белы. Слѣдовательно вмѣсто пріобрѣтенія помощи противъ Татаръ, Даніилъ только потерялъ часть своей рати на берегахъ Моравы. Такимъ образомъ это братоубійственное сраженіе принесло непосредственную пользу варварамъ; а старый Бурундай конечно имѣлъ нужныя ему свѣдѣнія о событіяхъ и положеніи христіанскихъ народовъ Средней Европы.

Подумавъ между собою, братья Романовичи рѣшили, чтобы Даніилъ снова уклонился отъ поѣздки къ Татарскому воеводѣ, а вмѣсто себя послалъ съ братомъ старшаго сына Льва и епископа Холмскаго Ивана. Они встрѣтили Татарина у города Шумска съ богатыми дарами. На этотъ разъ Бурундай принялъ ихъ весьма гнѣвно за то, что Даніилъ опять не пріѣхалъ лично. «Если вы мирны со мной, сказалъ онъ, то размечите всѣ свои города» (т. е. городскія стѣны). Татаринъ хорошо понималъ значеніе и силу этихъ укрѣпленій противъ степныхъ наѣздниковъ. Дѣлать было нечего; Василько и Левъ, находясь въ рукахъ Татаръ, рѣшили исполнить требованіе, хотя бы и не вполнѣ. Левъ послалъ разорить стѣны нѣкоторыхъ галицкихъ городовъ, въ томъ числѣ Даниловъ и свой стольный городъ Львовъ; а Василько велѣлъ разрушить волынскія мѣста Кременецъ и Луцкъ; вѣроятно эти города, отбившіе нападеніе Куремсы, обратили на себя особое вниманіе Татаръ.

Владыка Иванъ, отправленный Василькомъ къ Даніилу, повѣдалъ ему о гнѣвѣ на него Бурундая. Галицкій король устрашился, и поспѣшилъ уѣхать въ Польшу, а оттуда въ

Угрію. Отъ Шумска Бурундай двинулся къ стольному Владиміру и потребовалъ разоренія его укрѣпленій. Василько исполнилъ это требованіе; но такъ какъ разрушеніе стѣнъ такого большаго города потребовало бы много трудовъ и времени, то онъ велѣлъ ихъ зажечь. Всю ночь горѣли стѣны. Бурундай, остановившійся по близости въ селеніи Житани, поутру пріѣхалъ въ городъ, и, довольный видомъ пепелища, принялъ угощеніе отъ Василька на его княжемъ дворѣ. Однако онъ не ограничился сожженіемъ стѣнъ, а велѣлъ еще раскопать и самые валы. Изъ Владиміра онъ пошелъ къ Холму. Но этотъ отлично укрѣпленный городъ, снабженный пороками и самострѣлами, былъ охраняемъ вѣрными боярами, Константиномъ и Лукою Иванковичемъ съ храброю дружиною. Бурундай осмотрѣлъ его съ разныхъ сторонъ и убѣдился, что силою было бы трудно его взять.

«Василько,—сказалъ онъ—это городъ твоего брата, поѣзжай и скажи горожанамъ, чтобы передались».

Для присутствія при переговорахъ, съ княземъ посланы трое Татаръ и переводчикъ. Умный Василько нашелся. Онъ взялъ въ руку нѣсколько каменьевъ, и, подъѣхавъ къ стѣнамъ, началъ громко говорить.

«Константине холопе и ты другой холопе Лука Иванковичъ! Это городъ моего брата и мой. Передайтесь».

Сказавъ это, князь бросилъ на землю одинъ за другимъ три камня, давая тѣмъ разумѣть, что надобно обороняться метательными орудіями, а не сдаваться. Константинъ, стоя на заборалѣ, понялъ мысль князя, и закричалъ ему въ отвѣтъ:

«Уѣзжай прочь, а то пожалуй угодимъ тебѣ камнемъ въ голову; ты теперь уже не братъ своему брату, а его врагъ».

Татары передали Бурундаю слова Василька и отвѣтъ горожанъ. Старый воевода оставилъ Холмъ въ покоѣ. Отсюда онъ устремился съ своимъ полчищемъ и съ тѣми же волынско-галицкими князьями на Ляховъ. Очевидно онъ на этотъ разъ избѣгалъ открытой борьбы съ Русскими, а хотѣлъ разрушить ихъ союзъ съ польскими князьями, какъ въ прошломъ году разрушилъ союзъ съ литовскими. Бурундай прошелъ область Люблинскую, у Завихоста переправился за Вислу и обступилъ Судоміръ. Татары по обычаю окружили весь городъ своими

телѣгами, тыномъ, валами; поставили пороки и начали день и ночь громить стѣны камнями и метать стрѣлами, такъ что защитники не могли показаться на заборалахъ. Три дня продолжалась метательная подготовка (подобная артиллерійской подготовкѣ нашего времени); а на четвертый варвары приставили лѣстницы, ворвались въ городъ и пошли двумя толпами въ разныя стороны, каждая имѣя впереди себя Татарина, несущаго знамя. Послѣдовала обычная картина безпощаднаго избіенія жителей; начался пожаръ; дворы, крытые соломою, распространили его по всему городу; соборная церковь, построенная изъ бѣлаго тесанаго камня, имѣвшая верхъ деревянный, также сгорѣла со множествомъ народа, искавшаго въ ней спасенія. Остатокъ народа, укрывшійся въ дѣтинецъ, сдался на милость варваровъ, былъ выведенъ ими за городъ, и тамъ избитъ безъ всякой пощады. Между тѣмъ отряды, разосланные въ разныя стороны, опустошили Судомірскую область. По словамъ польскихъ лѣтописцевъ, въ это нашествіе былъ разоренъ Татарами и самый Краковъ. Послѣ того Бурундай вернулся назадъ. Цѣль его хотя временно была достигнута; русская помощь, косвенно участвовавшая въ этомъ разореніи, конечно возбудила вражду къ галицко-волынскимъ князьямъ со стороны ихъ прежняго союзника Болеслава Стыдливаго.

Послѣ Бурундаева нашествія король Данило воротился въ свою землю. Разоренныя укрѣпленія городовъ ясно убѣдили его въ своемъ безсиліи свергнуть ненавистное иго. Пришлось снова признать себя данникомъ. Но онъ однако не унизился до новой поѣздки въ Орду; самъ Бурундай очевидно дѣйствовалъ съ осторожностью и политической ловкостью по отношенію къ сильному Галицкому королю и не желалъ доводить его до крайности, такъ что объ отнятіи у Даніила владѣній нѣтъ и помину. Въ этомъ случаѣ Даніилу благопріятствовали тѣже обстоятельства, которыя помогли Александру Невскому отвратить новое татарское разореніе отъ Суздальской Руси, т. е. война, возникшая между Беркаемъ и Гулагу. Эта война вѣроятно и побудила Бурундая послѣ разоренія Судоміра поспѣшить въ Орду.

Межъ тѣмъ обнаружились плоды помощи, оказанной Татарамъ противъ Миндовга. Первою жертвою его мести сдѣ-

лался сынъ Даніила Романъ (бывшій претендентъ на Австрійское герцогство); у него отняли Новгородокъ, а потомъ и самого его убили. Литовскіе отряды начали воевать земли Волынскую и Пинскую и забирать вездѣ большой полонъ. Василько съ юнымъ своимъ сыномъ Владиміромъ нагналъ главный изъ этихъ отрядовъ у города Невеля. Литва, прижатая къ озеру, «по обычаю своему» построилась въ три ряда «за щитами», и встрѣтила нападеніе Русскихъ; но была разбита и частію изрублена, частію потонула въ озерѣ.

Король Данило, не имѣя долго вѣстей отъ брата, ушедшаго въ дальній походъ на Литву, скорбѣлъ о немъ. Вдругъ одинъ изъ его слугъ прибѣгаетъ съ словами: «Господине! какіе-то люди ѣдутъ за щитами съ сулицами, а въ рукахъ ведутъ поводныхъ коней». Король вскочилъ и радостно воскликнулъ: «Слава Тебѣ, Господи! Это Василько побѣдилъ Литву». Дѣйствительно, то былъ Васильковъ бояринъ Борисъ, который привезъ королю отъ брата «сайгатъ» (часть военной добычи), состоявшій въ коняхъ, сѣдлахъ, щитахъ, сулицахъ и шеломахъ литовскихъ. Въ печальныхъ обстоятельствахъ того времени побѣда надъ этими врагами Руси не мало оживила духъ южно-русскихъ князей и народа. Между прочимъ князья Пинскіе, подручники Владиміро-Волынскаго, угрожаемые литовскимъ завоеваніемъ, этою побѣдою избавились отъ опасности, и первые привѣтствовали Василька, встрѣтивъ его на обратномъ пути изъ похода съ питіемъ и брашномъ, которыми угощали побѣдителей. Вскорѣ потомъ братья Романовичи съѣхались на сеймъ съ Болеславомъ Стыдливымъ въ пограничномъ городѣ Тарновѣ и возобновили прежнія союзныя отношенія. Имъ удалось возстановить миръ и съ Миндовгомъ (66).

Вслѣдъ за тѣмъ погибъ этотъ основатель Литовскаго могущества; но прежде нежели перейдемъ къ нему, скажемъ о предпріятіяхъ Даніила противъ Ятвяговъ.

Одно изъ литовскихъ племенъ, дикіе, хищные Ятвяги своими набѣгами и грабежами на сосѣднія области Руси и Польши, а особенно захватомъ въ плѣнъ многихъ жителей, побудили наконецъ галицко-волынскихъ и польскихъ князей общими силами предпринять рѣшительную и настойчивую

борьбу съ симъ племенемъ, окончившуюся его порабощеніемъ и отчасти истребленіемъ. Въ этомъ отношеніи Данило и Василько докончили дѣло, начатое ихъ предками и особенно ихъ отцемъ Романомъ. Братья Романовичи совершили цѣлый рядъ походовъ въ землю Ятвяговъ. Волынскій лѣтописецъ, повидимому участникъ походовъ, сообщаетъ любопытныя подробности о томъ, какимъ образомъ велась эта борьба. Походы совершались обыкновенно въ зимнее время, когда лѣса и болота ятвяжскія были болѣе доступны.

Зимой 1246 года, еще до возвращенія Даніила изъ Золотой Орды, союзникъ его Конрадъ Мазовецкій прислалъ къ Васильку съ словами: «пойдемъ на Ятвяговъ». Волынскій князь соединился съ Конрадомъ. Союзники дошли только до р. Нура, и воротились по причинѣ великихъ снѣговъ и непогоды. (Въ это-то именно время и встрѣтился съ Василькомъ у Конрада Мазовецкаго папскій посолъ Плано Карпини, когда отправлялся къ Татарамъ). Давно задуманный походъ общими силами состоялся на слѣдующую зиму, уже послѣ смерти Конрада, княжество котораго наслѣдовалъ сынъ его Семовитъ. Данило и Василько послали звать на Ятвяговъ Семовита, попросили помощи и отъ Болеслава Стыдливаго Краковскаго. Сборнымъ мѣстомъ обыкновенно служилъ Даніиловъ городъ Дрогичинъ на Западномъ Бугѣ. Семовитъ пришелъ самъ, а Болеславъ прислалъ своихъ воеводъ Суда и Сигнѣва. Соединенная рать прошла пограничныя болота и вступила въ землю Ятвяжскую. Вопреки уговору и къ великому неудовольствію Романовичей, Мазуры не вытерпѣли, и зажгли первую же ятвяжскую деревню; пожаръ тотчасъ далъ знать всѣмъ окрестнымъ жителямъ о непріятельскомъ нашествіи. Со всѣхъ сторонъ начали стекаться разные ятвяжскіе роды подъ начальствомъ своихъ князьковъ и старшинъ. Ближайшіе изъ нихъ, Злинцы, прислали къ Даніилу съ словами: «оставь намъ Ляховъ, а самъ уходи съ миромъ изъ нашей земли». Они вѣроятно узнали о его неудовольствіи; но конечно получили отказъ. На ночь Русь расположилась въ станѣ неукрѣпленномъ, а войско Семовита, чуя опасность, огородилось острогомъ, т. е. наскоро поставленнымъ тыномъ, наваленными деревьями, обозными телѣгами и т. п. Дѣйствительно, въ эту ночь Ятвяги ударили на польскій станъ, и

начали метать въ него сулицами, головнями горящихъ костровъ, уподоблявшимися во мракѣ молніямъ, и камнями, частыми какъ дождь. Ляхи храбро защищались; но Ятвяги все напирали, стараясь вломиться въ острогъ и схватиться въ рукопашный бой. Семовитъ прислалъ къ Даніилу съ мольбой дать ему на помощь стрѣлковъ. Даніилъ все еще сердился за нарушеніе уговора и потому медлилъ помощію. Однако послалъ нѣсколько стрѣлковъ, которые своими мѣткими стрѣлами отогнали непріятелей отъ польскаго стана. Очевидно, плохо вооруженные Ятвяги не отличались какъ стрѣлки изъ лука; да и сами Поляки имѣли въ нихъ недостатокъ.

На утро союзные князья зажгли свои станы и двинулись далѣе. Впереди шелъ Даніилъ съ Ляхами Болеслава Стыдливаго; за нимъ слѣдовалъ Василько съ Семовитомъ; а бояринъ Лазарь велъ задній полкъ, въ которомъ находился и отрядъ Половцевъ. Между тѣмъ Ятвяги, конные и пѣшіе, собрались въ большомъ числѣ, и потѣснили задній полкъ; тотъ поспѣшилъ соединиться съ середнею ратью. Однако и этой рати пришлось плохо отъ напиравшихъ со всѣхъ сторонъ непріятелей, не смотря на храбрую оборону. Между прочимъ извѣстный своимъ мужествомъ дворскій Андрей, не смотря на удручавшую его болѣзнь, съ копьемъ въ рукѣ понесся на Ятвяговъ, но отъ слабости уронилъ копье, и едва не погибъ. Василько послалъ просить на помощь брата, который успѣлъ далеко уйти впередъ. Даніилъ повернулъ назадъ, разбилъ враговъ и гналъ ихъ до лѣса. Подъ защитою послѣдняго Ятвяги снова вступили въ бой. Одинъ изъ русскихъ оружниковъ, какой-то Ящелтъ, предостерегалъ князей, чтобы они не углублялись неосторожно въ лѣсъ. «Если вы жалѣете насъ, говорилъ онъ, пожалѣйте себя и свою честь, за которую отвѣчаютъ наши головы». Даніилъ послушался его совѣта.

Русь и Ляхи перешли за р. Наревъ и вступили въ самое сердце Ятвяжской земли, сожигая села непріятельскія и забирая въ плѣнъ жителей. Когда нужно было остановиться на отдыхъ, Даніилъ избѣгалъ такихъ мѣстъ, которыя были стѣснены лѣсами и дебрями; а выбиралъ мѣсто чистое и просторное, гдѣ бы Ятвяги не могли внезапно нападать изъ лѣсной чащи и опять въ ней скрываться. Необходимо было

соблюдать всѣ предосторожности, ибо силы Ятвяговъ все увеличивались прибытіемъ отдаленныхъ родовъ; даже сосѣдніе Пруссы подали имъ помощь. На обратномъ походѣ, гдѣ-то между рѣчками Олегомъ и Лыкомъ, рать заблудилась, и не знала куда направиться. Къ счастію попались три Прусса изъ области Варміи; двухъ воины убили, а третьяго взяли въ плѣнъ и привели къ Даніилу. «Выведи меня на прямой путь, сказалъ ему князь, и получишь пощаду». Плѣнникъ дѣйствительно послужилъ хорошимъ проводникомъ.

Вслѣдъ за тѣмъ Ятвяги, соединясь съ Пруссами, хотѣли опять напасть на русско-польскую рать, расположенную станомъ. Но она сама вышла изъ стана и приготовилась къ борьбѣ. Конница и пѣхота наступали, блистая своими щитами и шлемами и двигая цѣлый лѣсъ копій; по сторонамъ шли русскіе стрѣлки, держа въ рукахъ луки со стрѣлами, наложенными на тетиву. Даніилъ разъѣзжалъ на конѣ и рядилъ полки. Видъ этихъ полковъ смутилъ Пруссовъ, и они сказали Ятвягамъ: «Можете ли съ вашими сулицами дерзнуть на такую рать?» Дѣйствительно, враги не рѣшились вступить въ бой и ушли. У города Визны Даніилъ перешелъ обратно Наревъ, и со славою воротился въ свою землю, ведя ятвяжскихъ плѣнниковъ и христіанъ, освобожденныхъ изъ ятвяжскаго плѣна.

Слѣдующій походъ Даніила и Семовита Мазовецкаго былъ предпринятъ въ 1253 г. Когда Даніилъ находился въ сборномъ мѣстѣ, т. е. въ городѣ Дрогичинѣ, то здѣсь, какъ извѣстно, застали его папскіе послы съ королевскимъ вѣнцомъ. Василько на сей разъ не могъ участвовать въ походѣ по причинѣ какой-то язвы на ногѣ, но отпустилъ съ братомъ свою дружину. Во время этого похода отличился мужествомъ сынъ Даніила Левъ. Русская рать захватила селеніе князька Стѣкинта, и Даніилъ расположился въ его домѣ. Левъ съ своими «снузниками» (конниками) пошелъ отыскивать Стѣкинта, оставшагося въ лѣсу и огородившагося срубленными деревьями. Стѣкинтъ съ своими людьми вышелъ изъ лѣса и обратилъ въ бѣгство русскихъ всадниковъ; но Левъ сошелъ съ коня и одинъ вступилъ въ битву; тогда, пристыженные имъ, нѣкоторые всадники воротились на помощь молодому князю. Левъ воспользовался тѣмъ, что

сулица Стѣкинта завязла въ его щитѣ, и поразилъ его мечомъ; убилъ также и брата его и принесъ ихъ оружіе отцу въ доказательство своей побѣды. Побѣжденные Ятвяги прислали къ Даніилу другаго князька своего, по имени Комата, и заключили миръ, давъ обѣщаніе покориться, т. е. платить дань.

Но или они не исполнили своего обѣщанія, или далеко не всѣ ятвяжскіе князья изъявили покорность; только въ слѣдующемъ году король Даніилъ съ Семовитомъ снова предпринялъ на нихъ большой походъ, имѣя при себѣ брата Василька, всѣхъ троихъ своихъ сыновей и еще нѣкоторыхъ подручныхъ князей съ ихъ дружинами. Болеславъ Стыдливый опять прислалъ на помощь Краковянъ и Судомірцевъ. Князья и бояре ихъ на общемъ совѣтѣ просили Даніила, чтобы онъ какъ голова всѣмъ полкамъ, опытный, искусный въ ратномъ дѣлѣ, шелъ впереди, и тогда всякій будетъ стыдиться отъ него отставать. Король принялъ общее начальство и каждому полку назначилъ мѣсто. Самъ онъ съ небольшимъ отрядомъ тяжело вооруженныхъ отроковъ поѣхалъ впередъ, имѣя предъ собою и по бокамъ пути стрѣлковъ; сыновья Левъ и Романъ также пристали къ нему, чтобы не оставлять его одного. Нѣкто изъ ятвяжскихъ князьковъ или старшинъ, по имени Анкадъ, служилъ ему проводникомъ ради того, чтобы было пощажено его село. Дворскому своему съ главною галицко-русскою ратью Даніилъ велѣлъ слѣдовать за собою.

По причинѣ одного недоразумѣнія король едва не погибъ въ этомъ походѣ. При опустошеніи какой-то веси или селенія князь отъ схваченнаго плѣнника узналъ, что ятвяжскіе роды, Злинцы, Крисменцы и Покѣнцы, для отпора ему собрались въ веси, называемой Привищи. Даніилъ тотчасъ послалъ къ дворскому отрока съ приказомъ: «какъ увидишь, что мы ударили на непріятеля, такъ скорѣе гони къ намъ и распусти полкъ, пусть всякій спѣшитъ какъ можетъ». Отрокъ былъ еще молодъ; не понявъ или не разслушавъ хорошо приказа, онъ передалъ его въ противномъ смыслѣ, т. е. велѣлъ не распускать людей и удержать полкъ.

Дѣйствительно, Ятвяги напали на Русскихъ у воротъ Привищъ; но стрѣлками были отражены и вогнаны въ са-

мое село. Даніилъ и Левъ ударили на нихъ съ крикомъ: «бѣги, бѣги!» Ятвяги подались еще назадъ, но посреди веси остановились, и снова начали битву. Между тѣмъ русскіе оружники, т. е. тяжело вооруженная пѣхота, не являются; чтобы не дать времени опомниться, Даніилъ и Левъ съ одними конниками и стрѣлками опять стремительно ударили на Ятвяговъ. Тѣ, не выдержавъ, смѣшались и побѣжали изъ веси чрезъ другія ворота; нѣкоторые повернулись было опять назадъ, но столкнулись съ бѣгущими; произошла давка; попали на какой-то скользкій ледъ и падали другъ на друга. При этомъ одинъ изъ русскихъ воиновъ взялъ изъ-за пояса рогатицу и такъ ловко бросилъ ее въ князя Ятвяговъ, что тотъ мертвымъ упалъ съ коня. Когда дворскій подошелъ съ своимъ полкомъ, Даніилъ встрѣтилъ его гнѣвными словами; но оказалось, что виноватъ былъ гонецъ, исказившій приказаніе. Подошли Василько съ Семовитомъ, и войско расположилось на ночь въ Привищахъ. Забравъ большой полонъ и все имущество жителей, которое можно было захватить, село зажгли и пошли далѣе; пожгли жилища ятвяжскихъ родовъ Тайсевичей, Бурялей, Раймочей, села князей Комата и Дора. Попадавшихся жителей брали въ плѣнъ; а кормъ, который воины и кони ихъ не могли потравить, обыкновенно сожигали. Лѣтописецъ говоритъ, что, прежде храбрые, Ятвяги теперь были объяты страхомъ, и старѣйшины ихъ начали приходить съ изъявленіемъ покорности. Первымъ явился нѣкто Юндилъ и сказалъ Даніилу: «Добрую дружину держишь, и велики полки твои». Потомъ приходили другіе, давали заложниковъ и просили мира, умоляя пощадить, не избивать плѣнниковъ.

Не легко было укротить это хищное дикое племя; вѣроятно, обѣщанія покорности и дани плохо исполнялись, когда проходила опасность. Но король Галицкій дѣйствовалъ настойчиво. Отдохнувъ немного, онъ сталъ собираться въ новый походъ; чтобы упрочить покорность Ятвяговъ, необходимо было поставить у нихъ укрѣпленныя мѣста съ русскими гарнизонами. Услыхавъ объ этихъ сборахъ, ятвяжскіе старѣйшины прислали въ заложники дѣтей своихъ и пословъ съ дарами, при чемъ обѣщали королю рубить для него города въ своей землѣ. Даніилъ отправилъ къ нимъ для сбора дани боярина Кон-

стантина, по прозванію Положишило, конечно съ военнымъ отрядомъ. Константинъ дѣйствительно собралъ дань черными куницами, бѣлками и серебромъ. Часть изъ этой дани король подарилъ Сигнѣву, боярину Болеслава Стыдливаго, начальнику вспомогательной польской дружины. По словамъ лѣтописца, король сдѣлалъ это съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы вся земля Ляшская узнала, что Ятвяги платятъ ему дань. Вѣроятно однако, что часть дани уступлена была Ляхамъ, дабы наградить союзниковъ за помощь и не возбуждать ихъ зависти; ибо тотъ же лѣтописецъ по поводу предыдущаго похода замѣтилъ, что Ляхи уже начинали питать неудовольствіе, такъ какъ Ятвяги покорялись исключительно одному Даніилу (67).

В 1264 году окончилась многотрудная жизнь галицкаго короля Даніила—жизнь, исполненная великихъ превратностей и постоянной бранной тревоги. Это былъ послѣ Мономаха самый блестящій представитель рыцарственнаго поколѣнія южно-русскихъ князей, со всѣми ихъ доблестями и недостатками. Неутомимый, закаленный въ терпѣніи вслѣдствіе бурной, тревожной юности, беззавѣтно храбрый, всегда готовый сѣсть на коня и смѣло идти на встрѣчу врагу или сопернику, онъ однако въ случаѣ необоримаго препятствія умѣлъ подчиниться ему или уйти отъ опасности; но по минованіи ея снова являлся на своемъ мѣстѣ, съ полнымъ сознаніемъ своего высокаго достоинства, и съ новой энергіей, съ прежней настойчивостью принимался за достиженіе своихъ завѣтныхъ цѣлей. Сердечная доброта и благородство не мѣшали ему обнаруживать иногда строгость и даже быть суровымъ, гдѣ требовали того обстоятельства, или гдѣ это было общею чертою современныхъ нравовъ. Какъ политикъ Даніилъ представляетъ смѣшанныя черты хитрости и простодушія, проницательности и недальновидности. Обыкновенно политическую дѣятельность его сравниваютъ съ дѣятельностію его знаменитаго современника Александра Невскаго, который является представителемъ поколѣнія сѣверо-восточныхъ князей, и отдаютъ предпочтеніе политикѣ послѣдняго; основаніемъ для такого предпочтенія служатъ послѣдствія ихъ дѣятельности: съ одной стороны укрѣпленіе и

возрастаніе Руси Сѣверовосточной, съ другой разложеніе и паденіе Югозападной. Но обстоятельства и почва неотвратимо обусловливаютъ дѣятельность каждаго историческаго лица, и никакой геній не въ состояніи создать что нибудь прочное, если онъ идетъ противъ историческаго теченія. Такіе элементы политическаго разложенія какъ крамольные бояре, строптивые удѣльные князья, со всѣхъ четырехъ сторонъ враждебные сосѣди, неотдѣленные никакими естественными границами, а, главное, такое подвижное, привыкшее ко всякимъ политическимъ перемѣнамъ, населеніе,—представляли необоримую трудность создать прочный государственный порядокъ въ Югозападной Руси. Но Даніилъ съумѣлъ вполнѣ осуществить тотъ идеалъ великаго князя, который перешелъ къ нему въ наслѣдіе отъ его предковъ, древнихъ Кіевскихъ князей, и который такъ живо былъ начертанъ Владиміромъ Мономахомъ въ его извѣстномъ поученіи. Благодаря своей настойчивости и энергіи, Даніилъ постепенно укротилъ и бояръ, и удѣльныхъ князей, и въ послѣднее время жизни является дѣятельнымъ главою всей Югозападной Руси; младшіе князья слѣдуютъ за нимъ и повинуются ему. Близкія связи съ западными европейскими государями не могли еще въ то время повліять на измѣненіе древнерусскихъ политическихъ идеаловъ; ибо западъ тогда находился въ періодѣ полнаго развитія феодализма, а на Руси процвѣталъ порядокъ удѣльный, т. е. семейный раздѣлъ земли. Притомъ и въ такой родственной Славянской землѣ какъ Польша, этотъ удѣльный порядокъ также господствовалъ. Слѣдовательно Даніилу не могла придти въ голову и самая мысль объ его измѣненіи. И мы видимъ, что онъ, по старому обычаю, каждаго изъ своихъ сыновей старается надѣлить особымъ удѣломъ, хотя и держитъ ихъ въ полномъ своемъ послушаніи. Справедливость требуетъ поставить на видъ, что если Даніилъ распоряжался силами не одной Галицкой земли, но и Волынской, то этимъ единеніемъ онъ обязанъ былъ неизмѣнной преданности своего брата Василька, который всю свою жизнь при всякихъ обстоятельствахъ оставался послушнымъ и преданнымъ его подручникомъ. Древняя Русь почти не представляетъ другаго примѣра такого продолжительнаго и ничѣмъ ненарушимаго единенія.

Благодаря особенно ихъ постоянному согласію должны были смиряться передъ братьями Романовичами и служить ихъ подручниками довольно многочисленные удѣльные владѣтели Волыни и Полѣсья, каковы князья Луцкіе, Пинскіе, Бѣльзскіе, Свислочскіе и др.

Но это сплоченіе Югозападной Руси въ одно политическое тѣло только и могло держаться такою сильною волею и такою даровитостію, которыми обладалъ Даніилъ. Послѣ него разложеніе ея выступило снова на историческую сцену; однако блескъ, сообщенный ей эпохою Даніила, отражался на ней въ теченіе еще цѣлаго столѣтія. Онъ оставилъ ей въ наслѣдство не одну свою политическую и военную славу, но и значительно по тому времени развитую гражданственность. Извѣстно, что, не смотря на Татарское разореніе, ему удалось скоро залечить нанесенныя раны привлеченіемъ жителей изъ другихъ краевъ, построеніемъ и укрѣпленіемъ городовъ, покровительствомъ промышленности. Въ Галиціи и на Волыни искали убѣжища многіе жители, бѣжавшіе отъ Татаръ изъ Кіевской и Черниговской земли. Даніилъ привлекъ также многихъ переселенцевъ изъ Германіи и Польши. Къ сожалѣнію вмѣстѣ съ этими переселенцами онъ поселилъ въ своихъ городахъ многія жидовскія колоніи. Торговля и промышленность дѣйствительно ожили; но разноплеменный составъ населенія въ свою очередь явился однимъ изъ элементовъ политической слабости, когда приходилось отстаивать независимость Западной Руси отъ своихъ сосѣдей.

*

Между тѣмъ какъ съ одной стороны Пруссаки и Латыши все болѣе и болѣе порабощались оружіемъ двухъ нѣмецкихъ орденовъ, Тевтоновъ и Меченосцевъ, а съ другой Ятвяги падали подъ ударами польскихъ и волынскихъ дружинъ, два остальныя литовскія племени, Жмудь и собственно Литва, начали выходить изъ своего раздробленія на мелкія княженія и общины и собираться въ одинъ народъ, живущій государственною жизнію. Первые шаги къ политическому объединенію и развитію самостоятельнаго государственнаго быта совершились однако не въ глубинѣ литовскихъ лѣсовъ, а на русско-литовской украйнѣ, въ странѣ,

гдѣ были русскіе города и смѣшанное населеніе изъ Кривичей, Дреговичей и Литвы, въ области верхняго Нѣмана съ его лѣвымъ притокомъ Шарою. Эта область, извѣстная также подъ именемъ Черной Руси, составляла удѣлы отчасти полоцкихъ, отчасти пинскихъ и волынскихъ князей, каковы Новогродокъ (прозванный потомъ Литовскимъ), Слонимъ, Волковыйскъ и Городно. Усиленію Литвы на этой украйнѣ, какъ извѣстно, болѣе всего способствовала слабость Полоцко-Кривской земли. Князья полоцкіе, искавшіе союзниковъ во время борьбы за удѣлы и въ войнахъ съ другими русскими князьями, сами призывали литовскихъ вождей, роднились съ ними, и вступали въ тѣсныя связи; чѣмъ проложили пути къ послѣдующему возвышенію Литвы на счетъ Кривской Руси. То силою оружія, то родственными связями съ русскими князьями и принятіемъ православія сосѣдніе литовскіе вожди водворялись въ русскихъ областяхъ, и, подчиняясь русской гражданственности, начинали новое смѣшанное поколѣніе литовско-русскихъ князей. Но болѣе всего помогъ возвышенію Литвы на счетъ сосѣднихъ съ нею русскихъ областей постигшій послѣднихъ Татарскій погромъ. Тогда усилились литовскіе набѣги; не ограничиваясь добычею и плѣнными, многочисленные литовскіе вожди устремились въ разоренныя земли и начали захватывать ихъ въ свои руки. Остатки жителей вѣроятно тѣмъ менѣе оказывали сопротивленія, что имъ приходилось выбирать между Литовскимъ владычествомъ и болѣе варварскимъ Татарскимъ игомъ. Источники не объясняютъ намъ въ точности, какимъ образомъ совершился переходъ почти всей Полоцкой земли подъ Литовское владычество. Извѣстно только, что послѣ Батыева нашествія не одна помянутая Принѣманская или Черная Русь встрѣчается въ составѣ Литовскихъ владѣній; вскорѣ мы видимъ литовскихъ князей въ самомъ Полоцкѣ.

Въ это именно время на Литовско-русской украйнѣ является замѣчательный человѣкъ, положившій начало политическому объединенію Литвы и сосѣдней съ нею Руси подъ однимъ княжимъ домомъ. То былъ Миндовгъ, въ значительной степени обладавшій тѣми политическими качествами, которыми обыкновенно отличаются основатели государственной силы.

Легенды и генеалогическія измышленія позднѣйшихъ книжниковъ затемнили исторію о первоначальномъ возвышеніи Миндовга и его семьи надъ всѣми другими владѣльческими литовскими родами. Мы находимъ его уже во главѣ сильнаго литовско-русскаго княжества, обнимавшаго Литовскую область на р. Виліи съ стольнымъ городомъ Керновымъ и Черную Русь съ ея средоточіемъ Новогродкомъ. Онъ ловко пользуется силами своихъ русскихъ областей, чтобы расширить свое владычество въ собственной Литвѣ, т. е. приводить въ зависимость мелкихъ литовскихъ князьковъ; въ свою очередь силы литовскія употреблялись имъ на то, чтобы подчинять сосѣднія русскія волости, особенно Кривскую землю. Въ стольномъ Полоцкѣ является княземъ его племянникъ и подручникъ Товтивилъ. Смутное время, наступившее послѣ Батыева нашествія, конечно не мало способствовало его успѣхамъ; тѣмъ не менѣе требовалось много находчивости и умѣнья пользоваться обстоятельствами, чтобы создать новое государство посреди многочисленныхъ литовскихъ владѣтелей, безспорно нежелавшихъ потерять свою самостоятельность, и посреди сильныхъ враждебныхъ сосѣдей, каковы два Нѣмецкихъ ордена, князья Мазовецкіе и особенно Галицко-Волынскіе. Миндовгъ понималъ главную опасность, грозившую ему со стороны такого сосѣда какъ Даніилъ Романовичъ, и потому старался жить въ дружбѣ съ послѣднимъ и даже посылалъ ему иногда на помощь свое войско. Даніилъ и Василько, какъ только оправились послѣ Татарскаго погрома, дѣятельно обратили свое оружіе противъ нѣкоторыхъ сосѣднихъ литовскихъ племенъ, которыя набѣгами своими безпокоили ихъ владѣнія. Одновременно съ побѣдоносною борьбою противъ Ятвяговъ, они, въ особенности Василько, неразъ наносили пораженіе разнымъ литовскимъ шайкамъ. Братья, какъ видно, зорко слѣдили за положеніемъ дѣлъ на своихъ сѣверныхъ предѣлахъ и до нѣкоторой степени понимали возникавшую съ этой стороны опасность для Волынской Руси. Даніилъ не преминулъ воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ вмѣшаться въ дѣла литовскія и полоцкія, чтобы отнять у Миндовга Принѣманскую или Черную Русь и вообще разрушить созданную имъ государственную силу.

Не только многіе княжескіе роды въ Литвѣ изъ личныхъ видовъ пытались мѣшать объединительнымъ стремленіямъ Миндовга, но и въ собственномъ своемъ родѣ онъ находилъ князей, нежелавшихъ безусловно подчиняться его волѣ; а потому съ свойственною ему жестокостію и неразборчивостію принялся истреблять ихъ всѣми возможными средствами. Однажды Миндовгъ послалъ воевать Смоленскую землю брата своего Выкинта и двухъ племянниковъ, Едивида и Товтивила. Послѣдній княжилъ въ Полоцкѣ, а первые двое повидимому были князьями на Жмуди. «Пусть кто что завоюетъ, тотъ и возьметъ себѣ», сказалъ Миндовгъ; а въ тоже время послалъ съ ними двоихъ воиновъ съ приказаніемъ при удобномъ случаѣ убить этихъ родственниковъ. Но родственники провѣдали объ умыслѣ и бѣжали во Владиміръ подъ защиту Даніила и Василька; Даніилъ былъ женатъ (во второмъ бракѣ) на сестрѣ Товтивила и Едивида. Онъ не только оказалъ имъ покровительство, но и поспѣшилъ воспользоваться ими, чтобы нанести рѣшительный ударъ могуществу Миндовга. Братья Романовичи попытались составить противъ него большой союзъ, въ который должны были войти не только почти всѣ его сосѣди, но и часть Литвы. Они въ изобиліи снабдили Выкинта серебромъ и отправили его поднимать на Миндовга Ятвяговъ и Жмудь. Многими подарками Выкинтъ дѣйствительно склонилъ на свою сторону старѣйшинъ ятвяжскихъ и до половины Жмуди. Въ тоже время Даніилово посольство отправилось въ Ригу склонять къ союзу съ Выкинтомъ Ливонскихъ Нѣмцевъ, съ которыми Галицкій король находился въ дружескихъ сношеніяхъ. Нѣмцы, имѣвшіе прежде войну съ Жмудскимъ княземъ, велѣли сказать Даніилу: «многихъ нашихъ братьевъ погубилъ Выкинтъ, но ради тебя заключаемъ съ нимъ союзъ». Они понимали, конечно, что Миндовгъ, успѣвшій уже показать свою силу въ войнѣ съ Орденомъ, гораздо опаснѣе Выкинта, и обѣщали свою помощь. Еще прежде Даніилъ и Василько послали звать своихъ союзниковъ, польскихъ князей, и велѣли имъ сказать: «время вооружиться христіанамъ на поганыхъ; благо они сами воюютъ между собою». Ляхи также обѣщали приступить къ союзу. Даніилъ и Василько начали военныя дѣйствія и побрали нѣкоторые города

Черной Руси. Товтивилъ явился въ Ригѣ и тамъ принялъ католическую вѣру, дабы войти въ тѣсный союзъ съ Нѣмцами. Нѣмцы также начали военныя дѣйствія противъ Миндовга. Между тѣмъ Выкинтъ поднялъ часть Ятвяговъ и Жмуди.

Положеніе Миндовга сдѣлалось критическимъ. Но въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ онъ обнаружилъ свою находчивость. Какъ ловкій политикъ, онъ постарался разъединить своихъ враговъ. Прежде всего отстали отъ союза Ляхи и вопреки обѣщанію не приняли никакого участія въ войнѣ. Далѣе, зная соперничество между Рижскимъ архіепископомъ и Ливонскимъ орденомъ, Миндовгъ вошелъ въ тайныя сношенія съ намѣстникомъ Тевтонскаго гросмейстера или магистромъ Ливонскаго ордена Андреемъ фонъ Стирландъ, задарилъ его золотомъ, серебромъ, конями и пр.; обѣщалъ прислать еще болѣе, если тотъ убьетъ или прогонитъ Товтивила. Магистръ велѣлъ сказать, что для Миндовга существуетъ одно средство избавиться отъ бѣды: это принять католическую религію. Литовскій князь изъявилъ къ тому готовность и пригласилъ Андрея къ себѣ на свиданіе. Послѣдній пріѣхалъ въ сопровожденіи многихъ орденскихъ братьевъ. Князь принялъ гостей съ большимъ почетомъ и угощалъ ихъ весьма усердно. Тутъ былъ заключенъ миръ съ Орденомъ, при чемъ Миндовгъ не только далъ обѣщаніе креститься, но и уступить Ордену нѣкоторыя земли; а магистръ посулилъ выхлопотать у папы для него королевскую корону. Посолъ отъ Ливонскаго ордена отправился въ Римъ вмѣстѣ съ Литовскимъ посломъ, и привезъ отвѣтныя грамоты, въ которыхъ папа выражалъ свое удовольствіе. Иннокентій IV принялъ Миндовга подъ покровительство св. Петра, и поручилъ епископу Кульмскому исполнить обрядъ крещенія и коронованія. Магистръ вновь отправился къ Миндовгу, сопровождаемый блестящею рыцарскою свитою, а также и епископъ Кульмскій съ священниками. Въ стольномъ городѣ Черной Руси Новогродкѣ Миндовгъ и его жена Марта были торжественно окрещены; часть литовской дружины по примѣру своего князя также приняла крещеніе. Затѣмъ епископъ Кульмскій вѣнчалъ Литовскаго князя королевскою короною. Это происходило въ 1251 году.

Такимъ образомъ объединитель Литвы не только избавился отъ опасности со стороны Нѣмцевъ, но, благодаря покровительству папы, получилъ отъ нихъ помощь противъ своихъ остальныхъ враговъ. Онъ щедро вознаградилъ своихъ союзниковъ грамотами, въ силу которыхъ уступилъ Ордену разные округи Литвы и Жмуди; но, кажется, онъ дарилъ Нѣмцамъ тѣ земли, которыя въ сущности не только ему не принадлежали, а напротивъ были съ нимъ во враждѣ.

Товтивилъ вслѣдствіе союза Миндовга съ Орденомъ долженъ былъ бѣжать изъ Риги къ дядѣ своему Выкинту въ Жмудь. Онъ собралъ войско изъ Ятвяговъ и Жмудиновъ; получилъ помощь отъ Даніила Романовича и продолжалъ войну съ Миндовгомъ. Когда перевѣсъ оказался на сторонѣ послѣдняго, Даніилъ и Василько, по просьбѣ Товтивила, вновь лично напали на сосѣднія Черноруссскія области Миндовга съ своими дружинами, наемными Половцами и подручными пинскими князьями, и начали тѣснить Литовскаго короля. Миндовгъ опять нашелъ средство выпутаться изъ трудныхъ обстоятельствъ. Вопервыхъ, дарами и обѣщаніями онъ отклонилъ ятвяжскихъ и жмудскихъ старшинъ отъ Товтивила, такъ что послѣдній долженъ былъ спасаться отъ нихъ бѣгствомъ къ Даніилу. Во вторыхъ, онъ умѣлъ поладить съ пинскими князьями, которые были недовольны своею зависимостію отъ Волынскаго князя, и они плохо стали помогать Романовичамъ въ этой войнѣ. Въ третьихъ, Миндовгъ обратился къ самому Даніилу съ просьбою не только о мирѣ, но и о родственномъ союзѣ, на весьма выгодныхъ для Галицкаго короля условіяхъ. Послѣ личныхъ переговоровъ союзъ этотъ дѣйствительно состоялся при посредствѣ Миндовгова сына Войшелга. Этому Войшелгу отецъ предоставилъ въ удѣлъ часть области Новогродской съ городами Слонимъ и Волковыйскъ. Сынъ во время своего княженія здѣсь отличился необыкновенною жестокостію; русскій лѣтописецъ говоритъ, будто Войшелгъ былъ печаленъ въ тотъ день, когда никого не убилъ. Но вдругъ этотъ свирѣпый язычникъ обратился въ христіанство, крестился по православному обряду, и совершенно измѣнилъ свое поведеніе. Онъ-то и явился ревностнымъ посредникомъ при заключеніи мира и родственнаго союза между своимъ отцемъ и Галицко-Влади-

мірскими князьями на слѣдующихъ условіяхъ: младшій изъ сыновей Даніила, Шварнъ, женился на дочери Миндовга; старшему сыну его Роману (претенденту на Австрійское герцогство) Миндовгъ отдалъ Новгородокъ, а Войшелгъ уступилъ свои города Слонимъ и Волковыйскъ. Такимъ образомъ большая часть Черной Руси переходила въ родъ Галицкаго князя. Мало того, по требованію послѣдняго, Товтивилу возвращенъ Полоцкій столъ. Самъ Войшелгъ послѣ того удалился въ одинъ русскій монастырь (Полонинскій) и тамъ принялъ постриженіе отъ игумена Григорія, который пользовался славою святаго мужа. Движимый ревностію къ новой вѣрѣ, Войшелгъ съ благословенія Григорія отправился паломникомъ на Аѳонъ; но смуты и войны, происходившія тогда на Балканскомъ полуостровѣ, помѣшали ему исполнить свое желаніе. Онъ воротился, и основалъ собственный монастырь на рѣкѣ Нѣманѣ недалеко отъ Новгородка.

Даніилъ тѣмъ охотнѣе помирился съ Миндовгомъ, что ихъ сближала общая опасность отъ Татаръ. Галицкій князь конечно надѣялся привлечь Литву къ участію въ задуманной имъ борьбѣ съ варварами. И дѣйствительно, пока Даніилъ имѣлъ дѣло съ Куремсою, Миндовгъ оказывалъ Галицкому королю нѣкоторую помощь. Но преемникъ Куремсы, Бурундай съумѣлъ разъединить союзниковъ, заставивъ Волынскаго князя помогать себѣ во время нашествія на владѣнія Миндовга. Кажется, еще прежде того, коварный Миндовгъ уже лишилъ Романа Даниловича Новгродскаго удѣла. Послѣ нашествія Бурундая Литва возобновила свои набѣги на Волынскую землю; тогда-то Василько одержалъ упомянутую выше побѣду при Невелѣ надъ воеводою Миндовга.

Около тогоже времени Миндовгъ разорвалъ связи съ другими своими союзниками, Нѣмцами. Пока они были ему опасны или нужны, онъ ловко прикидывался ихъ другомъ и усерднымъ католикомъ; но сознавая стремленіе Тевтонскаго и Ливонскаго Ордена къ постепенному порабощенію всего Литовскаго народа, хитрый Литвинъ ждалъ только случая нанести ударъ и воротить Литовскія и Жмудскія области. Прежде жители этихъ областей, возбуждаемые своими мелкими державцами, сами боролись противъ единовластія Миндовга; но когда они испытали насильственное обращеніе въ христіан-

ство, отнятіе земель у туземныхъ державцевъ и раздачу ихъ духовенству и нѣмецкимъ рыцарямъ, вмѣстѣ съ десятиной и другими поборами, то скоро возненавидѣли владычество Ордена и стали обращать свои взоры и надежды на великаго князя Литовскаго. Начались народныя волненія, которыми Миндовгъ не преминулъ воспользоваться. Подъ его тайнымъ руководствомъ произошли движенія въ прусскихъ и литовскихъ краяхъ, зависимыхъ отъ Ордена. Однажды толпа Литовцевъ вторглась въ Курляндію и начала разорять орденскія владѣнія. Отрядъ рыцарей напалъ на нее при рѣкѣ Дурбѣ; но потерпѣлъ совершенное пораженіе вслѣдствіе измѣны Куроновъ, которые ударили въ тылъ Нѣмцамъ. По выраженіямъ орденскаго лѣтописца (Дюисбурга), рыцари въ этотъ день мужествомъ своимъ уподоблялись Маккавеямъ; но не могли устоять противъ напиравшихъ со всѣхъ сторонъ враговъ. Не менѣе полутораста орденскихъ братьевъ и самъ магистръ Ливонскаго Ордена Бургардъ фонъ Хорнхузенъ легли на мѣстѣ (1260 г.) Это событіе послужило сигналомъ къ возстаніямъ Жмуди, Куроновъ, Жемгалы и особенно Пруссовъ. Они принялись разрушать нѣмецкіе замки, истреблять латинскихъ священниковъ и изгонять Нѣмцевъ изъ своей земли, и звали на помощь своихъ братьевъ Литовцевъ.

Тогда Миндовгъ рѣшился выступить открыто. И прежде онъ былъ христіаниномъ только по имени, втайнѣ же продолжалъ приносить жертвы старымъ богамъ и соблюдать всѣ прежнія суевѣрія; а теперь отрекся отъ христіанства и явно воротился къ язычеству, вопреки просьбамъ своей жены. И въ этомъ случаѣ онъ дѣйствовалъ какъ политикъ, ибо видѣлъ упорство, съ которымъ Литовцы держались старой религіи, а также ихъ нелюбовь къ нему за принятіе христіанства. Миндовгъ самъ пошелъ на помощь возставшимъ Пруссамъ; а другое войско послалъ на польскихъ князей, которые находились тогда въ союзѣ съ Нѣмцами противъ литовскихъ и прусскихъ язычниковъ. Это войско сильно опустошило Мазовію и вывело оттуда множество плѣнныхъ; въ числѣ ихъ находился и Конрадъ, сынъ мазовецкаго князя Семовита, который погибъ въ этой войнѣ. Между тѣмъ и Нѣмецкій Орденъ потерпѣлъ еще нѣсколько пораженій отъ Мин-

довга. Послѣ одной большой побѣды Литвины и Пруссы въ благодарность за нее рѣшились принести человѣческую жертву своимъ богамъ; бросили жребій между плѣнными, и онъ упалъ на одного рыцаря, который и былъ сожженъ живымъ на конѣ въ полномъ вооруженіи. Такимъ образомъ Литва, собравшаяся вокругъ Миндовга какъ своего великаго князя, не только освободила отъ нѣмецкой зависимости Жмудь, нѣкоторыя части Куроніи и Пруссіи, но и потрясла самое владычество соединеннаго Прусско-Ливонскаго Ордена. Только неудачный походъ Миндовга въ Ливонію, когда Новгородцы, вопреки условію, не пришли къ нему вовремя на помощь, и внезапная его смерть избавили Нѣмцевъ отъ дальнѣйшей опасности; а наступившія за тѣмъ неустройства въ литовско-русскихъ земляхъ дали имъ время оправиться и упрочить свое владычество.

Истребленіемъ и изгнаніемъ удѣльныхъ литовскихъ князей Миндовгъ уже явно стремился къ единовластію и самодержавію; даже близкіе его родственники постоянно дрожали за свою безопасность и съ нетерпѣніемъ желали отъ него избавиться. Миндовгъ самъ накликалъ на себя гибель слѣдующимъ неосторожнымъ поступкомъ. У него умерла жена, и онъ послалъ звать на похоронные обряды ея сестру, бывшую за Довмонтомъ, удѣльнымъ княземъ Нальщанскимъ. Когда та пріѣхала, великій князь насильно удержалъ ее, объявивъ, будто покойная завѣщала ему взять ея сестру себѣ въ жены, такъ какъ она будетъ ласковѣе до ея дѣтей, чѣмъ какая либо другая женщина. Довмонтъ горячо вознегодовалъ на такое оскорбленіе, но до времени затаилъ свою жажду мести. Тайно онъ вступилъ въ заговоръ съ племянникомъ Миндовга Тройнатомъ или Тренятою, какъ его называетъ Волынская лѣтопись; послѣдній княжилъ на Жмуди. Къ этому заговору повидимому приступилъ и другой племянникъ, Товтивилъ Полоцкій. Въ слѣдующемъ 1263 году Миндовгъ послалъ свое войско за Днѣпръ на Романа Брянскаго, съ которымъ у него были споры за нѣкоторыя Полоцкія и Смоленскія земли. Въ походѣ долженъ былъ участвовать и Довмонтъ Нальщанскій. Но онъ вдругъ объявилъ другимъ вождямъ, что гадатели не велятъ ему идти; воротился съ похода; съ дружиной своей и другими

заговорщиками внезапно напалъ на жилище Миндовга, и убилъ его вмѣстѣ съ двумя его младшими сыновьями. Старшій сынъ убитаго инокъ Войшелгъ, получивъ извѣстіе о семъ и опасаясь той же участи, убѣжалъ изъ своего монастыря въ Пинскъ. Походъ литовскаго войска за Днѣпръ оказался неудаченъ. Романъ Брянскій въ то время праздновалъ свадьбу самой любимой изъ своихъ дочерей, Ольги, съ племянникомъ Даніила Романовича, сыномъ Василька Владиміромъ. Услыхавъ о вторженіи непріятелей, храбрый Романъ выступилъ на встрѣчу враговъ, побѣдилъ ихъ, и, воротясь со славою, докончилъ брачное празднество.

Великимъ княжествомъ Литовскимъ завладѣлъ глава всего заговора Тренята. Очевидно, дѣло Миндовга не погибло съ его смертію; объединеніе Литвы и части Руси подъ верховною властію великаго князя пустило глубокіе корни. Мы видимъ, что различные князья ведутъ борьбу не только за удѣлы, но и главнымъ образомъ за великое княженіе. Союзникъ Треняты Товтивилъ Полоцкій также имѣлъ притязаніе заступить мѣсто убитаго Миндовга. Тренята послалъ звать Товтивила, чтобы полюбовнымъ соглашеніемъ раздѣлить между собою землю Литовскую; а самъ умышлялъ какъ бы убить его. Товтивилъ пріѣхалъ, но съ тѣмъ же умысломъ противъ Треняты; какой-то полоцкій бояринъ Прокопій донесъ о томъ Тренятѣ, и послѣдній предупредилъ своего соперника, поспѣшивъ отдѣлаться отъ него убійствомъ. Но онъ не долго пользовался властію. Четверо конюшихъ Миндовга отомстили смерть своего господина убійствомъ Треняты, на котораго они нечаянно напали, когда онъ мылся въ банѣ. Тогда на историческую сцену снова выступилъ Войшелгъ. Онъ снялъ съ себя монашеское платье и съ пинскою дружиною явился въ своемъ прежнемъ Новогродскомъ удѣлѣ; эта область приняла его сторону; онъ получилъ также помощь отъ князей Галицко Волынскихъ, особенно отъ Шварна Даниловича, которому приходился шуриномъ. (Даніилъ около того времени скончался). Шварнъ лично привелъ ему войско на помощь. Войшелгъ вокняжился въ Литвѣ на мѣстѣ своего отца. Къ нему воротилась его прежняя свирѣпость, и онъ предался необузданной мести противъ всѣхъ, замѣшанныхъ въ заговоръ и убійство Миндовга. Ча-

стію они были захвачены и преданы смерти; а частію спаслись бѣгствомъ изъ Литовской земли. Въ числѣ послѣднихъ находился и Довмонтъ, который, какъ извѣстно, бѣжалъ съ своею дружиною въ Псковъ, тамъ принялъ православную вѣру, и потомъ отличился ратными подвигами при оборонѣ Псковской земли отъ Нѣмцевъ и своихъ соотечественниковъ Литвиновъ.

Не смотря на помощь Волынско-Галицкихъ князей, Войшелгу однако не удалось возстановить власть великаго князя Литовскаго въ томъ объемѣ, который она получила при Миндовгѣ. Многіе удѣльные владѣтели Литвы, Жмуди и Кривской Руси снова пріобрѣтаютъ самостоятельность; является нѣсколько старшихъ князей, которымъ подчиняются остальные меньшіе. Такъ во главѣ удѣльныхъ князей Полоцкой и Витебской области послѣ Товтивила находимъ литовскаго князя Гердения, независимаго отъ великаго князя новогродскаго Войшелга. Въ собственной Литвѣ и Жмуди также встрѣчаемъ нѣкоторыхъ независимыхъ князей. Тѣмъ не менѣе мысль о единомъ верховномъ государѣ не заглохла, и мы видимъ со стороны наиболѣе сильныхъ, энергичныхъ князей постоянныя попытки осуществить ее, пока она наконецъ не исполнилась.

Въ тоже время въ средѣ Литовско-Русскаго міра обнаруживается явная борьба за преобладаніе между двумя составными его частями: Литовскою и Русскою. Русская религія, языкъ и вообще русская гражданственность продолжали неотразимо распространяться среди Литвиновъ, особенно между высшимъ классомъ. Но съ своей стороны и Литовское племя выставляло иногда ревностныхъ и энергичныхъ поборниковъ своей народности и старой религіи.

Въ борьбѣ съ соперниками Войшелгъ преимущественно опирался на русскую помощь и на русское населеніе своихъ областей. Отличаясь усердіемъ къ православію и связанный родствомъ съ семьей Даніила, онъ, достигнувъ великокняжескаго стола, естественно старался давать перевѣсъ всему русскому и самое Новогродско-Литовское княженіе ввести въ составъ сосѣдней Руси. Такъ онъ по русскому обычаю призналъ своимъ отцомъ, т. е. старшимъ надъ собою, Василька Романовича, который по смерти Даніила о-

ставался главою всего рода Галицковолынскихъ князей. Мало того, не имѣя собственнаго потомства, онъ усыновилъ любимаго зятя своего Шварна Даниловича; призвалъ его въ свой стольный Новогродокъ, дабы раздѣлить съ нимъ власть и бремя правленія, и объявилъ его своимъ наслѣдникомъ. Спустя немного лѣтъ, Войшелгъ, не смотря на просьбы Шварна, опять покинулъ княжескій столъ, чтобы въ монастырскомъ уединеніи найти успокоеніе отъ своихъ кровавыхъ дѣлъ. Онъ удалился въ Угровскій монастырь св. Даніила, гдѣ снова облекся въ одежду чернеца; еще живъ былъ его престарѣлый наставникъ Григорій, игуменъ Полонинскій; по просьбѣ Войшелга онъ пріѣхалъ къ нему и вновь преподалъ ему правила монашескаго житія ([68]).

*

Галицкая или Червонная Русь по смерти Даніила раздѣлилась между его сыновьями: Львомъ, Шварномъ и Мстиславомъ. Благодаря уваженію, которое они оказывали своему дядѣ Васильку, теперь старшему въ родѣ Романовичей, продолжалось еще единеніе Волынской и Галицкой Руси и совокупное дѣйствіе противъ внѣшнихъ враговъ. Изъ этого единенія выдѣлялся иногда только Левъ Даниловичъ, отличавшійся пылкимъ, неукротимымъ нравомъ. Получивъ Перемышльское княженіе, онъ завидовалъ брату Шварну, который кромѣ всей сѣверной, т. е. Холмской и Бельзской, части Галиціи пріобрѣлъ еще и все Русско-Литовское княженіе отъ своего зятя Войшелга. Такъ Левъ не принялъ участія въ войнѣ Василька и Шварна съ Болеславомъ Краковскимъ (Стыдливымъ). Конецъ этой войны былъ неудаченъ. Когда сильное польское войско, разоривши Червонную область, пошло обратно домой, Василько послалъ преслѣдовать его Шварна и сына своего Владиміра, и далъ такой наказъ: «не спѣшите вступать съ Ляхами въ битву; но когда, воротясь въ свою землю, они раздѣлятся на части, тогда бейтесь». На предѣлахъ Руси и Польши былъ узкій проходъ, стѣсненный холмами; онъ назывался поэтому «воротами». Едва Ляхи прошли это мѣсто, какъ Шварнъ напалъ на нихъ, забывъ умный совѣтъ дяди и не подождавъ двоюроднаго брата своего Владиміра, шедшаго назади. Ляхи ударили на Шварна и сбили

его передовую дружину; а остальные полки за тѣснотой мѣста не могли подать никакой помощи, и Русь потерпѣла полное пораженіе (1268).

Вслѣдъ за тѣмъ Левъ попросилъ дядю устроить сеймъ во Владимірѣ Волынскомъ съ участіемъ Войшелга. Послѣдній не хотѣлъ пріѣхать, зная, что его кумъ Левъ (у котораго онъ крестилъ сына Юрія) злобился на него за Шварна; но потомъ согласился, положась на охрану Василька. Войшелгъ остановился въ монастырѣ св. Михаила. Одинъ богатый Нѣмчинъ, по имени Марколтъ позвалъ къ себѣ на обѣдъ Василька, Льва и Войшелга. Послѣ веселой попойки Василько отправился спать домой, а Войшелгъ въ монастырь. Сюда пріѣхалъ за нимъ Левъ и говоритъ: «кумъ, выпьемъ еще». Стали пить. Тутъ пьяный Левъ началъ укорять Войшелга за то, что всѣ свои земли онъ отдалъ зятю, а куму ничего не далъ. Слово за слово; Левъ выхватилъ саблю и убилъ Войшелга. Этимъ поступкомъ онъ положилъ черное пятно и на себя, и на своего дядю, нарушивъ священныя права гостепріимства.

Около того времени умеръ Шварнъ, и Левъ захватилъ его Червенскій удѣлъ; но связь Галицко-Волынской Руси съ Литовско-Русскимъ княжествомъ порвалась. Во главѣ послѣдняго мы встрѣчаемъ одного изъ туземныхъ литовскихъ князей по имени Тройдена, котораго русская лѣтопись называетъ «окаяннымъ, беззаконнымъ и треклятымъ». Братья его исповѣдывали православную вѣру; а самъ онъ остался ревностымъ язычникомъ и повидимому воздвигъ гоненіе на православіе и вообще на русскую народность. Вскорѣ скончался Василько Романовичъ (1271), оставивъ Волынскую землю своему сыну Владиміру и удѣливъ изъ нея Луцкую область племяннику Мстиславу Даниловичу. Не смотря на буйный, завистливый нравъ Льва Даниловича, умный и добродушный Владиміръ Васильковичъ умѣлъ уживаться въ мирѣ съ двоюроднымъ братомъ и тѣмъ поддерживать единеніе Галицкой и Волынской Руси. Благодаря этому единенію, и самое Татарское иго было гораздо легче въ Югозападной Руси, нежели въ Руси Восточной. Князья посылали дань хану; но повидимому не раболѣпствовали предъ нимъ, не ѣздили сами на поклонъ въ Золотую Орду, и не пускали въ свои

земли татарскихъ баскаковъ и численниковъ. Татарскіе ханы очевидно щадили ихъ какъ сильныхъ своихъ вассаловъ и пользовались ихъ вспомогательными дружинами для своихъ войнъ съ другими народами. Снѣдаемый жаждою пріобрѣтенія новыхъ земель, Левъ Даниловичъ самъ вмѣшивалъ Татаръ въ свои войны съ сосѣдями, и не разъ обращался съ просьбою о помощи въ Золотую Орду. Такъ въ 1274 году ханъ Менгу-Темиръ по его просьбѣ отправилъ противъ Тройдена Литовскаго не только татарское полчище, но Романа Брянскаго, Глѣба Смоленскаго и другихъ русскихъ князей; съ ними соединились и волынско-галицкіе князья. Эта многочисленная рать начала воевать земли Тройдена, и пошла на самый Новогродокъ. Левъ Даниловичъ съ Татарами, утаясь отъ другихъ князей, хотѣлъ одинъ захватить столицу Черной Руси, и успѣлъ взять внѣшній городъ; но дѣтинецъ устоялъ; а когда подошли остальные князья, то разсорились съ вѣроломнымъ Львомъ и воротились въ свои земли. Любопытна при этомъ обратномъ походѣ одна подробность, говорящая въ пользу Романа Брянскаго. Зять его Владиміръ Васильковичъ Волынскій звалъ тестя къ себѣ во Владиміръ, прося навѣстить его дочь, а свою супругу Ольгу. Но Романъ хотя и очень любилъ ее, однако отказался. «Не могу покинуть своей рати; идемъ по землѣ непріятельской, кто же рать мою доправитъ домой? Вотъ сынъ мой Олегъ пусть идетъ къ тебѣ вмѣсто меня».

Около того времени множество Пруссовъ, нехотѣвшихъ покориться Тевтонскому Ордену, выселилось во владѣнія Тройдена, и подкрѣпило литовское населеніе въ его княжествѣ. Часть ихъ водворилась въ Городнѣ на Нѣманѣ, а часть въ Слонимѣ. Любопытно, что когда въ 1277 году ханъ Ногай послалъ вмѣстѣ съ своими Татарами волынскихъ и галицкихъ князей вновь воевать Литву, то они осадили Городно, но встрѣтили сильный отпоръ отъ поселенныхъ здѣсь Пруссовъ; послѣдніе ночью врасплохъ ударили на передовую русскую дружину, разбили ее и захватили въ плѣнъ многихъ бояръ. Русскимъ князьямъ удалось овладѣть одною каменною башнею, которая стояла передъ городскими воротами; а затѣмъ они заключили съ гражданами миръ, выручивъ только изъ плѣна своихъ бояръ. Года три спустя, неугомонный Левъ, желая

воспользоваться смертью Болеслава Стыдливаго Краковскаго (1279), хотѣлъ отнять часть Судомірской области у двоюроднаго племянника и преемника его Лешка Казиміровича Чернаго; для чего лично отправился къ хану Ногаю, и выпросилъ у него на помощь татарскую рать. Но и на этотъ разъ ему удалось только разорить Судомірскую область; Лешко Черный далъ храбрый отпоръ, и отнялъ у Льва одинъ пограничный городъ (Переворескъ).

Около того же времени и Владиміръ Васильковичъ Волынскій имѣлъ столкновеніе съ Конрадомъ Семовитовичемъ, двоюроднымъ братомъ Лешка Чернаго по слѣдующему любопытному случаю. Былъ большой неурожай одновременно на Руси, въ Польшѣ и въ Литвѣ. Ятвяги прислали къ Волынскому князю съ просьбою избавить ихъ отъ голодной смерти и прислать къ нимъ жито, предлагая за него что угодно изъ произведеній своей земли, воску, бѣлокъ, бобровъ, черныхъ куницъ или серебра. Владиміръ снарядилъ въ Берестьѣ судовой караванъ съ хлѣбомъ и послалъ его внизъ по Западному Бугу, а изъ него вверхъ по Нареву въ землю Ятвяжскую. Но разъ, когда суда остановились на ночлегъ подъ городомъ Полтовскомъ (Пултускъ) на Наревѣ, жители напали на нихъ, избили людей, жито забрали себѣ, а ладьи потопили. Это былъ городъ Конрада Семовитовича Мазовецкаго, и Владиміръ потребовалъ отъ него удовлетворенія; Конрадъ отозвался невѣдѣніемъ о томъ, кто и по чьему велѣнію избилъ людей Васильковыхъ. Владиміръ послалъ рать, которая повоевала берега Вислы и забрала большой полонъ. Затѣмъ заключили миръ; Владиміръ возвратилъ плѣнниковъ, и послѣ того до конца жилъ въ большой пріязни съ Конрадомъ.

Вообще въ эту эпоху польскіе, особенно Мазовецкіе, князья находились въ такихъ тѣсныхъ и родственныхъ связяхъ съ Волынскогалицкими, что спорили объ удѣлахъ, заключали взаимные оборонительные и наступательные союзы, мирились и ссорились, какъ будто это все былъ одинъ княжій родъ. Тотъ же Конрадъ, когда года два спустя былъ обиженъ своимъ роднымъ братомъ Болеславомъ, обратился съ жалобою на него къ Владиміру Волынскому. Послѣдній не только самъ пошелъ ему на помощь, но и послалъ звать

племянника своего Юрія Львовича, княжившаго въ Холмскомъ и Червенскомъ удѣлѣ.

«Дядюшка, отвѣчалъ Юрій, радъ бы съ тобою самъ пойти, но некогда мнѣ; ѣду въ Суздаль жениться; съ собою беру людей немного; а вотъ моя дружина и бояре; поручаю ихъ Богу и тебѣ; если тебѣ любо, бери ихъ съ собою».

Дѣйствительно, воевода Юрія Тюйма соединился съ волынскою ратью, которую вели Владиміръ и его старшіе воеводы, именно служебный князь Василько Слонимскій, Жепиславъ и Дунай. Замѣчательно при этомъ слѣдующее обстоятельство. Бояре Конрадовы колебались въ вѣрности ему, и нѣкоторые изъ нихъ находились въ тайныхъ сношеніяхъ съ Болеславомъ. Поэтому гонецъ, посланный Владиміромъ съ извѣстіемъ о своемъ скоромъ приходѣ, употребилъ хитрость, чтобы бояре не предупредили о томъ Болеслава. Когда посолъ явился къ Конраду, окруженному своими боярами, то громко объявилъ, что Владиміръ и радъ бы помочь ему, но нельзя теперь: мѣшаютъ Татары. Потомъ онъ взялъ князя за руку и такъ крѣпко сжалъ ее, что тотъ понялъ, вышелъ изъ комнаты вслѣдъ за посломъ и услышалъ отъ него слѣдующее: «Братъ твой Василько велѣлъ тебѣ сказать: снаряжайся самъ, и приготовь ладьи на Вислѣ для переправы рати; она будетъ у тебя завтра». Обрадованный Конрадъ такъ и поступилъ. Три соединенныя рати, волынская, червенская и мазовецкая, вступили въ землю Болеслава Семовитовича, взяли приступомъ любимый его городъ Гостиный, и съ большимъ полономъ воротились во свояси, отомстивъ обиду Конрада. Эти мелкія войны противъ того или другаго изъ польскихъ государей со стороны галицкихъ и волынскихъ князей нерѣдко повторялись въ ту эпоху; но кромѣ разоренія пограничныхъ областей обыкновенно не имѣли другихъ ближайшихъ послѣдствій.

Недальновидность Льва Даниловича, обращавшагося за помощью къ Татарамъ и старавшагося опереться на нихъ ради своихъ корыстныхъ цѣлей, дорого обошлась Волынской и Галицкой землѣ. Татарскіе ханы пользовались обстоятельствами, чтобы разъединить Русь, Литву, Поляковъ и Угровъ и не допускать ихъ до общаго союза противъ степныхъ завоевателей. Дружба Льва съ Татарами заставила и Влади-

міра Васильковича, подчиняясь ханскимъ велѣніямъ, иногда за одно съ Татарами воевать тѣхъ сосѣдей, съ которыми онъ желалъ быть въ мирѣ или союзѣ. Такъ въ 1282 году оба хана, Заволжскій и Заднѣпровскій, Телебуга и Ногай, предприняли походъ на Угровъ, и велѣли идти съ собою галицкимъ и волынскимъ князьямъ. Тѣ исполнили это повелѣніе; только Владиміръ Васильковичъ не могъ лично выступить, потому что въ то время сильно хромалъ по болѣзни своей ноги; онъ послалъ свою рать съ племянникомъ Юріемъ Львовичемъ. Походъ окончился полною неудачею. Въ Карпатскихъ горахъ Татары заблудились, и подверглись такому голоду, что начали ѣсть человѣческое мясо, и падали тысячами; а когда вошли въ Угрію, то потерпѣли тамъ пораженіе; оба хана только съ жалкими остатками войска воротились изъ этого похода.

Подобная неудача однако не помѣшала обоимъ ханамъ въ скоромъ времени (въ 1285 г.) затѣять новый походъ, на Поляковъ. Въ походѣ опять должны были принять невольное участіе русскіе князья и восточной и западной стороны Днѣпра, въ томъ числѣ конечно волынскіе и галицкіе. Этотъ татарскій походъ особенно тяжелъ пришелся для Волынско-Галицкой Руси. Когда Телебуга приблизился къ Горынѣ, князь луцкій Мстиславъ Даниловичъ встрѣтилъ хана съ дарами и напитками. При дальнѣйшемъ его движеніи тоже сдѣлалъ Владиміръ Васильковичъ; а затѣмъ у Бужковичей, на рѣкѣ Лугѣ, вышелъ съ дарами и напитками и Левъ Даниловичъ; разумѣется, каждый изъ нихъ при этомъ присоединился съ своею ратью къ татарскому полчищу. На Бужковскомъ полѣ ханъ сдѣлалъ смотръ своимъ полкамъ. Отсюда Телебуга двинулся къ Владиміру Волынскому, и остановился въ селѣ Житани. Жители стольнаго города находились въ сильномъ страхѣ и ждали погрома. Главная татарская сила не вошла въ городъ; но многія лавки были все-таки разграблены; Татары особенно забирали у жителей коней. Телебуга двинулся въ Польшу; а около Владиміра оставилъ толпу Татаръ для корма запаснаго конскаго табуна. Эти Татары своими грабежами разорили всѣ окрестности, и самый городъ держался какъ бы въ осадѣ; ибо грабили и даже убивали всякаго, кто осмѣливался показаться въ полѣ.

Съѣстные припасы также не могли быть доставляемы въ городъ, и много народа погибло въ немъ и въ его окрестностяхъ въ ту зиму. Телебуга и ордынскій царевичъ Алгуй съ татарско-русскою ратью перешли по льду рѣки Санъ и Вислу, и подступили къ Судоміру; но города не могли взять, а только разорили окрестную область. Между тѣмъ ханъ Ногай шелъ другою дорогой, на Перемышль, и, вступивъ въ Польшу, осадилъ Краковъ, но тоже безуспѣшно. Оба хана, опасаясь другъ друга, не соединились вмѣстѣ, и потому оба, ограничившись разореніемъ беззащитныхъ селъ и незначительныхъ городовъ, воротились назадъ, и тоже разными дорогами. На обратномъ пути Телебуга пошелъ черезъ Галицію, и двѣ недѣли стоялъ около Львова; при чемъ здѣсь повторилось тоже, что было съ Владиміромъ Волынскимъ; Татары избивали, грабили и плѣнили всѣхъ, кто выходилъ изъ города. Кромѣ того много жителей погибло тогда отъ голода и случившихся на ту пору лютыхъ морозовъ; по причинѣ холода Татары особенно отнимали у жителей одежду, и многихъ оставляли нагими. Когда Татары наконецъ ушли, Левъ велѣлъ сосчитать сколько погибло у него народу во время стоянки ихъ подъ его столицею: оказалось двѣнадцать тысячъ съ половиною.

Наиболѣе замѣчательнымъ изъ потомковъ Романа Волынскаго является въ это время безспорно Владиміръ (въ крещеніи Иванъ) Васильковичъ. При своемъ благодушномъ, правдивомъ характерѣ онъ пользовался привязанностію подданныхъ и уваженіемъ сосѣдей. Онъ особенно выдавался изъ среды современниковъ своихъ любовью къ образованію, прилежнымъ чтеніемъ книгъ и охотою къ душеспасительнымъ бесѣдамъ съ епископомъ, игумнами и вообще людьми свѣдущими. Волынскій лѣтописецъ называетъ его «великимъ книжникомъ и философомъ». Любовь къ книгамъ однако не мѣшала ему быть храбрымъ вождемъ на ратномъ полѣ и страстнымъ охотникомъ. На ловахъ, по словамъ лѣтописца, князь, если встрѣчалъ вепря или медвѣдя, то не дожидался своихъ слугъ, а самъ бросался на звѣря и убивалъ его. Онъ былъ также умнымъ, дѣятельнымъ правителемъ своей земли, и усерднымъ строителемъ укрѣпленныхъ городовъ для ея защиты.

Лѣтописецъ между прочимъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности о построеніи города Каменца, напоминающія описанное выше построеніе Холма его дядею Даніиломъ Романовичемъ.

Имѣя мало укрѣпленную границу на сѣверѣ со стороны хищныхъ Ятвяговъ и Литвы, Владиміръ началъ думать, гдѣ бы за Берестьемъ построить крѣпкій городъ. Размышляя о томъ, онъ взялъ книги Пророческія и развернулъ на удачу. Открылась 61 глава Исаіи, и князя поразили особенно слѣдующія слова: «И созиждутъ пустыни вѣчныя, запустѣвшія прежде, воздвигнутъ и обновятъ грады пустыя, опустошенныя въ роды». Князь вспомнилъ, что мѣста по рѣкѣ Лѣснѣ, впадающей въ Западный Бугъ ниже Берестья, были прежде населены; но послѣ дѣда его Романа въ теченіи 80 лѣтъ оставались запустѣлыми. У Владиміра былъ опытный строитель по имени Алекса, который при его отцѣ Василькѣ «рубилъ», многіе города (т. е. строилъ ихъ бревенчатыя стѣны). Князь послалъ его въ челнахъ вверхъ по Лѣснѣ съ людьми, знающими тотъ край, чтобы найти удобное мѣсто для постройки города. Когда такое мѣсто отыскано на берегу Лѣсны, посреди глухихъ лѣсовъ (примыкавшихъ къ настоящей Бѣловѣжской пущѣ), Владиміръ съ своими боярами и слугами самъ отправился для осмотра. Ему понравилось это мѣсто. Онъ велѣлъ расчистить его отъ лѣса и срубить городъ, который назвалъ Каменцомъ, по причинѣ каменистой почвы. Онъ построилъ здѣсь соборную церковь въ честь Благовѣщенія, и воздвигъ въ городѣ каменный «столпъ» или башню въ 17 саженъ высоты. Такую же точно башню построилъ онъ и въ Берестьѣ, укрѣпленія котораго обновилъ. Любопытно, что изъ всѣхъ подобныхъ башенъ, построенныхъ въ ту эпоху на Волыни и въ Червонной Руси, лучше всѣхъ сохранилась до нашего времени именно Каменецкая. Она круглая, 16 саженъ въ окружности, имѣла зубчатый верхъ, узкія окна и внизу погреба со сводами. Созидая и укрѣпляя города, Владиміръ, подобно предкамъ своимъ отличавшійся великимъ благочестіемъ, особенно прилежалъ къ построенію и украшенію храмовъ; покрывалъ ихъ фресковымъ росписаніемъ, снабжалъ мѣдными дверями, оксамитными завѣсами и покровами, золотыми и серебряными сосудами, иконами въ золотыхъ и серебряныхъ вѣнцахъ, въ мо-

пистахъ и ризахъ, съ дорогими каменьями и золотыми гривнами, евангеліями и другими богослужебными книгами въ дорогихъ окладахъ. Лѣтописецъ указываетъ устроенные такимъ образомъ храмы Берестья, Каменца, Любомля и особенно стольнаго Владиміра. Нѣкоторыя богослужебныя книги князь списывалъ самъ. Такъ онъ самъ списалъ книгу Апостоловъ для Владимірскаго монастыря свв. Апостолъ, куда кромѣ того отдалъ «сборникъ великій отца своего»; а другой «сборникъ отца своего» положилъ въ Каменецкомъ Благовѣщенскомъ соборѣ. Не ограничиваясь собственными владѣніями, набожный князь дѣлалъ вклады иконами, книгами и прочими церковными предметами и въ другія области. Такъ въ епископскій Перемышльскій храмъ онъ далъ имъ самимъ списанное Евангеліе Опракосъ (служебное) въ серебряномъ съ жемчугомъ окладѣ. Въ Черниговскій Спасскій соборъ послалъ также Евангеліе Опракосъ, писанное золотомъ, окованное серебромъ и жемчугомъ; на верхней сторонѣ этого оклада посрединѣ было финифтяное изображеніе Спасителя.

Сей храбрый, благочестивый, щедрый, правдивый и по тому времени весьма образованный князь обладалъ и сановитою наружностью. Онъ былъ великъ ростомъ, плечистъ, красивъ лицомъ, имѣлъ свѣтлорусые кудреватые волосы, бороду стригъ, говорилъ басомъ и, что особенно было рѣдко, совсѣмъ воздерживался отъ горячихъ напитковъ. Не смотря на его воздержную жизнь, страшная болѣзнь посѣтила Владиміра Васильковича: именно челюсть его начала гнить. Когда эта неизлѣчимая болѣзнь усилилась, многострадальный князь долженъ былъ подумать о своемъ наслѣдникѣ; такъ какъ у него не было собственнаго потомства. Князь и его любимая подруга Ольга Романовна (княгиня Брянская), не имѣя собственныхъ дѣтей, взяли себѣ на воспитаніе какую-то дѣвочку, по имени Изяславу, которую любили какъ родную дочь.

Выборъ преемника для Волынскаго княженія и кончина Владиміра Васильковича послужили предметомъ цѣлаго лѣтописнаго сказанія, весьма любопытнаго по своимъ подробностямъ. Постараемся передать его сущность.

Изъ троихъ родственниковъ, Льва и Мстислава Даниловичей и Юрія Львовича, Владиміръ выбралъ своимъ наслѣд-

никомъ двоюроднаго брата Мстислава Даниловича. Послѣдній отличался добрымъ, привѣтливымъ характеромъ (былъ «легкосердъ» по замѣчанію лѣтописи), тогда какъ другой двоюродный братъ, Левъ, былъ извѣстенъ гордымъ, корыстнымъ нравомъ, и запятналъ гостепріимство Владимірова отца Василька убійствомъ Войшелга. Повидимому и Юрій, сынъ Льва, не многимъ былъ лучше своего отца относительно характера; по крайней мѣрѣ Владиміръ подъ конецъ жизни не благоволилъ къ своему племяннику. Притомъ Мстиславъ уже по распоряженію Василька Романовича владѣлъ частью Волынской земли, именно Луцкою областью, и вѣроятно Владиміръ желалъ, чтобы послѣ его смерти вся Волынская земля опять соединилась въ рукахъ одного князя, сохраняя свою независимость отъ князей и бояръ собственно Червонорусскихъ. Рѣшеніе свое Владиміръ Васильковичъ объявилъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Когда онъ вмѣстѣ съ Телебугою и нѣкоторыми русскими князьями отправился въ походъ на Ляховъ, то дошелъ только до рѣки Сана, и по причинѣ жестокой болѣзни отпросился у хана домой, оставивъ ему свою рать. Но прежде чѣмъ уѣхать, онъ сказалъ Мстиславу Даниловичу:

«Вѣдаешь, братъ, мою немощь и мою бездѣтность; всю свою землю и всѣ города послѣ смерти отдаю тебѣ; отдаю ихъ при царѣ (Телебугѣ) и его рядцахъ (совѣтникахъ)».

Этою торжественною передачею своей земли въ присутствіи и съ согласія хана Золотой Орды князь конечно хотѣлъ съ одной стороны исполнить обязанность татарскаго вассала, а съ другой желалъ обезпечить наслѣдство отъ возможныхъ потомъ притѣсненій со стороны двухъ другихъ родственниковъ, т. е. Льва Даниловича и сына его Юрія. Тутъ же въ татарскомъ станѣ обратился къ нимъ Владиміръ съ объявленіемъ о передачѣ всей своей земли Мстиславу и о томъ, чтобы никто подъ нимъ ничего не искалъ.

«Чего мнѣ подъ нимъ искать послѣ твоей смерти?—отвѣчалъ Левъ.—Всѣ мы ходимъ подъ Богомъ; помоги Богъ и своимъ (княженіемъ) управиться въ такое время».

Мстиславъ «ударилъ челомъ» Волынскому князю за его милость къ себѣ, и тоже обратился къ Льву съ слѣдующими словами:

«Брате мой! Володимиръ далъ мнѣ землю свою и города; если захочешь искать чего по смерти брата нашего, то вотъ царь и царевичи, молви свое хотѣніе».

На этотъ вызовъ Левъ не отвѣчалъ ни слова; но въ душѣ его конечно кипѣла зависть къ брату Мстиславу.

Больной Владиміръ воротился въ свой стольный городъ. Въ окрестностяхъ его, какъ извѣстно, свирѣпствовали тогда толпы Татаръ, приставленныхъ къ ханскимъ табунамъ. «Сильно досадила мнѣ эта погань», сказалъ князь, и, оставивъ вмѣсто себя епископа Марка заправлять дѣлами, уѣхалъ съ княгинею и «дворными слугами» въ любимый свой городъ Любомль, лежавшій верстахъ въ 60 къ сѣверу отъ Владиміра; но такъ какъ и здѣсь было безпокойно отъ Татаръ, то поѣхалъ далѣе къ сѣверу, въ Берестье, а оттуда въ хорошо укрѣпленный Каменецъ. «Когда уйдетъ эта погань изъ нашей земли, то переѣдемъ опять въ Любомль», говорилъ онъ княгинѣ и слугамъ.

По окончаніи татарскаго похода на Ляховъ, въ Каменецъ явились нѣкоторые волынскіе дружинники, участвовавшіе въ этомъ походѣ. Князь распрашивалъ ихъ о войнѣ, о здоровьѣ братьевъ и племянника, о своихъ боярахъ и дружинѣ. «Всѣ остались въ добромъ здоровьѣ», получилъ онъ въ отвѣтъ. Тѣже дружинники донесли ему, что Мстиславъ уже началъ раздавать своимъ боярамъ волынскія села. Прискорбно показалось князю, что выбранный имъ наслѣдникъ еще при жизни его уже началъ распоряжаться наслѣдствомъ, и послалъ онъ немедленно къ Мстиславу гонца съ укорительнымъ словомъ. Тотъ прислалъ его обратно съ выраженіемъ самой глубокой преданности и сыновняго повиновенія къ брату, котораго имѣетъ себѣ «аки отца», чѣмъ и успокоилъ больнаго. Послѣдній чувствовалъ себя все хуже и рѣшилъ письменнымъ актомъ скрѣпить свои условія съ Мстиславомъ. Изъ Каменца князь переѣхалъ въ ближній городъ Рай (Райгородъ) и послалъ къ Мстиславу епископа владимірскаго Евсигнея и двухъ бояръ, Борка и Оловянца, съ словами: «Брате! пріѣзжай ко мнѣ, хочу съ тобой обо всемъ учинить рядъ». Мстиславъ не замедлилъ явиться въ Рай съ своими боярами и слугами, и сталъ на подворьѣ. Доложили Владиміру о пріѣздѣ брата. Тотъ призвалъ его, и, вставъ съ постели, при-

нялъ сидя. Согласно съ русскими обычаями вѣжливости, онъ ничего не говорилъ при этомъ о главной цѣли свиданія, и распрашивалъ гостя разныя подробности о пребываніи его съ Татарами въ Ляшской землѣ и обратномъ походѣ Телебуги. Когда же гость воротился на свое подворье, тѣже епископъ Евсигней, Борко и Оловянецъ явились къ нему, и объяснили, что князь ихъ призвалъ его для того, чтобы учинить ряды о землѣ и городахъ, о своей княгинѣ и воспитанницѣ, и написать о томъ грамоты. Мстиславъ, слѣдуя тѣмъ же обычнымъ пріемамъ вѣжливости и почитанія старшихъ, вновь повторилъ свои увѣренія, что у него и на мысли не было искать братней земли по его смерти; что братъ самъ сталъ говорить о томъ при Телебугѣ и Алгуѣ, при Львѣ и Юріѣ, и что онъ во всемъ готовъ исполнить волю Божью и братнюю. Тогда Владиміръ велѣлъ своему «писцу» Федорцу написать двѣ грамоты. Первой грамотой князь отказывалъ Мстиславу всю свою землю и города и стольный свой Владиміръ. Второй грамотой князь назначилъ по смерти своей супругѣ городъ Кобринъ съ людьми и съ тѣми данями, которыя шли дотолѣ въ княжую казну; кромѣ того село Городелъ съ мытомъ и съ княжими повинностями; при чемъ избавилъ его жителей отъ повинности городовой, т. е. отъ обязанности приходить на стройку или починку городскихъ стѣнъ; но татарщину (свою долю дани татарской) они все таки должны были доставлять князю. Отказалъ княгинѣ еще села Садовое и Сомино, а также построенный имъ на собственное иждивеніе монастырь свв. Апостолъ во Владимірѣ съ пожалованнымъ монастырю селомъ Березовичи, которое князь купилъ у Федорка Давидовича (можетъ быть, у того же писца княжаго) за 50 гривенъ кунами, 5 локтей скарлата (алаго сукна) и двѣ дощатыя брони. Княгиня по смерти вольна, если пожелаетъ, пойти въ черницы (вѣроятно, при томъ же монастырѣ свв. Апостолъ была и женская обитель), а если не пожелаетъ, то «какъ ей любо; вѣдь мнѣ не смотрѣть вставши, кто что дѣлаетъ по моей смерти», прибавилъ завѣщатель.

Когда грамоты были написаны и противни съ нихъ вручены Мстиславу, послѣдній приведенъ ко кресту, и присягнулъ на точномъ ихъ исполненіи, на томъ, что онъ

не отниметъ у княгини ничего изъ завѣщаннаго ей; а также съ клятвою увѣрялъ, что не обидитъ дѣвочку Изяславу, которую, когда придетъ время, не только не отдастъ за кого нибудь неволею, но выдастъ за мужъ какъ свою родную дочь. Урядивши съ братомъ, Мстиславъ пріѣхалъ во Владиміръ, помолился въ соборномъ храмѣ Богородицы, созвалъ владимірскихъ бояръ и горожанъ, равно «Русичей и Нѣмцевъ», и велѣлъ всенародно читать грамоту Владиміра о передачѣ ему всей земли своей и стольнаго города; послѣ чего епископъ Евсигней воздвизальнымъ крестомъ благословилъ его на княженіе Владимірское. Но больной братъ прислалъ подтвердить ему, чтобы до его смерти онъ подождалъ водворяться на Владимірскомъ столѣ, и Мстиславъ удалился пока въ свой Луцкій удѣлъ. Владиміръ на зиму снова переѣхалъ поближе къ стольному городу, т. е. въ свой дорогой Любомль, и тутъ оставался до самой кончины. Самъ онъ уже не могъ удовлетворять своей охотничьей страсти, а разсылалъ только своихъ слугъ на звѣриные ловы по окрестнымъ лѣсамъ и полямъ.

Пришло лѣто. Къ больному пріѣхалъ посолъ отъ мазовецкаго князя Конрада Семовитовича.

«Господинъ и братъ мой!—велѣлъ сказать Конрадъ,—ты былъ мнѣ въ отца мѣсто и имѣлъ меня подъ твоею рукою; тобой я княжилъ и города свои держалъ, и отъ братьи своей оборонялся. А нынѣ, господине, слышалъ я, что ты уже всю землю свою и города отдалъ брату Мстиславу. Надѣюсь на Бога и на тебя; пошли своего посла вмѣстѣ съ моимъ къ брату, чтобы онъ также принялъ меня подъ свою руку и также оборонялъ отъ обиды».

Владиміръ исполнилъ просьбу Конрада. Мстиславъ конечно также отвѣчалъ сердечною готовностію на ея исполненіе; кромѣ того, съ позволенія Владиміра, послалъ звать Конрада къ себѣ на свиданье. Конрадъ поспѣшилъ отправиться въ путь; дорогою заѣхалъ сначала въ Любомль повидать Владиміра и поплакать надъ его болѣзнію; получилъ отъ него въ подарокъ добраго коня, и поѣхалъ въ Луцкъ къ Мстиславу. Послѣдняго на ту пору въ городѣ не случилось: онъ проживалъ въ ближнемъ и любимомъ своемъ селѣ Гаѣ, гдѣ построилъ красивую церковь и богатые княжіе хоромы. Здѣсь Мсти-

славъ, окруженный своими боярами и слугами, очень радушно встрѣтилъ и угостилъ Конрада, обѣщалъ принять его подъ свою руку, стоять за него, честить и дарить также, какъ стоялъ, честилъ и дарилъ его братъ Владиміръ. Затѣмъ Луцкій князь съ честью отпустилъ Конрада, щедро надѣливъ его подарками, въ томъ числѣ прекрасными конями въ богатыхъ сѣдлахъ и дорогими одеждами.

Въ Любомль прискакалъ изъ Люблина гонецъ, по имени Ертакъ. Доложили Владиміру; тотъ не допустилъ его къ себѣ, и велѣлъ княгинѣ распросить, съ чѣмъ онъ пріѣхалъ. Ертакъ объявилъ, что князь краковскій Лешко Казиміровичъ (Черный) скончался и что Люблинцы зовутъ Конрада Семовитовича на Краковско-Судомірское княженіе. Больной князь велѣлъ дать подъ Ертака свѣжихъ коней, и тотъ нашелъ Конрада во Владимірѣ Волынскомъ на обратномъ его пути изъ Луцка. Обрадованный Конрадъ прискакалъ въ Любомль, и просилъ свиданія съ Волынскимъ княземъ; но Владиміръ и его не допустилъ къ себѣ, а также велѣлъ переговорить съ нимъ княгинѣ. Мазовецкій князь просилъ послать съ нимъ воеводу Дуная, конечно, съ цѣлью показать Полякамъ свою дружбу и союзъ съ сильнымъ Волынскимъ княземъ. Но или посольство Ертака было дѣломъ только небольшой партіи, или обстоятельства быстро перемѣнились: Люблинцы заперли передъ княземъ ворота и не впустили его въ городъ. Конрадъ остановился въ загородномъ монастырѣ, и отсюда вступилъ въ переговоры съ горожанами, спрашивая, зачѣмъ же они его звали къ себѣ.

«Мы за тобой не посылали, отвѣчали Люблинцы,—намъ голова Краковъ; тамъ наши воеводы и великіе бояре; сядешь въ Краковѣ, и мы твои».

Вдругъ пришла вѣсть, что къ городу приближается рать. Подумали, что это были Литовцы, и всѣ переполошились. Конрадъ съ своими слугами и съ Дунаемъ заперся на монастырской башнѣ. Но страхъ оказался напрасенъ; то была русская дружина съ княземъ Юріемъ Львовичемъ. Люблинская область, населенная по большей части Русскимъ племенемъ, составляла предметъ давнихъ желаній Галицкихъ князей, и Левъ съ сыномъ думали теперь воспользоваться наступившими въ Польшѣ смутами, чтобы захватить

Люблинъ. Повидимому здѣсь тоже была партія, которая звала Юрія. Однако онъ также обманулся какъ и Конрадъ. Люблинцы не только не впустили его, но и явно начали готовиться къ оборонѣ. Нѣкоторые горожане съ насмѣшкою говорили ему: «князь, ты плохо ѣздишь (на войну); рать у тебя мала; придутъ многочисленные Ляхи и причинятъ тебѣ великій соромъ». Юрій долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, что разграбилъ, поплѣнилъ и пожегъ окрестныя села, и удалился. Конрадъ тоже со стыдомъ уѣхалъ во свояси.

Обманувшійся въ разсчетѣ на Люблинскую область, Юрій Львовичъ прислалъ къ дядѣ въ Любомль сказать ему:

«Господине строю мой! Богу и тебѣ вѣдомо, какъ я со всею правдою служилъ тебѣ и имѣлъ тебя вмѣсто отца; а нынѣ отецъ мой (Левъ) отнимаетъ у меня тѣ города, которые мнѣ далъ, Бельзъ, Червенъ и Холмъ, и оставляетъ только Дрогичинъ и Мельникъ. Бью челомъ Богу и тебѣ, дай мнѣ господине, Берестье».

Отнятіе городовъ Львомъ у сына конечно было притворное, не болѣе какъ предлогъ просить Берестейскаго уѣзда. Владиміръ отправилъ назадъ посла съ рѣшительнымъ отказомъ, велѣвъ объявить, что онъ не нарушитъ договора съ братомъ, которому отдалъ всѣ свои земли и всѣ города. Волынскій князь не ограничился этимъ отвѣтомъ; безпокоясь о цѣлости Волынской земли и зная доброту Мстислава, онъ снарядилъ къ нему своего вѣрнаго слугу Ратьшу съ извѣстіемъ о просьбѣ племянника, и, взявъ при этомъ изъ своей постели пукъ соломы въ руку, прибавилъ: «скажи брату, чтобы и такой вѣхоть соломы не давалъ никому послѣ моей смерти». Мстиславъ по обыкновенію отвѣчалъ клятвою въ своемъ повиновеніи, и щедро одарилъ Ратьшу. Однако со стороны Галицкихъ князей попытка на счетъ Берестья тѣмъ не ограничилась. Отъ самого Льва Даниловича пріѣхалъ въ Любомль посломъ Перемышльскій епископъ, по имени Мемнонъ. Когда слуга доложилъ о пріѣздѣ владыки, Владиміръ догадался въ чемъ дѣло, и позвалъ его къ себѣ. Владыка вошелъ, поклонился до земли, и сказалъ: «братъ тебѣ кланяется». Потомъ, приглашенный хозяиномъ, онъ сѣлъ и «началъ править посольство».

«Господине! вотъ что братъ велѣлъ молвить тебѣ: дядя твой король Данило, а мой отецъ лежитъ въ Холмѣ у святой Богородицы, тутъ же лежатъ кости сыновей его, а моихъ братьевъ Романа и Шварна. А нынѣ слышалъ про твою великую немочь; не погаси свѣчей надъ гробомъ дяди и братьевъ твоихъ, дай городъ Берестье, это будетъ твоя свѣча».

Владиміръ, какъ великій книжникъ и философъ, много говорилъ съ епископомъ отъ Св. Писанія; а въ заключеніе велѣлъ отвезти такой отвѣтъ:

«Брате и княже Льве! За безумнаго что ли ты меня почитаешь, чтобы я не разумѣлъ твоихъ хитростей? Развѣ мала у тебя собственная земля? Три княженія держишь, Галицкое, Перемышльское и Бельзское, а хочешь еще Берестья. Вотъ мой отецъ, а твой дядя лежитъ во Владимірѣ у Св. Богородицы, много ли ты надъ нимъ свѣчъ поставилъ? Далъ ли ты какой городъ на свѣчу по немъ? Прежде просилъ живымъ, а теперь ужъ и мертвымъ просишь. Не только города, села тебѣ не дамъ».

Всѣ эти происки очевидно раздражали больнаго князя. Однако онъ съ честью отпустилъ владыку, и одарилъ его. Между тѣмъ тяжкія страданія князя все усиливались; хотя онъ могъ еще вставать, но уже челюсть нижняя съ зубами перегнила и обнажилась отъ мяса. По обычаю благочестивыхъ людей того времени князь роздалъ нищимъ и убогимъ значительную часть движимаго имѣнія, какъ полученнаго отъ отца, такъ и нажитаго имъ самимъ, именно золото, серебро, дорогіе камни, золотые и серебряные пояса; а большія серебряныя блюда, золотые кубки и золотыя монисты матери и бабушки велѣлъ на своихъ глазахъ разбить и перелить въ гривны, изъ которыхъ разсылалъ милостыни по всей землѣ; великіе табуны свои раздавалъ неимущимъ коней, особенно тѣмъ, которые лишились ихъ во время прихода Телебуги.

Настала зима. Чувствуя приближеніе кончины, князь причастился у своего духовнаго отца въ созданной имъ самимъ церкви Св. Георгія. Тутъ въ маломъ алтарѣ, гдѣ священники снимаютъ свои ризы, князь сидѣлъ на стулѣ и слушалъ литургію, будучи уже не въ силахъ стоять на ногахъ. Воротясь въ теремъ, онъ легъ и болѣе не выходилъ. Гніеніе дошло уже до гортани, такъ что больной въ теченіе семи

недѣль не могъ принять пищи и только пилъ по немногу воды. Наконецъ въ ночь съ четверга на пятницу 10 Декабря 1289 года въ день Св. Мины, Владиміръ Васильковичъ испустилъ духъ. Княгиня и «дворные слуги», омывъ тѣло и завернувъ его въ оксамитъ съ кружевами, «какъ подобаетъ царямъ», возложили его на сани и въ тотъ же день отвезли во Владиміръ, въ соборъ Богородицы. Было уже поздно, и тѣло оставили въ церкви на саняхъ. Въ субботу рано поутру послѣ заутрени епископъ Евсигней съ игуменами, въ томъ числѣ Агапитомъ Печерскимъ, отпѣвъ обычныя молитвы, положили тѣло Владиміра въ каменную гробницу. Лѣтописецъ передаетъ при этомъ и самыя причитанья надъ тѣломъ покойнаго супруги его Ольги Романовны, которая особенно поминала его незлобіе и терпѣніе. Кромѣ нея плакала надъ нимъ и сестра покойнаго Ольга Васильевна, бывшая замужемъ за однимъ изъ Черниговскихъ князей. «Лѣпшіе мужи» Владимірскіе плакали надъ нимъ, поминая, что онъ никому не давалъ ихъ въ обиду подобно дѣду своему Роману, и что теперь зашло ихъ солнце и конецъ ихъ безъобидному житію. По слову лѣтописца, плакали о немъ не одни русскіе жители Владиміра, богатые и нищіе, міряне и черноризцы, но также Нѣмцы, Сурожскіе (итальянскіе) и Новогородскіе торговые люди, и самые Жиды, какъ будто послѣ взятія Іерусалима, когда ихъ вели въ плѣнъ Вавилонскій. Съ 11 Декабря до самаго Апрѣля гробъ былъ только накрытъ крышкою, но еще не замазанъ известью; а 6 Апрѣля въ середу на страстной недѣлѣ княгиня и епископъ со всѣмъ причетомъ, открывъ гробъ и совершивъ обычныя молитвы, наглухо его замазали.

Князь Мстиславъ не поспѣлъ пріѣхать къ 11 Декабря, т. е. на погребеніе брата, а пріѣхалъ уже послѣ съ своими боярами и слугами. Совершивъ плачъ надъ гробомъ, онъ началъ разсылать свою засаду (гарнизоны) по всѣмъ городамъ волынскимъ. Но тутъ вновь возникъ вопросъ о Берестейскомъ удѣлѣ. Берестьяне, склоненные Галицкими князьями, учинили крамолу, и едва Владиміръ скончался, послали за Юріемъ Львовичемъ и присягнули ему какъ своему князю. Юрій поспѣшилъ пріѣхать въ Берестье и поставилъ здѣсь свою засаду, также въ городахъ Каменцѣ и Бѣльскѣ. Волынскіе бо-

яре изъявили Мстиславу готовность положить за него свои головы, чтобы смыть соромъ, возложенный на него племянникомъ. Они совѣтовали князю сначала занять собственные города послѣдняго, Бельзъ и Червенъ, а потомъ идти на Берестье. Но «легкосердый» Мстиславъ не хотѣлъ проливать кровь неповинную, и прежде сталъ дѣйствовать на Юрія увѣщаніями, напоминая всѣ предшествовавшія обстоятельства передачи ему Волынской земли покойнымъ Владиміромъ при Татарскомъ ханѣ, съ молчаливаго согласія самого племянника и его отца. Въ случаѣ дальнѣйшаго упорства возлагалъ на него отвѣтъ за пролитіе крови, и объявилъ, что онъ не только самъ снаряжается на рать, но уже послалъ звать къ себѣ на помощь Татаръ. Съ тѣми же рѣчами отправилъ Владимірскаго владыку и къ самому Льву Даниловичу. Послѣдній испугался угрозы Татарами («у него не сошла еще оскомина отъ Телебужиной рати»); увѣрялъ, будто сынъ учинилъ все это безъ его вѣдома, и обѣщалъ послать ему повелѣніе удалиться изъ Берестья. И дѣйствительно послалъ съ такимъ повелѣніемъ своего боярина вмѣстѣ съ бояриномъ Мстислава. Юрій не упорствовалъ болѣе, и со стыдомъ выѣхалъ изъ Берестейской области, сорвавъ зло на княжихъ дворахъ и теремахъ, которые разграбилъ и разорилъ какъ въ Берестьѣ, такъ въ Каменцѣ и Бѣльскѣ. Между тѣмъ Мстиславъ отправилъ гонца воротить съ дороги своего служебнаго князя Юрія Поросскаго, служившаго прежде Владиміру; этого князя онъ уже послалъ было звать Татаръ.

Мстиславъ пріѣхалъ въ Берестье. Горожане встрѣтили его съ крестами и выраженіемъ своей покорности; только главные заводчики крамолы бѣжали въ Дрогичинъ вмѣстѣ съ Юріемъ, который присягнулъ не выдавать ихъ дядѣ. Изъ Берестья Волынскій князь проѣхалъ въ Каменецъ и Бѣльскъ, также утвердилъ ихъ за собой присягой жителей, и оставилъ въ нихъ свою засаду. Воротясь въ Берестье, онъ спросилъ своихъ бояръ: «А есть ли тутъ ловчее»? (поборъ съ жителей на содержаніе княжей охоты). Ему отвѣчали, что никогда не было. «Нехочу смотрѣть на ихъ кровь (казнить смертію), а за ихъ крамолу на вѣки уставляю ловчее». И велѣлъ своему писцу написать уставную грамоту, по которой ежегодно взималось съ каждой сотни (купцовъ) два

лукна меду, двѣ овцы, пятнадцать десятковъ льну, сто хлѣбовъ, пять цебровъ овса, пять цебровъ ржи и 20 куръ, а съ простыхъ горожанъ четыре гривны кунъ. При этомъ крамола Берестьянъ по княжему приказу была внесена въ лѣтопись на память потомству.

Какъ видно, Владиміръ Васильковичъ не ошибся въ выборѣ своего преемника. Княженіе Мстислава Львовича на Волыни по своему характеру было какъ бы продолженіемъ княженія Владимірова. Онъ умѣлъ сохранить не только миръ съ сосѣдями, но и пользовался уваженіемъ. Между прочимъ литовскіе князья сосѣдней Черной Руси (братья Бурдикидъ и Будивидъ), чтобы укрѣпить миръ съ Волынью, уступили ему городъ Волковыйскъ. Конрада Мазовецкаго онъ не даромъ взялъ подъ свою руку; по просьбѣ его Волынскій князь послалъ ему на помощь свою рать съ воеводою Чудиномъ, которая завоевала Конраду княженіе Судомірское. А старшій братъ его Левъ Галицкій съ своей стороны самъ водилъ свое войско на помощь брату Конрадову Болеславу Семовитовичу, который велъ борьбу съ однимъ изъ силезскихъ князей Генрихомъ Вратиславичемъ за старшее, т. е. за Краковское княженіе. Кромѣ галицкой рати въ этомъ походѣ соединились съ Болеславомъ родной братъ его Конрадъ и двоюродный Владиславъ Казиміровичъ Локотокъ (Маленькій), одинъ изъ удѣльныхъ князей Куявскихъ, впослѣдствіи знаменитый объединитель Польской земли. Союзники подступили къ Кракову, и заняли внѣшній городъ; но внутренній замокъ или кремль храбро обороняли наемные Нѣмцы, оставленные здѣсь Генрихомъ Вратиславичемъ. Этотъ замокъ былъ очень крѣпокъ, весь каменный и хорошо снабженный метательными орудіями, каковы пороки и «самострѣлы коловоротные, великіе и малые». Левъ Даниловичъ, извѣстный своимъ ратнымъ искусствомъ и храбростью, и притомъ какъ сильнѣйшій изъ союзниковъ, принялъ главное начальство; онъ повелъ свою рать на приступъ и велѣлъ тоже сдѣлать Ляхамъ. Но въ самомъ разгарѣ боя, вдругъ пришла вѣсть, что на помощь осажденнымъ приближается большое войско. Левъ пріостановилъ приступъ, началъ приводить въ порядокъ свои полки и послалъ въ поле развѣдчиковъ. Оказалось, что никого не было. Сами союзники Ляхи съ умысломъ распространили ложную тревогу,

чтобы помѣшать взятію города Русью. Тогда Левъ ограничился посылкою своихъ отрядовъ въ собственныя владѣнія Генриха и захватомъ множества плѣнныхъ. Изъ подъ Кракова онъ ѣздилъ на свиданіе съ королемъ чешскимъ Вацлавомъ II, однимъ изъ претендентовъ на Краковское княженіе, и, заключивъ съ нимъ союзъ, воротился домой (1291). Вслѣдъ за тѣмъ Генрихъ умеръ, и Вацлавъ Чешскій былъ призванъ частью польскихъ вельможъ на Краковскій столъ; соперникомъ ему выступилъ Владиславъ Локотокъ, который въ своемъ маломъ тѣлѣ обнаружилъ замѣчательную отвагу и неустанную энергію. Пользуясь этими смутами, Левъ исполнилъ наконецъ одно изъ своихъ давнишнихъ стремленій: съ помощію постоянныхъ союзниковъ своихъ Татаръ онъ завоевалъ у Ляховъ Люблинъ. Но не долго Русь владѣла этимъ городомъ: вскорѣ по смерти Льва Ляхи отняли его назадъ.

Отличавшійся неукротимымъ, буйнымъ нравомъ въ молодости своей, подъ старость Левъ сдѣлался довольно тихимъ и кроткимъ; за исключеніемъ упомянутыхъ столкновеній съ Поляками жилъ въ мирѣ съ сосѣдями, занимался устроеніемъ своей земли, особенно укрѣпленіемъ и украшеніемъ своего стольнаго города Львова, гдѣ поселилъ много иноземныхъ торговцевъ и ремесленниковъ нѣмецкихъ и восточныхъ (между прочимъ Армянъ и Евреевъ). Дружба его съ Татарами простиралась до того, что онъ держалъ при себѣ татарскихъ тѣлохранителей. Онъ скончался въ 1301 году, оставивъ всѣ свои земли сыну Юрію. Около того же времени умеръ и братъ его Мстиславъ. Тогда Юрій Львовичъ соединилъ въ своихъ рукахъ обѣ юго-западныя Руси, Галицкую и Волынскую. Подъ его же рукою находились князья Пинскіе и нѣкоторые другіе удѣльные князья на Полѣсьѣ и Кіево-Волынской украйнѣ. Въ то же время, по смерти чешскаго короля Вацлава II (1305) Локотокъ достигъ цѣли своихъ долгихъ усилій, сѣлъ на Краковско-Судомірскомъ княженіи, и началъ собираніе Польской земли. А съ другой стороны выдвинулось на историческую сцену столь же обильное послѣдствіями для юго-западной Руси объединеніе Литвы, во главѣ которой явились Витенъ и братъ его Гедиминъ ([69]).

ПРИМѢЧАНІЯ КО ВТОРОЙ ЧАСТИ.

[1]) Для очерка Кіевской области и города Кіева, кромѣ лѣтописныхъ извѣстій и личнаго знакомства съ топографіей и древностями, я имѣлъ подъ руками слѣдующія пособія: Митрополита Евгенія «Описаніе Кіевософійскаго собора и Кіевской іерархіи». Кіевъ 1825. Его же «Описаніе Кіевопечерской лавры». К. 1826. Изданныя Фундуклеемъ: «Обозрѣніе Кіева въ отношеніи къ древностямъ». К. 1847., «Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи». К. 1848. и «Статистическое описаніе Кіевской губерніи». Спб. 1852. Пахилевича—«Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи». К. 1864. Блазіуса — Reise im Europäischen Russland. Braunschweig. 1844. Петцольда—Reise im westlichen und südlichen europäischen Russland. Leipzig. 1864. Гакстгаузена—Studien über die Zustände Russlands. Hannover—Berlin. 1847—1852. Бѣляева—«О географическихъ свѣдѣніяхъ въ древней Россіи» (Записки Географич. Общества. Кн. VI. 1852). Погодина—«Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи». Т. III. глава 3. Н. Барсова.—«Матеріалы для историкогеографическаго словаря Россіи». Вильна. 1865. Самымъ богатымъ пособіемъ для знакомства собственно съ древнимъ городомъ Кіевомъ и его древностями, а также и съ самою литературою этого предмета служитъ обширный и добросовѣстный трудъ Н. Закревскаго «Описаніе Кіева». М. 1868 г. два тома, съ атласомъ, изданіе Московскаго археологическаго общества. Затѣмъ слѣдуетъ весьма полезное изданіе Кіевской Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ—«Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей». К. 1874 (подъ редакціей профессоровъ Антоновича и Терновскаго). Хорошимъ дополненіемъ къ этимъ изданіямъ являются изслѣдованія софійскаго протоіерея Лебединцева «О св. Софіи Кіевской» и профессора Лашкарева «Кіевская архитектура X—XII вѣка». (См. Труды Третьяго археологическаго съѣзда. К.

1878). «Развалины церкви св. Симеона и Копыревъ Конецъ»— также Лашкарева (Труды Кіевской духовной Академіи за 1879 г.). «Древнѣйшая въ Россіи церковь Спасъ на Берестовѣ»—Сементовскаго. К. 1877. Кромѣ того упомяну «Кіевскія мозаики»—Крыжановскаго (въ Запискахъ Археолог. Общ. т. VIII. Спб. 1856). Не привожу многихъ другихъ относящихся къ Кіеву и его древностямъ описаній, объясненій, замѣтокъ и т. п., принадлежащихъ, напримѣръ, Берлинскому, Сементовскому, Муравьеву и особенно Максимовичу (См. 2-й томъ его сочиненій К. 1877). А что касается до писателей иностранныхъ, польскихъ и малорусскихъ, преимущественно такихъ, которые были очевидцами многихъ уже исчезнувшихъ теперь остатковъ древняго Кіева, то все существенное извлечено изъ нихъ въ упомянутомъ «Сборникѣ матеріаловъ». (Ляссота, Сильвестръ Коссовъ, Кальнофойскій, Павелъ Алепскій и друг.).

Считаю необходимымъ присоединить слѣдующее замѣчаніе относительно урочища или мѣстности, извѣстной въ лѣтописи подъ именемъ Угорскаго. Уже Шлецеръ въ своемъ Несторѣ (II. 236 стр. перевода Языкова) производилъ это названіе отъ горы, т. е. объяснялъ его угорьемъ. Закревскій такое объясненіе называетъ страннымъ (стр. 191), и стоитъ за обычное производство отъ народа Угры. Это словопроизводство основано на словахъ русской лѣтописи подъ 986 г.: «Идоша угри мимо Кіевъ горою, еже ся зоветь нынѣ Угорское; пришедше къ Днѣпру сташа вѣжами». Но такое извѣстіе не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Съ нимъ обыкновенно связывается представленіе о какомъ-то переходѣ Угровъ изъ ихъ родины отъ Уральскихъ степей на Дунай. Представленіе совершенно ложное. Во первыхъ, Угры, по византійскимъ извѣстіямъ, находились въ южной Россіи и около Дуная еще въ первой половинѣ IX вѣка, и уже прежде 898 года разрушили Великоморавскую державу въ союзѣ съ Нѣмцами. А во вторыхъ, ни въ какомъ случаѣ имъ не лежалъ путь отъ Уральскихъ степей къ Дунаю по правому, нагорному и лѣсистому берегу Днѣпра мимо Кіева. Невозможно также представить себѣ (какъ это дѣлали) и переправу кочевой орды съ лѣваго берега на правый подъ Угорскимъ и стоянку вежами на этомъ обрывѣ, покрытомъ тогда дебрями, притомъ переправу черезъ упомянутую сѣть днѣпровскихъ рукавовъ, притоковъ, заливовъ и болотъ и стоянку дикой степной орды почти въ самой столицѣ сильнаго Русскаго княжества! Нѣтъ сомнѣнія, что

лѣтописное извѣстіе объ этой стоянкѣ было плодомъ мѣстнаго домысла, пытавшагося объяснить названіе Угорское, которое невольно напоминало народъ Угровъ. Здѣсь въ лѣтописи все таже попытка осмыслить мѣстныя топографическія названія, какую мы видимъ въ легендахъ о Кіѣ, Щекѣ, Хоривѣ, Лыбеди, Оскольдовой и Дировой могилѣ. Между тѣмъ и доселѣ въ Сѣверной Россіи слово угоръ значитъ крутой, землистый берегъ рѣки (Очерки Рус. Историч. географіи—Барсова. Прим. 33).

Сюда же относится вопросъ о мѣстѣ княжаго загороднаго дворца Угорскаго. Напримѣръ, лѣтопись говоритъ, что въ 1151 г., когда Изяславъ II призвалъ на великое княженіе дядю Вячеслава, то дядя помѣстился на Великомъ дворѣ Ярослава, а племянникъ «подъ Угорскимъ». Этотъ Угорскій дворецъ не знали куда отнести и связывали его съ мѣстомъ Оскольдовой могилы (Закрев. 197). Но невозможно предположить, чтобы княжескій загородный дворъ, для котораго требовался порядочный просторъ, лѣпился гдѣ нибудь на уступѣ горы или внизу у подошвы этой горы, спускающейся почти въ самую рѣку. Мы думаемъ, что Угорскимъ дворомъ назывался въ XII вѣкѣ ничто иное какъ княжій дворъ на Берестовѣ, расположенный на Угорьѣ. Этотъ дворецъ по своему значенію очевидно занималъ первое мѣсто между княжескими загородными теремами, и вообще второе мѣсто послѣ Великаго двора Ярославова въ Кіевѣ. Въ лѣтописи еще упоминаются однажды ворота Угорскія (1151). Но тутъ вѣроятно разумѣлись не ворота самого города, а ворота Берестовскаго двора, который могъ быть укрѣпленъ особою стѣною или валомъ. Возможно, что этотъ дворъ входилъ въ черту какого либо внѣшняго вала, примыкавшаго къ укрѣпленіямъ города. Вотъ мѣсто лѣтописи: «а Коуеве и Торчи и Печенѣзи туда сташа отъ Золотыхъ воротъ по тѣмъ огородомъ до Лядьскихъ воротъ, а оттолѣ они и до Клова и до Берестоваго и до Угорьскихъ воротъ и до Днѣпра». Берестово упоминается здѣсь по сосѣдству съ Угорскими воротами; что ясно можетъ указывать на тождество двора Угорскаго съ Берестовскимъ.

О красотѣ кіевскихъ женщинъ, какъ одной изъ причинъ, по которой Поляки Болеслава Смѣлаго не желали разстаться съ этимъ краемъ, говоритъ Стрыйковскій (I. 165).

[2]) Существуетъ списокъ съ жалованной грамоты Андрея Боголюбскаго Кіево-Печерскому монастырю на городъ Василевъ съ при-

надлежавшими ему владѣніями и угодьями; какъ родина св. Өеодосія этотъ городъ, т. е. княжіе доходы съ него отдаются Өеодосіеву монастырю. Грамота была бы очень важна для знакомства съ положеніемъ этого края въ XII вѣкѣ, если бы она была достовѣрна. Но уже митрополитъ Евгеній, напечатавшій ее, называетъ ее сомнительной, и вполнѣ справедливо. (См. его Описаніе Кіевопеч. Лавры). Однако весьма возможно, что въ основу сего велерѣчиваго и необыкновенно щедраго позднѣйшаго произведенія легла какая нибудь дѣйствительно древняя грамота. Въ ней можно отыскать слѣды этой древности. Между прочимъ она говоритъ о городахъ «Поросскихъ» иначе «Завальскихъ», т. е. лежавшихъ за Стугненскимъ валомъ; упоминаетъ слѣдующіе могильные курганы: Великую Могилу на Бѣло-княжескомъ полѣ, курганъ на Невеселовскомъ полѣ, Перепетовъ и Перепетовку. Любопытно, что всѣ эти четыре древнихъ кургана сохранились до нашего времени. А послѣдніе два удержали свои древнія названія и украсились народною легендою о погребенныхъ подъ ними князѣ Перепетѣ и его супругѣ Перепетихѣ. Курганъ Перепетиха подвергнутъ былъ тщательной раскопкѣ Кіевскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ; въ немъ подъ обрушившимся сводомъ изъ дубовъ и камней найдены остатки скелетовъ, глиняныхъ сосудовъ, деревянныхъ щитовъ съ металлическими бляхами, стрѣлъ, желѣзныхъ ножей и топоровъ, ожерелья изъ шариковъ, стеклянныхъ, костяныхъ и цвѣтныхъ камушковъ, и нѣкоторыя металлическія украшенія. (См. «Древности», изданныя этою Коммиссіей. Спб. 1846. съ атласомъ).

Мнѣнія о положеніи Торческа весьма разнообразны. По однимъ онъ лежалъ на берегу рѣки Торы, впадающей справа въ Рось въ Таращанскомъ уѣздѣ Кіевской губ. Этого мнѣнія держались Карамзинъ (къ т. II. прим. 165), Надеждинъ и Неволинъ (см. Изслѣд. и лекціи Погодина. IV. 153). Другіе указываютъ на село Безрадачи на лѣвой сторонѣ Стугны въ Кіевскомъ уѣздѣ (Ревякинъ въ Кіев. губ. Вѣд. 1863. №№. 33 и 34). Къ этому мнѣнію склоняются Пахилевичъ (39) и Барсовъ (200). Послѣднему мнѣнію противорѣчитъ извѣстіе лѣтописи о походѣ 1093 года: князья, идя на Половцевъ, осадившихъ Торческъ, перешли Стугну, и затѣмъ уже встрѣтились съ варварами. Слѣдовательно этотъ городъ лежалъ на правой сторонѣ Стугны. Первое мнѣніе имѣетъ болѣе вѣроятія; но, по смыслу лѣтописныхъ извѣстій о Торческѣ скорѣе

можно его предположить внутри Поросья, т. е. не на правомъ притокѣ Роси, а на лѣвомъ (м. б. на Рутѣ). Впрочемъ въ древней Руси повидимому былъ не одинъ городъ съ названіемъ Торческа или Торцкаго. Относительно положенія кіевскаго Звенигорода также высказывались разныя мнѣнія. Наиболѣе вѣроятно предположеніе кіевскаго профессора Антоновича, который указываетъ на городище близъ села Хотова, въ 15 верстахъ отъ Кіева по дорогѣ въ Васильковъ. («О мѣстоположеніи древняго кіевскаго Звенигорода» въ Древностяхъ Моск. Археол. Общ. Т. VI. вып. I. М. 1875). О положеніи Заруба и Зарубскаго пещернаго монастыря около теперешнихъ селъ Трахтемирова, Зарубницъ и деревни Монастырокъ см. нѣсколько соображеній и указаніе на остатки пещеръ у Срезневскаго въ «Свѣд. и замѣт. о малоизв. и неизв. памят.» 1867.

3) Извѣстія русской лѣтописи о Черныхъ Клобукахъ собраны въ Изслѣдд. и лекціяхъ Погодина. V. 181—208; а также въ статьѣ Самчевскаго «Торки, Берендѣи и Черные Клобуки» (Архивъ Калачова т. II. ч. I). Замѣчаніе о наружности ихъ сдѣлано на основаніи мадьярскаго писателя Эрнея, который говоритъ о Печенѣгахъ, поселившихся въ Венгріи: тамъ они имѣли значеніе той же легкой пограничной конницы какъ и у насъ. (См. «О Торкахъ, Печенѣгахъ и Половцахъ по мадьярскимъ источникамъ»—Куника въ Учен. Запискахъ Академіи Наукъ по 1 и 3 отд. т. III. вып. 5). Арабскіе писатели X вѣка также изображаютъ Печенѣговъ (Баджнаки) народомъ длиннобородымъ и усатымъ. (Абу Дулафъ въ «Сказан. Мусульм. писателей» Гаркави, 185). По извѣстію Константина Багрянороднаго (De administr imperio) Печенѣги отличались отъ Узовъ или Торковъ болѣе короткимъ и безрукавымъ платьемъ. Но когда остатки тѣхъ и другихъ смѣшались вмѣстѣ въ южной Руси подъ именемъ Берендѣевъ или Черныхъ Клобуковъ, то конечно съ теченіемъ времени сгладились ихъ различія въ одеждѣ.

4) П. С. Р. Лѣт. Пособіями для обозрѣнія Полѣсья и Волыни, какъ и другихъ древнерусскихъ областей служатъ упомянутыя въ 1 примѣч. общіе историко-географическіе труды Бѣляева, Погодина и Барсова, который кромѣ Матер. для историко-географич. словаря издалъ еще «Очерки русской исторической географіи» Варшава. 1873 (на послѣднее сочиненіе см. критику Майкова въ Жур. М. Н. Пр.

1874. Августъ, и Замысловскаго, ibid. 1875 Февраль). Кромѣ того: Географическіе словари Щокотова (6 томовъ) и Семенова (5 томовъ). Списки населенныхъ мѣстъ Рос. имперіи. Тщательно составленный «Учебный атласъ по Русской исторіи» профес. Замысловскаго изданіе 2-е Спб. 1869. Весьма подробная и хорошо изданная въ отдѣльныхъ листахъ «Карта Европейской Россіи»—Военно-топографическаго отдѣла Главнаго штаба. Также «Подробный Атласъ Россійской имперіи съ планами главныхъ городовъ»—Ильина. Спб. 1876. L'empire des tsars—Шницлера. «Матеріалы для географіи и статистики Россіи», собранные офицерами Генеральнаго штаба. Къ сожалѣнію весьма полезное изданіе этихъ Матеріаловъ прекратилось неоконченнымъ; между прочимъ остались неизданы губерніи Кіевская, Волынская и Подольская. Изъ этихъ Матеріаловъ Полѣсья касаются труды подполковника Зеленскаго—«Минская губернія». Спб. 1864 г. и подполковника Бобровскаго, «Гродненская губернія». Спб. 1863. Г. Бобровскій присоединилъ къ своему труду обстоятельное описаніе городовъ и мѣстечекъ съ ихъ историческими древностями, чего не находимъ у г. Зеленскаго. Для характеристики Полѣсья любопытны также очерки Шпилевскаго и «Замѣтки о западной части Гродненской губерніи» въ Этногр. Сборникѣ Географич. Общества. Вып. 3-й. 1858. Упомянемъ еще «Девять губерній западно-Русскаго края»—Столпянскаго. Спб. 1866. «Опытъ исторической географіи Русскаго міра»—неконченная статья Надеждина (въ Библ. для чт. 1837. т. XXII).

Относительно спорнаго вопроса о положеніи Болоховской области имѣемъ добросовѣстное изслѣдованіе Дашкевича: «Болоховская земля и ея значеніе въ Русской исторіи». (Въ Трудахъ Третьяго Археол. съѣзда. Кіевъ. 1878. Тамъ же см. рефераты гг. Рогге и Оссовскаго о нѣкоторыхъ раскопанныхъ на Волыни курганахъ). Въ этнографическомъ отношеніи для Югозападной Руси богатымъ пособіемъ служатъ «Записки Югозападнаго отдѣла» Географич. Общества. Кіевъ. 1874—75 г., и «Труды экспедиціи въ Западно-Русскій край», снаряженной тѣмъ же Обществомъ. Спб. 1872. (Югозападный отдѣлъ состоитъ изъ матеріаловъ и изслѣдованій, собранныхъ Чубинскимъ). По естественной исторіи Югозападнаго края много матеріаловъ собрано въ «Трудахъ Высочайше утвержденной при университетѣ св. Владиміра Коммиссіи для описанія губерній Кіевскаго учебнаго округа» (кромѣ многихъ отдѣльныхъ сочиненій по этому предмету). Изъ польскихъ трудовъ важнымъ пособіемъ

для древней западной Руси могла бы служить пользующаяся заслуженною извѣстностью Starożytna Polska Балинскаго и Липинскаго. Три тома. Warszawa. 1843—1846; но къ сожалѣнію въ описаніяхъ древнерусскихъ городовъ почти совсѣмъ отсутствуютъ древнерусскіе памятники, при обиліи извѣстій о костелахъ и другихъ польско-католическихъ или уніатскихъ зданіяхъ и учрежденіяхъ. Затѣмъ слѣдуютъ путевыя и другія замѣтки Поляковъ о Югозападномъ краѣ, которыя при всей скудости содержанія иногда даютъ нѣкоторыя полезныя указанія (въ родѣ «Podole, Wołyń, Ukraina» Przezdzieckiego. Wilno. 1841).

Для нагляднаго знакомства съ нѣкоторыми древностями Волыни служатъ «Памятники старины въ западныхъ губерніяхъ». Спб.. 1868—роскошное изданіе Министерства Внутр. дѣлъ, исполненное по почину П. Н. Батюшкова, въ четырехъ выпускахъ, обнимающихъ Владиміръ, Луцкъ, Острогъ и Овручъ. Къ сожалѣнію, «Сборникъ памятниковъ русской народности и православія на Волыни», издававшійся техниками Волынскаго губернскаго правленія, прекратился на первомъ выпускѣ, заключающемъ древности Острога (Житоміръ. 1868 г.). Разныя рукописныя свѣдѣнія о древностяхъ Волынской губерніи обязательно сообщены автору настоящаго труда волынскимъ губернаторомъ графомъ Подгоричани.

Что касается до отношенія языка древней югозападной Руси къ настоящимъ нарѣчіямъ Малорусскому и Великорусскому, то конечно съ полною достовѣрностью можемъ предположить, что ея народный языкъ (не книжный) былъ ближе къ настоящему Малорусскому нарѣчію. Но вообще историческая сторона этого вопроса остается пока неизслѣдованною; хотя и были нѣкоторыя къ тому попытки. Укажу въ особенности на трудъ Житецкаго «Очеркъ звуковой исторіи Малорусскаго нарѣчія». Кіевъ. 1876. Онъ ищетъ слѣдовъ древнѣйшаго языка югозападной Руси въ Подлясьѣ, т. е. въ области Западнаго Буга, когда-то колонизованной Волынскимъ племенемъ; такъ какъ здѣсь болѣе сохранилось архаизмовъ въ мѣстномъ говорѣ. Мы думаемъ, что для уясненія вопроса о древнемъ южнорусскомъ нарѣчіи должно также обращаться къ языку Угорской, т. е. Закарпатской, Руси, которую считаемъ древнею вѣтвію Червоноруссовъ и Волынянъ. Говоры всей Югозападной Руси въ періодъ соединенія съ Польшею подвергались значительному вліянію Польскаго языка, какъ родственнаго; тогда какъ на Угор-

ской Руси нарѣчіе сохранилось въ большей чистотѣ, будучи менѣе подвержено постороннимъ вліяніямъ.

Далѣе, мы пока не выдѣляемъ рѣзко нарѣчіе древней Кіевской области изъ общаго состава языка Южной Руси; а считаемъ этотъ вопросъ еще подлежащимъ болѣе точному разсмотрѣнію. Безъ сомнѣнія Кіевское или собственно Полянское нарѣчіе легло въ основу книжнаго русскаго языка на ряду съ церковнославянскимъ; а этотъ книжный языкъ, напримѣръ языкъ Кіевской лѣтописи и другихъ памятниковъ того времени, ближе къ настоящему Великорусскому нарѣчію нежели къ Малорусскому. На это обстоятельство уже указывали Срезневскій («Мысли объ исторіи Русскаго языка), Лавровскій («О языкѣ сѣверныхъ Русскихъ лѣтописей) и Погодинъ («О древнемъ языкѣ Русскомъ», см. его Изслѣд. и Лекціи т. VII). Но, повторяю, не надобно упускать изъ виду, что настоящее Малорусское нарѣчіе значительно отошло отъ языка древней Югозападной Руси; чему нагляднымъ примѣромъ служитъ лѣтопись Волынская XIII вѣка, по языку не много разнящаяся отъ Кіевской лѣтописи XII вѣка (которой она служитъ продолженіемъ въ Ипатьевскомъ спискѣ). Если принять мнѣніе Погодина, что Волынская лѣтопись написана на общерусскомъ книжномъ языкѣ того времени, а не на мѣстномъ нарѣчіи, то надобно принять и другое его положеніе, что мѣстное нарѣчіе все таки должно было бы отразиться на этой лѣтописи, какъ оно отразилось на лѣтописяхъ Новогородскихъ.

[5]) Оставляемъ въ сторонѣ незамѣчательные труды ученыхъ иноземцевъ прошлаго вѣка, писавшихъ о Галиціи, каковы: Сумъ, Энгель, Гопе и др. Главными пособіями при изученіи исторіи и древностей, географіи и этнографіи Галицкой Руси служатъ для насъ изданія и труды львовскихъ ученыхъ, каковы: «Историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или Галицкой Руси» Д. Зубрицкаго. (Съ польскаго оригинала переводъ Бодянскаго, Москва. 1845). Его же «Исторія древняго Галицко-Русскаго княжества». Три части. Львовъ. 1852—55. Его же Gränzen zwischen der russinischen und polnischen Nation in Galizien. L. 1849 (полемическое изслѣдованіе, вызванное польскимъ ученымъ Маціевскимъ, доказывающее распространеніе Червонной Руси на сѣверъ далѣе Вислока). «Галицкій Историческій Сборникъ», изданный Обществомъ Галицко-русской матицы. Три выпуска. Львовъ. 1854—1860. Въ первомъ выпускѣ

изслѣдованіе Антонія Петрушевича «О соборной Богородичной церкви и святителяхъ въ Галичѣ». «Науковый Сборникъ», послужившій продолженіемъ названнаго изданія, того же Общества. Двадцать выпусковъ. Львовъ. 1865—1869. Здѣсь особенно любопытны историко-археологическія изслѣдованія того же каноника Петрушевича (Напримѣръ: «Было ли два Галича», въ I-мъ выпускѣ 1865 г., полемическая статья противъ польскаго ученаго Бѣлевскаго, помѣщавшаго другой Галичъ не на Дунаѣ, а въ Словацкомъ краѣ; тутъ же издана грамота Ивана Берладника 1134 г. «Краткое извѣстіе о Холмской епархіи и ея святителяхъ». 1866. Въ послѣднемъ сочиненіи фактически доказано первоначальное господство православія въ Польшѣ). Тамъ же изслѣдованія профес. Исидора Шараневича («Старинные пути русско-угорскіе черезъ Карпаты и русско-польскіе черезъ Санъ и Вислу» и «Картина краевъ предъ и за Карпатами зъ взгляду на старину народную коммуникацію» съ указателемъ. 1869 г.). Особыя сочиненія того же Шараневича: «Исторія Галицко-Володимірской Руси до 1453 г.» Л. 1863., нѣсколько выпусковъ о «Стародавныхъ» галицкихъ городахъ и Kritische Blicke in die Geschichte der Karpaten-Völker im Altertum und im Mittelalter. L. 1871.

Далѣе, кромѣ помянутыхъ выше трудовъ общихъ или къ Югозападной Руси относящихся, заслуживаютъ вниманія: «Исторія Югозападной Руси до половины XIV в.» А. Клеванова. М. 1849. (Пересказъ Ипат. лѣтописи). «Судьбы Червонной или Галицкой Руси» Смирнова. Спб. 1860. «Княженіе Даніила Галицкаго» Дашкевича. К. 1873. «Бессарабская область» капитана А. Защука. Спб. 1862. (Матеріалы собран. офицерами Генер. штаба). Головацкаго: «О народномъ убранствѣ Руссиновъ въ Галичинѣ и Сѣверовосточной Венгріи» (Отеч. записки. 1867. №№ 23 и 24) и «Карпатская Русь» (Жур. М. Н. Пр. 1875. Іюнь. Здѣсь авторъ, на основаніи угорскаго лѣтописца XIII вѣка, къ Червонной Руси относитъ и Русь Закарпатскую или Угорскую, когда-то подвластную русскимъ князьямъ). «Этнографическій очеркъ Восточной Галиціи» Циммермана въ Вѣстникѣ Геогр. Общества за 1859. № 8. «О русскихъ поселеніяхъ по Дунаю» Срезневскаго (Изв. Акад. Н. VII. т. 3).

Относительно переселенія или прохожденія Угорской орды сквозь Карпаты въ Паннонію нѣкоторые сомнѣваются, и думаютъ, что Угры распространились въ Дунайской равнинѣ съ юга, со стороны Желѣзныхъ воротъ.

[6]) О прибытіи Андроника къ Ярославу и обоюдныхъ посольствахъ см. Ипат. лѣт. подъ 1165 г. (прибытіе вѣрнѣе отнести къ 1164). О пребываніи его въ Галичѣ упоминаютъ визант. историки Киннамъ (Lib. V.), Никита Хоніатъ (Lib. IV) и Ефремій (p. 178). Подъ 1104 г. Ипат. лѣтопись говоритъ, что дочь Володаря была отдана за византійскаго царевича Олексинича, т. е. за сына императора Алексѣя Комнена. Эта княжна была сестра Владиміру и тетка Ярославу Осмомыслу; вѣроятно, она же была матерью Андроника, и такимъ образомъ онъ приходился двоюроднымъ братомъ Ярославу. Подобное же соображеніе см. у Куника въ Учен. Зап. Академіи по 1 и 3 отд. (Т. II. стр. 715 и 788).

[7]) О Галицкихъ событіяхъ см. Ипат. лѣт. О помощи Романа Византійской имперіи противъ Половцевъ см. Никита Ханіатъ. 691 стр. Бон. изд. и Ефремій. 267. Посланіе епископа Матвѣя къ аббату Бернарду см. у Белевскаго Monum. II. 15. О посольствѣ папы къ Роману у Татищева III, 344. О гибели Романа Татищевъ, ibid. 346. подъ 1205 г. Въ Лаврент. о томъ краткое извѣстіе подъ 1205 г. Польскіе хроники повѣствуютъ, что когда Лешко Бѣлый пришелъ на помощь Роману, чтобы посадить его въ Галичѣ, то галицкіе бояре сильно не желали принять къ себѣ на княженіе Волынскаго князя и предлагали свое подданство самому Лешку, и будто Романъ при этомъ обязался платить дань Лешку. Далѣе описываютъ свирѣпства Романа и его вѣроломство въ отношеніи къ Лешку, которому онъ потомъ не только отказалъ въ дани, но и напалъ на его владѣнія, при чемъ Лешко съ малыми силами поразилъ его большое войско, и Романъ палъ въ сраженіи. Кадлубекъ. Lib. IV (Хроника оканчивается 1202 годомъ) и Богуфалъ параграфы 48, 49 и 55. (Белевскаго Manum. Pol. Hist. II). Велеречивый Длугошъ все это распространилъ, и особенно разукрасилъ послѣднюю битву Романа съ Поляками; присоединилъ къ тому еще предсказаніе Владиміро-Волынскаго епископа Роману о несчастномъ концѣ его несправедливой войны (см. Lib. VI). Наружность Романа описываетъ Татищевъ. Мы не считаемъ себя въ правѣ полагать вмѣстѣ съ Карамзинымъ, что Татищевъ выдумывалъ подобныя описанія: онъ пользовался тѣми списками лѣтописей, которые до насъ не дошли; между тѣмъ и въ дошедшихъ до насъ нерѣдко находимъ описаніе наружности и разныхъ свойствъ князей.

[8]) Нѣкоторые историки расказываютъ, что главою заговорщиковъ былъ палатинъ Бенедиктъ Бора, бывшій галицкій «томитель» и «антихристъ». Бертольдъ будто бы обезчестилъ его жену въ комнатахъ самой королевы, и это обстоятельство послужило поводомъ къ мятежу. Но другіе историки считаютъ такое романтическое событіе позднѣйшею легендою. Доказательства послѣдняго см. у Майлата Geschichte der Magyaren. I. 138.

[9]) Расказъ о Галицкихъ событіяхъ изложенъ на основаніи Волынской лѣтописи (Ипатьев. списокъ). Кромѣ того находимъ о нихъ нѣкоторыя подробности у Длугоша. Помимо невѣрной хронологіи, онъ иногда путаетъ событія и лица; однако мѣстами дополняетъ наши свѣдѣнія, такъ какъ пользовался и тѣми источниками, которые до насъ не дошли. Между прочимъ изъ его разсказа заимствую извѣстіе объ осадѣ Мстиславомъ прежде Верхняго замка, а потомъ уже храма Богородицы, гдѣ заперлись Угры съ Коломаномъ; тогда какъ по Волынскому лѣтописцу выходитъ, что Мстиславъ послѣ побѣды въ полѣ, вошедши въ городъ, тотчасъ приступилъ къ осадѣ храма, какъ будто княжаго замка и не существовало. Слова Длугоша о предшествовавшей храму осадѣ Галицкой крѣпости или замка (castrum, arx) я именно позволяю себѣ относить къ Верхнему городу. (Петрушевичъ въ упомянутомъ выше изслѣдованіи о Соборной церкви разумѣетъ подъ этими словами вообще городъ Галичъ; съ чѣмъ едва ли можно согласиться).

[10]) Кромѣ названныхъ выше сочиненій, путешествій, словарей, картъ и прочихъ трудовъ, обнимающихъ Европейскую Россію или значительную ея часть, для Черниговской земли укажемъ еще слѣдующія пособія. «Историко-Статистическое описаніе Черниговской епархіи» (преосв. Филарета). 7 книжекъ, Черниговъ. 1873 г. (См. «Замѣтки» на этотъ трудъ Н. Константиновича въ Запискахъ Черниговскаго статистическаго комитета. Кн. 2. вып. 5). «Черниговская губернія» подполк. Домонтовича. Спб. 1865. и «Калужская губернія» подполк. Попроцкаго Спб. 1864 (Матер. собран. офицерами генер. штаба). «Извлеченіе изъ археологическаго путешествія по Россіи въ 1825 г.» Свиньина (Труды Об. Ист. и Др. ч. III. кн. 1.). «Книга Большаго Чертежа». М. 1846. «Описаніе рѣкъ Черниговскаго намѣстничества» въ 1785 г. и «Описаніе рѣкъ Черниговскаго намѣстничества» въ 1781 г. Пащенка. (То и другое въ Запискахъ

Черниг. стат. ком. кн. 2. Вып. 1—4). «Топографическое описаніе Черниговскаго намѣстничества въ 1781 году». А. Шафонскаго. (Издан. Судіенко. Кіевъ. 1851). «Древнія земляныя насыпи» Самоквасова (Древ. и Нов. Россія. 1876. 3 и 4.). «Сѣверянскіе курганы и ихъ значеніе для исторіи» его же. (Труды Третьяго Археологич. съѣзда. К. 1878). Въ 1878 году въ Черниговѣ на берегу рѣчки Стрижня въ подмытой почвѣ обнаружились остатки храма, и раскопки, произведенныя Самоквасовымъ, открыли въ нишахъ фундамента большое количество гробовъ. Очевидно подъ этимъ храмомъ находилась усыпальница. Вѣроятно это и была церковь Благовѣщенія, въ которой погребенъ буйтуръ Всеволодъ Святославичъ.

[11]) Пособія для обзора Переяславской земли тѣже, которыя приведены выше. Укажу еще на «Записки о Полтавской губ.» Арендаренка. Ч. III. Полтава. 1852.

Относительно «баннаго строенія», сооруженнаго въ Переяславлѣ епископомъ Ефремомъ, въ первой части Исторіи Россіи (168 стр.) я привелъ мнѣніе Карамзина о томъ, что это была крестильня при соборномъ храмѣ. Обращу также вниманіе на буквальное и болѣе вѣроятное толкованіе этого мѣста лѣтописи кіев. проф. Терновскимъ, который подъ баннымъ строеніемъ разумѣетъ публичныя каменныя бани или термы, устроенныя по образцу византійскихъ; извѣстно, что Ефремъ долго пребывалъ въ Царьградѣ. Это нововведеніе не привилось на Руси: оно не соотвѣтствовало привычкамъ народа въ такой странѣ, гдѣ при обиліи лѣснаго матеріала почти всякая семья имѣла собственную баню при своемъ домѣ. «Изученіе Византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ Древней Руси» Терновскаго. Вып. I. Кіевъ. 1875.

[12]) Пособія для изученія южнорусскихъ степей:

«Екатеринославская губернія» капитана Павловича. Спб. 1862. «Земля войска Донскаго» штабсъ-капитана Краснова. Спб. 1863. «Херсонская губернія» подполковника Шмидта. Спб. 1863. (Матер. для геогр. и стат. Россіи, собран. офицерами генер. штаба). Ученые путешественники прошлаго столѣтія: Гмелинъ—Reise durch Russland, 4 части. S. Ptrsb. 1774—1784; Гильденштедъ—Reise durch Russland, 2 части. S. Ptrsb. 1787—1791; Паласъ—«Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства». Часть третья. Половина вторая. Спб. 1788. Въ настоящемъ столѣтіи, кромѣ упо-

мянутаго выше Петцольда, укажу Коля - Reisen in Südrussland. Dresden und Leipzig. 1841. Двѣ части. (Любопытную критику В. Княжевича на эту книгу см. въ Зап. Одес. Общ. Ист. и Др. Т. I) Укажу еще на книгу Неймана Die Hellenen im Skythenlande. Berlin. 1855.

[13]) Относительно Половцевъ главные источники и пособія см. въ 42 прим. къ I части. Кромѣ того служатъ источниками: путешественники XII вѣка Раби Петахія, XIII вѣка Плано Карпини и Рубруквисъ, участникъ Четвертаго крестоваго похода Робертъ де Клари, историкъ крестоваго похода Людовика IX Жуанвиль, арабскій географъ XII вѣка Эдриси. Пособія: Погодина V-й томъ Изслѣд. и лекцій, гдѣ собраны всѣ лѣтописныя свидѣтельства о нихъ; Бѣляева «О сѣверномъ берегѣ Чернаго моря и прилежащихъ къ нему степяхъ до водворенія въ этомъ краѣ Монголовъ». (Записки Одес. Об. Истор. и древ. т. III.), Васильевскаго «Византія и Печенѣги», Успенскаго «Образованіе втораго Болгарскаго царства. Од. 1879. (во 2-й главѣ). О положеніи русскихъ плѣнниковъ въ Половецкой землѣ и выкупѣ ихъ, кромѣ свидѣтельства нашей лѣтописи подъ 1093 г., есть нѣкоторыя указанія въ житіяхъ Евстратія Постника и Никона Сухаго (Памят. Рус. Литер.—Яковлева XCIII и XCV). О содержаніи въ узахъ половецкихъ плѣнниковъ на Руси и выкупѣ ихъ см. «Сказаніе о плѣнномъ Половчинѣ» (Памятники Старин. Рус. Литер. I.). Что нѣкоторые ханы и вельможи половецкіе принимали крещеніе, но продолжали соблюдать языческіе обычаи, указаніе на то находимъ у Рубруквиса въ главѣ X: онъ описываетъ одну половецкую могилу, окруженную конскими чучелами, снабженную кумысомъ и жертвеннымъ мясомъ; а между тѣмъ погребенный въ ней, какъ ему говорили, былъ крещенъ.

[14]) Извѣстіе объ этихъ истуканахъ Рубруквиса см. у Бержерона Vayages faits principalement en Asie. т. I. гл. X. Упоминанія о нихъ встрѣчаются въ Книгѣ Большаго Чертежа. Многія указанія и замѣтки о каменныхъ бабахъ разсѣяны у туземныхъ и иностранныхъ путешественниковъ по Россіи, Сибири и Прикавказью. Наиболѣе заслуживаютъ вниманія, въ прошломъ столѣтіи: Фалькъ, Зуевъ, Лепехинъ, Гильденштедъ и Палласъ; а въ настоящемъ: Клапротъ, Дюбуа де Монперё, Спасскій, Гакстгаузенъ,

Терещенко, Кеппенъ, Пассекъ. Разсужденія объ этомъ предметѣ можно встрѣтить въ изданіяхъ Одесскаго и Московскаго обществъ Исторіи и Древностей, Петербургскаго и Московскаго археологическихъ Обществъ, Русскаго Географическаго Общества, Академіи Наукъ, въ Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія, и пр. Подробныя указанія на литературу этого предмета и сводъ всѣхъ мнѣній о немъ см. въ изслѣдованіи графа Уварова «Свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ». (Труды перваго Археологическаго съѣзда. М. 1871. Съ атласомъ изображеній). Кромѣ того любопытно указаніе «Объ истуканахъ въ Пятигорскѣ» Филимонова (Вѣстникъ Общества Древнерусскаго искусства. Вып. 11—12. М. 1876).

Мнѣнія о происхожденіи этихъ памятниковъ высказывались довольно разнообразныя. Напримѣръ, Терещенко приписывалъ ихъ происхожденіе Скиѳамъ, Гильденштедъ и Палласъ Татарамъ, Клапротъ и Спасскій Гуннамъ, а Гакстгаузенъ почти всѣмъ народамъ, обитавшимъ въ южнорусскихъ степяхъ, начиная съ Киммеріянъ и Скиѳовъ и кончая Монголо-Татарами. Мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ о принадлежности этихъ истукановъ Гуннамъ и даже болѣе древнимъ народамъ основано было на невѣрномъ пониманіи одного мѣста у Аммiана Марцелина. На эту ошибку указалъ въ помянутомъ своемъ изслѣдованіи гр. Уваровъ. А именно, Марцелинъ, описывая неуклюжій, но крѣпкій складъ Гунновъ, прибавляетъ, что ихъ можно принять за «двуногихъ животныхъ или за тѣ грубо сдѣланныя изображенія, которыя стоятъ на мостахъ съ перилами» (quales in commarginantibus pontibus effigiati dolantur incompte). Нѣкоторые ученые (Палласъ, Клапротъ, Кеппенъ, Спасскій) толковали это мѣсто «грубо сдѣланными изваяніями человѣческаго подобія на берегахъ Понта Эвксинскаго!» Отсюда и происходилъ ложный выводъ, будто уже въ IV вѣкѣ Амміанъ Марцелинъ зналъ о существованіи каменныхъ бабъ въ южнорусскихъ степяхъ. Слѣдовательно древнѣйшее достовѣрное извѣстіе о нихъ принадлежитъ Рубруквису, т. е. половинѣ XIII вѣка, и мы не видимъ никакихъ основаній приписывать ихъ происхожденіе другимъ какимъ либо народамъ помимо турко-татарскихъ; преимущественно относимъ ихъ къ Куманамъ или Половцамъ, а также къ Татарамъ перваго вѣка ихъ владычества въ Россіи, т. е. до принятія ими ислама. Обычай татарскихъ народовъ ставить каменные истуканы на могилахъ своихъ покойниковъ прекратился конечно подъ вліяніемъ мусульманства, которое не терпитъ язы-

ческихъ изваяній. Любопытно однако, что Османскіе Турки досел ѣ на могилахъ своихъ покойниковъ ставятъ каменные столбики, верхушки которыхъ обтесываются въ видѣ чалмы или феса. При всемъ разнообразіи каменныхъ бабъ мы должны предположить, что онѣ принадлежатъ разнымъ вѣкамъ, но одному семейству народовъ, по крайней мѣрѣ одной языческой религіи; ибо ихъ объединяетъ постоянное присутствіе чаши или какого-то сосуда, который держится обѣими руками на животѣ. Можетъ быть, эта чаша употреблялась при жертвенныхъ пиршествахъ, особенно при тѣхъ, которыя совершались въ честь покойника. Такъ можно судить по изображеніямъ на пятигорскихъ изваяніяхъ, которыя представляютъ любопытную смѣсь христіанства съ языческими обрядами. (См. Филимонова упомянутую статью вмѣстѣ съ замѣткою о Сванетіи, гдѣ доселѣ можно наблюдать эту смѣсь христіанской религіи съ жертвенными обрядами). Одинъ изъ пятигорскихъ надгробныхъ памятниковъ, здѣсь приложенныхъ, имѣетъ крестообразную форму (монолитъ изъ песчаника) и со всѣхъ четырехъ сторонъ рельефныя изображенія, въ томъ числѣ крестовъ. Этотъ памятникъ согласуется съ извѣстіемъ Іосафата Барбаро, который говоритъ, что Алане, будучи христіанами, на могильныхъ насыпяхъ клали большую просверленную въ срединѣ плиту, въ отверстіе которой вставляли каменный крестъ, сдѣланный изъ одного куска. (Библ. Иностр. писателей. I. гл. I.). Алане не принадлежали къ Татарскому племени, и типъ этихъ изваяній нѣсколько иной. Каменныя же бабы ближе всего подходятъ къ Монголо-Татарскому типу, и болѣе къ Татарскому, чѣмъ Монгольскому. Чистое монгольское племя Калмыки, имѣя въ своихъ степяхъ подобные истуканы, по свидѣтельству путешественниковъ (напр. Гакстгаузена) не оказываютъ имъ никакого уваженія и не имѣютъ никакихъ преданій, съ ними связанныхъ. Плоскій и нерѣдко весьма неуклюжій типъ физіономіи, можетъ быть, частію зависѣлъ отъ твердости камня и неискусства степныхъ ваятелей. Судя по недавнему извѣстію Потанина, прототипы этихъ каменныхъ истукановъ встрѣчаются въ сѣверной части Монгольской степи Гоби.

Каменныя бабы часто были находимы на курганахъ собственно скиѳскихъ; но предметы, добытые раскопками скиѳскихъ гробницъ, ясно доказываютъ, что между ними и этими грубыми изваяніями не было ничего общаго. Эти предметы изящной греческой работы и встрѣчающіяся на нихъ изображенія самихъ Скиѳовъ отвер-

гаютъ всякую мысль о сближеніи ихъ съ каменными бабами. Притомъ извѣстія древнихъ писателей о скиѳскомъ погребеніи не заключаютъ ни малѣйшаго намека на обычай ставить истуканы. Присутствіе послѣднихъ на скиѳскихъ могилахъ можетъ быть объяснено тѣмъ, что татарскіе народы не только сами насыпали могильные холмы надъ знатными людьми, но и пользовались безчисленными скиѳскими курганами въ южнорусскихъ степяхъ, и хоронили въ нихъ своихъ покойниковъ; а иногда, можетъ быть, просто воздвигали свои статуи на этихъ курганахъ какъ на возвышенныхъ мѣстахъ. Лѣтописцы наши, ничего незнавшіе о скиѳскомъ погребеніи, повидимому всѣ курганы приписывали современному себѣ степному народу, т. е. Половцамъ. Такъ Новгородская лѣтопись подъ 1224 г. расказываетъ, что передовой татарскій отрядъ, разбитый Русскими, спряталъ своего воеводу Гемябека въ курганъ половецкій; но Русскіе нашли его тамъ и выдали Половцамъ. Извѣстно, что подъ скиѳскими курганами скрываются погребальныя ямы, обдѣланныя въ видѣ комнаты. Искатели золота и другихъ дорогихъ вещей, хоронившихся съ знатными покойниками, издавна научились прокапывать мины въ эти погребальныя камеры, чтобы ихъ обворовывать. Вѣроятно съ помощью одной изъ такихъ минъ или отверстій Гемябекъ спрятался въ скиѳской могилѣ.

Обычай ставить человѣкообразныя изваянія въ память своихъ покойниковъ конечно существовалъ въ Восточной Европѣ не у однихъ туркскихъ народовъ. Кромѣ помянутыхъ Алановъ, встрѣчаемъ его еще у языческой Литвы. Стрыйковскій въ своей Хроникѣ упоминаетъ о нѣкоторыхъ литовскихъ князьяхъ, которые ставили болваны въ память умершихъ родителей; но болваны эти сгнили, потому что были деревянные. Не имѣемъ подобныхъ извѣстій относительно языческихъ Славянъ; но знаемъ, что у нихъ были истуканы, которые не могли сохраниться по той же причинѣ. Въ Краковскомъ Музеѣ древностей находится каменный четырехгранный столбъ, верхняя часть котораго напоминаетъ каменныхъ бабъ съ тою разницей, что у него подъ одною шапкою четыре лица. Говорятъ, что его нашли въ рѣкѣ Збручѣ; польскіе ученые назвали его идоломъ Святовита. Объ этомъ истуканѣ см. Срезневскаго въ Запискахъ Археолог. Об. 1853.

[15]) Мѣстоположеніе Олешья историографы обыкновенно отождествляли съ настоящимъ городомъ Алешки, лежащимъ на лѣвомъ бе-

регу Днѣпра противъ губерн. города Херсона. Но г. Бурачекъ, по моему мнѣнію основательно, показалъ несостоятельность этого тождества, и опредѣлилъ положеніе Олешья немного ниже пороговъ, между Александрополемъ и Никополемъ, приблизительно около острова Хортицы или перевоза Кичкаскаго (см. его письмо къ проф. Бруну въ Извѣстіяхъ Русс. географ. Общ. Т. XI. Вып. V.). Такому положенію соотвѣтствуетъ выраженіе Новогородской лѣтописи, по поводу похода русскихъ князей на Калку: «и недошедше Олешья сташа на Днѣпрѣ», т. е. не дошедши немного Олешья. Волынская лѣтопись пополняетъ это извѣстіе, говоря, что Галичане на своихъ ладьяхъ поднялись по Днѣпру до пороговъ, около нихъ встрѣтили русскихъ князей и стали у рѣки Хортицы.

О Русскихъ въ Александріи упоминаетъ еврейскій путешественникъ XII вѣка Веньяминъ Тудельскій (См. у Бержерона 62 стр). Объ Орнѣ говорится въ путешествіи Плано Карпини (153 стр. въ изданіи Языкова). Начиная съ Карамзина, наша исторіографія полагала мѣсто Орны на устьѣ Дона и смѣшивала его съ Азовомъ. Но Френъ указалъ на тождество Карпиніевой Орны или Орнача нашихъ лѣтописей съ хивинскимъ Ургенджемъ (Ibn Fozlan's und anderer Berichte). Это мнѣніе убѣдительно развито Леонтьевымъ въ его «Розысканіяхъ на устьяхъ Дона» (Пропилеи. Кн. IV.). Въ томъ же сочиненіи Леонтьевъ доказывалъ, что Тана лежала на правомъ рукавѣ Дона подлѣ нынѣшней слободы Недвиговки; но мы предпочитаемъ мнѣніе другихъ ученыхъ и между прочимъ Бруна («О поселеніяхъ итальянскихъ въ Газаріи». Труды перваго Археол. съѣзда), по которому Тана была тождествена съ городомъ Азакомъ, т. е. Азовомъ, лежащимъ на лѣвомъ рукавѣ Дона.

[16]) О дани, которую Половцы брали съ Херсона, Сугдіи и Готіи, свидѣтельствуетъ Рубруквисъ. А договоръ Мануила Комнена съ Генуезцами 1170 г. см. въ Acta et diplomata graeca. Ed. Miklosich et Müller. T. III. 35. Пособія: Фальмерайеръ — Geschichte des Kaiserthums von Trapezunt. München. 1827. Финлей — The History of Greece .... and of the Empire of Trebizond 1204—1461. London. 1851. Гейдъ — Die Italiener am Schwarzen Meer. Historische Briefe an Hrn. Prof. Brun. (Melanges Russes. T. IV. 571). Брунъ — «О поселеніяхъ итальянскихъ въ Газаріи». (Труды перв. Археологич. съѣзда. Замѣтку Ведрова на этотъ докладъ см. ibid.). О принадлежности

Таврическаго Заморья къ Трапезунтской имперіи свидѣтельствуетъ сказаніе о чудесахъ св. Евгенія, патрона Трапезунта. Корабль, нагруженный данями Херсона и Готіи, со сборщиками этихъ даней шелъ въ Трапезунтъ; но вѣтромъ былъ прибитъ къ Синопу. Намѣстникъ города, вассалъ сельджукскаго султана Аладина, разграбилъ этотъ корабль и захватилъ въ плѣнъ трапезунтскихъ чиновниковъ. Отсюда возникла война трапезунтскаго императора Андроника Гида съ синопскимъ намѣстникомъ и потомъ съ самимъ султаномъ (1223 г.). Это сказаніе отпечатано у Фальмерайера Original—Fragmente, Chroniken, Inschriften und anderes Materiale zur Geschichte des Kaiserthums Trapezunt. Erste Abtheilung. Разсужденіе о немъ Куника см. Ученыя Зап. Ак. Н. I и III отд. Т. II. («Основаніе Трапезунтской имперіи» и «О связи трапезунтско-сельджукской войны съ первымъ нашествіемъ Татаръ. 705—746 стр.). Оно противорѣчитъ тому мнѣнію, по которому уже со взятія Константинополя Латинами, т. е. съ 1204 г. южная часть Тавриды отдѣлилась отъ имперіи и получила своихъ особыхъ независимыхъ владѣтелей, Манкупскихъ, Θеодорейскихъ (Инкерманскихъ) и пр. См. Сестренцевича «Histoire du royaume de la Chersonése Taurique» и Тунмана «Die Taurische Statthalterschaft у Бюшинга, 8-е Гамбургское изданіе 1787 г. (на которое ссылается авторъ «Нѣсколькихъ словъ о родѣ греческихъ князей Комненыхъ» Москва. 1854. У меня Гальское изданіе).

«Расказъ католическаго миссіонера доминиканца Юліана о путешествіи въ страну приволжскихъ Венгерцевъ, совершенномъ передъ 1235 годомъ», изданъ въ Vetera monumenta historica, Hungariam sacram illustrata — Ab Augustino Theiner. Tomus primus. Romae. 1859. Подъ № 271. Переводъ этого расказа на рус. языкъ помѣщенъ въ Зап. Одес. Об. И. и Др. Т. V. 998. О странной смѣси христіанства съ язычествомъ у Аланъ или Ясовъ свидѣтельствуетъ также Рубруквисъ (въ главѣ XIII). Что на Тамани въ первой четверти XIII вѣка было возстановлено владычество Черкесъ-Хазаръ и она была соединена съ Зихіей, тому подтвержденіемъ служитъ слѣдующее обстоятельство. Папа Климентъ V поставилъ въ Матригу (Таматарху) архіепископомъ францисканскаго монаха Іоанна «изъ туземцевъ». Спустя съ небольшимъ сто лѣтъ, Матрига именуется столицею зихійскаго князя Верзахта, котораго папа Іоаннъ XXII въ 1333 году письменно благодарилъ за усердіе въ пользу католицизма. (См. упомянутую статью Бруна «О по-

селеніяхъ итальянскихъ въ Газаріи» стр. 380 со ссылкою на Mosheim. I. 163. и Сума «о Хозарахъ» въ Чт. Об. Ист. и Др. 1846. № 3 стр. 57, со ссылкою на Raynaldi Annal. eccles. III. 457). Католицизмъ проникъ въ этотъ край конечно вмѣстѣ съ итальянскими торговцами и колонистами; но господствующая церковь здѣсь была греческая; о томъ свидѣтельствуетъ и византійскій писатель Кодинъ, по извѣстію котораго, относящемуся ко второй половинѣ XIII вѣка, архіепископъ Зихіи и Метраховъ (Таматархи) былъ возвышенъ въ санъ митрополита константинопольскимъ патріархатомъ. (De officiis. Ed. Paris. 408). Тоже извѣстіе косвенно подтверждаетъ, что Таматарха или Тмутракань находилась тогда въ соединеніи съ сосѣднею Черкесскою областью, т. е. съ Зихіей.

На существованіе жалкаго остатка Хазарской державы на нижней Волгѣ въ первой половинѣ XIII вѣка указываетъ помянутый разсказъ миссіонера Юліана. Изъ страны Аланъ (Ясовъ или Осетинъ) онъ съ своими спутниками шелъ 37 дней безостановочно по степямъ, пустыннымъ и бездорожнымъ, пока не достигъ «земли Сарацинъ», которая именуется Вела (Vela), и города Бундаза (Bundaz). Къ сожалѣнію онъ не сообщаетъ никакихъ болѣе точныхъ свѣдѣній; а упоминаетъ только, что питался здѣсь милостынею и что туземный владѣтель охотно давалъ ему милостыню: такъ какъ будто бы «и государь и народъ той страны говорятъ публично, что они вскорѣ должны сдѣлаться христіанами и подчиниться Римской церкви». Отсюда Юліанъ съ однимъ сарацинскимъ священникомъ отправился въ Великую Болгарію, въ которой также будто бы жители говорятъ публично, что должны сдѣлаться христіанами и подчиниться Римской церкви. Изъ его скуднаго извѣстія можно только вывести, что сарацинское государство, о которомъ идетъ рѣчь, было бѣдно и незначительно и что господствующая тогда въ немъ религія была магометанская. Названія Vela и Bundaz неузнаваемы по своей искаженности. (Напомнимъ названіе хазарскихъ городовъ Беленджеръ и Хабъ-Нела. См. о нихъ у Хвольсона— Ибнъ-Даста. 52 и 58 стр.).

Извѣстно, что арабскія монеты, находимыя въ кладахъ Восточной Европы, не простираются далѣе первой половины XI вѣка. Это обстоятельство вѣроятно стоитъ въ связи съ распаденіемъ Хазарской державы и напоромъ турецкихъ ордъ, Кумановъ и Сельджуковъ. Послѣдніе, завладѣвъ образованными мусульманскими странами Пе-

редней Азіи, еще болѣе затруднили непосредственныя торговыя сношенія ихъ съ Восточной Европой. Къ остаткамъ распавшейся Хазарской державы вѣроятно относится и область приводимаго арабскими писателями города Саксинъ; о ея жителяхъ или Саксинахъ упоминаетъ и русс. лѣтопись подъ 1229 г. (См. Лавр. сп.). Хвольсонъ, сличая разныя извѣстія о Саксинѣ, помѣщаетъ его на рѣкѣ Уралѣ. (Ибнъ-Даста. 63 стр.); но это остается вопросомъ. Говоря о Хазарской державѣ, мы разумѣемъ собственно волжскихъ и каспійскихъ Турко-Хазаръ, которыхъ надобно отличать отъ Черкесъ-Хазаръ кавказскихъ и крымскихъ; послѣдніе были когда-то покорены пришлою Турецкою ордою, а при распаденіи этой державы снова сдѣлались независимы подъ управленіемъ своихъ племенныхъ князей.

[17]) Грамота Ростислава-Михаила вмѣстѣ съ дополнительною по тому же предмету грамотою епископа Мануила напечатана въ Дополн. къ Актамъ Историческ. I. №. 4. Она весьма важна какъ для разъясненія географическаго и экономическаго состоянія древней Смоленской области, такъ и вообще для характера взаимныхъ отношеній церковной и свѣтской власти того времени. Любопытно между прочимъ, что Смоленскій князь въ то время имѣлъ еще притязаніе на какую-то волость, захваченную Юріемъ Долгорукимъ и отошедшую къ Суздальской землѣ: «Суждали Залѣсская дань, оже воротить Гюрги, а что будетъ въ ней, изъ того святѣй Богородицы десятина». Договорная грамота Мстислава Давидовича съ Ригою и Готскимъ берегомъ помѣщена въ Собраніи Госуд. грамотъ и договоровъ. Т. II. №. I., кромѣ того во второмъ томѣ «Русскихъ Достопамятностей», съ примѣчаніями Дубенскаго, и въ «Русско-Ливонскихъ актахъ», изданныхъ Археографической коммиссіей, съ приложеніемъ прекраснаго изслѣдованія о ней академика Куника. Эти двѣ грамоты, на ряду съ лѣтописью, составляютъ главный источникъ при очеркѣ древней Смоленской земли. А пособіемъ, кромѣ общихъ приводимыхъ выше трудовъ и путешествій, служатъ между прочимъ слѣдующіе спеціальные труды: «Исторія губернскаго города Смоленска» Муракевича. 1804. «Исторія города Смоленска» Никитина. М. 1848. «Смоленская губернія» штабсъ-капитана Цебрикова. Спб. 1862. (Матер. для геогр. и стат. Россіи). «Историко-статистическое описаніе Смоленской епархіи». Спб. 1864. И нѣкоторыя статьи въ «Памятныхъ книжкахъ» Смоленской губерніи.

[18]) Первое извѣстное намъ упоминаніе о Двинскихъ камняхъ встрѣчается въ XVI вѣкѣ у Стрыйковскаго въ его хроникѣ. Онъ расказываетъ слѣдующее. Случилось ему однажды ѣхать въ числѣ другихъ жолнеровъ на стругахъ изъ Витебска въ Динаминде. Тутъ онъ услыхалъ отъ одного дисненскаго купца, что въ семи миляхъ отъ Полоцка ниже на Двинѣ между городами Дриссою и Дисною есть большой камень, на которомъ высѣченъ крестъ «русскимъ способомъ» и славянская надпись: «Вспомози Господи раба своего Бориса, сына Гинвиловаго». Когда стругъ присталъ на ночь близъ того мѣста, то Стрыйковскій самъ ѣздилъ въ челнокѣ смотрѣть его. Онъ объясняетъ, что эта надпись сдѣлана по приказу Бориса Гинвиловича въ память благополучной доставки изъ Лифляндіи Двиною на стругахъ кирпича, алебастра и другихъ матерьяловъ для построенія храма въ Полоцкѣ. (Kronika. I. 241 стр. Варшав. изданія). Другой историкъ Литовскаго края Кояловичъ въ своей Historia Litvaniae со словъ Стрыйковского повторилъ буквально его извѣстіе о той же надписи, переводя ее по латыни: Miserere, Domine, mancipio tuo Boryso Ginvilonis filio. Но извѣстіе Стрыйковскаго оказывается невѣрно, и едва ли онъ самъ хорошо разсмотрѣлъ надпись во время своей вечерней поѣздки на челнокѣ. Сементовскій, секретарь Витебскаго статистическаго комитета, въ сочиненіи своемъ «Памятники старины Витебской губерніи» (Спб. 1867) представилъ рисунки пяти Двинскихъ камней; изъ нихъ на трехъ еще теперь можно читать имя Бориса; на томъ, о которомъ говоритъ Стрыйковскій, надпись очень хорошо сохранилась; но словъ «сына Гинвилова» ни на одномъ камнѣ нѣтъ и слѣдовъ. Онѣ оказались прибавкою Стрыйковскаго. Далѣе свѣденія объ этихъ Двинскихъ камняхъ и Рогвалодовомъ см. въ сообщеніяхъ Кеппена (Учен. Зап. Ак. Н. по 1 и 3 отд. Т. III. вып. I. Спб. 1855), Платера (Сборникъ Rubon. Wilno. 1842), Нарбута (Витеб. губерн. Вѣд. 1846 №. 14), Шпилевскаго («Путешествіе по Бѣлоруссіи». Спб. 1858), въ газетѣ Виленской Вѣстникъ, подъ редакціей Киркора (1864. №. 56). Гр. К. Тышкевича «О древнихъ камняхъ и памятникахъ Запад. Руси и Подляхіи» (Археологич. Вѣстникъ, издан. подъ редакціей А. Котляревскаго. М. 1867), Кусцинскаго и Шмидта (Труды перваго Археол. съѣзда. LXX—LXXVI) и наконецъ гр. Уварова (Древности Москов. Археол. Общества. Т. VI вып. 3).

[19]) Главнымъ источникомъ для Полоцкой исторіи служитъ Рус. лѣтопись, преимущественно по Ипатьевскому списку. Стрыйковскій, ссылаясь на какого-то стараго лѣтописца, въ своей Хроникѣ говоритъ, что прямое поколѣніе Всеславичей прекратилось во второй половинѣ XII вѣка; что Полочане ввели у себя республиканское правленіе съ вѣчемъ и тридцатью судными старцами во главѣ; что тогда Полоцкомъ завладѣлъ литовскій князь Мингайло, а сынъ его Гинвилъ вступилъ въ бракъ съ Тверскою княжною и принялъ христіанство; что Гинвилу наслѣдовалъ сынъ его Борисъ, тотъ самый, который построилъ св. Софію съ нѣкоторыми другими храмами и оставилъ о себѣ память на Двинскихъ камняхъ. Борису наслѣдовалъ Рогволодъ—Василій, воротившій Полочанамъ ихъ вѣчевые обычаи, отнятые Мингайломъ; а Рогволоду наслѣдовалъ сынъ его Глѣбъ, со смертію котораго прекратился родъ Мингайловичей въ Полоцкѣ. (Kronika. 239—242). Тоже самое въ Pomniki do dziejów Litewskich. Изд. Нарбута. Wilno. 1846. (Такъ наз. Лѣтопись Быховца). Нѣкоторые писатели, касавшіеся исторіи Западной Россіи, продолжали повторять эти извѣстія до позднѣйшаго времени безъ критическаго къ нимъ отношенія. (Въ томъ числѣ и Августъ Шлецеръ—Allgemeine Nordische Geschichte. II. 37). А между тѣмъ уже Карамзинъ указалъ на ихъ невѣроятность и полную несообразность съ хронологіей (къ т. IV. прим. 103). Двинскіе камни, какъ мы видѣли, окончательно изобличили Стрыйковскаго въ прибавкѣ словъ: «сына Гинвилова». Если принять его свидѣтельство, то выходило бы, что Борисъ строилъ въ XIII вѣкѣ полоцкіе храмы, тогда какъ сынъ его Рогволодъ — Василій княжилъ еще въ XII; ибо камень послѣдняго ясно обозначенъ 1171 годомъ, и т. п. Погодинъ и Соловьевъ также отвергли существованіе полоцкихъ Мингайловичей, равнымъ образомъ Бѣляевъ («Очеркъ Исторіи Сѣверо-Запад. края». Вильна. 1867) и Антоновичъ («Очеркъ Исторіи Великаго княжества Литовскаго». Кіевъ. 1878). Въ доказательство того, что въ первой половинѣ XIII вѣка въ Полоцкѣ еще княжила Русская династія, а не Литовская, прибавлю слѣдующія указанія. Во первыхъ, Генрихъ Латышъ сообщаетъ о полоцкомъ князѣ Владимірѣ, при которомъ совершилось водвореніе Нѣмцевъ въ Ливоніи. Во вторыхъ, помянутый торговый договоръ Смоленска съ Ригою и Готландомъ въ 1229 г.; въ договоръ включена Полоцкая и Витебская волость безъ всякаго намека на какую либо перемѣну въ ихъ князьяхъ. Въ третьихъ, прямое извѣстіе Русской лѣтописи (по Воскресен. и

Никонов. списку) о томъ, что Александръ Невскій въ 1239 г. женился на дочери полоцкаго князя Брячислава. Относительно помянутаго князя Владиміра существуетъ нѣкоторое недоумѣніе. Извѣстія о немъ Генриха Латыша обнимаютъ цѣлыя тридцать лѣтъ (1186—1216); а между тѣмъ русскія лѣтописи его совсѣмъ не знаютъ. Отсюда явилось предположеніе, что этотъ Владиміръ есть никто другой какъ Владиміръ Рюриковичъ, впослѣдствіи князь Смоленскій и великій князь Кіевскій. См. Лыжина «Два памфлета временъ Анны Іоанновны». (Извѣстія Акад. Н. Т. VII. 49). Предположеніе это однако слишкомъ смѣло; Владиміръ Рюриковичъ только родился въ 1187 г. Впрочемъ также мало вѣроятности, чтобы въ Полоцкѣ княжилъ одинъ и тотъ же Владиміръ и въ 1186, и въ 1216 гг. У Татищева подъ 1217 г. (т. III, 403) есть разсказъ о полоцкомъ князѣ Борисѣ Давидовичѣ, и его второй супругѣ Святохнѣ, княжнѣ Поморянской. Святохна, чтобы доставить княженіе своему сыну Владиміру Войцеху, оклеветала передъ княземъ двухъ своихъ пасынковъ Василька и Вячка. Исторія эта кончается возмущеніемъ противъ нея Полочанъ и избіеніемъ ея сообщниковъ Поморянъ. По словамъ Татищева расказъ заимствованъ имъ изъ Лѣтописи Еропкина. Въ помянутомъ выше своемъ разсужденіи Лыжинъ считаетъ весь этотъ романтическій расказъ памфлетомъ, который былъ направленъ противъ нѣмецкаго правительства Анны Іоанновны и сочиненъ самимъ Еропкинымъ. Мнѣніе это пока остается вопросомъ.

[20]) «Житіе Евфросиніи» въ Степенной книгѣ. I. 269. Стебельскаго Dwa swiata na horyzoncie Polockim czyli zywot ss. Evfrozynii i Paraskewii. Wilno. 1781. «Жизнь преподобной княжны Полоцкой Евфросиніи»—Говорскаго (Вѣст. юзозапад. и запад. Россіи. 1863. №№ XI и XII). «Памятники старины Витеб. губ».—Сементовскаго, съ изображеніемъ креста Евфросиніи. Надпись на немъ заключаетъ заклятіе, чтобы никто не дерзалъ взять этотъ крестъ изъ монастыря св. Спаса. Таже надпись свидѣтельствуетъ, что для украшенія его употреблено серебра, золота, дорогихъ камней и жемчугу на 140 гривенъ, и что мастеръ его дѣлавшій назывался Лазарь Богша.

[21]) «Минская Губернія»—подполк. Зеленскаго. Спб. 1864, и «Гродненская Губернія»—подполк. Бобровскаго. Спб. 1863 (Матер. для

геогр. и стат. Россіи—офицерами генерал. штаба). «Гродненская Коложанская церковь» (Вѣстникъ Запад. Россіи. 1866. кн. 6.). Памятная книжка Виленскаго генералъ-губернаторства на 1868 г. подъ редакціей Сементовскаго. Спб. 1868. (съ нѣкоторыми историческими и этнографическими замѣтками). Starożytna Polska Балинскаго и Липинскаго. Том. III. Warsch. 1846.

[22]) Источниками для первоначальной исторіи, религіи и быта Литовскаго племени служатъ извѣстія средневѣковыхъ географовъ-лѣтописцевъ, каковы: Вульфстанъ (который описываетъ Литву подъ именемъ Эстовъ. См. въ переводѣ Дальмана у Шафарика т. II. кн. 3), Дитмаръ Мерзебургскій, Адамъ Бременскій, Гельмольдъ, Мартинъ Галлъ, Кадлубекъ, Генрихъ Латышъ, Русская лѣтопись по Ипатьевскому списку. Passio S. Adalberti episcopi et martiris и Historia de predicatione episcopi Brunonis cum suis capellanis in Pruscia et martirio eorum. (у Белёвскаго Monum. Poloniae Histor. T. I.). Наиболѣе подробныя свѣденія о бытѣ и религіи Литвы, особенно Пруссовъ, въ Хроникѣ Прусско-Тевтонскаго ордена Петра Дюисбургскаго, писавшаго въ первой четверти XIV вѣка (Chronicon Prussiae. Jena. 1679. Изданіе Христофора Гарткноха, съ присоединеніемъ сочиненія неизвѣстнаго автора Antiquitates prussicae). Изъ писателей XV вѣка довольно свѣденій о Литвѣ у Длугоша, но невсегда достовѣрныхъ (онъ пустилъ въ ходъ извѣстіе о дани вѣниками и лыками, которое между прочимъ повторяется и въ такъ наз. Густынской лѣтописи подъ 1205 г.). Изъ писателей XV вѣка особенно заслуживаютъ вниманія: Лука Давидъ, у котораго подъ руками была лѣтопись Христіана, перваго епископа Прусскаго, Симонъ Грунау, Ласицкій (De diis Samogitarum. Рефератъ о немъ Mержинскаго въ Трудахъ третьяго Археологич. съѣзда), и наконецъ Матвѣй Стрыйковскій — Kronika Polska, Litewska etc (новое изданіе съ предисловіемъ Малиновскаго и Даниловича. Warschawa. 1876. 2 тома). Къ тому же XVI вѣку можно отнести неполную «Хронику Литовскую», извѣстную подъ именемъ владѣльца рукописи Быховца. Изданіе Нарбута. Wilno. 1846. Далѣе пособіями служатъ: Кояловича—Historia Litwaniae. Dantisci. 1650. Изд. Фёрстера. (Онъ сильно пользовался Стрыйковскимъ). Фойгта—Geschichte Preussens. Шафарика—Славян. Древн. T. I. кн. 3. Обширный трудъ Нарбута Dzieje starozytne narodu Litewskiego. Wilno. 9 томовъ. Первые три тома, относящіеся до

быта, религіи и древнѣйшей исторіи Литвы, изданы въ 1835—1838 гг. Этотъ историкъ послужилъ образцомъ для послѣдующихъ польскихъ писателей о Литвѣ. Изъ нихъ особенно укажемъ Ярошевича—Obraz Litwy. 3 части. Wilno. 1844—1845. и Крашевскаго—Litwa. 2 тома. Warschawa 1847—1850. На русскомъ языкѣ: Кеппена «О происхожденіи языка и Литовской народности» (Матеріалы для исторіи просв. въ Россіи. 1827). Боричевскаго «Свѣдѣнія о древ. Литвѣ» и «О происхожденіи названія и языка Литовскаго народа» (Жур. Мин. Н. Пр. XLII и XLVI). Киркора «Черты изъ исторіи и жизни Литовскаго народа». Вильна. 1854. Кукольника «Историческія замѣтки о Литвѣ». В. 1864. Бѣляева «Очеркъ исторіи сѣверозапад. края Россіи». В. 1867. Кояловича «Лекціи по исторіи запад. Россіи». М. 1865. Костомарова «Русскіе инородцы» (Рус. Слово. 1860 г.), Гильфердинга «Литва и Жмудь» (2-й томъ Соч.). Миллера и Фортунатова «Литовскія народныя пѣсни». М. 1873. Кромѣ того Гануша—Die Wissenschaft des Slawischen Mythus, im weitesten den altpreussisch-lithauischen Mithus mit umfassenden Sinne. Lemberg. 1842. Шлейхера—Handbuch der Lith. Sprache. Шёгрена Ueber diè Wohnsitze und diè Verchältnisse der Jatwägen. S. Ptrsb. 1858. По поводу Ятвяговъ см. также «Записки о западной части Гродненской губерніи» въ Этногр. Сборникѣ 1858 г. Вып. 3. Упомяну еще неоконченное сочиненіе Венелина «Леты и Славяне» (Чт. Об. И. и Др. 1846. № 4), гдѣ онъ пытается сближать Литовское племя съ Латинскимъ на основаніи языка и религіи, и Микуцкаго «Наблюденія и замѣчанія о Лето-Славянскомъ языкѣ» (Записки Геогр. Об. I. 1867.).

Первоначальная исторія Литовскаго народа пока мало изслѣдована и разъяснена. Польскіе и западнорусскіе писатели XV и XVI вв., особенно Длугошъ, Кромеръ, Матвѣй Мѣховій, Стрыйковскій и авторъ Хроники Быховца украсили ее легендами и учеными разсужденіями о Скиѳахъ, Готахъ, Герулахъ, Аланахъ, Ульмигерахъ и т. п. Между прочимъ во главѣ Литовской исторіи они большею частію поставили сказку о римскомъ выходцѣ Палемонѣ, который съ 500 воиновъ приплылъ на берега Нѣмана, и здѣсь основалъ Литовское княженіе. Его три сына Боркусъ, Кунасъ и Сперо раздѣлили между собою Литовскую землю; но Боркусъ и Сперо умерли безъ наслѣдниковъ, и землю ихъ наслѣдовалъ Кунасъ. Сынъ его Кернъ построилъ городъ Керновъ, гдѣ утвердилъ столицу. Литовская земля раздробилась на удѣлы между его потомками. Подъ вліяніемъ сходной съ

этимъ русской басни о трехъ братьяхъ Варягахъ, польскіе и нѣкоторые русскіе историки Литвы XIX вѣка, съ Нарбутомъ во главѣ, не только дали вѣру сказкѣ о Палемонѣ и его сыновьяхъ; но и начали доказывать, что онъ пришелъ не изъ Рима, а изъ Скандинавіи, какъ Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, и слѣдовательно Литовское княжество, подобно Русскому, основано Норманнами. Отъ Палемона и его сподвижника Довшпрунга (соотвѣтствующаго нашему Оскольду) выведена была генеалогія литовскихъ князей до самаго XIII вѣка включительно. Рядомъ съ легендою о Палемонѣ и его трехъ сыновьяхъ стоитъ еще легенда о двухъ братьяхъ Вайдевутѣ и Брутенѣ, изъ которыхъ первый сдѣлался свѣтскимъ владѣтелемъ Литвы и имѣлъ 12 сыновей, раздѣлившихъ его земли между собою; а второй былъ устроителемъ Литовской религіи и первымъ Криве—Кривейто. Позднѣйшіе писатели и эти миѳическія лица также причислили къ сонму Скандинавовъ.

[23]) Источники и пособія для исторіи и этнографіи Ливонскаго края представляютъ обширную литературу, благодаря въ особенности мѣстной нѣмецкой наукѣ, которая тщательно собирала, издавала и объясняла историческіе памятники края. Между собраніями источниковъ главное мѣсто занимаютъ: Monumenta Livoniae antiquae. 5 Bde. Riga, Dorpat und Leipzig 1835—1847, исполненныя преимущественно трудами Наперскаго. Scriptores rerum Livonicarum. 2 Bde. Riga und Leipzig. 1847—1853. Для начальной исторіи важенъ первый томъ, гдѣ перепечатана латинская хроника Генриха Латыша, обнимающая періодъ отъ 1184 до 1226 г., съ нѣмецкимъ переводомъ и съ комментаріями проф. Ганзена, и рифмованная нѣмецкая хроника Дитлиба фонъ Альнпеке (написанная въ концѣ XIII вѣка) съ переводомъ на новый нѣмецкій языкъ, въ обработкѣ Кальмейера. Затѣмъ извлеченія изъ разныхъ хроникъ у Бунге въ его Archiv für die Geschichte Liv—Esth—und Kurlands. Его же Liv—Esth-und Kurländischer Urkundenbuch; 4 Bde. R. 1852—59. Петра Дюисбургскаго Chronicon Prussiae. Изданіе Гарткноха. Jena; 1679 (также въ Scriptores rer. Prussic.) и Луки Давида Preussische Chronik Изд. Хеннига. 8 Bde Königsb. 1812—1817. Russisch Livländische Urkunden, собранныя Наперскимъ и изданныя Археографическою Коммиссіею при участіи академика Куника. Спб. 1868. «Грамоты касающіяся до сношеній сѣверозапади. Россіи съ

Ригою и Ганзейскими городами». Найдены Наперскимъ, изданы Археограф. Коммиссіей. Спб. 1857.).

Важнѣйшія пособія: Necrolivonica oder Alterthümer Liv—Esth- und Curlands. Von Dr. Kruse. Dorpat. 1842. Russisch — Livländische Chronographie. Von Bonnell. Изданіе Петерб. Академ. Наукъ. 1862. «Хронологическія изслѣдованія въ области Русской и Ливонской исторіи въ XIII и XIV вв.» А. Энгельмана. Спб. 1858. Geschichte der Ostseeprovinzen Liv — Esth—und Kurland. Von Otto von Rutenberg. 2 Bde. Leipzig. 1859—1860. Geschichte der deütschen Ostseeprovinzen. Von Richter. 2. Th. Riga. 1857—1858. (Съ указаніемъ на литературу предмета). Свѣденія о литературѣ (именно 1836—1848 гг.) см. у Паукера Die Literatur der Geschichte Liv—Esth—und Kurlands. Dorpat. 1848. Еще «Указатель сочиненій о коренныхъ жителяхъ Прибалтійскаго края». Х. Барона. (Зап. Геогр. Общ. по отд. этнографіи. II. 1869), а также Bibliotheca Livoniae Historica. Von Winkelman. Zweite Ausgabe. Berlin. 1878.

Относительно почти исчезнувшаго племени Ливовъ любопытно изслѣдованіе академика Видемана «Обзоръ прежней судьбы и нынѣшняго состоянія Ливовъ». Спб. 1870. (Прилож. къ XVIII т. Зап. Акад. Н.). Изъ новѣйшихъ сочиненій укажу еще Бунге Die Stadt Riga im Dreizehnten und Vierzehnten Jahrhundert. Leipzig. 1878. Для водворенія Тевтонскаго ордена въ Пруссіи главнымъ пособіемъ служитъ извѣстный трудъ Фойгта Geschichte Preüssens.

Хроника Генриха Латыша, служащая главнымъ источникомъ для исторіи водворенія Нѣмцевъ въ Ливоніи, отличается большимъ пристрастіемъ къ нимъ и особенно къ епископу Альберту. По своему простодушію онъ иногда откровенно передаетъ неблаговидныя ихъ черты; но многому очевидно даетъ иной свѣтъ. Между прочимъ по поводу Юрьева Татищевъ пишетъ, что Нѣмцы взяли его съ помощью вѣроломства: они заключили перемиріе съ осажденными; а когда бдительность городской стражи вслѣдствіе того ослабѣла, ночью, подкравшись къ городу, зажгли его, и пользуясь пожаромъ, сдѣлали приступъ. (III. 431). Неизвѣстно, откуда онъ почерпнулъ это извѣстіе; но оно не противорѣчитъ общему образу дѣйствія Нѣмцевъ.

[24]) Хотя литература о Финскомъ племени вообще довольно обширна; но обработка собственно ихъ исторіи и этнографіи еще

весьма недостаточна. Извѣстія о нихъ находимъ преимущественно у слѣдующихъ писателей, древнихъ и средневѣковыхъ: Тацитъ—De situ, moribus et populis Germaniae. Іорнандъ—De rebus Geticis. Путешествіе Отера и Вульфстана въ IX в. (см. въ Antiquités Russes и въ Monumenta Бѣлевскаго). Константинъ Багрянородный—De administrando imperio. Адамъ Бременскій—De situ Daniae. Русскія лѣтописи. Арабскіе писатели (см. Френа Ibn. Fozslan's und ander. Arab. Berichte). Ибнъ Батута (Defremeri et Sanguinetti). Ибнъ Даста (Хвольсонъ). Скандинавскія саги, особенно Heimskringla (см. Antiq. Russes).

Пособія:

Шлецера Allgemeine nordische Geschichte. Halle. 1771. Лерберга «О Югріи» и «О жилищахъ Еми» (см. его Изслѣдованія. переводъ Языкова. Спб. 1819). Ф. Миллера Der Ugrische Volksstam und Stromsystem der Wolga. Berlin 1837—39. Шегрена Historisch—ethnographische Abhandlungen ueber die finnisch—russischen Norden. St-Ptrsb. 1861. Здѣсь особенно важны его слѣдующіе трактаты: Bericht ueber die wissenschaftliche Reise zur Untersuchung der finnischen Volkschaften in Russland; Die Syrjänen, ein historisch—statistisch—philologischer Versuch; Ueber die aelteren Wohnsitze der Iemen; Wann und wie wurden Sawolotschje und die Sawolokschen Tschuden russisch; Zur Metallkunde der alten Finnen und anderer tschudischer Völker. Труды Кастрена, изданные академикомъ Шифнеромъ: Vorlesungen ueber die Finnischen Mythologie. St-Prsb. 1853. Ethnologische Vorlesungen ueber die altaischen Völker. 1857. Reiseerinnerungen aus den Jahren 1838 — 44 S.Pt. 1853. Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845 — 49. S-Pt. 1856. Kleinere Schriften. 1862. (Путешествія и письма въ русскомъ переводѣ въ VI томѣ «Магазина Землевѣденія и Путешествій» Фролова. М. 1860. Кромѣ того объ этихъ путешествіяхъ и трудахъ Кастрена см. у Гартвига «Природа и человѣкъ на крайнемъ сѣверѣ» переводъ Усова. М. 1863). Шафарика «Славянскія Древности». т. II. Записки о Россіи иноземцевъ, особенно Герберштейна и Олеарія. Путешествія академиковъ прошлаго столѣтія, Палласа, Лепехина, Озерецковского, Гильденштеда, а также венгерскаго ученаго Георги. Thomasson's Finnische Mythologie. Reval. 1821. (Переводъ Хр. Петерсона со шведскаго на нѣмецкій). Kalewala, das National—Epos der Finnen. Gelsingfors. 1852. Собрана докто-

ромъ Ленротомъ. Нѣмецкій переводъ Шифнера. Еще прежде того она передана по французски Лёзопъ Ледюкомъ въ его La Finlande et le Çalewala. Paris. 1845. См. также разсужденіе Шифнера «Сампо» — опытъ объясненія связи между финскими и русскими сказками, особенно Калевалы и Калевича съ Ильей Муромцемъ (Зап. 2 отд. Ак. Н. т. I. 1862 г.). «Заволоцкая чудь» Ефименка. Арх. 1869. (Вслѣдъ за Европеусомъ онъ относитъ эту Чудь къ Угорской вѣтви).

Многочисленные трактаты о разныхъ сторонахъ Финской исторіи, этнографіи и древностей разсѣяны въ слѣд. изданіяхъ: Записки Археолог. Общества (Напр. Эйхвальда «О чудскихъ копяхъ» въ т. VI и Архим. Макарія «Памятники древностей въ Пермской губер». въ т. VIII). Вѣстникъ, Записки и Этнографическій сборникъ Географическаго Общества. (Также отчетъ посланной имъ экспедиціи— «Сѣверный Уралъ». Спб. 2 т. 1855 — 56) «Записки» и другія изданія Академіи Наукъ; изъ множества разсѣянныхъ въ нихъ статей о Финнахъ заслуживаютъ между прочимъ вниманія филологическіе и этнографическіе труды филологовъ Видемана и Шифнера. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія (Напр. Кеппена «Водь и Вотская пятина» 1851, Европеуса «О народахъ обитавшихъ въ Россіи до Славянъ» 1868, и «О курганныхъ раскопкахъ» 1872 и статья Л. Н. Майкова въ 1877 г. «О древней культурѣ западныхъ Финновъ по даннымъ языка», на основаніи сочиненія Алквиста Die Kulturwörter der Westfinnischen Sprachen. Helsingfors. 1877). Чтенія Об. Исторіи и древностей при Моск. Универс. (напр. Сума «О Финнахъ» съ датскаго переводъ Сабинина. 1847. №. 9. и Стрингольма «Походы Викинговъ» въ переводѣ Шемякина. 1859 и 1860 гг.). Ученыя Записки Казанскаго университета. Извѣстія Московскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи (Труды отдѣловъ этнографическаго и антропологическаго).

Труды Археологическихъ съѣздовъ; особенно любопытно изслѣд. гр. Уварова «О Мерянахъ по курганнымъ раскопкамъ» въ Трудахъ Перваго съѣзда (Объ этомъ изслѣдованіи, а также о трудѣ проф. Корсакова «Меря и Ростовское княжество» Казань. 1872. см. П. Д. Шестакова «Родственна ли Меря съ Вогулами» въ Учен. Зап. Казан. Универ. 1873. №. I). Отдѣлу Эстонской Чуди много трактатовъ посвящено въ Vorlesungen Дерптскаго Эстонскаго Общества и разныя монографіи ученыхъ Прибалтійскаго края. Напр: X. Нейса. Esthnische Volkslieder. Rev. 1850, и Фр. Крейцвальда вмѣстѣ

съ Нейсомъ Mythische und Magische Lieder der Ehsten. S. Ptsb. 1854. Kalewipoeg, eine esthnische Sage въ нѣмецкой передачѣ Карла Рейнталя. Dorpat. 1857. По такъ наз. доисторической археологіи Финскаго сѣвера заслуживаютъ вниманія труды шведскихъ и финскихъ ученыхъ, каковы: Монтеліусъ, Аспелинъ, Алквистъ и др. Любопытна между прочимъ, основанная отчасти на русскихъ источникахъ, диссертація Рейна и Стенбека De Curonibus saeculis XII et XIII Fenniam infestantibus. Helsingforsiae. 1829. Множество замѣтокъ о Финскихъ народцахъ разбросано въ неоффиціальномъ отдѣлѣ губернскихъ и епархіальныхъ вѣдомостей губерній сѣверной и средней полосы, а также въ «Спискахъ населенныхъ мѣстъ». См. также «Хронологическій указатель матеріаловъ для исторіи инородцевъ Европейской Россіи» Кеппена. Спб. 1861.

Изъ ряда отдѣльныхъ вопросовъ, относящихся къ древней исторіи Финскаго сѣвера Россіи, укажу на составившееся представленіе о какой-то самобытной Финской гражданственности, стоявшей когда то на довольно высокой степени въ странѣ, извѣстной подъ именемъ Біарміи. Представленіе это основалось во первыхъ на разсказахъ Скандинавскихъ сагъ о Біарміи, во вторыхъ на многихъ цѣнныхъ предметахъ, находимыхъ случайно или добытыхъ раскопками, преимущественно въ Пермскомъ краѣ. По моему крайнему разумѣнію означенное представленіе о древней цвѣтущей Біарміи и самобытно развившейся тамъ финской гражданственности основано на нѣкоторыхъ преувеличеніяхъ и недоразумѣніяхъ. Напримѣръ, разсказъ Хеймскринглы о викингахъ, разграбившихъ богатства, хранившіяся въ святилищѣ Юмалы, отзывается явнымъ преувеличеніемъ относительно захваченныхъ сокровищъ и въ сущности не даетъ пока основательнаго повода предположить существованіе особой, развитой финской цивилизаціи. Монеты и лучшія вещи изъ драгоцѣнныхъ металловъ, находимыя въ Пермскомъ краѣ, конечно не туземнаго происхожденія, а добывались съ помощію привозной торговли. Говоря о Біарміи, не надобно забывать существованіе промышленнаго народа Камскихъ Болгаръ, которыхъ торговцы далеко на сѣверъ и западъ распространяли произведенія какъ собственныя, такъ и привозимыя изъ мусульманской Азіи. По всей вѣроятности, племя Зырянъ или Пермяковъ, сосѣднее и отчасти подчиненное Болгарамъ, преимущественно подъ ихъ вліяніемъ развило свой болѣе дѣятельный и промышленный характеръ, которымъ оно значительно отличается отъ другихъ Финновъ. Это - то Пермяцко-Зырянское племя

отождествляютъ съ Беормами или Біармійцами скандинавскихъ сагъ; хотя послѣднія указываютъ собственно на прибрежья Бѣлаго моря, т. е. на страну Заволоцкой Чуди. Замѣчу кромѣ того, что помянутыя извѣстія этихъ сагъ относятся къ XI—XIII вѣкамъ, то есть къ тому времени, когда сѣверовостокъ Европы былъ также посѣщаемъ и русскими торговцами, и русскими сборщиками даней съ туземцевъ; а отъ нихъ наши первые лѣтописцы могли получать современныя имъ свѣденія о народахъ той стороны, и даже о болѣе отдаленной Югрѣ, и, какъ мы видимъ, дѣйствительно получали (напр. расказъ Гюряты Роговича). Но въ лѣтописяхъ нашихъ не находимъ никакихъ указаній на существованіе какого либо Біармійскаго царства или высокой Біармійской гражданственности.

[25]) Главнымъ и богатымъ источникомъ для очерка Новогородской исторіи и общественнаго устройства въ до-Татарскій періодъ служатъ конечно лѣтописи, преимущественно группа лѣтописей такъ наз. Новогородскихъ, Псковскихъ и Софійскихъ. Далѣе слѣдують нѣсколько договоровъ, уставныхъ и дарственныхъ грамотъ, сохранившихся отъ этого періода, каковы: Грамота Мстислава и сына его Всеволода—Гавріила Юрьевскому монастырю, 1130 г. (Дополн. къ Акт. Историч. I. № 2). Уставная грамота Всеволода-Гавріила церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ, 1136 г. (Рус. Достопам. Т. I.). Уставная грамота князя Святослава Софійскому собору. 1137 г. (ibid.). Двѣ грамоты игумна Антонія основанному имъ монастырю (Истор. Рос. Іерархіи. VII). Договорная грамота Новгорода съ Нѣмцами конца XII вѣка. (Грамоты касающіяся до спош. сѣверозап. Россіи съ Ригою и Ганз. городами, а также Русско-Ливон. Акты. № I)

Пособія укажу особенно слѣдующія: «Историческіе разговоры о древностяхъ Великаго Новгорода». М. 1808. (митроп. Евгенія). «Опытъ о посадникахъ Новогородскихъ». М. 1821. Погодина—«Изслѣд. и лекціи» Т. V. Соловьева—«Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ». (Чт. Об. И. и Др. Годъ 2. кн. I.). Костомарова—«Сѣвернорусскія народоправства». 2 т. Спб. 1863. Бѣляева «Исторія Новгорода Великаго». М. 1864. По отношенію къ Новогородской церкви см. въ исторіяхъ Рус. Церкви Филарета и Макарія. Кромѣ того, Никитскаго «Очерки изъ жизни В. Новгорода». (Правительст. совѣтъ. Ж. М. Н. Пр. 1869. Октябрь, и Св. Иванъ на Опокахъ. ibid. 1870. Августъ). Его же «Очеркъ внутренней исротіи церкви въ Великомъ Новгородѣ». Спб. 1879. Для религі-

озной стороны Новгорода любопытный источникъ представляютъ «Вопросы Кирика Нифонту» (Памятники Рос. Словесности XII вѣка. М. 1821).

[26]) Пособія для знакомства съ древнимъ Новгородомъ и его окрестностями:

Красова «О мѣстоположеніи древняго Новгорода». Новгородъ. 1851. Купріянова: Разборъ сочиненія Красова (Москвитянинъ 1851. XXIII), «Ярославово дворище въ Новгородѣ и находящіяся на немъ церкви съ ихъ достопримѣчательностями». (Памятн. книжка Новог. губ. на 1860 г.) и «Прогулка по Новгороду и его окрестностямъ» (Новгород. губ. Вѣд. 1862). Архимандрита Макарія «Археологическое описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ и его окрестностяхъ». М. 1860. (Любопытный разборъ этого сочиненія Стасовымъ см. въ Тридцатомъ присужденіи Демидовскихъ наградъ). Его же Описаніе Юрьева монастыря. М. 1862 и «Опись Хутынскаго монастыря» (Зап. Археол. Об. IX). Протоіерея Соловьева «Описаніе Новгород. Софійскаго Собора». Спб. 1853. Описаніе тогоже собора Аполлосомъ. М. 1847. и Метафрастомъ. Нов. 1849. Графа М. Толстаго «Указатель Великаго Новгорода и Святыни и древности В. Новгорода». М. 1862. Аделунга «Корсунскія врата». М. 1834 (въ переводѣ съ нѣмецкаго Артемовымъ). Георг. Филимонова «Церковь св. Николая на Липнѣ». М. 1859. О Спасъ-нередицкихъ фрескахъ см. въ изданіяхъ Прохорова «Христіанскія Древности» и «Русскія Древности». Связанныя съ новогородскими святынями легенды см. въ «Памятникахъ старинной Русской литературы» Спб. 1860. (О побѣдѣ надъ Суздальцами или объ иконѣ Знаменія Божіей Матери, о св. архіепископѣ Іоаннѣ, о построеніи Варяжской божницы и Благовѣщенскаго монастыря, объ Антоніѣ Римлянинѣ и Варлаамѣ Хутынскомъ и пр.). Еще сказаніе о Михалицкомъ дѣвичьемъ монастырѣ на Молотковѣ, на Торговой сторонѣ; супруга князя Ярослава Владиміровича построила въ немъ каменный храмъ Богородицы. (Новгород. 3-я лѣтоп. подъ 1199 г.). Кромѣ того: Житія Новгородскихъ святыхъ у Востокова въ Описаніи Румянцевскаго музея. № CLIV.

[27]) Для обозрѣнія Новгородской земли, кромѣ помянутыхъ общихъ для Россіи трудовъ Щокатова, Семенова, Барсова, Погодина, Бѣляева и «Списковъ населенныхъ мѣстъ», укажу еще пособія: Миллера—Stromsystem der Wolga, Пушкарева и Гедеонова — Опи-

саніе Россійской имперіи. Т. I. Четыре выпуска, обнимающіе губерніи Новогородскую, Архангельскую, Олонецкую и Вологодскую. Спб. 1844—46. Бергштрессера—Опытъ описанія Олонецкой губ. Спб. 1838. Дашкова—Описаніе Олонецкой губ. Спб. 1842. Озерецковскаго—Обозрѣніе мѣстъ отъ С.-Петербурга до Старой Русы. Спб. 1808. Гельмерсена—Чудское озеро и верховья рѣки Наровы (Записки Акад. Н. Т. VII. кн. I. 1865). Купріянова—Матеріалы для исторіи и географіи Новогород. области. (Вѣст. Геогр. Общ. 1852. VI). Его же—Старая Руса (Москвитян. 1859). Латкина—Дневникъ во время путешествія на Печору (Зап. Геогр. Общ. VII). Прохорова—Христіан. Древности. 1864 и 1877 гг. («Стѣнная иконопись въ церкви св. Георгія въ Старой Ладогѣ»). «Исторія Вятскаго края».—Сост. Васильевымъ и Бехтеревымъ. Вятка 1870.

Что касается до извѣстнаго сочиненія Неволина О пятинахъ и погостахъ Новогородскихъ въ XVI вѣкѣ (Зап. Геогр. Об. кн. VIII), то мы не вполнѣ раздѣляемъ его главное положеніе, что дѣленіе на пятины принадлежитъ собственно Московскому правительству, и отчасти согласны съ его возражателями, напр. Погодинымъ (Изслѣд. и лекціи. Т. V. 338); но признаемъ, что это дѣленіе еще выработалось въ до-Татарскій періодъ; хотя и были уже положены его начатки. Относительно начала Вятской земли см. у Карамзина. Т. III. гл. I. и прим. 31—33. и у Костомарова въ I томѣ Народоправствъ ссылку на рукопись Публич. Библіотеки № 103.

Въ 1878 году въ Осташковскомъ уѣздѣ въ погостѣ Стержѣ на верховьяхъ Волги найденъ каменный крестъ съ надписью 1133 года о томъ, что Иванко Павловичъ «почахъ рыти рѣку сю». Это конечно тотъ Иванко Павловичъ, который, будучи новогородскимъ посадникомъ, погибъ въ битвѣ на Жданой горѣ въ 1135 г. Надпись свидѣтельствуетъ повидимому о работахъ, произведенныхъ здѣсь Новогородцами по углубленію русла рѣки, для пользы судоходства. (Крестъ перевезенъ въ Тверской музей).

[28]) Извѣстіе о созваніи Юріемъ переселенцевъ отовсюду принадлежитъ Татищеву (III, 76). Географическія названія указываютъ, что колонизація Суздальской земли шла преимущественно изъ южной Руси. Напримѣръ, города: Переяславль, Владиміръ, Ярославль, Галичъ, Звенигородъ, Стародубъ; рѣки: Трубежъ; Ирпень и Лыбедь—притоки Клязьмы; Почайна—притокъ Ирпени, и пр.

[29]) О стремленіи Андрея къ самовластію см. П. С. Р. Л. VII. 76. и IX. 221. Походы на Болгаръ Камскихъ въ Лавр. Воскресн. Никонов. въ Степен. Книгѣ и у Татищева. О попыткахъ его образовать Владимірскую митрополію, о епископахъ Леонѣ и Ѳеодорѣ въ Лаврент. и особенно Никон. Въ послѣдней подъ 1160 и у Татищева III. помѣщено пространное, витіеватое посланіе патріарха Луки къ Андрею о митрополіи. Карамзинъ едва ли неправъ, считая его подложнымъ (Къ Т. III. прим. 28). Житія Леонтія и Исаіи изданы въ Правосл. Собесѣдникѣ 1858 г. кн. 2 и 3; а Житіе Авраамія Ростовскаго въ Памятникахъ Русс. Старинной Литературы. I. Разборъ ихъ различныхъ редакцій см. у Ключевскаго «Древнерусскія житія святыхъ какъ историческій источникъ». М. 1871. гл. I. О построеніи храмовъ во всѣхъ лѣтописяхъ. Сказаніе о принесеніи иконы Богородицы изъ Вышгорода и основаніи Боголюбова см. въ Степен. книгѣ и въ рукопис. житіи Андрея, приведенномъ у Доброхотова («Древній Боголюбовъ городъ и монастырь». М. 1850). Въ числѣ пособій для Андрея укажу Погодина «Князь Андрей Юрьевичъ Боголюбскій». М. 1850.

[30]) Убіеніе Андрея какъ бы составило предметъ особой повѣсти. Оно почти во всѣхъ лѣтописяхъ повѣствуется одинаково; но самое подробное сказаніе сохранилось въ Кіевскомъ сводѣ (т. е. въ Ипатьевскомъ спискѣ); въ немъ только и встрѣчается любопытный эпизодъ о Кузьмищѣ Кіевлянинѣ, со словъ котораго вѣроятно и составлена эта повѣсть. Позднѣе оно украсилось еще народнымъ домысломъ о казни Андреевыхъ убійцъ, тѣла которыхъ зашили въ короба и бросили въ озеро, прозванное оттого «Поганымъ». По нѣкоторымъ эта казнь учинена Михалкомъ Юрьевичемъ, по другимъ Всеволодомъ Большое Гнѣздо. Самый расказъ о ней и носящихся по водѣ коробахъ, превратившихся въ пловучіе острова, подвергся разнообразнымъ варіантамъ. Вкратцѣ извѣстіе о казни убійцъ въ Степен. книгѣ (285 и 308), и пространнѣе у Татищева (III. 215) съ указаніемъ на разнообразіе описаній и со ссылкой на Еропкинскую рукопись (прим. 520).

[31]) Источникъ для борьбы Ростова и Суздаля съ Владиміромъ и для княженія Всеволода III—П. С. Р. лѣт. особенно Лаврентьевская; также Лѣтописецъ Переяславля Сузд. изд. кн. Оболенскимъ. О посѣщеніи Всеволодомъ въ дѣтствѣ Византіи въ Степен. кн. 285.

Подробности о его болгарскомъ походѣ въ сводахъ Лаврент. Ипат. Воскресен. Тверск. и у Татищева. Извѣстія ихъ, что суда были оставлены у острова Исады на устьѣ Цѣвки (Цивили), т. е. въ теперешнемъ Чебоксарскомъ уѣздѣ (Татищ. III. прим. 532. Карам. III. прим. 63), это извѣстіе очевидно неточно. Князья не могли такъ далеко оставить позади себя суда и идти далѣе сухопутьемъ. Въ извѣстіи о походѣ на Болгаръ 1220 г. Исады указываются на Волгѣ ниже устья Камы, противъ болгарскаго города Ошела (см. Воскресн.). Кромѣ того въ хронологическомъ отношеніи не всѣ списки согласны между собою. Такъ два старѣйшихъ свода Ипат. и Лаврент. во второй половинѣ XII вѣка расходятся другъ съ другомъ иногда на цѣлые два года. Въ Лаврент. походъ Всеволода на Болгаръ помѣщенъ подъ 1184 г., а въ Ипат. подъ 1182.

[32]) Извѣстіе о непринятіи Всеволодомъ на Ростовскую каѳедру Николы Гречина и поставленіи Луки см. въ Лаврен. подъ 1185, Ипат. подъ 1183. О пожарахъ, о постройкахъ Всеволода и его семейныхъ отношеніяхъ ibid. О второмъ бракѣ Всеволода въ Воскресн. сводѣ. «Объ обрядѣ постригъ» Лавровскаго въ Москвитян. 1854 г. О бракѣ Юрія Андреевича съ Тамарой см. Histoire de la Géorgie, traduite par M. Brosset. St-Ptrsb. 1849. I. 412 и далѣе. Его же: «Свѣдѣнія о Грузинской царицѣ Тамарѣ въ древнерусской литературѣ». (Учен. Зап. Акад. Н. по 1 и 3 отд. т. I. вып. 4.). «Историческій отрывокъ изъ Грузинской исторіи, переведенный имеретинскимъ царевичемъ Константиномъ» (Альманахъ «Минерва» на 1837 г.) Буткова «О бракахъ князей русскихъ съ грузинскими и Ясынями» (Сѣверн. Архивъ за 1825. Часть XIII). Посредницей въ сношеніяхъ Руси съ Грузіей была вѣроятно Аланія или Осетія; такъ какъ владѣтели осетинскіе съ одной стороны находились въ родствѣ съ русскими князьями, а съ другой съ грузинскими царями. Въ сказаніи о Тамарѣ видимъ, что на бракъ ея съ Юріемъ склонили ее вельможи съ помощью ея тетки Русуданы, вдовствующей осетинской княгини. Сама Тамара по матери приходилась внучкою Осетинскаго князя, и, можетъ быть, находилась въ нѣкоторомъ свойствѣ со Всеволодомъ III. Въ виду подобныхъ обстоятельствъ бракъ ея съ Юріемъ Андреевичемъ является событіемъ, незаключающимъ въ себѣ ничего невѣроятнаго.

[33]) Любопытно, что эта междоусобная война, столь безславная для Суздальцевъ, едва упомянута въ Суздальскомъ или такъ наз. Лаврентьевскомъ сводѣ. Извѣстіе о ней сохранилось въ Новогородскихъ лѣтописяхъ, подробнѣе другихъ въ Четвертой; откуда перешло въ позднѣйшіе своды Софійскій, Воскресенскій, Тверской, Никоновскій и у Татищева. Въ послѣднихъ событія, особенно Липецкая битва, являются уже весьма украшенными и съ витіеватыми рѣчами дѣйствующихъ лицъ; между прочимъ въ этой битвѣ участвуютъ и такъ наз. «храбры», т. е. богатыри, Александръ Поповичъ съ слугою Торопомъ, рязанецъ Добрыня Златой поясъ и Нефедій Дакунъ (Никон. и Тверск.); слѣдовательно сюда уже примѣшался отчасти и богатырскій эпосъ. Хотя въ Новогородскихъ событія эти расказаны подъ 1216 г.; однако мнѣ кажется достовѣрнѣе стоящій въ Ливрент. 1217 годъ, который болѣе согласенъ съ общимъ ходомъ дѣлъ на Руси и съ нѣкоторыми другими извѣстіями.

[34]) О великомъ князѣ Константинѣ Всеволодовичѣ см. сводъ Лаврентьевскій и Никоновскій. О его библіотекѣ и занятіи лѣтописнымъ дѣломъ у Татищева Т. III. 416 и 446. прим. 601, 602 и 625. Къ числу пособій относится Бѣляева «Великой князь Константинъ Всеволодовичъ Мудрый» (Временникъ Общ. И. и Др. М. 1849 кн. 3). О походахъ Юрія II на Камскихъ Болгаръ и Мордву см. Лаврен. Воскресн. Тверской, Никонов. Татищевъ.

[35]) Новогородскія лѣтописи, преимущественно Первая.

[36]) Кромѣ Амвросія («Исторія Россійской іерархіи») и другихъ общихъ приведенныхъ выше сочиненій по исторіи, географіи и этнографіи Россіи, укажу пособія, относящіяся преимущественно къ верхнему Поволжью или сѣверовосточной Руси: Миллера Stromsystem der Wolga. Berlin. 1839. Гр. Уварова «Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ» и «Взглядъ на архитектуру XII вѣка въ Суздальскомъ княжествѣ» (то и другое въ «Трудахъ перваго Археологическаго съѣзда». См. тамъ же различныя мнѣнія по вопросу о Суздальской архитектурѣ и Романскомъ на нее вліяніи Даля, Артлебена, Лашкарева и Мансветова). «Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ на Клязьмѣ». М. 1849—Изданіе гр. Строгонова. «Памятники древняго Русскаго Зодчества». М. 1851.—Изд. Рихтера. «Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества» Мар-

тынова. М. 1846. «Христіанскія древности»—Прохорова Спб. 1875. «Памятники древности во Владимірѣ Клязьменскомъ»—В. Доброхотова. М. 1849. Его же «Древній Боголюбовъ городъ». М. 1852. «Исторія Владимірскаго Успенскаго собора». Владиміръ. 1877. «О Переяславлѣ Залѣсскомъ» графа Хвостова. 1823. «Древнія святыни Ростова Великаго»—гр. Толстаго. М. 1860. «Археологическія замѣтки о городахъ Суздалѣ и Шуѣ»—К. Тихонравова. «Исторія губерн. города Ярославля»—протоіерея Троицкаго. Ярославль. 1853. «Взглядъ на исторію Костромы»—кн. А. Козловскаго. М. 1840. «Костромская губернія»—Крживоблоцкаго. Спб. 1861. (Матеріалы—офицерами генерал. штаба). «Опытъ описанія Вологодской губерніи»—Брусилова. Спб. 1833. «Запись на камнѣ при крестѣ въ Юрьевѣ Польскомъ» (въ Свѣдд. о малоизвѣст. памятникахъ. Срезневскаго. 1867). «Описаніе Переславскаго Никитскаго монастыря»—священника Свирѣлина. М. 1878.

[37]) «Исторія Рязанскаго княжества». Д. Иловайскаго. М. 1858.

[38]) Главнымъ источникомъ для знакомства съ Камской Болгаріей въ XI—XIII вв. служатъ наши лѣтописи, т. е. извѣстія о походахъ русскихъ князей въ ту сторону. Къ тѣмъ пособіямъ, которыя упомянуты въ 7 примѣч. къ первой части, должно присоединить Гергарда Миллера—Abhandlung von den Völkern, welche vor Alters in Russland gewohnet haben (Magazin Бюшинга. XVI. 305—320. Halle. 1782) и прекрасный трудъ Шпилевскаго—«Древніе города и другіе булгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи». Казань. 1877. Здѣсь находится и подробное указаніе на литературу предмета. Только мнѣніе его, что подъ Великимъ Городомъ наши лѣтописи разумѣютъ не Булгаръ на Волгѣ, а Бюларъ на Черемшанѣ—это мнѣніе пока ожидаетъ подтвержденій. Упомяну еще «Три надгробныя булгарскія надписи» муллы Хусейнъ-Фейзъ-Ханова. (Извѣст. Археолог. Об. IV. 395). Самое богатое собраніе булгарскихъ древностей находится у г. Лихачева въ Казани. (О немъ см. въ Извѣстіяхъ Петерб. Археолог. Общ. Т. VI. 182 стр.).

[39]) Пособіями для общественныхъ отношеній и учрежденій древней Руси служатъ: Плошинскаго «Городское состояніе Русскаго народа въ его историческомъ развитіи». Спб. 1852. Погодина «Изслѣдованія и лекціи. Т. VII. Соловьева «Исторія отношеній между

князьями Рюрикова дома». М. 1847. В. Пассека «Княжеская и докняжская Русь». (Чт. Общ. И. и Др. 1870. кн. 3). Сергѣевича «Вѣче и князь». М. 1867. (Подробную рецензію Градовскаго на это сочиненіе см. въ Ж. М. Н. Пр. 1868. Октябрь). Бѣляева «Лекціи по исторіи русскаго законодательства. М. 1879. Лимберта «Предметы вѣдомства вѣча въ княжескій періодъ». Варшава. 1877. Самоквасова «Замѣтки по исторіи Русскаго государственнаго устройства и управленія» (Ж. М. Н. Пр. 1869. Ноябрь и Декабрь). Его же «Древніе города Россіи». Спб. 1870. Его же «Начала политическаго быта древнерусскихъ Славянъ». Вып. I. Варшава 1878. Въ двухъ послѣднихъ сочиненіяхъ г. Самоквасовъ доказываетъ несостоятельность прежде господствовавшаго мнѣнія о малочисленности городовъ въ древнѣйшей Руси — мнѣнія, основаннаго на нѣсколькихъ гадательныхъ фразахъ лѣтописца о бытѣ Русскихъ Славянъ до такъ наз. призванія Варяговъ. (Нѣкоторые писатели, по недостатку критики, до того полагались на эти фразы, что самое построеніе городовъ на Руси считали дѣломъ призванныхъ Варяговъ). Любопытныхъ отсылаемъ къ послѣднему сочиненію г. Самоквасова, гдѣ представленъ обзоръ разныхъ теорій «политическаго быта Русскихъ Славянъ» въ эпоху призванія; таковы теоріи: родовая, общинная, задружно-общинная и смѣшанная. Представителями патріархальнаго и родоваго быта являются Соловьевъ и Кавелинъ, общиннаго Бѣляевъ, Аксаковъ и Лешковъ, задружно-общиннаго Леонтовичъ (см. его статью въ Ж. М. Н. Пр. 1874 №№ 3 и 4), а смѣшаннаго Затыркевичъ («О вліяніи борьбы между городами и сословіями на образованіе строя Русскаго государства въ Домонгольскій періодъ. Чт. Об. И. и Др. 1873). Мы не входимъ въ разборъ всѣхъ этихъ теорій; такъ какъ онѣ болѣе или менѣе исходнымъ своимъ пунктомъ берутъ мнимое призваніе Варяжскихъ князей, считая его историческимъ фактомъ и полагая его началомъ Русской государственной жизни. Даже г. Затыркевичъ, признавая болѣе древнее происхожденіе Русскаго государственнаго быта, въ тоже время какъ-то сплетаетъ его съ призваніемъ Варяговъ и считаетъ Русь выходцами изъ Скандинавіи. Съ своей стороны мы возводимъ начало нашего государственнаго быта, съ туземными русскими князьями во главѣ, ко времени гораздо болѣе раннему чѣмъ эпоха мнимаго призванія Варяговъ. Во внутреннихъ отношеніяхъ видимъ въ древней Руси существованіе общины и вѣча рядомъ съ дружинно-княжескимъ началомъ, но при явномъ подчиненіи сему послѣднему. (Нѣсколько

моихъ мыслей о происхожденіи государственнаго быта вообще см. въ Извѣстіяхъ Моск. Общ. Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи за 1879 г.: «О нѣкоторыхъ этнографическихъ наблюденіяхъ»).

[40]). Отъ помянутыхъ теорій древняго русскаго быта должно отличать еще вопросъ о сельской общинѣ въ древней Россіи, хотя въ полемической литературѣ по этому вопросу онъ нерѣдко смѣшивается съ означенными теоріями. Главными поборниками исконнаго общиннаго устройства крестьянскаго сословія и землевладѣнія являются: К. Аксаковъ (Его Сочч. М. 1861). В. Лешковъ («Русскій народъ и Государство». М. 1858) и въ особенности И. Бѣляевъ (Крестьяне на Руси. М. 1860). Представителемъ противнаго мнѣнія выступилъ г. Чичеринъ (см. собраніе его статей въ «Опытахъ по исторіи Русскаго права». М. 1858). По его мнѣнію происхожденіе Русской крестьянской общины вытекло изъ финансовыхъ установленій, т. е. изъ тягла и повинностей, обусловленныхъ круговою порукою. (Отвѣты ему Бѣляева см. въ Русс. Бесѣдѣ 1857 г.). Довольно много остроумныхъ соображеній выставлено съ той и другой стороны; но обѣ онѣ происхожденіе нашей сельской общины приводятъ въ связь съ мнимымъ происхожденіемъ Русскаго государства и даютъ участіе въ этомъ вопросѣ пришлой варяжской дружинѣ. Сторонники исконной поземельной общины имѣютъ за собою болѣе исторической правды; но они придаютъ ей слишкомъ договорный, юридическій (искусственный), слишкомъ идиллическій характеръ; преувеличиваютъ значеніе и распространеніе въ древней Россіи общиннаго и артельнаго начала. Въ послѣднее время любопытно въ этомъ отношеніи сочиненіе Соколовскаго «Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи». Спб. 1877. Онъ отождествляетъ ее съ волостью; но также мѣшаетъ ея исторію съ мнимымъ призваніемъ Варяговъ, и полагаетъ, что прежнее (идиллическое) состояніе сѣверорусской общины нарушилось съ появленіемъ иноземныхъ князей и ихъ чиновниковъ.

[41]) Бѣляева «Нѣсколько словъ о земледѣліи въ древней Россіи». (Времен. Общ. И. и Др. XXII). Прекрасное сочиненіе Аристова «Промышленность Древней Руси». Спб. 1866. Кромѣ лѣтописей, о земледѣліи, скотоводствѣ, рыболовномъ и бортномъ промыслахъ встрѣчаются многія указанія въ Русской Правдѣ, Житіи Ѳеодосія и Па-

терикѣ Печерскомъ, а также въ договорныхъ и жалованныхъ грамотахъ. Напримѣръ, о рыболовныхъ ватагахъ говорится въ договорахъ Новгорода съ великими князьями (Собр. Г. Гр. и Дог. I).

[42]) П. С. Р. Лѣт. Забѣлина «Черты самобытности въ древнерусскомъ Зодчествѣ» (Древ. и Нов. Россія. 1878. 3 и 4). Его же «О металлическомъ производствѣ въ Россіи до конца XVII вѣка» (Зап. Археол. Общ. V. 1853). Хмырова «Металлы, металлическія издѣлія и минераллы въ древней Россіи». Спб. 1875. Ровинскаго «Исторія русскихъ школъ иконописанія до конца XVII вѣка» (Зап. Археол. Об. VIII. 1856). Буслаева «Общія понятія о Русской иконописи» (Сборникъ на 1866 г. Общества древнерус. искусства въ Москвѣ). «Христіанскія древности и Археологія». Спб. 1863, 1864 и 1871. Изд. Прохорова. Его же «Русскія древности». Спб. 1871 и 1875. «Древности Росс. государства», изданныя роскошно по Высоч. повелѣнію, по рисункамъ акедемика Солнцева. М. 1849—53. «Памятники древняго росс. зодчества». Изд. Рихтеромъ. М. 1851. Кеппена «Списокъ русскимъ памятникамъ». М. 1822. Histoire de l'ornement russe du XI au XVI siecle d'apres les manuscrits. Avec 100 planches en couleur. Paris. 1872—Изданіе, принадлежащее Художественно-промышленному музею въ Москвѣ, предпринятое его директоромъ Бутовскимъ. Своеобразное изящество собранныхъ здѣсь русскихъ орнаментовъ побудило знаменитаго французскаго архитектора и ученаго Віоле ле Дюка принять на себя особый трудъ, посвященный исторіи Русскаго искусства: L'art Russe, ses origines, ses éléments constitutifs, son apogée, son avenir. Paris. 1877.

Талантливое сочиненіе Віоле ле Дюка, признающее за древнерусскимъ искусствомъ самобытное творчество и рѣшительный перевѣсъ восточныхъ, азійскихъ вліяній и элементовъ надъ западноевропейскими и отчасти надъ византійскими, возбудило оживленіе вопроса о русскомъ искусствѣ и вызвало довольно значительное число возражателей. Между послѣдними наиболѣе заслуживаютъ вниманія: профес. Буслаевъ—«Русское исскусство въ оцѣнкѣ французскаго ученаго» (Критич. Обозрѣніе. М. 1879. №№ 2 и 5). «Русское искусство и архитектура въ Россіи отъ X по XVIII вѣкъ». Спб. 1878. (изданіе гр. Строганова). Аббата Мартынова—L'art Russe (Revue de l'Art chretien. II. série, tome IX). Его же Architecture Romane en Russie. Эти возражатели, хотя и указали нѣкоторыя слабыя стороны труда Віоле ле Дюка, но не могли опровергнуть главныхъ

его положеній; между прочимъ они поддерживаютъ преувеличенное мнѣніе о вліяніи западнаго Романскаго стиля на архитектуру и орнаменты Суздальскихъ храмовъ XII—XIII вв. Изъ числа сторонниковъ Віоле ле Дюка особенно энергично выступилъ авторъ помянутой «Исторіи Русскаго орнамента», Бутовскій, въ своей брошюрѣ: «Русское искусство и мнѣнія о немъ» etc. М. 1879 г.

43) Источниками для изученія Русскихъ одеждъ служатъ древнія фрески и рукописи, каковы особенно: фрески Кіевософійскія, Спасъ-Нередицкія, Староладожскія; рукописи: Святославовъ сборникъ, житіе Бориса и Глѣба и др. Пособія: Срезневскаго «Древнія изображенія свв. князей Бориса и Глѣба» (Христіан. Древности. изд. Прохорова. Спб. 1863.), «Древнія изображенія Владиміра и Ольги» (Археологич. Вѣстникъ. М. 1867—68). «Древнія изображенія князя Всеволода-Гавріила» (Свѣдд. и замѣтки о малоизвѣст. памятникахъ. Спб. 1867). Прохорова «Стѣнная иконопись XII вѣка въ церкви св. Георгія въ Старой Ладогѣ» (Христіан. Древности Спб. 1871), и «Матеріалы для исторіи Русскихъ одеждъ» (Русскія Древности. Спб. 1871). Далѣе для нагляднаго знакомства съ украшеніями русской одежды представляетъ богатый матерьялъ множество разнообразныхъ металлическихъ вещей, добытыхъ раскопками кургановъ или случайно найденныхъ въ землѣ. Кое-гдѣ сохранились между прочимъ и остатки самыхъ тканей. Изъ множества замѣтокъ объ этихъ находкахъ укажу: гр. Уварова о металлическихъ украшеніяхъ и привѣскахъ, найденныхъ въ Мерянской землѣ («Меряне и ихъ бытъ» въ Трудахъ перваго Археологич. съѣзда. То, что авторъ относитъ здѣсь къ Варягамъ, мы считаемъ недоразумѣніемъ и относимъ къ Руси). Филимонова: Древнія украшенія великокняжескихъ одеждъ, найденныя во Владимірѣ въ 1865 г.» (Сборникъ Москов. Об. Древнерус. искусства. 1866 г.). О томъ же владимірскомъ кладѣ см. Стасова (въ Извѣстіяхъ Петерб. Археологич. Об. Т. VI.). Между прочимъ г. Стасовъ замѣчаетъ, что найденные при этомъ остатки шелковыхъ одеждъ отличаются узорами византійскаго стиля, а золотые и позументные имѣютъ затканныя шелкомъ фигуры фантастическихъ животныхъ того же стиля и соотвѣтствуютъ таковымъ же скульптурнымъ изображеніямъ на Дмитровскомъ соборѣ во Владимірѣ (130 стр.). Эту статью дополняетъ замѣтка владимірскаго археолога Тихонравова (ibid. стр. 243). Онъ говоритъ, что въ ризницахъ Владимірскаго Успенскаго собора хранятся лоскутки кня-

жескихъ одеждъ, снятыхъ при открытіи ихъ гробницъ. Между прочимъ въ гробницѣ Андрея Боголюбскаго найдена шелковая матерія съ вытканными на ней узорами, травами и обращенными другъ къ другу львами, которые совершенно сходны съ изваянными изображеніями львовъ на наружныхъ стѣнахъ Дмитріевскаго собора.

[44]) Вопросъ о древнерусской денежной системѣ, при обиліи нумизматовъ и нумизматическихъ коллекцій, имѣетъ у насъ значительную литературу. Назову слѣдующіе труды: Круга «Критическія разысканія о древнихъ рус. монетахъ». Спб. 1807. Казанскаго «Изслѣдованія о древнерусской монетной системѣ». (Зап. Археол. Общ. III.). Каченовскаго «О кожаныхъ деньгахъ (посмертное изданіе. М. 1849). Погодина «Изслѣд. и лекціи». IV, гл. 7. Волошинскаго «Описаніе древнихъ русскихъ монетъ, найденныхъ близъ Нѣжина». Кіевъ. 1853. Бѣляева «Били ли на Руси монету до XIV столѣтія?» (Зап. Археол. Общ. V. онъ рѣшаетъ вопросъ положительно). Его же «Объ отношеніи гривны XII вѣка къ рублю XVI вѣка» (Времен. Об. И. и Др. XXIII). Заблоцкаго «О цѣнностяхъ въ древней Руси». Спб. 1854. Куника «О русско-византійскихъ монетахъ Ярослава I». Спб. 1860. Письма къ нему по тому же предмету Бартоломея и гр. Уварова (въ Извѣстіяхъ Археол. Общ. Т. II и IV). Прозоровскаго «Монета и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII столѣтія (Зап. Археол. Об. XII. 1865). Тщательный трудъ послѣдняго прекрасно выяснилъ систему и цѣнность металлической монеты древн. Руси.

Относительно восточныхъ или мусульманскихъ монетъ VII—XI вѣка, во множествѣ находимыхъ въ Россіи, а также о древнихъ торговыхъ сношеніяхъ ея съ востокомъ самое обстоятельное сочиненіе принадлежитъ П. С. Савельеву «Мухаммеданская нумизматика». Спб. 1846.

[45]) Важнѣйшія пособія и изданія по исторіи Русской церкви, Русской словесности и просвѣщенія въ до-Монгольскій періодъ: Преосвящ. Филарета Черниговскаго «Исторія Русской церкви». Изд. 4-е. Черниговъ. 1862. и его же «Обзоръ Русской духовной литературы» (Учен. Зап. Ак. кн. III. Спб. 1856). Преосв. Макарія «Исторія Русской церкви» (первые три тома). Іером. Амвросія «Исторія Русской іерархіи.». М. 1807—1815. Т. Барсова «Константинопольскій патріархъ и его власть надъ Русскою церковью». Спб. 1878. Соловьева «Взглядъ на состояніе духовенства въ древней Рос-

сіи» (Чтенія Об. И. и др. № 6. 1847). Милютина «О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи». (Чт. Об. И. и Др. 1859. кн. IV и 1861 кн. I и II.). Казанскаго «Исторія монашества въ Россіи до св. Сергія». М. 1854.

Н. Лавровскаго «О древнерусскихъ училищахъ». Харьковъ 1854. Сухомлинова «О языкознаніи въ древней Россіи» (Учен. зап. Ак. кн. I. 1854). «О чтеніи книгъ въ древней Руси» (Правосл. Собесѣдникъ 1858. ч. II). «Памятники Россійской словесности XII вѣка», изд. Калайдовичемъ. М. 1821. Изъ этихъ памятниковъ «Слово Даніила Заточника» издано Ундольскимъ по другой редакціи въ Русс. Бесѣдѣ. 1856. II. и Срезневскимъ въ Извѣст. 2-го Отд. Ак. Н. т. X; а проповѣди Кирилла Туровскаго Сухомлиновымъ во второмъ томѣ «Рукописей гр. Уварова» съ обширнымъ разсужденіемъ «О сочиненіяхъ Кирилла Туровскаго». Спб. 1858. (Первый томъ Рукописей не явился). «Памятники Старинной Русской Литературы», изд. гр. Кушелева—Безбородко. Спб. 1860—62. (Повѣсти, легенды и отреченныя сказанія). Шевырева «Исторія Русской Словесности преимущественно древней». Три тома. М. 1846—1858. Срезневскаго «Древніе памятники Русскаго письма и языка». Спб. 1863. (первоначально въ Извѣстіяхъ Академіи). Буслаева: «Историческая христоматія Церковно-славянскаго и Древне-русскаго языковъ». М. 1861; его же «Историческіе очерки русской народной словесности и искусства». 2 тома. Спб. 1861 (собраніе изслѣдованій и статей, разсѣянныхъ по разнымъ изданіямъ). Аристова «Христоматія по Русской исторіи» (до XVI вѣка). Варшава. 1870. Ор. Миллера «Опытъ обозрѣнія Русской словесности» Вып. I. (періодъ до-Татарскій). Второе изд. Спб. 1865. Ключевскаго «Древнерусскія житія святыхъ какъ историческій источникъ». М. 1871. Яковлева: «Памятники Русской Литературы XII и XIII вв.» Спб. 1872. и его же «Древнекіевскія религіозныя сказанія». Варшава. 1875. Хрущева «О древнерусскихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ» (XI—XII столѣтіе). К. 1878.

[46]) Труды и пособія для изученія вопроса о русскихъ лѣтописяхъ указаны мною въ 1-й части примѣч. 59. Мои соображенія о принадлежности Кіевскаго свода Выдубецкому, а не Печерскому монастырю приведены въ Розыск. О Нач. Руси, въ статьѣ «Еще о норманизмѣ». Мнѣнію объ отдѣльныхъ письменныхъ сказаніяхъ и повѣстяхъ, будто-бы введенныхъ въ лѣтописные своды позднѣе, я по прежнему не придаю широкаго значенія. Напримѣръ, разсказъ

объ убіеніи Андрея Боголюбскаго не считаю повѣстью, отдѣльно написанною неизвѣстнымъ лицомъ; полагаю, что она написана просто Кіевскимъ лѣтописцемъ со словъ очевидца, можетъ быть того же Козьмы Кіевлянина, который былъ въ службѣ у Андрея, оплакивалъ его смерть и укорялъ Анбала. Къ прежнимъ своимъ соображеніямъ прибавлю слѣдующее. Если бы всѣ тѣ части сводовъ, которые у насъ стали считать отдѣльными, писанными повѣстями, были дѣйствительно таковыми, то нѣтъ никакого вѣроятія, чтобы они дошли до насъ только въ лѣтописныхъ сводахъ; хотя нѣкоторые изъ нихъ навѣрное сохранились бы въ какихъ либо рукописныхъ сборникахъ.

Относительно Новогородской лѣтописи я считаю не только «остроумными», но и основательными соображенія Прозоровскаго въ пользу Германа Вояты, какъ составителя этой лѣтописи (Журн. Мин. Нар. Пр. 1852. Іюль). Возраженія Погодина, считающаго Вояту переписчикомъ, а не сочинителемъ, едвали убѣдительны. (Изслѣдд. и Лекціи Т. V. 342—344). Лѣтописецъ называетъ Нифонта святымъ и притомъ уже архіепископомъ; это показываетъ только, что онъ началъ свой трудъ по кончинѣ Нифонта, вѣроятно при архіепископѣ Іоаннѣ и по его порученію; приближенность Вояты къ архіерейскому дому обнаруживается обстоятельствами его смерти, и нѣтъ основанія предполагать, что лѣтопись должна была вестись непремѣнно священникомъ Софійскаго собора, а не церкви св. Якова или какой либо другой. Точное и довольно подробное извѣстіе о Германѣ Воятѣ подъ 1188 конечно было записано его продолжателемъ, можетъ быть тоже священникомъ церви св. Якова, продолжавшимъ лѣтопись также по порученію архіепископа.

[47]) Что русскія былины получили начало въ эпоху до-Татарскую, см. о томъ изслѣдованія Л. Майкова «О былинахъ Владимірова цыкла». Спб. 1863. Также Погодина «Замѣчаніе о нашихъ былинахъ» (Ж. М. Нар. Пр. 1870. Декабрь). Послѣдній нѣсколько преувеличиваетъ древность настоящей ихъ формы. Еще болѣе глубокую древность придаетъ имъ Безсоновъ въ своихъ примѣчаніяхъ къ изданію пѣсенъ, собранныхъ Киреевскимъ. Любопытно обширное изслѣдованіе В. Стасова «Происхожденіе Русскихъ былинъ» (Вѣст. Европы. 1868. кн. 1, 2, 3, 6 и 7). Онъ сближаетъ ихъ съ сказками восточными (индѣйскими, персидскими, тюркскими); полагаетъ, что эти послѣднія распространились у насъ отъ Татаръ въ

эпоху ига, и вообще отказываетъ русскимъ былинамъ въ туземномъ самобытномъ происхожденіи; съ чѣмъ конечно нельзя согласиться. Наиболѣе основательныя опроверженія эта теорія встрѣтила въ сочиненіи Ор. Миллера «Илья Муромецъ и богатырство Кіевское». Спб. 1870. (На послѣднее сочиненіе см. рецензію Буслаева въ Ж. М. Н. Пр. 1871. Апрѣль). Въ лѣтописяхъ хотя и упоминаются нѣкоторые богатыри, относимые къ до-Татарской эпохѣ, но только въ позднѣйшихъ сводахъ, составленныхъ не ранѣе XVI вѣка. См. также «Русская поэзія въ до-Монгольскую эпоху» Жданова (Кіевск. Унив. Изв. 1879. Іюнь).

Отрывокъ изъ пѣсни или похвальнаго Слова, сложеннаго въ честь Мстислава Удалаго, Длугошъ приводитъ въ разсказѣ о побѣдѣ его надъ Уграми и изгнаніи ихъ изъ Галича подъ 1209 годомъ. Хронологія его по отношенію къ русскимъ событіямъ, какъ извѣстно, не отличается вѣрностію, и подробности ихъ нерѣдко спутаны; но означенный отрывокъ очевидно заимствованъ имъ изъ источника, до насъ не дошедшаго.

Кромѣ трудовъ, указанныхъ въ 72 прим. къ первой части, литература Слова о Полку Игоревѣ обогатилась послѣ того слѣдующими новыми изслѣдованіями и изданіями: Огоновскаго «Слово о пълку Игоревѣ». У Львові. 1876. («Текстъ» съ «перекладомъ» на руско-галицкое нарѣчіе и добросовѣстными учеными «поясненіями»). Вс. Миллера «Взглядъ на Слово о Полку Игоревѣ». М. 1877. Хотя главная мысль автора (о нерусской народности Баяна и византійско-болгарскихъ книжныхъ образцахъ, которымъ близко подражалъ пѣвецъ Слова) едва ли можетъ найти подтвержденіе; но книжная подготовка пѣвца доказана имъ съ достаточными основаніями. (На что впрочемъ указывалось и прежде, и что особенно развито въ обширномъ, исполненномъ эрудиціи, трудѣ кн. Вяземскаго «Замѣчанія на Слово о П. Игоревѣ». Спб. 1875). Нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній на изслѣдованіе Вс. Миллера см. Ор. Миллера (Ж. М. Н. Пр. 1877. Сентябрь). Е. Барсова «Критическій очеркъ литературы Слова о П. Игоревѣ» (Журн. Мин. Н. Пр. 1876. Сентябрь и Октябрь). Его же «Критическія замѣтки объ историческомъ и художественномъ значеніи Слова о П. Игоревѣ» (Вѣстникъ Европы. 1878. Октябрь и Ноябрь). Авторъ этихъ замѣтокъ довольно успѣшно отстаиваетъ самостоятельное творчество пѣвца Слова и полную принадлежность послѣдняго Русской поэзіи; причемъ полемизуетъ съ упомянутымъ изслѣдованіемъ Вс. Миллера. Наконецъ

заслуживаетъ вниманія добросовѣстный трудъ А. Смирнова «О Словѣ о Полку Игоревѣ». Воронежъ. 1877 и 1879. (Два оттиска изъ журнала Филологическія Записки; въ первомъ выпускѣ «Литература Слова», во второмъ «Пересмотръ нѣкоторыхъ вопросовъ»).

Сравненіе Слова о Полку Игоревѣ съ соотвѣтствующимъ довольно подробнымъ разсказомъ Кіевской лѣтописи (по Ипат. списку) подтверждаетъ выше приведенное мною мнѣніе, что напрасно преувеличиваютъ число отдѣльно сочиненныхъ повѣстей и сказаній, вставленныхъ въ лѣтописи. Кіевскій лѣтописецъ на такомъ основаніи могъ бы только взять разсказъ пѣвца и приспособить его къ своему дѣлу; однако онъ излагаетъ свой самостоятельный разсказъ, очевидно также со словъ людей свѣдущихъ.

Свое мнѣніе о существованіи придворнокняжескихъ пѣвцовъ-поэтовъ я высказалъ еще въ 1859 г. (Журналъ Русс. Слово. Декабрь), по поводу разсужденія Буслаева о Русс. поэзіи XI и начала XII вѣка. Относительно Баяна, воспѣвавшаго Черниговскихъ князей въ концѣ XI вѣка, замѣчу еще, что это имя могло быть и нарицательнымъ, т. е. означало вообще пѣвца (въ родѣ позднѣйшаго бандуриста), и притомъ «вѣщаго» (см. Словарь Востокова подъ этимъ словомъ: «влъхвомъ и баяномъ»).

Что касается до словутнаго пѣвца Митуси, то нѣкоторые считали его церковнымъ пѣвчимъ, напримѣръ Максимовичъ (Основа. 1861. Іюнь). Это мнѣніе совсѣмъ невѣроятно; Митуся случайно захваченъ въ плѣнъ вмѣстѣ со слугами Перемышльскаго владыки и притомъ со слугами-дружинниками; отсюда еще не видно, чтобы онъ самъ служилъ владыкѣ, а не князю, т. е. Ростиславу Михайловичу. Нельзя его считать и вообще пѣвцомъ въ нашемъ, буквальномъ значеніи этого слова (т. е. пѣвуномъ или человѣкомъ, умѣющимъ хорошо пѣть). Таковые цѣнились тогда на ряду съ скоморохами и игрецами, и Даніилъ Романовичъ не сталъ бы хлопотать о томъ, чтобы залучить въ свою службу гордаго Митусю, если бы онъ не былъ извѣстный въ свое время придворный пѣвецъ-поэтъ, прославлявшій князей. Потому-то конечно знаменитый князь и хотѣлъ имѣть его въ своей службѣ.

Кромѣ помянутаго указанія Длугоша, мы находимъ еще въ самой Ипат. лѣтописи указанія на придворно-княжескій эпосъ, т. е. такой, который посвященъ былъ прославленію князей. Отрывкомъ изъ такого эпоса представляется намъ то мѣсто этой лѣтописи, гдѣ описывается начало княженія Романа Волынскаго, подъ 1201 г.

Вѣроятно это отрывокъ изъ поэтическаго Слова, посвященнаго прославленію Романа. Отсюда же мы узнаемъ, что и у половецкихъ князей были гудцы, т. е. пѣвцы, сопровождавшіе свои пѣсни звуками струннаго инструмента. А далѣе, подъ 1251 г. по поводу побѣды Даніила и Василька надъ Ятвягами, лѣтопись замѣчаетъ: «и пѣснь славну пояху има». Ясный намекъ на похвальное Слово князьямъ, сложенное вслѣдъ за побѣдою (аналогія съ извѣстіемъ Длугоша).

[47]) Важнѣйшіе источники о Монголо-Татарахъ и Чингизъ-Ханѣ представляютъ, во первыхъ, китайскіе лѣтописцы. О нихъ см. въ «Исторіи первыхъ четырехъ хановъ изъ дома Чингизова»—отца Іакинфа Бичурина. Спб. 1829. и въ «Исторіи и древностяхъ восточной части Средней Азіи»—профес. Васильева (Записки Археол. Общ. т. IV. Спб. 1859). Во вторыхъ, персидскій лѣтописецъ Рашидъ Эддинъ. Онъ жилъ при дворѣ монгольскихъ владѣтелей Персіи и написалъ въ началѣ XIV вѣка свой «Лѣтописный сборникъ». Часть его лѣтописи переведена на рус. языкъ профес. Березинымъ. См. Труды восточнаго отдѣленія Археолог. Общества. XIII. Спб. 1868. Еще ранѣе имъ же сдѣлано извлеченіе изъ Рашидъ Эддина о нашествіи Монголовъ на Россію въ Жур. М. Н. Пр. 1854 и 1855 гг. Расказы Рашидъ Эддина о Монголахъ и Чингизъ Ханѣ обыкновенно повторялись послѣдующими мусульманскими лѣтописцами, напр. хивинскимъ ханомъ Абульгази въ XVII вѣкѣ (Его «Родословіе Турецкаго племени» въ рус. переводѣ въ изданіи Березина «Библіотека восточныхъ историковъ», т. II. Казань 1854 г.) и неизвѣстнымъ авторомъ «Шейбаніады» въ XVI в. (ibid т. I. 1849 г.). Сюда же можно отнести извлеченіе изъ Персидской всеобщей исторіи Хайдемира (въ переводѣ Григорьева «Исторія Монголовъ». Спб. 1834). Въ третьихъ, буддійско-монгольская лѣтопись Алтанъ Тобчи (золотое сокращеніе); издана въ Труд. Витеб. отд. Археол. Общ. VI. Спб. 1858, съ русскимъ переводомъ ученаго бурятскаго ламы Галсанъ Гомбоева. Эта лѣтопись служила главнымъ источникомъ для «Монгольской Исторіи» Сапонъ-Сэцена, который подобно Абульгази былъ ханомъ одного Монгольскаго поколѣнія. (Переводъ этой исторіи на нѣмец. языкъ былъ сдѣланъ академикомъ Шмидтомъ. St-Petersb. 1829). Въ четвертыхъ, армянскія. См. «Исторію Монголовъ инока Магакіи. XIII вѣка». Переводъ и объясненія Патканова. Спб. 1871. Его же: «Исторія Монголовъ по армянскимъ источникамъ». Спб. 1873—74 гг. Въ пятыхъ, для изображенія

быта и нравовъ Монголо-Татаръ превосходнымъ источникомъ служатъ европейскіе путешественники XIII вѣка: Плано Карпини, Асцелинъ, Рубруквисъ и Марко Поло. (Voyages faits principalement en Asie. La Haye. 1735). Первые два въ русскомъ переводѣ Языкова («Собраніе путешествій къ Татарамъ»); а Марко Поло въ переводѣ Шемякина (Чт. Об. И. и Др. 1861 кн. 3 и 4. и 1862 кн. 1—4.). Въ шестыхъ, византійскіе историки Никифоръ Грегора, Акрополита и Пахимеръ. (Извлеченія изъ нихъ въ Memoriae Populorum Стриттера т. III, часть 2). Въ седьмыхъ, западные лѣтописцы, напримѣръ Матвѣй Парижскій.

Пособія: Палласа Samlungen historischer Nachrichten ueber die Mongolischen Völkerschaften. St-Ptrsb. 1776. Іакинфа Бичурина «Записки о Монголіи». Спб. 1828. и «Исторія о народахъ Средней Азіи». Спб. 1848. Досона-Histoire des Mongols. 4 vol. La Haye et Amst. 1834—35. Гаммера Ceschichte der Goldenen Horde Pest. 1840. Вольфа Geschichte der Mongolen oder Tataren. Breslau. 1872. Иванина «О военномъ искусствѣ и завоеваніяхъ Монгло-Татаръ при Чингизъ ханѣ и Тамерланѣ», Спб. 1875. Пржевальскаго «Монголія и страна Тангутовъ». Спб. 1875.

Относительно названій «Монголы» и «Татары» источники представляютъ смѣшеніе и путаницу. Повидимому оба названія первоначально относились къ одному племени; при чемъ Монголы считаются какъ бы частью Татарскаго семейства. Мы же употребляемъ эти названія въ томъ смыслѣ, какой они получили въ наукѣ на основаніи дѣленія народовъ по языку, т. е. Татаръ относимъ къ племенамъ Тюркскимъ.

[49]) Полн. Собр. Рус. лѣтописей. Особенно Ипатьевскій списокъ, тождественный съ нимъ Академическій и Новгородская лѣт. Въ Лаврент. сокращено, хотя очевидно это расказъ одного и того же автора. Въ Лаврент. и Акад. Калкская битва приведена подъ 1223 г., въ Ипат. и Новгород. подъ 1224 г. Вѣрнѣе первый годъ. См. Куника «О признаніи 1223 года временемъ битвы при Калкѣ» (Учен. Зап. Акад. Наукъ по 1 и 3 отдѣленію т. II вып. 5. Спб. 1854. Ibidem его же замѣтки: «О связи Трапезунтско-Сельджукской войны 1223 года съ первымъ нашествіемъ Татаръ на сѣверное Черноморье», «О перенесеніи иконы Николая изъ Корсуня въ Новгородъ въ 1223 г.», «О походѣ Татаръ по Нейбурской лѣтописи и пр.). Его же: Renseignements sur les sources et recherches relatives à la

première invasion des Tatares en Russie (Melanges Asiatiques. T. II. Вып. 5. St-Ptsb. 1856).

О гибели 70 богатырей или «храбровъ» упомянуто въ позднѣйшихъ сводахъ (Воскресенскомъ, Никоновскомъ, Тверскомъ, Новогородскомъ четвертомъ). Главнымъ героемъ сказанія о нихъ является тотъ же ростовскій богатырь Александръ Поповичъ съ своимъ слугою Торопомъ, которые отличались въ Липецкой битвѣ. Сказаніе (помѣщенное въ Тверскомъ сводѣ) баснословитъ такъ. По смерти Константина Всеволодовича Ростовскаго, этотъ Александръ собралъ другихъ богатырей, и уговорилъ ихъ, вмѣсто того, чтобы служить разнымъ князьямъ и въ междоусобіяхъ избивать другъ друга, идти всѣмъ въ Кіевъ и поступить на службу къ великому князю кіевскому Мстиславу Романовичу. Вѣроятно не безъ связи съ этою богатырскою дружиною приведена и слѣдующая похвальба Мстислава Романовича, сказанная при полученіи вѣсти о нашествіи Татаръ: «пока я сижу въ Кіевѣ, то по Яико и по Понтійское море, и по рѣку Дунай саблѣ (вражеской) не махивати».

[50]) О событіяхъ югозапад. Руси см. Волынскую лѣтопись по Ипат. списку. О землетрясеніи и солнечномъ затмѣніи см. Лаврент.

[51]) Для нашествія Татаръ на сѣверную Русь служатъ своды лѣтописей Лаврентьевскій (Суздальскій) и Новогородскій, а для нашествія на южную Ипатьевскій (Волынскій). Въ послѣднемъ расказано весьма необстоятельно; такъ что о дѣйствіяхъ Татаръ въ Кіевской, Волынской и Галицкой земляхъ имѣемъ самыя скудныя извѣстія. Нѣкоторыя подробности встрѣчаемъ еще въ позднѣйшихъ сводахъ, Воскресенскомъ, Тверскомъ и Никоновскомъ. Кромѣ того было особое сказаніе о нашествіи Батыя на Рязанскую землю; оно напечатано во Временникѣ Об. И. Др. №. 15. (О немъ и вообще о разореніи Рязанской земли см. въ моей «Исторіи Рязанскаго княжества» глава IV). Извѣстіе Рашидъ Эддина о походахъ Батыя переведено Березинымъ и дополнено примѣчаніями (Жур. М. Н. Пр. 1855. №. 5). Г. Березинымъ развита и мысль о татарскомъ способѣ дѣйствовать облавой.

[52]) Польско-латинскія хроники Богуфала и Длугоша. Рöпеля Geschichte Polers. I. Th. Палацкаго Dějiny narodu českého. II. Его же Einfal der Mongolen. Prag. 1842. Майлата Geschichte der Magya-

гоп. I. Гаммеръ-Пургсталя Geschichte der Goldenen Horde. Вольфъ въ своей Geschichte der Mongolen oder Tataren между прочимъ (гл. VI) подвергаетъ критическому разбору расказы названныхъ историковъ о нашествіи Монголовъ; въ особенности старается опровергнуть изложеніе Палацкаго по отношенію къ образу дѣйствія чешскаго короля Венцеля, а также по отношенію къ извѣстному сказанію о побѣдѣ Ярослава Штернберка надъ Татарами подъ Оломуцемъ.

[53]) Источники и пособія для Волжской или Золотой Орды: Хаммеръ-Пургсталь Geschichte der Holdenen Horde. Pesth. 1840. Это сочиненіе, какъ извѣстно, отличается недостаткомъ критическаго отношенія къ своимъ источникамъ. Плано Карпини и Рубруквисъ см. въ собраніи Бержерона Voyages faits principalement en Asie. Haye. 1735. Кромѣ того первый, т. е. Карпини, въ переводѣ Языкова въ «Собраніи путешествій къ Татарамъ». Спб. 1825. А Рубруквисъ въ русской сокращенной передачѣ Языкова въ Трудахъ Рос. Академіи. Ч. III. 1840 г. The travels of ibn Batuta. By Samuel Lee. London. 1829. Извлеченіе изъ этого путешествія относящееся къ Золотой Ордѣ см. въ Journal asiatique. IV serie. XVI. Френа «Монеты хановъ Улуса Джучіева». Спб. 1832. Савельева «Монеты Джучидскія, Джагатайскія» и т. д. въ Запискахъ Археологич. Общ. XII. Саблукова «Очеркъ внутренняго состоянія Кипчакскаго царства» въ прибавленіяхъ къ Саратов. Вѣдд. 1844. Березина «Очеркъ внутренняго устройства улуса Джучіева (преимущественно по ханскимъ ярлыкамъ) въ Трудахъ восточнаго отдѣленія Археол. Общ. VIII. Спб. 1864. Ламы Галсана Гомбоева «О древнихъ монгольскихъ обычаяхъ и суевѣріяхъ, описанныхъ у Плано Карпини» (Записки Арх. Общ. XIII). Для Сарая собственно: Терещенка «Четырехлѣтніе поиски въ развалинахъ Сарая» (Жур. М. В. Д. 1847 кн. 9) и его же «Окончательное изслѣдованіе мѣстности Сарая» въ Зап. Акад. Н. по I и III отд. Т. II вып. I. Григорьева «О мѣстоположеніи столицы Золотой Орды Сарая» въ Ж. М. В. Д. 1845. Бруна «О резиденціи хановъ Золотой Орды до временъ Джанибека» въ Трудахъ третьяго Археолог. съѣзда. Кіевъ 1878. Г. Брунъ полемизуетъ противъ выше названной статьи Григорьева и поддерживаетъ мнѣніе о существованіи двухъ Сараевъ: древнѣйшаго ближе къ Каспійскому морю, около Селитрянаго городка, и позднѣйшаго на мѣстѣ Царева.

[54]) П. С. Р. Лѣт. О перечисленіи Татарами жителей см. Воскресен. сводъ подъ 1246. О клеветѣ измѣнника Ѳедора Яруновича на Ярослава ibid. Въ Ипатьев. подъ 1250 г. говорится, что Татары Ярослава «зеліемъ уморища». Убіеніе Михаила Черниговскаго записано сокращенно въ сводахъ Ипат. и Лаврент. Оно сдѣлалось предметомъ особаго сказанія, которое помѣщено въ позднѣйшихъ сводахъ, Воскресен. Тверск. и Никоновскомъ. Срезневскій замѣтилъ, что сказаніе это «написано современникомъ, впрочемъ по слухамъ, отчасти несовсѣмъ вѣрнымъ». (Извѣстія Втораго Отд. Ак. Н. X. 195). Сопоставленіе его съ краткимъ извѣстіемъ о томъ же событіи у Плано Карпини (изд. Языкова. 85 стр.) подтверждаетъ мнѣніе Срезневскаго. У Карпини говорится, что Михаилъ прошелъ между огнями, но отказался поклониться на югъ Чингисъ хану. Кромѣ того, по Карпини, отъ Батыя приходитъ съ убѣжденіями къ Михаилу, вмѣсто его внука, сынъ Ярослава Суздальскаго. А сказаніе повѣствуетъ, что Михаилъ не пошелъ и между огнями. Вообще оно даетъ событію такой смыслъ, что князь для того собственно и отправился въ Орду, чтобы принять тамъ мученическій вѣнецъ; тогда какъ въ Ипатьев. сводѣ прямо говорится, что Михаилъ поѣхалъ хлопотать о волости. Впрочемъ увѣщанія духовнаго отца и обѣтъ не кланяться идоламъ указываютъ на то, что онъ заранѣе готовился къ мученичеству: ему несомнѣнно были извѣстны обряды, которымъ подвергались въ Ордѣ русскіе князья.

Въ числѣ такихъ обрядовъ Сказаніе, по нѣкоторымъ сводамъ, упоминаетъ о поклоненіи не только идоламъ и огню, но еще какому-то кусту. Именно, въ Воскресенскомъ и Тверскомъ говорится о поклоненіи «солнцу и кусту и идоломъ»; въ Никоновскомъ нѣтъ куста, а упоминаются солнце, луна, огонь и идолы. Въ Ипатьевскомъ же, по поводу пріѣзда Даніила Романовича въ Орду, приводится поклоненіе солнцу, лунѣ, землѣ, дьяволу и умершимъ предкамъ, «водяше около куста поклонятися имъ», и за тѣмъ прямо говорится, что Ярославъ кланялся «кусту», а Михаилъ и бояринъ Ѳеодоръ убиты, потому что «не поклонишася кусту» (535—6 стр. нов. изданія). Гаммеръ изъ этого куста сдѣлалъ какой-то «священный поясъ Маговъ и Индусовъ», по персидски Kesti, поклоненіе которому будто бы заимствовано Татарами Батыя въ Персіи (Gesch. der Gold. Horde. 137), и это чрезвычайно натянутое толкованіе нѣкоторыми принято (напр. у Вольфа 389). Но при описаніи самыхъ обрядовъ, которымъ подвергали иноземцевъ въ Ордѣ, какъ въ рус-

скихъ лѣтописяхъ, такъ и у Плано Карпини говорится только о прохожденіи между двухъ огней (все очищающихъ) и поклоненіи идоламъ или на югъ тѣни Чингизъ хана («Чигизаканова мѣчтанья», какъ выражается Ипатьев. лѣтопись). Карпини, сообщающій о томъ обстоятельное извѣстіе, ни о какомъ кустѣ не упоминаетъ. Нѣтъ ли тутъ какой ошибки, т. е. искаженія первоначальнаго текста? Напримѣръ: вмѣсто куста не должно ли разумѣть жертвенникъ или «костеръ», т. е. все тотъ же священный огонь, занимавшій самое видное мѣсто въ обрядахъ монголо татарской религіи? Или: не стояло ли въ первоначальномъ текстѣ расказа вмѣсто кусту слово «хвосту», т. е. поклоненіе тому конскому или буйволову хвосту, который развѣвался на главномъ знамени Золотоордынскаго хана? Впрочемъ и поклоненіе кусту не есть что либо необычайное. Въ Западной Россіи, именно въ Пинскомъ уѣздѣ до сихъ поръ существуетъ праздникъ куста: на завтра Троицына дня деревенскія дѣвушки выбираютъ изъ своей среды самую красивую, и надѣваютъ на нее родъ платья, сплетеннаго изъ березовыхъ и липовыхъ вѣтвей; она получаетъ названіе «куста», и идетъ впереди, а за нею всѣ дѣвушки попарно. (Памятн. книжка Виленскаго генералъ-губернаторства на 1868 г. стр. 80).

Любопытно сравнить помянутые монголо-татарскіе обряды съ такими же очистительными обрядами посредствомъ огня, которымъ подвергались византійскіе послы въ VI вѣкѣ въ среднеазійской ордѣ турецкаго хана Дизавула (Менандра Excerpta de legationibus. Общія черты Турко-Хазарскаго царства, основаннаго на нижней Волгѣ въ VI в., и Золотой Орды Батыевой указаны мною въ Розыск. о началѣ Руси. Стр. 84).

Плано Карпини упоминаетъ еще объ одномъ русскомъ князѣ, Андреѣ Сарвогльскомъ, который около того же времени былъ убитъ въ Ордѣ по приказу Батыеву, вслѣдствіе взведенной на него клеветы, будто онъ выводитъ изъ Орды татарскихъ лошадей и продаетъ ихъ въ другія мѣста. Младшій братъ и вдова убитаго пріѣхали къ Батыю просить, чтобъ ихъ не лишали наслѣдственной волости. У Татаръ былъ обычай брать за себя жену умершаго брата, и Батый приказалъ вдовой русской княгинѣ послѣдовать татарскому обычаю, т. е. выдти замужъ за своего деверя. Напрасно она отвѣчала, что лучше умеретъ нежели нарушитъ уставы своей церкви; ихъ обоихъ насильно принудили къ брачному совокупленію. (У Языкова 89. прим. 55). Отсюда впрочемъ нельзя выводить ка-

кое либо общее правило въ отношеніяхъ ордынскихъ хановъ къ русскимъ князьмъ; въ этомъ случаѣ просто выразилось глумленіе варваровъ надъ покоренными владѣтелями. Карамзинъ (т. IV. прим. 62) считаетъ упомянутаго здѣсь князя Андрея сыномъ Мстислава Романовича Кіевскаго (прежде бывшаго Смоленскимъ), погибшаго на Калкѣ: онъ ссылается на одну синодальную лѣтопись, гдѣ сказано, что въ 1245 г. царь Батый убилъ князя Андрея Мстиславича. А можетъ быть это сынъ также погибшаго на Калкѣ Мстислава Святославича Черниговскаго? Послѣднее тѣмъ вѣроятнѣе, что Карпиніевъ Сарвогльскій удѣлъ можно сблизить съ Воргольскимъ удѣломъ, о которомъ наши лѣтописи упоминаютъ подъ 1283—4 гг. говоря объ Олегѣ, князѣ Рыльскомъ и Воргольскомъ. Рѣчка Воргола—притокъ Сосны.

[53]) Легенда о Пелгусіѣ, равно и подвиги шести мужей вошли въ сказаніе объ Александрѣ Невскомъ, которое встрѣчается въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ (Новогород. четвертомъ, Софійскомъ, Воскресенскомъ, Никонов.). Приводимъ эту легенду (по Новог. Четвертой):

«Бѣ нѣкто мужъ, старѣйшина въ земли Ижерской, именемъ Пелгусій; поручена бѣ ему стража морская; воспріятъ же святое крещеніе, и живяше посредѣ роду своего погана суща, и наречено бысть ему имя въ святомъ крещеніи Филиппъ; живяше богоугодно, въ среду и пятокъ пребывая въ алчбѣ; тѣмъ же сподоби его Богъ видѣнію страшну. Увѣдавъ силу ратныхъ, иде противу князя Александра, да скажетъ ему станы, обрѣте бо ихъ. Стоящю же ему при краи моря, стрегущю обои пути, и пробысть всю нощь въ бдѣніи; яко же нача всходити солнце, и услыша шумъ страшенъ по морю, и видѣ насадъ единъ гребущъ, посреди насада стояща Бориса и Глѣба въ одеждахъ червленыхъ, и бѣста руки держаще на рамахъ, гребци же сѣдяща аки въ молнію одѣны. И рече Борисъ: «брате Глѣбе! вели грести; да поможемъ сроднику своему Александру». Видѣвъ же Пелгусій таковое видѣніе и слышавъ таковый гласъ отъ святую, стояше трепетенъ дондеже насадъ отъиде отъ очію его; потомъ скоро поѣхавъ къ Александру: онъ же видѣвъ его радостныма очима, исповѣда ему единому, яко же видѣ и слыша. Князь же отвѣща ему: «сего не рци никому же».

Замѣчательную аналогію съ этимъ разсказомъ представляетъ подобная же легенда, которою украсилась побѣда современника Алек-

сандрова, чешскаго короля Пшемысла Оттокара, надъ угорскимъ Белою, на берегахъ Моравы въ 1260 г. Самъ Оттокаръ въ письмѣ своемъ къ папѣ расказываетъ, что одинъ преданный ему благочестивый мужъ, оставшійся дома по болѣзни, въ день битвы удостоился видѣнія. Ему явились покровители Чешской земли свв. Венцеславъ, Адалбертъ и Прокопій; при чемъ Венцеславъ сказалъ своимъ товарищамъ, что войско ихъ (Чеховъ) слабо и надобно ему помочь. (Тургенева Histor. Russ. Monumenta. II. 349).

Хотя составитель Сказанія объ Александрѣ говоритъ, что онъ писалъ по расказамъ отцовъ, а объ Невской побѣдѣ слышалъ отъ участниковъ и даже отъ самого Александра; однако расказъ объ этой битвѣ обилуетъ явнымъ преувеличиваніемъ относительно враговъ. Во первыхъ, въ непріятельскомъ ополченіи кромѣ Свеевъ (Шведовъ) будто принимали участіе Мурмане (Норвежцы), Сумь и Емь. Убитыхъ враговъ будто бы было такъ много, что наполнено три корабля одними знатными людьми; а прочихъ, которымъ ископали ямы, было безъ числа. Не болѣе 20 убитыхъ съ Русской стороны слишкомъ тому противорѣчитъ, и показываетъ, что битва вообще не имѣла большихъ размѣровъ. Имя шведскаго вождя обыкновенно не упоминается, хотя онъ называется королемъ Римскимъ (т. е. латинскимъ или католическимъ). Только въ немногихъ сводахъ лѣтописей прибавлено Бергель, т. е. Бергеръ (Новогор. Четверт.). При описаніи битвы въ нѣкоторыхъ спискахъ еще говорится, что тутъ былъ убитъ воевода ихъ Спиридонъ (Новогор. первая); тогда какъ имя Спиридона носилъ въ это время архіепископъ Новогородскій. Что касается до извѣстнаго Фолькунга Биргера, женатаго на дочери короля Эриха, то онъ возведенъ въ достоинство ярла нѣсколько позднѣе, въ 1248 г. (Geschichte Schwedens von Geijer. I. 152.).

[36]) П. С. Р. Лѣт. Лѣтописи упоминаютъ о поѣздкѣ Александра къ Сартаку и походѣ Татаръ на Андрея подъ однимъ годомъ, не связывая между собою эти два событія. Прямое извѣстіе о наговорѣ Александра хану противъ своего брата Андрея находимъ только у Татищева (IV. 24). Карамзинъ считаетъ это извѣстіе вымысломъ Татищева (Т. IV. прим. 88). Бѣляевъ старается оправдать Александра отъ этого обвиненія ссылкою на умолчаніе извѣстныхъ намъ лѣтописей, и повторяетъ мнѣніе князя Щербатова, что наговоръ былъ сдѣланъ дядею Святославомъ Всеволодовичемъ, къ

которому и относитъ слова Андрея: «доколѣ будемъ наводить другъ на друга Татаръ». («Великій князь Александръ Ярославичъ Невскій». Временникъ Об. И. и Др. IV. 18). Соловьевъ въ своей исторіи полагаетъ извѣстіе Татищева вполнѣ достовѣрнымъ (Т. III. прим. 299). Мы тоже находимъ его достовѣрнымъ, если принять во вниманіе всѣ обстоятельства; Александръ очевидно считалъ себя обиженнымъ послѣ того, какъ Владимірскимъ столомъ овладѣлъ его младшій братъ, вѣроятно употребивъ для того передъ ханомъ какіе нибудь ловкіе извороты.

[57]) Лѣтописи Лаврент. Новогород. Софійск. Воскресен. Никонов. и Троицкая. См. папскія грамоты: къ Юрію Всеволодовичу (Historica Russiae Monumenta. I. N. LXXIII) и Александру Ярославичу (ibid. LXXXVIII).

[58]) Лѣтописные своды Новогородскіе, Псковскіе, Софійскіе, Воскресенскій и Никоновскій. Сказаніе о Довмонтѣ, вошедшее почти во всѣ эти своды (изъ Новгородскихъ только въ Четвертый), относитъ его блистательную вылазку противъ осаждавшихъ Нѣмцевъ къ 1172 году. Но тутъ очевидная хронологическая ошибка. Соображая разныя обстоятельства, мы относимъ данное событіе къ осадѣ 1269 года, о которой своды упоминаютъ вскользь и очень глухо, какъ будто тамъ въ это время не было Довмонта. См. Карамз. къ Т. IV прим. 128. и Ав. Энгельмана «Хронологическія изслѣдованія въ Области Русской и Ливонской исторіи въ XIII и XIV вв.». Спб. 1858. Между прочимъ см. хронологическое сличеніе съ Ливонской рифмованной Хроникой (стр. 20 и далѣе). Но въ изложеніи событій эта хроника страдаетъ явнымъ пристрастіемъ: напримѣръ по ея словамъ Русскіе будто бы понесли совершенное пораженіе. (Scriptores Rer. Livon. I. 652). Еще см. Боннеля Russisch-Liwländische chronographie. St. Ptrsb. 1862.

[59]) Договорныя грамоты Ярослава Ярославича съ Новымъ городомъ 1265 и 1270 гг. изданы въ Собр. Госуд. Грам. и Договор. I. №№ 1—3. Уставъ о Мостовыхъ невѣрно приписывали Ярославу I; а потому издавали и объясняли его вмѣстѣ съ Русской Правдой. Приводимыя въ немъ имена Кондрата и Ратибора ясно указываютъ на время около Раковорской битвы. Договоръ Новгорода 1270 года съ Нѣмецкими городами и Готландомъ сохранился въ Любекскомъ

архивѣ на Нижненѣмецкомъ языкѣ. Впервые онъ былъ отпечатанъ Лаппенбергомъ въ изданномъ имъ сочиненіи Сарторіуса Urkundliche Geschichte des Ursprunges der Deutschen Hanse и въ Codex juris diplomatici Lubecensis; потомъ у Тобина (Sammlung krit. bearb. Quellen der Gesch. des Russ. Rechtes) и Бунге. (Liv-Esth-und Kurländ. Urkundenbuch). Договору 1270 года посвящено прекрасное изслѣдованіе И. Андреевскаго. Спб. 1855., гдѣ помѣщенъ Нижненѣмецкій текстъ его съ переводомъ на Верхненѣмецкій и Русскій языки. Кромѣ этого трактата въ Любекскомъ архивѣ сохранилась еще договорная грамота Новгорода съ Ганзою и Готландомъ на латинскомъ языкѣ. По нѣкоторымъ признакамъ ее относятъ ко времени между 1209 и 1270 гг., и считаютъ только ганзейскимъ проектомъ договора; на что ясно указываютъ отсутствіе подписей и печатей и такія привиллегіи нѣмецкимъ купцамъ въ Новгородѣ, на которыя едва ли Новгородцы могли согласиться. Онъ напечатанъ впервые Дрейеромъ въ Specimen juris publici Lubecensis. 1762.; потомъ въ помянутыхъ изданіяхъ Сарторіуса и Любскаго Кодекса. Извлеченіе изъ него по русски сдѣлано Карамзинымъ въ прим. 244 къ Т. III. См. о той же грамотѣ въ «Изслѣдованіяхъ» Лерберга. Кромѣ того пособіями для вопроса о помянутыхъ договорахъ служатъ: Круга—Ueber den Vertrag des Fürsten Jaroslav-Jaroslavitsh и пр. vom Jahr 1209. (Forschungen. II Th.). Сарторіуса Geschichte des Hans. Bundes. Бермана De Skra von Nougarden (т. е. уставъ о Нѣмецкомъ дворѣ въ Новгородѣ), Германа Beiträge zur Geschichte des Russischen Reiches, Розенкамфа Der Deutsche Hof zu Nowgorod. Плошинскаго «Городское или среднее состояніе Рус. народа». Славянскаго «Историч. Обозрѣніе торговыхъ сношеній Новгорода съ Готландомъ и Любекомъ». Андреевскаго помянутое сочиненіе. Бережкова «О торговлѣ Руси съ Ганзой», и т. д. См. еще договорную грамоту Александра Невскаго и сына его Димитрія съ Нѣмцами относительно ихъ новогородской торговли въ «Русско-Ливонскихъ актахъ» № XVI.

[60]) О Өедорѣ Ростиславичѣ Ярославскомъ и Смоленскомъ въ лѣтоп. Лаврент. Воскрес. Никон. Какъ о Святомъ см. въ Степен. кн. 397 стр. и въ Опис. Румянц. Музея Востоковымъ на 433 стр. Его грамоту къ Рижскимъ властямъ о свободной торговлѣ Смоленска съ Ригою въ 1284 г. въ Собр. Гос. Грам. и Дог. II. № 3. Грамоты къ нему Рижскаго архіепископа въ Русско-Ливон. актахъ. № XXXIV.

О его жалованной грамотѣ Спасоярославскому монастырю въ «Исторіи Рос. іерархіи» VI. 229. Сказанія о Петрѣ царевичѣ Ордынскомъ изданы въ Православномъ Собесѣдникѣ 1859 г. Мартъ. А отрывки изъ него въ «Исторіи Рус. церкви» Макарія. IV. 339. Разсужденіе о немъ см. у Буслаева «Историческіе очерки Народ. словесности и искусства». II. 159.

[61]) О князьяхъ Ростовскихъ послѣ Батыева разоренія см. Корсакова «Меря и Ростовское княжество» гл. IV. О митрополитѣ Кириллѣ II и его «Правилѣ» 1274 года въ Исторіи Русс. Церкви Филарета II и въ «Исторіи Рус. Церкви» Макарія, IV. Правило это находится въ спискахъ Кормчей. Оно издано въ Русс. Достопамятностяхъ I. 106. Поученія или Слова Серапіона, въ числѣ четырехъ, найдены архіеп. Филаретомъ, авторомъ Исторіи Русс. Церкви и изданы въ «Прибав. къ Творен. св. Отцевъ». М. 1843. Пятое Слово Серапіона найдено профес. Шевыревымъ. См. его «Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь». II. 36. и «Лекціи» по Исторіи Русс. Словесности. Ш. 34. Ярлыкъ или льготная грамота, 1277 г., данная ханомъ Менгу-Темиромъ при митрополитѣ Кириллѣ II Русскому духовенству объ освобожденіи его отъ всякихъ даней и налоговъ, напечатана въ Собр. Гос. Грам. и Догов. II. № 2. Объ окончательномъ переселеніи митрополита Максима изъ Кіева во Владиміръ см. лѣт. Лавр. Новг. Воскресен. Никонов.

[62]) О баскакѣ Ахматѣ и Сѣверскихъ князьяхъ въ Лавр. Воскрес. Никонов. и у Татищева. О Новгородскихъ и Псковскихъ событіяхъ въ сводахъ Новогородскихъ, Псковскихъ и Софійскихъ. Любопытная грамота шведскаго короля Биргера отъ 4 Марта 1295 года гражданамъ Любека и другихъ ганзейскихъ городовъ о дозволеніи ихъ купцамъ ѣздить въ Новгородъ, но подъ условіемъ не привозить туда оружія, желѣза и стали, издана въ Codex juris diplomatici Lubecensis N. D. CXXXI и у Дрейера въ Specimen juris publici Lubecensis. CLXXIV. Новогородскія Скры или Ганзейскіе уставы Нѣмецкаго двора въ Новгородѣ, а также указаніе на разные ливонскіе и ганзейскіе документы, заключающіе подробности о торговыхъ сношеніяхъ Новгорода съ Ганзою и о завистливой политикѣ Ливонскихъ Нѣмцевъ см. въ приложеніяхъ къ помянутому выше сочиненію Андреевскаго.

[63]) Лѣтопись Волынская по Ипатскому списку. Битву подъ Ярославлемъ эта лѣтопись относитъ къ 1249 г.; но хронологія ея, относящаяся къ этой эпохѣ, вообще невѣрна; что ясно изъ сличенія событій съ иноземными извѣстіями о нихъ. На эту невѣрность обстоятельно указываетъ Дашкевичъ въ своей монографіи «Княженіе Даніила Галицкаго по русскимъ и иностраннымъ извѣстіямъ». К. 1873. Нѣкоторыя упоминанія о Ростиславѣ Михайловичѣ встрѣчаются въ латинскихъ грамотахъ короля Белы, напримѣръ, по поводу услуги Лаврентія, отдавшаго своего коня королевскому зятю, т. е. Ростиславу (Imago novae Hungariae. Изд. Тимона). О дальнѣйшей судьбѣ этого князя и его семейства см. изслѣдованія Палацкаго «О русскомъ князѣ Ростиславѣ, отцѣ чешской королевы и родѣ его» (въ переводѣ Бодянскаго въ Чт. Об. И. и Др. 1846. № 3) и Палаузова «Ростиславъ Михайловичъ, русскій удѣльный князь на Дунаѣ въ XIII вѣкѣ». Спб. 1851. Палаузовъ между прочимъ отождествляетъ его съ тѣмъ загадочнымъ Ῥῶσος Οὖρος, который является у византійскаго историка Акрополиты какъ тесть юнаго болгарскаго царя Михаила Іоанновича и его посредникъ при заключеніи мира съ никейскимъ императоромъ Ѳедоромъ Ласкарисомъ (Acrop. cap. 62); тогда какъ Палацкій полагаетъ, что подъ этимъ Росос Урос надо разумѣть сербскаго короля Стефана Уроша. Брунъ въ своей статьѣ «Догадка касательно участія Русскихъ въ дѣлахъ Болгарскихъ въ XIII и XIV вв.» (Журн. М. Нар. Пр. 1878. Декабрь) болѣе наклоненъ къ мнѣнію Палацкаго.

[64]) Лѣтопись Ипатская. Что Даніилъ уже въ 1245 году отправился къ Батыю, а не въ 1250, какъ это сказано въ Ипат. лѣт., о томъ ясно свидѣтельствуетъ Плано Карпини. Расказывая о свиданіи Даніила съ Угорскимъ королемъ и императорскими послами въ Пожогѣ, Ипатская лѣтопись говоритъ: «Нѣмцы же дивящеся оружью Татарскому; бѣ бо кони въ личинахъ и въ коярѣхъ кожаныхъ, и людье во ярыцѣхъ и бѣ полковъ его свѣтлость велика, отъ оружья блистающася. Самъ же ѣха подлѣ короля, по обычаю Руску, бѣ бо конь подъ нимъ дивленію подобенъ» и пр. Татарское вліяніе, а слѣдовательно и татарское вооруженіе не могли еще проникнуть въ отдаленную отъ Золотой Орды Галицкую Русь; для этого нужно значительное время; а Даніилъ только за три года передъ тѣмъ призналъ себя данникомъ хана. Хотя это свиданіе въ Ипат. лѣт. помѣщено подъ 1252 г., но также не вѣрно. Принимая въ

расчетъ участіе въ данныхъ событіяхъ императора Фридриха II (скончавшагося въ 1250), оно происходило ранѣе 1249 года. Слѣдовательно было бы ошибкою принимать буквально помянутое выраженіе лѣтописи о татарскомъ вооруженіи галицкаго войска. Это вооруженіе и сбруя были чисто русскія, хотя и отзывались восточнымъ характеромъ: сношенія съ востокомъ и восточное вліяніе существовали съ незапамятныхъ временъ. Могло быть впрочемъ, что въ войскѣ Даніила находился какой либо вспомогательный татарскій отрядъ.

[65]) Ипат. лѣт. Плано Карпини. Относящіяся сюда папскія грамоты изданы Тургеневымъ въ Historica Russiae Monumenta. T. I. Вообще все это дѣло съ уніей при Даніилѣ Романовичѣ за недостаткомъ обстоятельныхъ извѣстій остается пока не совсѣмъ яснымъ. Является вопросъ: вмѣстѣ съ коронованіемъ была ли формально принята Даніиломъ унія Червонно-Русской церкви съ Римскою. Одинъ изъ спеціальныхъ историковъ того края Шараневичъ въ своей «Исторіи Галицко-Володимірской Руси» (Львовъ. 1863) рѣшаетъ этотъ вопросъ положительно (стр. 98), т. е. считаетъ несомнѣннымъ, что князь и Галицко-русское духовенство признали унію и подчинили свою церковь папѣ. Онъ основывается на слѣдующихъ словахъ Ипатьев. лѣтописи: «Онъ же вѣнецъ отъ Бога прія, отъ церкви святыхъ Апостолъ и отъ стола св. Петра и отъ отца своего папы Некѣнтія и отъ всѣхъ епископовъ своихъ. Некѣнтій бо кляньше тѣхъ хулящимъ вѣру Грѣцкую правовѣрную и хотящу ему сборъ творити о правой вѣрѣ о воединеньи церкви. Данило же прія отъ Бога вѣнецъ въ городѣ Дрогичинѣ, идущу ему на войну со сыномъ Львомъ и со Сомовитомъ княземъ Лядьскимъ». Здѣсь, хотя и видимъ весьма почтительное отношеніе лѣтописца къ папѣ и къ союзу съ нимъ Даніила, но говорится собственно о коронованіи королевскимъ вѣнцомъ; при чемъ соборъ о соединеніи церквей имѣлся еще только въ виду. (Разсужденіе объ отношеніяхъ къ папѣ см. у Дашкевича. 153. прим. 5).

[66]) Ипат. лѣт. Объ участіи Даніила въ битвѣ 1260 г. на Моравѣ говоритъ Оттокаръ въ своемъ письмѣ къ папѣ Александру IV. Histor. Rus. Monum. II. 348. Объ участіи галицко-волынскихъ князей въ походѣ Бурундая на Судомірско-Краковскую область упоминаютъ и польскіе историки, напримѣръ Кромеръ (De Origine et

rebus gestis Polonorum. Lib. IX). Только онъ ошибочно называетъ при этомъ самого Данiила, который тогда пребывалъ въ Венгріи.

[67]) Ипат. лѣт. Обыкновенно русская исторіографія слегка упоминаетъ о ятвяжскихъ походахъ Даніила. Но мы дорожимъ тѣми подробностями, которыя сообщаетъ о нихъ современникъ и повидимому участникъ ихъ волынскій лѣтописецъ. Въ этихъ подробностяхъ ясно отражается политическая и бытовая сторона того края.

[68]) Ипат. лѣт. Густын. лѣт. Kronika Богуфала и Годомысла Паска (у Бѣлевскаго т. II). Historia Polonica Длугоша. Kronika Стрыйковскаго. Kronika Litewska (такъ наз. Лѣтопись Быховца). Chronicon Livoniae Германа Варнеберга (Scriptores rerum Prussicarum т. II). Livländische Reimchronik Дитлиба Фонъ Альнпеке (Scriptores rerum Livonicarum. т. I). Chronicon Prussiae Дюисбурга. Historica Russiae monumenta. т. I. (папскія грамоты относящіяся къ обращенію и коронованію Миндовга №№ LXXXI—XCIII). Scarbiec diplomatów, posługujących krytycznego Vyjasnienia dzieyów Litwy, Rusi Litewskiej i osciennych im Krajow Даниловича т. I. Wilno. 1860. «Русско-Ливонскіе акты» (См. грамоты касающіяся Миндовга и Герденя).

Относительно событій Литовской исторіи въ данную эпоху изъ всѣхъ лѣтописныхъ извѣстій, русскихъ, польскихъ, ливонскихъ и прусскихъ, самыя достовѣрныя и обстоятельныя пранадлежатъ Волынской лѣтописи, которой мы преимущественно и держимся въ своей передачѣ. Ограничиваюсь при этомъ самымъ краткимъ обзоромъ этихъ событій, потому что темный періодъ Литовско-Кривской исторіи до появленія Гедимина остается пока недостаточно разъясненнымъ; въ особенности неясно возвышеніе Миндовга и его рода, по совершенному недостатку о томъ источниковъ. Тѣмъ не менѣе фантастическая хронологія и генеалогія литовскихъ князей и многіе баснословные о нихъ расказы, встрѣчающіеся особенно у Стрыйковскаго и Быховца и проникшіе отсюда въ позднѣйшую польско-литовскую исторіографію, въ настоящее время уже отвергнуты и отчасти исправлены. Укажу на труды: Боннеля (Russisch—Liwländische Chonographie . S. Ptrsb. 1862), Бѣляева («Очерки исторіи Сѣверозап. края». Вильно 1867), Дашкевича («Княженіе Даніила Галицкаго». Кіевъ 1873) и особенно Антоновича («Очеркъ исторіи Великаго княжества Литовскаго». Кіевъ 1878).

[69]) Основнымъ источникомъ при изложеніи событій Югозападной Руси во второй половинѣ XIII вѣка служитъ таже Галицко-Волынская лѣтопись, изданная по Ипатскому списку, прекращающаяся 1292 годомъ. Событія этой эпохи очевидно записаны современникомъ, хорошо знавшимъ обстоятельства, и потому подробности имъ сообщаемыя особенно драгоцѣнны. Пособія тѣже, которыя приведены выше.

Въ 1767 г. въ Львовскомъ Лаврскомъ монастырѣ послѣ пожара открыты въ каменной часовнѣ задѣланныя въ стѣнѣ двѣ гробницы, обитыя серебряными бляхами и украшенныя искусною рѣзьбою; на одной изъ нихъ вырѣзано имя Льва. Серебро перетоплено и обращено на обновленіе монастыря и церкви. («Критико-Историческая Повѣсть Червонной Руси» Зубрицкаго. 63).

Любопытную черту изъ дѣятельности галицко-волынскихъ князей представляютъ построенныя ими каменныя вежи. Кромѣ указанныхъ построеній Даніила и Владиміра Васильковича, Волынская лѣтопись упоминаетъ еще подъ 1291 г. о заложеніи каменнаго столпа въ городѣ Чарторыйскѣ. Нѣкоторыя соображенія объ этихъ вежахъ см. у Петрушевича въ его изслѣдованіи о Холмской епархіи и въ Encyklopedia powszechna (т. V. «Chelmskie wiezy»). Каменецкая вежа, Гродпен. губ. Брест. уѣзда, описана у Бобровскаго («Гродненская губернія» т. II. стр. 1047) и у Срезневскаго (въ «Свѣдд. и замѣтк. о малоизвѣстныхъ и неизвѣстн. памятникахъ». Спб. 1867.). По поводу похода Телебуги и Ногая на Угрію и Польшу см. Архимандрита Леонида «Ханъ Ногай и его вліяніе на Русь и Южныхъ Славянъ» (Чтенія Об. И. и Др. 1868. кн. 3).

ПОПРАВКИ.

Къ стр. 83. Децина или Дицина есть одна изъ болгарскихъ рѣчекъ, впадающихъ въ Черное море. О ней упоминаетъ еще Конст. Багрянород. въ De administr. imperio. Слѣдовательно схватка кіевскихъ насадовъ съ берладниками произошла не въ низовьяхъ Днѣпра, а у береговъ Болгаріи.

Къ стр. 95. Житіе Авраамія Смоленскаго относится не къ XII вѣку, какъ прежде полагали (напр. въ Истор. Рос. іерархіи), а ко второй половинѣ XII и первой четверти XIII вѣка. См. о томъ Ключевскаго «Древнерусскія житія святыхъ» 56.

Къ стр. 133. Крещеніе Карелы Ярославомъ Всеволодовичемъ относится къ 1227 году.

Къ стр. 295. Кромѣ преданія о Янѣ Усмовичѣ имѣемъ еще лѣтописное указаніе на двѣ боярскія семьи, возвысившіяся изъ простолюдиновъ: именно, галицкіе Домажиричи и Молибоговичи, которые происходили «отъ племени смердья» (Ипат. подъ 1240 г.).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

